БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Н. И. БУХАРИНА ✧ В. В. КУЙБЫШЕВА
М. Н. ПОКРОВСКОГО ✧ В. П. ЗАТОНСКОГО
Ф. А. РОТШТЕЙНА ✧ Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА
Л. Н. КРИЦМАНА ✧ Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО
Ю. Л. ПЯТАКОВА ✧ Н. М. ЛУКИНА ✧ В. МИЛЮТИНА
Ю. ЛАРИНА ✧ Н. ОСИНСКОГО ✧ А. Б. ХАЛАТОВА
О. Ю. ШМИДТА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
О. Ю. ШМИДТ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ВИЛЬОМ — ВОДЕМОН

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“
МОСКВА ✧ 1930

Издание осуществляется Акционерным Об-вом „Советская Энциклопедия" при Коммунистической Академии ЦИК СССР, пайщиками которого состоят: Государственное Издательство РСФСР, Государственное Медицинское Издательство РСФСР, Изд-во Коммунистической Академии, ВЦСПС, Гострудиздат, Изд-во „Работник Просвещения", Изд-во Н. К. Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР, Изд-во „Известия ЦИК СССР", Изд-во „Правда", Акционерное Об-во „Международная Книга", Государственный Банк СССР, Банк Долгосрочного Кредитования Промышленности и Электрохозяйства СССР, Внешторгбанк СССР, Мосполиграф, Госстрах СССР, Всебумпром, Центросоюз, Госпромцветмет, Всесоюзный Текстильный Синдикат, Анилтрест, Азнефть, Резинотрест, Сахаротрест, Орудийно-Арсенальный Трест. Председатель Правления Н. Н. Накоряков. Члены: О. Ю. Шмидт, И. Е. Гершензон, А. П. Спунде, П. Г. Саратовцев, Л. И. Стронгин, Э. Ф. Розенталь.

Все листы XI т., за исключением статьи ВКП(б), отпечатаны в 1928 г. Редакционная работа по статье ВКП(б) закончена 15 мая 1930 г. В виду увеличения объема статьи ВКП(б) против первоначально предположенного, начиная с этой статьи дается самостоятельная нумерация страниц.

Адрес Редакции Большой Советской Энциклопедии и конторы Акционерного Об-ва: Москва, Волхонка, 14.

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ И ПОДОТДЕЛОВ

СПИСОК КРУПНЫХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В XI ТОМЕ

ВКП (б)

ВКП (б), Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). Содержание:

Часть первая.

Главные этапы истории партии.

Часть вторая.

От группы «Освобождение труда» до XV съезда ВКП(б).

Часть первая.

ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ПАРТИИ.

I. Введение.

Название партии. ВКП (б). Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)—это название носит в наст. время коммунистическая партия революционного пролетариата Союза Советских Социалистических Республик. В 1898 году I съезд присвоил партии наименование «Российской социал-демократической рабочей партии». В 1903 возник большевизм. Ленин неоднократно подчеркивал, что «большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года». С этого момента революционная пролетарская партия в России, не переставая называться Российской с.-д. рабочей партией, фактически, в партийном обиходе получает наименование партии «большевиков». После Октябрьской Революции, установившей в стране диктатуру рабочего класса, на VII съезде, в 1918, партия меняет свое название и с этого момента до 1925 именуется «Российской коммунистической партией (большевиков)», а после образования Союза Советских Социалистических Республик (в декабре 1922), на XIV съезде в 1925 получает название ВКП (б).

Т. о., в течение 30 лет своего существования, считая с момента созыва первого съезда в 1898 году, партия революционного пролетариата б. царской империи, а ныне Союза Советских Социалистических Республик, действовала под разными названиями, сохраняя неразрывную преемственность своей истории, непоколебимую верность революционным традициям и единство цели. На протяжении истекших 30 лет партия неизменно имела единую конечную цель борьбы—достижение коммунизма. Исторический путь развития ВКП (б) следует рассматривать как единый процесс развития единой партии, прошедшей во главе рабочего класса через различные исторические эпохи в стране, пережившей за последнюю четверть века три революции и проделавшей громадный путь от господства крепостников-помещиков до установления диктатуры пролетариата и строительства социализма. Смена исторических эпох, в обстановке к-рых приходилось действовать ВКП (б), каждой из к-рых соответствовало новое соотношение классовых сил, обусловливала изменение ближайшей цели, т. е. основного для данной эпохи стратегического маневра. Это накладывало отпечаток на развитие и деятельность партии и тем самым обусловило деление истории партии на определенные периоды.

Пролетарская партия — авангард рабочего класса. Пролетарская партия является авангардом рабочего класса. Выделение этого «авангарда» есть одновременно процесс соединения рабочего движения с революционной пролетарской теорией, т. е. с революцион. марксизмом и ленинизмом. «На основании

Прим. Статья ВКП(б) состоит из двух частей: первая—«Главные этапы истории партии» и вторая—«От группы „Освобождение труда" до XV съезда ВКП(б)». История партии, т. обр., доведена до XV партсъезда. 1-я часть написана нижеподписавшимся, а 2-я часть—группой моих сотрудников по ВКП(б). Т. Рыклину принадлежат главы I, II, III и IV, т. Эльвову—глава V и первая половина главы VI, т. Минцу—вторая половина главы VI (1906 и 1907 гг.), т. Иванову—гл. VII и VIII, т. Рахметову—гл. IX, X и XI, т. Геранимусу—гл. XII и XIII, т. Бронину—гл. XIV и XV и т. Нижечку—гл. XVI. Почти все главы второй части были подвергнуты сокращению т. Ивановым, а затем были мною просмотрены и окончательно отредактированы, при чем большинство из глав были мною подвергнуты значительной переделке. В редакционном просмотре текста статьи, а также в проверке составов съездов, цитат, дат и т. д. принимала участие группа сотрудников Института Ленина при ЦК ВКП б). Ими же была составлена и библиография к статье. Статистические таблицы приготовлены Статотделом ЦК ВКП(б) под руководством т. Смиттен.

Несмотря на значительный объем нашей работы, в ней имеются существенные пробелы. В ней нет подробного изложения учения Ленина об империализме (об этом лишь кратко говорится в первой части и в соответствующих главах второй части). Проблема строительства социализма в одной стране освещена лишь во второй части ВКП(б). В нашей работе нет также и анализа роли ВКП(б) в истории Коминтерна; об этом в самом сжатом виде имеются лишь общие указания (в первой и второй частях), но без деталей и необходимых разъяснений.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что в ходе изложения идей и фактов истории ВКП(б) нами неизменно вносились элементы партийной «современности». Мы исходили при этом из того, что пролетарский революционер, член ленинской партии, берущий в руки перо историка, не может быть «объективным» обозревателем партийной истории, а обязан быть активным борцом за ленинизм против всех и всяческих извращений революционной теории Маркса-Энгельса-Ленина.

А. Бубнов.

этого процесса, — писал Ленин, — происходит постепенное выделение единиц, десятков, сотен, а затем тысяч сознательных пролетариев, к-рые и сплачиваются в политическую организацию рабочего класса, к-рая является его частью, к-рая впитывает в себя то, что в рабочем классе есть лучшего, наиболее героического, устойчивого, самоотверженного, передового, сознательного, и является, таким образом, авангардом рабочего класса, т. е. его партией».

Ленин придавал исключительное значение теории в революционном движении. Определяя задачи рус. с.-д-тии, Ленин в «Что делать?» особенно подчеркивал, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией». Борясь против эклектизма и беспринципности, а также и против беззаботности в вопросах теории, Ленин, м. пр., ссылался на Энгельса и указывал, что «Энгельс признает не две формы великой борьбы с.-д-тии (политическую и экономическую),—как это принято делать у нас,—а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу» [Ленин, Соч., изд. 2 (или 3), том IV, стр. 380—381. Все последующие ссылки сделаны по этому изданию, если не оговорено особо].

Без исключительного внимания к вопросам теории нельзя было правильно осуществлять руководство той грандиознейшей борьбой, которая велась рабочим классом и его партией на протяжении трех последних десятилетий. Партия дала блестящий пример того, как можно и должно использовать теорию в интересах достижения практических успехов борьбы рабочего класса против его классовых врагов. — Ленин и партия достойны величайшего внимания всего международного пролетариата и всех братских коммунистических партий не только потому, что они дали пример верности революционной теории на протяжении долгих лет борьбы, внимания к вопросам революционной теории в интересах практики рабочего движения и умения использовать революционную теорию в интересах борьбы рабочего класса с его многочисленными врагами, но и потому, что они на основе верности революционной теории марксизма и умения надлежащим образом использовать это могучее орудие классовой борьбы пролетариата сумели двинуть вперед разработку целого ряда вопросов марксистской теории.

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса,— писал Ленин из сибирской ссылки в 1899 году,—как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, к-рую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» (Ленин, Соч., т. II, стр. 402).—А в 1902, в «Что делать?», Ленин, указывая на международный характер с.-д. движения, подчеркивал, что «это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта др. стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо умение критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его» (Ленин, Соч., том IV, стр. 380).

Ленинизм возник «на самой прочной базе теории марксизма». И одновременно с этим, на основе нового опыта классовой борьбы пролетариата, ленинизм произвел «самостоятельную разработку» революционной теории марксизма. И произвел он это в результате теоретического усвоения не только опыта трех революций, но также впитав и использовав опыт борьбы международного пролетариата. Если марксизм, говоря словами Ленина, «Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв» (Ленин, Сочинения, том XXV, стр. 175), то ленинизм, возникший «на этой гранитной теоретической базе», развил теорию Маркса в результате усвоения опыта классовой борьбы не только России, не только стран мирового капитализма, но также империалистических колоний и полуколоний. Ленинизм является «законным преемником» революционного марксизма, восприняв и отстояв целиком и полностью основы революционной теории марксизма. В виду того, что,—как утверждал Ленин,— учение социализма «выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, к-рые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией», то и в России, по мнению Ленина, «теоретическое учение с.-д-тии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционной социалистической интеллигенции» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 384—385).

Возникшая в 1883 группа «Освобождение труда» является родоначальницей с.-д-тии в России в том смысле, что она, в результате критической проверки практического опыта революционного народнического движения 70-х и 80-х гг. и соприкосновения с теорией и опытом западно-европейского рабочего движения, пришла к теории марксизма и своей работой заложила теоретический фундамент для революционной пролетарской партии в России. Группа «Освобождение труда» непосредственно связана с революционным народничеством, она в лице своих представителей вышла из народничества и ушла от него в результате пересмотра теории и практики народническ. деятельности целого десятилетия. Основатель группы «Освобождение труда», Плеханов, подчеркивал, что именно «этот опыт лег в основу всей нашей критики старых русских программ и теорий». Но одновременно с этим, касаясь вопроса о теоретич. наследстве народничества, Плеханов категорически утверждает, что «в теоретическом отношении 70-е гг. давали нам чрезвычайно мало, т. к. „наследство", завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной пропасть, к-рая отделяла „рус. социализм" бакунинского и лавристского оттенков от научного социализма Зап. Европы и которую, однако, надо было заполнить для того, чтобы вывести революцион. мысль из тупого переулка». Выходом из тупика и был переход чернопередельцев на позицию марксизма (Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 92).

Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что революционное народничество и в особенности деятели старой «Народной Воли»...—«сумели сыграть громадную роль в русской истории», как на это указывал Ленин, который, отлично понимая значение «Народной Воли» как партии крестьянской революции, в то же время отмечал, что знаменем народнического движения «служила вовсе не революционная теория».

В статье «Две утопии» (относится к 1912) Ленин писал, что «в старой марксистской литературе 80-х годов прошлого века можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро» («из шелухи народнических утопий», *А. Б.*), и тут же он добавлял — «когда-нибудь историки изучат это стремление и проследят связь его с тем, что получило название „большевизма" в первое десятилетие 20 века» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 164—166).

Но, придя от народничества к марксизму, необходимо было отстоять основы теории Маркса от народничества 90-х годов, от эсерства 900-х годов и от различных разновидностей мелкобуржуазного оппортунизма, возникавших и действовавших на протяжении всего первого периода внутри Российской социал-демократическ. партии. В силу своеобразия исторического развития нашей страны, оригинальности соотношения классовых сил на территории быв. царской империи, получилось так, что отстаивание основ марксизма и последовательное применение его к своеобразным условиям российской обстановки, а также и учет опыта борьбы международного пролетариата привели к самостоятельной разработке марксовой теории и к созданию того, что ныне называется ленинизмом.

Ленинизм является дальнейшим развитием марксизма, к-рый был выстрадан нами, именно потому, что, как указывал Ленин, «благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине 19 в. таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175). Это и явилось международной базой для укрепления и развития в нашем революционном пролетарском движении марксизма и ленинизма. «Ленинизм,—определяет Сталин,—есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин И., Вопросы ленинизма, изд. 6, стр. 74, М., 1929).

В 1899 Ленин формулирует положение, что именно для рус. социалистов «особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса». А в течение всей своей последующей революционной жизни Ленин на деле выполнил то, что он выдвигал в качестве одной из важнейших задач перед «русскими социалистами». Ленин является великим строителем партии потому, что, пройдя через эпоху буржуазно-демократической революции, через период первой мировой империалистской войны и через начало пролетарской революции, он неуклонно стоял во главе революционного рабочего движения, во главе строительства Коммунистического Интернационала и дал рабочему классу России и всему международному пролетариату теорию мировой пролетарской революции.—Ленинизм стал теорией международного пролетариата также и в силу того, что Россия особым сплетением исторических обстоятельств стала исходным пунктом развития мировой пролетарской революции. Наша страна стояла перед буржуазно-демократической революцией, а с другой стороны, при создавшихся условиях как внутрироссийских, так и международных, эта буржуазно-демократическая революция имела все шансы перерасти в революцию социалистическую и этим самым начать эпоху мировой пролетарской революции. Т. о., теория ленинизма оформилась как теория мировой пролетар. революции.

«История,—писал Ленин,—поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы рус. пролетариат авангардом международн. революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 382). А после Октября, в советский период рус. истории Ленин писал, что «рус. образец показывает всем странам кое-что и весьма существенное из их неизбежного и недалекого будущего», и здесь же добавлял: «отсюда международное „значение" (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики» (Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 171). И недаром партия сыграла (и играет) столь выдающуюся, исключительную по своему значению роль в создании и развитии Коммунистического Интернационала.

Особенности развития ВКП (б). История партии является историей грандиознейшей маневренной войны пролетариата против его классовых врагов в обстановке непрерывно изменявшихся классовых взаимоотношений на протяжении трех последних десятилетий. В брошюре «Социализм и война» (август 1915) указывается, что «социал-демократия в России возникла перед буржуазно-демократической революцией (1905) в нашей стране и окрепла во время революции и контр-революции» (Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 223).

Своеобразие развития пролетарской партии в России обусловливается как особенностями процесса развития революционной теории, так и особенностями развития революционного рабочего движения, шедшего во главе многомиллионных масс, задавленных как пережитками крепостничества, так и вар-

варской эксплоатацией капитализма. «Ни в одной стране,—писал Ленин,—не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, к-рая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее „последнее слово" америк. и европейского политического опыта» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175). И основные корни своеобразного развития обоих этих процессов, в результате соединения которых и создавалась коммунистическая партия, лежали в целом ряде характернейших особенностей, присущих экономике б. царской России. «Своеобразие нашей страны и своеобразие исторического момента, создание в ней с.-д-тии состоит в том,—писал Ленин,—что у нас—в отличие Европы—с.-д-тия начала складываться до буржуазной революции и продолжает складываться во время нее», а затем у нас «форма» борьбы за выделение пролетарской демократии из общебуржуазной и мелкобуржуазной—«не столько борьба за марксизм, сколько борьба за или против мелкобуржуазных теорий, прикрываемых „почти марксистской" фразой».

Царская Россия вступила на путь капиталистического развития одной из последних среди стран и государств европейского континента. В России промышленный капитализм стал делать заметные шаги в то время, когда Европа была уже страной развитого капитализма, более того, когда в господствующих государствах Европы начал оформляться финансовый капитализм. Это не могло не наложить на развитие капитализма в России целого ряда особенностей. Это предопределило крупнейшую роль иностранного капитала в истории развития российского капитализма. Это наложило значительнейший отпечаток на всю историю самодержавно-крепостнического режима в России, на историю ее буржуазии, а следовательно, не могло не отразиться также и на ходе классовой борьбы пролетариата на протяжении последнего пятидесятилетия. Крупнейшим фактором явилось также и то, что развитие капитализма в России происходило в условиях самодержавно-крепостнического строя, т. е. в полуфеодальной обстановке. Это уродовало развитие капитализма, налагало на него опять-таки целый ряд своеобразных отпечатков. В то же время, наряду с варварскими формами и пережитками полуфеодального порядка, мы имели в России налицо самые высокие формы развитого капитализма с сопровождающими их мощными кадрами рабочего класса. В силу тех же обстоятельств, мы имели налицо и политически дряблую крупную буржуазию, имевшую слабые экономические и политические корни в стране. И, наконец, в России имелись многомиллионные массы крестьянства, к-рые жили под пятой жесточайшей эксплоатации и полукрепостнического гнета в деревне. Т. о., с одной стороны—остатки докапиталистических форм и все признаки отсталой варварской экономики; с другой стороны—в городах гигантские предприятия, которые являлись сосредоточием громадных масс вышколенного капитализмом пролетариата. Этот контраст чрезвычайно сильно и ярко сказался на всем ходе рабочего движения, на всем развитии освободительного революционного движения в России.

В № 1 «Искры» Ленин, отмечая, что с.-д-тия есть соединение рабочего движения с социализмом, указывал: «в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени» (Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 56). В России соединение рабочего движения с социализмом, давшее в результате образование ВКП (б), также «вырабатывалось особым путем». Пролетарской партии в России приходилось начинать свою деятельность в такой обстановке, где, как указывала партийная программа 1903, «сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка», из к-рых «самым значительным являлось царское самодержавие». В силу этого, партия своей ближайшей целью ставила «низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой». Ленин подчеркивал, что «история всего рус. социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политич. свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием» (там же, стр. 57).

Переломным моментом в истории России 20 в., в истории революционного движения эксплоатируемых масс и в истории развития нашей партии была первая российская революция — революция 1905—1907. Активное участие масс и невиданная обостренность классовой борьбы в период революции с громадной силой выдвинули на первый план вопрос о диктатуре революционных классов. Своеобразие российской революции 1905 требовало от партии разрешения величайших тактических задач в совершенно новых, не имевших примера ни в одной из стран мира, условиях как внутренних, так и международных. Эти обстоятельства и были основными причинами, к-рые создали новую эпоху в развитии пролетарской партии. Перед партией стояла на очереди дня такая задача, к-рая являлась «наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой-либо другой страны». Эта задача, в соответствии с своеобразием отношений между классами в ходе первой революции, требовала новых методов борьбы и новой тактики.

В своей речи перед швейцарской рабочей молодежью в 1917, посвященной революции 1905, Ленин указывал, что «своеобразие рус. революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 345). Пролетарской она была не только потому, что пролетариат был «авангардом движения», но и потому, как указывал Ленин, что «рус. революция является в мировой исто-

рии **первой**, но она будет, без сомнения, не последней великой революцией, в к-рой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль» (Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 345).—Пролетариат, являвшийся «руководящей силой» движения, должен был действовать при таком соотношении классовых сил, когда его союзником в революционной борьбе с царизмом могло быть лишь крестьянство. Ближайшая задача партии осталась прежней, т. е. низвержение самодержавия и замена его демократической республикой, но, в результате изменения соотношения классовых сил, в этот лозунг большевизмом было внесено новое содержание, а именно—партия выдвинула лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в котором была заложена идея перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. При чем Ленин писал, что только в этом случае пролетариат «наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 65). В апреле 1905 в тезисах «Еще о Временном правительстве» Ленин, касаясь вопроса о «различии между революционным правительством (α) и революционной диктатурой (β), указывал, между прочим, что β неизбежно временно (либо переход к буржуазной диктатуре, к поражению пролетариата, либо к социалистической диктатуре)» (Ленинский сборник, V, стр. 123, курсив автора).

Пройдя через годы послереволюционной царистской реакции и нового революционного подъема, через жесточайшие годы империалистской войны, большевизм с громадным политическим опытом борьбы подошел к Февральской, а потом и к Октябрьской революциям. — Свержение царского самодержавия в обстановке империалистской войны выдвинуло перед рабочим классом в качестве ближайшей новую задачу, которая в первоначальном проекте партийной программы была формулирована след. обр.: «Перед партией пролетариата встает непосредственная задача борьбы за государственное устройство, наилучше обеспечивающее, как экономическое развитие и право народов вообще, так и возможности наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности».

Если на всю историю большевизма доoктябрьского периода взглянуть с этой точки зрения, то пятнадцатилетняя борьба большевизма с меньшевизмом, троцкизмом, примиренчеством, мелкобуржуазным эсеровским авантюризмом, отзовизмом, ликвидаторством и социал-шовинизмом внутри рабочего движения была не чем иным, как подготовлением элементов такой пролетарской партии, которая на деле смогла бы непосредственно руководить классовой борьбой пролетариата в эпоху, переходную от капитализма к социализму, т. е. была бы в состоянии не только повести борьбу за диктатуру пролетариата, не только победоносно завершить это величайшее в мировой истории дело, но и развернуть практически программу строительства социализма, неизменно выступая на всех этапах своей истории как партия международных пролетарских революционеров.

Три периода в развитии ВКП (б). ВКП (б) является единственной в мире партией, которая, зародившись в эпоху царизма, до начала буржуазной революции, сложилась и оформилась в эпоху буржуазно-демократической революции, и, наконец, она руководила борьбой широчайших масс как в эпоху первой империалистской войны и победоносного начала пролетарской революции, так и в эпоху практического строительства социализма на территории Союза Социалистических Советских Республик, являясь руководящей партией Коминтерна.—Революционная соц.-д-тия — большевизм — ВКП (б) является единой пролетарской партией, действующей в различные исторические моменты перехода от самодержавно-крепостнического режима к укреплению на территории бывшей царской империи Союза Советских Социалистических Республик. При единстве конечной цели, в зависимости от изменения соотношения классовых сил, менялись те ближайшие цели, к-рые выдвигались перед партией революционного пролетариата, т. е. менялось основное направление стратегического маневра в зависимости от условий переживаемого периода. Каждый из этих периодов в истории развития ВКП (б) был продолжением предыдущего и подготовлением элементов для последующего; все вместе они составляют единую историю пролетарской партии в стране, рабочий класс к-рой начал с борьбы против царского самодержавия, а ныне с беспримерной настойчивостью через все трудности продвигает вперед практическое строительство социализма на территории бывшей царской империи.—В мае 1921 на партконференции Ленин сказал: «Если сравнить всю работу коммунистической партии с четырехлетним курсом высших наук, то наше положение можно определить так,—мы держим переходный экзамен с 3-го на 4-й курс»; при этом Ленин устанавливал такую «периодизацию» всей истории ВКП(б): «Если считать по курсам, то первый курс был с 70-х гг. прошлого столетия до 1903 г., первоначальный, вступительный период от народовольчества, с.-д-тии и 2 Интернационала к большевизму. Это—первый курс. Второй курс с 1903 г. по 1917 г.; тут серьезная подготовка к революции и первый опыт революции 1905 г. Третий курс—1917 по 1921 г.; тут 4 года, к-рые по своему содержанию больше, чем первые 40 лет» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 259).

II. Партия в эпоху царизма до начала буржуазно-демократической революции.

Характеристика периода зарождения и образования пролетарской партии. Большой исторический период с начала 80-х до начала 900-х гг. был периодом зарождения, возникновения и образования революционной с.-д. партии в России. Ленин говорит, что годы с 1884 по 1894 были периодом «возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии». В это время «социал-демократия существовала без рабочего дви-

жения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 499).

За этим первым этапом в развитии революционной социал-демократии в России следует второй (1894 — 1898), сущность которого Ленин определяет следующими словами: «социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия».—С 1898 года начинается новый период—«это период разброда, распада, шатаний» (Ленин, там же). Ленин не указал даты окончания этого периода, но совершенно очевидно, что разброд и шатания в рядах пролетарской партии на этой стадии в ее развитии были преодолены в первые годы двадцатого столетия. Работа «Искры» и подготовленный ею II съезд партии были ярким выражением этого преодоления. Необходимо отметить утверждение Ленина, что именно в 1900 — 1903 «закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России».

Эти два десятилетия, в течение которых оформилась социал-демократия и были заложены «основы массовой партии революционного пролетариата», являются эпохой перехода России в стадию промышленного капитализма и нарастания массового рабочего движения. Аграрный кризис 80-х гг., промышленный подъем 90-х гг. и экономический кризис начала 900-х годов, в условиях самодержавно-крепостнического режима, создали те основные предпосылки, которые обусловили столь быстрое назревание массового движения, что оно в конце этой эпохи вплотную подошло к гражданской войне против царизма, т. е. к революции.

Говоря о «противоречивых условиях» русской жизни последней трети 19 века, Ленин указывал: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой». Аграрный кризис 80-х годов, в условиях многочисленных пережитков крепостничества в деревне, приводил к оскудению сельского хозяйства, к упрочению остатков крепостничества и ростовщической кабалы, а также и к обнищанию массы крестьянских хозяйств. Недоимки крестьянских хозяйств в 1885 равнялись 50 млн. рублей, а в 1890 они возросли до 143 млн. Аграрный кризис 80-х годов потому являлся одной из предпосылок революционного движения 900-х годов, что его разрушительное влияние на крестьянское хозяйство сказывалось на протяжении всего последующего десятилетия.

Исключительное значение для последующего развития массового движения в России имел промышлен. подъем половины 90-х годов. Если аграрный кризис 80-х гг. жестоко ударял по сельскому хозяйству, ставил русскую деревню на грань нищеты и вырождения, то промышленный подъем 90-х годов, за сравнительно короткий промежуток времени, поднимал экономику страны на высшую ступень развития, углублял классовые противоречия и в максимальной степени выдвигал на первый план величайшую силу революционного движения в лице промышленного пролетариата.

Промышленный кризис начала 900-х годов еще более углублял классовые противоречия в стране, с еще большей наглядностью обнаруживал коренное противоречие между ростом производительных сил и самодержавно-крепостническим режимом и тем самым гигантски форсировал нарастание массового революцион. движения. — В этой обстановке и проходила партия свой путь развития от группы «Освобождение труда» (1883) до II съезда РС-ДРП (1903).

Развитие промышленного капитализма. Экономический подъем 90-х годов был обусловлен всем предыдущим экономическим развитием страны и был форсирован экспортом к нам иностранного капитала. В свою очередь, он сам являлся крупнейшим фактором, в значительной степени предопределившим все последующее историческое развитие России.

С начала 60-х гг. по конец 90-х гг. сельское население увеличилось на 48,5%, а городское население — на 97%. В течение этого времени имел место быстрый рост железнодорожной сети, ежегодный прирост которой в половине 90-х гг. (с 1893 по 1897) составлял две с половиной тысячи километров. Товарооборот страны, свидетельствовавший о росте товарности народного хозяйства, возрастал таким образом: в 1880 он равнялся 3.090 млн. руб., в 1885—5.440 млн., в 1890—7.755 млн. и в 1895—9.690 млн.

Исследователи отличительных особенностей промышленного подъема 90-х гг. прежде всего подчеркивают его «специфически тяжело-индустриальный характер». С 1890 по 1897 доля продукции тяжелой индустрии в общей промышленной продукции поднялась с 22% до 25%, а доля продукции волокнистых веществ, относящейся к легкой индустрии, упала с 34,5% до 33,4%. Необходимо также указать на быстрейший рост механизации тяжелой индустрии. Характерной особенностью подъема 90-х гг. является могучее развитие тяжелой индустрии Донецкого бассейна, давшее яркие примеры концентрации производства. В южной русской металлургии участие в производстве чугуна мелких заводов (до одного миллиона пудов ежегодно) падает с 58,3% в 1891 до 26,5% в 1900. Наряду с этим, возрастает значение заводов с производством свыше 5 млн. пудов; так, семь южных заводов, с производством свыше 5 млн., сосредоточили в своих руках 72,5% всего производства чугуна в Донбассе и 76,8% всего производства рельс (в 1899).

Наряду с таким ростом промышленности и ее концентрацией, происходила и мобилизация рабочей силы. За 1890 — 1900 число рабочих в железной промышленности выросло на 74,4%, в каменноугольн.—на 170,5%, в нефтяной—на 283,3%. В связи же с концентрацией промышленности происходил процесс концентрации рабоч. силы на крупнейших предприятиях. В Донецком бассейне 7 крупнейших заводов, с производст-

вом свыше 5 млн. пудов ежегодно, сосредоточивали свыше 67% всех рабочих южной металлургии.

При этом рост промышленности в России в 90-х годах происходил в смысле темпа быстрее, чем в крупнейших странах Европы и Америки. Если взять, опять-таки, тяжелую индустрию, то высказанное выше положение подтверждается таким цифровым материалом: с 1890 по 1899 производство чугуна возросло в Англии на 18%, в Соединенных Штатах—на 50%, в Германии—на 72%, а в России—на 196%; добыча каменного угля за тот же период возросла в Англии на 22%, в Германии—на 52%, в Соединен. Штатах—на 61%, а в России — на 131%. Если взять для иллюстрации такую отрасль легкой промышленности, как прядильную, то и здесь мы наблюдаем то же самое: количество веретен за тот же период в Англии возросло на 3,8%, в Соединенных Штатах—на 26,6%, а в России—на 76,2%. Одновременно с этим рост численности рабочего класса в России обгонял американский рост. Приняв число рабочих в 1887 за 100, получаем в 1890 для России 117 и для Соединенных Штатов 116 (т. е. приблизительно одинаковый рост), а в 1900 для России уже 173, а для Соединенных Штатов лишь 143.

Таким образом, 90-е гг. подняли городскую экономику России до уровня индустриального капитализма. Но наряду с этим надлежит отметить, что в 90-х годах мы не имели еще ни хоть сколько-нибудь широкого синдицирования, ни руководящей роли банков в отношении к промышленности, ни процесса сращивания банков с промышленностью, хотя акционерное учредительство в 90-х гг. шло чрезвычайно быстро (в 1891—1900 было открыто 609 новых акционерных обществ), русские банки имели уже (1898) в своем портфеле 17—25% промышленных бумаг и наблюдался уже довольно значительный прилив в русскую промышленность иностранных капиталов (через иностранные банки); таким образом, в 90-х годах в России мы имели домонополистический капитализм. И это в то время, когда все крупнейшие страны Европы и Америки уже прочно стояли на базе финансового капитализма. «Для Европы, — писал Ленин, — можно установить довольно точно время о к о н ч а т е л ь н о й смены старого капитализма новым: это именно начало 20 века». И здесь же он конкретизировал эту дату следующим образом: «подъем конца 19 века и кризис в 1900—1903 гг.; картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм».

Промышленный подъем 90-х гг. превратил Россию в страну развитого капитализма, но это был еще «старый капитализм». Кризис 900-х гг. (1899—1902) вносил в экономику России новые изменения в том смысле, что он способствовал зарождению элементов монополистического капитализма, т. е. империализма. Но России начала 900-х годов было еще далеко до того момента, когда промышленный капитализм уже превратился в финансовый капитализм, хотя некоторые элементы этой высшей стадии капитализма были уже в то время налицо. Во время кризиса 900-х годов происходила реорганизация единоличных предприятий в акционерные общества, а также начали быстро расти и синдикатские организации. В 1901 году съезд горнопромышленников выносит постановление об организации синдикатов в железоделательной промышленности. В 1902 году было основано «Первое акционерное общество для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамета»), в 1903 было заключено соглашение машиностроительн. заводов для урегулирования производства и цен, в том же году был организован «Союз русских трубо - прокатных заводов», образован синдикат «Гвоздь» и т. д. Одновременно с этим происходил процесс синдицирования Донецкой каменноугольной промышленности, уральских углепромышленников и т. д. Этот же процесс наблюдался и в различных отраслях текстильной промышленности (джутовой, ниточной, полотняной и т. д.). Реорганизация промышленности происходила при прямом участии банков. — Кризис начала 900-х годов с чрезвычайной силой обнаружил и углубил также и основное противоречие российской действительности, противоречие между капиталистическим развитием и самодержавно - крепостническим режимом. — Промышленный кризис 900-х годов в России был теснейшим образом связан с общеевропейским кризисом, но он имел ряд, присущих только России того времени, специфических особенностей. Современные исследователи промышленного кризиса 900-х гг. указывают на то, что в России он отличался значительно большей глубиной, чем в Западной Европе (в России продукция чугуна снизилась за время кризиса на 16%, во Франции—лишь на 12% и в Германии—лишь на 8%), а одновременно с этим являлся более затяжным и длительным.

Движение 90-х и начала 900-х гг. Промышленный подъем 90-х годов сопровождался чрезвычайно быстрым ростом рабочего класса. Развитие тяжелой индустрии привело к тому, что в существовавшие до этого момента рабочие массы влился громадный поток рабочих железной и каменноугольной промышленности.

Рабочее движение 90-х гг. носило экономический характер, в то же время оно настолько значительно отличалось от рабочего движения предшествующих периодов, что, по характеристике Ленина, стачки 90-х гг. можно было назвать «сознательными». Рабочее движение начала 900-х гг. носило уже ярко выраженный политический характер. И если рабочее движение 90-х годов было, главным образом, движением текстильных рабочих, то начало 900-х годов отмечено могучими политич. выступлениями металлистов юга России.

Промышленный подъем 90-х гг. и кризис 900-х гг. выдвинули рабочий класс в качестве могучего фактора массового движения. За эти же годы сделало значительные шаги вперед массовое движение таких слоев городской мелкобуржуазной демократии, как студенчество и различные группы интеллигенции. Эти же годы были и периодом оживленной организации земско-городских

элементов буржуазного либерализма. «Балалайкины буржуазного либерализма» в то время не обнаруживали еще в достаточной степени явно своего намерения заключить сделку с царизмом, хотя уже и в те годы вскрывались такие качества либеральной буржуазии, к-рые подтверждали известную характеристику, что «чем дальше на восток, тем подлее буржуазия». До начала массового революционного движения в 900-х годах буржуазный либерализм выступал с весьма куцой политической программой, он начал продвигаться «влево» лишь под непосредственным напором нарастающего движения. Но то же самое нарастание движения в дальнейшем ходе развития революции отбросило российский либерализм в лагерь контр-революции.

Крестьянское движение этих годов находилось еще в первоначальной стадии своего развития. Но если в 90-х годах оно носило, по словам одного исследователя, случайный и разрозненный характер, то в первые годы 20 в. оно ознаменовалось такими событиями, как движение 1902 в Полтавской и Харьковской, Саратовской и других губерниях. Развитие крестьянского движения за 1900—1904 гг. видно из следующих данных о числе крестьянских революционных выступлений: в 1900 их было (в Европейской России)—48, в 1901—50, в 1902—340, в 1903—141 и в 1904—91. Так. обр., за рассматриваемые два десятилетия (90-е и 900-е гг.) капиталистическое развитие России поднялось до стадии промышленного капитализма с высокой степенью концентрации производства, с ростом банковского капитала, с значительнейшим удельным весом иностранного капитала и с неизбежно сопровождающей все эти процессы концентрацией рабочего класса. Но это еще был капитализм доимпериалистической эпохи. Рабочий класс этой эпохи находился уже в такой стадии, что быстрая мобилизация и концентрация рабочей силы на крупных и крупнейших капиталистических предприятиях предопределили в условиях самодержавно-крепостнического строя выход рабочей массы на открытую арену классовой борьбы в качестве могучего самостоятельного фактора движения. Крестьянское движение за последние годы этого двадцатилетия ознаменовалось такими событиями, которые сигнализировали грядущий подъем революционного движения широких крестьянских масс первой революции.

Основная линия и основное содержание партийного развития. В этой обстановке, на протяжении двух десятилетий, происходили два основные процесса, теснейшим образом связанные с развитием с.-д. партии: во-первых, процесс постепенного изживания народнического влияния на рабочие и революционные организации того времени и, во-вторых, процесс расширения и укрепления революционного марксизма в рабочем движении, создания и укрепления партии рабочего класса. При чем это укрепление происходило в ходе жесточайшей борьбы против народничества 90-х гг., против легального марксизма и против экономизма—этого «русского отражения» бернштейнианства.

В конце 1900 за границей организовалась группа «Искры». В объявлении об издании «Искры» указывается основная задача — «создать и упрочить объединение русских социал-демократов». И при этом выдвигался лозунг: «прежде чем объединиться и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Знамя «Искры» было знаменем революционной социал-демократии, объявившей беспощадную борьбу «экономистам», бернштейнианцам и «критикам». Период «Искры» был периодом непосредственного подготовления большевизма, так как именно здесь уже имело место зарождение большевизма. Ленин в статье «К десятилетнему юбилею «Правды» (май 1922) писал относительно «...вполне „большевистской" по направлению старой «Искры» (1900) (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 2, стр. 68).

Ленин уже в период «Искры» отстаивал такую точку зрения на организационную структуру революцион. пролетарской партии,—как на организацию профессиональных революционеров,—которая в дальнейшем явилась одним из составных элементов теории ленинизма. В программных спорах внутри редакции «Искры» Ленин, по вопросу отношения пролетариата к мелким производителям, резко подчеркивал: «обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно исключительно пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает». «Я согласен на это „потом", но я требую раньше этого „сначала"» (Ленинский сб., IV, стр. 132 — 133). Эту мысль Ленин неоднократно подчеркивал и всячески отстаивал в спорах с большинством редакции «Искры». Эта цитата, как нельзя более наглядно, вскрывает ортодоксально-марксистскую постановку вопроса о диктатуре пролетариата, а одновременно с этим, в вопросе об отношении пролетариата к мелким производителям, предвосхищает уже дальнейшие взгляды Ленина на вопрос о пролетариате и крестьянстве; в это же время Ленин в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» выдвигал лозунг национализации земли, как лозунг крестьянской революции (Ленинский сб., III, стр. 352). Необходимо также отметить, что Ленин с наибольшей ясностью, остротой и беспощадностью вскрыл буржуазно-соглашательскую идеологию «Кредо», в котором «экономизм» пером Кусковой-Прокоповича с наибольшей откровенностью выболтал либерально оппортунистическую сущность своих взглядов. Ленин дал наиболее резкую и беспощадную критику легального марксизма. При чем именно здесь, в борьбе с легальным марксизмом, впервые обнаружилось столь знаменательное различие «оттенков» в выступлениях Ленина и Плеханова против Струве и легального марксизма вообще.

Таким образ., рассматриваемое двадцатилетие характеризовалось развитием капитализма, чрезвычайно медленным в первое десятилетие и чрезвычайно быстрым, прямо, надо сказать, бурным в течение второго

десятилетия. Многочисленные пережитки крепостничества задерживали, замедляли и уродовали развитие капитализма в России, который в этот период, несмотря на всю высоту промышленного подъема 90-х гг., находился в стадии «старого капитализма», капитализма доимпериалистической формации.— Рабочее движение этого периода все еще носило экономический характер и только в последние годы этого двадцатилетия (т. е. в начале 900-х гг.) оно начало принимать ярко выраженный политический оттенок. В отношении революционной теории этот период характеризуется тем, что переход от народничества к марксизму сменяется борьбой марксизма за свои революционные основы против легального марксизма и против экономизма. Таким образом, этот период был периодом возникновения и образования социал-демократии, являвшейся соединением рабочего движения с марксистско-ленинской теорией в эпоху царизма до буржуазной революции.

Весьма существенным является то обстоятельство, что последние годы этого двадцатилетия (период «Искры») были ознаменованы зарождением большевизма. И это обстоятельство надлежит поставить в связь с тем, что именно последние годы этого двадцатилетия (конец 90-х—начало 900-х гг.) были годами зарождения элементов монополистического капитализма, а также были тем периодом, когда массовое революционное движение развернулось уже настолько широко, что начинали чувствоваться признаки надвигающейся революции. К этому нужно добавить, что крестьянское движение этих годов, несмотря на всю свою неоформленность, уже давало возможность предвидеть громадную роль крестьянства в развитии буржуазно-демократической революции. — Следует также отметить, что эти события в России развивались и нарастали в такой момент, когда в Европе происходила смена старого капитализма империализмом. Все эти обстоятельства создавали предпосылки для того, чтобы Россия входила уже непосредственно в эпоху буржуазно-демократической революции, и, тем самым, оформлялись те объективные условия, которые создали базу для самостоятельной разработки «русскими социалистами» революционной теории марксизма и образования большевизма как «политической партии» пролетариата, продолжающей дело революционной социал-демократии.

III. Партия в эпоху буржуазно-демократической революции.

Общая обстановка пятнадцатилетней истории большевизма (1903—17). «Большевизм,— писал Ленин,—существует, как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.». При этом Ленин добавлял, что «большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—17) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете» (Ленин, Соч., том XXV, стр. 175). Ленин недаром берет именно пятнадцатилетнюю историю большевизма, начиная ее с 1903 и заканчивая 1917, так как именно это пятнадцатилетие было эпохой буржуазно-демократической революции. Эти 15 лет являются единым периодом именно потому, что основной и наиболее характерной чертой этого периода является то, что в течение этих лет началась и победоносно закончилась открытая революционная борьба громадных масс народа против царского правительства. Сомнения, на первый взгляд, может вызвать включение в эту эпоху империалистской войны 1914 и последующих годов. Конечно, мировая война второго десятилетия 20 века является переломным моментом всемирно-исторического значения, ибо она отделяет одну эпоху мировой истории от другой. Конечно, она теснейшим образом связана с Февральской революцией 1917, без нее нельзя в полной мере понять характерных особенностей хода и исхода Октябрьской Революции, которая начинает собой эпоху мировой пролетарской революции. В этом смысле может вызвать сомнения включение этого периода в рассматриваемую пятнадцатилетнюю историю большевизма. Но это лишь на первый взгляд, ибо для этой эпохи, при всем разнообразии и разновидности составляющих ее исторических событий, основным, важнейшим и решающим является то, что это есть эпоха буржуазно-демократической революции. И хотя империалистская война чрезвычайно приблизила в России буржуазно-демократическую революцию к социалистической,—все же буржуазно-демократическая революция оставалась первой задачей, первым и самостоятельным этапом борьбы.

На протяжении этих пятнадцати лет и оформился ленинизм как такая революционная теория, которая целиком и полностью исходила и базировалась на революционном марксизме, и в то же время, впитав и усвоив опыт классовой борьбы этой эпохи, двинула гигантски вперед самостоятельную разработку целого ряда важнейших проблем марксизма.

В литературе последних лет были попытки разорвать единую историю ленинизма, относя его возникновение то к мировой войне, то к периоду, следующему непосредственно за ней. Надо со всей энергией и решительностью дать отпор подобным попыткам, ибо они направлены к тому, чтобы разорвать единую, последовательно развивающуюся историю партии, раздробить единый и целостный процесс выработки Лениным пролетарской революционной теории в ходе революции и классовой борьбы на протяжении двух десятилетий.

Ленинизм является марксизмом эпохи империализма и пролетарской революции. Но политика пролетариата, «организованного в государство» на территории одной шестой части земного шара, является прямым продолжением стратегии и тактики большевизма периода буржуазно-демократической революции в России. Политическая стратегия и тактика Коминтерна—генерального штаба мировой пролетарской революции—целиком и полностью базируется на ленинизме как «теории и тактике пролетарской революции вообще, теории и тактике диктатуры пролетариата в особенности».

Зарождение ленинизма как революционной теории, продолжающей и развивающей марксизм, датируют с начала 900-х гг., когда Россия, только-что поднявшаяся до промышленного капитализма, начала поворачивать в сторону развития финансового капитализма; когда Европа уже закончила смену «старого капитализма» империализмом и когда в такой обстановке в России все более и более развертывалось величайшее революционное движение, явившееся преддверием такой буржуазной революции, которая отличалась исключительным своеобразием в расстановке классовых сил, в ней участвовавших, и имела такое значение для всей последующей истории революционного движения в нашей стране, что Ленин прямо говорил, что «без „генеральной репетиции" 1905 г. победа Октябрьской Революции 1917 г. была бы невозможна» (Ленин, Соч., том XXV, стр. 176).

Развитие и оформление ленинизма происходит в ожесточеннейших боях и схватках, в наступлениях и отступлениях, прямых атаках и обходных движениях периода первой революции 1905—1907, послереволюционной реакции 1908—1910, нового революционного подъема 1911—1914 и первой империалистской войны 1914 и последующих годов. Эту замечательную борьбу большевизму пришлось проделать в такую историческую эпоху, которая ознаменовалась великими классовыми боями героических годов первой революции, жесточайшим разгромом революционных сил централизованным аппаратом царского самодержавия, последовавшими за этим шагами царизма в сторону превращения в буржуазную монархию, прямым и окончательным ходом российской буржуазии в лагерь контр-революции, обнаружением ею вожделений великодержавного национализма, пробуждением «молодой демократии азиатских стран», классовыми столкновениями в европейских странах и, наконец, громадными классовыми передвижками в период империалистской войны.

В России до революции 1905 имелся налицо в достаточной степени значительный рабочий класс, в своей индустриальной части доходивший почти до трех миллионов человек. Громадная преобладающая часть этой рабочей массы была сосредоточена на крупных капиталистических фабриках и заводах. Рост этих крупных промышленных предприятий на протяжении последних 25 лет перед первой революцией выражался в следующих цифрах: в 1879 крупные фабрики составляли 4,4% общего числа фабрик и заводов, в 1890 их значение в капиталистической промышленности поднимается до 6,7%, в 1894—95 до 10,1% и в 1903 до 17%, на к-рых было сосредоточено около $^4/_5$ всего промышленного пролетариата.

Перед революцией 1905—07 из общего числа 53 губерний в с. х-ве 19 из них преобладала капиталист. система, в 17 имело место преобладание смешанной системы (капиталистической и отработочной), а в 17 губерниях преобладала отработочная система. При этом общеизвестно, что урожайность надельных земель была выше, чем урожайность помещичьих земель с отработочной системой. Процесс капитализации сельского хозяйства задерживался, многомиллионная масса крестьянских хозяйств билась в тисках малоземелья и полукрепостничества, что давало в результате обнищание деревни и оскудение целого ряда сельскохозяйственных районов. Основным противоречием в сельском хозяйстве было то, которое отмечено Лениным следующим образом: «на одном полюсе рус. землевладения мы имеем $10^1/_2$ миллионов дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн. десятин земли, а на другом полюсе 30 тысяч семей (тысяч около полутораста населения) с 70 млн. десятин земли» (Ленин, Соч., том XII, стр. 224).

Если кризис начала 900-х гг. наглядно обнаружил и чрезвычайно углубил основное противоречие русской действительности, то Русско-японская война 1904—1905 еще с большей силой действовала в том же направлении. Военная катастрофа царизма значительно ускорила нарастание революционного движения, подошедшего вплотную к непосредственному революционному массовому народному взрыву против царского самодержавия.

Между промышленным подъемом 90-х гг. прошлого столетия и промышленным подъемом начала второго десятилетия нынешнего столетия лежит полтора десятка лет. Эти пятнадцать лет должны быть охарактеризованы как годы экономической депрессии, к-рая прерывается то недолговременными моментами промышленного подъема, то периодами «настоящих» промышленных кризисов. Промышленный кризис начала 900-х годов, достигая своей наибольшей остроты в 1902, сменяется в 1903 оживлением в некоторых отраслях промышленности. Начало войны сопровождается для нек-рых отраслей промышленности кратковременным подъемом, а целый ряд других отраслей промышленности в это же время переживает кризисное состояние. Конец 1905 и первая половина 1906 были годами жестокой промышленной депрессии. Промышленная депрессия продолжалась и в последующие—1907, 1908 и 1909—годы. В конце 1909 начинает наблюдаться оживление в нек-рой части промышленности, а в 1910 имеются уже признаки начинающегося промышленного подъема. Громадное значение промышленного подъема 1910—1914 заключается в том, что, пройдя через него, Россия окончательно вступила в стадию монополистического капитализма. «В России,—писал Ленин в августе 1915,—капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм» (Ленин, Соч., том XVIII, стр. 198). Основные элементы, характерные именно для империализма, оформившиеся в годы предвоенного промышленного подъема, были постепенно подготовлены на протяжении всего предыдущего периода, начиная с конца 90-х гг.

Крупнейшие изменения происходили в эти же годы и в области сельского хозяйства; в основном они сводились к тому, что уси-

ливался процесс капитализации сельского хозяйства, а в массе крестьянских хозяйств углублялся процесс классового расслоения при одновременном углублении и процессе пауперизации деревни. Послереволюционная политика царизма в этой обстановке рядом мероприятий, вызываемых потребностями капиталистического развития страны, пыталась укрепить пошатнувшиеся основы самодержавно-крепостнического режима, в результате чего царизм сделал еще шаг в сторону превращения его в буржуазную монархию.—Наряду и в связи с этим происходило оформление финансово - капиталистической буржуазии, а также и оформление блока между верхами буржуазии и помещичьим землевладением. Одновременно с этим происходил процесс укрепления кадров промышленного пролетариата при наличности роста пролетарских элементов и в области сельского хозяйства.

Таковы были характерные черты экономики и классовых отношений эпохи буржуазно-демократич. революции в России.

Положение сельского хозяйства. В сельском хозяйстве за время между революцией 1905 — 1907 и войной 1914 — 1918 произошли крупные изменения, которые в основном сводились к тому, что в области сельского хозяйства повышалось значение капиталистических элементов. Пореволюционное десятилетие ознаменовалось усиленной ликвидацией дворянского землевладения. За 1906—1912 дворянское землевладение потеряло свыше 12½% всей своей площади, при чем в целом ряде губерний Центрально-черноземного района и Среднего Поволжья процент проданных дворянских земель доходил до 30—40% всей площади дворянского землевладения. Этот процесс в первую очередь и наиболее сильно отразился на наиболее крупных латифундиях.

Наряду с этим, под непосредственным влиянием столыпинского законодательства, происходил процесс ликвидации общины. К маю 1915 перешло к частной собственности 40,8% всех общинных дворов, т. е. общее количество владевших землею на подворном праве составляло к этому времени около 60% всех надельных дворов. Годами наибольшего выхода из общины были 1908—1910. Процесс ликвидации общинного землевладения был двусторонним, так как из общины выделялись, с одной стороны, зажиточные хозяйства, а, с другой стороны, хозяйства маломощные, выходившие из общины лишь для того, чтобы продать свои наделы. В результате процесса ликвидации дворянского землевладения и общинного землевладения, усиленным темпом происходил процесс концентрации дворянской и надельной земли в руках частных собственников вообще, кулацких и зажиточных элементов деревни, в частности. Т. обр., послереволюционное перераспределение земельной площади приводило к росту сельскохозяйственной буржуазии. Но это была только одна сторона того процесса, к-рый наблюдался в деревне в результате усиленной ликвидации как дворянского, так и общинного землевладения. Другой стороной этого явления был процесс пролетаризации и пауперизации беднейших групп крестьянства, выходивших из общин и продававших свои наделы. К началу 1915 продали свои наделы 30% выделившихся из общины; общее количество проданной надельной земли равнялось 2,8 млн. десятин (20% всей надельной земли), а число ушедших из деревни в город за этот период достигало 2½ млн. человек. Весьма показательным явлением был рост индивидуальных покупателей банковских земель и одновременное падение числа товариществ и сельских общин, участвовавших в покупке земель. Индивидуальные покупатели составляли в 1906 г. 18,7% общего числа, а в 1912—81,5%; товарищества в 1906—63,9% общего числа заявлений, а в 1912—17,8% и сельские общины в 1906—17,4%, а в 1912—0,7%.

Целый ряд обстоятельств, промышленный подъем, высокие хлебные цены, растущий экспорт продуктов сельского хозяйства и т. д., способствовал подъему сельского хозяйства после 1906. Посевная площадь за 1911—1915 в сравнении с 1901—1905 увеличилась на 14%. Одновременно с этим шло увеличение и средней урожайности хлебов. Чрезвычайно энергично шло увеличение посевной площади под хлопком, подсолнухом, табаком и кормовыми травами. Значительное увеличение наблюдалось и в отношении распространения искусственных удобрений. Возрастало потребление сельскохозяйственных машин при росте их внутреннего производства. В 1910—1912, по сравнению с 1890—1899, цены на хлебные продукты увеличились на 30,5%, а на животные продукты на 50,7%. Необходимо отметить, что развитие сельского хозяйства после первой революции сопровождалось не только пауперизацией крестьянства, но и давало в результате увеличение как пролетарских элементов в сельском хозяйстве, так и кадров рабочего класса в промышленности, к-рые, в известной степени, благодаря столыпинскому законодательству, разрывали свои последние связи с нищенским земельным наделом и деревенским хозяйством.

Развитие монополистического капитализма. Если первым крупнейшим переломным моментом в историческом развитии России с начала 90-х гг. по начало империалистской войны был промышленный подъем половины 90-х гг., то вторым, подобным же ему, переломным моментом был промышленный подъем второго десятилетия нынешнего века. За 1910—1914 произошел значительный рост общего товарооборота страны (сравнительно с ростом предыдущего десятилетия), усиливался темп прироста городского населения, широкий размах переоборудования промышленности, прирост железнодорожной сети и т. д. За 1910—1913 производство чугуна увеличилось с 185,6 млн. пудов до 283 млн. пудов, производство железа и стали с 184,2 млн. пудов до 246,6 млн. пудов и добыча каменного угля с 1.522 млн. пудов до 2.214 млн. пудов. Длина железнодорожной сети за эти же годы выросла с 61,7 тыс. верст до 63,8 тыс. верст.

Но крупное значение предвоенного промышленного подъема заключалось не только в росте основных отраслей тяжелой инду-

стрии, а и в том процессе реорганизации промышленности, который охватил почти все ее отрасли. Предвоенный промышленный подъем сопровождался ростом акционерных капиталов, концентрацией промышленности, развитием трестирования и синдицирования, укреплением банковск. системы, сращиванием промышленности с банковским капиталом и все более и более возрастающим подчинением его европейским финансово-капиталистическим группам, англо-франко-бельгийскому капиталу, в первую очередь, наряду с абсолютным ростом «туземного», национального капитала.

В 1909 числилось 131 акционерное общество с основным капиталом в 108,9 млн. руб., а в 1913 году было уже 372 акционерных общества с 545,2 млн. руб. основного капитала. Общая же масса акционерных капиталов возросла на 50%. За годы подъема синдикатское движение расширилось и окрепло. Такие синдикаты, как «Продамета», «Продуголь», «Продвагон», «Проволока» и т. д., расширили свое влияние в соответствующих отраслях промышленности. По степени концентрации своей промышленности в период предвоенного промышленного подъема Россия стояла впереди такой высоко концентрированной промышленности, каковой была промышленность Соединенных Штатов Северной Америки. Предприятия до 100 рабочих в Америке составляли 90,8% всех предприятий с числом рабочих в 35% к общему числу, а в России эти же предприятия составляли 78,4% всех предприятий с числом рабочих, равнявшимся 17,8% общего числа рабочих. Самые же крупные предприятия свыше 1.000 рабочих в Америке составляли 0,2% всех предприятий с числом рабочих 17,8% общего числа, в России такие же предприятия составляют 5,2% всех предприятий, а количество рабочих в них 41,4% общего количества рабочих. При этом за годы промышленного подъема в России количество мелких предприятий (до 100 человек) уменьшилось с 79,9% до 70,4% общего числа, а количество рабочих на них с 20% до 17,8% общего числа, а за те же годы количество крупных предприятий (свыше 1.000 человек) возросло с 2,1% до 5,2% общего числа, количество же рабочих на них с 37,1% до 41,4% общего числа. Т. о., в 1914 незначительное число крупнейших промышленных предприятий сосредоточивали в своих руках немного менее половины общего числа рабочих.

За годы промышленного подъема чрезвычайно окрепла банковская система. Основные капиталы банков за 1910—1913 выросли более чем в два раза (с 237 млн. руб. до 581 млн. руб.). Значительную часть своих средств банки вкладывали в промышленность,—в силу этого и увеличивалась зависимость промышленности от банков, происходил процесс сращивания банковского капитала с промышленностью. Для примера можно привести Азовско-Донской банк, к-рый затрачивал 45% «средств правления» на финансирование промышленности. Все эти важнейшие явления в области экономики страны сопровождались увеличением значения в российской промышленности и в российских банках иностранного капитала. Доля иностранного капитала в общей массе акционерных капиталов составляла 40%. Доля иностранного капитала в различных отраслях промышленности выражалась в следующих цифрах: в электротехнической—75%, в горной и металлургии—53%, в химической—40,2% и т. д. При этом командующую роль играл англо-франко-бельгийский капитал. Но если «перед мировой войной,—читаем мы в коллективной работе по истории Октябрьской Революции,—промышлен. капитализм в России превратился в новейший империализм», то это превращение, закончившееся в годы предвоенного промышленного подъема, было непосредственно подготовлено всем промышлен. развитием предыдущего десятилетия и особенно в период после революции 1905—1907.—Выше уже было отмечено, что элементы монополистического капитализма наблюдались уже в годы промышленного кризиса начала 900-х гг. Ряд исследователей промышленного развития этого периода отмечает, что именно с кризиса 900-х годов и особенно после революции 1905 все бо́льшую и бо́льшую роль в российской промышленности начинают играть тресты и синдикаты, что в течение именно этого периода создаются крупнейшие синдикаты, и синдикатское движение постепенно охватывает все отрасли промышленности, наряду с этим возрастает значение акционерных обществ, усиливается концентрация производства, а развитие банковской системы и увеличение роли иностранного капитала сопровождается процессом сращивания банков с промышленностью. В результате этого происходил рост капиталистических элементов в сельском хозяйстве, усиление и оформление финансово-капиталистической буржуазии, подготовлялся блок финансово-капиталистической буржуазии с помещичьим землевладением, а одновременно увеличивалась зависимость русского капитализма от антантовского империализма.

Экономика в период империалистской войны. Империалистская война еще более углубила те процессы в экономике страны, которые имели место до предвоенного промышленного подъема и особенно в годы подъема.

Война нанесла громадный удар сельскому хозяйству. Война прежде всего обезлюдила деревню, так как военные мобилизации изъяли на фронт около 14 млн. чел., преобладающая часть к-рых падала на деревню. Во время войны произошло сокращение посевной площади. Потребление сельскохозяйственных машин также сократилось. Увеличился процент беспосевных и бесскотных хозяйств. Процесс пролетаризации деревни явно углублялся. А наряду с этим, происходил процесс концентрации земли, живого и мертвого инвентаря в руках сельскохозяйственной буржуазии. Таким образом, война усилила процесс пауперизации, углубила и гигантски обострила противоречия между крестьянством и помещичьим землевладением. Значительное укрепление деревенского кулака создавало предпосылку для помещичье-кулацкого блока, к-рый нашел свое выражение в послевоенные годы.

Во время войны в ряде западно-европейских стран монополистический капитализм превратился в государственно-монополистический капитализм. Это нашло свое выражение не только в сращивании органов империалистического государства с командующими верхами финансово-капиталистической буржуазии, но также и в усилении капиталистического регулирования хозяйства со стороны государственных органов. В России этот процесс не нашел сколько-нибудь значительного развития. Во время войны элементы государственного капитализма находились в России в зачаточном состоянии, но в то же время быстро росли и укреплялись все элементы, в общей совокупности составляющие монополистический капитализм.

За время войны в промышленности наблюдается дальнейший рост монополистических тенденций. Особенно яркие примеры этого имелись в нефтяной промышленности (соглашение между «Ойл» и «Нобель») и в металлической промышленности (слияние заводов Коломенского, Сормовского, Белорецкого, Выксунского и пр.). Война гигантски усилила роль банков в промышленности уже в силу того, что финансирование ими промышленных предприятий за время войны увеличилось в два раза. Из общей суммы шести военных займов банки взяли на себя несколько больше половины (из 8 миллиардов рублей 4 миллиарда слишком). Годы войны отмечены также значительным расширением процесса превращения единоличных предприятий в акционерные. Так. обр., мировая война в значительной степени укрепила в России монополистический капитализм при наличности зародышевых элементов государственного капитализма. Это происходило на фоне падения производительных сил страны, обнищания масс, пауперизации деревни и углубления классовых противоречий. В силу этого в годы войны имела место консолидация всех капиталистических элементов в промышленности и сельском хозяйстве под главенством финансово-капиталистической буржуазии, а одновременно с этим имел место процесс укрепления тех условий, к-рые создавали союз индустриального пролетариата с пролетариями и полупролетариями деревни. При этом, если до войны зависимость российского капитализма от антантовского империализма была очень значительна, то во время войны роль Антанты и антантовского империализма в отношении России и российского капитализма еще более возрастает.

Полтора десятка лет, к-рые входят в рассматриваемый нами период, в главнейшем характеризуются тем, что, с одной стороны, за эти годы вырос и оформился монополистический капитализм в России, с другой стороны, сложились те классовые соотношения, к-рые присущи империализму, и, с третьей стороны, в этой обстановке царизмом делались попытки положительного разрешения тех задач, к-рые были выдвинуты буржуазно-капиталистическим развитием страны; в результате этого царское самодержавие делало новые шаги по пути превращения в буржуазную монархию; в то же время, совершенно бессильное взять твердый курс в этом направлении, оно в конечном итоге лишь углубляло главнейшие противоречия рус. жизни и ускоряло процесс своего собственного разложения, достигшего в годы войны наиболее яркого проявления и наиболее гнусных внешних форм выражения.

Классовая борьба и революционное движение этой эпохи. Могучее революционное движение было неизбежным результатом всей совокупности тех явлений, которые в общей сумме и составляют богатую событиями эпоху буржуазно-демократической революции в России. Уже начало 900-х годов ознаменовалось широчайшим размахом революционного движения, отмеченным такими событиями, как многочисленные революционные демонстрации в городах, как «обуховская оборона» 1901, ростовская стачка 1902, всеобщая стачка на юге России в 1903, не прекращающиеся студенческие «беспорядки» и первая массовая волна крестьянского движения, прокатившаяся по Полтавской, Харьковской, Саратовской и другим губерниям в течение этих же годов. В центре этого громадного исторического движения, развертывавшегося на громадной территории, стояла революция 1905—07.

Р е в о л ю ц и я 1905—07. Революция 1905 отразила на себе все особенности той эпохи, в обстановке которой она развернулась. «Одна из главных отличительных черт нашей революции,—писал Ленин в конце 1910,—состоит в том, что это была *к р е с т ь я н с к а я* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули в первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о „расчистке земли" для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы» (Л е н и н, Соч., т. XIV, стр. 401).

Наряду с характеристикой революции 1905 как крестьянской буржуазной революции, Ленин выдвигал и другую особенность нашей революции: «Русская революция,—писал он в самом начале 1917, — была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий» (Л е н и н, Соч., том XIX, стр. 345). — Одновременно с этим Ленин подчеркивал третью особенность революции 1905. Это была такая буржуазная революция, в которой буржуазия, в силу своей дряблости, боязни революци-

онного рабочего движения и зависимости от самодержавно-крепостнического правительства, не являлась движущей силой революции, а, наоборот, была активным пособником дворянско - помещичьей контр-революции. Ленин еще в 1894 в своей книге «Что такое друзья народа?» указывал на то, что капитал «у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих...» (Ленин, Сочинения, том I, стр. 187). Борьба за революционный путь развития России, за полнейшую ломку «старого порядка» и расчистку путей для революции социалистической, за гегемонию пролетариата против гегемонии либеральной буржуазии, поддерживаемой ее меньшевистскими и эсеровскими защитниками, за руководство движением крестьянства против помещиков и самодержавия—такова основная линия, которую вела партия большевиков в эпоху первой русской революции. «Своей геройской борьбой в течение трех лет (1905—1907) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал освобождение рабочих масс из-под влияния предательского и презренно-бессильного либерализма. Он завоевал себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию, как условие борьбы за социализм». В период первой революции «либеральная буржуазия,—говорит Ленин, — никогда ни разу не помогла революционной борьбе, предпочитая „успокаивать" крестьян и „мирить" их с помещиками и царем» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 13). «Борьба большевизма и меньшевизма неразрывно связана с этой историей как борьба из-за поддержки либералов, из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством» (Ленин, там же). В 1905 в своей статье «Социализм и крестьянство» он особо останавливался на том, что «Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 255).

И, наконец, Ленин отмечал и четвертую особенность первой российской революции. Уже в цитированной статье, относящейся к самому началу 1917, Ленин подчеркивал, что «русская революция—именно благодаря своему пролетарскому характеру в том особом значении этого слова, о к-ром я уже говорил,—остается прологом грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а, с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплоатируемых» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 357).

Таким образом, революция 1905 являлась, во-первых, крестьянской буржуазной революцией в том смысле, что ее основным социальным содержанием был вопрос «об изменении коренных условий жизни крестьянства», во-вторых, пролетарской революцией в том смысле, что пролетариат был «руководящей силой» движения, а также и в том смысле, что главным средством борьбы была пролетарская стачка, в-третьих, такой буржуазной революцией, в недрах которой развертывались «две различных и разнородных социальных войны», и, в-четвертых, — прологом грядущей европейской революции, к-рая могла быть лишь революцией социалистической по своему содержанию. Эти четыре главнейших особенности первой русской революции были теснейшим образом связаны с особенностями развития России и с особенностями той стадии в развитии капитализма, в к-рую он в тот период вступил во всех главнейших странах мира.

Гигантская экономическая отсталость России того времени выдвигала на первый план вопрос «о ломке старого средневекового землевладения», в центре основн. проблем движения ставила крестьянский вопрос. Но эта экономическая отсталость полукрепостнического средневекового порядка сочеталась в России со столь высоко развитым капитализмом, что к моменту вызревания революции в «старом капитализме» начинали уже все более и более отчетливо зарождаться элементы новейшего монополистического капитализма, что не только выдвигало «рабочий вопрос» в качестве одного из важнейших вопросов, но и делало рабочий класс вождем революционного движения, направленного против царизма. Особенности данной эпохи в целом в свою очередь накладывали отпечаток на характер революционного движения 1905. Если в России того времени элементы империализма лишь складывались, то Европа тех годов уже целиком и полностью находилась в полосе империалистического развития, так как элементы новейшего империализма к тому времени совершенно оформились в важнейших странах капиталистического мира. Это обстоятельство придавало русской революции 1905 громадное международное значение, делало ее прологом грядущей европейской революции. Проблему буржуазно - демократической революции в 1905 и позже Ленин ставил в глубочайшую, неразрывную связь с проблемой перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую пролетарскую революцию: «... от революции демократической мы сейчас же начнем переходить... к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»,—так писал Ленин (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 186).

Указанным особенностям социально-экономическ. обстановки того времени соответ-

ствовало и своеобразие расстановки классовых сил в период первой русской революции. Численно выросший, сконцентрированный на крупнейших капиталистических предприятиях, имевший уже значительный опыт борьбы, российский пролетариат выступал в 1905—07 как «руководящая сила», как «авангард движения», как гегемон революции. Эти же годы революционного движения дали совершенно точный ответ на вопрос о том, сумеет ли крестьянство проявить себя в России так, «как проявили себя западно-европейские крестьяне при низвержении абсолютизма»,—крестьянство в русской революции проявило себя не только «так», как западно-европейские крестьяне, но еще более значительной и еще более революционной силой. Целый ряд объективных условий, с непреодолимой силой выдвигающих «вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства», выдвинул также «на арену более или менее самостоятельного действия крестьянские массы». «Начало 1905 года,—писал Ленин,—принесло первую большую волну стачечного движения во всей стране. Уже весной этого года мы наблюдаем пробуждение первого крупного, не только экономического, но и политического, крестьянского движения в России» (Ленин, Соч., том XIX, ч. 2, стр. 348). Одновременно с этим, политически дряблая российская буржуазия уже переходила, а затем и целиком перешла в лагерь контрреволюции.

К этому времени пролетариат уже выковал свою пролетарско-революционную партию—партию большевиков. 1902—05 годы Ленин называет годами «подготовки революции». Он указывает, что в это время «за границей эмигрантская пресса ставит теоретически все основные вопросы революции». Он пишет так: «Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками „социал-демократического" и „социал-революционного" направлений) и пролетарско-революционного ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и подготовляют грядущую открытую борьбу классов» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175). Но, если в течение 1902—1905 были поставлены теоретически «все основные вопросы революции», то в 1905—1907 все эти вопросы были поставлены практически, в ходе ожесточенной борьбы были вынесены на улицу, что, в свою очередь, имело крупнейшее значение и для революционной пролетарской теории. «Практическая проверка,—писал Ленин,—соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении советов предвосхищают великую борьбу 1917—1920 годов» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 176).

Революция 1905—07 дает грандиозную картину развертывания массового движения, складывавшегося из трех основных потоков—из нараставшего и с колоссальной быстротой поднимавшегося вверх рабочего движения; из развертывавшегося громадными волнами крестьянского движения и из потока частичных восстаний в армии и флоте. Рабочая стачка была «главным средством» раскачивания масс. Однако, в революции 1905 мы имеем не только экономическую стачку, но и перерастание экономических стачек в политические, теснейшее переплетение тех и других между собой и перерастание всеобщей политической стачки в вооруженное восстание. В 1904 бастовало около 25 тысяч рабочих, из них на политические стачки падало лишь 500 рабочих. В 1905 бастовало 2.863.173 рабочих, из них на политические стачки падало 1.848.662 рабочих. В 1906 бастовало 1.108.406 рабочих, из них политических—650.685, и в 1907 бастовало 740.074, из них политических—540.070. Из общего числа стачек наступательных в 1905 было 83,9%, а в 1906—70,7%. Громадное число стачек этого времени оканчивались частично или полностью победой рабочих,—так, в 1905 таких стачек было 70,1% из общего числа стачек, а в 1906—66,3%. Если в экономическом движении 90-х гг. основную массу составляли текстильщики, если в начале 900-х гг. в движение громадной массой входят металлисты, горняки и железнодорожники, то в годы первой революции авангардом движения были рабочие тяжелой индустрии и в первую очередь металлисты.

За эти же годы мы имели в деревне две громаднейших волны крестьянских выступлений: одну в 1905 и другую в 1906. Если взять развитие крестьянского движения за эти два года по третям, то получим такую картину: число уездов Европейской России, охваченных крестьянским движением, к общему числу уездов составляло в 1905 в январе—апреле 17%, в мае—августе 21% и в сентябре—декабре 52%, в 1906 в январе—апреле 24%, в мае—августе 50% и в сентябре—декабре 14%, а в 1907 крестьянское движение уже резко падает. Острота крестьянского движения ярко выступает из следующих данных: за осень 1905 и зиму 1905—06 было разрушено помещичьих усадеб в Саратовской губернии—272, в Тамбовской—130, в Орловской—84, в Пензенской—30, в Курской—127, в украинских губерниях свыше 200 и т. д. Крестьянское движение 1900—04 (предреволюционного пятилетия) главным своим острием было направлено против помещиков,—так, из общего числа революционных выступлений крестьянства в эти годы «борьба против помещиков» составляет 65,8%, а если к этому прибавить те случаи, к-рые характеризуются как «общее революционное движение и столкновение с властями», то общее число подобных выступлений, направленных против помещиков или связанных с борьбой против помещиков, составит 95,1%. Крестьянские выступления против кулачества выражаются в незначительной цифре в 3,1% к общему числу выступлений. Такой же характер сохраняет крестьянское движение и в 1905—07. Исследователи крестьянского движения революционного периода отмечают, что только в районах «значительного расслоения крестьянства (Новороссия, отчасти Среднее Поволжье)» движе-

ние «нередко направлялось и против зажиточного крестьянства, против сельской буржуазии».—Могучее рабочее движение и громадная волна крестьянск. выступлений не могли не ударить по царской армии. В 1905 общее число учтенных солдатских выступлений доходит до 99, а в 1906—до 53 (приблизительно). Если взять движение 1905 по четвертям, то получим такую картину нарастания движения: в январе—марте нет, в апреле—июне 2 выступления, в июле—сентябре 8 и в октябре—декабре 89 выступлений.

Движение 1905 — 07, говоря словами Ленина, отличалось «удивительным богатством содержания». Это богатство содержания особенно наглядно было показано Лениным в одной характеристике движения, данной им в конце 1906. «Сначала экономические стачки рабочих (1896—1900), — пишет Ленин,—затем политические демонстрации рабочих и студентов (1901—02), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов, 1902), летние стачки (1903), 9-е января (1905), всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (декабрь 1905), парламентская мирная борьба (апрель—июнь 1906), военные частичные восстания (июнь 1905—июль 1906), крестьянские частичные восстания (осень 1905—осень 1906)» (Ленин, Соч., т. X, стр. 81—82). — Из этого перечня ясно видно, что кульминационным пунктом революции 1905 был декабрь месяц, после к-рого, по сути дела, движение, сохраняя свою исключительную напряженность, все же шло вниз. К концу 1905 мы имеем сочетание всех трех потоков революционного движения, т. е. рабочего, крестьянского и солдатско-матросского. Но в то же время налицо был факт отставания крестьянского движения от движения рабочих масс, налицо была также и совершенно очевидная недохватка организованности. «Организации,—писал Ленин в 1905,—о т с т а л и от роста и размаха движения».—Мы видим, как в 1905 распыляется крестьянск. движение и как централизованный военно-полицейский аппарат царизма расправлялся с частичными восстаниями в армии и во флоте. Мы видим, как в 1907 все три потока революционного движения резко идут вниз. «В начале революции, — писал Ленин в июне 1907, — мы видим линию короткого, но необыкновенно широкого и головокружительно-быстрого подъема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с декабрьского восстания 1905 года. Сначала период непосредственной революционной борьбы масс, затем период монархически-конституционного поворота» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 30).

Р е а к ц и я 1907—10. За разгромом революционных сил последовал период жесточайшей реакции, который охватывает 1907—1910. Но указанные годы были не только годами разгула реакции, но и периодом, в течение которого происходили крупнейшие перемены как в области экономики, так и в соотношении классовых сил в стране. «Победивший царизм,—писал Ленин,—вынужден ускоренно разрушать остатки добуржуазного, патриархального быта в России. Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро. Внеклассовые, надклассовые иллюзии, иллюзии насчет возможности избегнуть капитализма разлетаются прахом. Классовая борьба выступает совсем поновому и тем более отчетливо» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 176—177). Закон 3 июня 1907, давший преобладание в Государственной думе верхам торгово-промышленной буржуазии и помещичьего класса, аграрная столыпинская реформа, к-рая пыталась практически найти путь к союзу с кулацким крестьянством, дальнейшее и все более отчетливое внедрение в промышленную экономику элементов новейшего империализма и, наконец, дальнейшие шаги либеральной буржуазии по пути контр-революции и выдвижение империалистско-великодержавных лозунгов—таковы вехи этого периода. «Исторический смысл 3-июньского периода,—писал Ленин,—в том и состоит, что этот новый шаг по пути превращения в буржуазную монархию есть шаг к большей размежевке классов во всех отношениях и в частности к большей размежевке либерализма („ответственная" оппозиция Пуришкевичам) и демократии (устранение всех основ пуришкевичевщины)» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 341).

Этот период, в основном, характеризовался экономической депрессией и наступлением реакции по всей линии. Самодержавие вынуждено было решительнее стать на путь капиталистического развития, но оно стремилось, лавируя между крепостниками-землевладельцами и представителями капитала, обеспечить такой путь развития, к-рый «сохранил бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы». Одновременно с этим, политика царизма этого периода ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. В такой обстановке и происходило нарастание классовых противоречий в стране и подготовка условий для нового революцион. подъема.—Революцион. борьба была неизбежна, так как «объективные задачи буржуазно-демократической революции в России,—как о том говорила резолюция декабрьской конференции 1908,—остаются нерешенными» и «основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905, продолжают действовать». Основным вопросом развития страны оставался аграрный вопрос. При чем Ленин на протяжении этих лет не переставал указывать, что ломка средневекового землевладения в России может пойти или американским или прусским путями. Он подчеркивал, что данная эпоха «есть эпоха революционной и контр-революционной борьбы э т и х путей». Грядущий натиск революционных сил, как указывал в то время Ленин, будет «общедемократическим» натиском, будет общедемократическим движением «мужичка», и «игнорирование этого было бы коренной ошибкой, н а д е л е приводящей к меньшевизму» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 215). В эти годы рабочий класс находился под двойным ударом—наступающего капитала и крепнущей реак-

ции, а крестьянство, зажатое полукрепостничеством, в результате столыпинской реформы было отдано на разграбление сельской буржуазии.

Рабочее движение этого периода шло резко вниз. Общее количество стачечников непрерывно падало, о чем говорит следующий ряд цифр: в 1908 общее количество стачечников равнялось 176 тысячам, в 1909—64 тысячам, а в 1910—$46^1/_2$ тысячам. Количество политических стачек падало еще более резко: в 1908 их было 464, в 1909—50, а в 1910—всего 4 стачки. Экономич. стачки носили, по преимуществу, оборонительный характер.—В деревне усилился процесс расслоения, на почве которого нарастало обострение классовой борьбы. За эти годы кадры безземельного пролетариата значительно увеличились—«часть из них ушла в города, но еще больше осталось в деревнях». Этот процесс наглядно характеризуется ростом числа выселявшихся домохозяев: если в 1900—1905 из деревни выселилось 19% домохозяев, то в 1906—10 — 40,1%. Если принять во внимание, что на другом полюсе концентрировалась сельская буржуазия и что в то же время имело место укрепление капиталистических элементов в сельском хозяйстве вообще, то совершенно очевидно, что в результате этого неизбежно было обострение классовых противоречий и нарастание предпосылок для новой волны революционного крестьянского движения. Целый ряд обстоятельств (рост классовых противоречий в деревне, промышленная депрессия в городе) в течение 1908 — 10, даже в условиях победившей реакции, вызвали волну крестьянских выступлений. Крестьянское движение этого периода ни в какой мере не могло сравниться ни с предыдущим движением широких масс крестьянства в 1905—07, ни с крестьянской войной 1917, но все же оно свидетельствовало о том, что в деревне шло «глухое брожение». Число зарегистрированных случаев революционных выступлений крестьянства, по данным департамента полиции, за рассматриваемые годы таково: в 1908 (в Европейской России)—2.007 выступлений, в 1909—2.420 и в 1910—6.261 выступление. При этом крестьянское движение было направлено, с одной стороны, против помещиков, а, с другой стороны, против сельской буржуазии. Характерной особенностью для крестьянского движения этого периода было то, что среди различных форм крестьянских выступлений довольно устойчивое место занимали так называемые поджоги аграрного характера. За рассматриваемые годы число этих поджогов росло таким образом: в 1908 (в Европейской России)—542 поджога, в 1909 — 703 и в 1910 — 805. Случаи столкновения с властями в течение этого периода были по понятным причинам немногочисленны, но в то же время число их выражалось в следующих цифрах: в 1908—94, в 1909—32 и в 1910—37 случаев.—Разгром революции, наступление реакции и общий упадок революционного движения сопровождалися глубокой общественной реакцией, разгулом контр-революц. «веховских» идей, дезорганизацией революц. сил и идейно-организацион. разбродом в рабоч. движении.

Революционный подъем 1910—1914. Уже в 1910 мы наблюдаем первые признаки оживления массового движения. В дек. 1910 Ленин писал: «Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, отступавший—хотя и с большими перерывами—с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в наступление» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 392). И почти в то же время до смерти напуганный революционным движением черносотенный помещик граф А. Бобринский записывал в своем дневнике по поводу студенческих демонстраций: «То, что происходит теперь, не ясно. Повидимому, начинается заря второй революции. Как и в первый раз, так и теперь революционные воротилы начинают пляску с молодежи». 1910 год был годом перелома. С него начинается новый революционный подъем, который с особой силой и быстротой стал развертываться с 1912. В резолюции большевистского декабрьского совещания 1912 в Кракове давалась следующая оценка текущего момента: «Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало к-рой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства 3-июньской политики царизма».

За 1910—1913 численность рабочего класса возросла на 19%. Количество вытолкнутых из деревни в город за это время выразилось в значительной цифре в $2^1/_2$ миллиона человек. Концентрация промышленности сделала крупнейшие шаги вперед. Число заводов-гигантов увеличилось. Общее число стачечников за указанные годы выражалось в следующих цифрах: в 1911 — 105 тысяч, в 1912—725 тыс., в 1913—887 тыс. и в 1914—1.337 тысяч стачечников. Если для 1907—1910 было характерно преобладание экономической борьбы над политической, то в 1911—1914 получается соотношение прямо противоположное. В 1911 число политических стачечников выражалось всего-на-всего в 8% к общему числу стачечников, а в 1914 это число выросло до 79,2%. Экономическая борьба носила резко наступательный характер. В 1913, в день 1 мая, по всей России бастовало свыше 400 тысяч человек. В Петербурге в этот же день бастовало 250 тысяч рабочих. В 1914, в день 9 января, по всей России бастовало 300 тысяч, а в Петербурге—140 тысяч. Майско-июльская всеобщая забастовка вызвала волну июльских забастовок в Петербурге, которая, в ходе своего развития, начинала уже перерастать в баррикадную борьбу.

Крестьянское движение этих годов, несмотря на банкротство столыпинской политики и рост классовых противоречий внутри деревни, почти совершенно сошло на-нет. В эти годы деревня была сжата клещами беспощадного полицейско-охранного режима. Промышленный подъем, «разгружая» деревню от части избыточной рабочей силы, ослаблял действия тех факторов, к-рые были довольно сильны в период предыдущей промышленной депрессии. «Глухое брожение» в недрах деревни к 1910 — 11 довольно высоко подняло волну крестьянских высту-

плений, но с этого года движение идет на убыль. Общее число крестьянских революционных выступлений с 1910 выражается в следующем ряде цифр: в 1910 — 6.261, в 1911—4.522 случая, в 1912—1.791, в 1913—646 и в 1914—всего 6 случаев. Общее количество поджогов «аграрного» характера выражалось за эти же годы в следующем ряде цифр: в 1910—805, в 1911—358, в 1912—189, в 1913—81 и в 1914—2 поджога. Общее количество столкновений с властями за эти годы давало, примерно, ту же картину: в 1910—37, в 1911—62, в 1912—40 и в 1913—23. В 1912—14 были выступления в Балтийском и Черноморском флотах. В армии также имелись за эти годы случаи проявления недовольства и «глухого брожения». И поэтому, несмотря на расхождение двух основных потоков революционного движения в этот период, было совершенно очевидно, что в результате роста классовых противоречий в деревне и банкротства столыпинской аграрной политики первое же, хоть сколько-нибудь сильное экономическое потрясение, к-рое ударяло бы и по сельскому хозяйству и по промышленности, в обстановке самодержавно-крепостнического режима неизбежно выбросило бы наружу то громадное количество революционной силы, к-рая накопилась в крестьянстве за годы послереволюционной реакции и к-рая была зажата режимом романовско-столыпинского застенка. Февральская революция 1917 и последующие 8 предоктябрьских месяцев с несомненностью доказали это. Но нарастание революционного подъема, в 1914 достигавшее своего наивысжего пункта, было прервано начавшейся империалистской войной.

Мировая война. Война в максимальной степени усилила социально-экономические процессы, происходившие в предшествующий ей период и одновременно углубила классовые противоречия, столь бурно нараставшие в годы столыпинской реакции. Война нанесла жесточайший удар развитию производительных сил в стране и углубила те предпосылки, к-рые нашли свое выражение в ходе и исходе Февральской революции. В годы войны нашли свое завершение те социальные процессы, которые имели место и в тот период, который лежал между революцией 1905 — 07 и империалистской войной 1914—18.

Общие цели сливают в начале империалистской войны в единый блок финансово-капиталистическую буржуазию и представителей помещичьего землевладения. Опорой царского трона в годы войны является не только черносотенец Пуришкевич, но и кадет Милюков. Таким образом, общность цели поставила в одну упряжку царизм, финансово - капиталистическую буржуазию и помещичье землевладение. Но если империалистская война создала условия, которые в максимальной степени облегчили этот блок, то война же привела к срыву этого блока, ибо в ходе войны царизм обнаружил в полной мере свое банкротство в таком важном для империалистской буржуазии деле, как грабительская война между капиталистами за раздел земного шара. Последние годы войны были годами разложения царизма, к-рый терял поддержку не только в кругах финансово-капиталистической буржуазии, но даже и в кругах дворянского землевладения. В такой обстановке революционное движение, прерванное начавшейся мировой войной, снова пошло вверх для того, чтобы в конце-концов, в февр. 1917, привести к победе революции над царизмом.

Общая картина забастовочного движения за годы войны чрезвычайно наглядно видна из следующих данных: в 1914 было 1.337 тысяч стачечников, в 1915—539.500 стачечников, в 1916—951.500 стачечников, а за два первых месяца 1917 число стачечников поднимается до 676 тысяч. Нарастание движения особенно ярко видно по среднему числу забастовщиков на один месяц: за период с августа 1914 по март 1915 (8 месяцев) оно равнялось 10.260, за период с апреля 1915 по сентябрь 1916 (18 месяцев) оно достигает цифры 73.583, и, наконец, за период с октября 1916 по февр. 1917 (5 месяцев) оно достигает внушительной цифры—188.505 стачечников. Если сравнить стачечное движение 1915—17 (до Февральской революции) годов с движением в период первой революции 1905—07 и революционным подъемом 1912—1914, то сразу же обнаружится, что рабочее движение военных годов уступало как движению в годы первой революции, так движению и в предвоенные годы. Число экономических стачечников в 1905 — 07 равнялось 35,7% к общему числу стачечников, в 1912—1914—28,4% и в 1915—17—52%. Число политических стачечников за первый период равняется 64,3% общего числа стачечников, за второй период—71,6% и за третий период—48%. Характерной особенностью стачечного движения военных годов является то, что оно концентрировалось, с одной стороны, в таких крупнейших центрах, как тогдашний Петроград, и в то же время концентрировалось также по крупнейшим капиталистическим предприятиям. Во главе движения стоят металлисты, хотя движение в 1915 и началось с текстильщиков. Наряду с ростом экономических и политических стачек, необходимо отметить в годы войны и такие массовые рабочие демонстрации, как июньскую 1915 в Костроме и августовскую того же года в Иваново-Вознесенске.—Настроение широкой массы крестьянства в годы войны находило свое отражение и в армии. Сведения же об армейских настроениях свидетельствуют о том, что в годы войны в царской армии наблюдалось непрерывное глубокое брожение, к-рое находило различные формы своего внешнего выражения.

Февральская революция 1917. Эта волна массового движения, непрерывно нараставшего почти с первых месяцев войны, в начале 1917 поднялась чрезвычайно высоко, что находило свое выражение в могучем росте революционного рабочего движения за январь и февраль месяцы 1917. За эти два месяца число бастовавших предприятий равнялось 1.330 с числом рабочих свыше 677 тысяч человек. В январе 1917 общее число стачечников равнялось 244 тысячам рабочих, из них на стачки по политическим причинам приходится 66,4%. В феврале 1917 число забастовщиков под-

нимается до 432 тысяч. Из этого числа на Петроград падает 200 тысяч и на Москву 161 тысяча. Политические стачки в феврале по числу стачечников составляют 95,6% общего числа. Так, движение в годы войны, постепенно нарастая, вплотную подходило к могучему натиску на ненавистный народу режим самодержавно-крепостнического правительства. Февральская революция 1917 полной победой громадного большинства народа над царизмом закончила эпоху буржуазно-демократической революции в России.

Февральская революция 1917 со всеми своими особенностями была подготовлена не только крупнейшими изменениями в соотношении классовых сил в стране в годы войны, но также и теми социально-экономическими процессами, которые имели место в период между первой революцией и империалистской войной. Февральская революция явилась прямым продолжением и победоносным завершением революционного движения 1905—1907. «Без революции 1905—1907 годов, без контр-революции 1907—1914 годов, — писал Ленин, — невозможно было бы такое точное „самоопределение" всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней Февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна" точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры" знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 14).

Основная линия развития партии в эпоху буржуазно-демократической революции. Общепризнанное значение II партийного съезда состояло в том, что он закончил процесс образования соц.-дем. партии. Ленин в следующих словах характеризовал эту сторону работы съезда: «Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: партии» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 327).—Но этот же съезд, создавший из отдельных кружков и групп единое целое — пролетарскую партию, ознаменовался началом раскола, который наложил громаднейший отпечаток на весь последующий ход развития революционной пролетарской партии в России. Именно со II съезда начинается борьба внутри созданной «Искрой» партии двух течений, а беря в перспективе—двух партий: мелкобуржуазной и пролетарской. Со второго съезда партия вышла не единой, а расколотой на две части: на «меньшинство» и большинство». Т. о., II съезд, закончивший образование революционной с.-д-тии России, начинал одновременно с этим историю большевизма как преемника и продолжателя организационных принципов, тактики и программы революционной соц.-дем. рабочей партии.

Если взять 15 лет, которые прошли со II съезда (1903) до Февральской революции (1917), и рассмотреть весь путь партийного развития за эти годы с точки зрения организационных взаимоотношений между двумя направлениями (двумя партиями), боровшимися внутри рабочего движения на протяжении всех этих лет, то получим чрезвычайно показательные данные.—В 1904 и 1905 большевизм и меньшевизм оформляются и существуют как две самостоятельных организации, все более и более расходящиеся в своих организацион. и тактич. взглядах. В апреле — мае 1905 в Лондоне собирается III съезд, чисто большевистский по составу, к-рый завершает процесс организационного выделения и организационного оформления большевизма. Но в конце 1905 возобновляются попытки ликвидации самостоятельного существования двух партий, а в апреле 1906 года IV «объединительный» съезд в Стокгольме организационно оформляет эти попытки. В 1906 и 1907, несмотря на непрекращающуюся весьма ожесточенную борьбу, меньшевизм и большевизм существуют в рамках единой партии, которая имеет Центральный комитет, регулярно собирающиеся конференции и пр. Конец 1907 года кладет начало выделению, с одной стороны, ликвидаторства, а с другой—отзовизма. Декабрьская общерусская конференция в 1908 собирает под знамя единой партии большевиков и меньшевиков-партийцев при наличности идейно руководящего и численного преобладания большевизма. Эта конференция объявляет решительную идейную и организационную борьбу ликвидаторству. Но и это объединение не было ни прочным, ни устойчивым. В 1909, 1910 и 1911 продолжается процесс оформления ликвидаторства и отзовизма, и большевизм, все более и более организационно оформляясь, окончательно выдвигается в качестве единственного преемника славных традиций революционной с.-д-тии. В начале 1910 в последний раз собирается пленум Центрального комитета, избранный на Лондонском съезде в 1907. Но эта последняя попытка объединения была попыткой гнилой и заранее обреченной на полнейший провал. В 1912 в январе собирается Пражская всероссийская конференция, после которой большевизм, вплоть до Февральской революции, существует в качестве совершенно самостоятельной и вполне организационно оформленной пролетарской партии.

Т. о., из рассматриваемых нами 13 лет, в течение 2 лет — 1906 и 1907 — большевизм существовал в рамках единой партии с меньшевизмом; в течение последующих 4 лет—1908—11—мы имели налицо раскол, прерываемый непрочными попытками объединения; в самостоятельной организационно выделенной форме большевизм суще-

ствовал в течение 2 лет—1904 и 1905—и в течение 5 лет — с 1912 по 1917. Следовательно, из 13 лет два года приходятся на объединенное существование, четыре года—на раскол и семь лет—на самостоятельное, организационно выделенное существование большевизма. Это дает полное основание утверждать, что на протяжении почти всей эпохи буржуазно-демократической революции в России большевизм существовал как самостоятельная и организационно оформленная революционная пролетарская партия. Этот процесс генеральной размежевки на протяжении эпохи буржуазно-демократической революции в России происходил во всех частях, составлявших РС-ДРП. Не останавливаясь на его характеристике, необходимо отметить, что объединение с национальными соц.-дем. организациями произошло в период первой революции. На Стокгольмском съезде (в 1906) был разрешен вопрос об объединении с национальными с.-д. организациями (соц.-д-тия Польши и Литвы, соц.-д-тия Латышского края и Бунд).На Лондонском съезде (в 1907) партия была представлена во всех составляющих ее частях.—Ставя вопрос, «в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм», Ленин отвечает на него таким образом: «во-первых, и гл. обр., в борьбе против оппортунизма, который в 1914 окончательно перерос в социал - шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения», и, во-вторых, «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелкобуржуазной революционности, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы» (Ленин, Соч.,т.XXV, стр.179—180).—В непрерывной, напряжен. и ожесточенной борьбе с этими главнейшими врагами внутри рабочего движения и происходил процесс идейного оформления большевизма.

Громадную роль в истории большевизма сыграли 1904 и 1905, на протяжении которых были развернуты основные тактические принципы ленинского учения, являвшиеся прямым продолжением революционных принципов старой «Искры», к-рая, как указывал Ленин, была «вполне большевистской по направлению». В годы первой революции, находясь в рамках единой партии с меньшевизмом, большевизм продолжал развивать и отстаивать свою основную линию во всех организационных и тактических вопросах революционной борьбы против либеральной политики меньшевизма и против псевдо-левой, а на деле полуменьшевистской, теории «перманентной революции» Парвуса—Троцкого.—В годы послереволюционной реакции (1908—10) большевизм в новой обстановке, при изменившемся соотношении классовых сил, в тяжелых условиях идейно - организационного разброда внутри рабочего движения продолжал оттачивать и укреплять свое идейное оружие в борьбе против ликвидаторства и его союзника — троцкизма, против отзовизма, примиренчества, эсеровского оппортунизма и постоянных колебаний в немногочисленных рядах меньшевиков-партийцев.—В годы революционного подъема (1911—14) большевизм во всеоружии выходит на арену широкого массового революционного движения в качестве авангарда революционного пролетариата и в открытых схватках со всеми врагами революционного марксизма внутри и вне рабочего движения победоносно двигается вперед в деле отстаивания и дальнейшей разработки основных принципов ленинизма.—В годы империалистской войны (1914—17) большевизм, в тягчайших условиях краха 2 Интернационала и разгрома рабочего движения, в обстановке каторжного военного режима, выдвигается в качестве наиболее последовательно революционного авангарда международного рабочего движения и, борясь за марксизм и ленинизм против социал-шовинизма и каутскианства, сплачивает передовые элементы не только российского, но и международного пролетариата, закладывая в ходе этой борьбы фундамент Коммунистического Интернационала. Идейная и организационная подготовка к этой роли международного авангарда была проделана большевиками во главе с Лениным еще в довоенный период истории 2-го Интернационала.

Враги большевизма внутри рабочего движения. Непрерывная борьба большевизма с меньшевизмом, ликвидаторством, социал-шовинизмом, примиренчеством, «лево»-отзовистскими уклонами и троцкизмом в эпоху буржуазно-демократической революции в России была не чем иным, как подготовлением элементов такой революционно - пролетарской партии, которая была бы в состоянии не только руководить непосредственной борьбой за осуществление диктатуры пролетариата, но и после завоевания пролетариатом государственной власти руководить практической повседневной работой по строительству социализма. «Рабочий класс в России, — писал Ленин, — не мог сложить своей партии иначе, как в решительной тридцатилетней борьбе со всеми разновидностями оппортунизма» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 223).—Если, забегая несколько вперед, охватить общим взглядом всю историю партии, то с чрезвычайной наглядностью обнаружится одно обстоятельство, а именно, что на протяжении всей своей истории наша партия внутри рабочего движения имела трех врагов: партию социалистов-революционеров, меньшевизм и троцкизм. Все они кончили одинаково бесславно. Мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров уже в эпоху буржуазно-демократической революции объективным ходом своих зигзагов, предательств и прямых измен предопределила свое последующее контрреволюционное перерождение, а начиная с момента захвата рабочим классом государственной власти, она уже в полной мере обнаруживает свою контр-революционную сущность и в годы ожесточеннейшей гражданской войны возвращается к тактике единоличного террора, направленного про-

тив лучших представителей первого в мире пролетарского государства. Исторический путь партии меньшевиков в эпоху буржуазно-демократической революции был путем непрерывного сползания сначала к ликвидаторству с его лозунгом разрушения нелегальной партии пролетариата, а затем к социал-шовинизму с его признанием защиты буржуазного «отечества» в годы империалистской войны, т. е. к прямому переходу на сторону империализма. Это обстоятельство в полной мере предопределило то, что меньшевизм после Октябрьского переворота оказался в одном лагере с классовыми врагами пролетарской революции. Исторический путь троцкизма как одной из разновидностей меньшевизма был несколько иным, но, тем не менее, свою историю он заканчивает в лагере прямых врагов той партии, под руководством к-рой в невероятных трудностях строится социализм на территории одной шестой части земного шара. В эпоху буржуазно-демократической революции троцкизм фактически был жалким подголоском меньшевизма. На протяжении всех рассматриваемых пятнадцати лет троцкизм то почти совершенно сливался с меньшевизмом, как то было в годы нового революционного подъема, то отходил от меньшевизма, как то было в годы империалистской войны, но и в этом последнем случае он то и дело сползал к фактической поддержке меньшевизма (социал-шовинизма) против пролетарской партии большевиков, являясь по сути дела разновидностью каутскианства. — Такова история этих врагов большевизма внутри рабочего движения, с которыми партии приходилось начинать и вести борьбу в годы буржуазно-демократической революции в России. Наряду с этим большевизму в годы реакции (после первой революции) приходилось вести борьбу против богдановщины и богоискательства — этой «чистейшей философии поповщины» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», Соч., т. XIII, стр. 187). На июньском совещании расширенной редакции «Пролетария» (1909) было особо отмечено, что «богостроительство» Луначарского «является формой борьбы мелкобуржуазных тенденций с пролетарским социализмом-марксизмом» [см. «РКП(б) в резолюциях ея съездов и конференций», изд. 1922, стр. 105]. В эпоху буржуазно-демократической революции большевизму приходилось вести борьбу и против примиренчества. Эта задача с особенною резкостью вставала перед партией между II и III съездами, на III-м съезде и после него, а затем—в годы реакции, после революции 1905—07. Борясь в эти годы против «беспринципного и фразистого примиренчества» «большевиков—примиренцев», Ленин указывал, что «фракция примиренцев» оправдывала «ликвидаторство» «фракционностью большевиков». — «Неужели не ясно,—пишет Ленин в 1911,— что действительный смысл этого смешного противоречия субъективных суждений один, и только один: трусливая защита ликвидаторства, стремление из-за угла подставить ножку большевикам и оказать поддержку ликвидаторам» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 296).

Меньшевизм — «главный враг» большевизма. Меньшевистский оппортунизм, как говорил Ленин, был «главным врагом большевизма внутри рабочего движения». Пятнадцатилетняя история меньшевизма (1903—1917) была историей разрыва с принципами революционного марксизма в области основных организационных, тактических и программных вопросов, стоявших перед рабочим классом.—В 1903 меньшевизм выступает с планом расширения понятия партии и расширения доступа в нее мелкобуржуазным элементам, а в 1908—14 меньшевизм, переродившийся в ликвидаторство, выступает с планом разрушения нелегальной пролетарской партии. В 1903 меньшевики, вместо задачи разоблачения контрреволюционной сущности буржуазного либерализма, поставили своей целью определить условия, на к-рых можно было бы заключить соглашение с либеральной буржуазией, а в 1908—14 меньшевизм провозгласил формулу: «не гегемония, а классовая партия», и явился не чем иным, как буржуазным агентом в рабочем движении. «Именно такая формула выдвинута,—писал Ленин,—в самое послед. время ликвидаторами-голосовцами (Левицкий в «Нашей Заре») и одобрена либералами. Слова „классовая партия“ они понимают в брентановско - зомбартовском смысле: заботьтесь только о своем классе и бросьте „бланкистские мечты“ о руководстве всеми революционными элементами народа в борьбе с царизмом и с предательским либерализмом» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 14).—В 1903 году меньшевизм, заняв оппортунистическую позицию в организационных вопросах, тем самым, при условии углубления этой своей позиции, встал на путь фактического отказа от основного принципа марксизма, принципа революционной диктатуры пролетариата. В 1905 меньшевизм в резолюции т. н. первой общерусской конференции, говоря о задачах «ликвидации всего сословно - монархического режима», утверждал о Временном правительстве, что оно будет осуществлять эту задачу, «регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации», в силу чего он фактически скатился к струвистской формуле, что «государство есть прежде всего организация порядка». В годы же империалистск. войны меньшевизм, окончательно переросший в социал - шовинизм, встал на платформу «защиты отечества», т. е. докатился до позиции прямой поддержки контр - революционной буржуазии.

Т. о., на протяжении 15 лет мелкобуржуазная партия меньшевиков, начав с оппортунизма в организационных вопросах, дошла до прямого отказа от принципа революционной диктатуры, до прямой измены основным программным предложениям революционного марксизма.—И если столкновения с громадными трудностями в деле руководства революционной борьбой в годы первой революции, в годы послереволюционной реакции и нового подъема и, наконец, в годы империалистской войны приводили меньшевизм к колебаниям, дезорганизации и отказу от принципов революционного марксизма, то те же самые громадные труд-

ности поднимали большевистскую партию к практической постановке великих исторических задач, стоящих перед пролетариатом и его партийным руководством, и тем самым создавали основные предпосылки для дальнейшей разработки важнейших проблем теории Маркса и создания ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции.

Основные идеи большевизма в эпоху буржуазно-демократической революции. На II партийном съезде делегатами заграничного «Союза русских социал-демократов» к проекту партийной программы были предложены 22 поправки, отвергнутые в комиссии. Автор поправок, Акимов, совершенно недвусмысленно заявлял, что все его поправки будут иметь целью «изменить самый дух программы». Ленин расшифровал смысл этого заявления, подчеркнув, что авторы поправок дошли и «до опровержения» теории обнищания, и «до оспаривания» диктатуры пролетариата. Когда Плеханов на том же съезде произнес свою знаменитую речь по вопросу об относительности «демократических принципов», то член группы «Южный рабочий» и будущий меньшевик Егоров не только протестовал против точки зрения Плеханова, но и в своей речи заявил, что «т. Плеханов не принял во внимание, что закон войны один, а законы конституции другие. Мы пишем свою программу на случай конституции».

О диктатуре революционных классов. Акимовско-егоровская точка зрения была не чем иным, как мелкобуржуазным уклоном в сторону отказа от революционной диктатуры. Но тогда эти вопросы имели еще теоретическое значение. Революция 1905—07 перевела этот вопрос из области теории в область повседневной практики. Акимовско-егоровская точка зрения превратилась в меньшевизм, к-рый, в конце-концов, превратился в социал-шовинизм и дошел до прямого отказа от принципа диктатуры пролетариата. Большевизм же на протяжении всей своей истории, не на словах, а на деле, в практике движения, в ожесточеннейшей борьбе отстаивал и отстоял этот основной принцип революционного марксизма. И именно исходя из этого принципа, твердой ногой стоя на почве этого принципа, большевизм развил и дополнил ряд важнейших проблем марксизма, теснейшим образом связанных с вопросом о революционной диктатуре пролетариата, составляющих часть этого вопроса.

В начале 900-х гг., во время программных споров внутри редакции «Искры», Ленин с большой последовательностью отстаивал принцип диктатуры пролетариата, требуя обязательного «выделения» сначала одного только «единственно и исключительно» пролетариата, утверждая, что только эта «горстка» гарантирует «ведение, продолжение и расширение» классовой борьбы. В 1905 Ленин выдвинул идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, т. е. идею рабоче-крестьянского союза. И совершенно очевидно, что настойчивое выдвижение Лениным необходимости «выделения» классовой борьбы «одного» пролетариата производилось им исключительно с той целью, чтобы при дальнейшем развертывании массового революционного движения в полной мере обеспечить гегемонию пролетариата в интересах и для обеспечения революционного характера союза рабочего класса и крестьянства.

Ленин придавал огромнейшее, исключительное значение принципу диктатуры пролетариата. В 1917 он писал: «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 392). Но Ленин отлично понимал в то же время, что действительное осуществление этого принципа возможно только при одном обязательном условии, именно—если пролетариату удастся установить прочный союз с основной массой крестьянства при обеспечении в этом союзе руководящей роли за рабочим классом.—В марте 1906 в брошюре «Победа кадетов и задача рабочей партии» Ленин давал такое определение диктатуры: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 119). Придавая громадное значение вопросу о диктатуре пролетариата, Ленин не переставал разъяснять и доказывать, что это есть «коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVII, стр. 349).—Для России, не прошедшей еще этапа буржуазно-демократической революции, вопрос о революционной диктатуре конкретизировался в революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, которая, вопреки утверждениям Троцкого и меньшевиков, была формулой не «самоограничения» пролетариата, а формулой перехода борьбы за социалистическую диктатуру пролетариата в результате перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Теоретически этот вопрос был подвергнут обсуждению при выработке партийной программы внутри редакции «Искры» в 1901—1902. В 1903, на II партийном съезде, этот вопрос встал в известной степени уже в практической плоскости. В 1920 Ленин указывал, что «без подготовки диктатуры нельзя быть революционером на деле». В 1903 «подготовлять» диктатуру «на деле» значило создавать такую партию, которая была бы в действительности способна взять на себя руководство массовым революционным движением, доходящим до самых обостреннейших форм гражданской войны. В этом смысле споры о § 1 устава на II партийном съезде своими корнями уходили в вопрос о признании революционной диктатуры. И отстаивание Лениным такого партийного устава, который обеспечивал бы партии величайшую монолитность, дисциплинированность, сплоченность и упругую маневренность, было в тех условиях не чем иным,

как «подготовкой диктатуры», т. е. закладкой основ такой пролетарской партии, которая смогла бы повести широчайшие массы на вооруженную борьбу против капитализма. В 1905—1907 вопрос о революцион. диктатуре встал на очередь дня как коренной практический вопрос. В 1905, рассматривая вопрос о Временном революционном правительстве, Ленин подчеркивал, что «оно может быть только диктатурой, т. е. организацией не „порядка", а организацией войны». В 1906, «разъясняя» кадетским профессорам вопрос о диктатуре, Ленин писал: «Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти» (Ленин, Соч., том IX, стр. 95). И, давая такое определение отличия революционной диктатуры от диктатуры военно-полицейской, Ленин в своем ответе на вопрос: «разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки?» подчеркивал, что «без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников».—В те годы вопрос о революц. диктатуре ставился не только прямо, ибо «коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве», но он находил свое отражение и в спорах между большевиками и меньшевиками по вопросу о подготовке к вооруженному восстанию.—В «Что делать?» Ленин уже говорит о подготовке к восстанию, но тогда было еще далеко до постановки на очередь дня вопроса о технической подготовке к восстанию. В 1905 началась прямая вооруженная гражданская война народа с самодержавным правительством. Вопрос о вооруженном восстании стал вопросом дня. И в силу этого партия, к-рая не на словах, а на деле хотела остаться на почве признания принципа революционной диктатуры, должна была практически ставить вопрос о технической подготовке вооруженного восстания против царизма.—Необходимо отметить, что при разрешении задачи подготовки вооруженного восстания в революции 1905—07 партия большевиков сосредоточивала внимание на организации вооруженных сил (боевые дружины, партийная милиция и т. д.), на технике вооруженных сил (снабжение оружием, мастерские бомб и т. д.) и на тактике вооруженных сил (вооруженные восстания, партизанские выступления, уличный бой и т. д.).

Разгром революции и наступление реакции снимают с очереди дня вопрос о вооруженном восстании. Основной задачей момента выдвигается «длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата». Ленин, оставаясь на почве признания принципа революционной диктатуры, ведет борьбу как против ликвидаторов справа, так и против ликвидаторов «слева». При этом он самым беспощадным образом разоблачает авантюризм «отзовистов», к-рые поднимали разговор об устройстве «инструкторских групп и школ» для боевиков, и т. д.—В годы империалистской войны отстаивание лозунга революционной диктатуры партией большевиков выразилось в том, что она выдвинула лозунг «превращения войны империалистской в войну гражданскую», выдвинула вопрос о «вооружении пролетариата» и подчеркивала громадное значение революционной работы в войсках. «Нашим лозунгом,—писал в то время Ленин,—должно быть вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию».—Вопрос о Советах как форме пролетарской диктатуры относится уже к эпохе империализма и пролетарской революции. Но все же необходимо отметить, что, поскольку Советы рабочих депутатов возникали в годы первой революции, постольку они и тогда были связаны теснейшим образом с вопросом о диктатуре. В 1920 Ленин отмечал, что «споры о значении Советов тогда уже были связаны с вопросом о диктатуре» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 433). В 1906, в статье «Роспуск Думы и задачи пролетариата», Ленин, говоря об опыте октября—декабря 1905, подчеркивал: «Ведь Советы Рабочих Депутатов и т. п. были на деле зачатками Временного Правительства; власть неизбежно досталась бы им в случае победы восстания» (Ленин, Соч., том X, стр. 18). Учение о диктатуре пролетариата является важнейшей составной частью ленинизма.

О рабоче-крестьянском союзе. Выдвигая в начале 1905, до третьего съезда и на третьем съезде партии лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, Ленин тем самым, в конкретных условиях революционной борьбы в России, отстаивал и на деле проводил один из важнейших принципов учения Маркса. Одновременно с этим, Ленин в этой же формуле разрешал и вопрос о союзниках пролетариата в революционном движении. Здесь Ленин уже вплотную приступил к разработке учения о рабоче-крестьянском союзе, являвшегося неотъемлемой составной частью ленинизма. Это учение в его главнейших, основных, решающих чертах Ленин дал нам в период революции 1905—07.—На протяжении всей своей жизни Ленин с исключительным вниманием работал над аграрной проблемой. В своем «Проекте программы нашей партии», написанном в конце 1899, Ленин ставил вопрос о том, «сумеют ли эти революционные элементы рус. крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западно-европейские крестьяне при низвержении абсолютизма», подчеркивая в то же время, что «рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов, к-рые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам» (Ленин, Соч., т. II, стр. 520). А как теперь известно, в 1902, до начала массового крестьянского движения этого года, Ленин, высказываясь за требование так назыв. «отрезков», в то же время выдвигает лозунг национализации земли как лозунг «эпохи революционного восстания».

В годы первой революции Ленин в основном создал свое учение о рабоче-крестьянском союзе, к-рое он в дальнейшем, на всем протяжении рассматриваемой эпохи, при изменяющихся условиях борьбы и соотношения классовых сил, продолжал отстаивать, практически проводить и разрабатывать. Еще в 1894, в брошюре «Что такое друзья народа?», Ленин особо подчеркивал «двойственный характер» класса мелкой буржуазии и указывал, что, борясь против «реакционных сторон» мелкобуржуазной программы, «не следует забывать об их демократической части». Эту мысль Ленин настойчиво проводил при оценке всех мелкобуржуазных программ—народовольческой, эсеровской, трудовической и т. д.—В начале 1905 в большевистской газете «Вперед» был выдвинут лозунг революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Ленин в многочисленных своих статьях в течение всего 1905 не перестает разъяснять и доказывать основной смысл и значение этого лозунга. В статье «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры», конец которой написан Лениным, Владимир Ильич писал: «Не слово „коммуна" должны мы перенимать у великих борцов 1871 г., не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 470). В брошюре «Две тактики социал-демократии» Ленин с особой отчетливостью выделил вопрос о «прошлом» и «будущем» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. «Ее прошлое,—указывал он,—борьба против самодержавия, крепостничества, монархии, привилегий», а «ее будущее—борьба против частной собственности, борьба за социализм» (Ленин, Соч., том VIII, стр. 84—85). Развивая эти взгляды, Ленин постоянно подчеркивал руководящую роль пролетариата в деле осуществления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Осуществление пролетарского руководства крестьянством было возможно только при том условии, если пролетариат будет вести последовательно-революционную политику. Это — с одной стороны, а, с другой, как указывал Ленин в «приветственной» статье крестьянскому союзу (в конце 1905),—«их ошибки в понимании задачи демократизма и социализма мы должны разъяснять терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба» (Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 384). Огромное значение в деле организации крестьянства для победы Ленин придавал революционным крестьянским комитетам. Этот вопрос был выдвинут в программе, принятой II съездом партии. К нему Ленин постоянно возвращался в первую революцию: «социалисты - революционеры напирают на „социализацию" и т. п., а мы на революционные крестьянские комитеты: без них, говорим мы, все преобразования—ничто. С ними и опираясь на них, возможна победа крестьянского восстания». Подчеркивая задачу организации всего крестьянства для борьбы под руководством пролетариата за демократическую республику, большевики, однако, всегда проводили линию на особую организацию сельского пролетариата и бедноты. «Классовый антагонизм,—писал Ленин в статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению»,—между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией неизбежен, и мы заранее вскрываем его, разъясняем его, готовимся к борьбе на почве его... Мы... не затушевываем, а разоблачаем зреющую новую классовую борьбу в недрах крестьянства» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 186).

Идея необходимости союза пролетариата и революционного крестьянства красной нитью проходила через всю большевистскую тактику в период 1-й и 2-й Гос. дум, т. е. в 1906—07. В этот период большевики проводили тактику «левого блока». К идее «левого блока» Ленин возвращается и в период 3-й и 4-й Государственных дум. Во время 1-й Думы лозунгом партии было—«За Исполнительный Комитет левых, т. е. социал-демократов и трудовиков», во время выборов во 2-ю Думу партия стояла против блоков с кадетами и за «самостоятельную кампанию с допущением левого блока».—Рассматривая вопрос об отношении партии к трудовой группе в 1-й Гос. думе, Ленин указывал, что мы должны стремиться «к отделению трудовой группы от кадетов», и, ставя вопрос—с кадетами или с крестьянской демократией должен теперь итти рабочий класс, Ленин отвечал: «Ответ может быть только один: не с кадетской, а с революционной демократией, не с либералами, а с крестьянской массой». Следя за постановкой вопроса о земле в 1-й Госуд. думе, Ленин свою статью по этому вопросу заканчивал таким образом: «Надо напрячь все усилия, чтобы союз социалистического пролетариата и революционного крестьянства окреп и вырос ко времени неизбежной грядущей развязки нынешнего политического кризиса» (Ленин, Сочинения, т. IX, стр. 257). И, наконец, рассматривая вопрос об избирательных соглашениях в выборную кампанию во 2-ю Думу, Ленин, подчеркивая необходимость «полной самостоятельности классовой партии революционного пролетариата», в то же время указывал, что «общее положение о необходимости союза пролетариата и революционного крестьянства ведет... к признанию необходимости лишь частных соглашений (по типу: с трудовиками против кадетов) на высших стадиях избирательной системы» (Ленин, Соч., том X, стр. 145).—Т. о., в годы первой революции «основой всей большевистской тактики» являлось, по определению Ленина, положение, что «победа революции в России возможна только в том случае, если пролетариат поведет за собой демократическое крестьянство и против старого порядка и против либералов». Эта линия нашла свое полное отражение в резолюции лондонского партийного съезда об отношении к непролетарским партиям. Лозунг революционно-демократической

диктатуры пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 был не чем иным, как конкретным выражением идеи союза рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса. В конце 1907, в своей книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—07 гг.» (Сочинения, т. XI, стр. 329—499), Ленин с чрезвычайной резкостью выдвинул вопрос о двух путях «объективно возможного буржуазного развития», которые он назвал путями прусского и американского типа. Прусский путь представлял собой «буржуазную эволюцию помещичьего типа», а америк. путь—«буржуазную эволюцию крестьянского типа». Ленин указывал, что «в экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции».

В письме к Свердлову в конце 1909—начале 1910 Ленин, оценивая общее положение в стране, подчеркивал, что «нет, мы не можем „ликвидировать“ идею общедемократического натиска: это было бы коренной ошибкой. Мы должны признать возможность „немецких рельсов“, но не забывать, что их пока нет. Нет и нет» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XI, ч. 1, стр. 373). В это же, приблизительно, время он в письме к Скворцову-Степанову, исходя из этой же оценки, подробно останавливался специально на вопросе о двух путях буржуазной аграрной эволюции. Этот вопрос в годы реакции был выдвинут на первый план потому, что самодержавное правительство, вступив на путь столыпинской реформы, делало попытку направить буржуазное аграрное развитие страны по прусскому пути, т. е. разрешить его целиком и полностью в интересах помещичьего землевладения. «Национализация земли—крестьянская ломка старого землевладения,—писал Ленин в этом письме,—есть экономическая основа америк. пути. Закон 9/XI 1905 г.—помещичья ломка старого землевладения есть экономическая основа прусского пути». И тут же он добавлял: «Наша эпоха, 1905—?? гг., есть эпоха революционной и контр-революционной борьбы этих путей», особенно подчеркивая, что «у нас еще идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе нашей эпохи (1905—19?? гг.) выступит, обязательно выступит „общедемократическое“ движение „мужичка“, и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, на деле приводящей к меньшевизму...» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 215—216). Попрежнему в центре внимания Ленин ставит вопрос о борьбе с кадетами за руководство крестьянством. В начале 1908 он пишет, что «либерализм после опыта двух Дум потерпел полное фиаско: ему не удалось „приручить мужичка“». Но, если «либерализм уже окончательно доказал свою контр-революционность», то «крестьянство еще не вполне поняло, что только на революционно-республиканском пути, под руководством социалистического пролетариата, может быть завоевана настоящая победа» (Ленин, Соч., том XII, стр. 175). — Из общей суммы этих положений неизбежно следовало, что основа большевистской тактики предыдущего периода сохранила свою силу и для нынешнего послереволюционного периода, несмотря на то, что конкретная обстановка изменилась, что произошли изменения и в соотношении классовых сил. Основное заключалось в том, что буржуазно-демократическая революция не была снята с порядка дня исторического пути нашей страны, а в силу этого и основные предпосылки, определявшие тактику большевизма, сохранили все свое значение.—В начале 1909 Ленин, рассматривая решения только-что закончившейся партийной конференции, отмечал, что «основная позиция пролетариата по отношению к задачам буржуазно-демократической революции в России остается неизменной», целью борьбы попрежнему является «полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством» (Ленин, Соч., том XIV, стр. 27—28). И в то время как меньшевизм, находившийся под властью формулы—революция буржуазная, а следовательно, и руководящей силой ее должна быть буржуазия,—пасовал перед сложностью и своеобразием положения и постепенно скатывался к полному отказу от революционного марксизма, большевизм на основе революционного марксизма, исходя из точного учета конкретной обстановки со всем ее своеобразием и сложностью, обогащал учение Маркса дальнейшей разработкой важнейш. проблем, выдвигавшихся развитием революц. движения.—В зависимости от большевист. постановки вопроса о диктатуре пролетариата и союзниках пролетариата в его борьбе за осуществление своей конечной цели, ставился и вопрос о содержании лозунга борьбы за демократ. республику. Необходимо отметить, что на протяжении рассматриваемой эпохи содержание этого лозунга изменялось. В годы революции большевизм выдвинул положение, что полной победой буржуазно-демократической революции может быть лишь осуществление лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. При этом Ленин добавлял, что «только в этом случае он (пролетариат) не „растворится“ в буржуазной демократии, а наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток» (Ленин, Соч., том VIII, стр. 65). Пролетариату указывалась задача—«победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу». При чем отмечалось, что необходимо «давать практические лозунги и не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения». В критике Каменева (на XV конференции 1926) Сталин совершенно правильно подчеркивал, что «победу буржуазно-демократической революции Ленин мыслил себе не как окончание борьбы пролетариата и революции вообще, а как первый этап и переходную ступень к революции социалистической» [15 конференция ВКП (б), стр. 731]. Ленин оговаривался «во избежание возможных недоразумений», что под республикой мы понимали «не только и даже не столько форму правления, сколько всю

совокупность демократических преобразований нашей программы минимум».

В 1915, в редакционной статье в «Социал-Демократе», Ленин снова подчеркивал, что «социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». При этом он указывал, что перед пролетариатом России стоит задача «довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, д а б ы разжечь социалистическую революцию в Европе». И тут же добавлял, что «эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей». И именно в зависимости от этого редакционная статья, выдвигая лозунг «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день), в то же время вносила следующие добавления: во-первых, что «лозунг Учредительного собрания» как самостоятельный лозунг неверен, ибо «весь вопрос т е п е р ь в том, кто созовет его»; во-вторых, что правильней всего лозунг «трех китов», но «с добавлением призыва к международной солидарности рабочих к борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны» и, в-третьих, что «Советы Рабочих Депутатов и тому подобные учреждения должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти» (Л е н и н, Соч., том XVIII, стр. 311—312). В вышецитированной речи Сталин указывал, что «как в 1905, так и в 1915 году, Ленин одинаково исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перейти н е м е д л е н н о ко второму ее этапу, к революции социалистической» [15 конференция ВКП (б), стр. 732]. После победы над царизмом, в феврале 1917, Ленин в своих апрельских тезисах выставил лозунг: «не парламентарная республика, — возвращение к ней от Советов Рабочих Депутатов было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов во всей стране снизу до верху» (Соч., т. XX, стр. 88). Этот лозунг был подготовлен опытом Парижской Коммуны 1871, опытом революции 1905—07 и опытом революционной борьбы при изменившемся соотношении классовых сил в годы империалистской войны.

В то время как в эпоху буржуазно-демократической революции с 1903 по 1917 меньшевизм со ступеньки на ступеньку скатывался к поддержке контр-революционной буржуазии в годы империалистской войны, большевизм поднимался все выше и выше в деле все более и более конкретной разработки учения о диктатуре пролетариата и учения о рабоче-крестьянском союзе, подготовляя тем самым реальную возможность, после победы буржуазно-демократ. революции, выдвижение лозунга «Республики Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов во всей стране снизу до верху».

О н а ц и о н а л ь н о м в о п р о с е. Третьей составной частью ленинизма в эпоху буржуазно-демократической революции было учение Ленина в национальном вопросе. Национальный вопрос не выходил из сферы внимания Ленина на протяжении всей его революционной жизни, но с особой отчетливостью и полнотой сформулировал Ленин основные положения своего учения в национальном вопросе лишь в годы нового революционного подъема в России и в годы империалистской войны. Ленин придал совершенно особое значение национальному вопросу в целом; он по-новому истолковал принцип самоопределения наций, связал национальный вопрос с вопросом о свержении власти империалистской буржуазии и т. д. Все эти элементы ленинских постановок в нац. вопросе были целиком и полностью в своей основе подготовлены, поставлены и разрешены в эпоху бурж.-демокр. революции.— К разработке национального вопроса Ленин вплотную подошел в 1912—13. Это было вызвано не только ростом великодержавного национализма и усилением национального гнета в России, не только обострением национального вопроса в Европе, но и революционным пробуждением Востока. В мае 1913 Ленин пишет: «Давно ли Китай слыл образцом стран векового полного застоя? А теперь в Китае кипит политическая жизнь, ключом бьет общественное движение и демократический подъем. Вслед за рус. движением 1905 г. демократическая революция охватила всю Азию—Турцию, Персию, Китай. Растет брожение в английской Индии. Интересно, что революционно-демократическое движение охватило теперь и голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии, имеющие населения до 40 млн. человек» (Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 383). В эти годы Ленин со всей резкостью подчеркивает свою точку зрения по вопросу о праве наций на самоопределение, говоря: «никаких, безусловно, привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т. е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем». А партийное совещание 1913 года постановляет, что под правом наций на самоопределение должно пониматься право «на отделение и образование самостоятельного государства». В 1913 Ленин, внимательно следя за «пробуждением Азии», писал: «буржуазия Европы, испуганная силой рабочего движения, бросилась в объятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия. Но на смену этой, заживо гниющей буржуазии идет пролетариат европейских стран и молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам, демократия азиатских стран» (Л е н и н, Соч., том XVI, стр. 384). А в 1916 Ленин, подробно анализируя вопрос о том, как должна мыслиться нами социальная революция, указывал, что «мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать в с я к о г о народного движения против о т д е л ь н ы х бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса» (Л е н и н,

Соч., том XIX, стр. 270). И тут же он добавлял, что мыслить социальную революцию «без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками», это значит «отрекаться от социальной революции» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 269). В этих массовых движениях против национального гнета и колониального рабства Ленин искал и находил союзников в борьбе пролетариата против империализма. — Таким обр., в годы перед войной и в годы империалистской войны Ленин, на основе опыта национальной борьбы в России и опыта массовых национальных и колониальных движений во всем мире, развил то новое, что характеризует ленинскую позицию в национальном вопросе. — При разработке и отстаивании своей точки зрения в этом вопросе Ленину и до войны и во время войны пришлось выдержать внутри партии и внутри рабочего движения не малую борьбу с инакомыслящими по этому вопросу. Ленин одновременно боролся и с меньшевистским оппортунизмом в национальном вопросе, а также с польским и рус. люксембургианством, скатывающимся к прудонизму.—Перед войной (в начале 1914) он самым подробнейшим образом останавливается на праве нации на самоопределение. Он обрушивается на Розу Люксембург, которая выступила против § 9 нашей программы (1903) и квалифицировала право нации на самоопределение как «чистейшее общее место». Ленин пишет: «Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнивать к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 471). Жестокие удары обрушивал он также и на проявление половинчатости и «лицемерия» в вопросе о праве наций на самоопределение, выступая, м. пр., со всей резкостью и против тогдашней позиции Троцкого в этом вопросе.

«И теперь,—писал Ленин,—откровенные социал-империалисты, вроде Ленча, прямо восстают и против самоопределения, и против отрицания аннексий. А каутскианцы лицемерно признают самоопределение—у нас в России по этому пути идут Троцкий и Мартов. На словах оба за самоопределение, как и Каутский! А на деле? У Троцкого—возьмите его статьи «Нация и хозяйство» в «Нашем Слове»—видим обычный его эклектицизм: с одной стороны, хозяйство сливает нации, с другой стороны, национальный гнет разъединяет. Вывод? Вывод тот, что царящее лицемерие остается неразоблаченным, агитация безжизненной, не затрагивающей главного, коренного, существенного, близкого к практике: отношения к нации, угнетаемой „моей“ нацией...» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 271). И для того, чтобы с еще большей резкостью оттенить все значение этих ошибок, Ленин добавлял: «Каковы бы ни были субъективные „благие“ намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают рус. социал-империализм» (там же).

О партии. Четвертой составной частью ленинизма является учение Ленина о партии. После опубликования Ленинским институтом сибирских статей Ленина, относящихся к 1899 (см. Ленинский сборник, III, стр. 3—30, а также Ленин, Сочинения, т. II, стр. 487—504), совершенно ясно, что уже в это время Лениным со всей полнотой были разработаны основные организацион. принципы ленинизма. Все организационные основные идеи «Что делать?» можно уже найти в той или иной степени оформленными в этих статьях. В статье «Насущный вопрос» Ленин, обрушиваясь на кружковщину и кустарничество, со всей решительностью напирает на то, что для систематической борьбы против правительства «мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства» (Соч. т. II, стр. 501). В статье «Наша ближайшая задача» Ленин в качестве таковой выдвигает «организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии» (стр. 498). А в статье «Насущный вопрос» он в след. словах определяет огромное организующее значение такого парт. органа: «Только создание общего органа партии может дать каждому „частичному работнику“ революционного дела сознание того, что он идет „в ряду и в шеренге“, что его работа непосредственно нужна партии, что он является одним из звеньев той цепи, кольца которой задушат злейшего врага русского пролетариата и всего русского народа—русское самодержавное правительство» (стр. 502).—Эти организационные идеи 1899 Ленин окончательно развил и оформил в 1902 в своей брошюре «Что делать?», в которой он целиком и полностью изложил основы своего учения о партии. Если в борьбе с «экономизмом» до возникновения меньшевизма Ленин имел уже совершенно разработанную всю систему своих взглядов по организационным вопросам, то в дальнейшем ходе развития партии эта составная часть ленинизма разрабатывалась, оформлялась и дополнялась в самой непосредственной и теснейшей связи с борьбой против меньшевизма, ликвидаторства, примиренчества троцкизма и социал-шовинизма. И в то время, когда меньшевизм от своей формулировки § 1 партийн. устава 1903, широко раскрывавшего двери партии для наплыва в нее мелкобуржуазных элементов, скатывался до организационных проектов рабочего съезда и «широкой рабочей партии», прямым путем ведущих к растворению революц. пролетарской партии в беспартийн. политич. рабочей организации, а затем (1908—14) к ликвидаторским планам разрушения нелегальной пролетарской партии и заменой ее легальной столыпинской рабочей партией, большевизм, в жесточайшей борьбе с меньшевистско-ликвидаторскими организационными планами и примиренческим к ним отношением, отстаивал и практически проводил основы своего организационного учения. Свои ликвидаторские планы меньшевизм в годы реакции «прикрывал» формулой: «не гегемония, а классовая партия». Ленин разоблачал эти

планы, указывая, что «проповедывать рабочим, что им нужна „не гегемония, а классовая партия“, значит передавать либералам дело пролетариата, значит проповедывать замену с.-д. рабочей политики либеральной рабочей политикой».

И не кто иной, как Троцкий в 1904, в брошюре «Наши политические задачи», своей исключительной по развязности и по неразборчивости в средствах критикой организационных взглядов большевизма, выболтал главнейшие мотивы, лежащие в основе как меньшевистских организационных планов, так и меньшевистской критики организационных принципов большевизма. В своей брошюре Троцкий в полной мере обнаруживает, что в основе меньшевистского оппортунизма в организационных вопросах, в сущности говоря, лежал отказ от принципа диктатуры пролетариата.—В эпоху буржуазно-демократической революции меньшевизм, перенявший оппортунистическое наследство экономизма, в конце-концов превратился в социал-шовинизм с его прямой поддержкой контр-революционной буржуазии в империалистской войне, а большевизм в непрерывной, систематической и упорной борьбе со всеми видами, разновидностями и подголосками меньшевизма, в т. ч. и с троцкизмом и с примиренчеством, оформился в могучую руководящую силу массовой борьбы рабочего класса, выступил в качестве революционного авангарда на арену международного рабочего движения и, на основе всего опыта классовой борьбы этого пятнадцатилетия, развил и на практике движения многократно проверил все главнейшие составные части революционной теории пролетариата.—В Февральскую революцию 1917 большевизм вошел с громадным политическим опытом, с исключительными способностями маневрировать в самых сложнейших условиях классовой борьбы и с громадным количеством организационных навыков, сообщавших всей его революционной работе величайшую гибкость, сочетающуюся с гранитной твердостью. Победа над царизмом в обстановке не закончившейся еще империалистской войны поставила историю нашей партии в совершенно новые условия и положила начало новой эпохе в развитии большевизма, которая, при всех своих особенностях, является прямым продолжением пятнадцатилетней истории большевизма в условиях буржуазно-демократической революции в России.

IV. Партия в эпоху пролетарской революции.

Общая обстановка этой эпохи. В 1908, в статье «Марксизм и ревизионизм», Ленин писал: «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу,—то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,—это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 189).

Эпоха пролетарской революции, подготовленная всем развитием капитализма и гигантски ускоренная первой империалистской войной, на практике, в ходе революционного действия многомиллионных масс, привела к гигантскому обострению «всех спорных вопросов» и на деле «сконцентрировала все разногласия» на таких «пунктах», к-рые «имели самое непосредственное значение для определения поведения масс», поднявшихся на борьбу против всемирного господства империализма. Это верно в отношении пролетарских партий всего мира. Это особенно верно в отношении пролетарского движения и пролетарской партии нашей страны.

Последнее десятилетие мировой истории, являющееся первым десятилетием мировой пролетарской революции, ознаменовалось в нашей стране невиданными по своему размаху и напряженности битвами на всех фронтах — военных, хозяйственных и культурных. ВКП (б) в своем развитии, в своих победах и поражениях, колебаниях и могучем единстве отразила эту гигантскую по классовым столкновениям эпоху первого десятилетия пролетарской революции.

Первая империалистская война затянулась до ноября 1918. Она сопровождалась громадным разрушением производительных сил и невиданным обострением классовых противоречий.—На Штуттгартском конгрессе 2 Интернационала Ленин и Роза Люксембург предложили след. дополнение к резолюции о грядущей войне, принятое конгрессом: «Если... война начнется, то они (рабочие классы соответствующих стран и их представители в парламенте) обязаны содействовать ее скорейшему окончанию и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать созданный войной хозяйственный и политический кризис для политической встряски широких народных слоев и для ускорения гибели капиталистического классового господства» (Ленин, Соч., т. XII, примечания, стр. 446). В Штуттгарте германская с.-д-тия обнаружила свое оппортунистическое лицо, не проявила себя как «руководящая сила» (слова К. Каутского). Одновременно с этим ленинская поправка свидетельствовала о том, что именно большевизм в Штуттгарте, т. е. на международной арене, выступил подлинным бойцом за революционный марксизм против оппортунизма 2 Интернационала. Здесь же была сделана попытка и организационно закрепить свою позицию (совещание сторонников Ленина).

В самом начале войны в 1914 Ленин, проводя линию, намеченную резолюциями Штуттгартского и Базельского конгрессов, провозгласил лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую. Роберт Гримм отказался напечатать первое обращение Центрального Комитета партии, содержавшее этот лозунг, объявив провозглашение этого лозунга «анархизмом». В ноябре 1914 года Ленин написал

следующие пророческие слова: «Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую, следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и „своей“ страны и „чужих“ стран» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 71). В нашей стране это было осуществлено Октябрьской Революцией 1917.

Развитие, ход и исход великих классовых битв и гигантского социалистического строительства, имевших место на территории б. царской империи, могут быть поняты только в теснейшей связи с развитием всей международной обстановки первого десятилетия пролетарской революции. Империалистская война, Февральская революция, Октябрьский переворот и гражданская война являются отдельными звеньями одной и той же исторической цепи событий.

VI конгресс Коминтерна дал общую характеристику тем трем периодам, из к-рых складывается последнее десятилетие. Неслыханное разорение, бедствия, мучения и ужасы империалистской войны 1914—18 расшатали основы капиталистического строя и вызвали во всех странах Зап. Европы громадное революционное движение угнетенных. В силу этого, первый период после империалистской войны был периодом «острейшего кризиса капиталистической системы» и «непосредственных революционных выступлений пролетариата». Он сопровождался не только рядом побед рабочего класса над буржуазией, но и рядом еще более жестоких поражений. Наивысшей точкой его, как указано в резолюции конгресса, являлся 1921, а заключительным звеном — «поражение герм. пролетариата в 1923 г.». Этот период мировой истории в основном совпал с нашим периодом гражданской войны и последующим периодом начала нэпа. Совпадение этих периодов наглядно подчеркивает одну из важнейших причин нашей победы на фронте гражданской войны и на фронте хозяйственной разрухи в первые годы нэпа.

Недаром Ленин писал после окончания гражданской войны, что рабочие передовых стран «сорвали войну против нас пассивным и полупассивным сопротивлением» и что «моральной силой рус. рабочего было то, что он знал, чувствовал, осязал помощь, поддержку в этой борьбе, к-рая была оказана ему пролетариатом всех передовых стран в Европе». И прекрасной иллюстрацией могучего влияния как своего, взбудораженного империалистской войной «тыла», так и, говоря словами французского коммуниста Марти, «моральной силы социальной революции» является Черноморское восстание 1919, когда из рук сухопутных и морских офицеров франц. империализма вырвалась крупная вооруженная сила, состоящая из нескольких десятков тысяч солдат и целой эскадры на Севастопольском рейде.—Волна революционного движения в странах Европы была достаточно сильна, чтобы потрясти до основания устои капитализма и оказать «пассивное и полупассивное сопротивление» своим собственным капиталистам, организовавшим войну против пролетарского государства, но она была недостаточно сильна, чтобы сбросить и раздавить власть империализма.

Второй период характеризуется резолюцией VI конгресса как «период постепенно складывающейся частичной стабилизации капиталистической системы», одновременного «развития и расширения наступления капитала» и «оборонительных боев» рабочего класса. Этот период совпадает с нашим «восстановительным» периодом, когда налицо имелись уже крупнейшие успехи в деле социалистического строительства в СССР и укрепление нашего международного положения. —И, наконец, третьим периодом, входящим составной частью в рассматриваемое нами историческое десятилетие, является «период выхода экономики капитализма за довоенный уровень и почти одновременного выхода за этот уровень экономики СССР».—Но, наряду с ростом техники и тенденции к госуд. капитализму, в условиях этого периода имеет место «мощное развитие противоречий мирового хозяйства, движущегося в формах, определяемых всем предыдущим ходом общего кризиса капитализма» и подготовлением «неизбежной новой полосы империалистских войн между империалистическими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенции империалистов».

«Основным экономическим вопросом» рассматриваемого десятилетия является вопрос «об экономической сущности империализма». Важнейшее значение для понимания его имеет учение Ленина об империализме.

«Европейская война,—писал Ленин в начале войны 1914—18, — означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 77). Беря «обычное деление исторических эпох, много раз приводившееся в марксистской литературе», Ленин дает следующее определение «третьей эпохи»: «Это—эпоха империализма и империалистских, а также вытекающих из империализма, потрясений» (Ленин, Сочинения, том XVIII, стр. 108). Неоднократно повторяя и разъясняя эту основную характеристику «третьей эпохи», Ленин в ряде своих литературных работ за 1915—16 полностью вскрыл все свойства и особенности империализма, от правильного понимания к-рых зависело и правильное разрешение всех важнейших политических проблем этой эпохи, т. е. о диктатуре пролетариата, о демократии в эпоху империализма и пролетарских революций, об оппортунизме и борьбе с ним, и т. д. (см. Ленин, Ответ П. Киевскому, «Пролетарская Революция», № 7, 1929; Соч., т. XIX, стр. 401).

В своей книге «Империализм как новейший этап капитализма» (написана весной 1916, изд. в апр. 1917) Ленин дал прежде всего такое общее определение империализма:

«империализм,—писал он,—есть монополистическая стадия капитализма». В дальнейшем он указывал на «следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого „финансового капитала", финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» (Ленин, Соч., том XIX, стр. 142—143). Ленин подчеркивал, что «империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг.» (Ленин, Соч., том XIX, стр. 302).

Изобличая Каутского и каутскианское понимание империализма, Ленин в дек. 1916, в статье «Империализм и раскол социализма», особо подчеркивает следующие три особенности империализма: «империализм есть (1) монополистический капитализм; (2)—паразитический или загнивающий капитализм; (3)—умирающий капитализм» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 301). Это ленинское определение империализма как загнивающего и умирающего капитализма имеет исключительно важное значение именно для борьбы со всякими попытками антимарксистского толкования современного капитализма. При чем необходимо отметить, что Ленин, давая такое определение империализма, предостерегал от неправильного его использования. В «Соображениях по поводу заключений секции Всероссийской апрельской конференции» (в мае 1917) он писал: «Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами—вот существеннейшая особенность империализма вообще» (Ленин, Соч., том XX, стр. 297).

Ленинское учение об империализме не разделяет империализм и капитализм китайской стеной, не противопоставляет один другому, а самым тщательным образом устанавливает и указывает связь одного с другим, зависимость развития первого от второго и закономерность смены второго первым. «Империализм вырос,—писал Ленин,—как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 141). И здесь же он, отмечая, что «монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции», одновременно подчеркивал, что «в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» (Ленин, Соч., том XIX, стр. 142). Развивая ту же самую мысль в своих «Соображениях по поводу заключений секции Всероссийской апрельской конференции», Ленин особо останавливался на этом свойстве империализма и еще раз обращал внимание на то, что «империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма», «спутывает со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. д. империализм не может» (Ленин, Сочинения, том XX, стр. 297). И в заключение он указывал, что «именно это соединение противоречащих друг другу „начал"—конкуренции и монополии—и существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т. е. социалистическую революцию» (Ленин, Сочинения, том XX, стр. 297). «Империалистическая война,—утверждал Ленин,—есть канун социалистической революции». И это по двум причинам: во-первых, потому, что «война своими ужасами порождает пролетарское восстание», и, во-вторых, особенно потому, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (Ленин, Сочинения, том XXI, стр. 187). Весь этот ряд положений «об экономической сущности империализма» целиком и полностью направлен против всех и всяческих извращений ленинского учения об империализме, т. е. и против каутскианской теории «ультраимпериализма» и против «левокоммунистической» теории «цельного империализма» и против бухаринской теории «организованного капитализма», которая льет воду на мельницу каутскианского «ультраимпериализма» и является не чем иным, как сползанием к с.-д. точке зрения на современный империализм. И если у Каутского,—как писал Ленин в предисловии к брошюре Н. Бухарина (Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 355—356),—его «явный разрыв с марксизмом» принял форму мечтаний «о сравнительно мирном, сравнительно бесконфликтном, сравнительно некатастрофичном ультраимпериализме» и стремлений «отмахнуться от „резких" задач», то теория «организованного капитализма» прикрывает явно оппортунистическое желание тоже «отмахнуться» от «резких» задач, смазать, затушевать тот гигантский рост классовых противоречий и политических конфликтов, который столь характерен для «третьего периода».

Одной из составных частей ленинского учения об империализме является закон о неравномерности развития капитализма. В авг. 1915, в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы», Ленин писал, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 232). И именно отсюда он выводил, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (там же, стр. 133). В августе 1916, в замечательной статье «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» (напечатана впер-

вые в 1924), Ленин, развивая выводы из этого же «безусловного закона капитализма», указывал, что «социальный переворот не может быть объединенным действием пролетариев всех стран», и давал общую концепцию пролетарской революции. «Социальная революция,—писал он,—не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (Ленин, Соч., том XIX, стр. 220—221). И если теория «сплошного», «чистого», «цельного» империализма была теснейшим образом связана с концепцией «чистой» пролетарской революции, с отрицанием значения национально-освободительного и крестьянского движений для пролетарской революции, являлась основой «карикатурных искажений»,—как говорил Ленин,—«ученья марксизма о демократии» и тем самым «левой фразой» прикрывала правооппортунистическое содержание, то теория «организованного капитализма», прикрывая сползание к каутскианско-гильфердинговскому учению об империализме, является основой правоуклонистского, явно и откровенно оппортунистического течения в рядах коммунистической партии.—Колебания и отступления нынешних правых уклонистов в вопросах коминтерновской политики известны, они у всех на памяти. Но безусловно нелишним является напоминание о правых колебаниях «левых» «в вопросе о Чхеидзе» в 1915, на к-рые указывал Ленин в письмах к Шляпникову (см. «Пролетарская Революция», № 7, 1929, стр. 118, 126).

С вопросом о «третьей эпохе» буржуазного развития и с вопросом об империализме Ленин связывал вопрос о превращении, международного оппортунизма в социал-шовинизм или джинго-социализм. «Война ускорила развитие,—писал Ленин,—превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый» (Ленин, Сочинения, том XVIII, стр. 201). При этом он отмечал, что «это вытекает из всего социального развития современной демократии и из объективной обстановки третьей эпохи» (там же, стр. 115). Анализируя «экономическую основу» социал-шовинизма, Ленин указывал, что «экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же». Война показала, что «оппортунизм „дозрел“, довел до конца свою роль эмиссара буржуазии в рабочем движении», стал «объективно политическим отрядом буржуазии». Ведя беспощадную борьбу с социал-шовинизмом во время войны, Ленин с особенной резкостью изобличал и клеймил «каутскиантство»—это «соединение верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле».

В письме к А. Шляпникову от 27/X 1914 он писал:—«нет на свете ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы ученым многоглаголанием разбуженную совесть рабочих» (Ленинский сборник, II, стр. 200—201).—Ленин тщательно следит за колебаниями «каутскианского» типа и беспощадно их разоблачает. Летом 1915 он писал А. Коллонтай: «Роланд-Хольст, как и Раковский (видали его франц. брошюру?), как и Троцкий, по-моему, все—вреднейшие „каутскианцы“ в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм; все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма» (Ленинский сборник, II, стр. 235). Эту же точку зрения проводит он и в партийных вопросах в России. В письме А. Шляпникову (сентябрь 1916) он указывает, что «главным партийным вопросом в России был и остается вопрос о „единстве“» и тут же добавляет: «примиренчество и объединенчество есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и гибель партии» (Ленинский сборн., II, стр. 278).—В том же письме он пишет, что «раскол в международном масштабе тоже назрел», и предлагает принимать резолюции «в пользу построения 3-го Интернационала только против каутскианцев всех стран (Чхеидзе и К°, как и Мартов с Аксельродом,=русские каутскианцы), только в сближении с людьми, стоящими на позиции Циммервальдской левой» (Ленинский сб., II, стр. 278—279). Непримиримая политика Ленина нашла свое яркое выражение и в отношении к Циммервальду. Когда циммервальдские «каутскианцы» своей политикой поставили «Циммервальд на распутьи», Ленин написал в письме к А. Коллонтай от 17/II 1917 следующие слова: «Циммервальдская правая, по-моему, идейно похоронила Циммервальд: Bourderon + Meerheim в Париже голосовали за пацифизм, Kautsky тоже 7/I 1917 в Берлине, Турати (17/XII 1916!!) и вся итальянская партия тоже. Это—смерть Циммервальда!! На словах осудили „социал-пацифизм“ (см. кинтальскую резолюцию), а на деле повернули к нему» (Ленинский сб., II, стр. 283). И исходя из оценки всей обстановки, сложившейся к началу Февральской революции 1917, Ленин с чрезвычайной резкостью (в письмах к А. Коллонтай от 16/III и 17/III 1917) выдвигает вопрос о «партии нового типа, ни в коем случае не à la „2 Интернационал“» (Ленинский сборник, II, стр. 292).

В условиях этой бурной международной обстановки Россия прошла путь от свержения власти дворянского правительства (в февр. 1917) и завоевания власти рабочим классом, поддержанным основными массами крестьянства (в октябре того же года), до постановки на очередь дня окрепнувшим пролетарским государством задачи социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

Экономика. Война вызвала настолько тяжелое потрясение всего народно-хозяйственного организма, что уже к Февральской революции 1917 основные отрасли промы-

шленности, транспорта и сельского хозяйства в России переживали острый и глубокий кризис.

Влияние войны. За три года войны народный доход равнялся 42 млрд. зол. руб., потребление населения—$27^1/_2$ млрд. зол. руб. Т. о., для ведения войны оставалось $14^1/_2$ млрд. зол. руб., а фактически было израсходовано 17 слишком млрд. руб. Следовательно, военные расходы поглощали не только ежегодный доход народного хозяйства страны, но производили изъятие уже из основного капитала. При этом необходимо отметить гигантское сокращение потребления населения за все время войны. Так, в первый год оно сократилось на 25,3%, во второй год—на 43,5% и в третий год—на 53,6%. Исследователи отмечают, что такого колоссального сокращения потребления не наблюдалось ни в одной из остальных воюющих стран. На войну было взято около 14 млн. чел., что составляло около 50% всех трудоспособных мужчин. Потери армии и гражданского населения в труде за время империалистской войны измеряются цифрой в 40 млрд. руб. В результате такого гигантского хозяйственного напряжения произошло разрушение и дезорганизация всего народного хозяйства страны.

За годы империалистской войны имели место концентрация промышленности, улучшение ее технического оборудования и усиление процесса сращивания банковского капитала с промышленным. Если взять валовую продукцию в миллионах рублей за первые 3 года войны (до февр. 1917), то мы увидим картину возрастания валовой продукции, при чем в 1916 этот рост выражался в 21,5% в сравнении с 1913. Но это лишь общий показатель, к-рый не отражает действительного состояния промышленности. В действительности же возрастала продукция тех отраслей промышленности, к-рые работали на войну, и одновременно сокращалось производство остальной промышленности. В 1916 это сокращение выразилось в 21,9%, в результате чего общий уровень производства этих отраслей промышленности упал ниже довоенного. Общим явлением для всей промышленности было уменьшение в 1916 производительности труда рабочих. В 1916 количество действующих домен сократилось на 36 по сравнению с 1913, производство чугуна сократилось на 18,2%, по железу и стали—на 18%, по железным и полустальным продуктам—на 13%. В каменноугольной промышленности в том же году уже обнаружились признаки «кризиса недопроизводства». Хлопчатобумажная промышленность, несмотря на то, что в преобладающей своей части она работала на нужды войны, по уровню своего производства не поднималась выше довоенной нормы, а к октябрю 1916, из-за недостатка рабочих и пряжи, остановилось около 19% всех станков.

А. Сидоров в коллективной работе «Очерки по истории Октябрьской Революции» следующим образом характеризовал положение промышленности к февралю 1917: «Ко времени Февральской революции положение различных отраслей народного хозяйства оказывается одинаковым: топливная промышленность (уголь и нефть) свертывает свою производительность, и промышленники говорят лишь о том, как бы удержать ее на одном уровне; та же картина на транспорте, расстройство которого приняло угрожающий характер; аналогичную картину мы видели в старейшей капиталистической отрасли хозяйства—хлопчатобумажной. Война расшатывала основной костяк капитализма» (т. I, стр. 123—124). К концу 1916 в полной мере обнаружился глубокий кризис железнодорожного транспорта. Количество паровозов и вагонов снизилось, количество больных вагонов в сравнении с началом войны почти удвоилось, производительность ж. д. падает. Громадные разрушения были произведены войной и в сел. х-ве. В 1916 сбор хлебов сократился, приблизительно, на полмиллиарда пудов; был уничтожен не только весь ежегодный прирост скота, но и на 15—20% сократился его основной капитал; снабжение деревни промышленными товарами резко упало—металлических изделий деревня получала вместо 35 млн. пудов всего около 2 млн. пудов, а снабжение мануфактурой сократилось на 85% по сравнению с довоенным.

Март—октябрь 1917. После Февральской революции все эти процессы не только не приостановились, а, наоборот, значительно усилились: в результате затяжки войны, саботажа капиталистов и соглашательской политики эсеров и меньшевиков, страна быстрыми шагами шла к хоз. катастрофе.—В 1917 валовая продукция всей промышленности, в сравнении с предыдущим годом, снизилась на 36,5% и составляла всего лишь 77,3% к довоенному уровню. Т. о., «глубокое расстройство промышленности» 1916 превратилось в настоящий кризис в 1917. К октябрю 1917, по сравнению с октябрем 1916, добыча чугуна упала на 34%, а полупродуктов железа и стали—на 31,2%. Снизилась валовая продукция химической промышленности, резко упало количество обработанного хлопка, и т. д. и т. д. С 1 марта по 1 авг. 1917 было закрыто 568 предприятий с 104 тысячами рабочих. Разруха ж.-д. транспорта значительно усилилась. Количество больных паровозов в марте равнялось 20,3%, а в июле дошло уже до 24,2%. Производительность ж. д. еще более снизилась. Урожай 1917 дал ок. 80% довоенного сбора. Заготовки хлеба непрерывно падали, а цены на хлеб непрерывно повышались. Усилилась бумажно-денежн. эмиссия. Курс рубля непрерывно падал.

В августовском воззвании союза текстильщиков дается такая характеристика экономического положения страны: «Вся хозяйственная жизнь страны быстрыми шагами идет к полному разложению. Коренная причина этого—затянувшаяся мировая война, и, пока она продолжается, всякие попытки наладить хозяйство России могут лишь отдалить на нек-рое время экономическую катастрофу. Наша текстильная промышленность находится в особенно тяжелом положении и угрожает полной остановкой. Результатом этого будут массовая безработица и голод, ибо, при отсутствии фабрикатов нашего производства на рынке, крестьяне

совершенно не повезут хлеб в город».—Буржуазия до июля оборонялась и саботировала, а после июля она перешла в наступление. В сборнике Центрархива о рабочем движении этого периода читаем: «Послеиюльский период—это организованный поход предпринимателей против завоеваний революции».

Нарастание экономической катастрофы и крах политики соглашательства гигантски ускоряли ту перегруппировку классовых сил, которая столь характерна для восьмимесячного периода между мартом и октябрем. За годы империалистской войны общее количество промышленных рабочих увеличилось сравнительно с довоенным временем на 9—13%, при чем в отраслях промышленности, вырабатывающих предметы вооружения, это увеличение было значительно выше. Наряду с этим произошли изменения и в составе рабочего класса. Прежде всего, мобилизация оторвала от станков до 40%. Как известно, впоследствии правительство «спохватилось» и стало закреплять за фабриками и заводами, работающими на оборону, нужные им массы рабочих. Промышленность пополнялась новыми кадрами рабочих, к-рые вербовались, главн. образом, из деревни, из женской части населения, подростков, малолетних, военнопленных, беженцев и т. д. Исследователи этого процесса пополнения рабочего класса новыми кадрами отмечают, м. пр., что из деревни наряду с безземельным и малоземельным крестьянином «шел средний и зажиточный член крестьянской семьи в поисках спасения от мобилизации и „прельщаясь высокой“ зарплатой». С этим обстоятельством мы должны считаться при рассмотрении вопроса о рабочем классе на протяжении марта — октября 1917 и должны признать правильность утверждения, что именно с этими изменениями в составе рабочего класса «связано настроение рабочих масс в первый период Февральской революции, приведшее к временному торжеству мелкобуржуазного социализма». «Опустошение» рабочего класса войной и «засорение» его новыми, «невываренными» в заводском котле, элементами обусловливали те колебания в рабочем классе, к-рые имели место в первые месяцы после Февральской революции, а общая обстановка этого периода и наступление крупной буржуазии на рабочий класс способствовали быстрейшему изживанию этих колебаний.

Война разорила и обезлюдила деревню, но одновременно она толкнула вперед процесс расслоения крестьянства. За восьмимесячный период от февраля к октябрю крестьянство, пройдя через ряд колебаний и кризисов, постепенно теряло «доверие» к капиталистам и «веру» в партию социалистов-революционеров и переходило на сторону рабочего класса. «Характерной чертой этого периода,—говорит Сталин,—является дальнейшее революционизирование крестьянства, его разочарование в эсерах, о т х о д крестьянства от эсеров, новый п о в о р о т крестьянства в сторону п р я м о г о с п л о ч е н и я вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру» (С т а л и н И., На путях к Октябрю, предисловие, стр. XXXIV). Освобождение самых отсталых масс пролетариата от мелкобуржуазных иллюзий, отход основных масс деревни от эсеров, мобилизация масс вокруг партии большевиков,—этот процесс наполняет месяцы между февралем и октябрем.—Перегруппировка классов внутри страны между февралем и октябрем 1917 и означала собой перерастание революции буржуазной в революцию пролетарскую.

Буржуазия переходила в наступление на завоевания революции и рабочий класс. Царский генералитет во главе с Корниловым готовился к тому, чтобы начать стрелять по передовым отрядам революции. Крестьянство колебалось между доверием к правительству капиталистов, поддерживаемому эсеровско-меньшевистским блоком, и союзом с рабочим классом, который только и мог дать широким массам крестьянства землю и прочное освобождение от власти помещика. Царизм был свергнут, буржуазно-демократическая революция торжествовала, но она не очистила еще «по-плебейски» страну от пережитков крепостничества. Рабочий и крестьянин не взяли еще то, что они могли и должны были взять, оставаясь еще в рамках буржуазно-демократической революции. Но, в условиях послевоенной обстановки, это могло быть сделано только при том условии, что рабочий класс, ведя за собой крестьянство, делал бы новый шаг вперед, переходил бы от революции буржуазной к революции социалистической. Март—октябрь и были периодом перерастания революции буржуазной в революцию социалистическую. Октябрьская победа рабочего класса коренным образом изменила всю обстановку — с этого момента задачи буржуазно-демократической революции разрешаются попутно, в ходе революции социалистической.

«П е р в а я э п о х а» О к т я б р ь с к о й Р е в о л ю ц и и. Октябрьская Революция, поставившая у власти рабочий класс, коренным образом изменила характер и направление всего экономического строительства на территории б. царской империи. «Первая эпоха» в развитии Октябрьской Революции охватывает собою время до роспуска Учредительного собрания и третьего съезда Советов, «закрепившего,—говоря словами Ленина, — организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской Революцией». Победивший в Октябре пролетариат получил очень тяжелое экономическое наследство. После Октября Советы вплотную принялись за «коренную ломку буржуазной и помещичьей собственности» и вступили на путь «великого строительства». Указывая на это, Ленин особенно подчеркивал, «что социалистическая революция не может сразу быть преподнесенной народу в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде, не может не сопровождаться гражданской войной и проявлением саботажа и сопротивлением. И те, кто доказывает вам противное,—те либо лгуны, либо человеки в футляре».

Экономика этой «первой эпохи» в развитии революции в основном характеризовалась тем, что, как указывал Ленин, «нового

экономического строя, более высокого, чем организованный государственный капитализм в превосходно оборудованной технически Германии, еще нет. Он только основывается». Путь, которым мы шли в этот период, был путем массовой национализации (банков, водного транспорта и промышленности). На 15 мая 1918 было национализировано и секвестровано 304 промышленных предприятия. Процесс национализации проходил «страшно хаотически» и захватывал, прежде всего, предприятия тяжелой индустрии, из общего числа которых было национализировано к этому времени до 50%. В своем докладе о деятельности ВСНХ на 1-м Всероссийском съезде советов народного хозяйства (26 мая — 4 июня 1918) Рыков указывал, что «первые месяцы после Октябрьского переворота целиком проникнуты тем, что борьба непосредственная, баррикадная борьба между рабочим классом и буржуазией переносится на отдельные фабрики и заводы. Национализация предприятий часто имела не хозяйственное, а чисто карательное значение» (Рыков, «Статьи и речи», стр. 17 — 18). — Тяжелое положение промышленности в этот период может быть иллюстрировано следующей характеристикой состояния промышленности тогдашнего Петрограда на 1 апреля 1918: «Из 799 заводов, обследованных к 1 апреля,— указывал представитель Северного областного совнархоза на 1-м съезде, — работают 534, закрылось 265, и из 208 тысяч рабочих осталась теперь 121 тысяча, т. е. сокращение больше чем на 57%. Эти данные вполне определенно говорят о том, что петроградская промышленность за последнее время, если не умирает, то очень сильно сокращается». — Однако, несмотря на катастрофическое состояние промышленности и транспорта, на отсутствие опыта в управлении и на ожесточенный саботаж и даже прямое сопротивление, имевшие место почти повсюду, Советской власти в течение первых месяцев после Октября, ценой неимоверных усилий, удалось в основном добиться своей цели, т. е. сломить саботаж и подойти к сосредоточению управления промышленностью в руках органов власти.

Послебрестская «передышка». После Брестского мира, который обеспечил нам «передышку», перед партией и Советской властью со всей остротой встала «организационная задача». В апреле 1918 Ленин писал, что «эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена победоносно)» и что в настоящее время перед нами новая «своеобразная эпоха», к-рая требует прежде всего, чтобы мы тщательно изучили «особенности в высшей степени трудного и нового пути к социализму, не прикрывая наших ошибок и слабостей, а стараясь во время доделать недоделанное» (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 447).— На первый план выдвигалась «организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах». При чем Ленин особенно подчеркивал, что эта организация у нас «отстала от работы непосредственной экспроприации экспроприаторов». Исходя из учета именно такого «своеобразия данного момента», Ленин и говорил о том, что «в интересах успешности дальнейшего наступления (на капитал. *А. Б.*), надо „приостановить“ сейчас наступление» и произвести «частное и частичное отступление». «Мы побеждали,—говорил он,— методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства» (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 444—446).

Этим по сути дела намечалось в основном то направление экономической политики победившего пролетариата, которое было осуществлено в 1921 под названием «новой экономической политики».

Но этот «новый путь к социализму», это новое направление советской экономической политики нам не удалось развернуть, т. к. оно было прервано теперь уже не наступлением герм. империализма,—от него нас защищал Брестский мир,—а наступлением антантовского империализма, к-рый начал и повел против нас войну всеми средствами и способами, какие только имелись в его распоряжении.

Гражданская война 1918—21. Гражданская война, начатая против Советского государства антантовским империализмом, продолжалась ок. 3 лет. Все внимание и все усилия страны рабочих и крестьян она сосредоточила на военной задаче, в результате чего Советское правительство в области экономического строительства пошло по пути организации военного коммунизма. — Уже в апр. 1921 Ленин таким образом определял задачу в области экономического строительства, к-рую мы имели перед собой в период гражданской войны: «Восстановить промышленность,—говорил он,—когда не было обеспечено минимально ни продовольствие, ни топливо, нельзя было и думать. Только сохранить остатки промышленности, чтобы не совсем разбежались рабочие, иметь армию,— вот задача, к-рую мы себе ставили, и нельзя было решить ее никак иначе, как разверсткой без вознаграждения, потому, что буржуазные деньги, конечно, не вознаграждение. Никакого другого выхода у нас не было» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 177).—Разрушение капиталистич. отношений и организация военного коммунизма начали осуществляться усиленным темпом со второй половины 1918, но растянулись на весь трехлетний период гражданской войны. Первые мероприятия этого порядка были проведены в области денежного обращения, крупного производства и крупного товарного обращения; в 1920 в системе Наркомфина было образовано Центральное бюджетно-расчетное управление; в конце этого года Совнарком отменил плату за предоставляемые государством продукты и жилища, а в самом начале 1921 было приостановлено взимание всех денежных и натуральных налогов и была создана специальная комиссия для выработки основных принципов построения социалистического бюджета.—Направление и темп экономического строительства за этот период могут быть чрезвычайно ярко иллюстрированы главнейшими

данными о работе ВСНХ за время, прошедшее между 1-м и 2-м Всероссийскими съездами советов народного хозяйства (вторая половина 1918). Открывая 2-й съезд (19/XII 1918), председатель ВСНХ Рыков указал, что «в настоящий момент национализированы почти все отрасли народного хозяйства, национализирована торговля, во всех губерниях и большей частью в уездах организованы губернские и уездные советы народного хозяйства. Поэтому теперь выдвигается новый круг вопросов, к-рые поставлены жизнью в процессе органического устройства, систематической работы над организацией народного хозяйства» (Рыков, «Статьи и речи», стр. 97—98).—На 1-м съезде количество национализированных предприятий равнялось 304, а ко 2-му оно выросло по далеко неполному подсчету до 1.125 предприятий, т. е. увеличилось почти в 4 раза. При чем за эти 6 мес. национализировались уже не отдельные предприятия, а целые отрасли промышленности, к-рые организовывались «в единое органическое целое, в единые тресты с общим центр. управлением для всех крупнейших предприятий этой области».

Гражданск. война началась на резко сниженном материальном базисе, который в ходе ее еще более резко снизился. После окончания гражданской войны Ленин говорил о том, что из всех стран, к-рые были втянуты в империалистскую войну, Россия пострадала больше, чем любая из них, и это потому, что после империалистской войны «мы вынесли три года гражданской войны, к-рая, в смысле разорения, уничтожения, ухудшения условий производства, была гораздо хуже, чем война внешняя, потому что война эта была в центре государства». К этому он добавляет, что в таких условиях мы могли продержаться только потому, что применили разверстку, т. е. взяли у крестьянина «даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 176).—В 1920, сравнительно с 1916, посевная площадь посевных культур сократилась на 23%, технических культур—на 56%, посевы хлопка сократились в 8 раз, а табака—в 10 раз. Резко сократился сбор хлебов, упала урожайность крестьянск. полей, размер хлебных излишков сократился в 10 раз. Произошло резкое сокращение количества скота, к-рое по нек-рым видам его дошло до 79%. Снабжение деревни промышленными продуктами в нек-рых случаях сошло почти на-нет. За эти же годы резкими скачками шел процесс снижения и валовой продукции крупной промышленности. Так, в отношении к довоенному, 1917 давал 77%, 1918—35%, 1919—26% и 1920—18%. В 1920 выплавка чугуна снизилась до 2—4% сравнительно с довоенным уровнем, добыча руды—до 1,7% и меди—до 0. Громадные разрушения имели место в области ж.-д. транспорта. Число больных паровозов в 1920 возросло до 57%, больных вагонов—до 23%, а пробег грузов для хозяйства и населения сократился в 8 раз. Валовая продукция мелкой пром-сти понизилась до 43% довоен. уровня.—Для того, чтобы ясно представить себе всю глубину разрушения производительных сил страны, имевшего место во время гражданской войны 1918—21, необходимо сравнить эти потери с потерями в результате империалистской войны. Сбор хлебов к концу империалистской войны составлял 88% довоенного, а к концу гражданской войны—62%; валовая продукция промышленности в первом случае—77%, а во втором—18% довоенного.—Общая сумма «утерянной трудоспособности» за империалистскую и гражданскую войны выражалась в 137,5 млрд. зол. рублей. Чистая потеря за империалистскую войну составляла 40 млрд. руб., а за гражданскую войну — 51 млрд. руб. без расходов по непосредственному ведению войны, без вызванных войной разрушений, и т. д.

Изменение всего характера нашей экономики за время гражданской войны выражается в том, что в ней повысился удельный вес мелкобуржуазного сектора и произошел разрыв экономических связей. Крупная промышленность сократилась более чем в 5 раз (к довоенному), мелкая промышленность — в 2 раза, а сел. х-во — более чем в $1^1/_2$ раза. Имел место разрыв экономической связи между городом и деревней. Государственные заготовки хлеба и фуража за годы гражданской войны возрастали, а промышленное снабжение деревни падало.—В России города потеряли 27—35% своего населения. Ленинград потерял более 62% населения (в сравнении с 1910), а Москва—49% (в сравнении с 1917).—Это были издержки сопротивления капиталистической контрреволюции и войны, поднятой против нас антантовским империализмом.

Переход к нэпу. В марте 1921, оценивая общее экономическое положение страны, Ленин характеризовал его как «состояние изнеможения». «Это — изнеможение,—говорил он,—это—состояние, близкое к полной невозможности работать. Тут нужна экономическая передышка». А в окт. 1921, на Московской губернской партийной конференции, Ленин сказал: «К весне 1921 г. выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке „штурмовым“ способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным темпом перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 г. показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от „штурма“ к „осаде“» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 364). Связь между оценкой экономического состояния и признанием необходимости перейти от «штурма» к «осаде» была самая непосредственная, ибо основной причиной изменения курса нашей экономической политики был, как указывал Ленин, «необыкновенно обострившийся кризис крестьянского хозяйства», к-рый резко сказывался «как на восстановлении нашего транспорта, так и на восстановлении нашей промышленности» (Ленин, Соч., 1 изд., том XVIII, ч. 1, стр. 174).

Т. о., в начале 1921 мы перешли к т. н. «новой экономической политике», которая

была, в смысле своего общего направления не чем иным, как реализацией тех основных принципов экономической политики, которые намечались Лениным в период первой послебрестской «передышки».—Голод 1921—1922, который на длительное время вывел из строя целые с.-х. районы, нанес новый удар нашей экономике и создал дополнительные условия, затягивавшие восстановление нашего народного хозяйства. Этот процесс «восстановления» начался первоначальным периодом нэпа, в течение которого была в главнейших чертах произведена реорганизация системы нашего хозяйственного управления и тем самым была создана организационная предпосылка для грядущего экономического подъема.

Восстановительный период, начавшийся с переходом к новой экономическ. политике, в основном заканчивается в 1925—1926. С этого момента начинается новый период в нашем экономич. строительстве—период социалистической реконструкции, развернувшийся под знаком индустриализации страны и коллективизации сел. х-ва.—Период новой экономической политики начинается декретом о продналоге, изданным в марте 1921. В мае того же года разрешается свободный обмен, покупка и продажа излишков, остающихся у населения по внесении натурального налога. В дальнейшем это распространяется на изделия кустарной и мелкой промышленности. Право торговли предоставляется и государственным органам. В июле того же года издается Совнаркомом постановление о сдаче в аренду государственных промышленных предприятий. Наказом Совнаркома 9 августа государственным предприятиям было предоставлено право заготовки сырья и продажи производимых изделий. В октябре 1921 открывает свои операции Государственный банк. Это были главнейшие законодательные акты, вводившие новую экономическую политику. Наряду с этим происходила и организационная перестройка органов хозяйственного управления, которая в основном была закончена к концу 1922.

За июль—сентябрь 1921 было организовано 2 треста, за октябрь—декабрь—93, за январь—март 1922—145, за апрель—июнь—143. Процесс трестирования в мае 1922 «можно считать законченным», читаем мы во втором томе «На новых путях». Там же имеется характеристика и процесса синдицирования государственной промышленности, к-рое «началось в февр. 1922 г. и в первую половину года охватило отрасли промышленности, вырабатывающие преимущественно предметы широкого потребления». В июле были организованы угольный и нефтяной синдикаты, а за ними двинулась уже металлургия и металлообрабатывающая промышленность. С февраля 1922 государственные органы вступают «активно в сферу товарооборота», и начинается согласованная работа кооперации и госорганов по организации товарных бирж. И если во второе полугодие 1921 было организовано всего 6 бирж, то в первое полугодие 1922—уже 24 биржи.—В первоначальный период нэпа наблюдался энергичный размах частнокапиталистической инициативы в области торговли, в результате которого начал оформляться нэпмановский торговый капитал. При чем в 1922 наблюдался рост значения частного капитала в общем оптовом обороте деревни. Частный капитал в этот период стремился найти применение своей «инициативе» и в области арендной промышленности, которая все же не достигла сколько-нибудь заметного размера.

После разгрома Врангеля и ликвидации Крымского фронта в декабре 1920 Ленин писал, что мы переживаем «переходный период в переходном периоде». Это был переход от войны к миру при возможности «гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде». И, по мнению Ленина, «только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства». Непосредственной угрозы буржуазно-помещичьей реставрации уже не было. Война была закончена и закончена победоносно. Крестьянство с фронта военного возвращалось на фронт трудовой, потребности крестьянского хозяйства вступали в свои права, к промышленности предъявлялись все более и более повышающиеся требования, а с другой стороны, возрастали потребности и рабочего класса. Задача руководства рабочим классом основных масс крестьянства ставилась по другому, переносилась на иные рельсы и требовала новых методов осуществления союза между пролетариатом и крестьянством. И в то же время, если в начале 1918 Ленин утверждал, что «нового, более высокого экономического строя еще нет», то теперь, после окончания гражданской войны, он указывал, что «у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента, нет». Это предопределяло как самый переход к новой экономической политике, так и трудности этого перехода. Нэп был путем укрепления диктатуры пролетариата.

Весной 1921 перед партией со всей остротой встала задача: «не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 365). Этот вопрос об отступлении Ленин ставит перед партией снова в октябре 1921. Он говорит на Московской партийной конференции: «Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения» (там же, стр. 366). В начале ноября 1921 Ленин снова и снова ставит тот же вопрос, уже указывая при этом, что «есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление». В докладе о деятельности Центрального Комитета на XI съезде партии он подчеркивал: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, к-рая отступлением преследовалась, она достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель

выдвигается другая—перегруппировка сил» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 2, стр. 33).— Т. о., рядом «отступлений» в течение года и одновременно неимоверным напряжением всех сил партии и государства мы заняли твердые позиции и, укрепившись на них, начали упорную работу по восстановлению всех основных элементов советской экономики. — 1921 был чрезвычайно тяжелым годом. В 1922 на наше народное хозяйство обрушился тяжелый удар голода. И хотя 1922/23 был первым годом без чрезвычайных потрясений, но все же конец его сопровождался острым кризисом сбыта. Следующий год, 1923/24, дает прирост промышленности на 34,8% и является тем переломным моментом, с которого начинается процесс бурного восстановления промышленности. 1924/25 дает прирост 54,5%, 1925/26—42,8% и 1926/27 — 24,5%. В 1923/24 промышленность дала прибыль в 105 млн. рублей, а в 1925/26—474 млн. рублей. В 1923/24 была закончена денежная реформа, давшая нам твердую валюту и явившаяся одним из важнейших моментов во всей работе восстановительного периода.—Высокий процент прироста социалистической промышленности определил собой в быстрейший срок восстановление ее доминирующего и ведущего значения во всем народном хозяйстве. В 1925—1926 доля продукции социалистической индустрии в общей массе промышленной продукции равнялась 91,6%, кооперативной промышленности—4,3% и частной—4,2%.— Одновременно шел процесс восстановления и с. х-ва. В 1927 посевная площадь достигла 97% довоенного, а количество скота, сравнительно с 1916, выражается в цифре 102%.— Восстановительный период ознаменовался также значительным ростом как потребительской, так и с.-х. кооперации не только в смысле достижения устойчивости всей кооперативной системы, ее количественного роста, но также и все более и более возрастающей степени охвата ею трудящихся масс населения как города, так и деревни.

Основным итогом этого подъема народного хозяйства на социалистических основах, при наличности быстрейшего роста крупной социалистической промышленности, было повышение из года в год удельного веса социалистического сектора во всей советской экономике. По общей массе валовой продукции это выражается в следующих цифрах: в 1924/25—29,9%, в 1925/26—33,6% и в 1926/27—37,1%. — За этот же период произошло увеличение тех отраслей промышленности, которые производят средства производства, а также произошло коренное изменение в соотношении между промышленностью и сельским хозяйством.

Валовая продукция социалистического сектора промышленности в 1924/25 равнялась 81%, а в 1926/27 она равнялась уже 86%; одновременно с этим падала доля необобществленного сектора промышленности.—Удельный вес производства средств и орудий производства в общей массе промышленной продукции возрастает след. обр.: в 1924/25 — 44,5%, в 1925/26 — 47,2% и в 1926/27 — 48,4%, а одновременно с этим удельный вес производства средств потребления соответственным образом уменьшается, а именно: в 1924/25 — 55,5%, в 1925/26—52,8% и в 1926/27—51,6%. — Валовая продукция цензовой промышленности с 1923/24 по 1926/27 выросла с 4.520 млн. руб. до 11.349 млн. руб., а валовая продукция сел. х-ва (без лесоводства и охоты) за то же время выросла с 13.000 млн. рублей до 16.242 млн. рублей, т. е. рост промышленности значительно обгоняет рост сел. х-ва, в результате чего мы в наст. время уже имеем такое положение, когда доля промышленной валовой продукции во всем народном хозяйстве уже превышает долю валовой продукции сел. х-ва.

Реконструктивный период. В ноябре 1922, в своем докладе на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, Ленин указывал на то, что если в легкой промышленности уже «наблюдается общий подъем, то в тяжелой промышленности положение все еще остается тяжелым». И он с чрезвычайной остротой и резкостью выдвигал задачу величайшей экономии именно в интересах того, чтобы восстановить и укрепить тяжелую индустрию, «потому, что мы знаем,—говорил он,—что без спасения тяжелой промышленности мы не сможем построить никакой промышленности. Без нее мы вообще погибнем как самостоятельная страна» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 2, стр. 88). — Продолжая осуществление именно этой задачи, XIV партийный съезд (декабрь 1925) в области экономической политики дал партии следующую директиву: «Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования» (Стен. бюл., стр. 959).

Через два года после этого, на основе уже достигнутых крупнейших успехов в деле строительства социализма, на XV партийном съезде (декабрь 1927), в своем докладе о деятельности Центрального Комитета, Сталин говорил, что мы должны «догнать и перегнать передовые капиталистические страны». В этом же докладе, исходя из достигнутых успехов в области строительства социалистической промышленности и учитывая в то же время недостаточно удовлетворительн. темп развития с. х-ва, Сталин указывал на очередную задачу партии: «расширять охват крестьянского хозяйства кооперацией и государственными органами по линии сбыта и снабжения и поставить очередной практической задачей нашего строительства в деревне постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и машинизации земледелия, в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития с. х-ва и преодоления капиталистических элементов в деревне» (Стен. отчет, стр. 58).

В 1920, на 8 Всероссийском Съезде Советов, Ленин говорил, что «каждый внима-

тельно наблюдавший за жизнью деревни в сравнении с жизнью города знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент—основу у внутреннего врага не подорвали», добавляя при этом, что «последний держится на мелком хозяйстве». И здесь же Ленин подчеркивал: «чтобы подорвать его, есть одно средство—перевести хозяйство страны, в т. ч. и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVII, стр. 428). А в 1928 пленум Центрального Комитета партии, на основе достижений реконструктивного периода, имел уже возможность указать, что «рабочий класс в прочном союзе с крестьянскими массами, с должным учетом трудности и длительности задачи, приступает по всему фронту, включая и отсталую деревню, к выкорчевыванию корней капитализма, питающихся почвой мелкого товарного хозяйства».—Т. о., рабочий класс, «организованный в государство», пройдя через первые месяцы «триумфального шествия» Октябрьской Революции, через атаку герм. империализма, от гибельных последствий которой он «защитился» Брестским миром, — в первых боях против «отечественной» буржуазно-помещичьей контрреволюции и иностранного империализма, отстоял октябрьские завоевания и получил реальную возможность передышки для социалистического строительства. Эта кратковременная передышка была прервана войной, начатой против Советского государства англо-французским империализмом, продолжавшейся около трех лет и вызвавшей колоссальные разрушения в стране победившей пролетарской революции.—Победоносно закончивши гражданскую войну 1918—1921, перейдя от войны к миру, первое в мире государство пролетарской диктатуры вплотную подошло к величайшей исторической задаче строительства социализма. Осуществляя эту задачу, пролетарское государство, после пяти лет крупнейших достижений в области развития социалистической промышленности и подъема многомиллионной массы крестьянских хозяйств, вступило на путь социалистической реконструкции, два первые года проведения которой дали возможность рабочему классу приступить к «выкорчевыванию корней капитализма», питающихся мелким товарным хозяйством.

Классы, классовая борьба, строительство. Этот десятилетний путь развития пролетарской революции сопровождался крупнейшими изменениями в соотношении классов в стране Советов. — Между первой революцией 1905 и империалистской войной 1914 происходил процесс усиления капиталистических элементов в сельском хозяйстве, на первый план все более и более выдвигался помещик-капиталист. В области промышленности происходил процесс превращения «старого капитализма» в капитализм новой формации, что усиливало позицию финансово-капиталистической буржуазии. Империалистская война способствовала еще большему усилению этих явлений в экономике царской России. Одновременно с этим консолидировался и креп промышленный пролетариат, а в деревне углублялся процесс дифференциации и нарастали элементы обострения классовой борьбы внутри крестьянства. Все это происходило в обстановке полукрепостнической отсталости страны, пауперизации крестьянства и невероятной тяжести гнета полуазиатского царизма.

Чрезвычайно быстрая победа Февральской революции была обусловлена тем, что в ходе ее слились «совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления». 16-го марта 1917 в письме к Коллонтай Ленин писал: «Неделя кровавых битв рабочих и Милюков, плюс Гучков, плюс Керенский у власти!! По „старому“ европейскому шаблону... Ну, что-ж! Этот „первый этап первой (из порожденных войной) революции“ не будет ни последним, ни только русским» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 5).

В результате соотношения классовых сил, сложившегося в ходе социально-экономического развития России между первой революцией 1905 и Февральской революцией 1917, после крушения царской монархии создался своеобразный режим «двоевластия». Рядом с буржуазным правительством существовало «другое правительство», которое было не чем иным, как зачатком нового революционного правительства, своеобразным осуществлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, при чем буржуазное правительство держалось потому, что заключило соглашение и получило опору в лице Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, большинство к-рого состояло из представителей эсеровско-меньшевистского блока.—Правительство Милюкова и Гучкова держалось лишь в результате «недостаточной сознательности и организованности пролетариев и крестьян». Этим обусловливалась чрезвычайная неустойчивость и шаткость государственного порядка, создавшегося после победы Февральской революции. Буржуазия мечтала и стремилась к своему собственному единовластью. Революционный авангард рабочего класса ставил своей задачей переход от первого этапа революции ко второму, «который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Мелкая буржуазия, громадная масса крестьян, солдат и матросов колебались между этими двумя непримиримо враждебными классовыми лагерями. Весь период между мартом и октябрем был наполнен непрерывным движением этих классовых сил, в результате к-рого происходило перерастание революции буржуазной в революцию пролетарскую и к-рое через восемь месяцев после крушения царской монархии создало такую группировку классов, к-рая целиком и полностью обусловила собой «триумфальное шествие» пролетарской революции после победы в Октябре 1917 года. Разгон Учредительного собрания 5-го января 1918 и созыв 3 Всероссийского Съезда Советов 11-го января того же года заканчивают эту «первую эпоху» Октябрьской Революции.

Классы в 1918 — 1921 годах. После этого победоносного шествия «вдруг,—как го-

ворил Ленин,—русская революция разбита в несколько недель немецким хищником». Брестский период был «периодом бессилия, из к-рого мы вышли победителями». После этого короткая передышка, а затем мы были втянуты в новую войну, к-рую подготовил и начал против нас англо-франц. империализм.—Гражданская война 1918—21 является событием всемирно-исторического значения, потому что она представляет из себя первую в мире классовую войну организованного в государство пролетариата против империализма. Эта гражданская война теснейшим образом связана с Октябрьской Революцией, ибо она была «продолжением политики революции, политики свержения эксплоататоров, капиталистов и помещиков». В Октябре мы свергли помещиков и капиталистов в нашей стране. Они ответили нам немедленным контрнаступлением. В обстановке этой непрерывно разраставшейся классовой войны еще совершенно неокрепшей Советской власти был нанесен жесточайший удар наступлением германского империализма, который был приостановлен только благодаря заключению тяжелейшего Брестского мира. Внутренняя буржуазно-помещичья контр-революция была бессильна бороться против пролетарского государства, но она была поддержана антантовским империализмом, к-рый и был «дирижером» всей трехлетней войны против Советской Республики. «Мы,—говорил Ленин на заседании ВЦИК 29-го июля 1918,—снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые объединились против нас,—теперь уже стоит против нас англо-французский империализм» (Ленин, Соч., том XXIII, стр. 161). Война включала в себя весьма разнообразный ассортимент действий, направленных против Советской Республики: операции регулярных армий, белогвардейские восстания в тылу и на фронте, террор против вождей революции, саботаж чиновников, экономическую блокаду, шпионаж и т. д.

Гражданская война 1918—1921 воспроизводит классовые битвы революции 1905—1907, Февральской революции 1917, восьмимесячного периода между мартом и Октябрем и, наконец, Октябрьской Революции. Она воспроизводит их в том смысле, что представляет из себя картину грандиознейшего массового революционного подъема двух потоков движения—рабочего и крестьянского под руководством революционного пролетариата и его партии, — с той, однако, разницей, что она, воспроизводя и заостряя классовые столкновения прошлого, поднимает их на высшую ступень в отношении группировки классов, делая борьбу широчайших рабоче-крестьянских масс еще более внушительной и в десятки раз более обостренной и, как никогда до сих пор, расширяя масштаб и арену этой борьбы, придавая ей международный характер.

В течение первых трех лет существования Советского государства был начисто разбит государственный аппарат, обеспечивавший власть помещиков и капиталистов, а также и были разгромлены экономические основы этой власти. Это было произведено в обстановке гигантских классовых столкновений, к-рые всем своим ходом и своей исключительной напряженностью, как никогда более остро, выдвигали перед рабочим классом и его партией задачу осуществления своего руководства в великом движении миллионов рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов, поддержанных всеми силами и средствами со стороны империалистических правительств Антанты. Эти величайшие задачи выдвигались и разрешались не только в обстановке ожесточеннейшей классовой войны, но и порожденных ею—а также и предшествующей империалистской войной—гигантских разрушений производительных сил страны, дошедшей к концу войны до состояния «полного изнеможения».

Неизбежными результатами этого явилось: во-первых, распыление и деклассирование рабочего класса и, во-вторых, «нивеллировка» крестьянства и осереднячивание деревни. Одновременно с этим было закреплено руководящее влияние рабочего класса в классовой войне рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов, а также в полной мере была обеспечена прочность военного союза пролетариата и крестьянства в целях защиты завоеваний Октября от вооруженного натиска внутренней помещичье-капиталистической контр-революции и англо-франц. империализма. — Число рабочих цензовой промышленности с 1917 по 1921/22 сократилось с 2.580 тыс. до 1.244 тысяч. Если количество рабочих в 1913 принять за 100, то в момент наибольшего упадка оно выражалось цифрой 46,3. Наряду с этим, произошло падение производительности труда, при чем это падение было настолько значительно, что в 1920 валовая выработка одного рабочего составляла лишь 30% выработки 1917. В силу этого в годы гражданской войны спрос на рабочую силу значительно превышал предложение. Особенно резко это обнаружилось в отношении квалифицированных рабочих,—так в 1920 у металлистов на 100 предложений приходилось от 174 до 649 свободных мест. Острейший продовольственный кризис и хозяйственная разруха вызвали громадный отлив рабочих из города в деревню. Одновременно с этим промышленные рабочие в значительном количестве пополняли Красную армию и кадры работников различных советских учреждений. Т. о., с одной стороны, имел место процесс распыления промышленных рабочих—этой основной базы Советской власти, а, с другой стороны, пополнением этим квалифицированным социальным элементом Красной армии различных советских и хозяйственных органов и даже деревни укреплялись позиции пролетарской диктатуры в Рабоче-крестьянской Красной армии, в советских органах и в самых захолустных местах нашей страны.

В марте 1920 на IX партийном съезде Ленин указывал, что «в 1918 и 1919 годах рабочие потребляющих губерний получали 7 пудов, а крестьяне производящих губерний потребляли 17 пудов в год» (Ленин, Сочи-

нения, том XXV, стр. 107). И к этому Ленин добавлял, что «диктатура пролетариата обрекла пролетариат на два года голода, но в этом голоде сказалось то, что рабочий может жертвовать не только своими цеховыми интересами, но и своею жизнью». Этот величайший классовый героизм, выдержка и самопожертвование, которые были проявлены рабочим классом в годы гражданской войны, сделали то, что, даже при наличности распыления своих промышленных кадров, пролетариат смог осуществить руководство движением миллионных крестьянских масс и внести начало крепчайшей организованности во все действия органов Советской власти на местах.—Пролетарская революция, экспроприировав помещичьи землевладения и разгромив кулацкие верхи деревни, произвела поравнение крестьянских хозяйств как в отношении посева, так и в отношении рабочего скота. С 1917 по 1920 количество беспосевных крестьянских хозяйств сократилось в два раза, количество многопосевных сократилось в 2 и в 7 раз, а количество среднепосевных соответствующим образом увеличилось. «Таковы были,—читаем мы в сборнике материалов исследования НК РКИ СССР «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства»,—итоги нивеллировки деревни, того роста за счет крайних средней группы, который привел к тому, что „центральной фигурой" деревни стал „середняк". Этот процесс еще более подчеркивался тем обстоятельством, что на протяжении 1917—1920 происходило резкое сокращение числа крестьянских хозяйств „с промыслами"».—За годы гражданск. войны имел место не только упадок сельского хозяйства и промышленности, но и разрыв экономических связей между ними. «Крестьянское хозяйство,—пишет Л. Крицман,—становилось самодовлеющим хозяйством для собственного потребления, выпадало из народного хозяйства». Но несмотря на то, что в годы гражданской войны не было смычки между экономикой крестьянской и экономикой пролетарской, все же крестьянство предоставило пролетарскому государству одну из важнейших составных частей того фонда, который являлся фондом для ведения войны против помещиков и капиталистов. За 1918—1921 крестьянство, путем продразверстки, предоставило Советской власти в общем итоге 687 млн. пуд. хлеба.—Союз между рабочим классом и крестьянством в эти годы был военным союзом, так как основная масса крестьянства, получивши землю в результате пролетарской революции, была кровно заинтересована в том, чтобы под руководством пролетариата организовать «военную защиту» завоеваний революции. Кулак поднимался против нового пролетарского государственного порядка. Он активно оказывал сопротивление мероприятиям Советской власти в деле налаживания хозяйства на новых началах. Надо было сломить это сопротивление. Для этого надо было организовать деревенскую бедноту под руководством промышленных рабочих на борьбу «против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников». Это была борьба за хлеб, одновременно она была борьбой за социализм в деревне,—она вызвала резкое обострение клас. борьбы в стране и гигантски ускорила процесс создания нов. группировки классов. сил. В результате этого летом и осенью 1918 «от обще-крестьянской борьбы за землю» мы перешли «к делению внутри крестьян», т. е. социалистическая революция втянула в свою орбиту деревню с ее многомиллионной массой мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Этому перевороту Ленин придавал исключительно большое значение. В своей речи на 1-м Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 он утверждал, что этот переворот «не был шумен, не был так наглядно виден и не бросался так всем в глаза, как Октябрьский переворот», но он «имеет еще несравненно более глубокое и важное значение».—Развитие агр. законодательства Советской власти целиком и полностью отражает эти этапы нашей политики в деревне за первый год существования Советского государства. Первая группа этих декретов охватывает период от октября 1917 по июнь 1918. Эти декреты отменяют собственность на землю и устанавливают порядок распоряжения, распределения и пользования землей. Вторая группа земельных декретов охватывает собой всю вторую половину 1918. Это был период похода передовых рабочих в деревню и организации комитетов деревенской бедноты, к-рые явились не чем иным, как инструментом перехода революции в деревне на социалистические рельсы. И аграрное законодательство Советской власти этого периода целиком и полностью отражает этот этап в развитии Октябрьской пролетарской революции.

Необходимо отметить, что процесс выделения пролетарских и полупролетарских слоев крестьянства для всей территории Союза не был ни единовременным, ни равномерным, так как в некоторых частях Советского Союза этот процесс происходил относительно быстро и сравнительно легко, а в других он, в силу целого ряда обстоятельств, прерывался, замедлялся и растягивался на значительно больший промежуток времени. Так, например, на Украине превращение общекрестьянской борьбы против помещиков в борьбу пролетарских и полупролетарских элементов деревни против кулацких верхов крестьянства растянулось на весь период гражданской войны. «У нас на Украине,—пишет В. Качинский (см. «Очерки аграрной революции на Украине», стр. 57),—аграрная революция во времени проходила несколько иначе, чем в Великороссии». А в сборнике материалов по вопросу о социальных и политических процессах на селе, изданных Киевским губернским комитетом КП(б)У, мы читаем: «1920 год на Киевщине является годом массовой организации комнезамов. Комнезамы растут, как грибы после дождя, и энергично берутся за дело нивеллировки земельных и имущественных отношений».

Во время гражданской войны происходил процесс «обучения политике» основных масс крестьянства. «Мелкие хозяева» и «мелкое земледелие»—это,—как говорил Ленин,—

«сила колебаний». В гражданской войне эта «сила» обнаружила себя в полной мере, ибо она колебалась и в Поволжьи, и в Сибири, и на Украине. Победить в гражданской войне рабочий класс мог только в том случае, если он смог повести эту «силу колебаний» за собой. И победа эта в указанном отношении была обусловлена прежде всего тем, что рабочий класс помог деревенской бедноте организоваться против кулака и сломить кулацкое сопротивление, а затем важнейшую роль сыграло также и то обстоятельство, что правильной политикой в крестьянском вопросе пролетариат и его партия, опираясь на бедноту, сумели повести за собой середняцкие массы крестьянства. В отношении середняцкого крестьянства перед Октябрем и в период организации комбедов, партия проводила политику нейтрализации. После укрепления Советской власти партия выдвинула лозунг союза пролетариата и деревенской бедноты с средним крестьянством. Это обстоятельство и упрочило военный союз пролетариата и крестьянства в интересах укрепления власти Советов и победы социалистической революции.

Классы в 1921—1923 годах. Окончание гражданской войны и переход от войны к миру снова поставил в центре внимания партии вопрос об отношении к крестьянству, но это был уже новый период в развитии Советского государства, развертывавшийся в иной обстановке и при иной группировке основных классовых сил в стране. Главнейшим из этих новых условий было то, что в 1921 мы от военного коммунизма перешли к, так называемой, новой экономической политике. Для крестьянского хозяйства это прежде всего означало свободу товарооборота, но вместе с тем и начало процесса частнокапиталистического накопления буржуазными прослойками населения. Один из исследователей роли частного капитала в нашем народном хозяйстве замечает, что «от всего этого некогда мощного организма остались лишь те жалкие крупицы, которые смогли сохранить и продержать под спудом частные лица, вплоть до объявления новой экономической политики».

1921—1923 и были тем периодом, в течение которого в рамках Советского государства в наше народное хозяйство вошел частный капитал. В материалах комиссии ВСНХ СССР «Частный капитал в народном хозяйстве СССР» указывается, что первым периодом в развитии частного капитала после окончания гражданской войны был «период до конца 1923, когда частный капитал, развиваясь, достиг своего апогея и располагал более чем половиной всего торгового оборота». По данным Струмилина, в 1922—1923 в общей массе торговых оборотов социалистический сектор составлял 44%, капиталистический — 41% и простой товарный—15%. К концу этого же года собственные капиталы частной торговли выражались в сумме 341 млн. рублей, а торговые запасы в 420,6 млн. рублей.

Это частичное восстановление капиталистического «базиса» сопровождалось явлением, к-рое получило название возрождения буржуазной идеологии и было не чем иным, как волной контр-революционного буржуазного реставраторства в первоначальный период нэпа. Эта волна поднялась чрезвычайно высоко, но она была весьма кратковременна и быстро поднявшись точно также быстро пошла на убыль. Идеологически она питалась старым буржуазным хламом, а организационно она выросла из ряда обществ и организаций, к-рые возобновили свою деятельность после окончания войны и к-рые состояли в своем большинстве из остатков дооктябрьской буржуазной интеллигенции. Но насколько велики были эти политические иллюзии, свидетельствует хотя бы и то, что эмигрантские соратники этой буржуазной интеллигенции, вроде госпожи Кусковой, уже всерьез начинали говорить о «бессилии воинствующего коммунизма». Так, в августе 1922, давая оценку положения, Кускова писала, что Россия «не умерла, что она живет» и что «только верхняя пленка пыли» мешает ей свободно жить, при этом она была твердо уверена, что «эта пленка скоро будет снята». Надо иметь также в виду, что эти контр-революционные политические иллюзии питались и тем тяжелым экономическим положением, в котором все еще находилась наша страна в эти годы. Переход от войны к миру происходил в условиях экономического кризиса, который был безмерно отягощен голодом 1921—1922.

«Мелкобуржуазная анархическая контрреволюция», о которой говорил Ленин в своем докладе на X съезде партии, не закончилась кронштадтским восстанием, а уже в условиях нэпа прошла почти по всей стране в форме политического бандитизма. Этот политический бандитизм в 1921 и в 1922 имел место и в Сибири, и на Северном Кавказе, и на Украине. Он нашел свое выражение в контр-революционной антоновщине в Тамбовской губернии, в бандитских похождениях Махно на Украине и в непрекращающихся чуть ли не в течение двух лет военных действиях многочисленных офицерских банд на Дону, на Тереке и на Кубани. Т. о., можно сказать, что первым хоть сколько-нибудь «мирным» годом был 1923, но и он, не сопровождаясь какими-либо крупными потрясениями, все же был «испорчен» осенним кризисом сбыта.

В этих чрезвычайно трудных условиях и происходил процесс собирания распылен. за годы гражданской войны масс рабочего класса. Если в 1920 число рабочих цензовой промышленности равнялось 1.347 тысячам, то в 1921/1922 оно понижается до 1.244 тысяч и только в 1922/1923 доходит до 1.380 тысяч, что в процентах к 1913 составляло 53,8. Необходимо иметь в виду, что процесс консолидации рабочего класса в различных отраслях промышленности происходил совершенно неодинаково. В 1922 увеличение продукции коснулось прежде всего текстильной промышленности. При чем по хлопчатобумажной пряже продукция увеличилась в три раза по отношению к прошлому году. Заметное движение вперед в это же время мы имели в резиновой промышленности, в сахарной промышленности и т. д. И в соответствии с этим происходила и консолидация рабочей силы. Так, за 1921/22 количество

рабочих в текстильной промышленности выросло на 69,2%, а в следующем 1922/23 прирост рабочих в текстильной промышленности измерялся 24% и в хлопчатобумажной промышленности даже 31% (июль). Параллельно восстановлению промышленности шло увеличение зарплаты рабочих. — 1923 был первым годом подъема сельского хозяйства. При чем этот подъем выражался как в увеличении общей продукции сельского хозяйства, так и в увеличении площади посева, количества скота, повышении посевов технических культур, и т. д. Новая экономическая политика положила начало процессу расслоения деревни в новых условиях, к-рое, в отличие от расслоения деревни в условиях капитализма, состояло в том, что наряду с ростом кулацкой верхушки деревни происходил процесс не ослабления среднего крестьянства, а, наоборот, его усиления, процесс «подвижки» определенной части бедноты вверх, до уровня середняцкого хозяйства. «В итоге нэпа, — читаем мы в сборнике материалов исследования НК РКИ СССР,—растет экономическая мощь середняка. Основная масса середняков передвигается вверх. Из мельчайшего хозяйства середняцкое хозяйство превращается в хозяйство мелкое и в небольшой части в хозяйство среднее». Это положение в дальнейшем подчеркивается в следующих словах: «Этот экономический рост середняка есть важнейший и экономический и политический итог нэпа в деревне». И если, как указывал Ленин, от одного перехода к миру «уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства», то при переходе к нэпу это обстоятельство выступает еще более наглядно. Основное состоит здесь в том, что в годы гражданской войны союз между рабочим классом и крестьянством был союзом «политическим и военным», а в условиях нэпа он может существовать как союз экономический. «Первый раз в 1921 году, — сказал Ленин в докладе на 9 Всероссийском Съезде Советов, — переживаем мы этот союз, как экономический» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 398).

Классы в 1924 — 1927. Процесс восстановления народного хозяйства, начавшийся с переходом на рельсы новой экономической политики, с 1923/1924 принимает характер бурного подъема промышленности, роста сельского хозяйства и укрепления социалистического сектора. Восстановительный период в основном заканчивается в 1925/1926.

На протяжении этого периода находят свое дальнейшее развитие те социально-экономические процессы, которые были отмечены нами в предыдущий период, но наряду с этим начинают обнаруживаться и некоторые новые явления в соотношении классовых сил в стране. В результате восстановления промышленности быстрым темпом шел процесс увеличения количества рабочих, занятых в производстве, и вообще лиц наемного труда. Число рабочих цензовой промышленности в 1923/24 равнялось 1.600 тысяч (т. е. 60,2% к довоенному), в 1924/25—1.874 тысячи (т. е. 66,8% к довоенному), в 1925/26 — 2.347 тысяч (т. е. 85,2% к довоенному) и в 1926/27 — 2.483 тысячи (т. е. 88,9% к довоенному). Общее число рабочих физического труда в 1926/27 равнялось 7.060 тысячам, а общее число лиц наемного труда, исключая безработных, достигало цифры 10.340 тысяч. Наряду с этим, неуклонно растет число членов профсоюзов, так что в 1926/27 ими было охвачено 80% всех лиц наемного труда. За эти годы продолжается рост производительности труда и заработной платы. За этот период реальная заработная плата уже превысила довоенный уровень, а рост производительности труда, если 1922/23 принять за 100, выражался в следующих цифрах: в 1923/24—118,0, в 1924/25—156,4, в 1925/26—177,1 и в 1926/27—196,7.

Этот период характеризуется также тем, что наряду с увеличением численности рабочего класса, заработной платы и производительности труда наблюдается увеличение числа безработных. Это обстоятельство являлось показателем того, что в массу городских рабочих вливались новые элементы из деревни, которые шли не только в производство, но и на биржу труда, увеличивая тем самым число безработных. В общей массе безработных на 1-е марта 1927 32% падало на лиц без профессии и квалификации, а 27,3%—на лиц, впервые предлагающих свой труд. Быстрый рост промышленности за последние годы рассматриваемого периода привел к изменению соотношения между отдельными группами наемного труда: так, к общей численности наемного труда в 1924/25 на сельское хозяйство приходилось 20,0% и на промышленность — 28,4%, а в 1926/27 на сельское хозяйство—19,5% и на промышленность—29,3%. Характерной чертой этого процесса роста рабочей силы в производстве за последние годы были два обстоятельства: во-первых, рост числа рабочих в промышленности, производящей средства производства, обгонял соответств. рост в промышленности, производящей предметы потребления и, во-вторых, за последние годы, сравнительно с предыдущим периодом, мы имеем замедление темпа прироста рабочей силы в производстве. В 1926/27 прирост числа рабочих по группе «А» выражался в 11,7%, а по группе «Б»—1,8% к предшествующему году. В «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927/1928 год» указывалось: «Если в 1925/1926 г. в среднем по промышленности расширение производства требовало на каждый миллион рублей новой продукции привлечения 288 новых рабочих, то в 1926—1927 г. эта величина падает до 186, а в 1927—1928 г. до 83». Тот же источник объясняет это тем, что «вовлечение новых рабочих в производство, благодаря росту производительности труда, обусловленному рядом реконструктивных начинаний, должно происходить значительно более замедленным темпом».—Т. о., посл. годы рассматриваемого периода, проходившие под знаком индустриализации страны, увеличивали ведущую роль промышленности, укрепляли позиции рабочего класса и его руководящее значение, что создавало базу для нового наступления

социализма на капиталистические элементы в городе и деревне. Это обстоятельство приобретало еще большее значение в силу того, что за последние годы мы имели увеличение удельного веса социалистического сектора в народном хозяйстве, а также значительный рост кооперирования городского и деревенского населения. Валовая продукция социалистического сектора с 1924/25 по 1926/27 возросла в валовой продукции всего народного хозяйства с 29,9% до 37,1%, а валовая продукция несоциалистич. сектора упала с 70,1% до 62,9%. Частный сектор терпит урон. Этот процесс имеет место не только в промышленности, но в товарообороте и в сельском хозяйстве. В 1926/27 сельскохозяйственной кооперацией было охвачено около одной трети всех крестьянских хозяйств; снабжение деревни потребительской кооперацией достигло половины всего оборота, а доля кооперативных и государственных органов в деле сбыта сел.-хоз. продукции доходит до двух третей.— Все указанные обстоятельства имели ближайшее отношение и к тем социально-экономическим процессам, которые наблюдались в деревне за рассматриваемые годы. Характеризуя итог периода военного коммунизма для деревни, предисловие к сборнику материалов исследования НК РКИ «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства» отмечает: «Такое поравнение было поравнением на уровне мельчайшего хозяйства, на уровне нищеты. Таков исходный путь этой эволюции крестьянского хозяйства, который мы наблюдаем за время периода, предшествующего нэпу».

За годы нэпа мы имеем укрепление середняка, как центральной фигуры в советской деревне. В предисловии к вышецитированному сборнику читаем: «В итоге нэпа растет экономическая мощь середняка. Основная масса середняков передвигается вверх. Из мельчайшего хозяйства середняцкое хозяйство превращается в хозяйство мелкое и в небольшой части в хозяйство среднее». В 1926 группа хозяйств с посевом от 2-х до 8-ми десятин (в зависимости от района) по СССР составляла 56,4% всех хозяйств. Это укрепление середняцкого хозяйства «происходит в условиях развивающейся за последние годы дифференциации крестьянского хозяйства».—В резолюции XII партийного съезда «О работе РКП(б) в деревне» указывалось: «С развитием социально-экономических отношений, создаваемых новой экономической политикой, удельный вес кулачества все более и более растет». В резолюции XIV партийного съезда по отчету Центрального Комитета отмечается «рост кулацкого хозяйства в деревне вместе с ростом дифференциации этой последней». В сборнике НК РКИ мы имеем попытку цифровой характеристики удельного веса кулачества на основании разработки одного из сотрудников Ком. академии. По этим данным получается, что кулаки на Украине составляют 5,7% всех крестьянских хозяйств и на Северном Кавказе—5,3%, при чем в сборнике указывается, что эти данные «все же преувеличены». Но, несмотря на рост верхней группы деревни за последние годы, все же она «по сравнению с дореволюционным временем у нас ничтожна», а по отношению к 1917 «удельный вес этих групп (крупнопосевных. *А. Б.*) продолжает оставаться чрезвычайно далеким от 1917 года». На XV партийном съезде т. Сталин указывал, что мы имеем «известный рост кулачества в деревне».— Но наряду с этим происходили изменения и в положении городских частнокапиталистическ. элементов. В уже цитированных материалах комиссии ВСНХ СССР о частном капитале читаем, «что на протяжении всей новой экономической политики идет абсолютный рост частного капитала с некоторым перерывом в начале 1924 года». По данным Струмилина, динамика собственных капиталов и торговых запасов частной торговли с 1923/24 по 1925/26 представляется в следующем виде (если данные за 1922/1923 принять за 100): «Собственных капиталов в 1923/1924 году—96, в 1924—1925 году—73 и в 1925/1926 году—108, а торговых запасов в те же годы—95, 72 и 108».— Но следует принять во внимание, что этот же период был периодом бурного подъема промышленности, роста организованности и удельного веса как государственной торговли, так и кооперации. По данным Струмилина, динамика торговых оборотов с 1923—1924 по 1925/26 выражается в следующих цифрах: удельный вес социалистического сектора поднимается с 54% до 76%, капиталистического — падает с 35% до 19%. «Картина эта,— пишет Струмилин,— показывает нам непрерывное падение удельного веса частнокапиталистических оборотов в общем их итоге. Даже 1925/1926 год, столь благоприятный для частной торговли, не вносит существенных поправок в эту картину».—К сожалению, мы не имеем сплошных данных, которые давали бы возможность установить изменение классового состава населения,происшедшего за последние годы. Мы воспользуемся материалами ЦСУ, которые дают общее представление об интересующих нас классовых процессах. С 1/IV 1925 по 1/IV 1927 (т. е. за два года) население увеличилось на 4,8%, при чем особенно интенсивный прирост дал несельскохозяйственный сектор. Если взять в сельскохозяйственном секторе только самодеятельных, т. е. тех, кто имеет самостоятельный источник средств существования, то их удельный вес в общем числе самодеятельных в 1924/25 составлял 64%, а в 1926/27— 60% (все сельское население ко всему населению составляло в соответствующие годы 79% и 76%). Удельный вес классовых групп самодеятельного населения в несельскохозяйственном секторе представляется в следующем виде: группа наемного труда (в том числе и рабочие) в 1924/25 составляла 65,1% ко всем самодеятельным этого сектора, а в 1926/27 она составляет 69,7%; группа рабочих (отдельно) за эти же годы с 28% повышается до 30,9%; группа трудящихся не по найму падает с 16,6% до 15,7%; группа буржуазии тоже самое падает с 6,1% до 5,6%, но группа «хозяев с наемными рабочими» несколько увеличивается — 1,02% и 1,21%. Эти изменения в классовом составе населе-

ния произошли на основе роста материального благосостояния населения. Средний доход на душу в 1924/25 составлял 116,5 руб., а в 1926/27—161,4 руб. Общий доход городского и сельскохозяйственного пролетариата в общей сумме дохода всего населения в 1924/25 составлял 29,5%, а в 1926/27—35,7%. Таким образом, мы видим, что развитие промышленности за последние годы находит свое отражение в изменении классового состава населения.

В декабре 1925 на XIV партийном съезде т. Сталин отмечал, что «мы вступили в полосу оживления всех классов и всех социальных группировок. Оживился рабочий класс, оживилось крестьянство со всеми своими группировками, оживилась и новая буржуазия, ее агенты в деревне (кулаки), ее представители в интеллигенции» (Стеногр. отч., стр. 41). В декабре 1927 на XV партийном съезде т. Сталин по тому же вопросу о новой буржуазии давал такую оценку: «Далее мы имеем такой факт, как сравнительно немалое количество капиталистов как в области промышленности, так и в области торговли. Удельный вес этих элементов не так уж мал, как это иногда изображают у нас некоторые товарищи» (Стеногр. отч., стр. 59). К этому он добавлял: «Мне известно, например, что в области кустарной промышленности вообще, в области кожевенной и текстильной промышленности в частности, имеется немалое количество новых миллионеров, закабаляющих себе кустарей и вообще мелких производителей» (там же, стр. 60).

При этом за последние годы рассматриваемого периода имело место оживление активности капиталистических элементов в городе и деревне, явившееся не чем иным, как контрответом на то наступление социалистического сектора, которое столь характерно именно для последних лет нашего развития, идущих под знаком индустриализации народного х-ва и коллективизации сел. х-ва. — Крестьянский вопрос в целом стоял в центре внимания партии на протяжении всего рассматриваемого периода. Кризис сбыта 1923 чрезвычайно резко вскрыл те «ножницы», к-рые существовали между ценами на продукты промышленности и на продукты сельского хозяйства; этот же кризис обнаружил весьма малую емкость крестьянского рынка и со всей остротой выдвинул на очередь дня вопрос о подъеме сельского хозяйства. В 1924 мы имели налицо колебание в основной массе крестьянства. «Что имелось у нас в деревне в конце прошлого года и в начале этого,—говорил т. Сталин на XIV партийном съезде,—вам это хорошо известно. Общее недовольство среди крестьян нарастало, а кое-где были попытки даже к восстанию. Я напомню вам о грузинском восстании и целом ряде фактов расправ с предвиками, с секретарями наших ячеек» (Стеногр. отч., стр. 41). Отсюда и вытекала необходимость того «нового курса» политики партии в деревне, к-рый Сталин на том же XIV партийном съезде определял следующим образом: «Политика оживления советов, политика оживления кооперации, профсоюзов, уступки крестьянству в смысле уточнения вопроса об аренде и наемном труде, материальная помощь бедноте, политика прочного союза с середняком, ликвидация остатков военного коммунизма,—вот в чем, главным образом, выразился новый курс партии в деревне» (там же). Этот курс оправдал себя целиком и полностью тем, что способствовал упрочению союза рабочего класса с основной массой крестьянства при повышении руководящей роли первого.

Восстановление промышленности и рост сельского хозяйства выдвинули перед партией новую задачу, которая и была сформулирована на XIV партийном съезде, как переход от восстановительного периода к периоду социалистической реконструкции.— Основную линию партийной политики в деревне XIV партийный съезд определил в следующих словах: «Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака» (Стеногр. отч., стр. 960). Эту же политику партия твердо проводила и в годы реконструктивного периода.

Успехи социалистического строительства за эти первые годы реконструктивного периода поставили на очередь дня задачу коллективизации сельского хозяйства. «В настоящий период,—читаем мы в резолюции XV партийного съезда о работе в деревне,—задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» (Стеногр. отч., стр. 138). В обстановке периода социалистической реконструкции были достигнуты крупнейшие успехи в деле укрепления социалистического сектора, организации бедняцких групп и отпора кулацким верхам деревни. Все это создавало прочные предпосылки для более решительного наступления на кулака в интересах укрепления союза пролетариата и деревенск. бедноты с середняком.— В обстановке укрепления позиций социализма, массового кооперирования, контрактации, строительства колхозов, организации новых совхозов и обострения классовой борьбы в деревне,—вопрос о союзе рабочего класса с основной массой крестьянства, укрепление смычки между ними, приобретало новый смысл в том отношении, что в качестве опорных пунктов этой смычки мы могли и должны были использовать такие достижения последних лет, как большую организованность бедноты, развитие контрактации, машиноснабжение деревни, новые совхозы и расширение колхозного строительства. Основная линия политики партии в деревне осталась прежней, но в соответствии с достигнутыми успехами в деле строительства социализма формы смычки видоизменились. Прежние формы остались, но наряду с ними выросли уже новые формы. Первые лежали в сфере товарного обращения, вторые—в сфере производства.—Таким образом, великий путь от низвержения буржуазии и захвата госуд. аппарата в 1917 до практической постановки на очередь дня за-

дачи социалистической реконструкции народного хозяйства в 1925/26 рабочий класс проделал на протяжении первого десятилетия социалистической революции. Это десятилетие было поистине эпохой «больших скачков», так как оно ознаменовалось не только крупнейшими сдвигами и резкими переходами в экономике, но и одновременными перегруппировками классовых сил в стране.—В течение, примерно, первой половины этого десятилетия рабочий класс ликвидировал помещичье землевладение, разрушил весь аппарат экономического господства буржуазии и нанес сокрушительный удар кулацкой верхушке деревни, сломив ее контр-революционное сопротивление. Одновременно с этим рабочий класс в борьбе против помещиков сплотил вокруг себя целиком всю массу крестьянства, а в борьбе с контр-революционным выступлением кулачества создал, оформил и укрепил свой союз с пролетарскими и полупролетарскими элементами деревни, направленный острием против капитализма. Эти классовые перегруппировки происходили в продолжение нескольких лет ожесточеннейшей гражданской войны, основным результатом которой был не только полный разгром объединенных сил буржуазно-помещичьей контр-революции, но и союз рабочего класса с основной массой крестьянства, прошедшей в эти годы через неоднократные сильнейшие колебания и на опыте их усвоившей необходимость поддержки пролетарского руководства в интересах своего собственного освобождения от гнета помещика, кулака и капиталиста.—В течение второй половины этого десятилетия, являющейся периодом мирного строительства, рабочий класс должен был осуществлять свое руководство строительством социализма в условиях сначала выхода из экономической разрухи, затем все более и более ускоряющегося процесса восстановления народного хозяйства и, наконец, непосредственного подхода к задаче «выкорчевывания корней капитализма» путем максимального роста тяжелой индустрии и организации мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы на новой агрикультурной и технической базе.

Эта вторая половина первого десятилетия пролетарской революции была также ознаменована рядом колебаний середняцкой массы крестьянства, к-рые неизменно заканчивались укреплением рабоче-крестьянского союза при повышении в нем руководящей роли рабочего класса. Это был уже путь не военного союза между рабочим, бедняком и середняком, а путь экономической смычки социалистической экономики с миллионами мелких и мельчайших крестьянских хозяйств.—Если новая экономическая политика создавала условия для частичного восстановления элементов капитализма, то она же, обеспечивая все более и более ускоряющийся процесс укрепления социалистического сектора нашего народного хозяйства, непрерывно воспроизводила условия ограничения эксплоататорских стремлений частнокапиталистических элементов в городе и деревне и тем самым, с ростом социалистического сектора хозяйства, подготовляла условия для успешного усиленного наступления на частнокапиталистические элементы. При чем это наступление социализма не могло не сопровождаться контрнаступлением частнокапиталистических групп в стране и неизбежным обострением классовой борьбы в деревне. Империалистическ. окружение вне страны и громадная сила мелкобуржуазного колебания внутри нее создают те трудности, через к-рые проходит, проходила и будет еще проходить эта борьба, являющаяся со стороны рабочего класса борьбой за победоносное продвижение вперед строительства социализма. В этой борьбе пролетарскому государству предстоят еще большие трудности, но непрерывное и мощное укрепление позиций социализма в нашей стране за последние годы обеспечивает нам успешное преодоление этих трудностей и победу социализма.

Партийная история этого десятилетия. Партийная история этого десятилетия с величайшей наглядностью отразила на себе классовые передвижения этой исключительной по размаху событий исторической эпохи. Основная линия партийного развития этих лет является продолжением в новых условиях той последовательно-революционной пролетарской политики, которая столь характерна для всей истории большевизма. Непосредственным преддверием рассматриваемого периода в истории ВКП(б) является тот краткий по времени, но богатый событиями исторический промежуток, который ограничен низвержением царизма в феврале и низвержением господства буржуазии в октябре 1917.

Партия на путях к Октябрю (март—октябрь 1917). Март—октябрь 1917 был периодом перерастания революции буржуазной в революцию социалистическую. Июльские события делят этот исторический промежуток, в свою очередь, на два различные периода. Период до начала июля был периодом «мирного развития вперед всей революции», когда было возможно «мирное изживание борьбы классов внутри Советов». В июле «власть перешла в решающем месте в руки контр-революции». В силу этого и произошла коренная перемена общего политического положения, «обусловливавшая другой путь перехода власти к пролетариям и полупролетариям», т. е. путь гражданской войны. В свою очередь, как первый, так и второй период этой исторической эпохи делятся, каждый из них, на два этапа, которым присущи свои особенности.

В течение марта — апреля «доверчивое» отношение широких масс к правительству капиталистов и помещиков настолько еще устойчиво, что за это время не имеется хоть сколько-нибудь значительных массовых выступлений, к-рые бы свидетельствовали о колебаниях мелкобуржуазных масс между пролетариатом и крупной финансово-капиталистическ. буржуазией. Конец апреля—июнь сопровождается резкими колебаниями мелкобуржуазной массы, неизбежно порождающими острые политические кризисы. За это время имели место два политических кризиса, вызванные тем, что мелкая буржуазия

«колебнулась прочь от капиталистов на сторону революционных рабочих»: это— кризисы 20—21 апреля и 10—18 июня. Оба кризиса — и апрельский и июньский — наглядно показали, как отмечал в то время Ленин, «растущее недовольство масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного правительства». В апреле возмущение мелкобуржуазной массы носило «бурно-стихийный» характер. В июне демонстрация, назначенная Съездом Советов, дает «явное преобладание большевистским лозунгам». Июльский кризис радикально меняет обстановку, т. к. в июле пролетариат понес временное поражение, а буржуазии удалось одержать временную победу. Коалиционная власть сползает к бонапартизму, начинается период «крепнущей бонапартистской контр-революции». Буржуазия переходит в наступление, пролетариат обороняется. Происходит все более и более ускоряющееся колоссальное обострение классовой борьбы в стране. Рост массового недовольства, непрерывно усиливаясь, шел от апрельского кризиса к июльским дням. Июльская победа буржуазии лишь на очень короткий промежуток времени приостанавливает рост революционного движения. После июльского кризиса пролетариат, через разгром корниловского мятежа, идет к Октябрьскому перевороту. В течение июля—августа классовые противоречия растут, движение стихийно нарастает, втягивая в свою орбиту все более и более широкие массы не только города, но и деревни. Корниловский мятеж является переломным моментом, который на очередь дня непосредственно ставит вопрос о подготовке к восстанию. Ленин ставит вопрос о том, что «надо говорить о технической стороне» восстания.—Такова была общая политич. обстановка, в бурных условиях которой партия большевиков выковывала свою генеральную линию, завоевывала на свою сторону массы и вела их к победоносным Октябрьским боям против капитализма.—После Февральской революции партия выходит из подполья. По данным Статотдела ЦК, в апреле 1917 партия насчитывала до 79 тыс. членов, к августу 1917 количество членов возросло до 200 тыс.; по сообщению мандатной комиссии VI съезда на нем было представлено 176.750 членов партии. Рост партии за это время может быть иллюстрирован на основании данных по некоторым крупным организациям: Петроградская организация с апреля по август выросла с 16 тыс. до 36 тыс., Московская городская организация за это же время выросла с 7 тыс. до 15 тыс., Московская областная организация к VI партийному съезду насчитывала до 58 тыс. членов. Все эти данные ни в какой мере не могут претендовать на большую точность. Но все же они дают общее представление как о численности партии между Февралем и Октябрем, так и о темпе роста партии в крупнейших промышленных районах за эти месяцы.

Основная линия партийного развития за февраль—октябрь 1917 отражала те этапы, через к-рые прошло развитие массового движения за этот же период. В марте—апреле в рядах партии наблюдались колебания и неясность основной линии в важнейших вопросах момента (о войне, о Временном правительстве, о Советах, об отношении к меньшевистско - эсеровскому блоку и т. д.). Эти колебания нашли свое отражение, между прочим, и в политической линии ПК. В своем заседании 3/16 марта ПК принимает резолюцию о Временном правительстве, в которой заявляется, что он «не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку действие его соответствует интересам пролетариата и широких демократических масс народа». На этом же заседании резолюция бюро Центрального Комитета, в которой говорилось, что «главнейшей задачей является борьба за создание Временного Революционного Правительства», собрала меньшинство голосов ПК. Исполнительная комиссия в расширенном заседании ПК 13/26 марта, заслушав обе резолюции, «признала мотивировку в резолюции ПК»—о непротиводействии Временному правительству... «вполне правильной». На заседании ПК 18 (31) марта Л. Каменев не удовлетворился даже формулой ПК о непротиводействии, он заявил: «не может партия занимать позицию нейтралистскую. Мы содействуем, но не противодействуем...». Необходимо отметить, что на собрании ПК 5/18 марта была внесена резолюция, к-рая была поддержана только одним членом Петербургского комитета,—эта резолюция задачей момента выдвигала «создание Временного Революционного Правительства, выросшего из объединения местных советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов всей России», и намечала ряд мероприятий «в целях подготовки к полному захвату центральной власти».

Подобные же колебания имели место и в большевистской фракции Всероссийского совещания рабочих и солдатских депутатов 29 марта—3 апреля. Колебания такого же типа в партийных организациях в марте—апреле наблюдались не только по вопросу об отношении к Временному правительству, но и по вопросу о войне и об отношении к меньшевикам. И только теоретическая выдержанность, революционный закал и организационная сплоченность, выкованная в напряженнейшей 15-летней борьбе с оппортунизмом всех разновидностей, помогли большевистской партии найти правильную тактическую линию.

Колоссальную роль в этом сыграли замечательные тезисы Ленина (Ленин, Соч., т. XX, стр. 87, «О задачах пролетариата в данной революции»). Они были оглашены им 4 апреля 1917, тотчас же по приезде из-за границы, на собрании делегатов только-что закончившегося Всеросс. совещания Советов раб. и солдатских депутатов (сначала большевиков, а затем большевиков и меньшевиков). Эти краткие тезисы (10 пунктов) содержали всю программу «второго этапа» революции, они четко и ясно намечали линию поведения партии революционного пролетариата: разоблачение войны, которую продолжало Временное правительство, как «грабительской империалистской войны»; резкая критика так называемого революционного оборончества; определение раз-

вертывающейся революции, как революции переходной к социализму (не «введение социализма, как наша непосредственная задача...»); выставление лозунга—«не парламентарная республика, а республика Советов» и формулировка задачи «создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против Центра...» — вот основное содержание этих тезисов. «И тезисы, и доклад мой, — писал Ленин,—вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды». Эти разногласия проявились и на Апрельской конференции большевиков, к-рая в развитии нашей партии имеет громадное значение.— Апрельские тезисы Ленина далеко не сразу были приняты партией. В отношении к ним среди части большевиков были сильные колебания. На заседании ПК 8 (21) апреля при голосовании тезисов Ленина в целом высказались за—2, против—13 и воздержался 1. Необходимо отметить, что после этого заседания ПК была проведена дискуссия по районам, в результате которой на Апрельской общегородской петроградской конференции нашей партии «подавляющее большинство депутатов» стало уже на ленинскую точку зрения. Подобные колебания были основными за весь период с марта по октябрь 1917. В преодолении их партия выковывала свою генеральную линию.—Колебания другого порядка обнаружили себя в инциденте с авантюристским лозунгом «некоторых товарищей из ПК» в момент первого выхода на открытую арену массового недовольства политикой Временного правительства в апреле 1917. На Апрельской общепартийной конференции Ленин заметил по адресу Каменева: «Тов. Каменев ловко сел на конька об авантюризме». В то же время он подчеркнул, что «лозунг: „долой Временное Правительство“ — авантюристский, что свергать сейчас правительство нельзя, поэтому мы дали лозунг мирных демонстраций», а «ПК взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 252). Характерным является то обстоятельство, что член ПК, который являлся автором этого авантюристского лозунга, незадолго перед этим выступал против Апрельских тезисов Ленина, разделяя точку зрения Л. Каменева.

Апрельская конференция произвела основную работу по выпрямлению линии партии. В основу ее решений легли тезисы Ленина. Давая точные и ясные директивы по всем важнейшим вопросам момента, Апрельская конференция указывала, что «необходима длительная работа по проявлению классового пролетарского сознания, к сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 614). Эта линия являлась основной линией партии в течение мая—июня вплоть до июльского перелома, когда был выдвинут лозунг свержения контр-революционной бонапартистской диктатуры и когда партия должна была направить все усилия «на организацию подготовки сил» к моменту «напряжения всех сил для взятия государственной власти в свои руки».

В конце марта, еще будучи за границей, Ленин выдвигал перед партией задачу «подготовить свою победу во втором этапе революции». Эту подготовку он понимал таким образом, что на очередь дня ставил задачу «просветить и организовать»... массу полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения России. Обрушиваясь позднее на Каменева за его замечания об опасности превратиться «в группу пропагандистов-коммунистов», Ленин писал: «Не является ли работа именно пропагандистов как-раз в настоящий момент центральным пунктом для высвобождения пролетарской линии из „массового“ оборонческого и мелкобуржуазного угара» (Ленин, Соч., том XX, стр. 108). В течение всех этих месяцев Ленин не переставал доказывать исключительную важность упорной систематической работы для завоевания большинства на свою сторону. «Это кажется,—писал он,—„только“ пропагандистской работой. На деле это—самая практическая революционная работа...» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 116). Сейчас же после апрельского кризиса Ленин, обращаясь к рабочим, писал: «Не давайте сбить себя ни мелкобуржуазным „соглашателям“ с капиталистами, оборонцам, сторонникам „поддержки“, ни одиночкам, склонным торопиться и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать: „долой Временное Правительство“» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 228).

Уроки массовой борьбы, политических кризисов, напряженная массовая разъяснительная работа партии большевиков не проходили даром—рабочие массы в городах все более и более отходили от поддержки меньшевистско-эсеровского блока и переходили на сторону большевиков. Июньский и июльский кризисы доказали это в полной мере. Само собой разумеется, что процесс высвобождения рабочих от мелкобуржуазного угара происходил значительно быстрее, чем отход крестьянских масс от политики эсеров. Однако, борьба большевиков за крестьянство, хотя и значительно более медленно, но все же давала свои положительные результаты; этот процесс значительно ускорился после июльских дней, когда деревня начинала уже подходить к прямой гражданской войне против правительства Керенского. Послеиюльский период был периодом непосредственной подготовки к свержению власти финансово-капиталистической буржуазии. Генеральная линия партии на этот период была установлена VI парт. съездом, исходившим во всех своих решениях из той программы, к-рая была дана Апрельской конференцией. VI съезд продолжал линию Апрельской конференции, но продолжал ее в новой обстановке, при новом соотношении классовых сил, а следовательно, при необходимости дать партии такие основные директивы, которые в полной мере соответствовали бы новому этапу в развитии нарастающего массового революцион. движения. В конце июля Ленин писал: «Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает итти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено бу-

дет доверить свою судьбу революционному пролетариату» (Ленин, Соч., том XXI, стр. 63). VI съезд учитывал это обстоятельство, исходил из него, строил на нем тактику партии на ближайший период. — VI съезд был предоктябрьским съездом, ибо он подытоживал, заканчивал доиюльский период в развитии революции и одновременно с этим начинал новый послеиюльский или, лучше сказать, предоктябрьский период. Партия находилась в подпольи, но она подготовляла силы для генерального штурма контр-революцион. власти. VI съезд был съездом революционной пролетарской партии, уверенно идущей к своей победе. В резолюции о войне съезд указывал, что «единственным способом действительно демократическ. ликвидации войны для международного пролетариата является поэтому завоевание им власти, а в России завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством» (Стеногр. отч., стр. 252—253). В резолюции о политическом положении съездом со всей отчетливостью была выдвинута задача «полной ликвидации диктатуры контр-революционной буржуазии». Съезд предостерегал пролетарские массы от буржуазной провокации, к-рая «очень желала бы в данный момент вызвать его на преждевременный бой». Пролетариат должен «направить все усилия,— читаем мы в резолюции,—на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих—против буржуазии» (там же, стр. 254—256).

Корниловский мятеж придает новый характер всем событиям. Докладчик Центрального Комитета на заседании ПК 7(20) сентября указывал, что «мы имеем теперь положение, когда контр-революция сорганизовалась и идет войной на пролетариат». Разгром вооруженных сил контр-революционного мятежа вызвал новый крутой поворот в развитии массового революционного движения. Именно с этого момента массовое движение круто поворачивает на путь, непосредственно ведущий к Октябрьскому восстанию. Важнейшее значение приобретают меры организационного и технического характера. 10 октября в письме к Смилге Ленин писал: «События вполне подтвердили правильность моего предложения, сделанного во время Демократического Совещания, именно, что партия должна поставить на очередь вооруженное восстание. События заставляют это сделать. История сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 229). На заседании ПК 24 сентября (7 октября) был заслушан специальный доклад о Красной гвардии, в к-ром докладчик, между прочим, сказал: «Вопрос о Красной гвардии был похоронен на первой и второй общегородских конференциях, но всплыл, благодаря корниловщине». Развертывающиеся события на всем протяжении сентября—октября месяцев толкали партию на путь все большего и большего внимания к «военной» стороне подготовки к надвигающемуся кризису. Приблизительно за две недели до Октябрьского переворота Исполнительной комиссией ПК была создана специальная «повстанческая тройка», к-рая затем была превращена в общую «повстанческую комиссию», из членов Центрального и Петроградского комитетов партии. В течение этих последних месяцев, в связи с вопросом о Демократическом совещании и Предпарламенте, в партии снова обнаружились колебания, к-рые являлись не чем иным, как продолжением подобных же колебаний, имевших место в марте—апр., и преддверием тех колебаний, к-рые имели место в окт.—ноябре 1917. Апрельские тезисы Ленина вызвали разногласия в среде большевиков и в редакции «Правды». С критикой ленинских тезисов выступил в печати Каменев, к-рый считал неприемлемой «общую схему Ленина» и утверждал, что буржуазно-демократическая революция не закончена. В ответ на это Ленин указывал, что вопрос о буржуазно-демократической революции поставлен Каменевым неверно. «Действительность показывает нам,—писал он,—и переход власти к буржуазии („законченная" буржуазно-демократическая революция обычного типа), и существование рядом с настоящим правительством побочного, к-рое представляет из себя „рев.-дем. диктатуру пролетариата и крестьянства". Это последнее „тоже правительство" само уступило власть буржуазии, само привязало себя к бурж. правительству» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 105). На Апрельской конференции повторились те же самые колебания, представителем которых опять-таки выступил Каменев. Если взять результаты голосования основных резолюций, то увидим, что на конференции была группа товарищей, к-рая или воздерживалась или голосовала против, и численность к-рых при некоторых голосованиях доходила до 13 человек. Эта группа и отражала те колебания, к-рые наиболее последовательно выразил Л. Каменев. Выступая в качестве содокладчика по вопросу о текущем моменте, Каменев, повторяя в основном ту аргументацию, которая развивалась им до конференции, исходил из положения, что буржуазно-демократическая революция не закончена, и утверждал, что «раз буржуазно-демократическая революция еще не закончилась, то рано говорить, что буржуазная демократия исчерпала свои возможности». А отсюда он уже делал вывод о том, что мы должны работать с мелкобуржуазным блоком, «поддерживать его, чтобы строить нашу тактику в расчете на то, что мы не разорвем этого блока». Каменев утверждал, что позиция Ленина не содержит директив для практической деятельности партии, что она обрекает партию на роль «теоретиков» и «пропагандистов». В противовес этому он выдвигал лозунг контроля Совета рабочих и солдатских депутатов над Временным правительством. С подобной же критикой он выступал и в отношении ленинской резолюции о войне. Точка зрения Каменева была поддержана рядом московских товарищей и в первую очередь Рыковым. На Апрельской конференции Рыков в значительной мере дополнил аргументацию Каменева, направленную против позиции Ленина. Рыков утверждал,

что «инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого». Далее он подчеркивал, что «Россия самая мелкобуржуазная страна в Европе», что «рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно» и что если партия встанет на точку зрения Апрельских тезисов, то «она будет превращаться в пропагандистский кружок».

В заключительном слове Ленин, отвечая Каменеву и Рыкову, в то же время повторил и свою аргументацию, направленную против троцкистской формулы: «без царя, а правительство рабочее». Ленин указывал, что перспектива на завоевание Советов путем работы внутри них, путем терпеливого разъяснения массам сущности линии на социалистическую революцию не кружковая, не сектантская, а правильная революционная линия, к-рая поведет к захвату власти Советами.—Эти колебания обнаружились в связи с определением тактики партии по отношению к Демократическому совещанию и Предпарламенту. Но они были незначительны и кратковременны. Когда на заседании Центрального Комитета партии 5 (18) октября было принято решение уйти из Предпарламента, то в день его открытия, после оглашения декларации, Каменев не только голосовал против этого предложения, но и подал заявление об освобождении его «от обязанностей в представительных органах (ЦИК и т. д.)». В этом же заявлении тов. Каменев писал: «Ваше решение о выходе из первого же заседания „Совета Российской республики“ предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии».

Подобные же колебания, но уже в значительно более резкой форме, имели место перед Октябрьским переворотом и непосредственно после него. 10(23) октября 1917 Центральный Комитет партии принял известную резолюцию о вооруженном восстании. На другой день двумя членами Центрального Комитета тт. Зиновьевым и Каменевым было подано в ЦК и разослано целому ряду партийных организаций письмо, в к-ром они выступали против «губительной политики» Центрального Комитета. В письме они давали пессимистическую оценку складывавшегося соотношения классовых сил, утверждая, что партия пролетариата, взяв на себя инициативу выступления, тем самым «поставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией». Они высказались против того, чтобы итти на вооруженное восстание, заявляя, что «Учредительное Собрание плюс Советы—вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем» (напечатано в прилож. к XXI т. Соч. Ленина, стр. 494—498). 31(18) октября в газете «Новая Жизнь» было напечатано заявление Л. Каменева и Г. Зиновьева против вооруженного восстания. Вся партия самым резким образом осудила выступление Зиновьева и Каменева и без малейших колебаний повела массы к Октябрьской победе. Ленин квалифицировал их выступление как штрейкбрехерство [Протоколы ЦК РС-ДРП (авг. 1917 — февр. 1918), М. — Л., 1929, стр. 136].—После Октябрьского переворота Всероссийский союз железнодорожников потребовал создания «коалиционного социалистического министерства». Была образована «согласительная комиссия». В этой комиссии велись бесконечные разговоры об образовании «социалистического правительства из всех советских партий». В связи с этим в ЦК партии и в большевистской фракции ВЦИК обнаружились разногласия и колебания. 2 ноября Центральный Комитет принял резолюцию, предложенную Лениным, в которой он приглашал «всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства» [Протоколы ЦК РС-ДРП (авг. 1917—февр. 1918), стр. 162]. Но колебания не прекратились. Меньшинство Центрального Комитета продолжало вести свою линию. 3 ноября Центральный Комитет обратился к меньшинству с заявлением, в котором он указывал, что представители меньшинства «вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии и деморализуют наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность». Центральный Комитет требовал от меньшинства подчинения партийной дисциплине и в конце его заявлял: «Мы во всяком случае ни на минуту не сомневаемся в том, что вынесение на суд масс наших разногласий (повторяющих в основном наши разногласия с группами «Новой Жизни» и Мартова) обеспечит за нашей политикой безусловную и самоотверженную поддержку революционных рабочих, солдат и крестьян и в кратчайший срок обречет колеблющуюся оппозицию на изоляцию бессилия» (там же, стр. 163—164). В ответ на это 4 ноября 5 членов Центрального Комитета (Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин) подали в Центральный Комитет заявление, в к-ром они обвиняли руководящую группу ЦК в проведении «гибельной политики» и выдвигали требование образования «правительства советских партий». Одновременно с этим во ВЦИК и СНК было подано заявление 12-ю товарищами, занимавшими ответственные советские посты (Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Шляпников и др.), к-рые тоже заявили о «необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий». Они утверждали, что Совнарком встал на путь «сохранения чисто большевистского правительства средствами политического террора», что, по их мнению, ведет «к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизни, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны» (см. Ленин, Соч., т. XXII, примечания, стр. 551). При этом 5 первых товарищей вышли из состава Центрального Комитета, а 12 вторых ушли с ответственных советских постов. Расхождение в политике приводило к политике отставок.

Таким образом, все колебания внутри партии в течение апреля—октября 1917 носили один и тот же характер. И несмотря на то, что партия за этот исторический промежу-

ток прошла через целый ряд трудных переломных моментов, эти колебания не затронули сколько-нибудь значительных кругов партии, все они были колебаниями «верхушечного» порядка. В этом обнаружилась революционно-пролетарская выдержка ком. партии, которая сумела не только быстро ликвидировать эти колебания, но и в борьбе с ними добиваться еще большей сплоченности партийных рядов, еще большей твердости генеральной партийной линии.

Партия с Октября по XV съезд (1917—1927). Партийная история с Октябрьского переворота по XV съезд была историей партии, стоящей во главе рабочего класса, свергнувшего буржуазию и завоевавшего государственную власть в огромной стране с многомиллионным населением. В течение этого первого десятилетия пролетарской революции наша партия должна была практически разрешать следующие основные задачи, встававшие поочередно одна за другой на пути великой борьбы и строительства рабочего класса, неуклонно ведшего за собой основную массу крестьянства: первая—задача завоевания власти, вторая—задача выхода из империалистской войны, третья — задача организации управления страной, четвертая — задача организации военного отпора вооруженным силам буржуазно-помещичьей контр-революции и пятая — задача социалистической организации народного хозяйства.

Партия. После Октябрьского переворота перед партией большевиков встали совершенно новые задачи. Из партии, борющейся за власть, она превратилась в партию, строящую во главе рабочего класса, государство пролетарской диктатуры. Превратившись в партию рев. пролетариата, организованного в государство, наша партия на протяжении первых 10 лет своей работы должна была организационно приспособиться к разрешению тех важнейших задач, которые вставали перед нею на протяжении этих лет.—Цифровые данные об изменении численности партии не отличаются большой точностью, но тем не менее по ним можно составить общее представление о тех изменениях в численности партии, к-рые имели место с конца 1917 по 1927. На основании имеющихся данных можно наметить три периода в количественном росте партии за последнее десятилетие. После Октябрьской Революции начинается более или менее непрерывный рост партии, который продолжается до начала 1921. На протяжении этих трех с небольшим лет партия выросла до 730 тыс. (по данным X съезда). Чистка 1921 уменьшила численность партии на 175 тыс. чел. После чистки 1921 до начала 1924 численность партии стоит на одном уровне с некоторой тенденцией к снижению (по данным Статотдела ЦК); так, к началу 1922, по данным переписи, численность партии равнялась 515.761 ч., а к началу 1924 она равнялась 472 тысячам. С 1924, начиная с ленинского призыва, к-рый дал партии 203 тыс. новых членов, происходит непрерывный рост партии, продолжавшийся до конца рассматриваемого периода. К началу 1925 партия насчитывала 798.804 чл. и кандидатов, а к началу 1928 эта цифра возрастает до 1.304.471. При этом надо принять во внимание, что в 1924—1925 происходила проверка непроизводственных ячеек ВКП(б), в 1926—проверка деревенских ячеек; партийная перепись 1927 обнаружила $18^1/_2$ тысяч «мертвых» душ, и не прошло переписи, т. е. выбыло из партии, $45^1/_2$ тыс. Т. о., мы имеем увеличение численности партии в годы гражданской войны, стабильное состояние в первые годы нэпа и новый, чрезвычайно значительный рост партии в последние годы социалистического строительства, начиная со второй половины восстановительного периода. Что касается динамики социального состава ВКП(б), то в годы гражданской войны наблюдается процесс уменьшения удельного веса в общей массе партии рабочих и увеличение крестьян; за первые годы нэпа эти отношения стабилизируются, а начиная с 1924, идет процесс значительного увеличения в партии рабочей прослойки.

Организационное приспособление партии к новым задачам требовало, прежде всего, правильной постановки распределения партийных сил в соответствии с ходом массовой борьбы и выдвижением той или иной задачи на очередь дня. VIII партийный съезд в резолюции о партстроительстве указал, что «правильное распределение партийных сил в данное время является главным залогом успеха и одной из самых важных задач». Эта задача в то же время выдвигалась с особой остротой потому, что в первое время после Октябрьского переворота перераспределение партийных сил происходило в значительной степени стихийно, основной поток направлялся в этот первый период по завоеванию пролетариатом государственной власти, гл. обр. на советскую работу, что в известной степени создавало опасность ослабления партийных организаций. В организационном отчете ЦК, представленном VIII партийному съезду, мы находим заметку о том, что «уход всех лучших партийных организаторов в советскую работу не давал возможности образовать при ЦК кадр постоянных разъездных агентов».

Постановка на очередь дня военной задачи заставила партию пойти по пути массовых партийных мобилизаций. В организационном докладе Центрального Комитета на IX партийном съезде указывалось, что белогвардейские наступления «потребовали новых и новых усилий от нашей партии». И далее, распределительная работа Центрального Комитета характеризовалась таким образом: «Начались массовые мобилизации для Восточного фронта. Затем массовые мобилизации для Южного фронта, а затем планомерная мобилизация товарищей, к-рые были пригодны для той или иной военной или технической работы». На X партийном съезде, опять-таки в организационном отчете ЦК, было отмечено, что в связи с польской войной и врангелевским фронтом пришлось произвести шесть массовых партийных мобилизаций, к-рые общей своей массой охватили 25 тыс. коммунистов. Одновременно с этим пришлось также провести шесть пар

тийных мобилизаций на различные участки хозяйственной работы (на транспорт, продработу, посевную кампанию, для Донбасса и на рыбные промыслы). Для того, чтобы представить себе размах этой массовой распределительной работы в годы гражданск. войны, следует иметь в виду, что по далеко неполным и неточным сведениям Красная армия в результате партийных мобилизаций получила свыше 78 тыс. коммунистов.

С окончанием гражданской войны и постановкой на первый план задачи хозяйственного строительства распределение партийных сил должно было значительно перестроиться. Надо было организовать учет, ликвидировать ударность и кустарничество в распределительной работе, внеся в нее систему и точный порядок. На XI партийном съезде Ленин указал, что «гвоздь положения в людях, в подборе людей». И именно в силу того, что задача «подбора людей» выдвинулась, как никогда,—пришлось направить значительные усилия для того, чтобы в деле распределения партийных сил как можно скорее перейти от практики «записной книжки Свердлова» к планомерному учету, систематическому изучению и организованному распределению. Перепись ответственных работников 1921, перепись всех членов партии в 1922 и введение единого партийного билета новой формы — создали основу для той практики распределительной работы, которая, развиваясь и усовершенствуясь, действует и до настоящего момента. Но если новые задачи, встававшие перед партией и рабочим классом на протяжении первого десятилетия пролетарской революции, требовали правильной постановки распределения партийных сил, то те же самые сменяющие одна другую очередные задачи предъявляли новые требования ко всему партийному аппарату.

Партийный аппарат. Партийный аппарат руководящих органов за последние десять лет получил законченную организационную структуру. При чем за это время не только вполне сложились основные отрасли работы партийного аппарата (организационная, распределительная, агитационно-пропагандистская и т. д.), но оформилась и улучшилась связь партийных организаций по вертикали, так как выборные партийные центры строились таким образом, что обеспечивали теснейшую связь с периферией; в этом же направлении действовали система различных деловых совещаний, вполне оформившийся инструкторский аппарат, порядок докладов низших организаций высшим, систематические обследования важнейших отраслей партийной работы на местах (массовая, деревенская, по отдельным отраслям промышленности, на отдельных пром. предприятиях и т. д.), длительные командировки членов центр. партийных органов на места и т. п.—Произошли крупнейшие организационные изменения и в строении низового партийного аппарата. Гигантски выросла сеть ячеек, при чем этот рост наиболее быстро происходил в отношении рабочих ячеек. Структура партийной «ячейковой» организации на промышленных предприятиях изменилась в том направлении, что она все более и более «врастала» в рабочую массу (цеховые ячейки, звеноорганизаторы и т. д.), заменяясь на крупнейших заводах за последние годы партийными заводскими комитетами. Увеличение партийного аппарата за последние годы шло, главным образом, за счет увеличения его низовых звеньев, как-то: числа платных секретарей фабрично-заводских ячеек, пропагандистов, женорганизаторов, волорганизаторов и т. д. Удельный вес «верхушечного» партийного аппарата за последние годы уменьшился при одновременном росте его организационной оформленности, степени совершенства и сплоченности. В силу этого стала более крепкой и всесторонней руководящая связь партийного аппарата с различными массовыми организациями и важнейшими отраслями советского и хозяйственного строительства.

Партийное руководство. Рост партии, накопление ею громадного политического опыта, укрепление партийного аппарата, расширение и усложнение задач, стоящих перед партией—все это предъявляло новые требования и к центральному партийному руководству. Ленин писал, что одним из краеугольных камней, на котором «держится дисциплина революционной партии пролетариата», является «правильность политического руководства». И тот громадный авторитет, к-рым пользуется Центральный Комитет ВКП(б), основывается прежде всего на том, что правильность его политического руководства была сотни раз проверена практикой и что самые широкие массы не только партии, но и рабочего класса, на собственном опыте убедились в этой правильности. Не менее важным условием монолитности и устойчивости центрального партийного руководства является то обстоятельство, что наша партия строится на основах демократического централизма и внутрипартийной демократии и что «верховным органом партии является съезд», к-рый «определяет фактическую линию партии» и избирает Центральный Комитет. — Анализ состава делегатов партсъездов последних 10 лет наглядно показывает такие изменения в верховном органе партии, к-рые свидетельствуют не только о росте самой партии, но и о громадном росте такого органа партийного руководства, каким является съезд партии. Прежде всего налицо количественный рост верховного партийного представительства на протяжении всех последних съездов, начиная с VIII. На VIII партийном съезде (1919) было 403 делегата, из них—301 с решающим голосом, а на XV партийном съезде (в 1927)—1654 делегата, из них—896 с решающим голосом. Рассматривая социальный состав съезда, необходимо отметить рост делегатов рабочих, уменьшение среди делегатов служащих и прочих, и в общем устойчивое положение крестьян: так, на VIII партийном съезде рабочие составляли 35,4%, а служащие и прочие—64,6%, а на XV партийном съезде рабочих было 71,1%, а служащих и прочих—23,2%; крестьян — на VIII съезде не было совсем, на IX—4,5%, а на XV—5,7%. При этом следует отметить, что значительное увеличение процента рабочих начинается с XIII партийного съезда (63,2%). — Интересную

картину представляет изменение состава съезда за последние годы в отношении их партийного стажа. В составе делегатов партийных съездов по партстажу мы наблюдаем значительный рост молодых партийных прослоек и совершенно естественное уменьшение удельного веса в составе съездов старых партийных прослоек. При этом следует подчеркнуть, что на VIII партийном съезде около половины всех делегатов (48,8%) составляли делегаты с партийным стажем не моложе 1907, а на XV партийном съезде больше половины всех делегатов (55,6%) составляли делегаты с партийным стажем 1917—1920, при наличии того, что 6,6% составляли делегаты со стажем 1921—1924 и позже, а одновременно с этим 17,5% в составе съезда занимали делегаты с партийным стажем не моложе 1907.—За последнее десятилетие мы имеем также непрерывный рост и укрепление ленинского коллективного партийного руководства, каковым является наш Центральный Комитет. Прежде всего, мы имеем увеличение состава Центрального Комитета. Центральный Комитет, избранный на VII партийном съезде, состоял из 19 членов и 8 кандидатов, а Центральный Комитет, избранный на XV партийном съезде, состоит из 71 члена и 50 кандидатов. В настоящее время в Советском Союзе нет почти ни одного крупного города, в котором не было бы члена или кандидата Центрального Комитета партии, а также нет ни одной республиканской или краевой партийной организации, в к-рой не находилось бы по нескольку членов и кандидатов в ЦК партии. Этим обеспечивается то важнейшее обстоятельство, что Центральный Комитет через своих членов и кандидатов теснейшим образом связан со всеми партийными организациями и со всей парт. массой.—Анализ материала о составе Центральных Комитетов, избранных на последних парт. съездах, языком сухих цифр говорит о гигантском укреплении центрального парт. руководства за последние 10 лет истории нашей партии.—Если для сравнения опять взять VIII и XV партийные съезды, то картина изменений в составе соответствующих Центральных Комитетов будет следующая (берется общее число членов и кандидатов): группа рабочих увеличивается с 8 до 67, т. е. с 29,6% до 55,6%, а группа служащих и прочих падает с 70,4% до 44,4%, хотя абсолютное число их увеличивается с 19 до 54; в изменениях по партстажу наиболее характерным является то обстоятельство, что в составе Центрального Комитета VIII партийного съезда группа с партийным стажем не моложе 1903 составляла 59,2% всего состава Центрального Комитета, а та же группа в составе Центрального Комитета XV партийного съезда составляет уже только 24,8%, а одновременно с этим в составе последнего Центрального Комитета 38% составляет группа со стажем 1908—1916 и 8,3%—группа со стажем с 1917 и позже.—Интересным в составе нынешнего Центрального Комитета является также и то обстоятельство, что по своей абсолютной численности ни одна из групп со старым партийным стажем не уменьшилась, а наоборот, даже все они увеличились; так, группа со стажем до 1898 в составе ЦК VIII партийного съезда состояла из 4 человек, а XV съезда — из 5, со стажем 1898—1900—соответственно 6 и 11 человек, со стажем 1901—03—6 и 14, со стажем 1904—05—5 и 23 и со стажем 1906—07—5 и 12 чел.; наряду с этим в составе последнего Центрального Комитета имеется группа в 46 человек со стажем 1908—16 и группа в 10 чел. со стажем 1917 и позже; в составе Центрального Комитета, избранного на VIII съезде, первая группа имела лишь 1 чел., а вторая группа была представлена лишь в Центральном Комитете, избранном на XI партийном съезде.—Т. о., за последнее десятилетие партийной истории мы имеем рост партии, укрепление партийного аппарата и укрепление центрального партийного руководства.

Партия и массовые организации. Партия пролетариата является «высшей формой классового объединения пролетариев». И в качестве таковой она выступает как «общий объединяющий и руководящий различными массовыми рабочими организациями (профсоюзы, кооперация и пр.) центр». Ленин придавал громадное значение профессиональным союзам. Давая в 1920 характеристику нашим профессиональным союзам, он говорил: «получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством к-рого партия связана тесно с классом и с массой, и посредством к-рого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса» (Ленин, Соч., том XXV, стр. 193). При этом он утверждал, что «управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами... мы не могли бы не только в течение двух лет, но и двух месяцев» (там же). И только имея во главе себя стальную ленинскую партию, опирающуюся, прежде всего, на профессиональные рабочие союзы, мог рабочий класс осуществлять пролетарское руководство органами Советской власти.—За рассматриваемые 10 лет мы имели гигантское укрепление профессиональных рабочих союзов и непрерывное усовершенствование организации и работы Советов.—С «частично возродившимся» бюрократизмом в советском государственном аппарате, партия, при содействии массовых организаций, борется самым беспощадным образом. Она исходит из положения, что бюрократические извращения в советском госаппарате существуют «вопреки классовой природе Советского государства» и могут быть ликвидированы «путем укрепления нашего государства и подъема его на высшую ступень культуры». Основным условием «успешности нашей борьбы с бюрократизмом и улучшением нашего государственного аппарата» партия, как указано в резолюции XV партийного съезда, считает «развитие пролетарской демократии, оживление и укрепление Советов, вовлечение новых сотен тысяч рабочих и крестьян в дело управления государства, наконец, подъем культурного уровня рабочих и вообще трудящихся масс» (Стеногр. отч., стр. 1288).

Партия с Октября до начала нэпа (1917—1921). Период от Октябрьского переворота до начала нэпа представляет собой во всей совокупности событий бурную эпоху острых классовых столкновений и резких переходов от войны к миру и обратно. Но, несмотря на все разнообразие исторических событий, имевших место на протяжении этих $3^1/_2$ лет, можно утверждать, что основным фоном этой эпохи была гражданская война «организованного в господствующий класс пролетариата» как с буржуазно-помещичьей контр-революцией, так и с поддерживавшими ее основными группами империалистических держав. В условиях этой гражданской войны, то затихавшей, то снова развертывавшейся на громадной территории, партия переходила от задачи завоевания власти к задаче выхода из империалистской войны, а от нее—к организации военного отпора вооруженным силам наступающего классового врага.

Первые месяцы после Октябрьского переворота были периодом непосредственной экспроприации экспроприаторов или, употребляя тогдашнее выражение, «красногвардейской» атакой на капитал. Эта «красногвардейская» атака на капитал предписывалась, как говорил в свое время Ленин, во-первых, тем, что «капитал сопротивляется по-военному», во-вторых, тем, что тогда у нас не было опыта по части «искусства управления», и, в-третьих, тем, что «тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знаний и техники», т. к. они либо «сражались в рядах Богаевских» либо оказывали «упорное пассивное сопротивление саботажем». Это был период «вырывания» политического господства из рук буржуазии и «усвоения народом Октябрьской Революции» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 445). Ленин указывал в тезисах об Учредительном собрании, что этот процесс «на наших глазах переживает последовательные этапы своего развития» (там же, стр. 131).

Лозунг «Вся власть Советам» в этот период поднимал и организовывал гигантскую волну массового революционного творчества, ломавшего органы власти предыдущего периода, разрушавшего аппараты экономического господства капиталистов и помещиков и создавшего органы власти Советов—этого государства «нового типа». Ленин писал, что в ноябре и декабре революция охватывала «всю массу армии и крестьянства, выражаясь прежде всего в смещении и в перевыборах старых верхушечных организаций (армейские комитеты, губернские, крестьянские комитеты, ЦИК Всероссийского совета крестьянских депутатов и т. д.)». В этой обстановке партия быстро и напряженно перераспределяла силы, чтобы обеспечить организацию органов Советской власти, сламывание саботажа, внесение элементарного революционного порядка в различные стороны хозяйственной жизни и т. д., имея своей основной задачей не только максимально расширить процесс революционной ломки старого, но и внести максимум организованности в строительство органов новой рабоче-крестьянской власти.

В этот период начинала выдвигаться на первый план и военная задача. И не только потому, что победивший пролетариат должен был в целях обороны начать создавать свои вооруженные силы, но также и потому, что и первые месяцы «триумфального шествия» революции были одновременно с этим периодом первых боевых испытаний для красногвардейских отрядов и революционных отрядов, выходивших из недр старой армии, которая в то время уже шла по пути разложения.—За первые месяцы после Октябрьского переворота партия сумела лишь приступить к разрешению важнейших организационных задач, теснейшим образом связанных с работой органов Советской власти. В таких условиях перед партией и Советским правительством со всей остротой встал вопрос о мире. Декрет о мире был принят 2 Съездом Советов 8 ноября (26 октября). В половине ноября были сделаны первые шаги для начала мирных переговоров с Германией и Австрией. Но с особенной остротой этот вопрос встал после 3 Съезда Советов. Последняя фаза этого периода падает на вторую половину февраля. 10 февраля в Бресте от имени русской делегации было заявлено, что Советское правительство мира не подписывает, войны не продолжает, а армию демобилизует. 18 февраля немцы заняли Двинск и начали наступление на Ленинград и Москву. 23 февраля Центральным Комитетом партии был окончательно решен вопрос о подписании мира. 3 марта мирный договор был подписан. 8 марта это решение было утверждено VII съездом партии, а затем подписанный мирный договор был ратифицирован 4 Чрезвычайным Съездом Советов. В связи с вопросом о мире, в Центральном Комитете и в целом ряде партийных организаций обнаружились большие колебания, к-рые одно время поставили партию на грань раскола.

В «брестский период» перед партией не только со всей остротой встал вопрос о выходе из империалистской войны, но, наряду с этой основной задачей момента, весь ход событий снова подчеркивал всю важность вопроса об организации вооруженных сил Советского государства. «Передышка», обеспеченная Брестским миром, хотя и была кратковременной, но сыграла большую роль в деле укрепления Советского государства. В качестве основной задачи она выдвинула перед партией и Советской властью задачу организации управления страной. «Мы, партия большевиков, — писал Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти»,—Россию убедили. Мы Россию отвоевали у богатых для бедных, у эксплоататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять». И он добавлял к этому, что вся трудность состоит именно в том, чтобы понять «особенности перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплоататоров к главной задаче управления» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 441—442). В статьях, связанных с вопросом об очередных задачах Советской власти, Ленин набрасывал целую практическ. программу деятельности Советской власти. Он практически ставил задачу организации учета и

контроля, повышения производительности труда, «обеспечения материальной основы крупной индустрии» и т. д. «Надо научиться,—писал он,—соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя во время труда» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 464). Громадное значение придавал Ленин организационной задаче: «пока передовые рабочие,—писал он,—не научатся организовывать в широком масштабе, до тех пор они не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 487). — В полемике с «левыми» коммунистами Лениным впервые был выдвинут в этот период вопрос о государственном капитализме при советском строе. В мае 1918 он писал, что «вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж», а «теперь, сегодня, встает задача учета и контроля» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 512).—Давая картину пяти «общественно-экономических укладов», он утверждал, что«не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе за-одно и против государственного капитализма и против социализма» (там же, стр. 514). Далее, он указывал, что «и к государственному крупному капитализму и социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую „общенародным учетом и контролем за производством и распределением продуктов"» (там же, стр. 517). И отсюда следовал вывод, что «государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской Республике» (там же, стр. 512); к этому он тут же добавлял, что, «если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, то это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимо станет социализм». — Практическим выводом из этих положений была постановка на очередь дня задачи учиться у «первоклассных специалистов капитализма» умению «организовывать крупнейшее производство».«Коммунистами,—писал Ленин в то время,—достойны называться лишь те, кто понимает, что создать или вести социализм не учась у организаторов трестов нельзя» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 525). И в этот период партия развернула в указанном направлении громадную организаторскую работу.

Если в марте 1918 от войны, к-рая едва не была нам навязана герм. империализмом, мы перешли к «передышке», к-рая сейчас же выдвинула перед партией задачу организации управления страной, то в мае — июне того же года мы перешли от передышки к войне, к-рая была навязана нам англо-французским империализмом. Задача организации военного отпора со всей остротой и на долгое время встала перед партией как важнейшая задача этого периода. Гражданская война 1918—21 была великой классовой войной пролетариата, ведущего за собой крестьянство против империализма. В ходе ее создавалась Красная армия, являющаяся орудием диктатуры пролетариата.—В конце июля 1918, на заседании ВЦИК, Ленин говорил, что «на сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции». Организацией Красной армии была решена первая половина этого вопроса, а организацией народного хозяйства исключительно для войны и в интересах победоносного окончания войны была разрешена и вторая половина этого коренного для того периода в развитии революции вопроса. Примерно за 3 месяца до начала гражданской войны с помещиками и капиталистами, поддержанными англо-французским империализмом, Ленин говорил о том, что мы должны научиться побеждать «методами управления»; он развивал при этом целую практическую программу, к-рая была выражением намерения соединить приемы «беспощадной расправы» с приемами «компромисса» по отношению к «культурным капиталистам», буржуазным кооперативам и т. п. Но, как только послебрестская передышка была сорвана, пролетариату и его партии пришлось немедленно же переменить направление своей экономической политики. Тов. Крицман, определяя причины этой перемены, писал следующее: «Интервенция мирового капитала, высоким пламенем вздувшая уже затихавшее контр-революционное сопротивление внутри России, вынудила пролетариат к последовательности—к беспощадной экспроприации крупного капитала и капитала вообще, конфискации имущества господствующих классов, к подавлению рынка и ко всеобъемлющей пролетарской организации народного хозяйства, покоившейся и на преодолении эксплоатации и на преодолении рынка». Этим было положено начало той организации народного хозяйства, которая в полной мере оформилась в систему военного коммунизма. Она была продиктована железной логикой военных событий, требовавшей всю политику партии и всю деятельность партии и Советской власти подчинить важнейшей задаче во что бы то ни стало победить в гражданской войне. Сосредоточив в руках пролетарского государства распоряжение всеми материальными ресурсами, разрушив до основания аппарат экономического господства помещиков и капиталистов, сломив сопротивление кулачества, Советское государство тем самым обеспечило эту победу, и в этом смысле военный коммунизм, как говорил Ленин, «надо поставить нам в заслугу».

Брестский и послебрестский периоды сопровождались значительными колебаниями мелкобуржуазных масс. Эти колебания находили свое отражение в целом ряде явлений, в т. ч. и в поведении партии «левых» социалистов-революционеров, к-рых Ленин называл «типично-мелкобуржуазными де-

классированными политическими конгломератами». Обстановка требовала гигантской выдержки, организованности, дисциплины и самодисциплины, а «мелкий хозяйчик»—представитель неустойчивой, колеблющейся мелкобуржуазной стихии—непрерывно метался между «доверием к пролетариату» и «приступами отчаяния». Полоса этих мелкобуржуазных колебаний совпадала с периодом организации контр-революционных антиоктябрьских сил, к-рые в то время выступали единым фронтом от эсеров и меньшевиков до черносотенных генералов, перекрасившихся под «республиканский» цвет. Во второй половине 1918 этот контр-революционный блок получил поддержку в лице интервенции англо-французского империализма, к-рый инспирировал чехо-словацкий мятеж и бакинский переворот, организовал мурманский десант, а свои миссии использовал в качестве инструмента для организации кулацко-офицерских восстаний, белогвардейских заговоров и подготовки террористических актов. В такой обстановке после кратковременной передышки создавался Восточный фронт и начиналась гражданская война, к-рая продлилась около 3 лет.

Этот этап гражданской войны, начатый буржуазно-помещичьей контр-революцией при поддержке империализма Антанты, прикрывался «учредиловским» эсеровско-меньшевистским знаменем. Он базировался на значительных колебаниях мелкобуржуазных масс города и деревни. Так, в предисловии к сборнику материалов Центрархива о «Партизанском движении в Сибири» мы находим такую оценку настроений сибирского крестьянина в момент чехо-словацкого восстания. «Он (т. е. сибирский крестьянин *А. Б.*) не понимал всей грандиозности событий, развертывавшихся в первый период пролетарской революции, и, неудовлетворенный в своих ожиданиях, довольно спокойно отнесся к свержению рабоче-крестьянской власти летом 1918». В течение этого этапа в развертывании гражданской войны наше положение на фронте было крайне неустойчиво. Это имело свое объяснение в том, что организация вооруженных сил Советского государства в это время проходила через свою первоначальную партизанскую стадию. Но в основе своей здесь лежали колебания масс среднего крестьянства, к-рые не имели еще возможности на своем собственном опыте ознакомиться с «различием» между Советской властью и генеральско - помещич. режимом.

В конце 1918 происходит германская революция, англо-французский империализм оказывает все более и более реальную помощь белым армиям буржуазно-помещич. контрреволюции, а последняя, отбрасывая в сторону всякие «демократические» прикрытия, выступает открыто под старым царским трехцветным знаменем. Отсюда берет свое начало второй этап в развертывании гражданской войны, наиболее острые моменты к-рого на Востоке приходятся на первую половину 1919, а на Юге—на вторую половину этого же года. Контр-революция в это время напрягает все свои силы как на фронте, так и в тылу. На фронте мы имеем широкие наступательные операции, направленные к центру нашей страны и возглавляемые на Восточном фронте адмиралом Колчаком, а на Южном—генералом Деникиным. За первые 7 месяцев 1919 только по 20 центральным губерниям РСФСР было подавлено 99 белогвардейских восстаний, раскрыто 270 контр-революционных организаций, совершено 343 измены и расстреляно св. 2 т. чел. за шпионаж, восстания, бандитизм и т. д. В этот период крестьянство переходит на сторону рабочего класса и сотнями восстаний и непрерывными партизанскими действиями подрывает и дезорганизует тылы белых армий. В Восточн. Сибири крестьянские восстания начинаются с августа—сентября 1918 и, непрерывно расширяясь на протяжении всего 1919, вырастают в громадное партизанское движение, направленное против колчаковской армии и колчаковских властей на местах. В резолюции 2-й подпольной Всесибирской партийной конференции (март 1919) указывается на то, что сибирский пролетариат «стал уже активной революционной силой в борьбе за возврат пролетарской диктатуры» и уже «становится гегемоном и руководителем многочисленной мелкой буржуазии», к-рая перешла на сторону пролетариата и «является в наст. время крупным революционным фактором». Далее, в резолюции указывается, что в Сибири налицо уже имеется «целая волна крестьянских, новобранческих и рабочих восстаний», а наряду с этим идет «самоорганизация крестьянства», «организация партизанских отрядов» и т. д., к-рые оформляют «близость широкого партизанского движения, переходящего в массовое общесибирское рабоче-крестьянское восстание». Это развитие партизанского движения приобретало особенное значение в связи с изменением социального состава колчаковской армии. Вначале армия имела бело-офицерские кадры и укомплектовывалась на основе добровольчества, но развитие операций требовало новых пополнений, к-рые могли дать только крестьянские мобилизации. Переход к ним и был началом разложения белой армии. В июле 1919 Ленин указывал, что поголовная мобилизация «погубила Колчака» и что сибирские крестьяне «принесли ему полное разложение». Надо иметь в виду, что тяжелое положение на Восточном фронте в первой половине 1919 имело место в условиях победы пролетарской революции на Украине, в Латвии и в Литве, а также в обстановке развития революционного движения и в Зап. Европе (германская революция, Венгерская советская республика и т. д.).

Контр-революционная работа в тылу и образование фронтов гражданской войны потребовали от Советского государства сосредоточения всех своих сил на задаче подавления контр-революции и разгрома белых армий. В дек. 1917 постановлением Совнаркома создается Всероссийская чрезвычайная комиссия. А февральский декрет 1918 кладет начало организации Рабоче-крестьянской Красной армии. Напряженная борьба на Восточном фронте с чрезвычайной остротой выдвигает задачу быстрейшего перехода от партизанских формирований к регулярной армии. VIII партийный съезд

(март 1919) в своих работах отразил целиком и полностью этот второй период в развитии гражданской войны. Установленная решениями этого партийного съезда политика имела громадное значение для победоносного исхода гражданской войны 1918—21.

В центре внимания VIII съезда, помимо программы партии, стояли 3 вопроса: военный, крестьянский и национальный. Кроме этого, на съезде обсуждались также и организационные вопросы, м. пр. и вопрос о бюрократизме государственного аппарата и о «болезненных явлениях» партийной организации. VIII партийный съезд обратился ко всем партийным организациям с обращением, в к-ром говорилось о плане международного империализма раздавить Советскую республику. «Партийные и советские организации,—читаем мы в обращении,—должны немедленно мобилизовать свои силы и быть готовыми ответить беспощадным ударом на всякую попытку использовать трудные месяцы для срыва государственного строительства пролетариата». В своем вступительном слове при открытии съезда Ленин подчеркнул все значение задачи «стать на почву прочного союза» в отношении к среднему крестьянину. В специальной резолюции по этому вопросу указывалось, что «в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей, и стремление к соглашению с ним» (Стеногр. отч., стр. 370). Под этим же углом зрения была построена и вся резолюция «о политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», в которой был намечен план просветительной работы в деревне, исходя из необходимости «прочного и длительного соглашения пролетариата с беднейшим и средним крестьянством» (Стеногр. отч., стр. 372).

Принятая программа содержала специальный раздел о национальной политике партии, в к-ром, м. пр., указывалось, что, «в целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и равноправными нациями права на государственное отделение». И если политика партии в отношении к среднему крестьянству сыграла громадную роль в борьбе с белыми вооруженными силами, то не меньшее значение в определении исхода гражданской войны имела национальная политика победившего пролетариата, установленная нашей партийной программой.

VIII съезд принял также и целый ряд решений «по организационному вопросу». В области партийного строительства, наряду с целым рядом организационных мероприятий, имелось указание, что, в связи с посылкой значительной массы членов партии в советский аппарат, возникла «серьезная опасность», которая состоит в том, что члены партии, принимающие участие в государственной работе, «в значительной степени отрываются от масс и заражаются бюрократизмом». Съезд указывал на необходимость начать против этого «самую решительную борьбу». В этом же разделе резолюция указывала, что «партия находится в таком положении, когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью». В разделе о взаимоотношениях между партией и Советами содержалось указание, что «партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их». Здесь же партия предупреждалась о гибельности смешения «функций партийных коллективов с функциями государственных органов». Съезд признал необходимость «серьезной чистки и в советских и в партийных организациях» (Стеногр. отч., стр. 365).

Несмотря на то, что партийный съезд в своей повестке имел эти важнейшие вопросы, все же надо признать, что в центре внимания в то время стоял военный вопрос. Этому вопросу был посвящен специальный раздел партийной программы. Помимо этого, съездом была принята специальная резолюция, содержащая не только общее положение, определявшее военную политику партии, но также и практические меры, которые исходили из потребностей практической военной работы на фронтах.

В своем заключительном слове, закрывая VIII партийный съезд, Ленин указывал, что «мы пришли к единодушному решению по вопросу военному». Это «абсолютно единогласное» решение было особенно важно потому, что в партии по вопросам военного строительства существовали разногласия.— На закрытом заседании съезда, посвященном военному вопросу, Ленин со всей решительностью обрушивался на оппозицию, которая была связана «с этой партизанщиной» и не хотела понять, что «теперь период другой». Основная ленинская установка заключалась в следующих словах: «Теперь на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами». Эту же точку зрения развивал в своей речи и т. Сталин. «Мы,— говорил он,—Советская республика, не сумеем оборонять нашу Республику, если не создадим другой армии, армии регулярной, проникнутой духом дисциплины, с хорошо поставленным политическим отделом». Он указывал на необходимость пролетариату повести за собой крестьянство «не только в тылу, но и на фронтах», и «в этом ходе сплочения вооруженного крестьянства вокруг пролетариата завершить строительство настоящей регулярной армии». — VIII съезд происходил в тот момент, когда англо-французский империализм делал новую попытку задушить пролетарское государство и когда Колчак нанес удар 5-й армии, заставив ее покатиться к Волге. Но уже на Восточном фронте, несмотря на частичные поражения, назревал решительный перелом. В этом переломе громадную роль сыграла политика партии по отношению к среднему крестьянству, в национальном вопросе и в деле строительства Красной армии.

Разгром Колчака, Юденича и Деникина в конце 1919 и в начале 1920 завершает второй

этап в развертывании гражданской войны 1918—21. Во второй половине 1919 на Восточном фронте Красная армия непрерывно крепла. Колчаковская армия неудержимо разлагалась. То же самое имело место в конце этого же года на Петроградском фронте. То же самое с конца 1919 по начало 1920 произошло и на Южном фронте. Объясняя причины своего собственного поражения, Колчак говорил, что противник «быстро пополнял свои ряды местными силами», отмечая при этом, что он «свободно пользовался местной живой силой, как благоприятной для него». Это колчаковское «заключение» находит свое подтверждение и в цифровых данных; так, напр., 5-я армия в начале августа имела 24 тыс. бойцов, а в октябре—уже 37 тыс. В этом стратегическом нарастании красных вооруженных сил на Восточном фронте находило свое отражение то обстоятельство, что сибирское крестьянство в это время всей силой своей партизанской массы обрушилось на Колчака и одновременно с энтузиазмом поддерживало Красную армию.

Победа над Колчаком, Юденичем и Деникиным обеспечила Советской власти новую передышку, к-рая поставила перед партией в новой обстановке те же задачи, к-рые стояли перед ней и в период первой, послебрестской передышки. «Внутреннее развитие нашей революции,—говорил Ленин, открывая IX съезд партии,—привело к самым большим, быстрым победам над противником в гражданской войне». К этому он добавлял, что и «в международном отношении наше положение никогда не было так выгодно, как теперь» (Ленин, Соч., том XXV, стр. 93). Он делал основной вывод, что в настоящее время мы можем «со спокойной и твердой уверенностью приступить к очередным задачам мирного хозяйственного строительства». В заключительном слове при закрытии съезда Ленин указывал, что «эта задача труднее, чем задача военной победы...». «Ее нельзя решить простым энтузиазмом и простым самопожертвованием и героическим подъемом». В связи «с этой работой организации», он выдвигал вопрос о «строжайшей дисциплине», «о воспитании, об обучении, об организационном использовании членов нашей партии». Ленин требовал, чтобы «600 т. членов партии работали, как один человек, установив более тесную связь с органами хозяйственными и органами профсоюзов» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 127).

Характерной особенностью перехода от войны к миру во время двух передышек было то, как указывал Ленин несколько позже, в 1921, что этот переход мы представляли себе, «как простой переход на тех же рельсах политики». И именно этим, в основном, характеризуется основная линия партии, данная IX партийным съездом. В центре внимания съезда стояли хозяйственные вопросы. В теснейшей связи с тем, что эта задача целиком и полностью упиралась «в работу организации», т. е. была задачей по преимуществу организационной, а также потому, что ее осуществление мыслилось «на тех же рельсах политики», т. е. как продолжение развития системы военного коммунизма, IX съезд в резолюции об очередных задачах хозяйственного строительства ставил вопросы о трудовом подъеме, о единстве хозяйственного плана, о массовых мобилизациях по трудовой повинности, о трудовых соревнованиях, о выработке форм социалистического централизма, о трудовых армиях и т. д. (Стенограф. отчет, стр. 371—382). Исходя из такой установки, съезд разрешал и все остальные, связанные с хозяйственным строительством, организационные вопросы. В специальной резолюции о профессиональных союзах указывалось, что задачи профсоюзов лежат «гл. обр., в области организационно-хозяйственной и воспитательной». При чем для выполнения этих задач профессиональные союзы должны были являться «в качестве одного из основных аппаратов Советского государства, руководимого коммунистической партией» (там же, стр. 383—387). Под этим же углом зрения разрешались и вопросы, связанные с кооперацией. Все это ставило перед партией «особую организационную задачу», к-рая была сформулирована IX съездом таким образом: «Партии придется, приспосабливая свою работу к новым хозяйственным задачам, перестроить ряды и произвести коренное перераспределение сил» (там же, стр. 389—394). В области военной съезд наметил «переход к милиционной системе», к-рый должен был иметь «характер необходимой постепенности» (там же, стр. 394). IX съезд направил местным партийным организациям специальное обращение о мобилизации 5 тыс. коммунистов на транспорт. Съезд подчеркивал, что от судьбы ж.-д. транспорта зависит судьба революции.

Но и вторая мирная передышка не была долговременной. В 1920 Советскому государству пришлось вести две войны: войну с Польшей и войну с Врангелем. Это были, как говорил Ленин в мае 1920 на заседании Московского совета, «обломки старого плана». Военные действия 1920 были не чем иным, как продолжением войны с Колчаком, Юденичем и Деникиным, являвшимися агентами англо-французского империализма. Поэтому Ленин и говорил, что «в сущности и Польша и Врангель—это две руки франц. империалистов». Но все же военная кампания 1920 в значительной степени отличалась от военных кампаний предыдущих лет. Отличие заключалось тут в том, в отношении войны с белополяками, как указывал Ленин, что «война с Польшей оказалась более войной против Антанты, чем предыдущие войны». Разгром Юденича, Колчака и Деникина не был «прямым наступлением на Версальский мир», а, наступая на Польшу, мы «наступаем на самую Антанту» и тем самым колеблем «всю систему теперешних международных отношений». В этом смысле военные кампании 1920 являются 3-м этапом в гражданской войне 1918—21. — После заключения Рижского мира с Польшей и разгрома Врангеля гражданская война была прочно закончена, хотя с обломками «обломка плана» англо-французского империализма Советской власти приходилось иметь дело еще и в последующие годы (Кронштадт, Дальний Восток, Карелия, антоновщина, бандитизм на Украине, Сев. Кавказе и т. д.).

Конец гражданской войны на территории Советских республик совпал с чрезвычайным обострением послевоенного кризиса империализма, сопровождавшегося обострением классовой борьбы и развитием массового революционного движения. Победы Красной армии на военных фронтах не только обеспечивали возможность мирного строительства внутри страны, но и разрывали кольцо блокады, которым Республика Советов была окружена в течение всего периода гражданской войны.—На протяжении 3 лет гражданской войны не только сложилась и окрепла Красная армия, но и в полной мере оформилась система военного коммунизма. Это обеспечивало ту необходимейшую материальную базу, к-рая была одной из причин нашей победы в гражданской войне. Если взять общую характеристику гражданской войны 1918—1921, то она, прежде всего, является классовой войной «организованного в господствующий класс пролетариата» против собственных капиталистов и помещиков, против панской Польши и буржуазии лимитрофов, которые на всем протяжении войны пользовались активной поддержкой империализма Антанты. Гражданская война происходила в условиях военного коммунизма и экономической разрухи при стационарной военной технике, пользующейся материальными ресурсами, оставшимися от империалистской войны. По своему стратегическому характеру гражданская война была войной на сокрушение. В соответствии с этим, она была войной исключительной маневренности при сочетании боевых действий регулярной армии с непосредственной вооруженной классовой борьбой как в тылу, так и в полосе фронта. Ее характерной особенностью было также и то, что вооруженные силы этого периода складывались непосредственно в ходе самой гражданской войны.

Партия от перехода к нэпу до социалистической реконструкции (1921—27). Период от окончания гражданской войны и перехода к нэпу до начала периода социалистической реконструкции представляет собой эпоху мирного строительства, которое шло путем непрерывного преодоления громадных трудностей и своей главнейшей целью имело социалистическую организацию народного хозяйства на основах новой экономической политики. В марте 1921 на X партийном съезде Ленин говорил о том, что «только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран». А в апреле 1923 XII съезд партии в резолюции по отчету ЦК имел возможность отметить, что налицо имеются уже «первые признаки начинающегося хозяйственного возрождения страны». Эти две даты б. или м. точно определяют тот исторический промежуток, в течение которого Советская власть, партия и рабоче-крестьянские массы ликвидировали наиболее резкие проявления послевоенного упадка всего советского хозяйства и создали ту материальную основу, без восстановления которой совершенно невозможно было дальнейшее развертывание социалистического строительства. В соответствии с этим и определялась генеральная линия партийной политики этого периода.

X партийный съезд провозгласил новую экономическую политику, которая выразилась прежде всего в замене продразверстки натуральным налогом, в отмене резолюции IX съезда о кооперации, которая была «вся построена на признании принципа разверстки», и в выдвижении на первый план значения профсоюзов как школы коммунизма. Эта политика была далеко не сразу усвоена всей партией, а поэтому майская партийная конференция 1921 указывала, что «коренная политическая задача момента состоит в полном усвоении и точном проведении всеми партийными и советскими работниками новой экономической политики». В качестве основного рычага новой экономической политики конференция выдвинула товарообмен, при чем он понимался как натуральный обмен между городом и деревней. Основным аппаратом «для проведения товарообмена» должна была стать кооперация. Партийная конференция указывала на необходимость развития местной инициативы, расширения самостоятельности крупных предприятий и пересмотра их производственных программ в сторону «усиления производства предметов широкого потребления и крестьянского обихода». В качестве «боевой задачи текущего года» выдвигалось создание хлебного фонда как базы «для восстановления крупной промышленности и осуществления плана электрификации».

На декабрьской партийной конференции того же года уже указывалось, что товарообмен фактически превратился в куплю-продажу, к-рая не ограничилась рамками местного оборота. В это время раздались голоса о «коммунистической реакции» на политику нэпа, а перед конференцией и на самой конференции был выдвинут вопрос о «новейшей экономической политике». Это свидетельствовало о том, что не вся партия целиком в полной мере усвоила сущность новой экономической политики. Декабрьская конференция отметила характерные черты хозяйственной обстановки—образование внутреннего рынка и развитие денежного обмена. При этом, основной задачей выдвигалось—«взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения». Конференция особо подчеркивала, что крестьянское хозяйство «продолжает переживать тяжелый кризис» и что «на него надвигается угроза нового неурожая». В связи с этим намечался ряд мероприятий на основе сохранения национализации земли, упрочения крестьянского землепользования, предоставления свободы выбора форм землепользования, создания условий для развития крестьянского хозяйства и всемерной поддержки маломощных крестьянских хозяйств. Наряду с этим, выдвигался ряд задач перед кооперацией. В резолюции была также отмечена необходимость «облегчения прилива иностранного капитала в различные области хозяйства как в форме концессий, так и в форме займов».

На конференции был поставлен вопрос о «командующих высотах». В резолюции было особо указано на задачу «всестороннего укрепления крупной промышленности»

и «строжайшего соблюдения общегосударственного плана промышленности». Учитывая общую хозяйственную обстановку, создававшуюся в результате проведения новой экономической политики, конференция подчеркивала, что «теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевать свое решительное господство». Исходя из этих соображений, в резолюции было указано, что Советское государство должно обеспечить себе влияние в тех учреждениях, которые создавались в условиях развития рынка и денежного обращения. «Это влияние,—читаем мы в резолюции,—должно опираться на экономическую мощь сосредоточенных в руках Советской власти средств производства и выражаться в участии государства в перечисленных учреждениях на паевых началах».

В течение 1921 партия определила основное направление новой экономической политики. Одновременно с этим был накоплен и нек-рый практический опыт хозяйственного строительства в новых условиях. На XI партийном съезде Ленин еще раз подчеркнул, что «отступление закончено» и что «гвоздь не в политике, в смысле перемены направления» — «гвоздь положения — в людях, в подборе людей». В резолюции, принятой XI съездом, было признано «отступление законченным» и очередной задачей выдвигалась задача «перегруппировки партийных сил, с целью обеспечить полностью практическое проведение в жизнь принятой партией политики». Резолюция о профессиональных союзах указывала, что новая экономическая политика «не изменяет существа рабочего государства», однако, изменяет методы и формы социалистического строительства. Исходя из этого, резолюция намечала те изменения роли и задачи союзов, которые неизбежно вытекали из обстановки, создавшейся в результате перехода к новой экономической политике. Помимо этого, съездом была принята обстоятельная резолюция о финансовой политике, в к-рой указывалось как ее основное направление, так и практические мероприятия в области финансовой практики.

После первого года практического осуществления нэпа и проведенной в этом году проверки личного состава партии, XI партийный съезд должен был рассмотреть также и вопрос о внутрипартийном положении. В принятой по этому вопросу резолюции проведение чистки партии было признано удовлетворительным, и важнейшей задачей ближайших лет выдвигалась, с одной стороны, «работа над улучшением состава партии», а с другой—«поднятие марксистского образования и культурного уровня рядовых членов партии». В связи с вопросом о социальном составе партии было вынесено также постановление об изменении условий вступления в партию в том смысле, «чтобы затруднить это вступление не чисто пролетарским элементам».

Для истекшего 1921 «гвоздем, — как указывал Ленин,—было отступление в порядке», и на XI съезде партии пришлось разбирать т. н. дело 22 членов бывшей «рабочей оппозиции», которые своими фракционными действиями вносили «разложение в ряды партии».Съезду именно пришлось ликвидировать попытку нек-рых членов бывшей «рабочей оппозиции» внести дезорганизацию в «отступление», которое было составной частью проведения новой экономической политики, осуществляемой в интересах укрепления диктатуры пролетариата, в интересах наступления социализма на частнокапиталистические элементы.

XII партийный съезд был созван после двух лет проведения новой экономическ. политики, когда основн. начала ее были усвоены всей партией и когда начинался период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при нэпе. Все вопросы, стоявшие в повестке дня XII съезда, разрешались с точки зрения необходимости «оберегать и развивать союз рабочего класса с крестьянством». В обстановке общего укрепления материальной базы страны и усложнения хозяйственного строительства перед партией со всей остротой встала задача «руководства работой хозорганов в основных пунктах советского строительства». При этом XII съездом было отмечено, что в содержание этой работы должно войти «не только правильное распределение работников, но и руководство в основном самой работой хозорганов». В связи с этим, съезд давал директиву о решительном идейном отпоре тем уклонам, «которые противопоставляют Советское государство рабочему классу и партию Советскому государству».

Задача «возможно быстрого восстановления промышленности и тяжелой индустрии» ставилась таким образом, что предлагалось каждый раз учитывать «первенствующее значение» сел. х-ва для всей советской экономики. И здесь же подчеркивалось, что, в силу этого, восстановление государственной промышленности «будет по необходимости находиться в теснейшей зависимости от развития сельск. х-ва». Одновременно с этим, государственная промышленность в своем развитии не должна была отставать от земледелия. Вопрос о плановом начале, в соответствии с уровнем достигнутых хозяйственных успехов, ставился как задача, имеющая в ближайший период «общедирективный и в значительной степени подготовительный характер». Начинающийся хозяйственный подъем не мог не отразиться и на постановке вопроса о налоговой политике в деревне. В связи с ним, был намечен переход от натурального налога к денежному и от множественности обложения к единому с.-х. налогу. Эти годы были также периодом напряженной работы над сбалансированием госбюджета, подготовкой и завершением денежной реформы (в 1923—24). В интересах правильного разрешения национального вопроса, опять-таки в соответствии с наметившимися уже хозяйственными успехами, еще до XII партийного съезда был практически разрешен вопрос о создании единого Союзного Советского государ-

ства. XII партийный съезд констатировал, что «объединение национальных республик в Союз Советских Республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство». Хозяйственный подъем и обеспечение прочности союза рабочих и крестьян выдвигали на очередь дня задачу «радикальной переделки и систематического улучшения всего госаппарата». В связи с этим, XII съездом был одобрен «план радикальной реорганизации РКИ и ЦКК» и была намечена детальная программа их работы на ближайший период.

Т. о., в первоначальный период нэпа Советская страна постепенно поднималась от глубочайшего хозяйственного упадка к хозяйственному возрождению, а, в соответствии с этим, генеральн. линия парт. политики была направлена на приспособление всех хозяйственных органов к условиям работы на основе нэпа, на быстрейшее восстановление разрушенных войной экономических связей, на упорядочение госбюджета, создание твердой валюты и на упрочение командных высот пролетарского государства, неизменно руководствуясь при этом задачей укрепления союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса. Партия в своей работе на протяжении всего этого периода должна была значительное место отводить и вопросам международной политики, ставя их в теснейшую связь с задачами хозяйственного возрождения страны (концессии, экспорт хлеба и т. д.). Необходимо иметь в виду, что этот период в отношении международного положения Советского государства характеризовался ликвидацией блокады, восстановлением внешних экономических связей и признанием де юре Советского государства целым рядом буржуазных правительств. Этот период совпадал со второй половиной т. н. первого периода в развитии международного рабочего движения после империалистской войны.

Если первые три года нэпа подвели нас к началу экономического подъема, то последующие два года, являясь периодом гигантски развертывавшегося хозяйственного строительства, вплотную подвели нас к практической постановке на очередь дня задачи индустриализации страны. Т. о., 1924 и 1925 в основном заканчивают восстановительный период в истории народного хозяйства Советского государства. Этот процесс укрепления экономической мощи Советского государства происходил в условиях частичной стабилизации капитализма в странах Западной Европы и при одновременном нарастании колониальной революции.— Осенний кризис сбыта 1923 года с чрезвычайной остротой выдвинул перед партией вопрос о резком расхождении цен на продукты с. х-ва и на изделия промышленности. Тем самым он наглядно вскрыл важнейшие дефекты в нашей хозяйственной работе и сосредоточивал внимание партии на узловых задачах хозяйственной политики. В силу этого, январская (13) партийная конференция 1924 сочла необходимым, в интересах исправления хозяйственной практики, указать на то, что директивы XII партийного съезда, которые подчеркивали «первенствующее значение» для всей нашей экономики с. х-ва, «не получили до сих пор полного отражения в практике наших хозяйственных органов». Это выразилось в том, что недостаточно еще было усвоено все значение «возможно более широкого обмена между городом и деревней», а также и роль крестьянского хозяйства как рынка для нашей промышленной продукции. Партийная конференция указала, что необходимо не допускать «экономически и политически вредных отклонений в сторону недооценки значения крестьянского хозяйства в общеэкономической структуре страны». XIII партийный съезд (май 1924) имел уже полное основание констатировать, что в наст. время «явно наметился общехозяйственный подъем (развитие сел. х-ва, рост государственной промышленности, производительности труда, заработной платы, проведение денежной реформы и пр.)». В соответствии с этим, съезд в качестве очередной задачи выдвинул «систематическую работу над усилением социалистических элементов в общенародном хозяйстве». Эта задача целиком и полностью вытекала из всех предшествующих хозяйственных достижений, так как послевоенный хозяйственный распад был ликвидирован, понижение цен после осеннего кризиса сбыта укрепило связи между государственной промышленностью и крестьянским рынком, что создало благоприятные условия для дальнейшего роста промышленности, а следовательно—и дало возможность взяться непосредственно за усиление социалистических элементов в нашем народном хозяйстве. Все эти обстоятельства выдвигали на первый план вопрос о внутренней торговле и кооперации, а в области промышленного строительства, как важнейшую задачу, ставили проблему поднятия металлургии. При этом XIII партийный съезд поручал также Центральному Комитету «уделять делу электрификации СССР еще больше внимания, чем до сих пор».

На октябрьском пленуме ЦК 1924, при обсуждении вопроса об «очередных задачах работы в деревне», т. Сталин дал исчерпывающую характеристику «особенностей современного момента». Он говорил: «Войны нет больше. Индустрия растет. Сельское х-во развивается. Нынешний пролетариат уже не деклассированный рабочий класс, а полный пролетариат, культура и потребности к-рого растут изо дня в день. Что касается крестьянства, то это уже не старое загнанное крестьянство, объятое страхом потери земли и готовое на все жертвы ради избавления от помещика. Это—новый класс, свободный и активный, забывший уже помещика и заботящийся теперь о том, чтобы получить дешевый товар и сбыть свой хлеб подороже. Его характерная черта—растущая политическая активность». И далее, характеризуя изменившееся «поле борьбы», он указывает, что «теперь дело идет не о помещике и продразверстке, а о ценах

на хлеб», подчеркивая в дальнейшем еще раз, что «теперь основной вопрос — рынок и цены на городские товары, на сельскохозяйственные продукты».

В течение полутора лет между XIII и XIV партсъездами все пленумы Центрального Комитета партии и 14 партийная конференция преобладающее место в своей работе отводили вопросу крестьянской политики, кооперации, торговле и металлопромышленности. И все эти полтора года характеризовались бурным ростом социалистической промышленности, значительным повышением удельного веса кооперации и общим укреплением социалистических элементов в нашем народном хозяйстве. XIV партийный съезд (декабрь 1925) на основании этого мог уже со всей определенностью констатировать, что внутри нашего народного хозяйства «резко повышается удельный вес социалистической промышленности, государственной и кооперативной торговли, национализированного кредита и других командных высот пролетарского государства». Отсюда делался общий вывод, что в настоящее время мы имеем налицо «экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма».

В первый период после осеннего кризиса сбыта 1923 партия, ни на один момент не упуская из виду, что «только развитие национализирован. крупн. промышленности создает незыблемые основы пролетарской диктатуры», все свое внимание направляет на помощь крестьян. хозяйству, так как именно оно «является основной базой для восстановления промышленности». 13 партийная конференция еще раз указывает на необходимость «всемерного развития экспорта продуктов сельского х-ва за границу», подчеркивает значение для всего нашего хозяйственного развития помощи крестьянскому хозяйству и намечает в этой области целый ряд практических мер. Мартовский (1924) пленум Центрального Комитета, заседавший через два с половиной месяца после 13 конференции, рассматривал ряд практических вопросов, связанных с потребительской кооперацией и внутренней торговлей, и предрешил «преобразование Комвнуторга в наркомат с местными органами».

Вопрос о промышленности на 13 Всероссийской партийной конференции обсуждался под углом тех уроков, которые были получены в результате кризиса сбыта 1923. Конференция указывала на необходимость содействовать развитию мелкой промышленности и оказать поддержку развитию промысловой кооперации, а в отношении крупной государственной промышленности предлагала всемерно направлять «государственную национализированную промышленность на обслуживание широкого потребителя», т. е., прежде всего, крестьянского хозяйства. Одновременно с этим партийная конференция указывает также на необходимость «сосредоточить внимание партии на металлургии». На вопросе о поднятии металлургии останавливается и XIII партийный съезд (май 1924), а также январский и апрельский пленумы Центрального Комитета партии в 1925. При этом январский пленум разрешил ВСНХ расширение производствен. программы металлопромышленности до 15% сверх утвержденной, а апрельский пленум перенес доклад тов. Дзержинского, в виду его важности, на рассмотрение 14 партийной конференции, к-рая расширила программу металлопромышленности на 1924/25, в общем, на 26% от первоначальной.

На январском пленуме в 1925, в связи с перспективами в развитии металлопромышленности было указано на необходимость «приступить к разработке плана восстановления основного капитала, переоборудования заводов и постройки новых в соответствии с потребностями всего хозяйства», а на 14 партийной конференции в резолюции о металлопромышленности признавалось необходимым «еще в этом году разработать и ориентировочно утвердить 3-летний план в отношении постройки новых металлозаводов и организации этой постройки, с выбором районов расположения»; при этом постройка новых заводов признавалась «первоочередной задачей». В связи с развитием металлопромышленности, выдвигалась на первый план задача снижения себестоимости. Развитие промышленности и начало общего хозяйственного подъема более чем когда-либо ставили на очередь дня вопрос о повышении производительности труда и заработной платы. Основы нашей политики заработной платы были указаны в резолюции XII съезда; на протяжении всего рассматриваемого периода эти основы получили дальнейшую конкретизацию. Так, пленум Центрального Комитета в августе 1924 вынес специальное постановление о политике заработной платы, в котором указывалось, что рост заработной платы «должен строго сообразоваться с производительностью труда и не только с ресурсами данной отрасли и треста, но и с ресурсами и состоянием всей промышленности, с ее нуждами и с общим уровнем заработной платы, особенно в тяжелой индустрии и на транспорте».

Все более и более сосредоточивая свое внимание на задачах развития промышленности, стремясь к тому, чтобы она «не отставала от земледелия», партия одновременно с этим неизменно исходила из положения о «первенствующем значении» с. х-ва во всей экономике страны и о теснейшей зависимости возрождения промышленности от развития с. х-ва. Первенствующее значение с. х-ва выдвигало в рассматриваемый период на первый план вопрос о кооперации, которая должна была играть исключительную роль «для подъема крестьянского хозяйства». Центральной резолюцией о кооперации за этот период была резолюция, принятая 14 партийной конференцией. В ней указывалось, что «кооперация является основной общественно-экономической формой связи между государственным хозяйством и мелким товаро-производителем деревни». Кооперация должна была организовать крестьянина не только как потребителя, но и как производителя. Кооперация рассматривалась так же, как важней-

шний инструмент контроля и регулирования со стороны государства «как мелкого сел.-хоз. производства, так и товарного оборота в стране». В той же самой резолюции о кооперации указывалось, что в ряде отраслей промышленности «уже исчерпаны или исчерпываются возможности дальнейшего развития за счет старого основного капитала». И, в связи с необходимостью «сохранения достигнутого темпа восстановления хозяйства», указывалось, что это может быть достигнуто лишь «соответствующей политикой в области производства и воспроизводства основного капитала страны как в промышленности, транспорте, так и в сел. х-ве». Таким обр., на основе достигнутого в восстановительный период развития производительных сил, партия вплотную подходила к задаче индустриализации страны.

XIV партийный съезд (декабрь 1925), констатируя достигнутые успехи в области социалистического строительства, имел уже полную возможность утверждать, что «государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущим за собой народное хозяйство в целом». Прямым выводом отсюда и являлся «курс на индустриализацию страны». При этом здесь же подчеркивалось, что этот рост социалистического сектора сопровождается ростом противоречий, опасностей и трудностей, неизбежно порождаемых самим процессом социалистического строительства в этой плоскости, и выдвигался вопрос о борьбе против кулачества, к-рая должна была итти «как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака».

XIV партийный съезд подводил итоги всему предыдущему периоду хозяйственного строительства и начинал новый период—период социалистической реконструкции. Основная линия партийной политики, установленная XIV партийным съездом, складывалась из шести основных директив, которые содержатся в резолюциях и постановлениях этого съезда. Первая директива—это «курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования». Вторая директива—это «руководство технической и организационной рационализацией государственного и хозяйственного аппарата». Третья директива—это организация деревенской бедноты в целях «организованного классового отпора кулаку» и создания опоры «пролетарской политике в ее борьбе за сплочение бедняков вокруг пролетариата». Отмечая имеющиеся два уклона от правильной линии крестьянской политики партии, съезд особо подчеркивал необходимость борьбы с недооценкой середняка как центральной фигуры советской деревни. Четвертая директива—это целый ряд мероприятий, связанных с использованием «возросшей активности масс». Пятая директива—это «правильное регулирование состава нашей партии» в связи с задачей укрепления партии и усиления ее руководящей роли во всех областях социалистического строительства. Шестая директива—это директива об укреплении стального единства и сплоченности ленинской партии.

Громадное значение XIV партийного съезда в истории нашей партии состоит также и в том, что выдвинутая им генеральная линия партийной политики потребовала рассмотрения целого ряда общих теоретическ. вопросов, теснейшим образом связанных с генеральной установкой, которая была дана съездом. Вопрос о строительстве социализма в одной стране неоднократно рассматривался в Центральном Комитете партии. 14 партийная конференция в резолюции о задачах Коминтерна и ВКП(б), в связи с расширенным пленумом ИККИ, дала исчерпывающие установки по этому важнейшему вопросу. На XIV партийном съезде этот вопрос встал в связи с целым рядом искажений, допущенных оппозицией по вопросам о характере наших государственных предприятий, о госкапитализме, о сущности нэпа и т. д. В связи с этим, XIV партсъезд постановил, что «одним из необходимых условий» для успешного проведения индустриализации страны «является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями „последовательно социалистического типа“ (Ленин), как предприятия государственно - капиталистические». Съезд считал необходимым «широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма». В период между XIV и XV партийными съездами эти вопросы были предметом неоднократных обсуждений на пленумах Центрального Комитета в связи с тем, что троцкистская оппозиция в своей борьбе против партии все более и более обнаруживала свою антиленинскую точку зрения в вопросе о строительстве социализма в одной стране.

В центре внимания всех пленумов Центрального Комитета в 1926 и в 1927, поскольку оно не отвлекалось задачей борьбы с троцкистской оппозицией, стояли вопросы, теснейшим образом связанные с практическим проведением курса на индустриализацию страны. 15 партийная конференция (октябрь—ноябрь 1926) в своей резолюции «о хозяйственном положении страны и задачах партии» ставила основной задачей направление всех усилий «на обеспечение такого расширения основного капитала, которое обусловливало бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе». В связи с проведением индустриализации, ставился вопрос об увеличении размеров «внутрипромышленного накопления» и о «неуклонном проведении режима экономии». Одновременно с этим указывалось на необходимость «продолжения курса на снижение промышленных цен».

В области с. х-ва развитие производительных сил должно было быть направлено таким образом, чтобы «в деревне неуклонно укреплялись и расширялись социалистические формы хозяйства». Резолюция отмеча-

да, что развитие кооперации «попрежнему остается основной задачей партии в деревне». 15 конференция предостерегала, что «попытка рассматривать крестьянство только как объект обложения» неизбежно должна «создать угрозу разрыва союза рабочего класса и крестьянства». Характеризуя истекший год, 15 конференция указывала на крупные достижения, выразившиеся в основном в «дальнейшем укреплении и увеличении в экономике страны социалистических элементов». Наряду с этим резолюция чрезвычайно тщательно отмечала все трудности, к-рые сопровождают и будут сопровождать хозяйственное строительство данного периода.

Продолжением этой же линии было постановление августовского объединенного пленума ЦК и ЦКК 1927 в связи с вопросом о «контрольных цифрах на 1927/28 г.». Пленум считал «возможным и необходимым сохранить намеченный темп индустриализации». Капитальные затраты на предстоящий хозяйственный год, как было указано в резолюции, «должны возрасти по сравнению с текущим годом и направляться, в первую очередь, по линии тяжелой индустрии, транспорта и жилья». Эта задача требовала усиления работы по рационализации производства, снижения себестоимости, к-рое было определено в размере не менее 5% по сравнению с прошлым годом, и понижения строительного индекса не менее, чем на 15%. В области политики заработной платы должна была проводиться директива 15 партийной конференции. В области крестьянской политики указывалось на необходимость настойчивого проведения директив партии о подъеме бедняцких и середняцких хозяйств и всемерной помощи деревенской бедноте, с каковой целью, между прочими мерами, предлагалось увеличить фонд помощи бедноте по государственному и местному бюджетам. Таким образ., на основе непрерывного развития производительных сил и укрепления социалистического сектора, преодолевая возникающие трудности, партия направляла все усилия на практическое осуществление задачи быстрейшей индустриализации страны.

Международная обстановка на протяжении этих двух лет в основном характеризовалась не только обострением классовых противоречий внутри империализма, но и крайне напряженными отношениями между Советским государством и англ. империализмом, что отражало собой нарастание военной опасности. Одновременно с полевением рабочего движения в странах Западн. Европы целый ряд фактов свидетельствовал о продолжающемся развитии национально-революционного движения в целом ряде колоний и полуколоний, впереди которого шла китайская революция. Все эти явления имели место в обстановке частичной стабилизации капитализма и укрепления экономической мощи единственного в мире пролетарского государства.

XV партийный съезд (декабрь 1927), исходя из достигнутых успехов в деле индустриализации страны, но не упуская из вида тех противоречий, трудностей и опасностей, к-рые являлись составной частью переживаемого периода, дал новую генеральную установку, являвшуюся продолжением курса на индустриализацию. Съезд ставил задачу «продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации», которая должна была сопровождаться «решительным курсом на рационализацию производства и управления». Учитывая укрепление социалистических позиций в народном хозяйстве, XV партийный съезд считал вполне возможным применение к частнокапиталистическим элементам политики «еще более решительного хозяйственного вытеснения».

В области крестьянской политики съезд выдвигал задачу «более решительного наступления на кулака» и «усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство». При этом, в резолюции о работе в деревне съезд принял специальный раздел, посвященный «элементам государственного планового регулирования сел. х-ва». Основной задачей нашей партии в деревне в настоящий период съезд считал задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы». Практическая постановка этой задачи стала возможной лишь только потому, что ей предшествовала 3-летняя напряженная работа по осуществлению ленинского кооперативного плана. Несомненные успехи в этой области и дали возможность партии, помимо задачи массового кооперирования крестьянских хозяйств, выдвинуть «в качестве основной задачи» задачу коллективизации сел. х-ва.

Если вторая половина восстановительного периода сопровождалась выдвижением на очередь дня вопроса о вовлечении широких масс рабочего класса во все отрасли социалистического строительства и организованного использования растущей активности всех трудящихся, то эта задача еще более выдвинулась при переходе к реконструкции всего народного хозяйства. Одним из результатов этого была постановка на очередь дня целого ряда мероприятий по поднятию общекультурного уровня рабоче-крестьянских масс, понимаемая в смысле целой эпохи культурной революции. Таким образом, в течение последних 5 лет было не только закончено восстановление всего народного хозяйства, но и было положено начало его реконструкции как в области промышленности, так и в области с. х-ва. Общая задача социалистической организации народного хозяйства, к разрешению к-рой мы перешли после окончания гражданской войны, за последние годы была практически поставлена как задача индустриализации страны и коллективизации сел. х-ва.

Период реконструкции выдвигает вопрос о темпе развития СССР. XV партийным съездом дана по этому вопросу исчерпывающая директива. По этой директиве «следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения, к-рое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития». Партия самым решительным образом отбрасывает как совершенно не-

годные троцкистские «сверх-индустриалистские» планы. Но, отвергая «сверх-индустриалистскую» политику, партия с еще большей решительностью считает необходимым вскрывать всю гибельность правоуклонистского хныканья по поводу «напряженности» темпов индустриализации и стремления их снизить.

Напряженный темп, которым мы идем по пути реконструкции нашего народного хозяйства, не выдуман из головы, а дан нам объективными условиями, в к-рых происходит строительство социализма в СССР. Капиталистическ. окружение страны—вот первая причина того, что делает для нас необходимыми высокие темпы индустриализации, так как именно с этим связано обеспечение нашей экономическ. самостоятельности перед лицом высоко развитой техники мирового империализма. Это требуется также необходимостью укрепления обороны нашего государства, которая немыслима без высоко развитой тяжелой индустрии. Высокий темп развития неизбежно диктуется и гигантской экономической отсталостью нашего мелкобуржуазного сектора, которую во что бы то ни стало надо преодолеть, чего нельзя добиться без индустриализации, которая давала бы бедняцко-середняцким хозяйствам возможность переходить на техническую базу крупного производства, тем самым облегчая и ускоряя процесс их массового производственного кооперирования и коллективизации. Так. обр., высокие темпы капитального строительства даны нам объективными условиями, а будучи высокими—они в данных условиях не могут быть не напряженными.

На ноябрьском пленуме Центрального Комитета в 1928 т. Сталин ставил вопрос: «что значит быстрый темп развития индустрии?» и отвечал: «это значит—побольше капитальных вложений в промышленность. А это ведет к напряженности всех наших планов—и бюджетного и внебюджетного». Далее он спрашивал: «нельзя ли обойтись без напряженности?» и отвечал, что «нельзя отвлекаться от внешней и внутренней обстановки» и что «именно она, эта обстановка, диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии».

Мелкобуржуазные уклоны и борьба с ними. Политика пролетариата, «организованного в господствующий класс», до перехода к нэпу вырабатывалась в обстановке гражданской войны, сопровождавшейся колебаниями мелкобуржуазных масс между «доверием» к пролетариату и «приступами отчаяния», что в переломные моменты находило свое отражение в колебаниях внутри партии в связи с теми вопросами партийной политики, к-рые в каждый данный момент стояли в центре внимания рабочего класса и его партии. Гигантский процесс социалистического строительства в условиях нэпа происходил при непрерывном преодолении объективных трудностей, неизбежно возникавших в ходе самого строительства как результат общих противоречий и борьбы за их устранение. Противоречия, опасности и трудности, неизбежно сопровождавшие строительство социализма в стране с преобладающим мелкобуржуазным населением, не могли не отражаться внутри партии колебаниями ее наименее устойчивых элементов, которые выражались в оформлении тех или иных уклонов от генеральной линии ленинизма.

Уклоны в эпоху диктатуры пролетариата (1918—1927). За рассматриваемое десятилетие партийной истории эти колебания внутри партии, оформлявшиеся в оппозиционные фракции, имели место в ходе постановки и разрешения партией важнейших задач, к-рые вставали перед ней в эпоху диктатуры пролетариата. Они происходили на переломных моментах борьбы и строительства при наличности перегруппировки классовых сил и резких колебаний мелкой буржуазии.—Первые крупные разногласия в партии после Октябрьской Революции приходились на брестский период, когда перед партией с чрезвычайной резкостью встал вопрос о заключении мира с герм. империализмом. Эти разногласия не прекратились с разрешением вопроса о мире, т. е. заключением мирного договора с герм. правительством, а нашли свое продолжение и в период первой передышки, когда партия встала перед задачей «организации управления страной». Эти разногласия в ходе внутрипартийной борьбы оформились в целую систему взглядов, известных под названием «левого» коммунизма. Это антипартийное течение в ходе борьбы оформилось во фракцию, к-рая имела свой фракционный центр, свои фракционные организации и свой фракционный орган. Несмотря на крупные разногласия и фракционную работу, партия сохранила единство, но на протяжении этих месяцев фракция «левых» коммунистов неоднократно ставила партию перед прямой угрозой раскола. Разногласия, связанные с брестским периодом, были почти полностью ликвидированы к концу 1918. Но на VIII съезде партии нашли свое выражение новые разногласия, к-рые в главнейшей своей части были связаны с разрешением военной задачи. На съезде разногласия имели место по вопросу о принципах организации Красной армии, о характере построения общей части программы и по национальному вопросу. Наиболее серьезными из них, в смысле их актуальности, были разногласия по вопросам военной политики партии, т. к. они были связаны с основной задачей периода гражданской войны, являлись отражением, хотя к тому времени уже ликвидированной, платформы «левых» коммунистов и вызвали на самом съезде довольно-таки резкие столкновения. Далее, разногласия в партии обнаружились в начале 1920, в связи со второй передышкой, после разгрома белых армий Колчака, Юденича и Деникина. Эти разногласия нашли свое отражение и на IX партийном съезде. Они шли по линии резкой критики внутрипартийного режима и по вопросам организации управления хозяйством (вопрос о единоначалии, о милитаризации труда и т. д.). Одна часть этих разногласий, вне всякого сомнения, в той или иной степени повторяла взгляды «левых» коммунистов, а другая часть нашла свое наиболее четкое выражение во внутрипартийной дискуссии конца 1920—начала 1921.

Политический кризис этого «переходного периода в переходном периоде» одним из своих проявлений имел кризис партии, выразившийся в профсоюзной дискуссии, в образовании ряда фракций и группировок, а также и в резких разногласиях внутри Центрального Комитета партии, поведших к довольно длительному нарушению единства в его рядах. Эта дискуссия основное свое внимание сосредоточила на вопросе о задачах, роли и значении профсоюзов, но по сути дела речь шла о перспективе дальнейшего развития революции, о принципах партийного строительства, о взаимоотношении партии и класса, о взаимоотношении рабочего класса и Советского государства, и т. д. Дискуссия повела к оформлению таких фракционных организаций, как группа «демократического централизма» и группа «рабочей оппозиции». В этой борьбе против партии и ЦК «главным», как говорил Ленин, был Троцкий. В 1923 — 24, после первоначального периода нэпа, при переходе ко второй половине восстановительного периода, с разногласиями по целому ряду важнейших принципиальных вопросов, выступила уже вполне оформленная группа троцкистской оппозиции, которая объединила вокруг себя все фракционные элементы. Последнее выступление троцкистской оппозиции имело место в 1926 — 27, при переходе от восстановительного периода к периоду социалистической реконструкции. Эта оппозиция возглавлялась не только Троцким, но и группой ленинградских работников во главе с Зиновьевым и Каменевым. Под антипартийным знаменем своей платформы она объединила все когда-либо до сих пор выступавшие в партии оппозиционные группировки и в своей борьбе против большевистской партии докатилась до прямых антисоветских выступлений.

Т. о., за последнее десятилетие генеральная линия партии выковывалась в борьбе с целым рядом колебаний, к-рые с наибольшей резкостью нашли свое отражение во фракции «левого» коммунизма в 1918, в так наз. профсоюзной дискуссии в 1920—21, в троцкистской оппозиции 1923—24 и в объединенном выступлении всех фракционных группировок под знаменем троцкистской платформы в 1926—27.

Необходимо здесь же отметить, что т. н. «ленинградская оппозиция» сейчас же после XIV партийного съезда начала протягивать руку Троцкому, к-рый уже на пленуме ЦК во время съезда и на 1-м пленуме ЦК после XIV съезда поддерживал антипартийные протесты и выступления Зиновьева и Каменева. И не только поддерживал их протесты, но и сам немедленно же возобновил свои атаки против ЦК. Необходимо также отметить, что у Зиновьева и Каменева разногласия с большинством ЦК начались до 14 партийной конференции по ряду вопросов, в первую очередь—по вопросу о возможности победы социализма в одной стране. Ленинградская оппозиция начала самостоятельно свой поход против партии, но после XIV съезда стала блокироваться с Троцким и к июльскому пленуму превратилась в составную часть троцкистской оппозиции.

Если взять все оппозиционные выступления за последние 10 лет истории партии, то с чрезвычайной наглядностью обнаружится, что в отношении глубины своих разногласий с ленинизмом и антипартийности приемов фракционной борьбы все эти выступления идут по восходящей линии, а одновременно с этим они каждый раз встречают все более и более сплоченный и единодушный отпор со стороны партии.—«Левый» коммунизм в начале брестского периода имел за собой большинство Центрального Комитета, Петроградский комитет, Московский комитет, Московское областное бюро и целый ряд крупнейших провинциальных организаций Урала, Украины и т. д. Оппозиция 1920—21 одно время имела в своих руках целый ряд крупнейших районов Москвы и Ленинграда, а также значительное число своих сторонников и в провинциальных партийных организациях. Ни в какое сравнение с этим не шло уже влияние троцкистской оппозиции 1923. А троцкистская оппозиция 1926—27 за свою двухлетнюю фракционную работу в нашей полуторамиллионной партии не имела в своих руках хотя бы на самый короткий срок ни одной партийной ячейки.

До Февральской революции 1917 троцкизм был агентурой меньшевизма и подголоском каутскианства. Факты показали, что, и входя в большевистскую партию, Троцкий не отказывался от своих взглядов в основных вопросах революции. В записи Лениным речи Троцкого на конференции межрайонцев (май 1917) мы находим такие заявления: «с резолюциями я согласен целиком, но, вместе с тем, я согласен постольку, поскольку рус. большевизм интернационализировался. Большевики разбольшевичились, и я называться большевиком не могу». И, далее, Троцкий заявлял, что «признания большевизма требовать от нас нельзя». Тов. Мельничанский в статье «Группа Троцкого» рассказывает, как он встретился с Троцким в кулуарах 1-го Съезда Советов и как тот предостерегал его относительно большевистского режима. Мельничанский пишет: «Вы,—говорил он мне,—не знаете „режима Ильича“. Ильич не терпит инакомыслящих». В своих оценках «исторического троцкизма», данных им в 1919, 1921 и 1922, Троцкий целиком и полностью подтвердил, что от своих старых троцкистских взглядов он ни в малейшей мере не отказался.

В предисловии к сборнику своих статей «Итоги и перспективы» (март 1919) Троцкий писал, что его прогноз, сделанный за 15 лет до 1917, свидетельствует о том, что он правильно применял «марксистскую теорию» к анализу характера русской революции. Во введении к I тому «Войны и революции», относящемуся, примерно, к тому же времени, Троцкий заявлял, что Февральская революция «ликвидировала» разногласие между троцкизмом и ленинизмом по вопросу о характере революции, но при этом не указывал, чье же понимание было отброшено в сторону ходом революции как ошибочное. В письме к тов. Ольминскому (дек. 1921) Троцкий без всяких обиняков утверждал: «моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна». В 1922, в предисловии к

своей книге о 1905 г., Троцкий уже выступает с категорическим заявлением, что именно его оценка движущих сил революции «подтвердилась целиком», а в одном из подстрочных примечаний в той же книге он утверждает, что весной 1917 произошло «идейное перевооружение большевизма».

После Февральской революции Троцкий делает попытку «завести» свою самостоятельную организацию (по приезде из-за границы Троцкий входит «в межрайонку»), а спустя некоторое время вступает в большевистскую партию. Мы знаем, с каким грузом прошлого вступал Троцкий в нашу партию. Это обстоятельство в последующей истории ВКП(б) сказывается в том, что в период Бреста, в конце гражданской войны и, начиная с первых годов нэпа, почти во все переломные моменты в строительстве социализма, Троцкий с более или менее постоянной группой своих единомышленников расходится с партией и неизменно обнаруживает свою коренную ошибку, состоящую в непонимании роли пролетариата, в недооценке роли крестьянства и в целом ряде тактических ошибок, отсюда неизбежно вытекающих. В резолюции январского пленума Центрального Комитета 1925, которая подводила итоги всем предыдущим выступлениям Троцкого против партии, указывалось, что все эти выступления «в конечном счете имели своим источником полуменьшевистское непонимание роли пролетариата по отношению к непролетарским и полупролетарским слоям трудящихся, принижение роли партии в революции и социалистическом строительстве, непонимание того, что большевистская партия может выполнить свое историческое назначение лишь при действительном идейном единстве и монолитности». В 1920—21 Троцкий в полной мере обнаружил, что в основе его антипартийной платформы лежала коренная ошибка «исторического троцкизма», которая привела его к образованию своей фракции внутри большевизма. В 1923—24 Троцкий выступил против партии с явным намерением произвести коренное изменение партийного руководства. В 1926—27 Троцкий уже в значительно большем масштабе и с значительно большей, если можно так выразиться, антипартийной злостностью повторил эту же попытку, сплотив под идейным руководством троцкизма в единую оппозиционную группу все элементы колебания и разброда внутри нашей партии. Это последнее выступление троцкизма привело к его полному разгрому, а Троцкий оказался вне партии и в наст. время, находясь в лагере буржуазии, играет роль контр-революционного подголоска прямых классовых врагов коммунизма, ВКП(б) и Коминтерна.

«Левый» коммунизм. Первая оппозиционная вылазка против партии после Октября 1917, участие в которой принял и Троцкий, была произведена «левым» коммунизмом. Расхождения в партии, связанные с «левым» коммунизмом, с наибольшей остротой обнаружили себя в первые месяцы 1918, но заняли они почти весь 1918. Разногласия этого времени охватили большой круг вопросов и в конце-концов в полной мере оформили целую систему антипартийных взглядов. Ленин характеризовал «левых» коммунистов, как мелкобуржуазную интеллигентскую группу, к-рая отражает настроения взбесившегося мелкого буржуа и «левыми» лозунгами защищает мелкобуржуазную распущенность.

От января до марта исходным пунктом разногласий был вопрос о мире; заключение мирного договора как будто бы должно было ликвидировать расхождения в партии, на самом же деле, как говорит об этом редакция «Коммуниста» (орган «левых» коммунистов), «заключение мира создало почву для возникновения новых разногласий». Эти разногласия были связаны с целым рядом вопросов строительства и организации управления хозяйством. «Тезисы о мире» были написаны Лениным в январе, а были опубликованы в «Правде» в конце февр. 1918. С момента появления ленинских тезисов, на ряде совещаний партийных работников, а также и в Центральном Комитете партии шел процесс оформления трех течений по вопросу о мире—за заключение мира с германским империализмом (Ленин), против мира и за революционную войну (Бухарин) и за линию ни мира, ни войны (Троцкий). Последнее течение, возглавлявшееся Троцким, хотя и занимало промежуточную, колеблющуюся позицию, а при окончательном решении вопроса о мире в Центральном Комитете «воздержалось», но по своим основным взглядам оно примыкало к платформе «левых» коммунистов.

На заседании Центрального Комитета 23 февраля 1918 Троцкий в своей речи прямо заявил, что «доводы (В. И. Ленина) далеко не убедительны; если бы мы имели единодушие, могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим». Эта точка зрения, само собою разумеется, ничем не отличается от позиции «левых» коммунистов. Позиция Троцкого по этому вопросу была настолько непримирима, что он, примерно, 19 февраля подал заявление с просьбой об освобождении его от выполняемой работы. Это же заявление он снова повторил на заседании Центрального Комитета 24 февраля и, наконец, с этим же заявлением он выступил и на партийном съезде.

«Левые» коммунисты чрезвычайно преувеличивали темп развития международной революции, свои желания они принимали за действительность, отсюда и вырастало то, что называется революционной фразой. «Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие, — писал Ленин, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы». В московском «Социал-Демократе» в январе 1918 читаем, что какие-де могут быть переговоры с правительством Вильгельма «накануне падения, гибели этого правительства», а в апреле того же года, в тезисах о текущем моменте, «левые» коммунисты заявляли, что «в течение ближайшей весны должно начаться крушение империалистической системы». На что Ленин, называя эту формулировку «еще более ребячески неточной», совершенно резонно указывал, что «это—смешные потуги узнать то, чего

узнать нельзя». «Левые» коммунисты не видели «щели» между двумя группами империализма, они представляли себе дело так, что здесь мы имеем «единый враждебный фронт», называя передышку «никому не нужной, бесполезной и вредной». Проповедуя революционную войну, они «перепрыгивали» через крестьянство, не желая знать того, что крестьянство измучено и истерзано войной и воевать больше уже не хочет и не может. О политике немедленной революционной войны Ленин говорил, что такая политика «совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции». И здесь же (в тезисах о мире) Ленин со всей резкостью утверждал, что «крестьянская армия, невыносимо истрепанная войной, после первых же поражений, вероятно даже не через месяц, а через неделю, свергнет социалистическое рабочее правительство». Развивая такие взгляды, «левые» коммунисты бросали словечки о «перерождении» Советской власти и давали типично меньшевистски-троцкистскую характеристику внутрипартийного режима. В объяснительном тексте к февральск. резолюции Московского областного бюро говорилось о том, что «в интересах международн. революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной», а во фракционном органе «левых» коммунистов (№ 4) было совершенно отчетливо заявлено, что «левые» коммунисты являются «яростными приверженцами Советской власти», но «постольку, поскольку эта власть неуклонно гнет пролетарскую линию и не перерождается в сторону мелкобуржуазности». В том же органе заявлялось, что необходимо «выправить политику партийных верхов, уклонившуюся от пролетарской линии под влиянием страха перед разложившимися солдатскими массами», и здесь же единство партии называлось «внешним» и «показным» и бросалось обвинение, что «часть партии» превращена «в простую голосующую машину».— В течение этих месяцев партия неоднократно была на волосок от раскола. 23 февр. группа «левых» коммунистов членов ЦК с рядом ответственных работников, стоявших на той же точке зрения, подали заявление, что слагают с себя ответственность, уходят со всех ответственных партийных и советских постов, оставляя за собой «свободу агитации, как внутри партии, так и вне ее». В поданном в этот же день другом заявлении эта группа взяла обратно свое указание на свободу агитации «вне партии». 24 февр. Московское областное бюро приняло постановление о выражении «недоверия ЦК» и неподчинении его решениям, связанным «с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Венгрией». В объяснительном тексте к постановлению указывалось, что Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время. На VII партийном съезде при выборах в Центральный Комитет «левые» коммунисты (Бухарин и др.) сняли свои кандидатуры и от голосования воздержались. Расхождения в политике приводили к политике отставок.

С апреля у «левых» коммунистов начались «новые разногласия» с партией, при чем редакция «Коммуниста» заявляла, что «сейчас еще трудно сказать, как далеко разойдутся эти пути». Известно, что в период первой передышки Ленин, говоря о мелкобуржуазной стихии «как главном враге социализма у нас», на первый план выдвигал вопрос о государственном капитализме, о трудовой дисциплине, о привлечении специалистов и т. д. «Левые» коммунисты метали громы и молнии против этих ленинских планов и тем самым обнаруживали свою мелкобуржуазность. «Левые» коммунисты, обвиняя Ленина и все партийное руководство «в правобольшевистском уклоне», резко выступали против ленинской постановки вопроса о государственном капитализме, против использования буржуазных специалистов, введения трудовой повинности и т. д. Они писали, что «ставка на самодеятельность рабочего класса сменилась ставкой на помощь опытных капиталистических руководителей», что введение трудовой дисциплины угрожает «закрепощением рабочего класса» и что рабочий класс делается «объектом, а не субъектом организации производства труда». Ленин называл это «левым ребячеством», «мелкобуржуазностью», высмеивал это как «психологию обитателя центральной Африки» и призывал к напряжению всех сил для разрешения «организационной задачи», установления дисциплины и самодисциплины.

Эпигоны «левого коммунизма». К концу 1918 даже для самых «левых» из «левых» коммунистов стало очевидно, что их взгляды опрокинуты самой жизнью. Однако, несмотря на это, все же необходимо подчеркнуть, что расхождения, обнаружившиеся на VIII партийном съезде, были не чем иным, как «лево-коммунистической отрыжкой». На VIII партийном съезде обсуждался вопрос о пересмотре программы партии, при чем по вопросу о характере построения общей части программы существовали две различные точки зрения. Бухарин считал, что нужно дать единую цельную характеристику империализма и не вставлять цитату из старой программы, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Ленин самым решительным образом настаивал на включении этой цитаты. В своем докладе на VII съезде он говорил, что отказ от вставки соответствующей цитаты из старой программы он считает «теоретически неправильным». Ленин подчеркивал, что дорога к социализму «никогда прямой не будет», что мы не знаем, «сколько еще этапов будет переходных к социализму». И это он связывал с тем, что в современной экономике, в особенности в экономике нашей страны, сохранились остатки как доимпериалистических форм, так даже и докапиталистических. «Наш переход,—говорил Ленин,—усложняется такими особенностями России, к-рых в большинстве цивилизованных стран нет» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 350—352). И несомненно, что точка зрения Бухарина по во-

просу о построении нашей программы была непосредственно связана с общим подходом «левых» коммунистов к вопросу о строительстве социализма в нашей стране. Следует напомнить, что в своей критике платформы «левых» коммунистов Ленин, между прочим, указывал, что они сочиняют свои лозунги из противопоставления идеальному социализму государственного капитализма (см. там же).

Таким образом, споры по вопросу о характере нашей программы, имевшие место на VII съезде, повторились и на VIII съезде партии, где Бухарин защищал свою старую точку зрения на характер построения общей части программы. Критикуя предложения Бухарина, Ленин указывал, что, «если написать программу так, как хотел т. Бухарин, эта программа будет неверна». Ленин возражал против того, что в действительности есть «цельный империализм»; он подчеркивал, что «тот капитализм, который был обрисован в 1903 г., продолжает оставаться и в 1919 г. в Советской пролетарской республике». Ленин разъяснял, что «в тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим» и что «наша задача была бы во сто тысяч раз легче, если бы перед нами был цельный империализм, к-рый насквозь переделал капитализм». Но этого нет,—стоять на такой точке зрения это значит «принять желаемое за действительность» и «выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное» (Стеногр. отч. VIII съезда, стр. 41—44).

Т. о., нек-рые остатки лево-коммунистических воззрений нашли свое отражение на VIII партийном съезде, прежде всего, в спорах по вопросу о партийной программе. Необходимо также отметить, что при обсуждении комиссионного проекта программы на съезде имели место разногласия и по национальн. вопросу, к-рые по сути дела повторяли разногласия, имевшиеся в партии и на апрельской конференции и до Февральской революции.

Тов. Сорин в своей брошюре, посвященной анализу платформы «левых» коммунистов, отмечает, что «в области военной политики левые коммунисты являлись выразителями тех же тенденций, что и в экономической». И опять-таки приходилось отметить, что на VIII съезде партии по военному вопросу обнаружились такие разногласия, в которых в известн. степени повторялась точка зрения «левых» коммунистов. На открытом заседании съезд заслушал доклады по военному вопросу, прения же по ним были перенесены на закрытое заседание съезда. На открытом заседании съезда содокладчиком, м. пр., был подвергнут критике устав, в к-ром устанавливалась обязательная форма обращения, приветствий и т. д., при чем все это характеризовалось не больше не меньше, как «самодержавно-крепостнические порядки». На закрытом заседании съезда Ленин, касаясь этого вопроса, говорил, что «если вы до этого договорились», то «вы хотите иметь дело не со средним крестьянством, а хотите лить воду на мельницу эсеров и меньшевиков». Важнейшим вопросом Ленин считал вопрос о военных специалистах. Со всей силой он обрушивался на § 10 оппозиционных предложений. Он говорил так: «§ 10, к-рый говорит: военные специалисты при коллективном командовании, т. е. значит их долой...». § 10 он называл «полным возвращением к партизанщине». Ленин говорил оппозиции: «Когда вы предлагаете тезисы, к-рые целиком направлены против военспецов, вы нарушаете всю общепартийную тактику. В этом источник расхождения».

По военному вопросу съезду удалось добиться единодушного решения. Была принята специальная резолюция, а кроме этого, был сформулирован, в соответствии с ленинской установкой, и военный раздел партийной программы. На VIII съезде были расхождения и по организационным вопросам. Правда, эти расхождения опять-таки не помешали единогласному принятию резолюции, но все же необходимо иметь в виду, что докладчик «оппозиции» по этому вопросу, как он сам себя называл, повторял нек-рые «лево»-коммунистические оценки и одновременно с этим предвосхищал основную часть платформы группы демократического централизма.

Оппозиционные течения в 1920. Во время второй передышки, перед IX съездом и на самом съезде, в партии снова обнаружились разногласия. Они были связаны с переходом от войны к миру, при чем это был «простой переход на тех же рельсах политики». Разногласия касались вопроса о профессиональных союзах, об организации управления промышленностью и нек-рых организационных вопросов. Оппозиция на съезде выступала, как выразился один товарищ, «разрозненными кучками», но все же на самом съезде, наприм., по вопросу о профессиональных союзах тов. Рыков вносил поправку, подписанную Осинским, Томским, Милютиным и др. На съезде эта поправка была названа «беспринципной» и характеризовалась как «попытка бесформенной капитуляции перед достаточно определившейся волей партийного большинства».

В заключительном слове по своему докладу о деятельности Центрального Комитета Ленин ссылался на письмо Центрального Комитета к партийным организациям по вопросу об организации съезда. В этом письме было сказано: «Прошло, к счастью, время чисто теоретических рассуждений, споров по общим вопросам, вынесения принципиальных резолюций», и здесь же указывалось, что в наст. время «надо решить деловую задачу быстрейшей победы над разрухой» (Стеногр. отч. IX съезда, стр. 72). Но этого не случилось. Перед съездом, после письма Центрального Комитета, в печати появляются тезисы Томского, тезисы Московского комитета и тезисы Сапронова, Осинского и Максимовского. Перечислив все эти тезисы, Ленин прямо заявляет, «что во всех этих тезисах вопрос поставлен теоретически неверно».

Переход от войны к мирному строительству в начале 1920 выдвинул перед партией вопрос о роли и значении профессиональных союзов, о единоначалии и коллегиальности, о милитаризации труда и об органи-

зационном приспособлении партии к новым хозяйственным задачам. Разногласия по этим вопросам, нашедшие свое выражение на IX партийном съезде, со значительно большей резкостью обнаружились в партии в конце 1920—начале 1921, т. е. перед и во время X партийного съезда. Но уже на IX партийном съезде можно было наблюдать нек-рое предвосхищение того, что в полной мере обнаружилось несколько позже. В прениях по докладу о деятельности Центрального Комитета целый ряд ораторов, входивших впоследствии во фракционную группу демократического централизма, договорились до характеристики внутрипартийного режима как «партийной олигархии», «диктатуры партийного чиновничества», говорили о подмене «самодеятельности партийной массы» «главенством партийных верхушек», «о машинном послушании» и т. д. Тезисы Осинского, Максимовского и Сапронова Ленин характеризовал, как «сплошное теоретическое искажение». Эти тезисы искажали большевистское понимание демократического централизма. Ленин говорил, что «за их аргументы махновцы не могут не цепляться». В тезисах Томского указывалось, что «основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводоуправления включительно». И далее указывалось, что «единоличное управление отдельными предприятиями» допускается «при непременном условии контроля над единоличными администраторами со стороны профсоюзов и их органов». В своем содокладе по вопросам хозяйственного строительства тов. Рыков, предлагавший «только отдельные поправки к тезисам Центрального Комитета», заявлял, что «по вопросу об организации управления промышленностью мы с профсоюзами стоим на принципе коллегиальности».

Ленин, критикуя тезисы Томского, говорил, что «они в основе своей неверны». А в другой речи на том же съезде, по поводу пункта 7-го этих тезисов, он выразился таким образом: «Это—сплошная чепуха, потому что роль рабочего класса в завоевании государственной власти, отношение способов, — все спутано! Мириться с такими вещами нельзя! Такие вещи теоретически тащат нас назад» (Ленин, Сочинения, том XXV, стр. 118). При этом Ленин разъяснял, что советский демократизм ни в малейшей степени «не противоречит» единоначалию и диктатуре и что возражение против введения в настоящее время единоначалия в управлении промышленными предприятиями исходит из неверия в силу пролетарской диктатуры. Ленин также указывал, что тезисы Томского «своей теоретической ошибкой» «дают нек-рое знамя, некоторое оправдание худшим элементам».— Необходимо отметить, что перед съездом среди профессионалистов существовала небольшая группа, возглавляемая т. Шляпниковым, к-рая считала, что все управление производством должно быть передано в руки профсоюзов. На IX съезде Шляпников не присутствовал, его тезисов никто не защищал, если не считать т. Лутовинова, к-рый выступил лишь с частичной защитой этих тезисов.

Т. о., на IX съезде мы имели выступление группы демократического централизма, имели целый ряд точек зрения по вопросу о профессиональных союзах, одна из которых впоследствии оформилась в группу «рабочей оппозиции», и, наконец, могли наблюдать целый ряд, в то время еще довольно бесформенных, колебаний по вопросам, связанным с организацией производства и организацией управлен. промышленностью. Но так как мирная передышка была кратковременной, то с новым началом военных действий эти вопросы были снова отодвинуты на второй план или совершенно сняты с порядка дня.

Все эти вопросы со значительно большей резкостью и определенностью встали в конце 1920. Это был период значительных колебаний не только мелкобуржуазной массы, но даже и некоторых отсталых слоев рабочего класса, которые находили свое отражение и в нашей партии. В силу этих обстоятельств те отдельные оппозиционные «ручейки», к-рые наблюдались в партии в начале 1920, в конце этого года, перед X партийным съездом, оформились в целый ряд фракционных группировок, выступавших со своими фракционными платформами. Но этому периоду непосредственно предшествовали те колебания в партии, которые были связаны с сентябрьской партийной конференцией 1920.

4 сент. 1920 Центральный Комитет обратился ко всем партийным организациям и ко всем членам партии с письмом, в к-ром он считал своевременным «обратить внимание членов нашей партии на нек-рые нездоровые явления в нашей партийной организации, которые за последнее время все больше и больше о себе дают знать». Эти «болезненные явления» внутри партии были теснейшим образом связаны с периодом военного коммунизма. И само собой разумеется, что они были одной из причин того, что кризис партии конца 1920—начала 1921 протекал в чрезвычайно опасных формах. Не даром докладчик Центрального Комитета на сентябрьской конференции по вопросу об очередных задачах партийной работы указывал, что «в целом ряде партийных организаций в последние недели и месяцы происходило довольно много трений и иногда острых конфликтов».—На конференции содокладчиком по этому вопросу выступал Сапронов, к-рый говорил о том, что в партии имеется «разложение», выступал с критикой «системы бюрократического централизма», якобы проводимого в строительстве партии и Советского аппарата, и снова поднимал вопросы о единоначалии и коллегиальности, уже решенные IX партийным съездом. Выступавший по этому же вопросу Лутовинов прямо заявлял, что «в партии наблюдается сейчас засилие партийных спецов». И совершенно правы были те товарищи, которые заявляли, что «выступления Сапронова и

целого ряда лиц показывают, что ставятся снова на очередь те разногласия, которые были уже ликвидированы последним съездом партии».—Переход от войны к мирному строительству, вставший на очередь дня после ликвидации белой армии Врангеля, показал, что действительно эти разногласия, притом со значительно большей резкостью чем раньше, были выдвинуты на первый план и на долгое время отвлекли внимание всей партии от практической работы.

Оппозиция 1920—21. На X партийном съезде Ленин, характеризуя обстановку этого периода, говорил о наличности ряда кризисов—«и хозяйственного, и социального, и политического». В таких условиях и происходил третий по счету переход от войны к миру. Если два первых перехода представлялись нами как переходы «простые», то и в дек. 1920—марте 1921 в партии было очень прочно такое же представление об этом переходе. На самом же деле, как подтвердила это и история, переход к мирному строительству мог быть только «сложным».

В опубликованном в «Ленинском сборнике» конспекте брошюры «О продовольственном налоге» Ленин писал: «Еще нет хозяйственной базы социализма. В чем она? В товарообмене с крестьянством» (Ленинский сборн., IV, стр. 376). А на X партийном съезде, развивая ту же мысль, он говорил, что во время войны мы «не могли сосредоточить свое внимание на том, как поставить экономические взаимоотношения между пролетарской государственной властью, имеющей в своих руках крупное производство, неслыханно разоренное, и как найти формы сожительства с мелкими землевладельцами, к-рые, пока остаются мелкими землевладельцами, не могут жить без обеспечения мелкого хозяйства известной системой оборота». И здесь же он добавлял, что считает «этот вопрос самым важным вопросом экономики и политики для Советской власти в настоящее время».

В условиях политического кризиса и развертывалась предсъездовская дискуссия. Все те оппозиционные колебания и оппозиционные течения, к-рые можно было наблюдать в партии на протяжении всего 1920, в конце года чрезвычайно обострились, выросли и углубились. Маленькие разногласия в партии выросли в большие расхождения, к-рые нашли свое выражение в целом ряде фракционных платформ. Эти платформы сосредоточивали свое внимание на целом ряде вопросов партийного и профсоюзного строительства. В ходе предсъездовской дискуссии фракционные группировки менялись, происходил процесс дробления одних и объединения других,—в соответствии с этим менялись и фракционные платформы. На X съезде по вопросу о роли и задачах профсоюзов, кроме проекта постановления Центрального Комитета (проект «десяти»), фигурировали— фракционный проект Троцкого, Бухарина и других и тезисы «рабочей оппозиции». По вопросам партийного строительства, кроме проекта тезисов Центрального Комитета, на съезде были внесены резолюции по этому же вопросу группы «рабочей оппозиции» и проект постановления, «предлагаемый группой делегатов, стоящих на платформе демократического централизма». Но, несмотря на то, что дискуссия затронула ряд вопросов, все же в центре ее стоял вопрос о роли и значении профсоюзов, под каковым «псевдонимом» в действительности шла дискуссия о перспективах социалистического строительства,—будет ли переход к мирному строительству простым переходом «на тех же рельсах политики», т. е. политики военного коммунизма, или же это будет «сложный» переход на рельсах «новой политики», той самой, к-рая в дальнейшем получила название нэпа.—Основные этапы профсоюзной дискуссии даны Лениным в статье «Кризис партии» (янв. 1921). Этот вопрос обсуждался на ноябрьском и декабрьском пленумах Центрального Комитета. На ноябрьском пленуме Троцкий вносит свои тезисы о профсоюзах и саботирует «профессионалистскую комиссию», выбранную Центральным Комитетом. Этот срыв комиссии Ленин назвал «бюрократическим, несоветским, несоциалистическим, неправильным, политически вредным». В декабре Троцкий выпускает свою брошюру «Роль и задачи профсоюзов». Эту брошюру Ленин называет «брошюрой-платформой», а выступление Троцкого в ней квалифицирует как «создание фракции на ошибочной платформе». Дальше идет дискуссия на партийной фракции 8 Съезда Советов, и с этого момента дискуссия о профсоюзах развертывается во всей партии.

Троцкий исходил из того, что в рабочем государстве «то, что составляло существо проф. союза в буржуазном обществе, отпало», т.е. из задач профсоюзов он выбрасывал такую важнейшую задачу, как защита интересов рабочего класса. На первый план он выдвигал тезис о сращивании профсоюзов и хозяйственных органов и в своей «брошюре-платформе» он утверждал, что «в рабочем государстве профсоюз имеет смысл постольку, поскольку он фактически овладевает производством», и т. д. А отсюда уже вытекала и задача «перетряхивания» профсоюзов. Сущность расхождения Троцкого с партией в этом вопросе Ленин характеризовал как расхождение «по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой». Политику Троцкого в вопросе о профсоюзах Ленин клеймил как политику «бюрократического дергания профсоюзов». Ошибке Троцкого он придавал очень большое значение и прямо говорил, что эта ошибка, если ее не исправить, «ведет к падению диктатуры пролетариата». Давая же общую оценку брошюре Троцкого «Роль и задачи профсоюзов», Ленин отмечал, что Троцкий «впал в ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата». В опубликованных Ленинским ин-том «Замечаниях» Ленина на эту брошюру Троцкого дана исчерпывающая критика позиции Троцкого. М. пр., пункт 17-й брошюры Троцкого (об овладении производством, механизации труда и т. д.) сопровождается замечанием Ленина: «синдикалистический вздор».—В профсоюзной дискуссии в период X партийного съезда Бухарин, во главе группы товарищей, выступил с «буферной» платформой. Роль этой группы во время

профсоюзной дискуссии Ленин характеризовал «как пособника худшей и вреднейшей фракционности». В бухаринской платформе был пункт 17-й, в к-ром говорилось о том, что в области управления промышленностью «должен быть сделан шаг вперед по сравнению с резолюциями IX съезда партии». Этот шаг должен был состоять в том, что кандидатуры профсоюзов в органы управления промышленностью выдвигались не в порядке «соглашения», а были бы «обязательными». И далее в этом пункте говорилось, что «необходимо усилить участие профсоюзов в образовании управления промышленностью вплоть до поручения отдельному союзу на основе обязательности общегосударственных программ и заданий». Ленин характеризовал этот пункт как «полный разрыв с коммунизмом и переход на позицию синдикализма». «Это, по сути дела,—говорил он,— повторение Шляпниковского лозунга „осоюзить государство"...». Тезисы Бухарина он называл также «верхом распада идейного» и, обрушиваясь на них всей силой своей аргументации, подчеркивал, что Бухарин «договорился до ошибки во сто раз более крупной, чем все ошибки Троцкого, взятые вместе». И здесь же он указывал, что «то, до чего договорился Бухарин, означает раскол партии, вернее, разрыв синдикалистов с партией» (Ленин, Соч., 1 изд., том XVIII, ч. 1, стр. 33).

В январе Троцкий и Бухарин объединяются на единой платформе, к-рую они вносят и на X партийный съезд. «Рабочая оппозиция» в профсоюзной дискуссии выступила со своей платформой. В своем выступлении на партийной фракции 8 съезда профсоюзов Шляпников говорил о необходимости «изменения всей системы организации управления народным хозяйством». А Коллонтай в своей брошюре «Рабочая оппозиция» (тоже «брошюра-платформа») особо подчеркивает это место в речи Шляпникова и пишет: «заметьте, товарищи, „при условии изменения всей системы"». В тезисах Шляпникова имеется пункт 13-й, к-рый Коллонтай называет «одним из важнейших пунктов»; в этом пункте говорилось следующее: «Организация управления всем народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, к-рый избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики». В статье «О задачах рабочих союзов» (декабрь 1920) Шляпников подробно мотивировал свой план «осоюжения нашего хозяйства». Он писал, что в наст. время «союзы служат поставщиками работников для ВСНХ», что отсюда проистекают «сплошные трения и конфликты» и что избежать этого возможно только «путем уничтожения самодовления ВСНХ и подчинения его работы производственным рабочим организациям». При этом он подчеркивал, что дело здесь идет не о «персональной перетряске», а «о проведении в жизнь двух исключающих друг друга систем». Во время профсоюзной дискуссии Ленин характеризовал позицию Шляпникова и его группы как синдикалистский уклон.— Т. о., перед съездом в профсоюзной дискуссии, приведшей партию к чрезвычайно опасным потрясениям, выступил целый ряд фракционных групп со своими платформами, при чем в партии, в лице группы «рабочей оппозиции», обнаружился синдикалистский и анархистский уклон, к к-рому в той или иной степени сползали и другие фракционные платформы. Всю предсъездовскую фракционную борьбу против партии возглавлял Троцкий. В брошюре «Рабочая оппозиция» читаем, что Троцкий за «огосударствление союзов» и что «этот пункт, как будто, сближал Троцкого с оппозицией».

На самом съезде все фракционные группировки выступили с резкой критикой политики Центрального Комитета партии. И здесь следует отметить как весьма характерный штрих для понимания способов оппозиционной «маскировки», что даже Шляпников — представитель группы, олицетворявшей собою синдикалистский и анархистский уклон,—заявлял в своем выступлении: «у нас нет расхождения в основных вопросах нашей внутренней и международной политики. Эту сторону доклада т. Ленина мы принимаем». И это было сказано в то время, когда на съезде группой «рабочей оппозиции» была выпущена уже цитированная выше брошюра «Рабочая оппозиция». — В этой брошюре говорилось, что «рабочая оппозиция» отозвалась на молчаливый призыв своих «братьев по классу», которые влачат «и в советской трудовой России каторжное, позорное, жалкое существование». Далее указывалось, что «из сознания широких масс» нельзя изгнать «образование характерного нового „социального слоя" советско-партийных верхов», которые ведут политику, «выбирающую равнодействующую между тремя социальными группами населения». В этой брошюре политика партии, направленная на прочный союз с середняком, изображалась как «опасный уклон от классовой линии». И после таких обвинений, направленных против партии и партийного руководства, после таких клеветнических махаевско - анархистских оценок партийной политики, представители «рабочей оппозиции» на X партийном съезде заявили, что у них нет расхождений с партией по основным вопросам политики. Это было бы совершенно непонятным трюком, не будь оно приемом фракционной «маскировки» до последней степени запутавшейся оппозицион. группки.— Январский объединенный пленум ЦК и ЦКК (в 1925) в резолюции о выступлении Троцкого констатировал, что вторая дискуссия с Троцким была дискуссия о профсоюзах, а на деле—об отношениях к крестьянству, поднимавшемуся против военного коммунизма, об отношении к беспартийной массе рабочих, вообще о подходе партии к массе в полосу, когда гражданская война уже кончилась. Понадобилась острая всероссийская дискуссия, понадобилась напряженная кампания всей партии, во главе с т. Лениным, против «лихорадящих верхов» троцкизма, чтобы спасти партию от ошибки, к-рая могла бы «поставить под вопрос все завоевания революции». Известно, что X партийный съезд происходил в самый острый момент Кронштадтского мятежа, к-рый еще более обострял чрезвы-

чайно напряженную обстановку того времени. Партия не могла допустить в своих рядах того положения, к-рое создалось в связи с внутрипартийной дискуссией, охарактеризованной Лениным как «совершенно непозволительная» роскошь и даже ошибка. Надо было немедленно принять самые решительные меры для укрепления поколебленного дискуссией единства партии.— X партийный съезд вынес специальную резолюцию «об единстве партии». Съезд подчеркнул чрезвычайную необходимость того, «чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности». Съезд предписал немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы и поручил всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии. Кроме того, съезд принял резолюцию «о синдикалистском и анархистском уклоне нашей партии». При чем съезд указал, что «одним из наиболее оформленных выражений этого уклона являются тезисы и др. литературные произведения группы т. н. „рабочей оппозиции“». Съезд указал, что взгляды «рабочей оппозиции», являясь выражением мелкобуржуазных колебаний, «на деле помогают классовым врагам пролетарской революции», и признал «пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к Российской Коммунистической партии».

Представители «рабочей оппозиции» выступили с резкими возражениями против принятия обеих этих резолюций. Свои выступления они сопровождали обвинениями, направленными против партии и партийного руководства. И, наконец, от группы «рабочей оппозиции» они выступили с заявлением, к-рое заканчивалось угрозой, что принятие резолюции «вынудит всех единомышленников» «рабочей оппозиции» отказаться от вхождения в ЦК РКП, а также может «вынудить нас покинуть все занимаемые места и перенести обсуждение недостойных методов борьбы с „рабочей оппозицией“ на суд международного коммунистического пролетариата». Это заявление было не чем иным, как объявлением войны против партии. Известно, что в февр. 1922, перед XI партийным съездом, группа членов «рабочей оппозиции» направила членам международной конференции Коммунистического Интернационала заявление, в к-ром, м. пр., было сказано, что «положение в нашей партии настолько тяжелое, что побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии». Известно также, что XI партийный съезд обсуждал вопрос о 22 членах «рабочей оппозиции», некоторых из них исключил из партии, а на других наложил соответствующие партийные взыскания. Комиссия XI съезда партии, избранная для расследования всех обстоятельств, связанных с деятельностью бывшей группы «рабочей оппозиции», в своем отчете призывала всех членов партии сплотиться—«вокруг партийного знамени за единство» и «самым решительным образом бороться с попытками нарушить это единство, с попытками внутри нашей партии создать какие бы то ни было чуждые организации, ведущие к разложению и ослаблению ее рядов».

О п п о з и ц и я 1923. В 1920—21 троцкизм, хотя и стоит во главе антипартийной борьбы, все же еще не объединяет вокруг себя всех оппозиционных группировок. В 1923—24 и особенно в 1925—27 троцкизм выступает уже не только в качестве идейного вдохновителя всех фракционных групп, но и организационно сплачивает их, вплоть до «рабочей оппозиции», в единый оппозиционный блок против партии. Выступления Троцкого в конце 1923 и в 1924 имели свою прелюдию в начале 1923, перед XII партийным съездом. Это было связано с докладом о промышленности, стоявшим в порядке дня XII съезда. В комиссии по выработке резолюций, а затем и в Центральном Комитете обнаружились по этому поводу некоторые разногласия. Главнейшие из них были связаны с параграфами 1 и 12-м проекта резолюции о промышленности. В проект резолюции, представленный Троцким, Политбюро внесло 2 поправки: первая—о значении сельского х-ва и вторая—о взаимоотношении партии и хозяйственных органов. В письме членов Политбюро (март 1923) указывается, что формулировки Троцкого представляют собой опасность «неправильной ориентировки партии в основных вопросах момента».— В формулировке Троцкого о сельск. х-ве было сказано, что деятельность Советского государства в с.-х. области «будет, однако, в течение очень продолжительного еще периода иметь преимущественно вспомогательный, содействующий хозяйственно - педагогический характер». А поправка Политбюро, внесенная и в проект резолюции, говорила о «первенствующем значении» сел. х-ва для всей экономики страны. В цитированном выше письме было указано, что эта поправка имеет «программный характер». Далее, констатировалось, что у Троцкого здесь налицо «недооценка роли крестьянства». Ошибка Троцкого характеризовалась как «ошибка вопиющая, ошибка, идущая вразрез с традициями большевизма, ошибка, чреватая громадными последствиями».— По вопросу о партии и хозорганах Троцкий ставил ударение на «разграничении партийной и советской, в частности, хозяйственной работы», и настаивал «на более полном и систематическом проведении этой резолюции в центре и на местах». Отсюда шли уже и отдельные «критические» замечания о неправильностях в распределении хозяйственников, об их частом смещении и т. д. В поправке Политбюро ни в малейшей мере не отрицались все имеющиеся в практике распределения неправильности, но ударение в вопросе о партии и хозорганах ставилось на том, что в нынешний хозяйственный период «руководство работой хозорганов в основных пунктах советского строительства является и должно явиться основным содержанием работы партии». В письме Политбюро указывалось, что своей формулировкой Троцкий «подает палец тем, кто добивается ликвидации руководящей роли партии».

При этом подчеркивалось, что если Троцкий не исправит эту свою ошибку, то завтра эти элементы возьмут у него «не палец, а всю руку».—Необходимо отметить, что в период перед XII партийным съездом у Троцкого снова обнаруживался целый ряд разногласий с Центральным Комитетом партии. Так, по случаю 25-летнего юбилея партии, Троцким в «Правде» была помещена статья «Мысли о партии», в которой он выдвигал положение, что партия должна «править, но не управлять», бросал слова о «губкомовской обломовщине» и т. д. Центральный Комитет предупреждал Троцкого, что «все скрытые разногласия, оттенки, группировки могут прорваться наружу и осложнить работу нашей организации». Центральный Комитет указывал, что «общая противоречивость текущей действительности является почвой, крайне благоприятной для этого». Это предупреждение со стороны Центрального Комитета было весьма своевременным, так как все данные говорили за то, что оппозиция перед XII партийным съездом уже подготовляла свое выступление. По нек-рым причинам оно было отложено, но ни в коем случае не снято с порядка дня. В своем письме от 8 октября 1923 Троцкий говорит об этом довольно откровенно, конечно, наряжаясь при этом в тогу сторонника единства партии. На сентябрьском пленуме 1923 Троцкий не заявил о каких бы то ни было разногласиях с Центральным Комитетом и партией, хотя пленум и обсуждал целый ряд важнейших вопросов внешней и внутренней политики. А 8 октября он в письме к членам ЦК и ЦКК уже выступает с фракционной платформой, направленной против партии. В своем письме Троцкий бросает целый ряд тягчайших обвинений по адресу Центрального Комитета, говорит о том, что надвигается кризис «исключительной остроты», что «руководства хозяйством нет», что «хаос идет сверху», что мы имеем «резкое ухудшение внутрипартийного положения» и «возросшую оторванность ЦК от партии». Причины этого Троцкий видел в двух обстоятельствах: во-первых, «в корне неправильный и нездоровый внутрипартийный режим» и, во-вторых, «недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением, к-рое сложилось не только в результате объективных трудностей, но и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики». После подобной мотивировки этих своих «обвинений», Троцкий в конце письма заявил, что он считает «ныне не только своим правом, но и своим долгом высказать то, что есть, каждому члену партии». Этим письмом была дана фракционная платформа для всей дискуссии 1923—24. Вслед за письмом Троцкого, 15 октября 1923, было выпущено заявление 46-ти. Это заявление почти целиком и полностью повторяло письмо Троцкого. В заявлении 46-ти давалась резко пессимистическая характеристика положения в стране и в партии, и черным по белому было написано, что «хозяйственный кризис в Советской России и кризис фракционной диктатуры в партии, в случае, если бы создавшееся положение не было в ближайшее время радикально изменено, нанесут тяжелый удар рабочей диктатуре в России и российской рабочей партии».

На письмо Троцкого от 8 октября 1923 Политбюро ответило обращением ко всем членам ЦК и ЦКК от 19 октября. В этом ответе Политбюро указывало, что Троцкий «выступает в качестве зачинщика борьбы против ЦК, в качестве инициатора, дающего лозунг наступления на ЦК в трудный момент международного положения». В ответе также указывалось, что заявление 46-ти представляет собой лишь «перепев письма Троцкого» и образец «планового», «маневренного», «координированного выступления». Здесь же отмечалось, что Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии. После письма Троцкого и заявления 46-ти дискуссия с чрезвычайной остротой развернулась в Московской организации, а затем и во всей партии. И это несмотря на то, что объединенный пленум ЦК и ЦКК (25—27 окт. 1923) с представителями 10 крупнейших партийных организаций осудил фракционное выступление Троцкого и 46-ти. Одновременно с этим пленум одобрил «своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию» и предложил Политбюро ускорить работу ряда комиссий, назначенных Политбюро и октябрьскими пленумами ЦК и ЦКК (о «ножницах», о заработной плате и о внутрипартийном положении).

5 декабря, в исполнение решения октябрьских пленумов ЦК и ЦКК, Политбюро вынесло известную резолюцию «о партстроительстве». После этой резолюции дискуссия сразу пошла на убыль. Но она снова начинается, и при этом с еще большей обостренностью, после того как Троцкий 11 декабря, т. е. почти буквально на другой день после единогласно принятой резолюции, выступил с письмом «К партийным совещаниям». Этот фракционный документ был немедленно распространен во всех районах Московской организации. Если письмо Троцкого от 8-го октября и заявление 46-ти от 15 октября были фракционной платформой, то письмо Троцкого от 11 декабря явилось уже не чем иным, как комментариями к платформе, причем такими комментариями, к-рые в значительной степени усилили все клеветнические обвинения против партии и еще более резко подчеркнули антибольшевистский характер всех домогательств Троцкого и идущего за ним фракционного блока.

В декабрьском письме Троцкий снова повторял все свои обвинения о «партийном бюрократизме», об «аппаратном централизме», о «далеко зашедшем бюрократическом перерождении партийных нравов и отношений», о «пассивном послушании», о «механическом равнении по начальству» и т. д. Он противопоставлял партийный аппарат партии, выдвигал лозунг «перетряхивания» партийного аппарата, противопоставлял молодежь партийным кадрам, весьма прозрачно намекал на то, что «старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма», извращал большевистские основы партийной дисциплины и скатывался к провозглашению свободы группировок внутри

партии. Это был разрыв с ленинизмом.— В развернувшейся дискуссии сторонники возглавляемого Троцким оппозиционного блока на все лады повторяли и комментировали эти крылатые троцкистские словечки. Сапронов писал о том, что надо преодолеть «косность партийного аппарата, упорно цепляющегося на деле, несмотря на всякие резолюции, за старые негодные методы». Он говорил: «мы произвели чистку партии», а «теперь надо просмотреть наш офицерский состав». При чем предлагал это начать делать немедленно. Другой сторонник троцкистского блока, Рафаил, на одном дискуссионном собрании прямо заявил, что «наша партия, по сути дела, превратилась в армейскую организацию, дисциплина в ней армейская, и что, в виду этого, весь аппарат партии необходимо перетряхнуть сверху донизу, как негодный». Оценивая выступление Троцкого, Сталин писал: «Троцкий состоит в блоке с демократическими централистами и частью левых коммунистов—в этом политический смысл выступления Троцкого».

24 декабря Политбюро приняло резолюцию «об очередных задачах экономической политики». В ответ на это, четыре оппозиционных экономиста на собрании московского партактива выступили со своей платформой. Этим своим выступлением по вопросам хозяйственного строительства оппозиция обнаружила, что в этих вопросах она в состоянии лишь твердить «зады», вносить «поправочки» и заниматься безответственной критикой партийного руководства. В оппозиционной резолюции мы находим повторение обвинения в «отсутствии плана и руководства», разговоры о создании «стройной и связной системы государственного хозяйства», панику перед успехами частного капитала, требования к промышленности, чтобы она во что бы то ни стало добивалась «наибольшей прибыли», отрицание целесообразности активного торгового баланса, непонимание (и даже отрицание) исключительного значения денежной реформы для восстановления хозяйства и предложение «широко применять товарную интервенцию». Оппозиция носилась с «планом» превыше всякой меры, совершенно забывая о предупреждении Ленина, что «самая большая опасность— это забюрократизировать дело с планом». 13 партийная конференция (январь 1924) давала такую оценку экономической «платформе» оппозиции: «в вопросах экономики „оппозиция“ проявила наибольшее банкротство, не сумев абсолютно ничем подкрепить свои обвинения против ЦК партии и не попытавшись даже противопоставить политике партии сколько - нибудь систематические предложения по вопросам хозяйства». И, далее, в резолюции конференции было указано, что «в критике хозяйственной политики партии» у оппозиции имеются «два оттенка»: первый из них «отдает обильную дань „левой“ фразе против нэпа вообще, а второй бросает обвинение в том, что Центральный Комитет „недостаточно идет навстречу иностранному капиталу“». За время дискуссии оппозиция наговорила также изрядное количество оппортунистических безделиц и в вопросах международной политики.

Общая характеристика оппозиции 1923 была дана резолюцией 13 партийной конференции в таких словах: «в лице нынешней „оппозиции“ мы имеем перед собой не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон». Состоявшийся в январе 1925 объединенный пленум ЦК и ЦКК особо подчеркнул, что «Троцкий в эту дискуссию стал уже совершенно явственно рупором мелкобуржуазного уклона. Он вновь толкал партию на политику, которая могла погубить революцию, ибо эта политика подрезывала хозяйственные успехи партии в самом зародыше».—Выступление троцкизма против партии в 1923 имело свое продолжение в конце 1924. В своей брошюре «Новый курс», выпущенной к 13 партийной конференции, Троцкий, между прочим, писал: «Что касается теории „перманентной революции“, то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—5—6 гг. и позже». Эта исключительная по своей развязности уверенность в том, что в оценке движущих сил революции прав был он, Троцкий, а не Ленин, и легла в основу выступления Троцкого с введением «Уроки Октября» (в части 1-й, тома III сочинений Троцкого), написанным им в сент. 1924. Этим своим введением Троцкий показал, что его троцкистско - меньшевистское прошлое полностью тяготеет над его настоящим. Во введении он целой системой искусно построенных и ловко подстроенных намеков и полунамеков стремился дискредитировать центральное партийное руководство. Наряду с этим, он развил обширную аргументацию, весь смысл которой заключался в том, чтобы доказать правильность полуменьшевистской «теории» Троцкого о «перманентной революции». «Введение» 1924 к «1917» было худшим изданием «Предисловия» 1922 к «1905»: оно свидетельствовало о том, что Троцкий реставрирует все свои былые полуменьшевистские ошибки и переходит в решительное наступление против партии.

Январский (1925) объединенный пленум ЦК и ЦКК, давая характеристику фракционным выступлениям Троцкого в 1923 и в 1924, отмечал, что «размеры расхождения т. Троцкого с большевистской партией, т. о., из года в год, а в последнее время—из месяца в месяц возрастают; само прошлое „ревизуется“ для того, чтобы „подготовить платформу нынешних актуально-политических разногласий“». Пленум также отметил, что «ныне происходящая дискуссия обнаружила еще более серьезные всеобъемлющие разногласия между т. Троцким и большевистской партией. Дело уже теперь явно идет о двух противостоящих друг другу во всем основном системах политики и тактики. В нынешней дискуссии т. Троцкий открыл уже прямой поход против основ большевистского мировоззрения». Это делало Троцкого и троцкистскую оппозицию не только «рупором мелкобуржуазного уклона», но и центром тяготения всех небольшевистских и антибольшевистских элементов как в нашей стране, так и вне ее. И если фракционное выступление Троцкого и группы его едино-

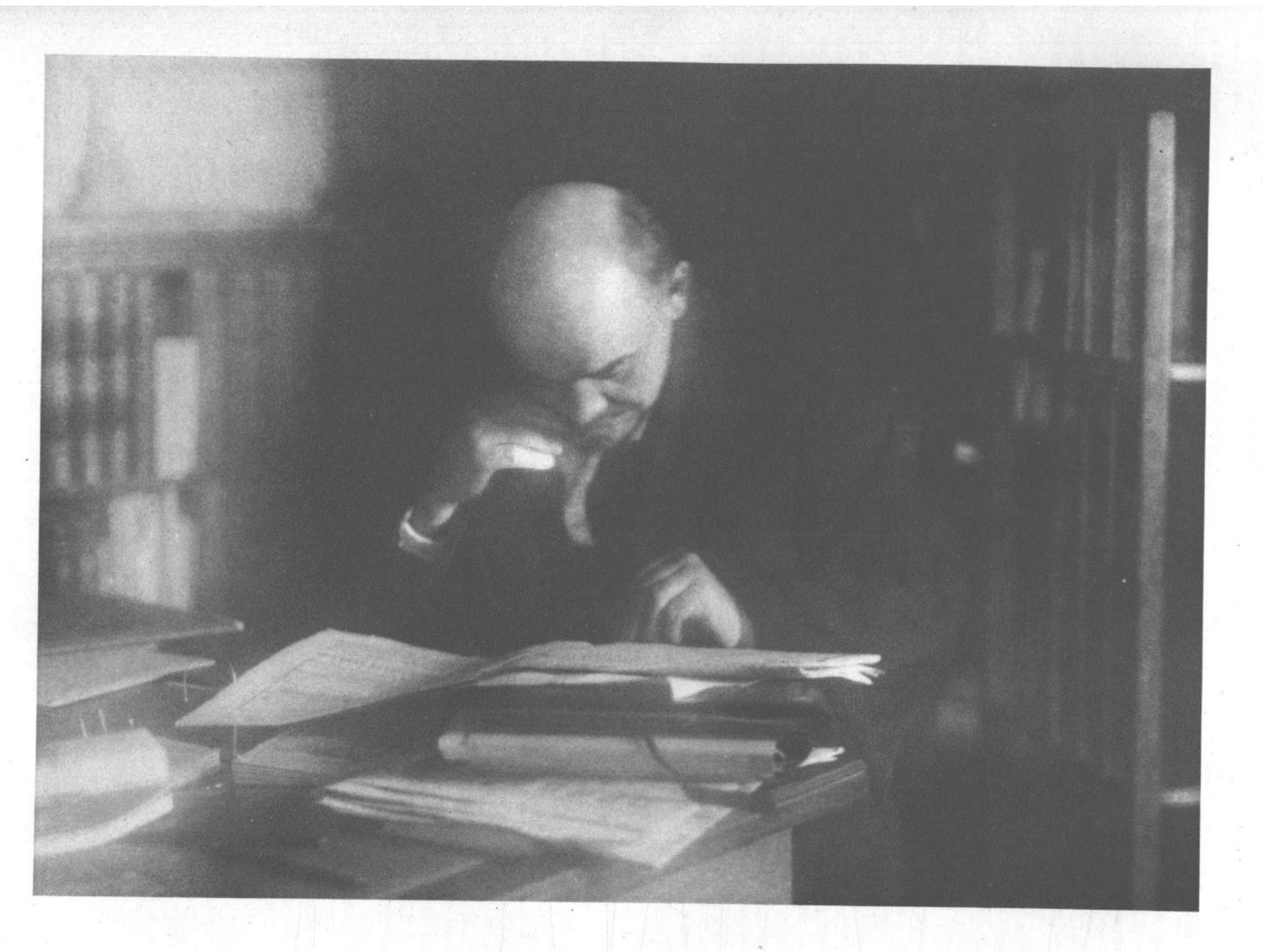
мышленников против партии в 1923—24 отбросило их от партии, то еще более «последовательно» антипартийное и антибольшевистское выступление троцкистского блока всех оппозиционеров в 1926—27 многих из них выбросило из партии, а некоторых привело в лагерь открытой буржуазной контрреволюции.

Оппозиция 1925—1927. Троцкистская оппозиция 1923 совершала свои антипартийные походы в переходный момент от первой половины восстановительного периода ко второй, от «первых признаков» начинающегося хозяйственного возрождения к бурному экономическому подъему, пересеченному в конце 1923 кратковременным, но острым кризисом сбыта, к-рый подчеркивал исключительное значение для строительства социализма смычки между социалистической индустрией и экономикой мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Троцкистская оппозиция 1926 совершала свои антипартийные походы и контр-революционные вылазки при переходе от восстановительного периода к периоду социалистической реконструкции, пересеченному хозяйственными затруднениями конца 1925, дававшими в основном общий тип затруднений реконструктивн. периода, практика которого выдвигала перед партией целый ряд важнейших теоретических вопросов и, в первую очередь, вопрос о возможности строительства социализма в одной стране.

В наст. время нет надобности останавливаться на истории борьбы троцкистск. оппозиции последней формации против большевистской партии и на истории разгрома этой оппозиции стальной ленинской партией. Мне представляется лишь необходимым дать характеристику главнейшего направления этой борьбы, все подробности к-рой еще очень свежи в памяти партии.—На 15 партийной конференции (октябрь—ноябрь 1926) Сталин говорил: «Основной вопрос, разделяющий партию с оппозиционным блоком, это—вопрос о том, возможна ли победа социализма в нашей стране, или, что то же, каков характер и каковы перспективы нашей революции». И в этом основном вопросе оппозиция целиком и полностью встала на троцкистскую точку зрения. В апр. 1925, на 14 партийной конференции, Зиновьев выступал с защитой резолюции, в которой утверждалась теория возможности победы социализма в одной стране и одновременно самым категорическим образом опровергалась троцкистская теория о том, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Но, вступив на путь борьбы с ленинизмом, оппозиционный блок очень быстро попал в плен к этой капитулянтской троцкистской теории, тем более, что перед 14 партийной конференцией у Зиновьева и у Каменева были колебания в вопросе о строительстве социализма в одной стране, и при этом колебания троцкистского типа. В заявлении 83-х категорически утверждалось, что «вместо марксистского анализа действительного положения пролетарской диктатуры в СССР, партии преподносится неверная, мелкобуржуазная „теория социализма в одной стране“, не имеющая ничего общего с марксизмом, с ленинизмом». А на августовском объединенном пленуме ЦК и ЦКК в 1927 Зиновьев заявил, «что эта теория, созданная т. Сталиным, примерно, в 1925 г., противоречит принципам марксизма». Это было основой для целого ряда крупнейших ошибок и недопустимейших извращений ленинизма, к-рые были сделаны оппозиц. блоком между XIV и XV партийными съездами. Отсюда происходит и та грубейшая ошибка троцкистской оппозиции, которая состояла в том, что она «механически переносила закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь, т. о., в хвосте буржуазных идеологов». Вне всякого сомнения, при диктатуре пролетариата в сел. х-ве имеет место борьба социалистических и капиталистических тенденций. Но сосредоточение в руках Советского государства могучих ресурсов социалистического сектора является мощным орудием для направления развития деревни в русло социализма. Рост тяжелой индустрии и укрепление новых форм смычки (контрактация, машиноснабжение, колхозы, совхозы и т. д.) в максимальной степени усиливают возможность государственно-планового регулирования сельск. хозяйства и тем самым направление его по социалистическому пути. Это обстоятельство не может не накладывать свой отпечаток на процесс расслоения советской деревни. В соответствии с этим, в тезисах ЦК о работе в деревне (на октябрьск. пленуме 1927) указывалось, что «налицо имеется процесс усиления группы середняков при нек-ром пока еще росте кулацкой группы за счет зажиточной части середняков и при сокращении групп бедноты, на которой нек-рая часть пролетаризуется, а другая, более значительная часть, постепенно передвигается на группу середняков». Оппозиция обнаружила полнейшее непонимание ленинской точки зрения в этом важнейшем вопросе, внеся в него типично троцкистские искажения. В заявлении 83-х говорится о том, что «дифференциация крестьянства идет все возрастающим темпом», а Смилга на октябрьском пленуме утверждал, что и при диктатуре пролетариата «процесс расслоения деревни, процесс капиталистического развития деревни не могут развиваться иначе, как в противоречиях», т. е. «с одной стороны, растет, формируется капиталистическое хозяйство, с другой стороны, происходит процесс обезземеливания, пролетаризации и пауперизации бедняцких слоев».

Прочно обосновавшись на теоретической платформе троцкизма, оппозиционный блок договорился до утверждения о термидорианском перерождении диктатуры пролетариата и выступил с обвинением партии в термидорианстве. В конце 1925 будущие лидеры троцкистской оппозиции (Зиновьев и Каменев) отмежевывались от подобной клеветнической точки зрения. Но, вступив на путь троцкизма, они очень быстро начали и сами утверждать и с Троцким соглашаться в том,

ВУльянов (Ленин)

что «отношение изменяется не в пользу рабочего и бедняка», что имеется сдвиг с пролетарской линии «в сторону кулака, чиновника, мелкого буржуа», что активность рабочего класса «свертывается», а частно-капиталистических элементов развертывается, что государство у нас—«и без того далеко не пролетарское» и т. д., а отсюда уже рукой подать было и до «философии термидора».—Исходя именно из этого, XV партийный съезд и указывал, что «вся эта идейная установка превратила троцкистскую оппозицию в орудие мелкобуржуазной демократии внутри СССР и вспомогательный отряд международной с.-д-тии за его пределами».

Степень троцкистского падения оппозиционного блока нашла себе выражение и в организационной практике этого универсального объединения осколков всех фракционных групп, когда-либо выступавших против партии. Оформление этого блока произошло между XIV съездом и июльским пленумом ЦК 1926. К июльскому пленуму блок трех «вождей» превратился в головку уже вполне организовавшейся троцкистск. фракции. К XV партийному съезду мы имели уже троцкистскую «партию» со своими местными комитетами, областными комитетами и своим центральным комитетом. Эта «партия» вела разлагающую работу в Коминтерне, была связана с целым рядом исключенных из Коминтерна «врагов и изменников коммунистического движения», вроде Маслова, Рут Фишер, Корша, Суварина и т. д. Она не только усвоила в своем обиходе все троцкистские клеветнические характеристики внутрипартийного режима, но и неслыханно-издевательским образом в своей практике растоптала организационные принципы большевизма. На октябрьском пленуме в 1927 Зиновьев внутрипартийный режим характеризовал как «осадное положение», заявляя при этом, что «бывают обстоятельства, когда фракционные выступления оправдываются».

«Такая организационная практика оппозиции,—как указал в своей резолюции XV партийный съезд,—привела к тому, что внутри СССР оппозиция связалась с беспартийными буржуазными интеллигентами (Щербаков и К°), в свою очередь связанными с открытыми контр-революционерами, а за пределами СССР—стала предметом широчайшей поддержки со стороны буржуазии всех стран» (Стенограф. отч., стр. 1318). Методы действия оппозиции находились в полном соответствии с ее организацией и с ее платформой. Нет надобности описывать весь этот путь троцкистской оппозиции между XIV и XV партийными съездами, к-рый начался с нелегальных собраний, а кончился организацией тайной типографии, уличными демонстрациями и т. д. Этот путь поставил оппозицию не только за грань «устава партии», но и «за грань советской легальности». Исходя именно из этого, XV партийный съезд и подчеркнул, что «антисоветская тактика» оппозиции «фактически поставила оппозицию в один ряд с открытыми врагами страны диктатуры пролетариата» (Стенограф. отч., стр. 1317).—Так. обр., десятилетнее пребывание Л. Троцкого в рядах ВКП (б) закончилось организацией им сначала троцкистской фракции, а затем троцкистской «партии», изобличенной и разгромленной непоколебимой идейной сплоченностью и железной дисциплиной ленинской партии.—Борьба с мелкобуржуазными уклонами в течение последнего десятилетия в гигантской степени закаляла ВКП(б) как партию международных пролетарских революционеров, в целях разрешения всемирно-исторических задач строительства социализма и преодоления всех трудностей, возникающих на этом революционном пути, который не может не быть дорогой к победе мировой революции.

Основные идеи ленинизма. В первое десятилетие существования власти Советов на громадной территории б. царской империи составные части ленинизма получили дальнейшее развитие. Гигантский размах социалистического строительства этого десятилетия, массовый опыт, накоплявшийся в ходе невиданной по объему классовой борьбы, развивал и углублял основные идеи большевизма. Ленинизм, являясь боевой программой международного пролетариата в его борьбе против всемирного империализма, в стране Советов получил значение практической программы строительства социализма, в процесс которого с каждым годом втягивались все более и более широкие массы трудящихся под руководством рабочего класса.

О диктатуре пролетариата. Октябрьская революция создала Республику Советов. Это не только обнаружило в полной мере отличительные особенности этого государства «нового типа», но и с необыкновенной ясностью раскрыло все содержание ленинского учения о диктатуре пролетариата.—Во время войны, в авг. 1916, останавливаясь на вопросе о диктатуре, Ленин еще и еще раз подчеркивал всю исключительную важность для пролетарского дела этого вопроса. Он писал: «Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом с.-д. партии, кто отрицает или только словесно признает ее» (Ленин, Соч., том XIX, стр. 229). Это же положение он многократно развивал, доказывал, подчеркивал и разъяснял на всем протяжении между февралем и октябрем 1917. Одновременно с этим, до Октября, после Октября и в годы гражданской войны Ленин, на основе опыта классовой борьбы и социалистического строительства, шаг за шагом вскрывал все многообразное содержание понятия диктатуры пролетариата как диктатуры самого передового революционного класса.

В книге «Государство и революция» Ленин указывал, что «переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата» (Ленин, Сочинения, том XXI, стр. 393). В силу этого, диктатура пролетариата не могла не быть, была, есть и будет орудием пролетарской революции. И в качестве такового она своим собственным содержанием наглядно показывает все особенности, отличительные черты той громадной преобразующей работы, к-рую производит в своем развитии социалистическая револю

ция. «Пролетариату,—писал Ленин,—необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия, и для подавления сопротивления эксплоататоров и для руководства громадной массой населения—крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле „налаживания" социалистического хозяйства» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 386).

В апреле 1918 Ленин указывает и на другую сторону диктатуры пролетариата, отмечая, что она «преследует обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учета и контроля пролетарской Советской власти, к-рая более прочна, более тверда, чем прежняя» (Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 486). В мае 1919 он, развивая ту же самую мысль, разъяснял, что диктатура пролетариата означает «не только насилие», но и «организацию труда более высокую, чем предыдущая организация» (Ленин, Соч., 1 изд., том XVI, стр. 222). В течение всего 1919 Ленин неоднократно возвращался к вопросу о диктатуре пролетариата. И, м. пр., он указывал на одну сторону этой диктатуры, а именно, что она «может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий» (там же, стр. 447). Это Ленин писал в статье, где он подводил итоги выборам в Учредит. собрание. Та же самая мысль, но в более развернутой и одновременно более сконцентрированной форме, дана им в том же году в таких словах: «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и немногочисленными непролетарскими слоями трудящихся». При этом он указывал, что этот союз является союзом «против капитала», «в целях полного свержения капитала», «в целях окончательного создания и упрочения социализма».

В опубликованных Ленинским ин-том («Ленинский сборник», III, стр. 489—518) черновых набросках и плане не написанной брошюры о диктатуре пролетариата, которые относились ко второй половине 1919 и к началу 1920, Ленин дал исключительный по богатству материал для изучения всего содержания диктатуры пролетариата. Из этого материала здесь берется лишь несколько пунктов, к-рые дополняют понимание диктатуры пролетариата сравнительно с тем, что давалось в предыдущих цитатах. В третьем наброске, в пунктах 4—8, Ленин отмечает «две основные линии (или формы или типа) классовой борьбы при диктатуре пролетариата». Конкретизирует он их следующим обр.: «подавление эксплоататоров», «нейтрализация средних элементов мелкой буржуазии, крестьянства», «подчинение себе враждебного для позитивной работы („спецы")» и «воспитание новой дисциплины». В четвертом наброске, в специальном разделе, озаглавленном Лениным: «Диктатура пролетариата, как новые формы классовой борьбы пролетариата», он указывает на «пять новых (главнейших) задач и новых форм». Кроме указанных в третьем наброске четырех «форм», Ленин в отдельный пункт выделяет «гражданскую войну». При этом в наброске четвертом значительно детальнее, чем в наброске третьем, он вскрывает содержание каждой из этих «новых форм классовой борьбы пролетариата».

В этих набросках Ленин особо и постоянно подчеркивал основное содержание диктатуры пролетариата именно «как руководства трудящимися массами (и всем обществом) со стороны пролетариата» («Ленинский сборник», III, стр. 494). При этом, рассматривая вопрос о классовой борьбе при диктатуре пролетариата, он разъяснил, что «диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах». Подчеркивая указанные слова, он добавлял: «в этом гвоздь, этого не понимают». «Пролетариат,—записывал он тут же,—как особый класс, один продолжает вести свою классовую борьбу».—В этих же набросках он касался вопроса об отношениях пролетариата и крестьянства при диктатуре пролетариата. И здесь он записывал целый ряд таких положений, которые имеют исключительное значение, особенно в деле борьбы с оппортунистическими искажениями ленинской точки зрения в этом вопросе.

В книге «Государство и революция» Ленин тщательно очищает от всех реформистских искажений учение Маркса о государстве. Он особо выделяет идею Маркса о том, что буржуазную государственную машину надо не усовершенствовать, а «сломать». Этот вывод Ленин формулирует в таких словах: «Все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать». При этом он подчеркивает, что этот вывод—«главное, основное в учении марксизма о государстве». Новым типом государства и являются Советы. Они возникли в 1905.—В своем четвертом наброске о диктатуре пролетариата Ленин («Ленинский сборник», III, стр. 518) в специальном разделе: «Диктатура пролетариата и Советская власть» писал: «Открыта (массов. движением пролетариата) форма диктатуры пролетариата». В своей статье «К истории вопроса о диктатуре» (ноябрь 1920) Ленин указывает на тот знаменательный факт, что «основные вопросы (Советская власть и диктатура пролетариата)» оказались «поставленными практически в конце 1905». И Ленин тогда уже (в период революции 1905) отмечал, что Советы являются продуктом «самобытного народного творчества» (Ленин, Сочинения, том IX, стр. 116) и что они являются органами революционной власти.—Во время войны, в 1915, Ленин снова указывает, что «Советы Рабочих Депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти».—После Февральской революции в 1917 Ленин резко ставит вопрос, что Советы есть «единственно возможная форма революционного правительства». В 1919 Ленин пишет о том, что «Советская власть перестала быть рус. формой власти пролетариата. Она стала позицией международного пролетариата в его борьбе за власть» (Ленин, Соч., том XVI,

стр. 15). В цитированном выше третьем наброске о диктатуре пролетариата Ленин в пункте 25-м записывает: «Советы+пролетарская демократия=диктатура пролетариата» («Ленинский сборник», III, стр. 497). А в наброске четвертом он дает специальный большой раздел, посвященный анализу вопроса: «Диктатура пролетариата, как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии» («Ленинский сборник», III, стр. 499).—В тезисах об Учредительном собрании Ленин характеризовал Республику Советов не только как форму «более высокого типа демократических учреждений», но и «единственную форму», способную обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму». Громадное значение советского строя как государства нового типа выражено Лениным в следующих словах: «Диктатура пролетариата—до сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все новые языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами». Характерные особенности советского строя как государства нового типа, при этом «более высокого типа», и как пролетарской демократии нашли свое выражение в целом ряде структурных свойств советской государственной системы. — Из рассмотренного ясно, что ленинское учение о диктатуре пролетариата за эпоху пролетарской революции обогатилось новым содержанием, к-рое целиком и полностью базировалось на теоретич. основах марксизма и на том опыте, к-рый был дан Парижской Коммуной и первой Русской революцией.

О союзе рабочих и крестьян. Ленинское учение о рабоче-крестьянском союзе, являющееся составной частью вопроса о диктатуре пролетариата, за эти же годы тоже самое получило дальнейшее развитие, являющееся продолжением и развитием большевистских идей предшествующей эпохи буржуазно-демократической революции. Во время империалистской войны, несмотря на изменившуюся обстановку как внутри страны, так и в международной области, задача, стоявшая перед пролетариатом и его партией, осталась прежней. В конце 1915 Ленин писал, что пролетариат будет бороться «за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие „непролетарских народных масс" в освобождении буржуазной России от военно-феодального „империализма" (=царизма)» (Ленин, Сочинения, том XVIII, стр. 318). Эту точку зрения Ленин отстаивал и против Плеханова, и против меньшевистского организационного комитета, и против Троцкого. И это было не чем иным, как отстаиванием в новых условиях старого лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Установление режима двоевластия после Февральской революции было, как писал об этом Ленин, «переплетением вместе, воедино» двух диктатур—диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата и крестьянства. Это был «переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до „чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства». Идея рабоче-крестьянского союза в этих условиях ставилась по-новому, т. е. с учетом тех особенностей в соотношении классовых сил, которые были характерны для первых месяцев после Февральского переворота. И одной из этих особенностей было то, что мелкобуржуазные массы (а вначале даже и большинство рабочего класса) поддались «угару» революционного «оборончества». В таких условиях важнейшей задачей было отделение пролетарских элементов от мелкобуржуазных, «высвобождение пролетарской линии из „массового" оборонческого и мелкобуржуазного угара» (Ленин, Соч., том XX, стр. 108).

В таких условиях, именно для того, чтобы подготовить реальную возможность осуществления союза рабочих и крестьян, надо было обеспечить в этом союзе руководящую роль рабочему классу, а следовательно— прежде всего надо было внутри своеобразно осуществившейся революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (Советы рабочих и солдатских депутатов) произвести раскол элементов пролетарских и элементов «мелко-хозяйских», выделить, оформить, укрепить пролетарскую, антиоборонческую интернацион. позицию.— Примерно 15 лет перед этим, совершенно в иных условиях, в ином разрезе, по иному поводу, теоретически, а не практически, аналогичным образом—аналогичным в смысле, конечно, только общей постановки—ставил Ленин вопрос об отношении пролетариата и мелких производителей. Это было в 1902, во время программных споров внутри редакции «Искры». Тогда, в 1902, в предреволюционный период, при наличии только еще начавшего подниматься крестьянского движения, в среде небольшой группы людей, стоявших во главе только еще складывающейся подпольной партии, чисто теоретически, возник спор об отношении пролетариата и мелкой буржуазии. И этот же вопрос в 1917, после свержения царизма, встал уже не как теоретический вопрос, а как вопрос тактики партии, бывшей тогда в ничтожном меньшинстве, но уже развертывавшей свое боевое знамя для подготовки штурма против капитализма. Эпохи были разные, но постановка вопроса о роли пролетариата в отношении к руководству мелкой буржуазии была аналогичная в том смысле, как это указано выше. В 1902 Ленин писал в своих замечаниях на комиссионный проект программы: «Чтобы иметь право говорить о движении пролетариата, о классовой его борьбе и даже о классовой диктатуре, — обязательно сначала выделить этот один класс, а потом уже сделать добавление и его роли представителя» (Ленин, Сочинения, т. V, стр. 41). И затем, в дополнительных замечаниях на тот же проект программы, Ленин указывал, что «желательно привлечь всех мелких производителей, конечно», но «обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно и исключительно пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех

освободит, всех зовет, всех приглашает». И добавлял к этому: «Я согласен на это „потом“, но я требую раньше этого „сначала“» (там же, стр. 48). А в заключение Ленин формулировал следующее положение: «У нас в России дьявольские муки „трудящейся и эксплоатируемой массы“ не вызывали никакого народного движения, пока „горстка“ фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта „горстка“ гарантирует ее ведение, продолжение, расширение» (там же, стр. 45).

В 1917, после свержения царизма, в условиях перехода от первого этапа революции ко второму, в обстановке «массового» оборонческого мелкобуржуазного угара, когда подавляющее большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов было на стороне меньшевистско-эсеровского блока, когда мы, партия революционного пролетариата, были в меньшинстве и ставили своей очередной главнейшей задачей «терпеливое» разъяснение массам действительного положения дел в стране, их интересов и их задач,—в это время партия добивалась выделения пролетарской линии, высвобождения пролетарских элементов в Советах.—Ин-том Ленина опубликован план брошюры об Апрельской конференции, составленный Лениным после 6 (19) мая 1917, и в этом плане, м. пр., Ленин давал такую генеральную установку: «Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний—влиять на массы убеждением, „разъяснением“—готовиться к краху и революции в 1.000 раз сильнее Февральской» («Ленинский сборник», IV, стр. 290). Т. о., в эпохи, разделенные пятнадцатилетним промежутком, в важнейшем вопросе об отношении пролетариата и мелкой буржуазии, Ленин, в смысле общего направления, давал одну и ту же генеральную установку.

В 1917 шла борьба за крестьянство между большевиками и эсерами. Крестьянское движение начинает развертываться с марта, до июля оно нарастает «в условиях своеобразной легальности». В предисловии к сборнику Центрархива «Крестьянское движение в 1917 г.» указывается: «К июлю аграрное движение достигает исключительного уровня организованности. Оно становится в преобладающем количестве случаев движением, открыто возглавляемым всей системой эсеровских организаций, захвативших в свои руки крестьянские комитеты и советы». С августа эта эсеровская «организованность» начинает разрушаться, и движение приближается «к типу гражданской войны». В сент. и окт. движение резко обостряется и «поднимается на уровень крестьянской войны». В этой обстановке партия большевиков завоевала свое влияние на крестьянство именно потому, что она выступила против мелкобуржуазного оборонческого блока, «выделила» пролетарскую линию и, учтя своеобразие перехода от первого этапа революции ко второму, вместо старого лозунга о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, выдвинула лозунг социалистической диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.—Ленин придавал в этот период важнейшее значение осуществлению и укреплению рабоче-крестьянского союза. В письме к Смилге [10 окт. (27 сент.) 1917] он писал: «Вы можете начать сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, к-рый один может нам дать прочную власть в России», и добавлял: «надо пользоваться вашим счастьем (у вас левые социалисты-революционеры), чтобы во имя этой фирмы провести в деревне блок большевиков с левыми социалистами - революционерами, крестьян с рабочими, а не с капиталистами» (Ленин, Соч., том XXI, стр. 230—231). И положительные результаты этой политики были налицо, так как именно эта политика большевиков подготовила октябрьский союз рабочих и крестьян, давший им победу и обеспечивший «триумфальное шествие» Революции в первые месяцы после Октябрьского переворота.

2 Съезд советов крестьянских депутатов принял резолюцию о доверии Советской власти, одобрил ее декреты и 15 ноября пришел в Смольный, где торжественное заседание двух ЦИК приняло резолюцию, выражавшую «твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян, этот братский союз всех трудящихся и эксплоатируемых, укрепляя завоеванную ими государственную власть и принимая со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс в других более передовых странах, обеспечит таким образом прочную победу делу справедливого мира и делу социализма».

В письме в редакцию, написанном во время крестьянского съезда, Ленин подчеркивал, что «коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплоатируемых крестьян нет. Социализм вполне может удовлетворить интересы тех и других. Только социализм может удовлетворить их интересы». К этому он здесь же добавлял: «Отсюда возможность и необходимость „честной коалиции“ между пролетариями и трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 89). В смысле основного направления здесь Ленин и партия большевиков целиком и полностью действовали по формуле 1902, т. е. «сначала отгородить себя от всех, сначала выделить один только пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает».

После Октябрьского переворота в отношении союза рабочих и крестьян было закреплено то, что было подготовлено на протяжении между мартом и октябрем. И здесь диктатура пролетариата обнаружила себя как орудие привлечения пролетариатом на свою сторону трудящихся масс, как инструмент для «нейтрализации» середняцкого крестьянства. В статье об итогах Учредительного собрания (декабрь 1919) Ленин писал, что «российский пролетариат отвоевал у эсеров крестьянство и отвоевал, в сущности, через несколько часов после завоевания пролетариатом государственной власти».—Во второй половине 1918 кулакам была объявлена «беспощадная война» и были ор-

ганизованы комбеды. На 5 Съезде Советов (в июле 1918) Ленин говорил, что на организацию комбедов мы шли потому, что только союз городов и деревенской бедноты и тех, кто имеет запасы, но не спекулирует,—только такой союз является единственным средством этой борьбы. И тут же он подчеркивал, разоблачая «россказни буржуазии»: «нет, не только с крестьянами беднейшими, но и со средними мы не боремся». Это был период, когда «в деревне выделились пролетарские и полупролетарские элементы» и когда «Октябрьская Революция городов» стала Октябрьской Революцией и «для деревни».—В 1918—21 развертывается и победоносно заканчивается гражданская война. В заключительном слове на VIII партийном съезде (март 1919) Ленин, давая характеристику положения, говорил: «Это будет последнее тяжелое полугодие». И действительно, за период гражданской войны вторая половина 1919 была «тяжелым полугодием». На VIII съезде партии принимается партийная программа и рассматриваются три важнейших вопроса: крестьянский, национальный и военный. — После борьбы в деревне во второй половине 1918, после комбедов, когда «деревня перестала быть единой», вопрос о середняке перестал быть вопросом о его «нейтрализации», в отношении к нему мы должны были встать «на почву прочного союза». В своем докладе на VIII съезде партии Ленин называл эту задачу задачей «более высокого порядка» и указывал, что «мы не могли ее поставить во всей широте, пока не были обеспечены основы существования Советской Республики». В этом была отличит. особенность в постановке вопроса о рабоче-крестьянск. союзе в период гражд. войны против буржуазно - помещичьей контр - революции, поддерживаемой империализмом Антанты.

В своей книге «Детская болезнь левизны в коммунизме» (май 1920) Ленин писал о том, что мелких товаропроизводителей «нельзя прогнать», что «с ними надо у ж и т ь с я». При чем Ленин подчеркивал, что «их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой». Так. обр., лозунг «ужиться» с мелкими товаропроизводителями в большевистско-ленинском, а не в обывательско-меньшевистском смысле, означал «ужиться» при непременной постановке задачи их перевоспитания, т. е. при обязательном условии руководства со стороны рабочего класса.—Переход от войны к миру создал новую обстановку. В опубликованных Ленинским ин-том рукописях («Л е н и н с к и й с б о р н и к», IV, стр. 371—379), содержащих план и конспекты отдельных частей брошюры «О продовольственном налоге», относящихся к марту—апрелю 1921, Ленин, между прочим, писал, что в апреле 1918 и в апреле 1920 переход от войны к мирному строительству мы представляли себе «к а к п р о с т о й п е р е х о д на тех же рельсах п о л и т и к и», и тут же он отмечает, что это—переход сложный: «иные отношения к крестьянству, иной темп, иная обстановка». «Теперь,—пишет он,—гвоздем, оселком становится (стало) увеличение продуктов, следовательно—ставка на середняка в земледелии. Старательный крестьянин—как „центральная фигура" нашего хозяйственного подъема». А в первом из этих конспектов отдельный пункт он озаглавливает: «Пути перехода к социалистическому земледелию» и под этим заголовком ставит: «мелкий крестьянин, колхозы, электрификация». При переходе к нэпу характер союза рабочего класса и крестьянства изменился. Во время гражданской войны это был военный союз. Но и этот военный союз, как отмечал Ленин, «не мог бы продержаться и несколько недель без известного экономич. союза названных классов». Это Лениным было написано в «тезисах о тактике РКП (б)» для III конгресса Коминтерна (июль 1921). А в речи на конгрессе на ту же тему Ленин говорил, что «от военного союза мы должны перейти к экономическому».

В цитированных выше рукописях Ленин, м. пр., останавливался на вопросе «о различии между союзом рабочих и крестьян против Деникина и этим же союзом в экономическом строительстве» (цитата взята из редакционного введения к опубликованным Ленинским рукописям). Ленин писал: «Союз этот против Деникина и К° не то, что союз этот же в э к о н о м и ч е с к о м строительстве. Первый—буржуазная революция. Второй—социалистическая революция». Таким обр., при постановке вопроса о союзе рабочих и крестьян в условиях нэпа, Ленин с чрезвычайной тщательностью учитывал всю особенность обстановки, создавшейся после окончания войны. Он неоднократно разъяснял и подчеркивал, что основной задачей является задача «увеличения продуктов». Но в то же время он неустанно подчеркивал и вторую важнейшую часть вопроса о смычке.—В своем докладе о продналоге на парт. конференции в мае 1921 он, останавливаясь на вопросе об установлении отношений между рабочим классом и крестьянством, говорил, что сама по себе эта формула совершенно неопределенная. «Если не иметь в виду,—говорил Ленин,—что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, останется формулой, к-рую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят». А в заключительном слове по тому же докладу он еще раз указывал, что руководить крестьянством «это значит вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя».

В 1922 на IV конгрессе Коминтерна Ленин, оценивая результаты новой экономической политики за год, говорил, что «крестьянство довольно своим настоящим положением» и что «это достигнуто в течение одного года». На XI партийном съезде Ленин, подчеркивая исключительное значение вопроса о смычке между «новой экономикой» и крестьянской экономикой, говорил о том, что «этому соображению надо все подчинить». И здесь же он указывал, что за год мы доказали, «что хозяйничать мы не умеем»

и что на нас надвигается новый экзамен— либо мы докажем, что «умеем помочь» крестьянину либо «он нас пошлет ко всем чертям». — В опубликован. Ленинским институтом письме Ленина «О тезисах т. Преображенского», написанном им перед XI партийным съездом, Ленин предлагал составить «Письмо ЦК» о постановке работы в деревне «с обязательным указанием, как кооперировать, как „ограничивать" кулаков, не приостанавливая роста производсил, как вести дело Всеработземлесу, как его усилить и т. д. и т. д.».—Новая экономич. политика была политикой укрепления диктатуры пролетариата. «Мы сейчас отступаем назад,— писал Ленин, — но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики». — Кризис сбыта конца 1923 с чрезвычайной остротой вскрыл «узкие места» нашей экономики при выходе ее из первоначального периода нэпа. Низкие цены на с.-х. продукты, при крайне пониженной платежеспособности крестьянского рынка, и высокие цены на промышленные товары—это было характернейшей чертой экономического положения 1923—24. Наряду с этим, вскрылась также и слабость нашей партийной работы в деревне. Этот период ознаменовался целым рядом фактов, характеризовавших колебания внутри крестьянства. — На октябрьском пленуме Центрального Комитета в 1924 т. Молотов это явление характеризовал, ссылаясь на Грузинское восстание. «На примере Грузии,—говорил он,—мы имеем такой яркий факт разрыва партии в деревне с крестьянской массой, к-рый для всей партии в целом не может пройти даром. Мы не можем пропустить этот факт мимо ушей, ибо это грозит еще большими осложнениями для партии и для более крупных, чем Грузия, территорий Советского Союза». Касаясь этого же вопроса в своем докладе на совещании секретарей деревенских ячеек, т. Сталин подчеркивал, что «события в Грузии нужно считать показательными. То, что произошло в Грузии, может повториться по всей России, если мы не изменим в корне самого подхода к крестьянству».

Эти факты нек-рого недовольства среди крестьянства имели место в обстановке как постепенно поднимающегося с. х-ва, так и при наличности начавшегося бурного роста промышленности. Производным результатом этого были все более и более повышающаяся экономическая требовательность миллионов крестьянских хозяйств, материально-культурный подъем широких масс рабочего класса и растущая политическая активность как рабочего класса, так и крестьянства. В силу этого, необходимо было, как отмечал т. Молотов на октябрьском пленуме 1924, «повести борьбу как с остатками и пережитками военного коммунизма нашей работы в деревне, так и с наростами периода нэпа». Но колебания среди крестьянства не только обратили внимание партии на «подход» к крестьянству, но и вызвали явно паникерские предложения о создании беспартийной крестьянской фракции с центральной газетой во главе. На октябрьском пленуме по этому поводу т. Сталин говорил так: «Но, оживляя Советы и вовлекая в дело управления страной сотни и тысячи беспартийных крестьян, не следует все же перегибать палку и выпускать из рук руководство. Руль должен остаться в партии теперь больше, чем когда бы то ни было. Тут говорят нек-рые товарищи о создании беспартийной крестьянской фракции с центральной газетой во главе. Я против этого, товарищи. Это—увлечение».

Главнейшим лозунгом этого периода был лозунг оживления Советов, в результате к-рого можно было «выковать актив из беспартийных крестьян». В 1925 все отличительные черты крестьянской политики партии этого периода получили конкретное выражение в решениях апрельского и октябрьского пленумов ЦК, а также и в решениях 14 партийной конференции. Важнейшим фактом в состоянии с.х-ва этого периода была «замедленность в росте хозяйственной жизни деревни», что имело место в 1924—25 в сравнении с предыдущим годом, а одновременно с этим налицо была и слабая обслуживаемость деревенского рынка со стороны государственной промышленности, в силу чего наблюдалось «явное ненасыщение» деревенского рынка почти всеми промышленными товарами. В связи с этим, необходимо было принять также во внимание, что «нэп преимущественно нашел себе выражение в развитии рыночных отношений в городе и отчасти только в развитии рыночных отношений между городом и деревней». Отсюда совершенно неизбежно вытекала постановка задачи «всемерного содействия и помощи сел. х-ву, всей основной массе крестьянских хозяйств в деле их восстановления, подъема и действительного роста». Эта задача была чрезвычайно важна сама по себе, но, пожалуй, еще более важна она была с точки зрения задачи максимального развития социалистической промышленности.

Советская власть в этот период должна была «всеми мерами укрепить социалистические элементы хозяйства, т. е. крупную промышленность», одновременно с этим «максимально используя в своих интересах» развитие рыночных отношений, «развитие к-рых в настоящий период должно пойти на укрепление пролетарского государства». Конечно, при таких условиях необходимо было «считаться с укреплением индивидуальных мелких крестьянских хозяйств», но тем большее внимание нужно было направить на то, чтобы «укреплять основы социалистической экономики». Именно поэтому исключительно важное значение приобретало практическое осуществление ленинского кооперативного плана. Вопрос о кооперировании деревни являлся важнейшей задачей этого периода. Надо было также итти по пути дальнейшего развития крупных советских хозяйств и колхозного движения. — В резолюции 14 парт. конференции по докладу т. Молотова было указано на необходимость всемерного содействия «делу подъема и особенно хозяйственного объединения крестьян через развитие кооперирования, которое (кооперирование) в соединении с государственным кредитом является основным ус-

ловием для постепенного приобщения крестьянских масс к социалистическому строительству и для проведения пролетарского руководства в деревне». Но, наряду с этой основной задачей, уже тогда (апрель 1925) говорилось о коллективных хозяйствах, что «поддержка и дальнейшее развитие этого дела является одной из важнейших задач нашей партии».

Проведение этих мероприятий своим острием было направлено на укрепление союза рабочих и крестьян. Нам нужно было восстановить и максимально укрепить доверие основной массы деревни к Советской власти. Нам нужно было принять целый ряд экономических мер помощи деревенской бедноте. И одновременно с этим, допуская развитие рыночных отношений, мы должны были продолжать и борьбу против кулачества, но продолжать эту борьбу не методами «раскулачивания», а против «кулацкой эксплоатации деревни» систематически бороться целым рядом мер экономического порядка.—В период 14 партийной конференции обнаружились ошибочные установки, расходящиеся с большевистской линией в крестьянской политике. Они нашли свое выражение в лозунге «обогащайтесь», а также и в теории «врастания» кулака в социализм. На 14 конференции Бухарин говорил, что «будет местами и кулацкая кооперация, к-рая, вероятно, будет иметь свою опору в кредитных товариществах. Вся эта лестница будет врастать в систему наших банков, наших кредитн. институтов и, вместе с тем, в систему наших хозяйственных учреждений вообще». То же самое сказано им и в брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз».—Если уже на апрельском пленуме ЦК ставился вопрос «об усиленной организации, сплочении и объединении бедняцких элементов деревни», то на октябрьском пленуме ЦК вопрос о работе партии среди деревенской бедноты встал как важнейшая задача момента. Тов. Молотов на октябрьском пленуме ЦК, подводя итог годовой работы, указывал, что «на основе новых решений о политике в деревне в политическом отношении стало лучше, что Советская власть укрепилась в деревне». Наряду с этим, он указывал, что этот основной вывод не устраняет «ряда отрицательных сторон в политической и экономической жизни деревни». На 14 партийной конференции (в апреле 1925) со всей отчетливостью была поставлена задача укрепления пролетарского руководства деревней. В резолюции «о партийном строительстве» читаем: «При таких условиях необходимо укреплять союз между рабочими и крестьянами и диктатуру пролетариата, немыслимую без этого союза, на основе новых отношений и новыми методами, вытекающими из этих новых складывающихся отношений». — На октябрьском пленуме на первый план в нашей крестьянской политике была выдвинута задача проведения ряда специальных мер по усилению организации бедноты. В постановлении октябрьского пленума ЦК о деревенской бедноте прежде всего указывалось, что «решения 14 партконференции имеют своей непосредственной задачей проведение под руководством пролетариата политики высвобождения среднего крестьянства из-под влияния кулачества и укрепления союза пролетариата и беднейших слоев крестьян со средним крестьянством, путем, прежде всего, оживления Советов и массового кооперирования крестьянства на основе ликвидации пережитков военного коммунизма и развязывания товарооборота». Выдвигалась также задача решительной борьбы с двумя «опасностями»: во-первых, с опасностью «недооценки отрицательных сторон нэпа, которая ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности», и, во-вторых, с опасностью «непонимания» всей необходимости нэпа, к-рая «ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян».

За истекший год активность крестьянства значительно поднялась. Имели место также отдельные факты, когда деревня «на деле оказывалась под руководством кулачества». Исходя из этого и продолжая основную партийную линию в крестьянск. политике, т. Молотов формулировал очередную задачу партии в таких словах: «наша задача вырвать из-под влияния кулачества бедноту и, что особенно трудно, вырвать из-под влияния кулачества середняков деревни». Необходимо было во что бы то ни стало добиться того, чтобы «партия оперлась гораздо более крепко на деревенскую бедноту, повлекла гораздо ближе к себе середняков и изолировала кулацкие элементы». Отсюда и проистекал целый ряд практических мер по организации бедноты, как-то: устройство «особых собраний бедняков в деревне», организация «особых групп бедняков», и т. д., а в связи и под углом разрешения именно этой задачи ставились все практические вопросы текущей крестьянской политики (оживление Советов, развитие кооперации, строительство колхозов, работа Всеработземлеса, создание специального фонда кредитования бедноты и т. п.).

XIV партийный съезд целиком и полностью продолжал основную линию крестьянской политики этого периода. В резолюции по отчету Центрального Комитета имелось указание на «рост кулацких хозяйств в деревне, вместе с ростом дифференциации этой последней», и тут же указывалось на рост «новой буржуазии в городах», которая стремится «сомкнуться с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств». Резолюция указывала, что борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака.—Так. обр., в восстановительн. период одна задача в области крестьянской политики сменяет другую; все они имеют одну цель — укрепление диктатуры пролетариата. От военного союза периода гражданской войны мы переходим к экономическому союзу рабочих и крестьян первой половины восстановительного периода (первоначальный период новой экономической политики).

Во второй половине восстановительного периода, в интересах дальнейшего укрепления союза пролетариата и крестьянства под пролетарским руководством, партия целым рядом мероприятий завоевывает доверие середняка, высвобождает его из-под кулацкого влияния и укрепляет союз пролетариата и беднейш. крестьянства с середняком. К этому партия шла через политику оживления Советов и массового кооперирования на основе устранения остатков военного коммунизма и развития рыночных отношений, что, при наличии быстрого роста и укрепления социалистического сектора народного хозяйства, давало в результате укрепление диктатуры пролетариата. Политика ограничения эксплоататорских тенденций кулака ведется методами экономического порядка. Все это, в конечном итоге, приводит к значительному росту активности рабочего класса и основных масс крестьянства, но сопровождается также и ростом кулачества, его активности и его эксплоататорских поползновений. Исходя из учета всех этих обстоятельств, партия, в интересах дальнейшего укрепления пролетарского руководства, делает ударение на задаче организации бедноты (группа бедноты) как опоры рабочего класса и партии в деревне для борьбы против кулака за середняцкие массы. Т. о., в крестьянск. политике партии за восстановительный период красной нитью проходит основная линия: в изменяющейся обстановке различн. методами укреплять союз рабочего класса и крестьянства при обязательном условии укрепления пролетарского руководства в нем.

Переход от восстановления к социалистической реконструкции сопровождается ростом тяжелой индустрии, повышением ведущей роли социалистической промышленности и общим укреплением позиций социализма в народном хозяйстве. Эта новая обстановка дает возможность партии поставить очередную задачу «более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления п л а н о в о г о воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака, н а о с н о в е достигнутых успехов по закреплению с о ю з а п р о л е т а р и а т а и д е р е в е н с к о й б е д н о т ы с с е р е д н я к о м».—Политика все более и более решительного хозяйственного вытеснения частно-капиталистических элементов в условиях периода социалистической реконструкции вызывает контрнаступление кулацкой и нэпмановской буржуазии и обострение классовой борьбы как в городе, так и в деревне. В этих условиях крупнейшие достижения в области строительства социализма обеспечивают партии и рабочему классу возможность практической постановки задачи «выкорчевывания корней капитализма». Резолюция ноябрьского (1928) пленума ЦК истекшего года «О вербовке рабочих и регулировании роста партии» указывает, что «реконструктивный период означает не только максимальное развертывание всей индустрии, легкой и особенно тяжелой, при коренной перестройке промышленности на высшей технической базе, но также, при всемерном содействии подъему индивидуального крестьянского хозяйства, перестройку нашего с. х-ва на основе высшей техники и коллективизма». В соответствии с этим, резолюцией особо подчеркивается, что «этот период социалистического строительства является той эпохой, когда рабочий класс в прочном союзе с крестьянскими массами, с должным учетом трудностей и длительности задачи, приступает по всему фронту, включая и отсталую деревню, к выкорчевыванию корней капитализма, питающихся почвой мелкого товарного х-ва».—На X партийном съезде, в своем вступительном слове, Ленин говорил: «Задача диктатуры пролетариата в крестьянской стране так необъятна, трудна». Трудность ее, конечно, заключается не в том, чтобы «ловить моменты», когда надо делать «уступки» крестьянству, а исключительно в том, что в стране с громадным преобладанием крестьянства необходимо вести рабочему классу такую политику, которая бы всемерно укрепляла диктатуру пролетариата, его руководящую роль в союзе рабочих и крестьян. Трудность ее заключается также и в том, чтобы укреплять союз пролетариата и деревенской бедноты с середняцким крестьянством при обязательном условии укрепления пролетарского руководства в нем, т. е. диктатуры пролетариата. Было бы неизмеримо легче итти по линии сделки с «мелкохозяйской требовательностью крестьянства», но такая политика была бы политикой антиленинской, обывательско - меньшевистской, ликвидаторской, т. к. она бы ориентировалась не на крестьянина-труженика, а на кулака и не на осуществление задачи все более и более полного вовлечения крестьянина-труженика в орбиту диктатуры пролетариата, а неизбежно приводила бы к сползанию на рельсы буржуазно-капиталистического развития, т. е. к ликвидации диктатуры пролетариата и реставрации диктатуры капитализма. Рабоче-крестьянский союз — это «высший принцип» диктатуры пролетариата. Но это—принцип диктатуры пролетариата, т. е. сохранения и всемерного укрепления, а не ослабления пролетарского руководства в союзе, к-рое неизбежно создает предпосылки для ослабления и даже ликвидации самого союза пролетариата и деревенской бедноты со средним крестьянством. В третьем наброске о диктатуре пролетариата Ленин писал, что «диктатура пролетариата есть обучение одним классом, пролетариатом, всех трудящихся, idem руководство».

Пролетарское государство и партия в вопросе о деловых взаимоотношениях с крестьянином говорят: не командуй, терпеливо разъясняй, действуй убеждением и даже учись у крестьянина, ибо пролетарское государство не может не использовать громадного трудового опыта широких масс крестьянства. Но, одновременно с этим, партия стоит на том, что в политике пролетариат должен «обучать» крестьянство. И было бы очень скверно, если бы в государстве диктатуры пролетариата складывалось такое положение, когда «обучение» всех трудящихся было бы делом не одного пролетариата, как это подчеркивал Ленин, а было бы разделено между пролетариатом и «всеми трудящимися»—это означало бы не что иное

как то, что «обучение» начинало бы переходить в руки буржуазии.

О национальном вопросе. В сент. 1917, в статье «Удержат ли большевики государственную власть», Ленин писал: «Национальный и аграрный вопросы, это—коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо» (Ленин, Соч., том XXI, стр. 254). Ленинская постановка национальной проблемы еще в эпоху буржуазно-демократической революции уже давала все основные предпосылки для соответствующей постановки этой проблемы в пред-октябрьский период перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую и для практического разрешения этого вопроса после Октябрьского переворота в рамках государства пролетарской диктатуры. После Октябрьского переворота в национальной политике «организованного в господствующий класс пролетариата» с особой наглядностью выступили две стороны национального вопроса: во-первых, что это есть «общий вопрос об освобождении угнетенных народов, колоний и полуколоний от империализма», и, во-вторых, что это есть вопрос об «определении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей». Эти две стороны национальной проблемы в эпоху империализма и пролетарской революции были сформулированы в статьях и докладах тов. Сталина.

Национальный вопрос после Октября ставился на VIII съезде партии (в 1919), на X съезде (в 1921) и на XII съезде (в 1923). На VIII парт. съезде национальный вопрос обсуждался в связи с программой партии. В силу этого, он в значительной степени был поставлен теоретически, но имел исключительное практическое значение, так как сыграл громадную роль в ходе и исходе гражданской войны 1918—1921. На съезде Ленину приходилось отстаивать значение национального вопроса и основ национальной политики большевизма против «левых» увлечений и искажений, не понимавших значения национального вопроса и отступавших от основных позиций большевизма в этом вопросе. На VIII съезде мы имели выступление наших «люксембургианцев» в национальном вопросе в лице Пятакова и Бухарина, при чем последний выступал с формулой: «самоопределение трудящихся классов каждой национальности». Эти предложения встретили энергичный, как и раньше, отпор со стороны Ленина и не были приняты съездом.

В период гражданской войны мы произвели громадную работу по «административному переделу России» по национальному признаку «в интересах сближения трудовых масс отсталых народов с пролетариатом России». На X съезде партии, как указал тов. Сталин, мы поставили этот вопрос «на чисто практическую почву». Развивая эту мысль в своем докладе, он указывал, что суть национального вопроса в советском государстве в данный период состоит в том, чтобы «уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении». На этом же съезде встал вопрос о двух уклонах, обнаружившихся при практическом разрешении национального вопроса в рамках Советской Республики. Первый уклон—в сторону «великороссийского шовинизма» и второй уклон — «буржуазно-демократического национализма». Резолюция X партийного съезда говорит: «Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона—уклона в сторону великодержавности, колонизаторства».

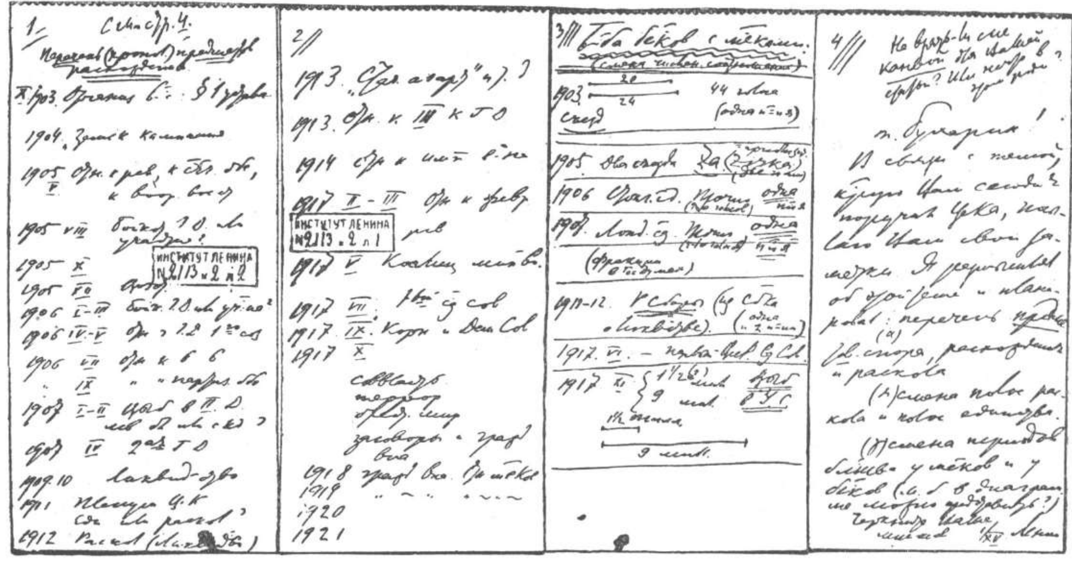
Вся обстановка восстановительного периода требовала создания единого союзного советского государства. В силу этого, после большой подготовительной работы (обсуждение вопросов в партийных организациях на сессии ЦИК БССР, на сессии ЦИК УССР, и т. д.) этот вопрос был поставлен в повестку дня 10 Съезда Советов РСФСР; на Съезде была принята резолюция, к-рая утвердила проект организации Союза Социалистических Советских Республик. 30 декабря 1922 собирается 1-й Съезд Советов Союзных Республик, который и утвердил договор об образовании этого Союза и избрал Всесоюзный ЦИК.

На XII партийном съезде т. Сталин, устанавливая «характерную черту разрешения национального вопроса в данный момент, в 1923 г.», говорил, что в данный момент национальный вопрос «принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, к-рые раньше были порабощены и к-рые теперь объединяются в рамках единого государства». Особой формой этого национального сотрудничества и был Союз Социалистических Советских Республик. На этом же съезде была подчеркнута и «классовая сущность национального вопроса». По определению т. Сталина, она состояла в том, что национальный вопрос в рамках советского государства является «вопросом об установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и крестьянством, по преимуществу крестьянством национальностей, ранее угнетенных». Этим обстоятельством было чрезвычайно наглядно обнаружено, что если крестьянский вопрос является частью вопроса о революционной диктатуре пролетариата, то, в свою очередь, национальный вопрос, будучи теснейшим образом связан с крестьянским вопросом, в известной степени даже входя в его орбиту, в то же время является также частью вопроса о диктатуре пролетариата. Обязательным условием правильного разрешения национального вопроса является укрепление диктатуры рабочего класса.

Мировую пролетарскую революцию Ленин рисовал как гигантское массовое революционное движение, в которое в качестве его отдельных потоков и составных частей входят революционные пролетарские перево-

роты, гражданские войны, революционные восстания в колониях и полуколониях, национально-освободительные войны и т. п. В силу этого, практическое разрешение национального вопроса в советском государстве приобретало международное значение, а одновременно с этим исключительное международное значение национальный вопрос имел как вопрос революционной национально-освободительной борьбы колоний и полуколоний против мирового империализма. — В 1923 Ленин, рассматривая вопрос о перспективах борьбы социализма и империализма в международном объеме, писал: «Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населе-

«Диктатура пролетариата, — писал Ленин, — есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества». И, в силу этого, на сцену выступает как факт исключительного значения «организаторская роль пролетариата». Эта роль пролетариата с особой силой выступает в его авангарде, т. е. в пролетарской партии. «Без партии, — писал Ленин, — железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно». — ВКП(б) имен-

Автограф В. И. Ленина.

ния. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена». Этим было еще раз подчеркнуто значение национальной проблемы как вопроса об освобождении угнетен. колониальных народов от империализма.

О партии. Организационные принципы большевизма были в полной мере установлены, практически выработаны и опытным путем проверены в строительстве и борьбе революционной пролетарской партии за свою дисциплину, сплоченность, монолитность и упругую гибкость до и в эпоху буржуазно-демократической революции. После Октябрьского переворота ленинское учение о партии нашло себе практическое осуществление в партии пролетариата, «организованного в господствующий класс». А с образованием Коммунистического Интернационала организационные принципы ленинизма, выработанные и практически осуществленные нашей партией, легли в основу организации и методов работы всех братских ком. партий.

но потому и сумела полностью осуществить свою организаторскую роль как авангарда рабочего класса, что она явилась партией, железная дисциплина которой основывалась на «прочной базе теории марксизма», и что она в течение всей своей истории беспощадно боролась против оппортунизма и против мелкобуржуазной революционности и против примиренчества, беспощадно изгоняя из своих рядов все элементы правого и «левого» шатания и разброда.

Организационное строение как ВКП(б), так и др. партий Коммунистического Интернационала является воплощением учения Ленина о партии. Знаменитый § 1 Устава, являвшийся в свое время важнейшим организационным лозунгом большевизма, целиком и полностью вошел в нынешние уставы коммунистических партий. В уставе ВКП(б) мы читаем: «Членом партии считается всякий, признающий программу партии, работающий в одной из ее организаций, подчиняющийся постановлениям партии и уплачивающий членские взносы». Не менее важным является также и то обстоятельство, что основной клеточкой партии является партийная ячейка. В пункте 18-м резолюции I конгресса Коминтерна о «Роли коммуни-

стической партии в пролетарской революции» читаем: «Основным началом во всей организационной работе партии и коммунистов должно быть создание коммунистических ячеек всюду, где есть хотя бы небольшое число пролетариев и полупролетариев». И, далее, подчеркивалось, что «только организованность коммунистов и даст возможность авангарду рабочего класса вести за собой весь рабочий класс». В 1925, в тезисах «О большевизации партии Коминтерна», та же мысль о значении партийной ячейки формулируется еще с большей резкостью: «Подлинная большевистская партия,—читаем мы в тезисах,—невозможна, если организация в основе своей не покоится на фабрично-заводских ячейках». При чем, здесь же было отмечено, что «рядом с фабрично-заводскими партячейками и работой в таких организациях, как профсоюзы, фабзавкомы, кооперативы и пр., можно и должно прибегнуть к созданию целого ряда вспомогательных беспартийных организаций». Совершенно очевидно, что только так организованная пролетарская партия будет иметь действительную возможность как «следить за настроением массы», так и «влиять» на нее. Основным началом коммунистических партий должна быть (и является) железная дисциплина в рядах самой партии. В резолюции о «Роли коммунистической партии в пролетарской революции», в § 13, указывается, что «коммунистическая партия сама должна внутри своих рядов создать железный военный порядок». Это обеспечивается тем, что, как указано в Уставе партии, «руководящим принципом организационного строения партии является демократический централизм». В резолюции об условиях приема в Коммунистический Интернационал, принятой на II конгрессе, значение централизма в коммунистических партиях подчеркивается с особенной резкостью: в пункте 12-м указывается, что в эпоху гражданской войны партия выполнит свой «долг» лишь в том случае, «если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии». Главенствующее значение централизма указывается также и в резолюции о роли коммунистической партии. В этой же резолюции отмечено как важнейшая задача: «быть в тесной связи с самыми широкими кругами пролетариата» и «не чураться» массовых рабочих организаций «при нек-рых обстоятельствах даже тогда, когда они носят явно реакционный, черносотенный характер».

В строгом соответствии с организационными принципами ленинизма для всех коммунистических партий указывалось на то, что «классовая борьба требует объединения в одном центре и общего руководства разнообразными формами движения пролетариата». Отсюда вытекала вся организационная система руководства партии широкими рабочими организациями, а также и громадное значение в деле завоевания большинства рабочих масс таких «приводных ремней», как профессиональные рабочие союзы. Принцип твердого централизма наша партия проводит таким образом, что одновременно с этим — в разные исторические моменты по разному и в разных формах — осуществляет внутрипартийную демократию, неустанно добивается непрерывного повышения активности и самодеятельности широких масс, развертывает самокритику, и т. п.

Принцип демократического централизма предполагает и централизованное руководство, и железную дисциплину, и выборность, и доверие масс к центру, и самое широкое участие партийных масс во всех проявлениях жизни и работы партии. Осуществление этого принципа во всей организационной политике партии обеспечивало и обеспечивает как победоносное руководство со стороны партии массовой революционной борьбой до Октября, так и руководство классовой борьбой пролетариата и всеми отраслями социалистического строительства в эпоху пролетариата, «организованного в господствующий класс». — В течение последнего десятилетия ленинизм на деле стал теорией мировой пролетарской революции. Он является боевым знаменем Коминтерна. Но и в это последнее десятилетие, как и на протяжении всех предшествующих периодов своей истории, отстаивание основных принципов ленинизма протекало и протекает в непрерывной борьбе против всевозможных разновидностей оппортунизма, какие бы формы он ни принимал—откровенно ли выступая с критикой и извращениями ленинизма или прикрываясь «левой» псевдо-коммунистической фразой,—а также и против всяких попыток затушевать и смазать генеральную линию ВКП(б) и Коминтерна.

Т е о р и я. Уже указывалось, что разработка ленинизма представляет собой единый, целостный процесс, теснейшим образом связанный как с историей массовой революционной борьбы, так и с историей партии. Ленин многократно подчеркивал исключительное значение революционной теории для революционной практики. И в каждый данный момент, в каждый период и в каждую эпоху Ленин, не только в отношении политики партии, но и в разработке проблем пролетарской теории, брал всегда то, что имело наиважнейшее значение в ходе развития революции и рев. пролетарской партии. В 1911 в статье «Наши упразднители» он писал, «что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма» (Л е н и н, Соч. том XV, стр. 88). И, далее, он указывает, что до революции «особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности», во время революции—«марксистская политика», а после революции—«марксистская философия». Блестящим памятником последнего является книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (с подзаголовком «Критические заметки об одной реакционной философии»). Но, одновременно с этим, в работе самого же Ленина над различными составными частями марксизма необходимо от-

метить, что почти на каждом важнейшем этапе истории он неизменно возвращался к анализу экономики данного периода, который и давал ему ключ для строго научного построения основной линии текущей партийной политики.—Можно указать, что для периода первой революции такое значение имела книга «Развитие капитализма в России», для периода реакции—книга «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—07 гг.», и для периода первой империалистской войны и послевоенного империализма — книга «Империализм, как новейший этап капитализма».

В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» Ленин писал: «Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции» (Ленин, Соч., том III, стр. 10). В кратком предисловии к своей работе об аграрной программе с.-д-тии он указывал на значение «новейших данных о землевладении в России» для того, чтобы «возможно точнее установить, какова собственно экономическая подкладка всех аграрных программ нашей эпохи, из-за чего собственно идет великая историческая борьба» (Ленин, Соч., т. XI, стр. 333). На основании этого экономического анализа Ленин и делал вывод о двух типах «буржуазной аграрной эволюции» (прусском и американском), подчеркивая, что эпоха 1905 «есть эпоха революционной и контрреволюционной борьбы этих путей». И, наконец, в предисловии к своей книге об империализме Ленин указывал, что она имеет своей целью помочь разобраться «в основном экономическом вопросе, без изучения к-рого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма».

Диалектика. В заметках «О нашей революции» Ленин, изобличая «педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев 2 Интернационала», писал, что «решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 2, стр. 109). Материалистическая диалектика была для Ленина инструментом, с помощью к-рого он каждое явление, к какой бы области оно ни относилось, брал в его конкретных особенностях, в данной обстановке и рассматривал явления в их непрерывном развитии, охватывая «противоположности в их единстве». Произведения Ленина изобилуют блестящими примерами применения метода диалектического материализма в сложной и противоречивой обстановке нашей революционной эпохи. В 1917, в апреле, в споре с Л. Каменевым по вопросу о характере революции, Ленин, разбирая каменевские возражения, писал, что «вопрос о „законченности“ буржуазно-демократической революции поставлен неверно». Эту неправильность он видел в том, что вопросу «придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, к-рая не соответствует объективной действительности». И, далее, он эту мысль конкретизирует след. образом: «кто спрашивает теперь: „закончена ли буржуазно-демократическая революция“ и только, — тот лишает себя возможности понять чрезвычайно сложную, по меньшей мере, „двухцветную“ действительность». Переходя от критики к положительному выводу, он дает такую постановку этому вопросу: «Действительность,—пишет он,—показывает нам и переход власти к буржуазии („законченная“ буржуазно-демократич. революция обычного типа) и существование рядом с настоящим правительством побочного, к-рое представляет из себя „революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства“» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 105). В 1918, в мае, в споре с «левыми» коммунистами, Ленин, прежде всего, настаивает на необходимости принять во внимание, тщательно учесть и вдуматься «в конкретные трудности перехода—мучительного и тяжелого перехода — от капитализма к социализму» (Ленин, Сочинения, том XXII, стр. 513). Он подчеркивает, что «в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма и социализма», дает анализ пяти общественно-экономических укладов, отмечает, что «в этом весь гвоздь вопроса», и, наконец, через конкретное сличение всех этих укладов делает основной вывод, что «не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма и против социализма» (там же, стр. 514). А отсюда уже сам собой вытекает практический вывод, что перед нами и к государственному крупному капитализму и к социализму ведет одна и та же дорога, через одну и ту же «промежуточную станцию», а именно через «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов» (там же, стр. 517—518). Далее, из этого анализа вытекает также и целый ряд тактических указаний о необходимости в данный момент «соединения приемов беспощадной расправы с приемами компромисса или выкупа».

В 1921, в январе, в споре с Бухариным и Троцким по вопросу о профессиональных союзах, Ленин на ряде конкретных вопросов блестяще вскрывает сущность диалектики. Бухарина он обвиняет в том, что он «диалектическое соотношение между политикой и экономикой (к-рому учит нас марксизм) подменяет эклектизмом». Ленин указывает, что Бухарин ведет анализ по схеме: «и то—и другое», «с одной стороны—с другой стороны». «Это,—указывает Ленин,—и есть эклектизм». То же самое делает Бухарин, когда он берет одно положение о профсоюзах у Зиновьева, а другое—у Троцкого и механически соединяет их. «Вот тут-то,—подчеркивает Ленин,—и заключается основная теоретическая ошибка т. Бухарина, подмен диалектики марксизма эклектизмом (особенно распространенным у авторов разных „модных“ и реакционных философских систем)».

Далее, Ленин берет бухаринский пример со стаканом и на нем не только показывает различие между логикой формальной и логикой диалектич., но и дает исключит. по блеску и глубине определение диалектич. логики.

К слову сказать, в замене диалектики эклектизмом Ленин (в ноябре 1918) обвинял и Вандервельде и Каутского. Это обвинение может быть направлено «марксизму» всего 2 Интернационала, к-рый вышелушил всю революционную сущность учения Маркса и самым издевательским образом извратил материалистическую диалектику. Громадная заслуга Ленина в области философии марксизма заключается в том, что он, как никто иной, беспощадно изобличал малейшие попытки реформистского искажения диалектического материализма и своими работами в целом ряде областей марксистской науки дал исключительные по своей глубине образцы применения диалектики.

Ленинским ин-том приступлено к печатанию «Тетрадок по философии», в к-рых Ленин вел записи при чтении сочинений Гегеля, Фейербаха, Аристотеля и т. д. В IX «Ленинском сборнике» опубликованы три из этих тетрадей, посвященные «Науке логики» Гегеля. Эти философские тетрадки имеют громадное значение в деле понимания материалистич. диалектики, т. к. в них Ленин дает исключительное по своему совершенству и законченности определение диалектики.

«Всесторонняя, универсальная гибкость понятий,—писал Ленин в своей первой тетрадке, — гибкость, доходящая до тожества противоположностей,—вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно=эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира». И эта «суть» материалистич. диалектики является для ленинизма не только теоретич. положением, но и могучим инструментом анализа в его применении к разнообразнейшим явлениям человеческой практики.

Часть вторая.

ОТ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ДО VI СЪЕЗДА ВКП(б).

I. Группа «Освобождение труда».

От народничества к марксизму. Имя группы «Освобождение труда» связано с целым периодом в истории марксизма и социал-демократии в России. Именно здесь мы находим истоки первоначального периода в истории образования партии рабочего класса. Основатели группы «Освобождение труда» перешли от народничества к марксизму на основе практического опыта народнического периода в истории рус. революционного движения. «Этот опыт,—писал Плеханов,—лег в основу всей нашей критики старых русских программ и теорий...». Историческая роль группы «Освобождение труда» и состояла в том, что она вывела революционную мысль в России из того «тупого переулка», в который завел ее мелкобуржуазный народнический социализм, начавший с «хождения в народ» в начале 70-х гг. и кончивший крахом террористической деятельности «Народной воли» в начале 80-х гг. Но здесь необходимо отметить и прогрессивную сторону мелкобуржуазного народничества, как отражения революционного протеста крестьянских масс против полукрепостнического гнета. Эта сторона народничества нашла яркое выражение в «Народной воле», которая вписала блестящую страницу в историю рус. революционного движения.

В народничестве необходимо отметить и, если можно так выразиться, рабочую струю. Она была связана с народнической пропагандой среди рабочих и с организацией рабочих кружков, которые не могли вырваться из круга предрассудков и заблуждений народнической программы, но которые, одновременно с этим, самым фактом своего существования внутри народничества угрожали его «устоям». В рабочих кружках, организуемых народниками, всегда бродило недовольство такими взглядами и нередко обнаруживалось стремление к выделению в самостоятельные организации. В половине 70-х гг., свидетельствует один из современников, «среди интеллигентных питерских рабочих образовался кружок, к-рый проповедывал, что рабочие сами должны взять свое дело в руки, руководство интеллигенции рабочими явление ненормальное...». В № 6 «Каторги и ссылки» (за 1924) Голосов (Николаевский) также указывает, что «уже зимой 1876 г. образовали (рабочие) между собой что-то вроде федеративной организации с выборным центральным советом, совсем независимым от интеллигенции». В этом находило свое выражение недовольство рабочих интеллигентским народническим социализмом. И как таковое оно представляет большой интерес и приобретает крупное значение. Народники учили рабочих презирать «буржуазные» политические права, «буржуазные» политические свободы и ставили перед ними в виде соблазнительного идеала «допотопные крестьянские учреждения», а рабочие стихийно рвали эти народнические основы и приходили к таким выводам, — правда, останавливаясь на полпути или в самом начале правильного пути,—к-рые шли по существу против основ народнического псевдо-социализма. Плеханов писал, что программа «Северно-русского рабочего союза» причинила народникам немалое огорчение. «В ней—о, ужас!—указывал он,—прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие „буржуазную“ свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении высидевшей утят курицы» (Плеханов, Соч., т. III, стр. 184). И недаром тот же Плеханов свидетельствовал, что рабочее движение 70-х годов «переросло народническое учение на целую голову» (там же, стр. 182).

Южно-российский союз рабочих. Рабочее движение 70-х годов имело стихийный оборонительный характер. Но в то же время несомненно, что 70-е годы являются годами довольно значительного оживления рабочего движения, когда рабочий класс пытался своими стихийными выступлениями ограни-

чить безудержную эксплоатацию со стороны капиталистов. К этому периоду в развитии рабочего движения и относится образование двух замечательных организаций рабочего класса: «Южно-российского союза рабочих» в Одессе (1873—75) и «Северно-русского рабочего союза» в Петербурге (1877—79). В 1872 в Одессе Заславский образовал кружок рабочих на заводе Белино-Фендриха, в который уже тогда входило несколько железнодорожников и рабочих др. заводов. В 1873 ученики Заславского завязали связи с рабочими др. заводов и образовали на некоторых из них кружки. Нек-рые ученики Заславского двинулись в Керчь, Севастополь, Харьков, Николаев, Ростов-на-Дону. В Ростове им удалось образовать кружки в мастерских Ростово - Владикавказской ж. д., на заводе Фронштейна и мельнице Посошкова, объединив их под названием Ростовского отделения «Южно-российского союза рабочих». В Одессе на заводе Гулье-Бланшард учениками Заславского Рыбецким и Лущенко была образована ссудо - сберегательная касса, к которой присоединились рабочие др. заводов. В эту кассу был приглашен Заславский. Месяца через три после образования кассы и образования новых нескольких групп, Заславский сообщил об образовании в Ростове - на - Дону такой же организации и предложил присоединиться к ней, образовав «Южно-российский союз рабочих». Союз объединял 150—200 рабочих. Объединение кружков в Союз относится к концу 1873—началу 1874.—Союз в своей работе не ограничивался только пропагандой. Один из членов Союза М. П. Сквери сообщает, что по поводу отказа администрации завода Гулье-Бланшард выплачивать за введенные два сверхурочных часа—отказа, не вызвавшего протеста рабочих,—Союз выпустил прокламацию с призывом к протесту и присоединению к Союзу. Под ее влиянием рабочие бросили работу, и администрация вынуждена была пойти на уступки.

Какое же место занимает Союз в истории перехода от народнического социализма к социализму пролетарскому? Устав Союза своим утверждением, что рабочие могут достигнуть признания своих прав «только посредством насильственного переворота», что этот переворот «может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении», и, наконец, что «рабочие объединяются в Союз» для «пропаганды идеи освобождения рабочих», для «будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком», делает именно тот шаг, к-рый шел вразрез с народнич. учением. Союз сделал первую попытку сформулировать необходимость самостоятельной классовой организации пролетариата. В Южный союз входил и Обнорский—один из организаторов «Северно-русского рабочего союза».

Северно-русский рабочий союз. Есть все основания считать началом формирования Союза 1876 год. Инициатива образования Союза принадлежит группе слесарей, токарей по металлу, литейщиков, прошедших школу в народнических кружках. Организаторами этого Союза являются Обнорский и Степан Халтурин. Обнорский прошел через кружок чайковцев, входил в «Южно-российский союз рабочих» и для ознакомления с западно-европейским рабочим движением ездил за границу, где поддерживал связи с Аксельродом.—Еще до стачек 1878—1879 в Петербурге существовала организация рабочих, в которую входили преимущественно рабочие металлисты. Разросшееся рабочее движение в 1878—79 поставило в порядок дня оформление Союза. Союз образовался из слияния отдельных мелких кружков, существовавших ранее независимо в разных районах города. Союз стремился превратиться во всероссийскую рабочую организацию. В программном воззвании Союза резко выдвинута мысль о значении организации рабочих как «оплота», дающего «рабочему населению» «ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы».

В программе Союза самым ценным было признание политического характера рус. рабочего движения и связи его с международным. Она призывала рус. рабочих примкнуть к европейскому пролетариату в его великой борьбе. «Тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада», говорится в программе, Северный союз ставит своей целью «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как строя „крайне несправедливого"». В качестве своих ближайших требований Союз выдвигает борьбу за политические свободы. «На нас, рабочих,—говорит программа,—лежит великое дело—дело освобождения себя и своих братьев. На нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы, и мы должны дать его». Т. о., требование полит. свободы явилось прежде всего в рабочей программе. И если эти мысли были уже намечены в программе Заславского, то в программе Союза они получили значительно более отчетливую формулировку.

Приняв с.-д. окраску, программа «Северного союза» отдает дань старой народнической идеологии. Программа Союза требует «учреждения свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах рус. обычного права». В аграрной области Союз ограничивается указанием на «уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением».—«Северный союз» русских рабочих принял деятельное участие и руководство петербургскими стачками 78 и 79 гг. Союз обзавелся типографией и приступил к изданию газеты «Заря рабочего», но готовый набор ее первого номера был захвачен полицией вместе с типографией. Союзу удалось выпустить несколько прокламаций. Перед своим разгромом Союз насчитывал до 200 членов. Значение Союза состояло не только в том, что он являлся попыткой создания самостоятельной классовой организации рабочих и что своей программой он делал значительный шаг вперед от народничества к с.-д-тии, но также и в том, что он в рядах своей организации подготовлял новые кадры передовиков-рабочих для даль-

нейшей классовой борьбы против царизма и капиталистической эксплоатации.

Группа «Освобождение труда». Роль основоположника соц.-д-тии в России сыграла группа «Освобождение труда». 80-е годы были годами промышленного застоя (1882—1887), аграрного кризиса (падение хлебных цен) и реставрации крепостного режима. Реакция царила безгранично. Рабочее движение в своих основных чертах являлось продолжением стихийного движения второй половины 70-х гг. Но в то же время налицо уже были симптомы постепенного перехода рабочего движения в новый фазис развития. По далеко неполным данным, за пятилетие с 1881 по 1886 было 48 б. или м. крупных стачек с 80 тыс. участников. Высшего напряжения стачечное движение этого периода достигло в исторической Морозовской стачке в начале 1885. В 1886 Плеханов в специальной статье о Морозовской стачке для франц. газеты «Социалист» указывал, что Морозовская стачка начинает «новый фазис рабочего движения» в России. В начале 80-х гг. революционное движение переживает сильнейший кризис, явившийся в результате общественной реакции и несоответствия народнических теорий требованиям развивающегося рабочего движения. В условиях развивающегося капитализма, роста рабочего класса и рабочего движения единственным путем для преодоления этого кризиса революционного движения 80-х годов был путь последовательного перехода на позицию марксизма. Подобного рода эволюция и произошла с деятелями группы *«Черный передел»* (см.) во главе с Г. В. Плехановым.

В 1883 Плеханов написал брошюру «Социализм и политическая борьба», перевернувшую вверх дном все программно-тактические положения народничества. Попытки столковаться с народовольцами об общих литературных предприятиях на основе, указанной в брошюре, ни к чему не привели. Переговоры о слиянии с народовольцами были прерваны, и 25 сент. 1883 бывшие члены группы «Черный передел» объявили об образовании новой группы — «Освобождение труда», окончательно разрывавшей со старыми народническими тенденциями. В эту первую соц.-дем. организацию вошли Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов. Первым изданием группы и явилась брошюра «Социализм и политическая борьба», которая разрешила основной вопрос о соотношении социализма и политической борьбы, считавшихся народниками несовместимыми. В др. работе Плеханова «Наши разногласия» на основе блестящего научного анализа социально-экономического развития России показывалась вся утопичность народнического социализма с его верой в коммунистические начала общины и наивность надежд на возможность для России миновать капиталистический путь развития; указывалось, что носителем социалистич. движения может быть только рабочий класс; выдвигалась задача организации рабочего класса в особую рабочую партию с определенной соц. программой.

Группа «Освобождение труда» являлась для того периода организацией с четко выраженными марксистскими взглядами на все основные вопросы рус. революционного движения. Но и ее взгляды не сразу откристаллизовались и освободились от народнического налета. Это видно из сравнения двух проектов программы группы—1884 и 1887. Оба проекта почти в одинаковых выражениях формулируют основные положения с.-д-тии. Общим в обоих проектах является требование прямого народного законодательства и пункт, повторяющий лассалевскую идею о государственной помощи производительным ассоциациям. Но имеются в них также и крупные различия, свидетельствующие об эволюции взглядов самой группы. В проекте 1884 чуть ли не первенствующее значение признается за «социалистической интеллигенцией», тогда как проект 1887 почти целиком устранял пункты об интеллигенции, резко выдвигал положение, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Помимо этого, в проекте 1884 твердо заявляется, что группа «признает необходимость террористической борьбы против абсолютизма», а проект 1887 в том месте, где говорится об «общем решительном нападении» на правительство, добавляет лишь, что при этом рабочие революционные организации «не остановятся и перед т. н. террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы». В противоположность первому проекту второй впервые указывает, что переход к социализму не может произойти иным путем, как только революционным, что диктатура пролетариата есть неизбежный путь к социализму. В первом проекте программы группа сохранила примитивный взгляд на революционную роль крестьянства. Призывая интеллигенцию к работе среди наиболее развитого слоя, каким в современных условиях является рабочий класс, группа «Освобождение труда» допускает, однако, возможность самостоятельного революционного движения крестьянства. Второй проект дает анализ социально-экономической эволюции крестьянства в условиях развивающегося капитализма и выдвигает ряд практических требований по крестьянскому вопросу, не отличающихся, правда, достаточной отчетливостью (радикальный пересмотр аграрных отношений и т. д.), заявляя вместе с тем: «Само собою, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своею деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. С.-д-ты не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности». Отмечая революционную сторону народничества, Ленин позднее писал об этом заявлении группы «Освобождение труда»: «15 лет тому назад, когда живы еще были традиции революционного народничества, достаточно было такого заявления, но теперь мы сами должны начать обсуждение „основных принципов деятельности“ в крестьянстве, если мы хотим, чтобы с.-д. рабочая партия сделалась передовым борцом за демократию» (Ленин, Соч.,

т. II, стр. 522—523). Таким образом, сопоставление двух проектов программ показывает, что взгляды группы не сразу сложились в стройное с.-д. учение. — Окончательно освобождаясь от пережитков народничества, группа «Освобождение труда» заканчивала целый период исканий и борьбы, характерный для рабочих кружков и революционных организаций предыдущего десятилетия. В то же время своей работой она заложила теоретический фундамент для революцион. пролетарской партии и в этом смысле является родоначальницей с.-д-тии в России. Деятельность группы «Освобождение труда» выразилась, гл. обр., в литератури. пропаганде марксизма; ей не удалось сыграть роль практического организатора—для этого не было еще достаточно подходящих условий.

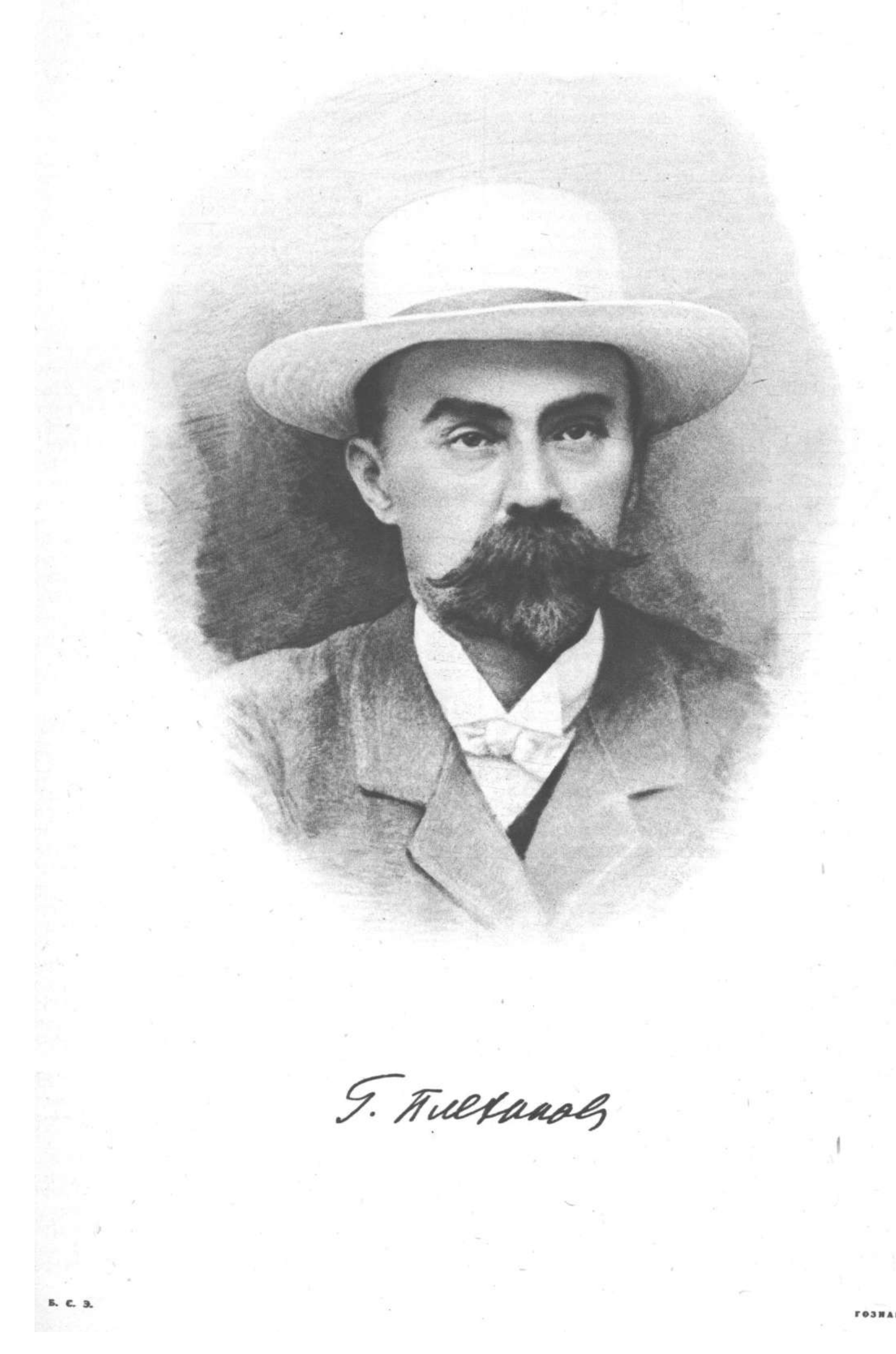
С.-д. кружки 80-х годов, их программа и деятельность. Несмотря на то, что общие условия 80-х годов не были благоприятны для широкого развертывания с.-д. работы в России, тем не менее работа по созданию с.-д. кружков и оформлению с.-д. программы велась почти не прерываясь на протяжении всего десятилетия. Наиболее крупной орг-цией, сыгравшей значительную роль на данном этапе развития рус. с.-д-тии, явилась организованная Д. Н. *Благоевым* (см.) в 1883 в Петербурге «Партия русских соц.-д-тов». Именно ей и принадлежит первый проект программы русских с.-д., подвергшийся критике со стороны группы «Освобождение труда». Эта программа, по свидетельству самого Благоева, представляет собой смесь научного социализма с лассальянством и лавризмом. И, действительно, признавая общий принцип с.-д-тии, что рабочий класс должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах, и что политические свободы должны быть первым необходимым условием для того, чтобы организовать рабочий класс для социалистического переворота, благоевцы представляли себе последний по Лассалю, т. е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством. «Необходимо устремить усилия на то, — говорит программа, — чтобы ускорить и облегчить этот процесс (процесс обобществления), подготовить путь грядущему воцарению социализма, что возможно лишь путем вмешательства государственной власти в экономические отношения». И далее: «задачи государства должны заключаться в том, чтобы заменить капитализм индивидуальный производительными ассоциациями рабочих» («Былое», 1918, № 13, стр. 44).

Благоевская программа сводит роль интеллигенции к минимуму: «в среде интеллигенции наше внимание должно быть обращено на пропаганду наших идей и привлечение новых сил», т. е. лишь рекрутирование пропагандистов и агитаторов. Что касается политического террора, то программа благоевцев допускает его в некоторых случаях: 1) когда само население намечает жертвы среди администрации, 2) когда жертвы намечаются партией из лиц высшей администрации и их гибель не может вооружить против себя общественного мнения народа и 3) в случаях самозащиты от шпионов. Под влиянием критики со стороны группы «Освобождение труда» благоевцы отказались от своей программы и приняли программу группы. Благоевская группа проделала большую работу. К концу 1884 была поставлена нелегальная типография и приступлено было к изданию газеты «Рабочий», в которой сотрудничали Плеханов и Аксельрод. После целого ряда арестов, группа окончательно была разгромлена в 1887. Наиболее видными деятелями группы были Благоев, Латышев, Харитонов, Андреев.

Несмотря на крупные пробелы в своих теоретических взглядах, «Партия русских социал-демократов» является одной из крупнейших с.-д. организаций переходного периода 80-х годов. Почти одновременно с благоевской группой в Петербурге существовало «Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса», организованное в 1886 П. Л. Точисским. Впоследствии оно было названо «Товариществом с.-петербургских мастеровых». Характеризуя мировоззрение Точисского, один из деятелей этой организации Л. Брейтфус пишет, что, «считая единственным революционным классом пролетариат, он находил, что в этот класс должны быть брошены все революционные силы страны...». И далее он указывает, что Точисский находил, что «все революционеры сильно грешили и грешат, игнорируя этот класс, бросаясь то в крестьянскую, то в интеллигентскую среду». Точисский смотрел на интеллигенцию как на «случайного гостя в революции», ибо понимал революцию «как социальную»; «старался отсеять от нее (от интеллигенции) лишь действительно революционное ядро». Имеются данные о наличии связи через одного из членов организации с благоевской группой. В 1888 организация была разгромлена.

В организации Точисского (как указывает В. И. Невский) получили первую марксистскую выучку ряд рабочих, игравших затем крупную роль в истории рус. рабочего движения. Распропагандированные в кружках рабочие продолжали дело классового просвещения своих товарищей, беря уже на себя инициативу создания кружков и более широкой пропаганды и агитации. Многие из них впоследствии работали в т. н. «Брусневской организации», действовавшей в конце 80-х—начале 90-х гг. «Брусневская организация» явилась в результате слияния рабочих кружков (Богданов, Афанасьев, Норинский, Тимофеев, Шелгунов и др.) и пропагандистской и интеллигентской группы. Объединенная организация получила название «Брусневской» по имени своего руководителя М. И. Бруснева.

В теоретическом отношении Брусневская группа не вполне определилась, хотя и была несомненно группой с.-д. Исходя из того принципа, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, организация, по словам Бруснева, поставила себе целью выработку из участников рабочих кружков вполне развитых и сознательных с.-д., к-рые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов. Первые зародыши выступле-

Б. С. Э.

ГОЗНАК.

ний надо отнести к маю 1891 и участию кружков в похоронах Н. В. Шелгунова. По размаху своей работы «Брусневская организация» не имеет себе равной в 80-х гг. Ею было создано 20 кружков в разных районах Петербурга. «Брусневской организации» принадлежит заслуга организации впервые в России празднования 1-го мая, на к-ром выступали рабочие с ярко выраженными политическими речами. «Брусневская организация» была первой с.-д. организацией, поставившей вопрос об объединении работы во всероссийском масштабе.

Разгром организации, аресты и высылки 1890—91 бросили некоторых брусневцев в провинцию. Высланные не теряли связи с центром, находившимся уже в Москве, где обосновался сам Бруснев. Существовавший в Москве кружок Егупова и Ивановского завязал связи с тульскими рабочими, Харьковом и Курском, куда транспортировалась нелегальная литература. Осенью 1891 Егупов связался с Брусневым. Весной 1892 на квартире Бруснева состоялось первое объединенное собрание руководителей отдельных кружков. На этом совещании решено было совместно вести революционно-пропагандистскую работу, создав для руководства «Организационный комитет», действующий на основании особо разработанной программы. В Организационный комитет вошли Бруснев, Егупов, Кашинский, Ванновский и Афанасьев. Были завязаны связи с группой «Освобождение труда». Вскоре на собрании Организационного комитета обсуждались программа и способы практич. работы. Решено было разъехаться членам организации для ознакомления с местн. организациями в Петербург, Варшаву, Ригу, Тулу, Киев. Но в день отъезда, 22 апр. 1892, весь комитет был арестован. Идея всероссийского объединения не претворилась в жизнь.

Из петербургской «Брусневской организации» вышли рабочие и интеллигенты, ставшие в значительной мере ядром «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Процесс образования кадров для рабочей партии охватил в течение 80-х годов и провинциальные города. Одним из первых марксистских кружков в провинции был кружок, организованный в 1888 Н. Е. Федосеевым в Казани. Об огромном влиянии Федосеева на выработку марксистск. мировоззрения среди молодежи Поволжья упоминал В. И. Ленин. Из множества других провинциальных кружков, существовавших в 80-х гг. в провинции, необходимо отметить кружок, организованный в Одессе в 1888 Д. Б. Рязановым, кружок, организованный в Киеве в 1888 Э. А. Абрамовичем, харьковский, организатором к-рого был Ю. Мельников, сыгравший впоследствии выдающуюся роль в с.-д. движении в Киеве, екатеринославский, организованный Тейтельбаумом, познакомившимся за границей с деятелями группы «Освобождение труда». — Как ни скромна была деятельность с.-д. кружков 80-х гг., значение их в истории партии очень велико. Именно из их рядов выходила рабочая интеллигенция, являвшаяся проводником идей соц.-д-тии и практическим организатором передовых элементов рабочего класса. Во всей с.-д. деятельности 80-х гг. должна быть особо подчеркнута крупнейшая роль революционной интеллигенции в деле выработки идеологии и формирования первых с.-д. организаций в России.

II. Союзы борьбы за освобождение рабочего класса и I съезд РС-ДРП.

Общая характеристика 90-х гг. Начало 90-х годов в истории развития соц.-д-тии в России являлось прямым продолжением второй половины 80-х годов в том смысле, что с.-д. кружки того времени все еще носили характер переходный от народничества к марксизму. Но в то же время они в полной мере обнаруживали процесс освобождения местных революционных кружков от народнической идеологии, все более решительного разрыва их с этой идеологией и все более последовательного перехода на позиции марксизма. И именно в эти годы заканчивался тот период, который Ленин характеризовал как период «возникновения и упрочения теории и программы соц.-д-тии». Кропотливая работа по созданию с.-д. кружков начинает приносить результаты. В начале 90-х годов возникают и оформляются с.-д. кружки в ряде городов и промышленных центров России: в Петербурге (Брусневская организация, а затем кружки Радченко, Кржижановского и др.), Москве (Мицкевич, Мандельштам, Кальрота и др.), Самаре (Ленин), Казани (Лалаянц), Владимире (Федосеев, Кривошея и др.), Иваново-Вознесенске (Кондратьев, Кудряшов, Варенцова и др.), Туле (Мефодьев, Хинчук и др.), Одессе (Рязанов, Стеклов, Циперович и др.) и далее—в Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Екатеринославе и т. д. Характерной чертой всех этих кружков было то, что они вели уже с.-д. работу, изучали марксизм по оригинальным произведениям (Маркс, Энгельс, издания группы «Освобождение труда» и т.д.) и втягивали в работу значительное число передовиков-рабочих, к-рые организовывали рабочие кружки и этим путем расширяли рамки организаций. Отражением этого движения и было то теоретическое столкновение марксизма и народничества на открытой арене, к-рое столь характерно для 90-х гг. А в свою очередь эта кропотливая с.-д. работа начала 90-х гг. и открытое победоносное выступление марксизма против народничества, относящееся к этому же времени, явились теми предпосылками, к-рые облегчили широкий размах с.-д. работы во второй половине 90-х гг., когда массовое движение рабочих развернулось с невиданной дотоле широтой и организованностью.

Переломным моментом экономического развития страны в 90-х гг. явился голод 1891, охвативший около 30 губерний с 40-миллионным населением. Капиталистич. расслоение деревни под влиянием голода усугублялось и расширялось. Развитие капитализма становилось необходимым условием дальнейшего развития России. Отсюда и вытекала покровительственная политика царского правительства, ускорившего развитие капитализма. Бурный подъем капитализма содействовал ускорению процесса образования рабочего класса. Рабочее движение 90-х гг.

поднялось на новую ступень. По далеко неполным данным, за первую половину 90-х годов бастовало до 200 т. чел., а во второй половине 90-х гг. бастовало 434 т. (по уменьшенным официальным данным — 262.340), т. е. вдвое больше, чем в первой половине. Высшего своего напряжения стачечное движение достигло весной 1896 и зимой 1897. Стачки развертывались следующим образом: в 1894—17 т. участников, в 1895—48 т., в 1896—67 т., в 1897—102 т., в 1898—87 т. и в 1899—130 т. (по офиц. данным цифры стачечников ниже приведенных здесь, взятых у Мартова). Эти стачки свидетельствовали о том, что Россия вошла в этом отношении в ряды европ. рабочего движения того времени.

Характеризуя рабочее движение 90-х гг., Ленин писал, что по сравнению с 60 и 70-ми гг., когда стачки носили стихийный характер, стачки 90-х гг. можно назвать «сознательными»—до такой степени значителен тот шаг вперед, к-рый за это время проделало рабочее движение. Но вместе с тем Ленин отмечает, что стачки 90-х гг. «были борьбой тред-юнионистской, а не социал-демократической, они знаменовали собой пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и не могло быть сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т. е. сознания социал-демократического» (Ленин, Соч., том V, стр. 140). Характеризуя стачки второй половины 90-х гг., необходимо также отметить, что крупные предприятия были втянуты в забастовочное движение сильнее, чем средние и мелкие, и что подавляющее большинство стачечников составляли текстильщики и металлисты. В этой обстановке и развернулся тот период в развитии с.-д-тии в России, о к-ром Ленин говорил, что в это время «с.-д-тия появляется на свет божий как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия».

Выступление марксизма против народничества. Одним из наиболее ярких проявлений этого роста социал-демократического движения было открытое выступление марксизма против народничества в середине 90-х гг. Выражая, в сущности, собственнические интересы мелкого производителя, погибающего под ударами капитализма, утопия революционного народничества вырождалась в реакционную утопию мелкобуржуазного мещанства. Народники в 90-х гг. уже не могли не видеть глубоких экономических изменений, они вынуждены были эти изменения признать, но в то же время продолжали твердить, что дальнейшее развитие капитализма невозможно, и сочинять проекты, объективный смысл к-рых сводился к сочувствию мероприятиям, увековечивающим старые порядки полукрепостного, полусвободного труда. Т. о., вместо стройного, хотя и утопического учения народничества 70-х гг., теперь получилось эклектическое учение либерального народничества.

В 90-х гг. со всей остротой встала задача разоблачения реакционной сущности народничества и высвобождения рабочего класса как гегемона революционного движения из-под влияния мелкобуржуазного реакционного народнического социализма. Этой задаче и отвечала появившаяся в 1894 напечатанная на гектографе книжка В. И. Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» (Ленин, Сочинения, т. I, стр. 51—222). В этом же году появились «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» Петра Струве и в 1895—«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова. В том же году был издан марксистский сборник «Материалы по вопросу об экономическом положении России», в который вошли статьи Плеханова, Ленина, Струве и Потресова (сборник был сожжен цензурой). С весны 1897 журнал «Новое слово» становится марксистским. Народники сдавали одну позицию за другой. Новое поколение интеллигенции становилось в ряды марксистов. Ленин, Плеханов и Струве выступали против народничества, но выступали они по-разному. В этой, на первый взгляд общей, критике народничества особняком стояла струвистская критика народничества, т. е. критика буржуазных интеллигентов, к-рые пользовались марксизмом, чтобы защищать переход «на выучку к капитализму». Но и в выступлениях Ленина и Плеханова против народничества налицо были различные оттенки.

В критике народничества Плехановым—критике, безусловно имевшей громадное значение для разрушения догм народнического мировоззрения, не было того понимания специфических условий России, классового анализа народнического мировоззрения и вытекающих отсюда задач пролетарского социализма в России, которым так отличаются работы В. И. Ленина. Батурин замечает, что антинародническое по преимуществу содержание марксизма группы «Освобождение труда» и ее вождя—Плеханова приводило их к абстрактной критике народничества, а значит и к антикрестьянскому направлению соц.-дем. пропаганды. Академический подход Плеханова к народничеству сказался в его письме к конституционалисту Гольцеву, в котором он (Плеханов) пишет, что «между экономическими материалистами и народниками бездонная пропасть», а с людьми гольцевского направления «экономические материалисты» могли бы сойтись во многом, хотя конечно и не во всем» (Плеханов, Сочинения, том VIII, стр. 221). Игнорирование же специфических условий России, а отсюда и особой постановки крестьянского вопроса, приводило Плеханова к скептицизму в вопросе о революционной роли крестьянства. «Только два направления,—писал Плеханов,—могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое. Все остальные „программы" представляют собой лишь эклектическую смесь этих двух направлений и потому осуждены на исчезновение». И в друг. месте: «...пролетарий и „мужичок"—это постоянные политические антиподы. Историч. роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль „мужичка"».

В противоположность академической критике народничества Плеханова, Ленин подошел к критике народничества с конкрет-

ной классовой точки зрения. Подвергнув обстоятельной критике «субъективный метод» Михайловского, воззрения Кривенко, Южакова и др., Ленин приходил к выводу, что народничество превратилось в реакционное учение. «Теории этих идеологов мещанства,—писал о народниках Ленин,—когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны» (Ленин, Сочинения, том I, стр. 182). Но теории народников являются реакционными, поскольку они выступают в качестве социалистических теорий. А т. к. на самом деле в них нет ничего социалистического и отражают они интересы мелкой буржуазии, то естественно возникает вопрос, как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии. «И на этот вопрос,—пишет Ленин,—нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса... Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении... Эти две стороны мелкой буржуазной программы следует строго различать, и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части» (Ленин, там же, стр. 184).

Такое отношение к народничеству резко отличало Ленина от легального марксизма, а впоследствии—экономизма и меньшевизма. Как было уже указано, одновременно с борьбой Ленина и Плеханова с народническим мировоззрением против последнего боролись П. Струве, Туган-Барановский, Булгаков и другие т. наз. «легальные марксисты» литераторы, о которых В. И. Ленин говорит, что это были буржуазные демократы, для которых «разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму». Эти тенденции легальных марксистов довольно отчетливо проявил П. Струве в книге «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России».

Борьба с «легальным марксизмом». Необходимость противопоставить этим прикрытым марксистской формой буржуазно-либеральным положениям взгляды подлинно-революционного марксизма побудила Владимира Ильича выступить открыто с резкой критикой одного из тогдашних своих «союзников». Т. о., Ленину пришлось одновременно с борьбой за «отмежевание пролетарского социализма от всех форм мелкобуржуазного реакционного утопизма выступать за отмежевание пролетарского социализма от буржуазных течений, принужденных своеобразными общественными отношениями и ходом борьбы с реакционным утопизмом народников прикрываться марксизмом или заигрывать с марксизмом». Критике буржуазно-либеральных взглядов Струве, изложенных в его книге, была посвящена работа Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (Ленин, Соч., том I, стр. 223—362). В основу ее был положен реферат «Отражение марксизма в буржуазной литературе», читанный им осенью 1894 в небольшом кружке марксистов.

По мнению Ленина (Тулина), основной ошибкой автора «Критических заметок» является «его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса (капиталистического развития) и не стремящийся вскрыть в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма—объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс». Далее Ленин отмечает, что автор «Заметок» неправильно подходит к критике народничества; ревизует марксову теорию государства, подменяя ее чисто либеральным взглядом, что «государство прежде всего есть организация порядка»; игнорирует классовые противоречия, пытается внести корректив в учение Маркса о крушении капитализма, и т. д.

Если под влиянием резкой критики Ленина Струве временно повернул несколько влево в статье «Моим критикам», напечатанной в 1895, то уже в 1897 он пишет, что «социально-политический радикализм окончательно сроднился с идеей эволюции, и только представители близорукого консерватизма все более и более попадают в сети пагубной веры в политич. и социальные чудеса».

Будучи в ссылке, Ленин в письме к Потресову пишет, что его «приводят в исступление»

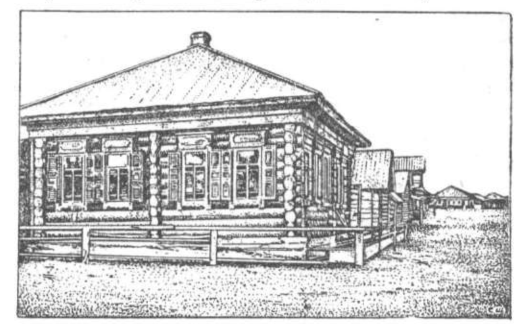

Рис. 1. Дом в с. Шушенском Минусинского у. Енисейской губ. (место ссылки), в котором жил В. И. Ленин с февраля 1897 по январь 1900.

статьи Булгакова и Струве, подвергающих критике философское учение Маркса, третируя его как метафизику, и видящих в критицизме Канта философское откровение. Он удивляется тому, что Плеханов не высказывается решительно против неокантианства Струве.—Ни Плеханов, ни Мартов, ни Аксельрод, ни Потресов не выступали долгое время против Струве, не видя в его литературных произведениях намечающегося буржуазного демократа. Лучшим показателем недооценки Плехановым значения борьбы против буржуазного либерализма, изложенного в книге Струве, является его статья «Несколько слов нашим противникам», в к-рой Плеханов считает напрасным, что г. Ник.—он решитель-

но называет «Критические заметки» никуда негодными. «В споре с Ник.—оном П. Струве очень и очень постоит за себя». Плеханов, верный своей абстрактной критике народничества, встал на защиту огульной критики народнической теории. Это различие в подходе к либералам сам Плеханов определял как различие между Бельтовым и Тулиным, т. е. между авторами «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Экономического содержания народничества и критикой его в книге г. Струве».

Оформление либерализма означало с точки зрения Ленина прогрессивный шаг. Но это оформление обозначало оформление силы, неизбежно стремящейся свести роль пролетариата к роли орудия в руках буржуазного либерализма. Процесс перехода буржуазных элементов от аморфного состояния к политическому оформлению нес в себе стремление увлечь на свой путь поднимавшиеся народные массы. Это предвидел и видел Ленин, и это стремился он разоблачать самым беспощадным образом. Ленин не растворял рабочего движения в общенациональной задаче, а четко и резко подчеркивал идею гегемонии пролетариата в решении общедемократических задач грядущей революции. Иначе на задачи пролетариата в предстоящей революции и на отношение его к либералам смотрел Плеханов, что выяснилось в полной мере уже значительно позже.—Мы видим, что только Ленин вполне своевременно разоблачил в Струве буржуазного демократа и сумел правильно определить роль и значение пролетариата как гегемона в буржуазно-демократической революции в России. Этим выступлением был дан отпор тем, кто выхолащивал из марксизма все, что было в нем революционного, подменяя революционный марксизм реформизмом. Эта борьба содействовала отмежеванию пролетарского социализма от буржуазных течений, стремившихся подчинить своему влиянию растущее рабочее движение.

Какой же смысл имел союз революционных марксистов с «легальными марксистами»? «Бояться временных союзов, — писал Ленин в «Что делать?»,—хотя бы и с ненадежными людьми, может только тот, кто сам на себя не надеется... Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде), притом союз был заключен не совсем без всяких „условий". Доказательство: сожженный в 1895 цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России» (в нем была помещена статья Струве «Моим критикам»). Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 374).

Союзы борьбы за освобождение рабочего класса. Подъем рабочего движения и общее оживление политической жизни страны создавали благоприятные условия для развития социал-демократии. В ряде городов, где раньше работали лишь одиночки или вовсе никакой работы не велось, появляются с.-д. организации. С.-д-тия завоевывает все новые и новые позиции. В своей брошюре «Что такое друзья народа...» Ленин формулировал след. обр. задачи деятельности с.-д-тии: «Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий—единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплоатируемого населения России... На класс рабочих и обращает с.-д-тия все свое внимание и всю свою деятельность». Рабочее движение в 90-х гг. начинает перерастать узкие кружковые рамки с.-д. деятельности. Развертывающаяся борьба рабочих предъявляет к революционным деятелям более сложные запросы, чем элементарная кружковая работа. Разрешить создавшееся противоречие между характером работы с.-д. организаций и запросами рабочего движения можно было только радикальным изменением тактики—переходом от исключительно пропагандистской деятельности и агитации в массы. Этот вопрос и был поставлен Лениным в «Друзьях народа». Большое влияние на изменение тактики с.-д. организаций 90-х гг. оказала брошюра Кремера «Об агитации», редактированная Мартовым. Эта брошюра своевременно и резко формулировала то общее настроение наиболее близких к движению и дальновидных с.-д., к-рые уже в 1894 понимали недостаточность кружковой работы и необходимость перехода к широкой массовой работе. По свидетельству Ленина, первые с.-д. Союза борьбы принимали во внимание полезные указания рукописной брошюры Кремера «Об агитации». Но известны и те ошибки, которые были потом подхвачены «экономистами». Брошюра «Об агитации» в своих слабых местах отражала несомненно ту мелкобуржуазную атмосферу, атмосферу рабочего движения ремесленников в Виленск. крае, где приходилось работать авторам брошюры. Ленин указывал, что «первые с.-д. этого периода (середины 90-х гг.), усердно занимаясь экономич. агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив—с самого начала выдвигали и самые широкие политические задачи рус. с.-д-тии вообще и задачу низвержения самодержавия в особенности... Часть, может быть даже большинство действовавших в 1895—98 гг. с.-д. вполне справедливо считали возможным тогда еще в самом начале „стихийного" движения выступать с самой широкой программой и боевой тактикой» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 385—386).

Лучшим показателем деятельности этих с.-д. является петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в к-рый входили «старики» (Ленин, Радченко, Кржижановский, Крупская, Мартов и др.). После ареста «стариков» остатки группы во главе с Мартовым оформляют в начале 1896 организацию, дав ей название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» («молодые»). В Киеве в конце 1896 образовалась группа «Рабочее дело», которая с начала 1897 была переименована в «Киевский союз борьбы

за освобождение рабочего класса». В Москве организованный в 1894 «Московский рабочий союз» переименовывается в конце 1897 в «Союз борьбы». В течение 1896—1897 подобные же организации были созданы в ряде крупнейших промышленных городов (в Екатеринославе, в Иваново-Вознесенске, в Николаеве и др.). В 1897 в Северо-Западном крае на съезде в Вильно была создана еврейская с.-д. организация Бунд. За границей в 1895 создается «Союз русских социал-демократов», в к-рый входит и группа «Освобождение труда».

Сильнейший толчок к образованию «Союзов борьбы» и родственных им организаций, к переходу от кружковой пропаганды к массовой агитации дали петербургские стачки 1896—97. За все предшествовавшее время не было революцион. организации, которая бы так вплотную подошла к рабочей массе, как петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в первый период своего существования (1895—97). Он показал, как можно и должно руководить действительно массовым, многотысячным рабочим движением. Союз развил интенсивную и широкую деятельность среди рабочих и принял деятельное участие в руководстве стачками 1896—97 в Петербурге.—«Прокламации посыпались, как из рога изобилия,— пишет об агитации Союза Мартов,—во всех районах агитацией было затронуто большинство промышлен. заведений, число рабочих кружков росло». Все это приводило к тому, что влияние Союза на рабочую массу росло и рабочее движение становилось под его руководство. Когда весной 1896 Союз выпустил прокламацию, посвященную 25-летнему юбилею Парижской Коммуны, и первомайский листок, в к-ром впервые разъяснялось международное значение пролетарского праздника, на многих заводах пошли разговоры о необходимости проявить общим выступлением классовую солидарность и классовый протест.

Задачи массовой агитации теперь впервые не только ставились, но и разрешались, кружки и литература, выпускаемая Союзом, служили единой цели—росту классового сознания рабочих, их активности и сплочению.—Массовая агитация Союза не ограничивалась «экономическими» мотивами, но принимала политический характер. Из среды Союза исходит мысль о созыве съезда для образования рабочей партии. Эта мысль нашла свое практическое выражение в поездке Н. К. Крупской на юг России для согласования вопроса о созыве съезда и в выработке Владимиром Ильичем уже в тюрьме программы российской с.-д-тии. В тюрьме же им была написана брошюра «Задачи русских социал-демократов», где с особенной резкостью была выдвинута на первый план необходимость образования политической партии рабочего класса.—Ленин, давая оценку деятельности Союза, писал: «Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, к-рая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата?» (Ленин, Соч., т. II, стр. 182).

I съезд РС-ДРП. Бурный рост рабочего движения, особенно во второй половине 90-х годов, и развернувшаяся агитационная деятельность с.-д. организаций ставили на очередь вопрос об объединении всех местных организаций в одну общероссийскую организацию, в партию. В брошюре «Задачи русских социал-демократов» Владимир Ильич говорит о задачах «по удовлетворению вопросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и с.-д. групп в единую социал-демократическую рабочую партию» (Ленин, Сочинения, т. II, стр. 187).— За созыв съезда, как мы говорили выше, взялся петербургский Союз. В 1896 Н. К. Крупская едет в Киев, «чтобы столковаться об издании общей нелегальной газеты, по подготовке съезда партии». Свидание по этому поводу с киевлянами состоялось в Полтаве. В конце лета 1896 киевские с.-д. приступают к практическому разрешению вопроса об издании общерусской нелегальной газеты. Аналогичные попытки к объединению исходили также и от москвичей: в 1895 было решено предпринять объезд местных организаций для подготовки съезда и выработки программы партии. Можно было указать еще ряд с.-д. организаций второй половины 90-х гг., которые ставили вопрос о созыве съезда.

Но практическое дело объединения и организации I съезда партии суждено было совершить киевской организации. Первая попытка созвать съезд в Киеве относится к весне 1897. Но эта попытка оказалась неудачной, т. к. приехали только представители Петербурга, Москвы и Иваново-Вознесенска; поэтому участники ограничились конференцией («коллоквиумом»), на к-рой поручено было делегату Петербурга представить программу. Конференция приняла также решение созвать съезд, разослать перечень вопросов, которые будут обсуждаться; организовать в Киеве общерусскую газету и предложить местным организациям переименоваться в Союзы борьбы по примеру Петербурга. Организация общерусской газеты, как и созыв съезда поручены были киевской группе. После этого совещания группой «Рабочей газеты» было приступлено к изданию общерусской газеты под тем же названием и к подготовке съезда. Предпринятый киевлянами объезд ряда городов увенчался успехом. Были завязаны новые связи. К первому марта 1898 в Минск приехали делегаты киевской группы «Рабочая газета» (Эйдельман, Вигдорчик), киевского Союза борьбы (Тучапский), петербургского Союза (Радченко), московского Союза (Ванновский), екатеринославского Союза (Петрусевич), три делегата от Бунда (Кремер, Мутник и Кац). Съезд продолжался с 1-го по

3-е марта (ст. стиля) 1898. Работа съезда нашла свое выражение в его организационных решениях и в манифесте. Съезд постановил слить местные Союзы и Бунд в единую организацию, дав ей название «Российской социал-демократической рабочей партии».

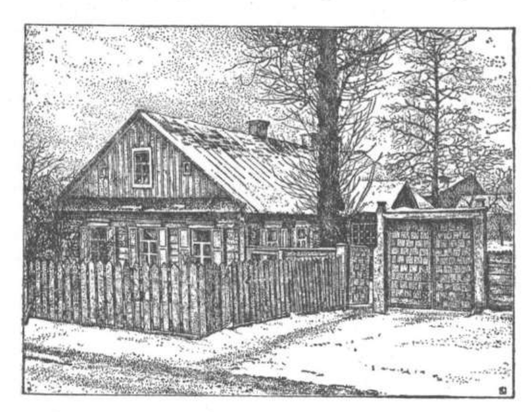

Рис. 2. Дом в Минске, где происходил съезд РС-ДРП в 1898.

Организационные решения первого съезда далеко не соответствовали тем задачам построения партии, к-рые настоятельно выдвигались в 90-х гг. Так, съезд предоставил всем местным комитетам право: 1) выполнять постановление ЦК в той форме, какую они найдут более подходящей к местным условиям, 2) в исключительных случаях отказываться от выполнения постановлений ЦК, известив его о причине отказа, и 3) по всем остальным вопросам действовать самостоятельно, руководствуясь лишь программой партии. Наибольшая самостоятельность была предоставлена Бунду, который съездом был признан организацией, автономной в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата. Такие решения съезда, к-рые предоставляли большую самостоятельность местным организациям и полную автономию Бунду, не могли привести к партийной централизации и созданию действительно руководящего центра. Нет ничего удивительного в том, что Бунд, боровшийся впоследствии с организационными принципами «Искры», весьма доброжелательно отзывался об организационной расплывчатости, узаконенной съездом. Из др. организационных решений съезда отметим решение о правах и обязанностях ЦК, признание высшим органом партии съезда и объявление «Союза русских социал-демократов» частью партии и представителем ее за границей. Съезд утвердил «Рабочую газету» центральным органом партии и избрал ЦК в составе Эйдельмана, Радченко и Кремера с правом пополнять свой состав новыми членами. ЦК было поручено выпустить манифест партии.

Манифест РС-ДРП, составленный Струве, ставил во главу угла борьбу за политическую свободу, к-рую поведет с.-д-тия, представляющая классовое движение организованных рабочих масс, на плечи к-рого ляжет задача завоевания политической свободы и осуществление великой исторической задачи, лежащей по пути к осуществлению нового строя — социализма. Манифест заявляет, что с.-д. продолжают дела и традиции всего предшествовавшего революционного дела в России, избрав иные пути и средства борьбы. Эти совершенно верные положения ни в коей мере, однако, не могли заменить программы партии. Между тем необходимо отметить, что съезд не обсуждал ни программы, ни тактических вопросов. — Тотчас после съезда были произведены массовые аресты, ЦК и типография были разгромлены. Тем не менее первый съезд в истории партии имеет бесспорно большие заслуги. Он провозгласил образование РС-ДРП и открыл тем самым новую страницу в истории российской социал-демократии.

Экономизм. Первому съезду не удалось создать фактического объединения соц.-дем. кружков и групп в единую, организационно сплоченную и централизованную пролетарскую партию. Препятствием к этому являлись не только организационные трудности образования и укрепления подпольной партии рабочего класса, но и тот внутренний разброд, который был столь характерен для послесъездовского периода в истории партии.—Ленин указывал, что в 1897—98 начинается в истории с.-д-тии «период разброда, распада, шатания» (Ленин, Соч., том IV, стр. 499). Этот период был связан с возникновением и укреплением среди с.-д. особого течения, наметившегося, как указывал Ленин (Соч., 1 изд., том XX, ч. 1, стр. 453), уже в 1894 — 95 и получившего наименование «экономизма». Экономисты отрицали необходимость постановки перед рабочими классами задачи борьбы с самодержавием как очередной важнейшей задачи текущего дня. Преклоняясь перед стихийным ходом рабочего движения, они настаивали на том, что перед рабочей массой, в виду ее малой сознательности, надо ставить лишь такие задачи, к-рые лежат в области понятных ей повседневных экономических нужд и требований. Наиболее последовательные из них откровенно договаривались до отрицания возможности в условиях рус. действительности образования самостоятельной пролетарской партии, ограничивали задачи рабочего класса лишь одной экономической борьбой, считая политическую борьбу делом буржуазного либерализма, т. е. всей своей платформой обрекали рабочее движение на потерю своего классового характера и подчинение гегемонии буржуазии.

Появление у нас экономизма по времени б. или м. совпало с возникновением в рядах западно-европейской с.-д-тии бернштейнианства, что не могло не оказывать своего влияния на ревизионистское самоопределение экономизма и не углублять в соответствующем направлении тот идейный разброд, под знаком к-рого проходит рассматриваемый нами период.—Для действительно прочного создания революционной партии пролетариата надо было ликвидировать экономизм, к-рому на деле не нужна была централизованная партия, т. к. он мог вполне осуществлять свои тред-юнионистские задачи в условиях существования и раздробленной кустарнической организации. Борьба с экономизмом была борьбой за революцион-

ную классовую пролетарскую партию, могущую повести широкие массы на бой с царизмом. Недаром в объявлении группы «Освобождение труда» было указано, что борьба с экономистами—«это борьба за существование с.-д-тии в современной России» (объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда», конец 1899).

И совершенно понятно, что она была самым неразрывным образом связана с ликвидацией организационного кустарничества и с необходимостью создания централизованной, монолитной и дисциплинированной соц-дем. рабочей партии. Это была коренная, насущнейшая задача того времени. Решительная и победоносная борьба за ее осуществление связана с периодом «Искры», ибо период идейно - организационного разброда конца 90-х гг. заканчивается с началом собирания партии ленинской вполне большевистской по своему направлению «Искрой» (старой). И борьба с экономизмом была доведена до конца старой «Искрой». Поэтому в нашем изложении борьбы с экономизмом в доискровский период мы сначала остановимся на нек-рых сторонах этого вопроса, нашедших наиболее яркое выражение уже в искровский период истории нашей партии.

Фактическая история возникновения экономизма и борьбы с ним в доискровский период развертывается на протяжении 1897—1900. В этот промежуток времени экономизм и получил наибольшее распространение как в России, так и за границей. В 1897 выходит «Рабочая мысль», к-рой и довелось в первую очередь оформить основные идеи экономизма. При чем следует иметь в виду, что с пятого номера «Рабочая мысль» становится органом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», решительно повернувшего к «экономизму». За эти же годы ряды русских с.-д. и с.-д. эмиграции начинают пополняться т. н. «молодыми», не прошедшими школы практической с.-д. работы и воспитанными на литературе «легального марксизма». Обострение отношений между «Союзом русских социал-демократов» и группой «Освобождение труда» принимает такой характер, что в 1898 группа отказывается от редактирования изданий Союза, находившихся в руках экономистов. В 1900 группа выходит из Союза и образует самостоятельную организацию (революционная организация «Социал-демократ»). В 1898 было написано Прокоповичем и Кусковой и выпущено т. н. «Кредо», в к-ром была изложена наиболее откровенно оппортунистическая и явно ренегатская платформа «экономизма». В 1899 начинает выходит «Рабочее дело», орган захваченного «экономистами» заграничного «Союза русских социал-демократов». В этом же году «Группа самоосвобождения рабочего класса» выпускает воззвание с ярким изложением платформы «экономизма». Летом 1899 г. 17 ссыльными с.-д. во главе с Лениным выпускается протест против кусковского «Кредо». В 1900 выходит плехановский «Vademecum» для редакции «Рабочего дела», с приложением «Кредо» и протеста 17-ти, содержащий разоблачение оппортунистического, антимарксистского, либерального характера «экономизма».

Где же лежали корни возникновения и распространения «экономизма» в 1898—1900? На почве бурного подъема капитализма и оживления рабочего движения марксизм в 90-х годах становился не только «модной теорией»: он распространялся вширь, захватывая самые широкие слои революционной молодежи и сознательных рабочих, и тем самым укреплял и расширял еще молодое движение. Но наряду и под общим знаменем марксизма в качестве легальных марксистов действовали люди, для к-рых эмансипация от мелкобуржуазного социализма означала переход к буржуазному либерализму. Идеологи буржуазии Струве, Булгаков, Туган-Барановский стремились, выхолостив революционное содержание марксизма, обратить марксистскую доктрину в орудие идеологического порабощения буржуазией пролетариата.

Новое поколение «молодых» с.-д. (после арестов и высылок «стариков»), вставшее во главе с.-д. организаций во многих городах, воспитывалось на «легальной» марксистской литературе, «а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренними доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 500).

Следующим условием, породившим «экономизм», был своеобразный характер рабочего движения 90-х гг., развертывавшегося в обстановке бурно развивавшегося капитализма. Стачечная борьба, протекавшая довольно успешно, что обусловливалось высокой хозяйственной конъюнктурой середины 90-х гг., сеяла иллюзии, будто экономической борьбой можно добиться существенных уступок от господствующих классов, не сходя с почвы экономической борьбы. Эти иллюзии, возведенные «экономистами» в закон рабочего движения, имели в своей основе ту предпосылку «экономизма», к-рая характеризует промежуточное социальное положение находящихся в сфере его идеологического влияния элементов рабочего класса. Эти элементы—б. ч. кустари или выходцы из деревни, не порвавшие еще связи с землей, отчасти ремесленники. Поэтому они охотнее приемлют проповедь чисто цеховой борьбы за отвоевание для себя хотя бы и скромного, но «осязательного» блага, именно сегодня, именно в интересах данной группы рабочих, чем пропаганду с.-д. революционных идей о систематической общепролетарской борьбе за политическую власть пролетариата в интересах полной ликвидации капиталистического строя и замены его социалистическим обществом.

Экономизм вместо того, чтобы помогать выделению из среднего слоя рабочих-передовиков и поднимать сознание низших слоев, рекрутируемых из деревни процессом быстро развивающегося капитализма, идеологически отражал межеумочное настроение этих

последних; он не только не ставил перед собой задачи способствовать раскрепощению их от мелкобуржуазных предрассудков, но лишь идеологически обобщал их.—В передовой № 1 «Рабочей мысли» (октябрь 1897. Текст приведен в приложении ко II тому Сочинений Ленина, стр. 611) рабочим внушалась мысль: «пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отнятая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию». Провозглашался лозунг, что каждая стачечная касса «дороже для движения, чем сотня др. организаций», — лозунг, по сути дела отрицающий значение революционной политической организации пролетариата и принижающий рабочее движение до уровня «чистого профессионализма», тред-юнионизма.

Экономисты не отрицали политику, но они ее понимали по тред - юнионистски, ибо они на деле стремились самостоятельное рабочее движение, концентрирующее вокруг себя борьбу с самодержавием, из с.-д. превратить в тред-юнионистское, в хвост либерально-демократического буржуазного движения. Сторонники «Кредо» считали, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву». Отсюда и вывод: «Для русского марксизма исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Беря под свою защиту «бернштейниаду», с исключительной развязностью предостерегая «наших марксистов» от того, чтобы «относиться с презрением к радикально- или либерально-оппозиционной деятельности...», «Кредо» откровенно заявляет, что «марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный... уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться» [см. Революция и ВКП (б) в материалах и документах, том I, 2 изд., стр. 316—325, М., 1925].

Экономизм «нашел своего защитника и в заграничном «Союзе русских социал - демократов», печатный орган к-рого «Рабочее дело», руководимый Акимовым-Махновцем, Кричевским и Мартыновым, внешне как будто стремился примирить марксизм с «экономизмом», на деле же по всем основным вопросам стоял на платформе экономизма. Одним из главных аргументов «Рабочего дела» против революционных с.-д., против «Искры» и «Зари» был тезис о преуменьшении последними значения объективного или стихийного элемента развития. В тесной связи с этим «Рабочее дело» выдвинуло «теорию стадий», «тактику-процесс» в противовес «искровской» позиции, которую они охарактеризовали как «тактику-план». Эти стадии, через которые проходит последовательно рабочее движение, «Рабочее дело» представляло себе в таком порядке: 1) чисто экономическая агитация; 2) политическая агитация в непосредственной связи с экономической борьбой сначала за ближайшие требования, а затем и 3) за всю программу; 4) политическая агитация вне прямой связи с экономической борьбой пролетариата или его ближайшими интересами вплоть до 5) агитации по поводу общественно-политических злоб дня.

Политическую борьбу «Рабочее дело» понимало чрезвычайно узко, типично по-тред-юнионистски, определяя рабочее движение «экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством». Отношение «Рабочего дела» к бернштейнианству чрезвычайно ярко было выражено в заявлении, что современное социалистическое движение «во всех своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение».—Трудно уловимой была позиция «Рабочего дела» по отношению к кредизму и рабочемысленству. Ясно было, что «Рабочее дело» не может занять хотя бы сколько-нибудь определенной позиции по отношению к откровенному «экономизму», стремится всячески смазать острые углы этой явно оппортунистической и по существу либеральной платформы, а на деле постоянно скатывается к подобным же антимарксистским взглядам на важнейшие вопросы рабочего движения и пролетарской теории.

И «Рабочая мысль» в более упрощенной форме, и «Рабочее дело» в более тонкой форме, и «Кредо» в форме более откровенной и законченной выражали одну, общую для них тенденцию лишить рабочее движение самостоятельности и подчинить его влиянию буржуазного либерализма. «Это был либерализм в рабочей блузе». Ленин в «Что делать?» дает следующую оценку «экономизму»: «Экономизм характеризуется в принципиальном отношении опошлением марксизма и беспомощностью перед современной „критикой“—этой новейшей разновидностью оппортунизма, в политическом отношении—стремлением сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу; непониманием того, что, не взяв в свои руки руководства общедемократическим движением, с.-д-тия не сможет свергнуть самодержавие; в тактическом отношении—полной неустойчивостью...; в организационном отношении—непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой и всяким неожиданным взрывом и, наконец, последним решительным нападением» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 342).

Революционные с.-д. повели борьбу с «экономизмом». В своем «Протесте» 17 ссыльных с.-д. заявляют (июль, 1899), что мнение «Кредо» об отсутствии предпосылок для создания самостоятельной политической партии в России свидетельствует о полном непонимании исторической роли рус. рабочего класса и насущнейших задач русской соц.-демократии. «Осуществление подобной программы („Кредо“) было бы равносильно

политическому самоубийству рус. с.-д-тии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего и русского революционного движения». Отмечая появление «Кредо» как факт, свидетельствующий о том, что авторы его сделали колоссальный шаг назад против той ступени развития, к-рой русская с.-д-тия уже достигла (I съезд, «Манифест»), «Протест» заявляет, что «русская с.-д-тия хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс» и что поэтому «девизом с.-д. должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе... Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская соц.-д-тия должна заботиться о ее дальнейшем претворении в жизнь, оберегая ее от всех искажений и опошлений». Далее «Протест» заявляет, что с.-д-тия, ставящая своей ближайшей задачей ниспровержение абсолютизма, выступит передовым борцом за демократию. «Протест» заканчивается словами «Манифеста»: «Рус. пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма» (Ленин, Соч., т. II, стр. 497—508).

Этот протест, автором и инициатором которого был Ленин, вызвал присоединение со стороны ряда колоний ссыльнопоселенцев. К нему в частности присоединился и Мартов, находившийся в Туруханске. Около 20 чел. ссыльных в гор. Орлове (быв. Вятской губ.), среди к-рых находились Потресов, Воровский, Гурвич, тоже выработали протест против« Кредо», категорически отвергавший какие-либо бернштейнианские попытки принизить движение и выхолостить революционную сущность марксизма. Группа «Освобождение труда», получив протест 17-ти, опубликовала работу Плеханова «Vademecum», в к-ром подвергала уничтожающей критике российских бернштейнианцев. Но дело окончательной ликвидации «экономизма» в рабочем движении завершила «Искра».

В нашей исторической литературе были попытки изобразить дело борьбы с «экономизмом» таким образом, что якобы «гегемония» в этом деле принадлежала Г. В. Плеханову и группе «Освобождение труда». Останавливаясь кратко на этом вопросе, мы должны отметить, что группа «Освобождение труда» безусловно запоздала с надлежащим разоблачением экономизма и не дала ему того отпора, который необходимо было дать. В подтверждение этого можно указать, что ряд материалов для «Vademecum'а» группа имела уже в 1898 и не использовала их для борьбы с «экономизмом» до 1900. И, несмотря на то, что мы не собираемся умалять значение Плеханова и группы «Освобождение труда» в деле ликвидации «экономизма», все же следует особо подчеркнуть, что наиболее последовательная линия была проведена здесь Лениным.

Не кто иной, как Ленин, до «Vademecum'а», в 1899, опубликовывает «Кредо» и выступает с сокрушительной критикой этого документа, тем самым ускоряя выход плехановского «Путеводителя». В 1900 в письме к Якубовой (в октябре) он высказывается за «расчистку» «мути», поднятой «кредистами» и бернштейнианцами, подчеркивая при этом, что бернштейнианцы и экономисты—«родные братья». В письме к Х-у, относящемся к этому же времени (1900), он пишет, что в отношении «Союза русских социал-демократов» «слияние невозможно, федерация тоже невозможна...» (Ленинский сборник, I, стр. 56). Именно Ленин нанес наиболее жестокие и сокрушительные удары «теории» и практике экономизма, явившегося препятствием на пути ликвидации кустарничества и создания единой централизованной, последовательно революционной пролетарской партии в России.

III. «Искра».

Общая характеристика начала 900-х гг. Экономическая депрессия начала 900-х годов в условиях самодержавно-крепостнического режима не могла не сказаться резким обострением общего политического положения. Кризис сильно ударил по материальным условиям широких масс рабочего класса, отразился резким ухудшением положения миллионов крестьянских хозяйств и ухудшил положение различных слоев мелкой городской буржуазии. Перед всей страной он с чрезвычайной наглядностью снова вскрыл основное противоречие царской России, противоречие между ростом производительных сил и стоявшим на его пути полукрепостническим царизмом. В силу этого начало 900-х гг. ознаменовалось широкой волной рабочих стачек, студенческих забастовок, политических уличных демонстраций и одновременным оживлением оппозиционного движения буржуазного либерализма. Все эти факты неопровержимо свидетельствовали о подъеме массового революционного движения на новую ступень. В качестве одного из средств борьбы с массовым рабочим движением царское правительство пустило в ход т. н. «полицейский социализм», известный под именем «зубатовщины». Массовое революционное движение неудержимо нарастало, сметая на своем пути все полицейские рогатки и вплотную подходя к периоду прямого натиска на твердыни царизма. В этой обстановке и «закладывались, — как констатировал Ленин, — основы массовой партии революционного пролетариата».

Исключительная по своему значению работа в этом направлении была проделана с.-д. группой «Искры». Она сложилась из основного ядра «стариков» петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с В. И. Лениным и основателей группы «Освобождение труда». Путь тред-юнионизма или пролетарского социализма, путь замыкания в узкие рамки узко понятых классовых, на деле цеховых, интересов или путь гегемона общенародной революции—так стоял вопрос в момент возникновения и деятельности «Искры». Подчинение рабочего движения влиянию буржуазного либерализма и отвлечение пролетарского революционного движения на путь тред-юнионизма в начале 1900 представляли реальную угрозу для российской с.-д-тии.

Обсуждая роль партии в весенних событиях 1901, Владимир Ильич писал, что «мы оказались не на высоте задачи, активность рабочих масс оказалась выше нашей активности, у нас не нашлось налицо достаточно подготовленных революционных руководителей и организаторов, к-рые бы прекрасно знали настроение во всех оппозиционных слоях и умели стать во главе движения, превратить стихийную демонстрацию в политическую, расширить ее политический характер и т. д.».

Раздробленность, кустарничество, узкий практицизм, увлечение модной критикой марксизма, непонимание нового этапа рабочего движения, а отсюда и необходимости перехода к высшим формам движения—все это очень характерно для большинства с.-д. организаций в начале 1900. Величайшая опасность такого положения еще более усугублялась перед лицом тех громадных исторических задач, к-рые были поставлены перед российской с.-д-тией. Перед лицом этих исторических задач надо было со всей решительностью ликвидировать период разброда и шатаний, внести в стихийное рабочее движение классовое социалистическое сознание, пропитать его революционной марксистской теорией, связать его с широкой политической борьбой за демократию, слить это стихийное движение с деятельностью революционной партии. Разрешению этих задач и посвятила свою деятельность «Искра».

В ряде статей, написанных для киевской «Рабочей газеты» в 1899, Владимир Ильич указывал на необходимость организации правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии. В этом Ленин видел самую насущную задачу, на которой должны были быть сосредоточены все силы и средства партии. Такой орган партии должен был, по мнению Ленина, связать экономическую борьбу с борьбой политической и содействовать претворению в жизнь идеи гегемонии пролетариата. Но задача общепартийной газеты не должна была ограничиваться созданием идейного единства и выработкой тактики соц.-д-тии. Центральный орган партии должен был, по мысли Ленина, взять на себя создание партийной организации. В статье «Наша ближайшая задача» Ленин пишет, что «организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных форм и правил ведения дела, без установления через посредство ЦО ответственности каждого члена партии перед всей партией» (Ленин, Соч., том II, стр. 498).

Эта же мысль, к-рая была повторена в «Объявлении» об издании «Искры» и неутомимо повторялась на протяжении всей деятельности последней, вызвала, как известно, целый ряд резких выпадов со стороны экономистов, обвинявших «Искру» в противопоставлении себя движению и фактически существующим с.-д. организациям той партии, к к-рой она сама принадлежит. «Экономисты» не понимали, что своею деятельностью они тянули партию назад к прежней раздробленности, к жалкому кустарничеству, к крохоборчеству, «созерцая,—по выражению Плеханова,—заднюю пролетариата». «Искра» выполнила историческую задачу—в обстановке революционного подъема «ликвидировать третий период», т. е. ликвидировать идейно-организационный разброд среди с.-д. и образовать единую пролетарскую партию.

Организация «Искры».—11 февраля (30 января) 1900 Владимир Ильич выехал из места ссылки в Псков, где должна была завершиться подготовительная работа по осуществлению обдуманного Лениным еще в ссылке плана создания общерусской газеты как центра идейного и организационного сплочения партии. Совещание в Пскове состоялось весной 1900. На нем присутствовали В. И. Ленин, Мартов, Потресов и С. И. Радченко, а также приглашенные «легальные марксисты» Струве и Туган-Барановский. Газету решено было издавать за границей, так как это являлось гарантией от провала. По инициативе Ленина решено было привлечь к участию в газете группу «Освобождение труда». Для переговоров с последней и для организации издания выехали за границу Потресов и Ленин. В Швейцарии, в дачной местности на озере Корсье, происходили переговоры с Плехановым. Еще до приезда за границу Владимир Ильич предлагал, чтобы редакторами газеты были «молодые». Однако, этот план натолкнулся на энергичные возражения Плеханова, грозившие провалом этого большого начинания. До разрыва с Плехановым дело, однако, не дошло. В конце концов переговоры с Плехановым закончились компромиссом: редакция «Искры» и научно-политического журнала «Зари» состояла из шести членов (Плеханов, Засулич, Аксельрод—от «стариков», группы «Освобождение труда», Ленин, Мартов, Потресов—от «молодых») с равными правами, но при сохранении полной организационной независимости «Искры» от заграничной организации «Социал-демократ» (образованной группой «Освобождение труда» после раскола с экономистским «Союзом русских с.-д.»). При содействии германских соц.-дем., Клары Цеткин и др. удалось наладить тайную типографию «Искры» в Лейпциге, потом в Мюнхене, и «Зари» в Штуттгарте. Заграничный тираж «Искры» в 1901 доходил до 8 тысяч экземпляров.

24 дек. 1900 вышел первый номер «Искры» с «Объявлением» об ее издании. Это объявление, характеризующее идейную физиономию «Искры» и написанное в основном Лениным, в следующих словах выразило те задачи, которые поставил перед собой центральный орган: «Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключающее ту разноголосицу и путаницу, к-рые, будем откровенны, царят среди русских с.-д. в наст. время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех кон-

цов России...». Основная же задача состояла в том, чтобы «содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса». В мюнхенский период внимание «Искры» было сосредоточено, гл. обр., на вопросах идейного размежевания и идейной борьбы (борьба с «экономизмом», с либералами, с с.-р., программа партии и пр.). Весной 1902 «Искра» переехала в Лондон. В этот период главное внимание «Искры» сосредоточивается на непосредственной подготовке съезда партии.

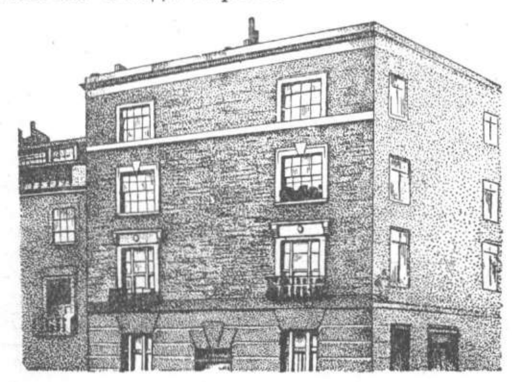

Рис. 3. Дом, в котором печаталась «Искра».

Борьба за гегемонию пролетариата. «Социал-демократия, — провозгласила „Искра" в своей первой вступительной статье, принадлежащей Ленину,—есть соединение рабочего движения с социализмом. Ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой отдельной стадии, а представительство всего движения в целом» (Ленин, Соч., том IV, стр. 56). Боевой, революционный характер «искризма», революционного социал-демократизма, обусловливал собой беспощадную последовательную борьбу «Искры» с оппортунизмом в теории и практике рабочего движения. Эта программа своим острием была направлена против экономизма, являвшегося в то время главным внутренним врагом пролетарской партии, без разгрома которого нельзя было и думать о создании революционной партии рабочего класса. Основной недостаток «Искры» экономисты видели в том, что она отводит чрезмерно большое значение теории. Теоретическую нетерпимость «Искры» экономисты объясняли переоценкой ею роли идеологии в движении. Пренебрегая теорией, экономисты, естественно, резко отрицательно относились к идейной непримиримости «искровцев». «Насквозь пропитанная сектантской непримиримостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, „Искра" всякое разногласие с нею готова заклеймить не только как отступление от с.-д. принципов, но даже как переход во враждебный лагерь»,— писали в своем письме в «Искру» экономисты.

Отрицательное отношение к «идеологам», к «революционной бацилле» особенно резко обнаружила и сформулировала «Рабочая мысль», заявившая, что «рабочее движение в той мере становится классовым и самостоятельным, в какой мере оно вырывает у руководителей это движение». Этим идеям «либерализма в рабочей блузе» «Искра» объявила решительную борьбу. «Фраза,—писал Ленин в «Что делать?»,—что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды,—с о в е р ш е н н о р а в н о с и л ь н а поэтому о т к а з у о т с о ц и а л и з м а, и если бы эти авторы (письма в редакцию «Искры», см. № 12) способны были продумать то, что они говорят, до конца, бесстрашно и последовательно, ...то им ничего не осталось бы как сложить „на пустой груди ненужные руки" и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут движение „по линии наименьшего сопротивления", т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской „идеологии"» (Ленин, Соч. т. IV, стр. 392).

Нет ничего удивительного в той оценке экономизма, к-рую дал Струве на страницах «*Освобождения*» (см.). «Либерализм и социализм (под которым Струве разумел экономизм. *А. Б.*) никоим образом нельзя отделить друг от друга или даже противопоставлять одно другому. По своему основному идеалу они тожественны и неразрывны. Социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие; он приходит не разрушать, а исполнять заветы либерализма». Эти откровенные слова подтверждали те предостережения, о к-рых неустанно напоминал Владимир Ильич: опасность преклонения перед стихийностью и умаления сознательного элемента в рабочем движении неизбежно приводит, хочет того умаляющий или нет, к распространению буржуазной идеологии в рабочем движении. Из такой постановки вопроса «Искрой» и вытекала основная задача—бороться за то, чтобы пролетариат, под руководством своей партии, стал гегемоном общенародного движения.

Экономисты, питаясь оппортунистическими воззрениями Бернштейна, умаляли и недооценивали значение теории. «Искра» же требовала прежде всего внимания теоретической стороне революционного движения пролетариата. «Без революционной теории не может быть и революционного движения, — писал в «Что делать?» Владимир Ильич (Сочинения, том IV, стр. 380). А для русской соц.-д-тии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами..., во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с др. направлениями революционной мысли, грозящими совлечь революционное движение с правильного пути...; во-вторых, с.-д. движение международно по самому своему существу. Это означает..., что начинающееся в молодой стране движение может быть успешным лишь при условии повторения им опыта других стран... В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической пар-

тией в мире» (там же). Под этими последними Владимир Ильич разумел разрушение могучего оплота европейской и азиатской реакции — русского самодержавия. Возглавлять эту борьбу всех оппозиционных царизму общественных сил в силу своеобразия исторической обстановки должен был, по мнению старой «Искры», пролетариат, как единственный, до конца последовательный, революционный класс современного общества.

«Искра» призывала с.-д-тию к вмешательству во все случаи общественного недовольства самодержавием, к усилению в нем (общественном недовольстве) революционного характера и положительного выражения политической программы и социальных интересов своего класса. На лицемерные обвинения экономистов, будто «Искра» стремится растворить рабочее движение в общенациональном, забывая классовые интересы движения, «Искра» отвечала: «в чем же выразится... классовый характер нашего движения?... Вот именно в том, что организуем все эти всенародные обличения мы, с.-д.; в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно с.-д. духе, без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма; в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацией тех стихийных столкновений его с эксплоататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 430). Идея гегемонии пролетариата была боевым знаменем ленинской «Искры». И она ее отстаивала в борьбе со всякими оппортунистическими течениями и прежде всего в борьбе с экономистами.

Организационные взгляды «Искры». Без организации сильной политической партии... «пролетариат,—писал Ленин,—не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и... (ему) никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу—освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства». Подготовить пролетариат к роли действительного гегемона в революционном движении—таков тот путь, к-рый был противопоставлен «Искрой» жалкой, крохоборческой, хвостистской тактике-процессу «экономистов», противопоставлявших ее искровской «тактике-плану». «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию», — восклицал В. И. Ленин в «Что делать?» (Соч., том IV, стр. 458).

В статье «С чего начать» Ленин писал, что исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации может быть постановка общерусской политической газеты, ибо только она может положить конец идейной и организационной раздробленности движения, столь характерной для с.-д. организаций в России в начале 1900. Центральная общерусская политическая газета, по словам Ленина, «не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация» (Ленин, Соч., том IV, стр. 111).—Исторические задачи, стоявшие перед рос. пролетариатом, властно требовали ликвидации кустарничества и создания организации «профессиональных революционеров», к-рые посвящали бы революции не одни свои свободные вечера, а всю свою жизнь. Эта организация, по мнению Ленина, должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной. Централизованность, дисциплинированность и конспиративность должны быть необходимым условием организации революционеров. В этом отношении с.-д-тия должна была использовать организационный опыт превосходной организации революционеров, какой была «Народная воля». Ленин зло издевался над тем типом революционера, каким представляли его себе экономисты. «Дряблый и шаткий в вопросах теоретических,—писал он,—с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, к-рый бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве—борьбе с политической полицией,—помилуйте! это не революционер, а какой-то жалкий кустарь!» (Ленин, Соч., том IV, стр. 458).

Основной гарантией построения с.-д. организации, способной с честью нести звание революционной партии, должно служить идейное единство на прочной основе революционного марксизма. Реализацией этого плана создания действительно революционной организации «Искра» мобилизовала вокруг своего знамени все действительно революционные элементы с.-д. движения и вырывала с.-д. организации из-под влияния «экономистов». В этом отношении совершенно исключительная роль выпала на долю брошюры Ленина «Что делать?», охватившей вопросы соц.-дем. теории и практики и давшей сводку организационных принципов «искровства».

Корреспонденции с мест свидетельствовали о колоссальной популярности и успехе этой брошюры среди русских с.-д. «Везде оперируют ленинским плугом,—писал один из с.-д.,— как самым лучшим производителем, возделывателем почвы. Он прекрасно сдирает кору рутины, разрыхляет почву, обещающую произвести злаки. Раз повстречаются на пути плевелы, посеянные «Рабочим делом», он всегда уничтожал с корнем».— В «Письме к товарищу» Ленин детализирует нек-рые положения брошюры «Что делать?». В нем указывается, что единство действий между Центральным комитетом и Центральным органом, делящими между собой функции идейного и практического руководства, должно быть обеспечено не только единой

программой партии, но и личным составом обеих групп. «Надо, чтобы в обеих группах, в ЦО и в ЦК, были вполне спевшиеся между собой люди» (т. V, стр. 180). Большое место в письме занимает вопрос о заводских кружках, которые должны сыграть большую роль в построении партии. «Ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на крупных заводах, „из которых каждый" должен быть нашей крепостью».

На вопли экономистов о заговорщической секте и об антидемократических тенденциях «Искры» последняя отвечала, что она стремится к созданию крепкой централизованной революционной организации и что тот демократизм, которого требуют экономисты, не сможет уничтожить кустарничества, а сделал бы с.-д. организации достоянием полиции. Два условия являются необходимыми для применения широкого демократизма. Это, во-первых, гласность и, во-вторых, выборность. Ни то ни другое не может быть проведено в условиях самодержавно-полицейского режима и требований строгой конспирации; поэтому широкий демократический принцип, облюбованный экономистами, являлся просто звонкой, но пустой фразой. «Единственным организационным принципом для деятелей нашего движения должны быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, обеспечено и нечто большее, чем „демократизм", именно полное товарищеское доверие между революционерами».

Таковы основные организационные принципы, защищавшиеся всей деятельностью «Искры», ликвидировавшей период разброда и шатаний. Именно старая «Искра» подготовила создание революционной организации большевизма, явившегося верным хранителем основных принципов революционной «Искры».

Здесь же необходимо отметить исключительную по своей развязности попытку Троцкого задним числом, спустя 20 лет, протащить мысль о том, что, мол, он, Троцкий, до ленинского «Что делать?» пришел к ленинской идее организации профессиональных революционеров. Эта попытка может быть поставлена рядом с другой подобной же хлестаковской «идеей» Троцкого о «перевооружении» большевизма в 1917. В № 5 за 1923 журнала «Каторга и Ссылка» Л. Троцкий поместил статью «Воспоминания о моей первой сибирской ссылке» (статья помечена 16 сент. 1922). В ней он пишет, что «из споров и разговоров о задачах с.-д-тии, в виду оживления революционного движения в стране (студенческих волнений и крестьянских беспорядков), вырос мой доклад на эту тему, написанный мной в Верхоленске не то в конце 1901, не то в начале 1902. В докладе проводилась мысль о необходимости революционно-политической агитации и централизованной партийной организации». И далее, в конце статьи, эта же мысль доводится до конца: «не то незадолго до поездки в Иркутск, не то по возвращении из Иркутска я впервые получил несколько номеров «Искры», а затем и книжку Ленина „Что делать?". Тут мы впервые увидели, что те мысли и организационно-политические планы, до к-рых мы дорабатывались ощупью в нашем углу, вылились уже в определенную программу действий и в организацию. Отсюда-то и возникла мысль: присоединиться к этой организации и приступить к работе». Внимательный читатель ясно видит, как осторожно, издалека и чисто по-шулерски ловко протаскивает Троцкий (в 1922) мысль о том, что в 1901—02 он до ленинского «Что делать?» не только пришел чуть ли не к ленинским организационным взглядам, но и отстаивал их в Верхоленской ссылке. На самом же деле Троцкий на очень короткое время присоединился к «Искре» с тем, чтобы выступить на II съезде против организационных планов Ленина, а затем, после II съезда, выступить уже с клеветническим памфлетом («Наши политические задачи») против большевизма.

Отношение «Искры» к либералам. Рост оппозиционного либерального движения в стране не мог пройти мимо «Искры», взявшей на себя роль передового борца за демократические преобразования... «Но как передовой боец за демократию,—писал Ленин, — соц.-д-тия должна руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их частных профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна выработать в своей среде таких вождей, которые умели бы политически влиять на все и всякие оппозиционные слои». И далее он подчеркивал, что «тот не с.-д., кто забывает, что мы обязаны перед всем народом излагать и подчеркивать общедемократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не с.-д., кто забывает на деле о своей обязанности—быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 3). По мнению Ленина, «партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как-раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок и заставить его двинуться на аршин..., а упрется— так мы пойдем вперед без него и через него» (там же, стр. 353).

Известно, что на псковском совещании присутствовали Туган-Барановский и Струве, на отход к-рых от марксизма указывал Ленин еще в своих ранних произведениях. Однако, привлечение Струве и Туган-Барановского, стоявших тогда в центре общедемократического оппозиционного движения, мыслилось Владимиром Ильичем с целью получения от них необходимых политических материалов. Тем более, что Струве имел большие политические связи. Соглашаясь принять участие в совещании, обсуждавшем вопрос о создании центрального революционного органа, Струве предполагал использовать его для высказывания идей либерализма. Струве потребовал участия в редакции на равных правах. Как сообщает Владимир Ильич в своей записи от 29 декабря 1900, Струве говорит о невозможности сотрудничать в таком печатном органе,

где его «разделывают под орех» (Ленинский сборник, I, стр. 72). Сотрудничество в «Искре» Струве мыслил себе, по его же словам, только в случае полной равноправности, т. е., как комментирует это условие Владимир Ильич, и равноправности, очевидно, «критиков» и «ортодоксальных». Затем Струве начал настаивать на основании третьего политического органа, при чем на обложке этого органа ничего с.-д., ничего указывающего на «искровскую» фирму не должно быть.

Владимир Ильич резко выступил против предложения Струве, оказавшегося «политиком чистой воды, политиком в худшем смысле этого слова, политиканом, пройдохой, торгашем и нахалом». Для Владимира Ильича было совершенно ясно, что все претензии Струве сводятся к вопросу о том: с.-д. ли должны вести политическую борьбу самостоятельно и самодовлеюще или либералы. Отсюда и вытекала непримиримость Ленина к претензиям Струве. Необходимость разрыва с либеральными демократами у Владимира Ильича не вызывала никакого сомнения. И когда остальные члены редакции «Искры» стояли все же за соглашение со Струве путем совместного издания нового журнала, Ленин призывал Плеханова совместно бороться против этого решения. Но в лице Плеханова он не нашел поддержки. В письме к Ленину Плеханов уверял, что «обстоятельства таковы, что разрыв со Струве теперь погубит нас» (Ленинский сборник, III, стр. 133).

В то время, как Ленин видел в Струве персонификацию тяготеющего к идейной гегемонии либерализма, в точке зрения Плеханова этого периода был другой оттенок. Мы уже выше упоминали, что Владимир Ильич удивлялся молчанию Плеханова в тот момент, когда Струве выступал в области философии с открыто-ревизионистскими статьями. И здесь Плеханов не разгадал в Струве представителя зарождающегося либерализма. Отсюда и та недооценка этих статей, к-рая сквозила у Плеханова. В своем первом полемическом письме к Богданову Плеханов характеризовал Струве конца 90-х и начала 900-х гг. не как оформляющегося либерала, а как «человека еще не доработавшегося до последовательного образа мыслей». Политического жонглерства Струве недооценивал и Потресов. Мартов в своих «Воспоминаниях» (Ленинский сборник, IV) пишет: «Потресов надеялся, что наличность такой партии (союз со Струве и компанией) надолго может закрепить за с.-д. идейную гегемонию над всеми демократическими элементами интеллигенции и оторвать их от конституционалистски-земского буржуазного либерализма. Напротив, Ульянов, подобно мне, скорее ожидал, что в конце-концов та часть интеллигенции, к-рая нашла в ревизионизме повод и средства для того, чтобы подвергнуть разъедающему действию теоретического скепсиса основные ценности социалистического миросозерцания, найдет успокоение именно в лоне этого земского конституционализма после того, как успехи рабочего движения подготовят почву для его успеха. Оба они стояли за соглашение с группой Струве, но Ульянов мыслил себе это соглашение „с камнем за пазухой“, при чем, как впоследствии выяснилось, вовсе не считал нужным, чтобы этот камень не торчал слишком уже заметно».

Что Владимир Ильич не ошибся, полагая, что Струве найдет успокоение в лоне земского конституционализма, показывает предисловие Р. Н. С. (Струве) к книге Витте «Самодержавие и земство». В своем предисловии Струве ценит произведение Витте «не только за его правду о самодержавии, но также как и драгоценный аттестат, выданный земству самой бюрократией». «Этот аттестат,—продолжает Струве,—служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой не желал и не желает видеть крупного политического значения рус. земства и его легальной культурной деятельности» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 151).—Людям, подобным Струве, Ленин ответил блестящей статьей «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Ленин отказывался признать за земством роль сколько-нибудь самостоятельного фактора политической борьбы. «Это—такой кусочек конституции,—писал Ленин,—посредством которого русское общество отманивали от конституции. Это именно такая, сравнительно очень маловажная позиция, к-рую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических» (там же, стр. 152). «Посредством лозунга вроде того, который выставлен г. Р. Н. С. (Струве) („властное земство“, или „земщина“ и т. п.), правительство отманит их, как щенят, от революционеров и, отманивши, схватит за шиворот и будет пороть розгами так назыв. реакции. А мы, господа, не преминем тогда сказать: так вам и надо!» (там же, стр. 154).

По поводу «Гонителей земства» завязалась очень оживленная переписка между редакторами «Искры». По получении статьи Плеханов ответил письмом (14 июля 1901) к Владимиру Ильичу, в котором он предлагает Ленину смягчить тон полемики. «Не следует,—писал он,—теперь ругать либералов вообще. Это нетактично. Надо от плохого либерала апеллировать к хорошему... следует несколько раз оговорить, что плохи так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения. Мы ведь должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а тон у вас, надо сознаться, совсем не союзнический... Итак смягчайте, голубчик. Либерализм не надо гладить теперь против шерсти—это большая ошибка» (Ленинский сборник, III, стр. 203). В письме к Аксельроду Плеханов обращается к нему с предложением внимательно прочесть место, где говорится о значении земской деятельности. «Мне сдается,—пишет Плеханов,—что тут что-то не так». Точку зрения Плеханова целиком и полностью разделял Аксельрод. «Для нас,—писал Аксельрод в редакцию «Искры»,—кажется мне, на первом плане должен бы стоять вопрос, являет-

ся ли земство, в какой мере и при каких условиях элементом или фактором политического брожения. Если оно является или может явиться таким фактором, то, значит, оно по своей „исторической тенденции" несовместимо с самодержавием, хотя бы представители последнего в его интересах шли на половинчатые уступки „общественному мнению" с тем, чтобы разъединить оппозицию».

В этих оценках земства и либерализма сказывалось именно непонимание особенностей развития российского капитализма, непонимание того, что рус. буржуазия, тысячами нитей связанная с самодержавием, осуждена ходом истории на нерешительность и половинчатость, что это обязывает с.-д-тию вести строго-классовую линию и взять на себя роль руководителя общедемократического движения.—Для Владимира Ильича смысл борьбы со Струве был совершенно ясен: или рабочий класс станет во главе общедемократического движения и использует его в своих классовых интересах или либерализм подчинит своему влиянию рабочее движение. Вот почему Владимир Ильич был так резок и непримирим в борьбе с попытками либералов и их представителя Струве подчинить своему влиянию рабочее движение. Не апелляция от плохого либерала к хорошему, а использование либерально-оппозиционного движения при условии полной возможности для пролетарской партии разоблачать перед рабочим классом враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. Этим определялось использование либерализма социал-демократией у Ленина.

Отношение «Искры» к крестьянству. Постановку общей проблемы о крестьянстве и марксистское ее разрешение «Искра» дает в статье Ленина «Рабочая партия и крестьянство», напечатанной в третьем № газеты. Охарактеризовав в этой статье тяжелое положение, в котором очутилось крестьянство после реформы 1861, Владимир Ильич на вопрос о выходе и средствах улучшения участи крестьянства отвечает: «От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться только примыкая к рабочему движению, помогая ему в борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и др. средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.), в общественную собственность» (Л е н и н, Соч., том IV, стр. 102). Далее Владимир Ильич вскрывает всю иллюзорность и реакционность попыток улучшить положение крестьянства путем защиты мелкого хозяйства от натиска капитала. Крестьянство страдает в современных условиях не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и крепостнических пережитков. Это положение делает не только возможным, но необходимым и неизбежным революционное движение всего крестьянства, направленное против крепостничества. С.-д-тия, берущая на себя роль руководителя общедемократического движения, не может не оказать всемерной поддержки этой борьбе. «Такая поддержка,—пишет Владимир Ильич,—должна выразиться, коротко говоря, во внесении классовой борьбы в деревню» (т а м ж е, стр. 102). Для Ленина революционные возможности всего крестьянства в борьбе с крепостничеством не скрывали, однако, наличия классовых противоречий внутри самого крестьянства.

Классовая борьба внутри крестьянства развивается, растет, но она вся в будущем. С.-д-тия должна внести в среду крестьянства семя классовой борьбы и политического сознания. Такая деятельность с.-д-тии вызовет несомненно сочувствие в крестьянстве, расширит крестьянское движение, к-рое в союзе с рабочим освободит русское крестьянство и всю страну от остатков крепостничества.—В статье «Революционный авантюризм» Ленин указывает на путаницу мысли у эсеров, неспособных разобраться в отличии демократического движения против крепостничества от социализма и потому неспособных дать отвечающий объективным условиям ответ на роль крестьянства в том и другом движении. В этой статье Владимир Ильич дает следующий, в высшей степени важный ответ эсерам о роли крестьянства в революционном движении: «О том, что гибнущие мелкие производители (крестьяне в т. ч.) могут и должны участвовать в социалистическом движении пролетариата, «Искра» не только сказала в своей программе, но и точно определила условия этого участия. Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма движением; наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, к-рые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества» (Л е н и н, Сочинения, т. IV, стр. 156). В среде крестьянства развивается классовая борьба. Поддерживая все крестьянство в имеющей прогрессивное значение борьбе с остатками крепостничества, социал-демократия одновременно организует бедноту для использования в интересах и приближающейся революции и в борьбе против капитализма в союзе с рабочим классом.

Большую роль сыграла популярная брошюра Владимира Ильича «К деревенской бедноте». Эта брошюра, судя по письмам практиков с.-д., имела громадный успех, и по выражению одного из корреспондентов «Искры», «производила фурор». В письме к Аксельроду Мартов писал, что «Владимир Ильич написал очень удачную книжку „К деревенской бедноте" для популяризации среди крестьян нашей программы; она, пожалуй, произведет впечатление не менее сильное, чем „Что делать?"».

Придавая большое значение общедемократической борьбе крестьянства с остатками крепостничества и призывая социал-демократию к всемерной поддержке этой борьбы, Ленин не уставал напоминать, что единственным революционным классом является только пролетариат и вне союза с ним нет выхода для крестьян. Наиболее полно свои взгляды на роль крестьянства в революционном движении Владимир Ильич изложил в «Аграрной программе», вызвавшей дискуссию внутри редакции «Искры». Эта дискуссия свидетельствовала, что не все члены редакции разделяют взгляды Ленина на отношение пролетариата к крестьянству.

Отношение «Искры» к эсерам. По мере того, как все более явственно обнаруживалась мелкобуржуазная идеология и вскрывался авантюризм и оппортунизм с.-р., обострялась борьба с ними со стороны «Искры». Троякого рода обстоятельства способствовали, по замечанию Ленина, более четкому определению идейной физиономии эсерства и обусловили необходимость решительной борьбы с ним. Во-первых, «раскол между революционной с.-д-тией и оппортунизмом, поднимавшим голову под знаменем „критики марксизма", во-вторых, убийство Балмашовым Сипягина и новый поворот к террору и, в-третьих, новая волна крестьянского движения, заставившая людей, привыкших сидеть между двух стульев и не имеющих никакой программы, выступить пост-фактум хоть с чем-нибудь похожим на программу» (Ленин, Соч., т. V, стр. 146).

Эти три обстоятельства, обнаружившие реакционность эсеровской идеологии, вызвали появление статьи Владимира Ильича «Почему с.-д. должны объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам». В расколе международной с.-д-тии на оппортунистическое и левое крыло эсеры заняли половинчатую позицию, постоянно сползая к поддержке ревизионизма (напр., в аграрном вопросе эсеры брали свою аргументацию из ревизионистских книжек Герца, Давида и К°). Беспринципность эсеров, их попытки «пересмотреть» марксизм приводят их к отрицанию единственного революционного принципа—классовой борьбы. «Они не понимают, что действительно революционной и истинно-социалистической может быть в современной России лишь партия, сливающая социализм с русским рабочим движением» (там же, стр. 132). Наряду с этим на основе явно либерального понимания классов и классовой борьбы эсеры выдвинули свою либерально-ревизионистскую теорию о представительстве интересов интеллигенции, крестьянства и рабочего класса. Такая схема содержала не что иное, как политическое и идейное порабощение пролетариата русской буржуазной демократией и ликвидацию гегемонии пролетариата в революции. «Рус. интеллигенция и рус. крестьянство, как социальные слои,—писал Ленин,—сопоставляемые с пролетариатом, могут быть опорой только буржуазно-демократического движения» (там же). Что касается программно-тактических требований, то они с неменьшей ясностью характеризовали беспринципность этого (с.-р.) направления. Не понимая отличия общедемократического движения крестьянства от социалистического движения пролетариата, эсеры в качестве программы-минимум выдвигали требование социализации земли, смешивая ее с буржуазной национализацией. Выставляя требование о поддержке и развитии кооперации в условиях товарного капиталистического хозяйства, с.-р. тем самым приходили к принижению социализма до уровня самого дюжинного мелкобуржуазного реформаторства.

«Это—обман, будто всевозможные кооперации играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии,—пишет Ленин,—это—обман, будто как „минимум", как нечто столь же близкое, как кооперации, можно ставить в виду „крестьянства" социализацию земли» (Ленин, Сочинения, т. V, стр. 159). Уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще. Передача земли в руки крестьянства не может радикально изменить положение последнего, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства, лишенного орудий и скота, могут быть снабжены ими путем социалистической революции, а не через крестьянское движение против крепостничества. «Эсеры смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией», возможной на базе капитализма «без уничтожения наемного труда». В области тактики эсеры, защищая террор как средство политической борьбы, приносили тем самым серьезный вред движению, ибо разрушали связь социалистической работы с массовой борьбой революционного класса. «Теперешние террористы,—говорил Ленин,—являются настоящими экономистами наизнанку». Т. о., и в области теории, и в области программы, и в области тактики эсерство являлось не чем иным, как одним из проявлений «мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризацией социализма».

Беспощадная и решительная борьба с эсерами не замедлила дать свои плоды. Революционный пролетариат пошел не за «партией революционного авантюризма», получившего в свое время название «социалистов-реакционеров», а за партией, высоко державшей знамя революционно-марксистской ортодоксии.

Программа «Искры». Настоятельные запросы о выработке программы, которые поступали из России, необходимость ясно формулированных принципов теории и тактики для того, чтобы скорее можно было произвести межевание с оппортунистическим крылом партии, и, наконец, предполагавшийся созыв объединительной конференции заграничных с.-д. организаций побудили «Искру» предпринять определенные шаги для выработки программы. Уже зимой 1900 Ленин предлагал Аксельроду заняться выработкой программы. В июле 1901 в письме к Аксельроду Владимир Ильич, в связи с усилением разговоров о съезде, пишет: «Это опять и опять заставляет нас подумать о программе. Опубликование проекта программы крайне необходимо и имело бы громадное значение» (Ленинский сборник, III, стр. 193). В этом же письме Ленин повторяет свое предложение, чтобы Аксельрод вместе с Плехановым взялся за выработку программы.

В ноябре-декабре 1901 Плеханов написал проект программы и послал мюнхенской редакции, на совещании к-рой в янв. 1902 он и был подвергнут обсуждению. В виду того, что проект Плеханова не удовлетворил Ленина, он и взялся за составление своего проекта, который в своих основных чертах был сходен с его ранними проектами (1895—

Эйдельман.

Кремер.

Радченко.

Ц. К. 1-го СЪЕЗДА Р. С.-Д. Р. П.

Засулич.

Ленин.

Плеханов.

Мартов.

Потресов.

Аксельрод.

РЕДАКЦИЯ СТАРОЙ „ИСКРЫ“.

ТРЕСТ „ГЕОКАРТПРОМ“

1896 и 1899). Получив проект Ленина, Плеханов в письме к мюнхенской части редакции сообщает, что, по его мнению, проект Ленина «совсем не годится», что «проект не может быть принят по теоретическим соображениям», что он «не сделает чести группе Освобождение труда» и, наконец, что принятие ленинского проекта «может привести к расколу». Поэтому Плеханов предлагает «передать проект на обсуждение всем членам „Лиги революционных с.-д.», в которую входила и «Искра», т. е. вынести споры за пределы редакционной группы. Вместе с тем Плеханов, после критических замечаний Владимира Ильича, взялся за составление второго проекта программы, являвшегося по существу ухудшением первого (не включен пункт о диктатуре пролетариата и др.). И этот второй проект совершенно не удовлетворил Ленина. Тогда, по инициативе Засулич, была создана комиссия для согласования двух проектов, при чем в основу был положен плехановский проект. Подвергнутый нек-рым изменениям и исправлениям, под давлением критическ. замечаний Ленина, плехановский проект был утвержден и от имени редакции «Искры» предложен II съезду. За Лениным было оставлено право выступления на съезде со своей точкой зрения.

Сущность программных разногласий заключалась в том, что часть «искровцев» предлагала при выработке программы такие поправки, которые по существу означали уступки реформизму и экономизму. Ленина не удовлетворял весь тип плехановского проекта программы: «самым общим и основным недостатком, к-рый делает этот проект неприемлемым, я считаю весь тип программы, именно: это — не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung, это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма) и притом учащихся первого курса, на к-ром говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме. Этот основной недостаток вызывает также массу повторений, при чем программа сбивается на комментарии» (Ленин, Соч., т. V, стр. 18). В противоположность плехановскому проекту, начинавшемуся с характеристики капитализма вообще, Ленин в качестве исходного пункта программы дает характеристику русского капитализма. Только такой исходный пункт программы позволял правильно формулировать задачи с.-д-тии в условиях российской обстановки. Ленин считал, что «программа рус. с.-д. партии должна быть характеристикой (и обвинением) рус. капитализма,—и затем уже подчеркнуть международный характер движения, которое по форме своей,—говоря словами Коммунистического манифеста, — необходимо является сначала национальным» (там же).

Верный своей абстрактной схеме, Плеханов «туманно» и «расплывчато» характеризует в проекте программы перспективы мелкого производства в условиях развивающегося капитализма, утверждая, что «непрерывное усовершенствование техники увеличивает значение крупных предприятий и тем уменьшает число мелких самостоятельных производителей, суживает их роль» и... «ставит их в б. или м. полную, б. или м. явную, б. или м. тяжелую зависимость от капитала». Ленин, резко возражая против подобн. изображения последствий капиталистич. развития, писал, что «это—язык «Русских ведомостей». Это не термин социалистической проповеди, а термин статистического сборника. Эти слова словно нарочно подобраны для того, чтобы читатель вынес впечатление, будто характеризуемый процесс не есть процесс резкий, не заканчивающийся ничем определенным, процесс безболезненный... Мы не можем и не должны выбирать наиболее абстрактные формулировки, ибо мы пишем не статью против критиков, а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян. Обращаясь к ним, мы должны сказать..., что капитал „делает их слугами и данниками", „разоряет их", „вытесняет" их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает каждый кустарь и каждый крестьянин. И только из такой формулировки будет вытекать неизбежно вывод: единственное спасение для вас — примкнуть к партии пролетариата» (Ленин, Соч., т. V, стр. 23).

Этот спор о «сужении» или «вытеснении» был спором, в основе к-рого лежала принципиально различная оценка значения мелкой буржуазии в ходе подготовки и развития социалистической революции и ее (мелкой буржуазии) отношения к партии пролетариата. В плехановском проекте § 10 мы читаем: «растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, обостряется ее борьба и прежде всего борьба ее передового представителя—пролетариата...». И дальше, в § 11 делается такое определение задач с.-д.: «Международная с.-д-тия стоит во главе освободительного движения трудящейся и эксплоатируемой массы, она организует ее боевые силы, разоблачает перед ней непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ей историческое значение и необходимые условия той социальной революции, к-рую предстоит совершить пролетариату, поддержанному др. слоями населения, страдающего от капиталистической эксплоатации» (Ленинский сборник, II, стр. 591). Эти пункты встретили резкие возражения со стороны Ленина. Он указывал, что они противоречат основным положениям Коммунистического манифеста и статутов Интернационала и открывают двери для народнических, «критических» и всяких мелкобуржуазных недоразумений; что в них совершенно неправильно отожествляется недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя, ибо недовольство мелкого производителя очень часто порождает и неизбежно должно или в значительной части его порождать стремление отстоять свое существование как мелкого собственника. Отсюда понятно, что «передовым представителем мелкой буржуазии пролетариат, вообще

говоря, вовсе не является. Если это бывает, то лишь тогда, когда мелкий производитель сознает неизбежность своей гибели, когда он покидает свою точку зрения и переходит на точку зрения пролетариата». Указывая на то, что с.-д-тия не стоит во главе освободительного движения трудящейся эксплоатируемой массы, а только во главе рабочего класса, Ленин замечает, что к этому классу примыкают др. элементы, но именно элементы, а не классы, и то только тогда, когда они покидают свою собственную точку зрения. Отсюда не следует, что Ленин игнорировал мелкую буржуазию, он считал правильным определить ее роль только при условии четкого и ясного признания гегемонии пролетариата и классового характера партии: «обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только, единственно и исключительно пролетариат,—а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет...» (Ленин, Соч., т. V, стр. 48).

В тесной связи с трактовкой роли мелкой буржуазии в социалистической революции находится вопрос о диктатуре пролетариата. Указав, что во втором плехановском проекте отсутствует указание на диктатуру пролетариата, бывшее в первом проекте, Ленин вскрывает те ошибки, к которым неизбежно должен притти Плеханов и его сторонники, искажающие роль мелк. буржуазии в ходе и подготовке социалистич. революции. «...Понятие диктатуры пролетариата несовместимо с положительным признанием чужой поддержки пролетариата. Если бы мы действительно положительно знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетарской, революции, тогда не к чему бы и говорить о диктатуре, ибо тогда вполне было бы нам обеспечено такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы» (Ленин, Соч., т. V, стр. 29). Если положительно признается роль мелкой буржуазии в социалистической революции, то почему бы не сказать о диктатуре трудящихся? В том-то и дело, что «признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением Коммунистического манифеста, что пролетариат один только есть действительно революционный класс» (там же).

Замечания Ленина возымели свое действие. По предложению Засулич комиссия вносит следующую поправку: «к пункту о классовой борьбе и социальной революции (против проекта Фрея-Ленина) добавляется, что с.-д-тия борется против угнетения и эксплоатации не только наемных рабочих, но и всех трудящихся и угнетенных и освободит все трудящиеся массы, но в противоположность проекту Жоржа (Плеханова) самый пункт о классовой борьбе и социальной революции формулируется строго в духе пролетарской классовой борьбы и добавляется диктатура пролетариата». Т. о., мы видим, что Плеханов и его сторонники при выработке программы смазывали роль пролетариата как гегемона революции и смягчали значение диктатуры пролетариата.

Горячие споры Ленина с остальной частью редакции по программным вопросам вынудили последнюю на уступки. Они не удовлетворили Ленина. Но, не желая выносить спор за пределы редакции, Ленин открыто не выступал против проекта. Лишь тогда, когда Плеханов пытался исказить причины споров с Лениным, последний в № 11 «Вперед» (1905) коснулся, в примечании к статье Воровского «Плоды демагогии», сущности действительных разногласий в редакции. Приводим это примечание целиком: «Этим подчеркиванием того, что проект программы писан не мною, Плеханов первый выносит на публику в виде намека, попрека и упрека наши споры о проекте программы. К сожалению он не рассказывает об этих спорах, а ограничивается сплетней, т. е. утверждением пикантным, но не ясным и не проверенным. Я должен поэтому добавить к статье моего коллеги против Плеханова, что у меня есть документальные данные о спорах наших при обсуждении проекта программы, и эти данные я при случае опубликую. Читатели увидят тогда: 1) что совершенная неправда утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за „Что делать?“».Оно было из-за деления шестерки пополам при спорах о программе; 2) что я отстаивал и отстоял включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства крупным. Плеханов хотел ограничиться расплывчатым выражением в духе знаменитого „более или менее“; 3) что я отстаивал и отстоял замену термина „трудящаяся и эксплоатируемая масса“ термином „пролетариат“ в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что Плеханов, когда я и мои сторонники шестерки упрекали его за недостаточно выдержанный пролетарский характер партии в его проекте программы,защищается контр-обвинением, что я „понимаю пролетарский характер партии по-мартыновски“» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 169).

Разногласия в связи с выработкой аграрной программы «Искры». Разногласия в редакции «Искры» не ограничивались разногласиями по теоретической части программы. Разногласия были также и по аграрной части программы. Предметом споров была статья Ленина «Аграрная программа русских с.-д.», к-рая являлась комментарием аграрной части программы «Искры». Ленин считал, что интересы развития классовой борьбы в деревне это есть «основной и центральный пункт теории революционного марксизма в области аграрного вопроса». Это означало признание капиталистической эволюции сельского хозяйства, порождающей классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией, которая (классовая борьба) и должна быть первой и коренной заботой социал-демократии. Не беря на себя защиты интересов крестьянства как класса мелких производителей в современном обществе (ибо с.-д-тия непосредственно и всецело представляет интересы только одного пролетариата), Ленин стоит на той точке зрения, что защиту интересов крестьянства с.-д-тия может брать на себя лишь при известных, точно определенных условиях. Таким условием является борьба за ликвидацию

крепостнических отношений в стране. «В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок (т. е. крепостничество) и поскольку он еще царит,—врагом его является все крестьянство, как целое. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство еще продолжает оставаться классом, именно классом, не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием. И поскольку сохраняется еще в нашей деревне этот, свойственный крепостному обществу, классовый антагонизм „крестьянства" и привилегированных землевладельцев, постольку рабочая партия несомненно должна быть на стороне „крестьянства", должна поддерживать его борьбу и подталкивать его на борьбу против всех остатков крепостничества» (Ленин, Соч., т. V, стр. 92). При рассмотрении этого вопроса Лениным было сделано одно чрезвычайно важное замечание, к-рое мы считаем необходимым привести здесь целиком: «Для того, чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полубатракам переход к социализму,—писал Ленин,—крайне важно, чтобы социалистическая партия сейчас же начала вступаться за мелкое крестьянство, делая для него „все возможное" с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных *„чужих" (непролетарских вопросов)*, приучая всю трудящуюся и эксплоатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя. Практические требования с.-д. по аграрному вопросу должны быть направлены к ликвидации крепостничества; это должны быть требования, к-рые в состоянии только силой взять себе революционное движение крестьянства». Т. о., признанием классовой борьбы в деревне как основного пункта аграрной программы Владимир Ильич отгораживался от мещански реакционных народнических взглядов, не видевших расслоения крестьянства и классовой борьбы в деревне. Но вместе с тем он не выкидывал за борт все народничество, а брал его революционную сторону, «желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя».

Основным пунктом практических требований с.-д. в аграрном вопросе было требование возвращения отрезков. Это требование «выделяет изо всех двуличных и противоречивых требований крестьянина именно то, что может действовать революционно только в направлении всего общественного развития и что заслуживает поэтому поддержки пролетариата» (Ленин, Соч., т. V, стр. 113). Требование отрезков слагается из требования учреждения крестьянских комитетов и экспроприации крестьянскими комитетами тех отрезков, к-рые служат в руках помещиков орудием для закабаления крестьян. Т. о., Ленин решительно отгораживается от буржуазно-либеральных программ, стремившихся затушевать классовую борьбу и разрешить аграрный вопрос методами социального реформаторства.

Из всей ленинской постановки вопроса об отрезках следовало, что программа отрезков была для Ленина не «заголовком», а «дверью» к поддержке революционной борьбы крестьянства за землю и к максимальному расширению аграрных требований пролетарской партии в момент развертывания аграрной революции. В рассматриваемой статье Ленин заявляет, что требование национализации земли действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование, и что оно, будучи вполне правильным с принципиальной точки зрения, пригодно в «эпоху революционного восстания». Условием поддержки национализации земли являются упрочившиеся, глубоко укоренившиеся демократические политические учреждения. Национализация земли, т. о., принципиально допустима и на базе буржуазной революции и является лозунгом крестьянского восстания. Этот лозунг связывался Лениным с полной победой демократической революции.

По вопросу о национализации земли возникли крупные разногласия в «Искре». Плеханов допускал лозунг национализации земли лишь как часть «требования национализации всех средств производства», Мартов—как непосредственный пролог социализации всех средств производства, а Аксельрод считал, что «национализация земли и как лозунг восстания—теперь антиреволюционен». Это отрицание национализации земли как меры реакционной вытекало из неверной оценки всего характера движущих сил в предстоящей буржуазной революции в России. В статье «К эпилогу крестьянских бунтов» Мартов пишет: «Недавно на одном из рус. собраний за границей оратор, громивший «Искру» за ее аграрную программу, сказал, что в наст. время всякий политический шарлатан, который предложит крестьянам национализацию земли, будет иметь успех. Очень может быть, но именно поэтому с.-д-тия имеет все основания не спешить подхватить этот соблазнительный лозунг. Мы слишком отчетливо представляем себе, какие общественные классы приобретут политическое господство в России на другой день после переворота, за к-рый мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передаче в руки этих буржуазных классов распоряжения земельным фондом страны». Эти взгляды явно выражают всю философию меньшевизма в русской революции. Из этой цитаты вытекает, во-первых, непонимание лозунга национализации земли как лозунга, расширяющего крестьянское движение; во-вторых, непонимание того, что основным вопросом революции является разрешение аграрного вопроса и что только национализация земли может с корнем вырвать крепостнические пережитки в стране; в-третьих, непонимание особенностей предстоящей революции как революции крестьянской в отличие от «классических» буржуазных революций на Западе.

Еще в статье «Преемственная связь нашего с.-д. движения с народничеством» Аксельрод обосновывал свое отрицательное отношение к национализации земли. Аксельрод подобно Мартову находил, что национализация может быть только непосредственным прологом социалистической революции. В своей полемической статье «Ортодоксальное буквоедство», направленной против

Рязанова, подвергнувшего резкой критике проект программы «Искры», Плеханов писал: «У нас в России государство издавна привыкло рассматривать земли, не принадлежащие т. наз. частным владельцам, как свою собственность. Общинное землевладение крестьян означало на самом деле, что и земля и привязанный к ней крестьянин принадлежали казне и третировались ею применительно к „казенному интересу“. Вот почему наше общинное землевладение было самой прочной экономической основой царизма. Чтобы повалить царизм, надо разрушить его экономическую основу, а для этого необходимо поставить крестьянина в условия современного частного землевладения и устранить фактически установившуюся у нас азиатскую форму государственного землевладения. Поэтому всякие проекты национализации земли или обращения помещичьих земель в государственную собственность являются у нас реакционными по существу вопреки своей революционной внешности» (Плеханов, Соч., т. XII, стр. 408). Ту же аргументацию Плеханов поддерживал и на IV съезде партии в спорах по аграрному вопросу. Плеханов не видит в лозунге национализации земли лозунга крестьянского восстания и той меры, к-рая только и способна окончательно ликвидировать крепостничество.

Под давлением редакции Владимир Ильич все, что относилось к национализации, из статьи устранил. Ему было предоставлено право выступить с критикой программы, но он, в целях сохранения мира внутри «Искры», этим правом не воспользовался.—Несомненный интерес представляет переписка Плеханова и Ленина в момент резкого обострения разногласий по вопросам программы в редакции «Искры». Плеханов писал Ленину: «теперь нам затевать междоусобие просто немыслимо»; тут же он указывал, что «на 75% мы с Вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам „коллегии“, на остальные 25—есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя единомыслия следует забыть о разногласии». Ленин отвечал на это плехановское письмо заявлением громадного удовлетворения тем, что положен «конец мыслям о „междоусобии“», ибо,—писал он,—«партийные последствия были бы самые печальные» (Ленинский сборник, III, стр. 430 и 433).

При выработке программы партии вообще, аграрного ее отдела в частности, «Искре» приходилось вести борьбу против оппортунистических попыток исказить ортодоксальные марксистские постановки основных программных проблем. — В 1906 Ленин писал, что аграрная программа 1903 «была непомерно узка» и что в то же время «и эта непомерно узкая аграрная программа казалась слишком широкой правому крылу с.-д. партии», т. е. Мартынову и др. экономистам (см. Ленин, Соч., т. XII, стр. 67. «Предисловие» к сборнику «За 12 лет»). Критика аграрной программы «Искры» шла и со стороны группы «Борьба» (Рязанов, Стеклов, Гуревич), к-рая выдвигала требование национализации земли и высказывалась против требования «отрезков». К слову сказать, позиция этой группы была чрезвычайно путаной: в вопросах организационных и тактических она скользила к рабочедельчеству, а в аграрной части программы выставляла лозунг национализации и т. д. Но и в выставлении лозунга национализации группой «Борьба» никак нельзя видеть того, что здесь группа стояла на правильной позиции, ибо этот лозунг у нее не был связан с хотя бы сколько-нибудь правильной революционно-марксистской общей платформой,—наоборот, литературные произведения членов этой группы свидетельствовали как-раз об обратном. Надо иметь в виду, что Ленин практические аграрные требования партийной программы выводил из общей оценки аграрных отношений в России и перспектив аграрного движения крестьянства. Об этом тезисе в годы после первой революции он говорил с исчерпывающей ясностью. Ленин ясно видел, в чем была ошибка аграрной программы 1903; он указывал, что тогда не было «точного представления» о том, «из-за чего может и должна развернуться аграрная борьба», каковы «типы капиталистической аграрной революции», и пр. Этим, м. пр., лишний раз подчеркивается, что ленинская политика неизменно строилась на базе передовой научн. теории—марксизма. И партийную программу, в т. ч. и ее аграрную часть, он хотел построить на твердой конкретной научной базе, а не измышлениях «ортодоксального буквоедства» или субъективном фантазерстве «критически мыслящих личностей». «Правда,—писал Ленин об аграрной программе 1903,—и здесь надо принять во внимание, что отсутствие открытого массового движения не позволяло тогда решить вопрос на основании точных данных, а не на основе фраз или невинных пожеланий или мещанских утопий, как решали его эсеры» (Ленин, Соч., т. XI, стр. 363).

IV. Второй съезд партии.

Между первым и вторым съездами. В своей брошюре «Шаг вперед—два шага назад» Ленин указывал, что «главная задача» II парт. съезда состояла «в создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, к-рые были выдвинуты и разработаны «Искрой». I съезду не удалось создать «действительной партии», и понадобилось целых пять лет для того, чтобы эта задача осуществилась.—Переломным моментом в деле ликвидации «периода разброда, распада, шатаний» было создание «Искры», к-рая начала, развернула и довела до конца громадную работу по подготовке партийного съезда. Надо было преодолеть разброд идейный, создать крепкую идейную марксистскую базу для объединения всех разрозненных социал-демокр. групп. Надо было преодолеть разброд организационный и создать действительное объединение всех с.-д. групп и кружков в единую централизованную партию. Этот путь был длителен и тяжел. Он прошел через попытки объединения с.-д.

групп заграницей, которые предпринимались не по инициативе «Искры», но проходили при ее участии через объединение под «искровским» знаменем подавляющего большинства организаций, возникавших и действовавших в России, и через непосредственную организационную подготовку к самому съезду. Эта громадная работа по собиранию партии развернулась в условиях нарастающего революционного подъема 1900—03.

Попытки объединения заграничных с.-д. групп (1900—01). Как известно, в 1900 группа Освобождение труда вышла из заграничного Союза русских социал-демократов и образовала самостоятельную организацию Социал-демократ. В этом же году возникает «Искра». Попытки к объединению социал-демократов были предприняты заграничной с.-д. группой в составе Рязанова, Ю. Стеклова (Невзорова) и Э. Гуревича (Даневич-Смирнов). Члены группы рассчитывали на возможность примирения революционного и оппортунистического направлений в рус. с.-д-тии. В своих воспоминаниях (в 1923) т. Стеклов рассказывает, что летом в 1900 в Женеве состоялось совещание в составе Плеханова, Ленина, Потресова, Засулич, Баумана и Стеклова, с которого, по его же собственным словам, Стеклов вернулся «не солоно хлебавши». По инициативе этой группы было созвано в июне 1901 объединительное совещание в Женеве, на котором присутствовали Кричевский от «Рабочего дела», Акимов—от «Союза», Гинзбург-Кольцов—от «Социал-демократа», Гуревич-Даневич и Стеклов (будущая группа «Борьба»), Мартов—от «Искры» и «Зари» и от Бунда—Коссовский, Кремер и Милль. Рабочедельцы проявили склонность к примирению. Конференция приняла резолюцию, которая должна была служить принципиальной основой для соглашения и совместной работы. Резолюция осуждала экономизм и поддерживала принципы «Искры». Казалось, что «Союз», действительно отказавшись от своих теоретических позиций, пошел на сближение с революционным крылом социал-демократии. Наметившееся сближение должно было получить официальное оформление тех же организаций на объединительном съезде, который был намечен 4—5 октября 1901. Однако, перед съездом вышел десятый номер «Рабочего дела» со статьями: Кричевского—«Принципы, тактика и борьба» и Мартынова—«Обличительная литература и классовая борьба», которые свидетельствовали о том, что «Рабочее дело» остается на своих старых ревизионистских позициях и отступает от принципиальных пунктов июньского соглашения. Происходивший перед объединительным 3-й съезд Союза русских с.-д. внес поправки к резолюциям июньского совещания.

Объединительный съезд был созван 4 окт. 1901 в Цюрихе. На съезде присутствовали 16 членов Союза русских с.-д.: Б. Кричевский, Мартынов, Акимов, Круглов, Гриневич, Иванщин, Сомов-Пескин, Биск-Павлов и др., в т. ч. 5 от заграничного комитета Бунда—Кремер-Вольф, Коссовский, Гришин-Копельзон, Мутник-Глеб, Джон; 8 членов революционной организации «Социал-демократ» — Кольцов, Линдов, Л. Аксельрод-Ортодокс и др., от группы Освобождение труда—Плеханов, Аксельрод, Засулич; 6 членов заграничной организации «Искры»—«Зари»—Ленин, Мартов, Крупская, Дан и др., и 3 члена группы «Борьба»—Рязанов, Стеклов, Гуревич-Даневич. За два дня до съезда состоялось совещание «Искры» и группы Освобождение труда, на к-ром обсуждался вопрос о программе съезда и о той позиции, к-рую должны занять революционные с.-д. по отношению к экономистам. Одна из участников этого совещания, Л. Аксельрод-Ортодокс, рассказывает, что на этом совещании Владимир Ильич решительно высказался против объединения с рабочедельцами, мотивируя это тем, что «Рабочее дело», как видно из статей Кричевского и Мартынова, вступило открыто на путь ревизионизма. Считая совершенно невозможной совместную работу с рабочедельцами, Владимир Ильич предложил объявить им решительную борьбу. Это предложение было поддержано Аксельродом. Плеханов же, поддержанный Мартовым, предлагал не разрывать с Союзом и пойти на объединение, не делая принципиальных уступок. Такая тактика, по их мнению, диктовалась необходимостью борьбы с возрождающимся народничеством. Окончательного решения, по словам Аксельрод, на этом совещании принято не было. Докладчиком на съезде от революционных с.-д. был выдвинут Владимир Ильич. Содокладчиком выступил Кричевский, настаивавший на своих старых экономистских позициях.

Указав в своей речи на принципиальные расхождения «Рабочего дела» с резолюциями июньского совещания, Владимир Ильич предложил следующие два вопроса, от решения которых зависели перспективы объединительных попыток: «1) Все три организации признают ли в принципе резолюцию июньской конференции? 2) Намерен ли и может ли „Союз русских с.-д.“ обеспечить такую постановку литературной деятельности, к-рая делала бы невозможными беспринципные и оппортунистические отклонения от революционного марксизма, вносящие путаницу в умы, столь опасную для нашего движения, к-рая устраняла бы заигрывание со скрытым и явным бернштейнианством и раболепством перед элементарными формами и стихийностью движения, неизбежно ведущие к превращению рабочего движения в орудие буржуазной демократии?» (Ленин, Сочинения, том IV, стр. 274). Экономисты от своих позиций не отказались. Искровцы решили покинуть съезд, огласив мотивированную декларацию. Декларация была зачитана Даном. В этой декларации революционные с.-д. мотивировали свой уход со съезда.

Объединительный съезд был последней попыткой к сближению между революционным и тогдашним правым крылом с.-д-тии. После съезда заграничная организация «Искры» объединилась с организацией «Социал-демократ», образовав «Заграничную лигу русской революционн. социал-демократии». Таким образом, все объединительные попытки за границей в 1901 году закончились и не могли не закончиться крахом и

наглядно обнаружили свою совершенную бесполезность. Искровцы на Цюрихском объединительном съезде в октябре 1901 в своем заявлении констатировали, что «более тесное объединение с организацией, неспособной обеспечить принципиальную и политическую устойчивость своего органа, к сожалению, немыслимо...».— К концу 1901 за границей окончательно оформились два центра: искровский — революционно-марксистский и рабочедельский — «экономистский», явно оппортунистический. Такая расстановка сил сохранилась до II парт. съезда и предопределила всю остроту и напряженность предсъездовской борьбы.

Объединение с.-д. групп в России вокруг «Искры» (1901—03). Характернейшей чертой периода конца девяностых и начала девятисотых годов в отношении состояния местных партийных организаций были организационный разброд и кустарничество в работе, которые давали себя знать буквально на каждом шагу. Единого руководящего партийного центра не было, в одном и том же городе одновременно существовали по нескольку групп, к-рые возникали и часто разрушались как по причинам внутренней неустойчивости, так и жандармских налетов. Для примера можно указать, что в Петербурге в 1898—1901 существовало до шести организаций (Союз борьбы, «Рабочее знамя», «Социалист», Петербургская рабочая организация, «Искра» и др.). Влияние рабочедельского «экономизма» было преобладающим. Марксистская подготовленность даже лучших кадров нередко стояла на довольно невысоком уровне. В таких условиях «Искре» предстояло не только неустанной борьбой против западно-европейского бернштейнианства и его «рус. отражений» (т. е. экономизма) добиться идейного единства и монолитности, но и путем систематической собирательной организационной работы ликвидировать кустарничество и создать прочные предпосылки для создания «действительной партии». Свою роль «коллективного организатора» «Искра» должна была, по плану Ленина, выполнить через «сеть агентов». «Эта сеть агентов,—писал Ленин,—будет остовом именно такой организации, к-рая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких „поворотах" и неожиданностях вести неуклонно с в о ю работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны—чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения» (Л е н и н, Соч., т. IV, «С чего начать?», стр. 112).

Этот простой и гениальный план и был проведен «Искрой» в жизнь. Агенты «Искры» и были той мощной фалангой, к-рая разносила идеи «искризма» по всей стране и закрепляла свои идейные победы организационно. Особенно энергичная работа развертывается с весны 1902. В этот период члены организации «Искры» (Радченко, М. А. Сильвин, П. Н. Кроликов, Ф. В. Ленгник, Г. М. и З. П. Кржижановские, П. Н. Лепешинский, Р. С. Землячка, Е. Д. Стасова, Л. М. Книпович, Г. И. Окулова и др.) напряженно работают в России над тем, чтобы в местных с.-д. комитетах создать сплоченное большинство, проводящее программные, тактические и организационные принципы «Искры». Особенно острая борьба разыгралась в Петербургской с.-д. организации (конец 1901—конец 1902), где были сильны экономисты и существовало деление организации на интеллигентскую и рабочую части. В Питере в качестве искровцев работали: Ногин, С. Цедербаум, Е. Мандельштам, Минская и Р. М. Рубинчик. Проводя энергичную работу, искровцы добились у петербургского Союза борьбы согласия на включение их в организацию Союза. Они должны были быть посредниками между петербургским Союзом и «Искрой» в деле приобретения искровской литературы. Вскоре представители «Искры» в Питере—В. П. Ногин, С. Цедербаум—были арестованы (в октябре 1901). Сторонники «Искры» в Союзе поставили вопрос о допущении представителей искровцев в ЦК Союза и в редакцию «Рабочей мысли». Категорически отвергнув такие требования, комитет порвал всякие связи с искровцами. Однако, искровские взгляды начинали проникать все больше и больше и в Союз и в его комитет (Краснуха, Стасова, Штремер). Особенно содействовал этому И. И. Радченко (Аркадий, Касьян), поселившийся по поручению «Искры» в мае 1902 в Петербурге. В связи с переходом Петербургского комитета Союза на сторону «Искры», от Союза откололась группа, называвшая себя «Рабочей организацией» и продолжавшая отстаивать принципы экономизма. В июне 1902 усилиями искровцев была составлена комиссия из двух представителей Центральной группы, двух—Рабочей организации и одного искровца, к-рая и опубликовала заявление о присоединении представляемых ими организаций к «Искре».

Однако, успех искровцев натолкнулся на оппозицию питерских экономистов. После отъезда И. И. Радченко и П. А. Красикова за границу, вернувшийся после летнего отдыха член петербургского Союза борьбы А. С. Токарев (Вышибайло) поднял кампанию за отмену июньского решения о присоединении к «Искре». В середине сентября 1902 Токаревым был созван пленум комитета петербургского Союза, где им был поставлен вопрос об отмене июльского решения. На этом заседании Токареву удалось отколоть от общего комитета Рабочую организацию, выпустившую в сент. 1902 листок с протестом против присоединения к «Искре». В связи с кампанией, поднятой Токаревым, опубликование заявления о присоединении к «Искре» было отложено и появилось только в окт. 1902 («Искра», № 26).—В Москве довольно глубокие корни пустил «полицейский социализм» Зубатова. К тому же частые и крупные провалы привели московскую с.-д. организацию в тяжелое состояние. Начиная с августа 1902, с.-д. работа

в Москве значительно оживляется; здесь работали Дан, Хинчук, В. Гурвич, Канцель, Окулова; вновь создается комитет, в который входят Теодорович, Покровский (Нил), Мещеряков и др. В окт. 1902 в № 26 «Искры» было опубликовано заявление Московского комитета о его полном присоединении к «Искре». В ноябре 1902 «Искра», в № 27, опубликовала заявление крупнейшей организации «Южный рабочий» о присоединении к «Искре» («Открытое письмо от группы „Южного рабочего“»).

В январе 1902 в Елисаветграде состоялся съезд южных комитетов и организаций, созванный редакцией газеты «Южный рабочий». На съезде были представлены Екатеринослав, Николаев, Одесса, Харьков, Кишинев. Редакцию «Южного рабочего» представляли Гинзбург и Цейтлин. На этом съезде решено было создать Союз южных комитетов и организаций РС-ДРП, избрать ЦК Союза (в составе Гинзбурга, Ерманского и Цейтлина) и объявить газету «Южный рабочий» областным органом. Вскоре после съезда были арестованы Гинзбург и Цейтлин. Южный ЦК был ликвидирован, и Союз южных комитетов и организаций РС-ДРП прекратил свое существование. «После провала организации „Южный рабочий“,—сообщает В. Н. Розанов,—весной 1902 возник вопрос о дальнейшем существовании группы. Мною (В. Н. Розановым. *А. Б.*) был предпринят объезд юж. городов (Одесса, Николаев, Елисаветград, Кременчуг, Екатеринослав, Харьков). Выяснилась картина почти полного разгрома с.-д. комитетов и групп, но одновременно и наличность большого революционного подъема и тяги в с.-д. организации» (Ленинский сборник, VIII, стр. 275). Летом 1902 было созвано совещание всех наличных членов организации, на котором была принята резолюция о присоединении к «Искре» (вышеупомянутое, опубликованное в «Искре» «Открытое письмо»).

В ноябре 1902 в «Искре» было помещено заявление о солидарности с ее линией Орехово-Зуевского комитета, в сентябре 1902 (№ 24)—Тверского, в январе 1903 (№ 31)—Саратовского комитета, Сибирского союза (организованного в 1901) и Южно-революционной группы с.-д. Эта последняя образовалась в Одессе в сент. 1901 из с.-д. пропагандистов, недовольных экономическим направлением Одесского комитета. В эту группу вошли пропагандисты комитета: Н. Гольдендах, Д. Новомирский, Лашевич и другие. Группа считала «Искру» своим идейным вождем. Летом 1902 группа объединилась с Одесским комитетом, открыто заявив в апр. 1903 в «Искре» о своей солидарности с ее линией. В февр. 1903 («Искра», № 34) о своем присоединении к «Искре» заявил Северный рабочий союз (объединивший Иваново-Вознесенский, Шуйский, Костромской и Ярославский комитеты), в марте 1903 («Искра», № 35)—Донской комитет, в апреле («Искра», № 37)—Тульский и Иркутский, в мае («Искра», № 40)—Екатеринославский комитет и Горнозаводский союз. В ноябре 1902 заявил о своем присоединении к «Искре» Киевский комитет, в котором боролись две тенденции — рабочедельская и искровская. Под давлением рабочедельцев, Киевский комитет, однако, отменил свое решение. Как только рабочие ознакомились с «Искрой», рабочедельцы сошли со сцены.

Значительную роль в объединении российских комитетов вокруг «Искры» сыграла организация «Искры» в России. К маю 1901 в России работали юж. отдел «Искры» в Харькове и группы «Искры» в Пскове и Полтаве. Группы в других городах, не имевшие центра в России, сносились непосредственно с «Искрой». В январе 1902 был созван съезд искровских работников в Самаре. На этом съезде стояли следующие вопросы: 1) выборы ЦК «Искры», 2) распределение ролей, 3) сношения, 4) касса, 5) отношение к местным комитетам и группам, 6) отношение к местным органам, 7) отношение к съездам комитетов. На этом съезде был избран ЦК в составе шестнадцати членов. Секретарем ЦК была избрана З. П. Кржижановская и помощником секретаря М. И. Ульянова. Присутствовавшим на собрании было поручено разъехаться в разные места для работы. Распределение по районам было, поскольку возможно установить, следующим: Ф. В. Ленгник и Р. С. Землячка—для работы на юге; Е. В. Барамзин и Г. И. Окулова — в средней полосе России, В. П. Арцыбушев и Г. М. Кржижановский — на востоке, И. И. Радченко и М. А. Сильвин — «летучие агенты»; П. Н. Лепешинский — на севере; Л. М. Книпович, П. А. Красиков и Д. И. Ульянов — с невыясненными ролями. Съезд в своих резолюциях подчеркнул свое отрицательное отношение к отвлечению сил от общепартийной работы и суживанию их использования только на чисто местных делах и затем к попыткам механического соединения действующих групп, т. к. такое объединение не может гарантировать единства действий и направления; поэтому и устройство съезда с целью объединения пока было признано нецелесообразным.

Сообщение о съезде вызвало у Ленина большое удовлетворение. «Ваш почин нас страшно обрадовал, — писал Ленин. — Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее—вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!» (Ленинский сборник, VIII, стр. 221). Признание «Искры», однако, не означало еще полной солидарности некоторых организаций с программной, тактической и организационной линией «Искры». Факты известной принципиальн. неустойчивости, местнич. настроений, кустарничества имели место в нек-рых очень влиятельных и крупных организациях. Об этом пишет Н. К. Крупская в своем докладе ко II съезду партии [«Пролетарская Революция», № 1(72), стр. 149 — 167, 1928]. «Непривычка к общепартийной работе сделала то, что мысль членов комитетов направилась прежде всего не в сторону необходимости создать общепартийную газету, общепартийный транспорт и проч., а заставила их попробовать сначала удовлетворить назревшей потребности собственными силами — путем создания местных газет» (там же, стр. 154). Под видом недоступности «Искры» (отчет Локермана о Донском комитете), под видом необ-

ходимости создания в помощь «Искре» более популярного органа («Южный рабочий», Гольдерман, С. О. Цедербаум) освящалось сознательно или бессознательно то зло, ликвидация к-рого могла бы только и способствовать созданию партии. «Должны сказать,—писал В. И. Ленин С. О. Цедербауму,— что вообще всякий план издания какого бы то ни было районного или местного органа российской организации «Искры» мы считаем безусловно неправильным и вредным. Организация «Искры» существует для поддержки и развития последней и для объединения этим партии, а не для дробления сил, к-рое и без этой организации больше, чем достаточно... Кустарничество гораздо более злой враг, чем „экономизм", ибо глубочайшие жизненные корни экономизма по нашему глубочайшему убеждению лежат именно в кустарничестве...» (Ленинский сборник, VIII, стр. 185).

Говоря о принципиальной неустойчивости местных организаций, необходимо прежде всего остановиться на организации «Южный рабочий». В своем письме к редакции «Искры» от 29/VII 1902 (т. е. еще до присоединения к «Искре») «Южный рабочий» выражает недовольство полемич. тоном «Искры» по адресу рус. либералов. «...Если мы действительно думаем,—пишут южнорабоченцы,— что для борьбы с самодержавием необходимо сплотиться всем оппозиционным элементам, то нельзя ведь унижать и высмеивать тех, кто остается за межой. Ведь они все-таки „оппозиционные элементы". Какая речь может быть о союзе с теми, которых мы оплевали?... Необходимо, по-нашему, критику взглядов противников вести так, чтобы осталось место для взаимного уважения» [«Пролетарская Революция», № 3 (26), 1924, стр. 71 и 72]. В том же письме южнорабоченцы указывают на свое разногласие с «Искрой» и во взглядах на крестьянское движение. «Мы думаем,—пишут они,—что крестьянские бунты всегда будут только бунтами и никогда не превратятся (при современном политическом режиме) в сознательное политическое движение» (там же, стр. 74). Тульский комитет в своем заявлении о присоединении к «Искре» пишет, что если бы и оказались какие-нибудь разногласия с «Искрой» по организационному вопросу, то они будут временными и незначительными. Вместе с тем комитет в своем письме выражает удивление тому, что «Искра» уделяет много места полемике с эсерами как теоретически несостоятельной партией. Донской комитет в докладе Локермана сообщает об особых симпатиях к «Свободе» и «Южному рабочему» и считает недоступной «Искру». Горнозаводский комитет в своем отчете II съезду выражает недовольство полемическим тоном «Искры» и высказывает сомнение в возможности осуществления руководства местными организациями.

Подготовка съезда была основной задачей, к-рая встала перед «Искрой» с того времени, как объединение вчерне было закончено. «Теперь,—писал В. И. (6/V 1902) Кржижановскому,—наша главная задача подготовить это» (созыв съезда. *А. Б.*) (Ленинский сб., VIII, стр. 232).—Но в то время как Ленин мыслил возможность созыва съезда лишь в том случае, если восторжествуют принципы «Искры», то экономисты, желая сохранить свое влияние, пытались предупредить «Искру» в деле объединения с.-д. организаций и созвать съезд, пока они имели еще за собой некоторые комитеты. Но все попытки в этом направлении не дали результата.

Созванный по инициативе петербургского Союза борьбы и Бунда «партийный съезд» в Белостоке (5—10 апр. нов. ст. 1902), вследствие малочисленности делегатов и по настоянию представителя «Искры» и Заграничной лиги Ф. Дана, был объявлен конференцией. На конференции были представлены следующие организации: ЦК Бунда (П. И. Розенталь и К. Портной), петербургский Союз борьбы (В. П. Краснуха и А. М. Зельдов), Союз южных комитетов и организаций (О. А. Ерманский), Екатеринославский комитет (Ф. И. Шипулинский), Союз русских с.-д. за границей (М. Г. Коган-Гриневич) и редакция «Искры» (Ф. Дан), Заграничный комитет Бунда. Конференцией был принят майский листок и создан Организационный комитет по созыву съезда. В состав Организационного комитета вошли: Ф. И. Дан, О. А. Ерманский, К. Портной или А. Кремер. Тотчас после конференции Розенталь, Ерманский, Коган и Дан были арестованы и Организационный комитет распался.

Узнав об аресте членов конференции и провале Организационного комитета, В. И. Ленин берет на себя руководство конституированием Организационного комитета. В вышеупомянутом письме Кржижановскому от 6 мая 1902 Ленин, сообщая об аресте Организационного комитета, указывает как на главнейшую задачу, к-рой должно быть подчинено все остальное, созыв второго съезда. Не нарушая преемственности с белостокской конференцией, рус. искровцы взяли в свои руки инициативу по созыву новой конференции и по выбору нового Организационного комитета. И. И. Радченко объезжает ряд комитетов в России и договаривается о времени и месте созыва конференции. В ноябре 1902 в Пскове состоялась вновь конференция, на которой присутствовали представители Питера, «Искры» и «Южного рабочего». Представитель Бунда на конференцию не явился. Первоначально Организационный комитет был составлен из трех лиц: В. П. Краснухи (Петербургский комитет), Е. Я. Левина («Южный рабочий») и И. И. Радченко («Искра»). Путем кооптации в Организационный комитет были введены: Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, П. А. Красиков и П. Н. Лепешинский. Вскоре Краснуха, Радченко и Лепешинский были арестованы. Оставшиеся члены Организационного комитета выпустили «Извещение об образовании Организационного комитета», которое было опубликовано в «Искре» (№ 32). В дальнейшем в Организационный комитет были кооптированы: К. Портной (от Бунда), Р. С. Гальберштадт, Е. М. Александрова, В. Н. Розанов («Южный рабочий») и А. М. Стопани (Северный союз). В № 34 «Искры» Организационный комитет извещал, что до 1-го февраля исключительную инициативу Орга-

низационного комитета по созыву съезда признало большинство комитетов. Одесский и Николаевский комитеты, признавая эту инициативу, не соглашались, однако, с тем, чтобы Организационный комитет выполнял до образования ЦК общепартийные функции. Лишь один Воронежский комитет отказался признать Организационный комитет, мотивируя тем, что последний «есть не что иное, как интрига «Искры».—Громадная работа, проделанная Организационным комитетом, нашла свое выражение в созыве второго съезда РС-ДРП, открывшегося в Брюсселе.

Второй съезд. Второй съезд РС-ДРП открылся 30 июля нов. ст. 1903 в Брюсселе. На съезде присутствовало 43 делегата с 51 голосом, представлявшие 26 организаций: 1) Петербургский комитет, 2) Петербургскую рабочую организацию, 3) Московский комитет, 4) Северный рабочий союз, 5) Тульский комитет, 6) Харьковский, 7) Киевский, 8) Одесский, 9) Николаевский, 10) Екатеринославский, 11) Донской, 12) Союз горнозаводских рабочих, 13) Бакинский комитет, 14) Тифлисский, 15) Батумский, 16) Саратовский, 17) Уфимский, 18) Сибирский союз, 19) Крымский союз, 20) ЦК Бунда, 21) группу Освобождение труда, 22) организацию «Искры», 23) Лигу русской революционной с.-д-тии, 24) Союз русских с.-д. за границей, 25) Заграничный комитет «Бунда», 26) группу «Южного рабочего». На съезде должен был быть представлен также Нижегородский комитет, делегаты к-рого на съезд не явились. Другие организации, существовавшие в то время, как-то: Кишиневский и Воронежский комитеты, петербургская группа, именовавшая себя также Петербургским комитетом, и организации Полтавы, Кременчуга, Елисаветграда, Херсона, Самары, Казани, Смоленска и Брянска в список участников съезда включены не были или потому, что некоторые из них очень малочисленны, или потому, что недавно лишь возникли, или сами отказались (Воронеж) участвовать в съезде. Литературная группа «Борьба» на съезд допущена не была.

Всего на повестке дня стояло 20 вопросов. 1) Конституирование съезда, выборы бюро, установление регламента съезда и порядка дня. Доклад Организационного комитета и выбор комиссии для определения состава съезда. 2) Место Бунда в РС-ДРП. 3) Программа партии. 4) Центральный орган партии. 5) Делегатские доклады. 6) Организация партии. 7) Районные и национальные организации. 8) Отдельные группы партии. 9) Национальный вопрос. 10) Экономическая борьба и профессиональное движение. 11) Празднование 1-го мая. 12) Международный социалистический конгресс в Амстердаме. 13) Демонстрации и восстания. 14) Террор. 15) Внутренние вопросы партийной работы. 16) Отношение РС-ДРП к с.-р. 17) Отношение РС-ДРП к рус. либеральным течениям. 18) Выборы ЦК и редакции Центрального органа партии. 19) Выборы Совета партии. 20) Порядок оглашения решений и протоколов съезда, а равно и порядок вступления в отправление своих обязанностей избранных должностных лиц и учреждений.

Анализируя обстановку, в к-рой протекала деятельность II съезда, В. И. Ленин писал: «Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с «Искрой» (Бунд и «Рабочее дело») и таких, которые, признавая «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного рабочего» и примыкающие к ней делегаты нек-рых комитетов). При таких условиях съезд не мог не превратиться в арену борьбы за победу искровского направления» («Шаг вперед, два шага назад», Соч., т. VI, стр. 164; подчеркнуто Лениным). По сути дела это был учредительный съезд партии.

Хотя «искровцы» и преобладали на съезде, все же было на нем немало и антиискровских и неискровских элементов. По политическим группировкам 51 голос Владимир Ильич распределял след. обр.: 33 искровца, 5 бундовцев, 3 рабочедельца, 4 южнорабоченца и 6 «болото». Малейшие колебания среди самих искровцев—при поддержке колеблющихся явными антиискровцами—могли поставить под угрозу закрепление программных, организационных и тактических принципов искризма на съезде. «Раскол искряков,—писал Ленин,—был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные хотя бы отдаленно с этим расколом» («Рассказ о II съезде РС-ДРП», Соч., том VI, стр. 51). Первым инцидентом на съезде, который вскрыл шатания внутри искровцев и послужил, по выражению Владимира Ильича, завязкой финальной драмы, был инцидент с Организационным комитетом. Дело в том, что в момент конституирования съезда Организационный комитет, дважды решивши в отрицательном смысле вопрос о приглашении на съезд литературной группы «Борьба», неожиданно вынес на съезд решение о приглашении члена группы Д. Б. Рязанова с совещательным голосом. После оглашения этого решения выступил член Организационного комитета Красиков, заявивший по этому поводу протест. Остальные члены Организационного комитета (представители группы «Южного рабочего» и Бунда) выступили против Красикова, нарушившего будто бы дисциплину О. К. Съезд отверг решение Организационного комитета. Но инцидент этот имел симптоматичное значение, сигнализируя, что не все ладно обстоит в среде искровцев. «Задача оппозиции (может быть даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции),—говорит в связи с этим эпизодом Владимир Ильич,—состояла в том, чтобы оградить независимость, особность, приходские интересы мелких групп

от поглощения их широкой партией, созидаемой на искровских началах» («Шаг вперед, два шага назад», Соч., т. VI, стр. 170—71). «Инцидент с Организационным комитетом,—говорит он в „Рассказе о II съезде...",—показал воочию, как шатко искровское направление даже в таком центральном, архи—будто бы—искровском учреждении, как Организационный комитет. Стало ясно, что, кроме бундиста, в Организационном комитете есть еще 1) южнорабоченцы с их особой политикой; 2) „искровцы, стыдящиеся быть искровцами"... Съезд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличность в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами и способных, просто в пику «Искре», выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова» (Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 52).—В процессе работ съезда различные группировки постепенно все более и более оформлялись.

Крупнейшим достижением II съезда было принятие выработанной «Искрой» программы. Уже выше были освещены разногласия внутри редакции по поводу программы. Эти разногласия, имеющие крупнейшее значение, поскольку они проливают свет на будущее деление съезда, на большинство и меньшинство, не были вынесены на съезд, чтобы сохранить мир в редакции. Непримиримыми критиками программы выступили представители «Рабочего дела». Выступивший с большой речью Мартынов защищал старые экономические положения о приоритете «стихийности» в рабочем движении над с.-д. «сознательностью». Этот рабочедельский тезис представлял не что иное, как оправдание «хвостизма», кустарничества и недооценку роли партии как авангарда рабочего класса. Более последовательным оказался Акимов, откровенно заговоривший языком бернштейнианства, выступивший против марксовой теории обнищания, договорившийся до отрицания принципа диктатуры пролетариата, до теории «наполнения» социализмом («Erfüllungstheorie») и т. д. Особенно резко и сплоченно выступили неустойчивые элементы съезда против аграрной программы «Искры». В критике аграрной программы роль застрельщиков взяли на себя южнорабоченцы Махов и Егоров (Левин). Возражения явных оппортунистов против аграрной программы сводились в основном к обвинению «Искры» в отходе от марксизма и выдвижении какой-то этической точки зрения: «Искра» хочет заняться, по мнению Мартынова, «исправлением исторической несправедливости» вместо того, чтобы исходить из реального состояния деревни; к обвинению в «мизерности» выдвигаемых «Искрой» требований. Псевдолевизна оппортунистов была вскрыта самим же Мартыновым, писавшим до съезда: «В виду того, что аграрная часть нашей программы еще очень долго будет иметь сравнительно малое практическое значение, она открывает широкое поприще для революционной фразеологии».—Бундовец Либер высказывался против создания революционных крестьянских комитетов, совершенно не понимая их значения как органов революционной борьбы с крепостничеством. Егоров (Левин) считал вообще искровскую позицию в вопросе об отношении пролетариата к крестьянству результатом «увлечения редакции крестьянским движением, увлечения, после крестьянских волнений охватившего многих с.-д.». Вспоминая пример Зап. Европы, Егоров находит, что проповедь социализма в крестьянстве не будет иметь успеха, что крестьянское движение может быть только стихийным. С более резкой критикой выступил Махов. По его мнению, крестьянство, в силу своей мелкобуржуазности, будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела. «Но революция эта,—отвечал Махов на мысль Плеханова о прогрессивности чернопередельского движения,—будет нереволюционной... это будет уже не революция, а реакция, революция вроде бунта. Эта революция отбросит нас на 20 лет назад» (Протоколы II съезда, изд. 1924, стр. 190—91).

В основе принципиальн. возражений Мартынова, Акимова и южнорабоченцев против аграрной программы лежало непонимание революционной роли крестьянства, отказ от использования революцион. энергии крестьянства в борьбе с крепостничеством, отказ от гегемонии пролетариата и руководства крестьянской революцией.

Шатания искровцев проявились при обсуждении и других вопросов, связанных с программой. На 16-м и 17-м заседаниях съезда разгорелся спор вокруг требования Бунда о внесении в программу особого пункта о равноправии языков, большинство же искровцев справедливо указывало, что неравноправность граждан имеет одним из своих частных признаков и запрещение людям, принадлежащим к той или иной угнетаемой нации, пользоваться родным языком. Споры по этому вопросу продолжались три заседания. «Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что «Искра» не хочет „равноправия языков", тогда как на деле редакция «Искры» не хотела лишь этой неграмотной, по их мнению, несуразной и лишней формулировки» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 54). После троекратного голосования решено было вопрос передать в комиссию. В «Рассказе о II съезде» В. И. писал, что «инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и нерешительных (которых именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка сами прозвали болотом!) и южнорабоченцев, к-рые все были против «Искры» (там же, та же стр.).

Для характеристики складывавшегося ядра будущего меньшевизма чрезвычайно показательным является «шиканье» Егорова (Левина) по поводу знаменитого выступления Плеханова об отношении пролетариата к демократическим принципам. «Каждый данный демократический принцип,—говорил Плеханов,—должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно — к принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. В переводе на язык революционера это значит, что успех рево-

люции—высший закон, и... если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент..., то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через 2 недели» (Протоколы II съезда, изд. 1924, стр. 156—157).— Программа, обсуждению к-рой было посвящено 9 заседаний (8-е, 9-е и с 15-го по 21-е включительно), была принята всеми голосами, за исключением воздержавшегося Акимова. Оппортунисты своими многочисленными поправками всячески старались затягивать обсуждение программы и тем самым сорвать съезд.

Если против программы боролись рабочедельцы, южнорабоченцы, болото при единстве редакции «Искры», то при обсуждении резолюции об отношении к либералам произошло столкновение между Лениным и Плехановым, с одной стороны, и Мартовым и Потресовым—с другой. Вопрос об отношении к либералам был важнейшим из тактических вопросов II съезда, ибо в нем потенциально скрывалась борьба революционного марксизма с оппортунизмом и реформизмом. В виду того, что съезд затянулся, детального обсуждения резолюции Плеханова и Потресова не было. Однако, в резолюции отразились те разногласия, к-рые существовали уже в старой «Искре». Линию старой «Искры» продолжала плехановская резолюция, согласованная с Лениным (Ленинский сб., VI, стр. 177) и поддержанная на съезде большей частью «твердых» искровцев. Эта резолюция подчеркивала антиреволюционный характер либерального движения, возглавляемого Струве и «Освобождением»; резолюция призывала пролетариат бороться с ее (буржуазии) непоследовательностью, с ее неизбежными колебаниями между революцией и царизмом, принципиально не отказываясь в то же время от возможности частичных с ней соглашений. Резолюция же Потресова говорила только о соглашении, замалчивая антиреволюционный характер, непоследовательность и трусливость либеральной буржуазии. Это замалчивание антиреволюционного характера либерального движения и выставление ряда «условий», поддержка к-рых со стороны либеральной буржуазии гарантирует поддержку ее со стороны пролетариата,—все это фактически означало передачу гегемонии в революционном движении в руки буржуазии.

По поводу потресовской резолюции Ленин писал: «Она не дает то, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание „условий“). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные „условия“ временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента — субъекта таких возможных соглашений» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 262). Но в самих «условиях», выработанных староверовской резолюцией, был ряд противоречий, свидетельствующих, насколько резолюция не выясняет, а запутывает вопрос и под видом «левизны» в требованиях социал-демократии по отношению к либералам оставляет лишь лазейку для оппортунизма своей двусмысленностью.— Условия, выработанные Потресовым, следующие: 1) либеральные и либерально-демократические течения должны ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской с.-д-тии; 2) либералы не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание; 3) либералы должны сделать лозунгом своей борьбы всеобщее равное, тайное и прямое избирательное право.—Если для Мартова разоблачение антиреволюционного характера либерального движения в резолюции Плеханова расценивалось «как мизерный вывод» («надо разоблачать одного литератора»), то для Ленина оно было мобилизацией внимания рабочего класса к тому, чтобы он не доверял либералам и взял в свои руки гегемонию в революционном движении. Вот почему резолюцию Потресова, принятую одновременно с плехановской резолюцией, Владимир Ильич Ленин подвергнул резкой критике.

В резолюции «О социалистах-революционерах» съезд, исходя из необходимости выступления пролетариата в революции как самостоятельной силы, констатирует, что «с.-р. являются не более, как буржуазно-демократической фракцией», и потому «безусловно осуждает всякие попытки затушевать принципиальное и политическое значение разногласий между социалистами-революционерами и с.-д.». Отвергая возможность б. или м. постоянного союза с.-д. и с.-р., съезд, однако, указал на возможность временных соглашений «в отдельных случаях борьбы с царизмом, при чем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального комитета».—Характерной с точки зрения тактики меньшевиков и большевиков в революцию 1905 является резолюция Мартова о демонстрациях. Делегат съезда Костров внес поправку к резолюции Мартова, имея в виду, что у последнего был очень слабо выражен пункт о вооруженном сопротивлении. Мартов высказался против поправки Кострова, мотивируя свое возражение тем, что под влиянием социалистов-революционеров распространяются взгляды, «будто главный пробел в наших демонстрациях—отсутствие вооруженного сопротивления... Гораздо чаще малочисленность и плохая организованность демонстрантов, отсутствие предварительной широкой агитации и, благодаря этому, недостаток сочувствия в толпе — таковы были причины неуспеха»—возражает Мартов. «Говорят, что время „мирных“ демонстраций прошло,— замечает Мартов.—Нет! События в Одессе показали, что, когда на нашей стороне десятки тысяч, можно многое сделать и мирными демонстрациями» (Протоколы II съезда, изд. 1924, стр. 335). Иначе смотрел на развитие демонстраций Владимир Ильич. Он связал это развитие с работой по подготовке вооруженного восстания. В своей резолюции о «Демонстрациях», подготовленной ко II съезду, Владимир Ильич подчеркивал необходи-

мость начать подготовку вооруженных демонстраций. «Съезд рекомендует также всем комитетам и остальным организациям партии подвергнуть всестороннему обсуждению вопрос о подготовлении вооруженного восстания и стараться всеми силами распространять в рабочих массах убеждение в необходимости и неизбежности восстания» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 5).

Гвоздем съезда были организационные вопросы, долженствовавшие закрепить программные и тактические принципы «Искры»—сделать искровское направление партией. Первым организационным вопросом был вопрос о месте Бунда в партии. Согласно решению I съезда РС-ДРП, Бунд должен был входить в партию, пользуясь автономией в ряде вопросов, связанных со специфическими условиями жизни евр. пролетариата. В вопросах основной линии—тактической и организационной — Бунд безусловно должен был подчиняться единому идейному центру. Несмотря на эти решения, Бунд продолжал вести совершенно самостоятельное от РС-ДРП существование, считая себя единственным представителем евр. пролетариата. Желая закрепить эту организационную обособленность, Бунд выдвинул проект своего объединения с РС-ДРП на началах федерации. В этом духе был выработан на V съезде Бунда устав, определявший Бунд как «с.-д., неограниченную в своей деятельности какими-либо районными рамками организацию евр. пролетариата и входящую в партию в качестве его единственного представителя». Это узаконение разброда и кружковщины, борьбе с которым посвятила свою деятельность «Искра», вызвало решительный отпор со стороны большинства съезда.

Принципиальные разногласия по организационным вопросам, разделившие партию на большинство и меньшинство, возникли при обсуждении партийного устава и выборов центральных органов. Но прежде чем осветить разногласия вокруг этих вопросов, необходимо подробнее остановиться на 4 заседаниях организации «Искры», происходивших после инцидента с Организационным комитетом. «Заседания эти,—пишет Ленин,—особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу главным образом о составе ЦК» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 53). Позиция Мартова и примкнувшей к нему части членов организац. «Искры» сводилась к защите такого состава будущего ЦК, в котором нашли бы представительство различные оттенки искровского и даже неискровского (южнорабоченского) направления, еще довольно разношерстные к тому времени в идейном отношении. Ленин же и большая часть солидаризировавшихся с ним членов той же искровской организации стояли на противоположной точке зрения: устойчивый верный курс будущему «искровскому министерству», по их мнению, мог быть обеспечен лишь в том случае, если в Центральный комитет партии попадут лица, зарекомендовавшие себя как последовательные, выдержанные искровцы.

На 4-м заседании (происходившем после обсуждения § 1 устава о членстве) окончательно произошел раскол среди искряков. «Одни стояли за искровский ЦК (в виду роспуска организации «Искры» и группы „Освобождение труда" и необходимости доделать искровское дело), другие—за допущение и южнорабоченцев и за преобладание искровцев „зигзаговой линии". Одни были безусловно против кандидатуры N, другие — за» (там же, стр. 55). Кандидатура Е. М. Александровой («Штейн», «N»), против которой возражал Владимир Ильич, была отклонена на четвертом заседании большинством девяти голосов против четырех при трех воздержавшихся. Не желая войны с меньшинством, большинство предложило примирительный список в составе: «угодного меньшинству» южнорабоченца В. Н. Розанова, «боевого члена меньшинства» Л. Д. Троцкого и 3 последовательных искровцев—В. А. Носкова и 2 не присутствовавших на съезде—Ф. В. Ленгника и Г. М. Кржижановского. Этот примирительный список, получивший большинство, был, однако, сорван Мартовым. После провала примирительного списка вотировались еще два «боевых» списка той и другой стороны—список твердых искровцев: Кржижановский, Попов (Розанов), Носков, и список мартовцев: Розанов, Троцкий, Носков. Оба эти списка собрали меньшинство.

«Расчет мартовцев был ясен и верен,—пишет Ленин,—бундовцы и рабочедельцы несомненно поддержали бы список зигзаговой линии, ибо за месяц заседаний съезда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что ни единый член съезда не затруднялся бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда+«Рабочее дело», разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут. После собраний 16-ти, когда искровцы разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собрания двух партий, на к-рые раскололся съезд, т. е. частные неофициальные свидания всех единомыслящих. Искровцы последовательной линии собрались сначала в числе 9-ти (9 из 16), потом 15-ти, наконец, 24-х, считая решающие голоса, а не лиц» (там же, стр. 56).

Если разногласия на частных заседаниях организации «Искры» находились еще в скрытом состоянии, то при обсуждении организационных вопросов произошел фактический раскол искряков. § 1 устава — о членстве в партии — послужил почвой для первого столкновения будущего большинства и меньшинства. Еще в первоначальной редакции проекта устава партии, написанного Лениным до съезда, § 1 устава, определявший членство в партии, гласил: «Членом РС-ДРП считается всякий признающий ее программу, входящий в одну из ее организаций и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в ее деятельности». Эта формулировка § 1, известная Мартову, не вызвала с его стороны никаких возражений. Однако, на самом съезде Мартов выдвинул оппортунистический параграф устава.

Формулировка Ленина в его проекте, представленном съезду, гласила: «Членом партии

считается всякий принимающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Формулировка Мартова: «Членом РС-ДРП считается всякий принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». На первый взгляд разница формулировок могла показаться незначительной, но уже речи самого Мартова, а также Аксельрода, Троцкого и др. сторонников Мартова выявили оппортунистический характер предложенной последним формулировки § 1 устава. Экономист Акимов мотивировал поддержку со своей стороны мартовской формулировки тем, что она меньше, чем ленинская достигает цели, т. е. создания крепкой централизованной партии. И, действительно, выдвигая необходимость расширения рамок партийной организации так, чтобы «каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, смог объявить себя членом партии» (Мартов), чтобы в партию могли попасть всякий желающий, и профессор и гимназист (Аксельрод), сторонники Мартова, с одной стороны, растворяли партию в классе, а с другой—широко открывали мелкобуржуазным элементам дверь в партию и делали тем самым ее совершенно неспособной к отстаиванию гегемонии пролетариата в революции.

Ленин же в тесной связи с организационными взглядами, высказанными в статье «С чего начать» и брошюре «Что делать?», попрежнему определял партию как тесно связанную с рабочим классом организацию профессиональных революционеров, окруженную целым рядом широких беспартийных организаций, работающих под ее руководством.—Суть споров вокруг формулировок § 1 устава заключалась, так. обр., в том, что сторонникам пролетарского централизма, организации и дисциплины противостояли сторонники буржуазно-интеллигентского индивидуализма.

«Формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу, главным образом, и почти исключительно „интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом“ и не желающим входить в организацию»,—писал Ленин, подводя итоги споров с Мартовым.—«На словах формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата, на деле эта формула послужит интересам буржуазной интеллигенции, чурающейся пролетарской дисциплины и организации... Не случайность..., что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили в спорах о § 1 против поборников радикально-заговорщической организации, как думали тт. Мартынов и Аксельрод, а сторонники буржуазно-интеллигентского индивидуализма столкнулись с сторонниками пролетарской организации и дисциплины» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 212—13).

Коалицией с антиискровцами, болотом, бундовцами, южнорабоченцами Мартову удалось провести свою формулировку большинством 28 голосов против 22 при одном воздержавшемся. «Горячие споры о § 1 устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на съезде и показали наглядно, что Бунд+«Рабочее дело» могут решить судьбу любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства» (Ленин, Сочин., том VI, стр. 55).—Другие уставные пункты, вокруг к-рых разгорелись разногласия, касались кооптации в центры и в др. коллегиальные учреждения. Под влиянием частных заседаний организации «Искры» Ленин в свой проект устава внес целый ряд изменений. Под влиянием напряженной атмосферы на частных заседаниях организации «Искры», сигнализировавших опасность раскола, Ленин выдвигает: 1) требование единогласия при кооптации в центры вместо большинства (в двух первых вариантах до съезда); 2) требование квалифицированного большинства $^4/_5$ голосов при кооптации в другие коллегиальные учреждения партии (вместо $^2/_3$) и 3) взаимный контроль над кооптацией в ЦО и ЦК. Последнее требование фигурировало и в двух первых вариантах устава, известных Мартову до съезда и не вызвавших с его стороны никаких возражений. Однако, на съезде Мартов выступил против этого пункта, от к-рого, по выражению Ленина, «могла зависеть вся будущая судьба партии» (Протоколы II съезда, издание 1924, стр. 255). Предложениям Ленина Мартов противопоставил требование квалифицированного большинства и независимость каждого центра при кооптации.

В защиту своего предложения о взаимной кооптации, к-рое Ленин считал важнейшим и сыгравшим решающую роль в расколе, Ленин приводил следующие мотивы: «Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с $^4/_5$ до $^3/_4$. Вводить мотивированный протест нерасчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос—о праве взаимного контроля ЦК и ЦО над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни партии известно, что бывали люди, вносившие раскол. Вопрос это принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба партии» (там же, та же стр.). Эта речь была произнесена после обсуждения § 1 устава и после 4-го заседания «Искры». «Под угрозою поражения, — писал Ленин, — мы принуждены были зарядить свои ружья двойными зарядами. «Бунд» и «Рабочее дело» сидели и своими голосами решали судьбу съезда» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 97).

На 27-м заседании при поддержке Бунда, «Рабочего дела», «болота» и неустойчивых искровцев мартовская группа мягких искровцев получила большинство за свое предложение (26 против 24), гласившее, что «кооптация новых членов в каждую коллегию совершается не иначе, как большинством

при отсутствии более, чем одного мотивированного протеста. Пункт о взаимной кооптации выкинуть». Характеризуя результаты голосования, Ленин писал: «На этом пункте мы были опять побиты. Пункт о взаимной кооптации в центральные учреждения был провален. Ошибка Мартова, поддерживаемого „болотом", обнаружилась еще ярче. С этого момента коалиция сложилась вполне» (там же, та же стр.). После принятия съездом предложения Мартова Ленин вносит поправку о том, что «кооптация членов ЦК и редакции ЦО допустима лишь с согласия всех членов Совета партии». Эта поправка, имевшая целью «связать разбитую посудину как можно туже, двойным узлом», поименным голосованием была отклонена 27 голосами против 22.

Победа, одержанная искровцами «зигзагового» курса по вопросу о параграфе устава и о взаимной кооптации, коалиция мартовцев + + Бунд + болото + южнорабоченцы с еще большей настоятельностью выдвигали необходимость создания строго искровского ЦК и такой редакции ЦО, которые были бы в состоянии проводить последовательную и твердую линию искризма, особенно в связи с тем, что «в партию тут же вошли, по праву, на формальном основании вошли кучей неискровцы» (Ленинский сборн., VI, стр. 206).—Еще в порядке дня, составленном Лениным до съезда, фигурировал пункт о выборе троек в ЦО и ЦК. В частности, предлагая избрать тройку ЦО (Ленин, Мартов, Плеханов), Ленин мотивировал свое предложение тем, что эта «тройка» была «решающим, политически решающим, а не литературным центром» (там же, та же стр.), что только эта тройка устраняла «самую почву... старых безвыходных драк, соединяла людей, из коих каждый имеет свою политическую линию, из коих каждый решает и будет решать всегда, „не взирая на лица", а по своему крайнему убеждению» (там же, стр. 216). «Эта тройка, после событий на съезде, несомненно узаконяла политическую и организационную линию, в одном отношении направленную против Мартова» (там же, стр. 217).

Вопрос о составе редакции ЦО обсуждался на 30-м заседании съезда. Одним из делегатов, т. Русовым (Б. М. Кнунианцем), было внесено предложение о выборе двух троек: как в ЦК, так и в редакцию ЦО. Это предложение вызвало со стороны Мартова и его сторонников бурю негодования. Выбору тройки в редакцию ЦО Мартов противопоставил предложение об утверждении всей бывшей шестерки редакции, так как это обеспечивало ему большинство. Насколько шаткой и принципиально неустойчивой была позиция Мартова, в частности в этом вопросе, свидетельствует тот факт, что предложение о выборе двух троек в ЦК и ЦО, бывшее в порядке дня Ленина, было известно Мартову до съезда и не вызвало с его стороны возражений. Об этом напомнил Мартову Ленин на 31-м заседании съезда.

Но логика борьбы на съезде и в частности на заседаниях организации «Искры» толкала Мартова все более и более в объятия правой части съезда. 4-е частное заседание организации «Искры» привело к фактическому расколу искряков по кардинальному вопросу о составе ЦК. После этого заседания «начинаются собрания двух партий, на которые раскололся съезд» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 56). Не собираясь более вместе, обе части вели свободную агитацию на съезде, желая разрешить спорный вопрос о составе ЦК вотумом всего партийного съезда. Мартов, скомпрометировавший себя своей позицией и поведением на съезде, из 33 голосов искровцев имел на своей стороне всего 9. Для одержания победы у Мартова был единственный выход—коалировать с антиискровскими и неискровскими элементами, которые обеспечили бы Мартову большинство в 27 голосов против 24. Политические ошибки Мартова несомненно гарантировали ему поддержку со стороны антиискровских элементов. Но до обсуждения вопроса о составе редакции ЦО и ЦК Мартов потерял 7 своих союзников: 5 бундовцев покинули съезд, заявив о выходе из партии, когда последний отвергнул подавляющим большинством предложение Бунда признать его единственным представителем евр. пролетариата; затем ушли со съезда рабочедельцы (2 гол.), когда Заграничная лига революц. с.-д. была признана единственной партийной организацией за границей. Мартов, т. о., остался в меньшинстве.

Решение съезда о выборе троек меньшинство и, в частности, Мартов рассматривали как вотум недоверия к тем из редакторов, к-рые выбраны не будут. В противоположность сторонникам Ленина, подчинявшимся принятым съездом решениям по организационным вопросам в формулировке Мартова (§ 1 устава, пункт о взаимной кооптации, взаимный контроль над кооптацией), мартовцы решению съезда о выборе двух троек не подчинились и пошли на «скандал и раскол», отказавшись от выборов редакции ЦО и ЦК.—Когда съезд избрал тройку редакции ЦО в составе Ленина, Плеханова и Мартова, последний заявил о своем отказе от вхождения в редакцию. Съезд принял резолюцию, поручающую двум членам редакции ЦО кооптировать себе третьего, когда они найдут подходящее лицо. После этого был избран ЦК в составе Кржижановского, Ленгника и Носкова. Наконец, съездом был избран 5-й член Совета партии (остальных четырех выделяли ЦО и ЦК); пятым членом был избран Г. В. Плеханов.—Мартов и все его сторонники не подавали записок (голосование было тайным) и подали об этом заявление в бюро. Отдавая дань кружковщине и кустарничеству, Мартов освящал то зло, борьбе с которым посвятила свою деятельность «Искра». Это обеспечивало ему поддержку со стороны всех антиискровских и неискровских элементов. Но пойти на соглашение с этими элементами Мартов не смог, борясь против них на съезде вместе с Лениным. Это обстоятельство ставило Мартова, по выражению Ленина, в трагикомическое положение. «Сделка была бы лично некрасива. Союз зависел не от их (мартовцев. *А. Б.*) воли,—пишет Ленин Калмыковой,—союз их определился их ошибкой; не они пошли с Бундом + болотом, а Бунд + болото + «Южный рабочий» etc. пошли за ними, сразу смекнув, кого из искров-

цев надо поддерживать с точки зрения антиискровцев. Бунд+болото etc. политически обнаружили только организационную и тактическую ошибку Мартова» (Ленинский сборник, VI, стр. 206).

И если для Мартова был непонятен смысл разногласия на съезде, чреватый расколом партии, то для Акимова смысл разногласий не вызывал никаких сомнений. При обсуждении § 13 устава Акимов сказал: «Идейная борьба, к-рая до сих пор велась в нашей партии, несомненно не закончена; но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил» (Протоколы II съезда, издание 1924, стр. 260). «Что же касается мнения т. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного течения в нашей партии, то я должен сказать, что даже он сам подает мне надежды» (там же, стр. 262).—Стихия старой кружковщины и мелкобуржуазных оппортунистич. уклонов мысли, зажатая в тиски ленинской «Искрой», не была, однако, окончательно уничтожена. Кружковщина, кустарничество, питательной почвой которых являются буржуазное и мелкобуржуазное влияния, должны были проявиться гораздо резче в России, чем в какой бы то ни было другой стране. «В такой мелкобуржуазной стране, как Россия,—писал Ленин,—в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой рабочей с.-д. партии, все эти тенденции мелкобуржуазного оппортунизма не могли не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе».

Приняв программу, создав единую организацию с центральными руководящими органами, осудив экономизм, российская с.-д-тия стояла перед важнейшей задачей—положить конец попыткам воскресить экономизм. «Рус. с.-д-тии приходится пережить последний трудный переход к партийности от кружковщины, к сознанию революционного долга от обывательщины, к дисциплине от действования путем сплетен и кружковых давлений» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 60).

V. Большевизм между II и III съездами.

Борьба против дезорганизаторской работы меньшевиков и примиренчества в рядах большевиков. II съезд партии не ликвидировал окончательно «третьего периода»—«периода разброда и шатаний». После съезда внутрипарт. борьба и разногласия приняли чрезвычайно острый характер. Линия развития внутрипарт. отношений направлялась в сторону все большего расхождения между «большинством» и «меньшинством», что привело к открытому расколу в 1905. Последующие отдельные периоды сближения и формальные объединения не мешали тому, что фактически как большевики, так и меньшевики продолжали существовать как две самостоятельные фракции, почти партии, с различными линиями революционной стратегии, тактики и организации. Хотя для данного периода характерны почти исключительно разногласия по организационным вопросам, нужно, однако, иметь в виду, что и тактические разногласия все более и более выходили наружу, чем ближе и ближе надвигались революционные события. «Маленькие» разногласия с меньшевизмом, о к-рых писал В. И. Ленин в брошюре «Шаг вперед, два шага назад», были по сути дела продолжением старых разногласий, имевших место не только между «искровством» и «экономизмом», но и внутри самих искровцев по вопросам программным и тактическим. Борьба данного периода, выдвинув на первый план организационные задачи, только временно поставила на второй план борьбу вокруг вопросов стратегии и тактики. В этом отношении переломным моментом является полемика, развернувшаяся осенью 1904 вокруг меньшевистского, т. н. «плана земской кампании». Начиная с этого момента, разногласия быстро распространяются на всю область вопросов политической тактики, захватывая позднее (1906) также и программные вопросы. Но борьба, ведшаяся в это время с меньшевизмом, главным образом, в области организационных вопросов, встретила среди ряда видных большевиков, крупных работников партии (членов ЦК, агентов и т. д.), не совсем отчетливое понимание глубины и смысла разногласий и примиренческое отношение к меньшевизму, вызвавшее резкий отпор со стороны Ленина. До сих пор о таких настроениях внутри большевизма, как и вообще обо всем этом периоде, сведения были далеко недостаточны, что не позволяло детально проследить картину борьбы в период между II и III съездами. Больше того, из-за недостатка документов ряд моментов в борьбе освещался фактически неверно и местами прямо тенденциозно. Вина здесь падает на меньшевиков, к-рые сделали все возможное для искажения картины внутрипартийной борьбы. А между тем восстановление истинной картины имеет не один только исторический интерес, ибо речь идет о периоде «истоков большевизма», о чем писал В. И. Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме», периоде, к-рый действительно связан с очень характерным проявлением основных особенностей большевизма в борьбе за партию и партийность. Опубликованные в последнее время, хотя еще и не полностью, материалы и документы, характеризующие эту эпоху, в особенности материалы Ин-та Ленина, вместе с уже имеющимися материалами, приводимыми Лениным в его работах, относящихся к этому периоду, позволяют подробно и документально проследить все перипетии раскола.

От бойкота меньшевиками центральных учреждений до новой «Искры» (август—ноябрь 1903). Меньшевики не только не подчинились решениям II съезда партии, но немедленно же после съезда начали бойкот центральных учреждений партии и развили бешеную полемику против решений II съезда по организационным вопросам. «В партии осадное положение», «казарменный режим», «нас заезжают», кричали меньшевики в подпольных рукописных брошюрах, письмах в местные комитеты и на всякого рода собраниях. А наряду с этим систематически проводился бойкот центров, отказ от выполнения поручений Центрального Комитета и ЦО, денежные средства не пе-

редавались в партийную кассу, наблюдались отказы от транспортирования партийной литературы и т. д. Пользуясь связями старой «Искры», меньшевики посылают на места «своих» людей, дезорганизующих местную работу и восстанавливающих местные организации против ЦО и ЦК. Меньшевики организационно оформляют «фракцию», имевшую негласный центр—«Бюро меньшинства»—в составе: Аксельрода, Дана, Мартова, Потресова и Троцкого, и пытаются издавать свой орган «Крамола». Это «бюро» было создано совещанием заграничных сторонников меньшинства, происходившим в Женеве в середине сентября 1903 (конференция 17-ти). Совещание выработало «программу действий», авторами к-рой были Л. Троцкий и Ю. Мартов (см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», Берлин, 1924, стр. 92, или Ленинский сб., VI, стр. 245). Программа предусматривала непримиримую борьбу с постановлениями II съезда и намеченной им линией. Однако, этот общий план борьбы не исключал еще переговоров с большинством, но эти переговоры нужны были меньшинству не во имя мира и единства в партии, а, как писал П. Б. Аксельрод Мартову, как «легальная дорога к полному удовлетворению наших требований», а эти «наши требования», по сути дела, были выработаны на упомянутой конференции 17 меньшевиков, постановление к-рой сводилось к захвату в руки меньшинства центр. учреждений партии во имя изменения всей линии II съезда. Но, хотя Плеханов и Ленин не знали о планах и фракционной деятельности меньшинства, однако, Ленин по характеру переговоров со стороны меньшинства понял истинные намерения меньшевиков. В письме к А. М. Калмыковой от 30 сентября Ленин писал: «Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств составом центров они требуют корректива политического...». И далее: «Теперь дилемма стоит неумолимо: либо расхождение в вопросе о лицах, тогда смешно из-за этого политический скандал делать и работу бросать. Либо расхождение политическое—тогда еще более смешно „поправлять" его навязыванием определенных лиц иного, скажем, нюанса» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 67). А это «политическое» в требованиях меньшинства Ленин отметил себе тотчас же после съезда. В заметке «Противоречия и зигзаги Мартова» Ленин, как бы резюмируя политическую линию Мартова на II съезде партии, отмечал эту «двойственность» меньшевизма в следующих словах: «1) Разбивал ОК за его шатания и скачки, за quasi-искровство, а потом вводил шатающихся и quasi-искровцев в ЦК. 2) Защищал всегда организационные идеи «Искры» («Что делать?») и провел жоресистский первый пункт устава. 3) Соглашался на обновление редакции путем тройки, а потом боролся на съезде за шестерку quand même. 4) Боролся против т. н. „демократизма"—и отстаивал „свободу" при кооптации в центры» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 37). Что означал в сущности этот «политический» корректив? Не что иное, как шаг назад от старой «Искры», блок с бывшими экономистами различного толка. Поэтому, стараясь привлечь к работе меньшинство, Ленин вместе с тем видел, что сохранить подобный «капитал» для партии можно не беспринципными уступками, а только давлением на них растущей и развивающейся партией, которая должна будет положить конец дезорганизаторской работе зарвавшихся генералов. Вот почему, в отличие от Плеханова, недооценивавшего силу партии, видевшего партию только в лице «заграничных вождей» и боявшегося больше всего на свете потери их, Ленин, ведя переговоры с меньшевиками, в то же время в переписке с членами ЦК и работниками с мест все время настойчиво подчеркивает необходимость укрепления рядов партии сверху донизу по линии организационной, агитационно-пропагандистской, транспортировки литературы, укрепления комитетов и т. д., чтобы, противопоставив положительную работу в партии дезорганизаторской деятельности меньшинства, заставить последнее или подчиниться или уйти. Опубликованная в 1924 переписка между Мартовым и Аксельродом целиком подтверждает ленинскую точку зрения. Насколько меньшевики буквально плевали на решения съезда, насколько антипартийно подходили они к возможности предотвращения партийного раскола, показывает характер переговоров, к-рые пытался вести Ф. И. Дан как сторонник меньшинства с Г. В. Плехановым. Г. В. Плеханов вынужден был не только прекратить какие бы то ни было переговоры с Даном, но даже отказался отвечать на его письменный запрос, т. к. Плеханов находил, что требования меньшевиков противоречат духу постановлений съезда партии. К сожалению, прервав переговоры с Даном, Плеханов не сумел сделать для себя таких же выводов, какие сделал Ленин. Больше того, новое событие, еще больше укрепившее правильность позиции В. И. Ленина и большинства в оценке дезорганизаторской работы меньшинства, окончательно бросило Плеханова, так и не понявшего смысла раскола, в объятия меньшинства. Событием этим был съезд Заграничной лиги РС-ДРП.

Как известно, II съезд партии значительно изменил полномочия Заграничной лиги и ее положение в партии. Признав Лигу «единственной заграничной организацией партии», съезд в то же время ограничил круг деятельности Лиги «пропагандой и агитацией за границей» и «содействием рус. движению» на правах местного комитета. Это означало, что больше существовать на основах старого устава Лига уже не могла, и очередной задачей являлась реорганизация Лиги и выработка нового устава. А между тем преобладавшее в рядах Лиги меньшинство решило использовать ее в целях удара по ЦК партии. В такой обстановке созыв съезда Лиги был явно нецелесообразен и вреден. Вреден съезд был еще в том отношении, что протоколы II съезда опубликованы не были и меньшевики всячески использовывали это обстоятельство для того, чтобы свести всю борьбу на съезде к склокам и дрязгам. Администрация Лиги, состоявшая из 5 членов [М. Г. Вячеслова, Г. Д. Линдова,

1 ряд (слева направо): Ленин, Кнуньянц, Бауман, Красиков. 2 ряд: Плеханов, Виленский, Лядов, Стопани. 3 ряд: Галкин, Ульянов, Степанов, Зурабов. 4 ряд: Гусев, Книпович, Землячка, Шотман.

ГРУППА БОЛЬШЕВИКОВ — УЧАСТНИКОВ II СЪЕЗДА РС-ДРП.

30 июля — 23 августа 1903.

ТРЕСТ „ГЕОКАРТПРОМ“

(Лейтейзена), Н. К. Крупской, М. М. Литвинова и Л. Г. Дейча], вынесла постановление (к к-рому присоединились члены Лиги, примыкающие к большинству) о несвоевременности съезда. Одновременно член ЦК Ленгник приступил к выработке нового устава Лиги. От имени ЦК 10 октября 1903 был разослан циркуляр членам Лиги, точно определявший взаимоотношения Лиги и ЦК и устанавливавший принципы, на основе к-рых Лига должна была быть реорганизована. На первоначальное постановление администрации Лиги и на циркуляр ЦК «меньшинство» из Лиги ответило отказом подчиниться и в конце-концов добилось созыва съезда. Съезд собрался в Женеве с 26 по 31 октября и имел 6 заседаний. На съезде участвовало 34 члена Лиги, располагавшие 42 голосами (8 отсутствовавших членов Лиги передоверили свои голоса участникам съезда). Состав съезда Лиги был следующий: сторонники большинства имели 18 голосов (15 лично присутствовавших на съезде: И. И. Аксельрод, Л. И. Аксельрод, Н. Э. Бауман, В. С. Бобровский, В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Л. Е. Гальперин, П. И. Кулябко-Лалаянц, Кореневский, Н. К. Крупская, И. Х. Лалаянц, В. И. Ленин, М. М. Литвинов, Г. В. Плеханов, О. А. Пятницкий), 22 голоса, принадлежащие меньшинству (19 лично присутствовавших: П. Б. Аксельрод, И. Б. Басовский, И. С. Блюменфельд, М. Г. Вячеслов, А. Г. Гуревич, Ф. И. Дан, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, Б. А. Кольцов, В. Н. Крохмаль, И. Г. Леман-Смидович, Ю. О. Мартов, Островский, Палинковский, А. Н. Потресов-Старовер, Потресова-Ушакова, Рейхесберг, Л. Д. Троцкий, Шоуэр). Занимавший нейтральную позицию К. М. Тахтарев, располагавший, кроме своего, также голосом отсутствовавшей А. А. Якубовой, покинул съезд еще до его окончания. На повестке дня стояло четыре вопроса, в том числе—отчет Ленина как делегата Лиги на II съезде и выработка нового устава Лиги. Съезд протекал весьма бурно. Отсутствие на съезде практиков-профессионалов с мест, преобладание, гл. обр., партийн. литераторов, эмигрантской интеллигенции, оторванной от массовой партийной работы и шедшей за меньшевиками, наложили соответствующий отпечаток на работу съезда. Лига открыто брала реванш за поражение меньшевиков на съезде партии. Это было в сущности открытым восстанием против партии и партийности. Мы — соль земли, и потому нам все дозволено, для нас не существует партии и партийной дисциплины—таков был стиль всей работы съезда Лиги. Выразив фактически недоверие своему делегату на съезде Ленину, съезд Лиги предоставил слово для содоклада о работах съезда Мартову, к-рый грубо исказил работу съезда партии. В знак протеста большевики оставили заседание съезда.

На 4-м заседании, после заявления Ленина и письменного протеста остальных сторонников большинства партийного съезда, большевики снова во главе с Лениным и Плехановым отказались участвовать в прениях и демонстративно покинули съезд. Оставшиеся продолжали работу, приняв ряд резолюций, дававших меньшевистскую оценку II съезда. Была принята особая резолюция, посвященная роли Ленина как делегата Заграничной лиги: солидаризируясь с Лениным по вопросу о Бунде и о программе партии, резолюция специально оговаривала, что «позиция т. Ленина в организационных вопросах не... соответствовала тем взглядам, к-рые положены в основу деятельности Лиги и всегда выдвигались редакцией «Зари» и «Искры». Это было, разумеется, сплошной клеветой на Ленина, т. к. резолюция не могла конкретно отметить ни одного ленинского шага, противоречащего линии старой «Искры» и «Зари», но крайне характерно, что, вынося подобную резолюцию, меньшевики впоследствии, как это мы увидим ниже, сами как-раз и обрушились на деятельность старой ленинской «Искры».—5-е и 6-е заседания Лиги были посвящены обсуждению нового устава. Представитель ЦК партии т. Ленгник предъявил Лиге требование об изменении устава в духе решений II съезда партии и об утверждении нового устава ЦК партии. Но Лига отказалась даже обсуждать заявление представителя ЦК, после чего от имени ЦК т. Ленгник «объявил собрание незаконным, как неисполнившее распоряжения ЦК», и удалился вместе с группой большинства. 1 ноября Совет партии, обсудив поведение представителя ЦК на съезде Лиги, одобрил его действия и предложил ему реорганизовать Лигу путем ввода новых членов. Т. о., обрисовалась совершенно ясная картина того, чего именно желали меньшевики. Ни о каком мире или единстве партии меньшевики не помышляли. Содоклад Мартова вызвал решительный протест со стороны Ленина. В Ленинском сборнике, т. VII, опубликовано «неподанное заявление» Ленина съезду Лиги о причинах ухода со съезда. В этом заявлении Ленин писал: «Товарищи! Я ушел вчера (28/X) с заседания съезда потому, что слишком омерзительно было присутствовать при том расковыривании грязных сплетен, слухов, частных разговоров, к-рое предпринял Мартов и проделал с истерическими взвизгиваниями, при ликовании всех и всяческих любителей скандала. Точно в насмешку над самим собой тот же Мартов третьего дня красноречиво говорил о непристойности таких ссылок на частные разговоры, к-рые не могут быть проверены, к-рые провоцируют вопрос, кто из собеседников с о л г а л. Буквально эту именно непристойность и показал нам Мартов, истерически допрашивавший вчера меня, к т о с о л г а л—я или он, при изложении пресловутого частного разговора о пресловутой тройке» (см. также Л е н и н, Соч., т. VI, стр. 101).

В том же сборнике приведен проект резолюции, который собиралось внести большинство. Хотя автор резолюции и неизвестен, однако, по духу вся эта резолюция совпадает с теми же предложениями, какие делали Плеханов и Ленин меньшевикам в первый период раскола. Вот полный текст этой резолюции: «Съезд Лиги, выслушав доклад своего делегата т. Ленина о II очередном съезде РС-ДРП и прения по поводу этого доклада, принял следующую резолюцию: 1) съезд Лиги приветствует учредитель-

ную работу II съезда партии как фундамент дальнейшего укрепления и роста партии в духе принципов революционной с.-д-тии и безусловно подчиняется всем его постановлениям; 2) выражает свое крайнее сожаление по поводу отказа бывших членов редакции «Зари» и «Искры» от сотрудничества в ЦО и просит их продолжать свою плодотворную работу в этих органах, а т. Мартова—принять избрание его съездом партии в члены редакции ЦО, и 3) выражает свое глубокое негодование по поводу того, что лица, к-рые так упорно боролись за осуществление принципов, проведенных теперь на партийном съезде, своим т. н. „лойяльным бойкотом“, уже выразившимся м. пр. в отказе от работы на центральные учреждения партии и агитации, направленной на дискредитирование этих учреждений с момента их возникновения, тормазят дальнейшую работу партии и тем самым усиливают течения, враждебные принципам революцион. с.-д-тии» (Ленинский сборник, VII, стр. 133—34). Эта резолюция как-раз меньше всего ставит вопрос в плоскости «личной», осуждая оппозицию исключительно с точки зрения нарушения партийной дисциплины и партийного устава. Однако, в той обстановке, в какой работал съезд, не могло быть и речи о серьезной попытке по-партийному ликвидировать внутрипартийный раскол.

Итоги работ съезда Лиги даже слепого, казалось бы, могли убедить в том, какими путями и способами единственно можно ликвидировать раскол. Ясно было, что меньшевики идут организованным походом против партии. Ленинское замечание насчет «политического нюанса» находит свое подтверждение полностью и целиком. И особенностью данного этапа борьбы с меньшевиками для Ленина как-раз и являлась подготовка партии, ее передовых кадров, Плеханова в т. ч., к пониманию того, что в лице меньшевиков партия имеет оппортун. течение, организовавшееся уже во фракцию, с к-рой неизбежна борьба в целях ликвидации этой серьезнейшей внутрипартийной опасности. Нужно иметь в виду, что особая трудность такой борьбы в тот период заключалась именно в том, что только-только еще начинали складываться руководящие партийные большевистские кадры. В силу этого требовалась не только принципиальная ясность позиции, но и умелое, тактичное проведение их на практике, в ходе борьбы с «меньшинством». На другой день после съезда Лиги Плеханов в самой категорической форме заявил, что необходимо итти на максимальные личные уступки, чтобы избежать раскола, при чем еще раз подчеркивал—несмотря на все происшедшие внутрипартийные события,—что видит преобладание личных моментов во всех спорах. Ленин все еще надеялся убедить Плеханова в ошибочности такого взгляда и в необходимости твердо стоять на своих принципиальных позициях, продолжая начатую работу на местах, укрепляя партию и тем заставляя «меньшинство» капитулировать перед партией. В письме к Плеханову от 1/XI 1903 Ленин писал: «Я, право же, вполне и вполне понимаю Ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам. Но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент—самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче гораздо вернее, чем война с мартовцами». Далее, он еще раз убеждал Плеханова, что «... это (изменение состава ЦК. *А. Б.*) будет полная компрометтация съезда, полная смута и скандал в России, в сто тысяч раз страшнее и опаснее пасквильной заграничной брошюры». И в заключение Ленин обращался к Плеханову с такими словами: «Ради единства, ради прочности партии, не берите Вы на себя этой ответственности, не уходите и не отдавайте всего мартовцам» (Ленинский сб., VII, стр. 198—99). Однако, Плеханов стоял на своем. 1-го же ноября Ленин подает заявление о выходе из ЦО и из Совета партии, при чем оговаривает, что не отказывается от посильного сотрудничества и работы. Этим Ленин подчеркивал, что, выходя из редакции, он вовсе не нарушает воли съезда партии, а только дает возможность Плеханову, все еще преуменьшающему суть разногласий, добиться мирного разрешения конфликта. Хотя Плеханов в этот период и считал, что выступает как добросовестный примиренец, Ленин ясно понимал, куда приведут Плеханова его требования «единства во что бы то ни стало», если он будет оставаться при своем старом убеждении о причинах раскола. Последующие события полностью подтвердили это предвидение Ленина. 2/XI 1903 Плеханов в разговоре с Засулич и Потресовым предлагал полную капитуляцию перед меньшинством, «кооптацию всех в редакцию без всяких условий, кооптацию нескольких в ЦК, два места в Совете, узаконение Лиги» (письма Аксельрода и Мартова, изд. 1924, стр. 96). Доведя до сведения Ленина и Ленгника, заграничного представителя ЦК, эти условия как условия «меньшинства», Плеханов требовал немедленного ответа, от которого, однако, Ленин и Ленгник уклонились до выяснения вопроса с «русской» частью ЦК. А Плеханов между тем, уже совсем забыв свою роль «примиренца», довел об ответе представителей ЦК до сведения меньшинства, призывая последнее к более решительным действиям. Об этих переговорах Плеханова с меньшинством имеется запись Мартова в письме к Аксельроду (там же, стр. 96—97).

В это же время Ленин в письме от 4/XI (22/X) 1903 члену ЦК Г. М. Кржижановскому пишет: «Плеханов внезапно повернул, после скандалов на съезде Лиги, и подвел этим меня, Курца (Ленгника. *А. Б.*) и всех нас отчаянно, позорно. Теперь он пошел, без нас, торговаться с мартовцами, к-рые, видя, что он испугался раскола, требуют вдвое и вчетверо, требуют не только шестерки, но и приема своих в ЦК (не говорят еще, сколько и кого) и двух своих в Совет и дезавуирования действий ЦК в Лиге (действий, совершенных целиком с согласия Плеханова). Плеханов жалко струсил раскола и борьбы!» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 107). В письме ему же от 8/XI Ленин пишет: «Плеханов изменил нам», «я вышел из редакции окончательно». И далее: «я теперь борюсь не за редакцию ЦО... я борюсь за ЦК». В этом же письме он еще раз подчеркивает: «борьба за редакцию

ЦО проиграна безвозвратно в силу измены Плеханова. Единственный шанс мира: попытать отдать им редакцию ЦО и отстоять за собой ЦК—это очень не легко (м. б. даже и это уже поздно), но надо попытать». И здесь добавляет: «надо, чтобы Россия восстала твердо за ЦК, успокоившись передачей редакции ЦО» (там же, та же стр.).

В письме Лядову (не было послано) от 10/XI Ленин указывает: «Я сдаю Плеханову (6/XI) все редакционные дела, убедившись, что Плеханов может отдать мартовцам не только газету, но и весь ЦК ни за что» (см. там же, стр. 110). А в конце письма Ленин ставит такую задачу: «Борьба за ЦК, за скорый (летом) новый съезд—вот что нам остается» (см. там же, стр. 112). 25 ноября состоялось в Женеве заседание ЦК, на котором решено было предъявить ультиматум, долженствующий ликвидировать партийный кризис. Условия этого ультиматума были рассчитаны на мир с меньшинством. Ультиматум предусматривал ряд уступок меньшевикам (кооптация в редакцию ЦО четырех бывших редакторов «Искры», кооптация в ЦК двух членов меньшевистской оппозиции, и т. д). После предъявления оппозиции ультиматума со стороны ЦК Плеханов, решив действовать открыто, единолично кооптировал в редакцию ЦО четырех старых редакторов без всяких условий. Само собою разумеется, что кооптация представителей оппозиции без всяких условий сорвала всякую возможность для ЦК добиться каких-либо результатов в переговорах с меньшевистской оппозицией. В своем ответе ЦК оппозиция цинично отвергала ультиматум и не желала уже совершенно считаться с ЦК. Ленин оказался целиком и полностью прав, когда своим выходом из ЦО дал возможность колеблющимся не только еще раз убедиться в истинной физиономии меньшевизма, но и показать, куда приводит т. н. «примиренчество» Плеханова, к-рое на деле было пособничеством меньшевикам в их дезорганизаторской работе против партии. М. пр., эти факты окончательно ликвидируют легенду о т. н. «добросовестном примиренчестве» Плеханова. Не случайно, что он еще до окончательного решения вопроса о кооптации говорил меньшевикам о Ленине: «Робеспьер пал» (Письма Аксельрода и Мартова, стр. 97). Более, чем через 10 лет после всей этой истории с кооптацией и плехановской измены большевизму, Ленин писал в июне 1914 в статье «Плеханов, не знающий, чего он хочет», что Плеханов многократно запутывался в вопросах тактики «с осени 1903 г., когда он перешел от большевиков к меньшевикам» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 405). То же самое Ленин снова повторил в статье «Об авантюризме», где он писал о Плеханове: «1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с „оппортунистами“ — меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый...» (там же, стр. 416, разрядка автора).

Мы видели, что уже в первый период раскола Плеханов склонен был и на более серьезные уступки меньшинству, лишь бы только ликвидировать конфликт, но самое главное, пожалуй, здесь было в той роли, какую сыграл, повидимому, съезд Лиги, окончательно убедивший Плеханова в необходимости разрыва с Лениным. Здесь сказалась долголетняя «эмигрантская» оторванность теоретика Плеханова от революционной практики и непосредственной классовой борьбы в России, к-рая и предопределяла его интеллигентско-мелкобуржуазный подход к оценке значения партии, ее кадров, понимания сущности раскола 1903—04 гг., и т. д. Организационным принципам Плеханов вообще сколько-нибудь серьезного и самостоятельного значения не придавал, хотя и поддерживал Ленина против Мартова. На II съезде Плеханов, как он сам выражался, «предвзятого взгляда» по этому поводу не имел, и, слушая Ленина и Мартова, ему казалось, что «то сей, то оный на бок гнется». Оценка сущности раскола давалась им в сентябре 1904 в таких словах: «продолжать политику так наз. большинства, значило организовать в партии гражданскую войну, упорную и крайне вредную для нашего дела, борьбу между почти равными силами». И далее: «Какой смысл,—спрашивал он,—может иметь идейная борьба? Говорят, что это была бы борьба с оппортунизмом. Какой же Мартов оппортунист, какой оппортунист Аксельрод или Старовер? Когда Каутский услышал, что их называют оппортунистами, то он расхохотался. Обвинение их в оппортунизме совершенно бессмысленно, а между тем этим обвинением прикрывалась партийная борьба».

Та услуга, к-рую Плеханов оказал меньшевикам, особенно в такой момент, как предъявление им (меньшевикам) ультиматума ЦК, давала новый очень крупный козырь в руки меньшевиков в борьбе против партии. Меньшевистская атака на партийные центры успешно закончилась переходом в их руки Центрального органа партии «Искры». Бойкот длился около трех месяцев—с конца августа по конец ноября 1903. «Искру» (6 №№, 46—51) редактировали Плеханов и Ленин вдвоем. 52-й номер «Искры» выходит уже под единоличной редакцией Плеханова, к-рый выступает в этом номере со статьей «Чего не делать», где он призывает к «мягкости» и уступчивости по отношению к меньшинству, состоявшему не только из искровцев, но из откровенных оппортунистов старого, «экономического» толка. Кооптировав «единолично» четырех старых редакторов «Искры», Плеханов начинает направлять острие своих выступлений в «Искре» по вопросам внутрипартийной борьбы против «непримиримого» Ленина. С 53-го номера «Искра» становится вполне меньшевистской. По свидетельству Мартова (см. «Историю РС-ДРП»), позднее в редакцию «Искры» фактически входили также Л. Д. Троцкий, Ф. Дан, А. Мартынов и Д. Кольцов. Из имеющихся документов видно, что после «измены» Плеханова Ленин сперва предполагал на «переворот» ответить «контр-переворотом», т. к. Плеханов явно нарушил решения съезда и грубо исказил смысл отставки Ленина как шаг к мирной ликвидации конфликта в рамках партийных постановлений. Смысл «контр-переворота» должен был свестись к роспуску кооптированной Плехановым редакции и взятии «Искры» в

руки ЦК. В VII Ленинском сборнике опубликовано «неизданное заявление» ЦК, написанное Лениным, помеченное 27/XI 1903, в котором и содержится указанный план. Но этот план не был реализован, т. к. Ленин, в силу, гл. обр., слабой подготовленности к этому партии в целом и даже наиболее передовых ее кадров из большинства, признал более целесообразным пойти более длительным и медленным, но с точки зрения тогдашнего состояния партии более верным путем, а именно—путем борьбы за созыв нового съезда.

От захвата меньшевиками ЦО и Совета до образования большевиками Бюро комитетов большинства (ноябрь 1903 — декабрь 1904). В № 1 большевистской газеты «Вперед» (4 января 1905) Ленин, давая характеристику «стадий» партийного кризиса, писал, что «после съезда меньшинство начинает рвать партию из-за введения в редакцию лиц, отвергнутых съездом. Дезорганизация, бойкот, подготовка раскола ведется три месяца, с конца августа по конец ноября». «Джентльменам» (как называет Ленин меньшевиков) удается к этому времени захватить в свои руки ЦО и Совет партии, и «они составляют тайную организацию с целью провести своих людей в ЦК и сорвать третий съезд» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 42). Этими двумя моментами и определяется борьба на следующей «стадии» кризиса. Разногласия вступают в новую фазу. Особенность этой фазы в том, что выступают открыто разногласия между линией Ленина и линией ЦК, закончившиеся фактическим переходом и ЦК в руки меньшевиков.

Дело в том, что «уступчивость» Ленина носила иной характер, чем уступчивость ЦК. Уступчивость ЦК была не чем иным как гнилым беспринципным мелкобуржуазным примиренчеством, вытекавшим из непонимания характера, сущности и глубины разногласий. «Уступчивость» Ленина была тактикой вождя пролетарской партии, ведшего твердую принципиальную линию, не питавшего ни малейших иллюзий на счет сущности и глубины разногласий с оппортунистами-новоискровцами и вместе с тем точно учитывавшего конкретные условия развертывавшейся внутрипартийной борьбы, понимавшего, что надо выждать, повременить, «уступить» для того, чтобы добиться понимания сущности дела всей партией, собрать прочные, надежные, твердые большевистские кадры, собрать их для борьбы с меньшевизмом и в интересах успешности этой борьбы за выдержанную большевистскую линию, за революционную пролетарскую партию. Ленинская тактика была сочетанием принципиальной твердокаменности и маневренной гибкости в интересах победы над меньшевистским оппортунизмом. Примиренцы из ЦК не понимали этой ленинской линии. Они рассуждали так: раз Ленин склонен итти на уступки, значит, действительно, можно «помириться» и без особых «чрезвычайных мер». Это непонимание характера борьбы, вытекавшее из очерченных выше условий и осложнявшееся тем, что формально речь шла о «компромиссах» внутри «одной» партии, сказалось у ЦК как-раз в период разрыва Ленина с Плехановым после перехода последнего на сторону меньшевиков. Ленин был прав, когда поставил вопрос о необходимости борьбы за подготовку нового съезда, долженствующего положить конец разброду, внесенному меньшевизмом в партию, ибо знал, что после таких «шагов» Плеханова меньшевики перейдут к еще более решительной атаке. И, действительно, меньшевики разработали целый план кампании, к-рая должна была закончиться полной капитуляцией большевизма и чуть ли даже не исключением Ленина из партии. В письме около 25/V 1904, уже после выхода брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад», П. Б. Аксельрод писал А. Н. Потресову: «А теперь о брошюре нашего бонапартика (В. И. Ленина). Она на меня производит впечатление не литературного произведения... Я ее не одолел еще, но впечатление таково, что... „товарищу" Ленину, по-настоящему,... не должно быть места в партии... И вот мне пришла в голову... идея... Редакция представляет ЦК мотивированное требование о замещении Ленина в Совете другим представителем. При этом заявляет, что в случае несогласия переведет (не для печати) на немецкий язык книгу Ленина и другие документы и представит их Интернациональному бюро, Каутскому, Бебелю и т. д. И обо всем этом напечатает в «Искре» вместе со своим подробно мотивированным предложением ЦК об удалении Ленина из Совета...» («Социал-демократическое движение в России». Материалы, под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского, т. I, стр. 123, М.—Л., 1928).

И несмотря на то, что сам Аксельрод считал подобный план утопичным, меньшевики в таком направлении именно и намерены были поставить свою работу. Что это не было только «мыслью» Аксельрода, показывает также и письмо Парвуса к Потресову, к-рому Парвус предлагал просто путем провоцирования Ленина заставить его сдаться. Особенно подробно, уже как план атаки, разработано наступление на большинство в письмах Потресова. Последний, учитывая все детали, видел, что одних заграничных меньшевиков и даже вообще всех меньшевистских сил более чем недостаточно для того, чтобы «покончить» с Лениным, — он пытается воздействовать на партию при помощи не только «своих вождей», но и признанных вождей 2 Интернационала. Их выступление должно было окончательно убедить партию в том, что Ленин и большинство действительно только новое издание бланкизма и бакунизма, раз против них выступают даже «сам» Каутский, Бебель и др. В письме к Аксельроду, в связи с первым выступлением К. Каутского против одного из сторонников большевизма, Лидина (М. Н. Лядова), Потресов писал: «Primo, спешу Вам сообщить, что я только-что получил от Каутского письмо, разрешающее нам напечатать его ответ Лидину в «Искре». Итак, первая бомба отлита, и—с божьей помощью — Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы был выработан общий план кампании

против Ленина — взрывать его, так взрывать до конца, методически и планомерно». И, далее, «план» намечается в таком виде: «...Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов—Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса. Это, знаете, для того, чтобы ударить по лбу наших меднолобых, рассеять гипноз и сделать их хотя сколько-нибудь восприимчивыми для аргументации по существу, а не для одних сакраментальных словечек. Но как бить затем—всем нам, заполнить ли собою «Искру» и в какой мере, если выпустить коллективный памфлет против него? Плеханов указывает на то, что последнее—слишком много чести Ленину. Это соображение не лишено справедливости, как иначе бить?... Словом, мне кажется, перед нами стоит ряд вопросов, подлежащих разрешению» (там же, стр. 124—25).

Получив в свои руки ЦО, меньшевики немедленно удалили оттуда все «неблагонадежные» элементы. Снята была фактически с должности секретаря редакции Н. К. Крупская и заменена меньшевиком Блюменфельдом. ЦО в целом все более и более решительно начал противопоставлять себя ЦК партии с целью непосредственно связаться с местными организациями партии в России. 28—30 января 1904 происходила сессия Совета партии, на к-рой должен был обсуждаться внесенный по инициативе нового состава ЦО вопрос о согласовании деятельности ЦК и ЦО по изданию партийной литературы, а фактически, под видом такой невинной формулировки, намечалось превращение редакции ЦО во второй ЦК, в опору «меньшинства» для реализации «плана» борьбы против большевизма и партии. Совет в то время в результате плехановской кооптации состоял из следующих лиц: Аксельрода, Мартова, Плеханова, Ленгника и Ленина. Ясно было, что большинство в нем было обеспечено за меньшевиками, и потому заранее можно было догадываться о его решениях. Нужно было обязательно разоблачить игру меньшевиков, противопоставив ей со стороны большинства его собственный план ликвидации раскола, доказав необходимость партийного съезда, склонив к борьбе за него всех тех, кто еще продолжал колебаться между признанием серьезности и принципиальности разногласий и личными симпатиями, а на деле все больше и больше отдавал партию на съедение оппортунистическому меньшинству. Ленин в Совете внес поэтому предложение о внеочередном обсуждении внутрипартийного положения, имея в виду, во-первых, склонить Плеханова к борьбе за съезд, во-вторых, как и на предыдущем этапе борьбы, показать, если Плеханов не согласится на такую борьбу, примиренчески настроенному ЦК, что Плеханов никакой «третьей» стороны не представляет и ориентироваться на него в деле достижения мира, как это делали примиренцы из ЦК, нельзя. В выработанном проекте обращения Совета партии Ленин писал: «Совет партии, как высшее учреждение партии, решительно осуждает всякие дезорганизаторские попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, всякое отстранение от работы, всякое отстранение от материальной поддержки центральной партийной кассы, всякий бойкот, к-рый способен только свести чисто идейную борьбу мнений, взглядов и оттенков до приемов грубо-механического воздействия, до какой-то недостойной свалки. Партия измучена раздорами, которые тянутся уже почти полгода, и настоятельно требует мира. Никакие разногласия между членами партии, никакое недовольство личным составом того или иного центра не могут оправдать бойкота и тому подобных приемов борьбы, свидетельствующих именно об отсутствии принципиальности и идейности, свидетельствующих о принесении в жертву интересов партии интересам кружка, интересов рабочего движения—интересам узкого местничества» (Ленинский сборник, X, стр. 185). Далее Ленин указывал в проекте обращения, что «поддержка обоих центров, дружная работа под их непосредственным руководством есть наш общий и прямой партийный долг». И, наконец, он особо подчеркивал, что «Совет партии напоминает всем ее членам, что эта добрая воля (т. е. воля партии. *А. Б.*) выразилась уже с полной определенностью в нашем общем, никем не опротестованном решении признать обязательным для всех членов партии все постановления II съезда и все произведенные им выборы» (там же, стр. 186). Это обращение Совета должно было еще раз показать, что никакими методами партийного воздействия меньшинство кризиса разрешить не хочет. Чтобы ослабить впечатление от ленинского проекта, Плеханов, к которому присоединились и остальные члены Совета из меньшинства, заявил: «То, что прочитано т. Лениным, имеет характер воззвания, из которого трудно понять, какие именно конкретные практические предложения Ленин имеет в виду» (там же, стр. 186—187). Призыв к подчинению партийной дисциплине на основе решений II съезда партии был для Плеханова только «воззванием» общего характера. В свою очередь, Плеханов, неоднократно подчеркивавший, что он не принадлежит ни к меньшинству, ни к большинству, внес резолюцию, означавшую не только переход Совета, но и ЦК, т. е. фактически всех центральных органов партии, в руки меньшинства. Резолюция эта гласила: «Совет партии, сожалея о распрях, существующих теперь в РС-ДРП, глубоко убежден, что существование этих распрей обусловливается тем, что ЦК, по своему составу, представляет лишь одну часть партии и что для их устранения необходимо изменение его состава путем кооптации соответствующего числа лиц, принадлежавших к т. н. меньшинству партийного съезда или солидарных с ним» (там же, стр. 194—95). Таков был итог «примиренческой» позиции Плеханова. Не случайно именно он, а не меньшевики, внес такую резолюцию. Если бы ее меньшевики внесли, все было бы ясно, но Плеханов, ведь, стоял над обеими фракциями и его позиция кое-что значила для того, чтобы все еще вводить в заблуждение колеблющихся. Эта резолюция и прошла меньшевистским боль-

шинством Совета против 2 голосов Ленина и Ленгника, подавших особое мнение, в котором констатировалось, что «эта резолюция не только не прекратит партийных раздоров, вносящих полный фактический раскол в партийную организацию, а, напротив,—еще более усилит и разожжет их, сделав их хроническими, внесет дальнейшую дезорганизацию в положительную работу партии» (там же, стр. 249). Далее указывалось, что «эта резолюция по существу своему является, по нашему твердому убеждению, продолжением извнутри Совета той политики, к-рой следовала оппозиция с самого партийного съезда, а эта политика была политикой бойкота, дезорганизации и анархии с целью добиться изменения состава центров, добиться таким путем, к-рый не соответствует нормам сколько-нибудь правильной партийной жизни, который осужден теперь и общественным мнением революционной среды в виде резолюций большинства комитетов». И в качестве единственного выхода из партийного кризиса заявление настаивало на созыве партийного съезда. «Мы заявляем,— писали представители ЦК партии, — что решительно и безусловно не видим никакого иного способа честного и правильного выхода из настоящих партийных раздоров, иного способа прекратить эту недопустимую борьбу из-за состава центров, кроме созыва немедленно партийного съезда». Меньшевики прошли, конечно, мимо этого призыва созвать съезд, а затем меньшевистская часть Совета провела ряд постановлений, в сущности дезавуировавших ЦК и дававших меньшинству возможность через создание уполномоченных ЦО на местах по распространению партийной литературы по своему усмотрению совершенно обходить в своей работе ЦК; короче — это был уже совершенно неприкрытый поход против партии и ее решений, принятых на II съезде. Более чем через год после всех этих событий, в своей статье «Первый шаг» (23/10 марта 1905), Ленин указывал, что в янв. 1904 двое представителей большинства (Ленин и Ленгник) «ясно видели, что партия фактически расколота уже меньшинством и что тайный характер этого раскола вносит бесконечный разврат в партию, деморализуя ее совершенно, развязывая руки одной стороне для самых бесшабашных приемов „свалки", связывая другую сторону долгом соблюдения общих решений...». «Указанные члены Совета вносят поэтому резолюцию, в к-рой большевики несмотря на преобладание их противников и в редакции и в Совете, т. е. в высшем учреждении партии, первые заговаривают о необходимости мира в партии в виду серьезнейших задач исторического момента». «Меньшевики,—как далее отмечает в своей статье Ленин,—конечно отвергли резолюцию Ленина и Васильева (Ленгника) и приняли (Плеханов, Мартов и Аксельрод) резолюцию, приглашающую ЦК „кооптировать" меньшевиков». В ответ на это Ленин и Ленгник подают особое мнение и требуют созыва партийного съезда. «Меньшевики, — пишет Ленин,—разумеется проваливают съезд». И тут же он подчеркивает, что «Плеханов тоже предпочел „продажную любовь", т. е. тайный раскол, попытке прямо и открыто объясниться и договориться до конца». В заключение Ленин пишет в этой статье: «И что же мы видим теперь? Меньшевики вынуждены притти, хотя и робко, непоследовательно, хотя и поздно, к исходу, предложенному большевиками. Большевики настояли на своем и добились созыва съезда...». И этого,—добавляет Ленин в конце статьи,—«большевики добились своей открытой борьбой...» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 166—168). Но так Ленин мог писать лишь в марте 1905 в собственном органе большинства непосредственно перед III съездом, в рассматриваемый же период положение было совершенно иное—ЦО был в руках меньшевиков, в их же руках был и Совет партии. «С янв. 1904 года,—писал Ленин в апр. 1905,— Совет являлся не высшим учреждением партии, а орудием тайной организации меньшинства» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 225). Велась уже систематическая атака на ЦК, где имели место примиренческие колебания, большевистские кадры еще не были собраны и закалены, партия не была еще надлежащим образом осведомлена о внутрипартийных разногласиях и о действительном ходе борьбы между «меньшинством» и «большинством», и т. д.

Положение большевиков в начале 1904 ярко охарактеризовано в следующих словах письма Н. К. Крупской к Л. М. Книпович от 2 февраля 1904: «Наше тут положение,— читаем в письме, — невозможно. Денег ни гроша. Меньшевство, зная это, старается выкачать все, что можно, и довести до краха; денежный бойкот с их стороны продолжается. Зная о провалах, опять требует кооптации. Теперь уже открыто пользуется Советом для своих целей. Совет требует кооптации, узаконил рассылку редакцией своих агентов, потребовал выдачи редакции литературы в неограниченном количестве (для доставки в „свои" комитеты) и отклонил предложенную Лениным резолюцию об обсуждении бойкота, о порицании Блюменфельду, к-рый написал представителю ЦК письмо, наполненное ругательствами вроде „ленинский лакей", трус и т. п...» (Ленинский сборник, X, стр. 304). Момент требовал быстрых и решительных действий. Меньшевики делали все возможное, чтобы захватить партию в свои руки, замазывая и извращая разногласия, пряча от партии документы, дающие возможность разобраться в сущности борьбы, и действуя нечестными и демагогическими приемами. Тем более важна была широкая разъяснительная работа перед партийной массой. В X Ленинском сборнике опубликованы сохранившиеся два ленинские документа: один, написанный до январской сессии Совета,—«К членам партии», другой, после него,—«К партии» и, кроме того, письмо к рабочему-партийцу Н. Е. Вилонову (полностью опубликованное впервые), как ответ на запрос этого товарища. Все эти документы, излагающие сущность разногласий в их истинном свете, показывают, что В. И. Ленин твердо решил апеллировать непосредственно к партии с призывом положить конец работе меньшинства. Однако, такое обращение Ленин

считал недостаточным, остановившись на еще раньше принятом решении о необходимости более подробно аргументировать перед партией свою позицию. Эта задача и была выполнена в брошюре «Шаг вперед, два шага назад». В этой брошюре Ленин имел целью серьезно обосновать свои позиции и подвергнуть разбору и критике позиции противника. Впервые на широкий партийный суд выносилась оценка меньшевизма как экономизма на новый лад, как оппортунистического крыла рус. рабочего движения, т. е. впервые раскрывалась вся глубина внутрипартийных разногласий, которые систематически всеми способами замазывались и извращались меньшевиками и их подголосками — примиренцами. Необходимо отметить, что еще в декабре 1903, в своем письме «Почему я вышел из редакции «Искры», Ленин уже *особо отмечал*, что *«рус. комитеты ведут борьбу против тормазящей* всю работу дезорганизаторской деятельности и бойкота меньшинства» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 129—130). В сохранившейся заметке Ленина о позиции новой «Искры» есть замечание, к-рое имеет в виду не одного только Плеханова. «Что меня особенно возмущает в той позиции, к-рую заняла теперь „мартовская" «Искра», — пишет Ленин, — так это внутренняя фальшь и ложь, попытки обойти суть дела, попытки эскамотировать партийное общественное мнение и решение, попытки подменить понятия и факты. И только незнанием дела я склонен объяснять проявляемые некоторыми товарищами тупость и безразличие, нечувствительность к этой лжи. Против незнания надо бороться разъяснением, и я ни в каком случае не откажусь от своего намерения разъяснить все дело архиподробно (в случае надобности со всеми документами) в особой брошюре, за к-рую и возьмусь, как только выйдут протоколы съездов партии и Лиги, т. е. очень скоро» (Ленинский сборник, X, стр. 36). Этой брошюрой была вышедшая через полгода брошюра «Шаг вперед, два шага назад». Но одной разъяснительной кампании теперь, после меньшевистских дел, после двух измен Плеханова (в ЦО и в Совете), было уже недостаточно. Это был, как «генеральный лозунг», этап пройденный, «вчерашний день». Не «слова» только нужны были теперь, а дела, и при этом без промедления и колебаний. А ЦК в это время оказался явно не на высоте положения. «Примиренческая» болезнь Плеханова оказалась явно заразительной для ЦК. И тот факт, что выступал в Совете именно Плеханов, только укреплял эту болезнь, т. к. меньшевистских фокусов в этом ходе ЦК явно не уловил. Еще в декабре Ленин писал членам ЦК в Россию, что «новая политическая позиция обрисовалась вполне с 53 № «Искры». Явно, что пятерка в ЦО хочет затравить и Ленина,... и ЦК, и все большинство. Плеханов прямо говорит, что пятерке ЦО не страшен никакой ЦК. Атака на ЦК идет и здесь и в России (письмо из Петербурга о поездке Мартына). Вопрос поставлен ребром. Если упустить время и лозунг для борьбы, то неизбежно полное поражение, во-первых, вследствие отчаянной борьбы пятерки в «Искре», во-вторых, вследствие провалов наших людей в России. Спасение одно — съезд. Лозунг его: борьба с дезорганизаторами. Только на этом лозунге можно поймать мартовцев, привлечь широкую массу и спасти позицию». Общий план этой кампании Ленин рисует в письме таким образом: «Завоевание комитетов во имя лозунга: против дезорганизации — такова главнейшая задача. Съезд необходим не позже января, поэтому примитесь энергичнее, мы тоже двинем все силы. Цель съезда: укрепить ЦК и Совет, а может быть и ЦО путем либо тройки (в случае, буде удастся вырвать Плеханова, что мало вероятно), либо шестерки, куда я войду при почетном для нас мире. Худшее: их ЦО, наши ЦК и Совет» (*Ленинский сборник, X, стр. 45—46). Однако, ЦК этой позиции,* этого призыва В. И. Ленина не разделял. Больше того, ЦК явно уклонялся в сторону «плехановских выводов». Часть членов ЦК, во главе с Носковым (Глебовым), еще в окт. 1903 предлагала кооптировать Мартова в ЦК партии с тем, чтобы этим якобы ликвидировать разногласия. На это В. И. Ленин отвечал: «План кооптации Мартова просто смешон, это уже такое непонимание, что тут неизбежно будут случаи, когда вы сядете в лужу и со скандалом. Ей-богу, я даже не могу серьезно говорить о кооптации вами Мартова, и если вы серьезно это задумали, то мы говорим на разных языках! Мы все хохотали до слез над этим „планом"» (Ленинский сборник, VII, стр. 102). В дек. 1903 ЦК разослал по комитетам извещение, в котором положение дел было изображено так, что выходом Ленина из редакции «Искры» мир в партии, будто бы, в общем был восстановлен, т. к. Ленин обещал полное сотрудничество, был, будто бы, восстановлен также мир между ЦК и Лигой, ну, словом, все обстояло вполне хорошо и благополучно. Конечно, такая «разъяснительная» работа ЦК в партии и такое объяснение ленинской позиции очень мало способствовали мобилизации партийных рядов для борьбы с меньшинством во имя действительной партийности. Поэтому, в дальнейших своих обращениях к ЦК В. И. Ленин разъяснял истинное положение дел и все более и более настойчиво подчеркивал необходимость внесения полной ясности в вопрос. Так, в письме от 22/XII Ленин пишет: «Прочел я извещение ЦК, разосланное по комитетам, и могу только руками развести. Более смешного недоразумения я не мог себе и представить». И далее: «Не наивно ли это говорить и писать о мире, когда оппозиция готовится к новой войне, кричит на собраниях в Женеве, что она сила, начинает подленькую травлю в № 53 «Искры»? И заявлять комитетам прямую неправду! — напр. будто конфликт с Лигой „вполне исчерпан"??...» (Ленинский сборник, X, стр. 80).

А 30/XII Ленин еще более определенно высказывает эту мысль, требуя от ЦК полного и ясного «самоопределения». «Нас поражает и возмущает ваше молчание о боевых вопросах и ваша неаккуратность переписки...

Мы категорически настаиваем на необходимости вполне выяснить себе позицию в борьбе с мартовцами, спеться нам между собой и взять вполне определенную линию» (там же, стр. 115). Для понимания дальнейшей борьбы внутри ЦК (это была, по сути дела, со стороны Ленина борьба за ЦК) необходимо иметь в виду, что в течение ближайших месяцев после II съезда состав ЦК изменялся таким образом: к трем членам ЦК (Кржижановский, Носков и Ленгник), избранным на II съезде, сначала (в сентябре—октябре) были кооптированы Л. Б. Красин, Р. С. Землячка, М. М. Эссен и Ф. В. Гусаров, а затем (в ноябре)—Л. Е. Гальперин и В. И. Ленин. Из этой девятки членов ЦК в конце 1903 и в начале 1904 пятеро, во главе с Носковым (Глебовым), обнаружили примиренческие колебания. За Лениным шли и его твердо поддерживали Ленгник, Землячка и М. Эссен. Эта неустойчивость, шаткость и невыдержанность пятерки (особенно тройки—Носков, Красин и Гальперин), в гнилых примиренческих колебаниях, а потом и в прямой измене большевизму в ходе борьбы за ЦК на протяжении 1904, была на деле пособничеством меньшевистской оппозиции в ее дезорганизаторской работе против Ленина и партии. Разногласия внутри ЦК возникли по вопросу о созыве съезда. После январской сессии Совета партии, на к-ром Ленин и Ленгник, как представители ЦК, в своем особом мнении заявили о необходимости «созыва немедленно партийного съезда», Центральный комитет (пятью голосами) в февр. 1904 высказался против этого. Свое постановление они мотивировали следующим образом: «1) 5-ю (Носков, Красин, Гусаров, Гальперин, Кржижановский) против 1 (Землячка) (за границей высказались против также: Ленин, Ленгник, Эссен) отвергнуть предложение о немедленном съезде в виду a) его нецелесообразности, т. к. при настоящем соотношении сил он не только не уничтожил бы смуты, а наоборот—оформил бы раскол, создав две самостоятельные партии с самостоятельными ЦО, ЦК и комитетами, параллельными во всех промышленных центрах; b) в виду момента (война), требующего приложения всей энергии и не позволяющего отвлекать лучшие силы для подготовления и проведения его; c) в виду крайней скудости средств при огромных расходах текущих и намечающихся; d) в виду крайней невыгодности его для ЦК, не успевшего проявить достаточно импонирующую деятельность не столько вследствие междоусобицы, сколько внутреннего неустройства и несолидарного выступления в положительной работе и в борьбе с крамолой».

Намеки на «несолидарное выступление в положительной работе и в борьбе с крамолой» внутри самого ЦК имели в виду, по всей видимости, Ленина, что подтверждается и откровенным замечанием в письме Гальперина: «Все умоляем старика бросить склоку и начать работу» (Ленинский сборник, X, стр. 353). Решение ЦК явно бросало его (ЦК) в объятия меньшевизма. Отказ от съезда был отказом от партийного способа ликвидации раскола. Требовались решительные действия, а, занимаясь в такой момент примиренчеством, ЦК лил воду на меньшевистскую мельницу, фактически расчищая путь для захвата ЦК меньшевиками. 13/III 1904 Ленин (вместе с Ленгником и Эссен) в своем ответе на «решение большинства ЦК против съезда» и о желательности прекратить «склоку» заявляет: «Курц и Ленин слагают с себя временно должность членов Совета (оставаясь членами ЦК) впредь до выяснения истинного характера наших разногласий с большинством ЦК. Мы заявили в Совете, что абсолютно не видим иного честного выхода из склоки, кроме съезда, и вотировали за съезд. Подчеркиваем, что уходим временно и условно, отнюдь не отказываясь вообще и очень желая выяснения по-товарищески наших разногласий и недоразумений». Дальше следует категорическое приглашение «прислать сюда немедленно и непременно по меньшей мере одного из рус. членов», ибо, как было сказано об этом в письме выше, «мы не в силах иначе бороться со склокой, чем мы боремся» (Ленинский сборник, X, стр. 355—356). Конфликт внутри ЦК на этой стадии был временно «улажен» майским «заявлением трех членов ЦК» [Глебов, Зверев (Эссен), Ленин]. В этом заявлении указывалось, что конфликт с выходом Ленгника из Совета считается улаженным «так, что членами Совета от ЦК считаются Глебов и Ленин». При этом оба они «выступают официально и во всех действиях от имени ЦК не иначе как с общего согласия и за совместной подписью» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 344—345). Т. о., конфликт внутри ЦК не был ликвидирован, он был лишь временно улажен. В своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» (вышла в мае 1904) Ленин, «бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса», отмечал, м. пр., и такие этапы в развитии кризиса: «...„Меньшинство“ занимает редакцию ЦО и Совет и атакует всеми силами ЦК. Дрязга продолжает заполнять все и вся... Первая атака на ЦК отбита. Дрязга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию вопроса...» (там же, стр. 325). Для ленинской позиции в вопросах партийного кризиса было характерно то, что он стремился вывести кризис из состояния «дрязги» и перевести трения и споры в русло принципиальных разногласий. Это давало ему в руки смертельное оружие как против «джентльменов» меньшевистского оппортунизма, так и против примиренцев из ЦК, к-рые в заявлениях (напр., мартовское заявление цекистов - примиренцев) были против оппортунизма и за ленинские «организационные взгляды», а на деле всем своим поведением помогали меньшевикам и мешали партийному разрешению кризиса. В своем «Письме членам ЦК», написанном в мае 1904 и приложенном к майскому «Заявлению трех членов ЦК», Ленин особо подчеркивает, что «Борис (Носков) не учитывает быстро эволюционирующей ситуации, к-рая сегодня не та, что вчера, а завтра будет не та, что сегодня». Вчера «дрязга отодвигала назад

принципы». Но «эта ситуация миновала», указывает Ленин. «Сегодняшняя ситуация,— разъясняет он,—уже другая: принципы оттесняют дрязгу. Дело уже не в кооптации, далеко нет. Дело в том, права ли в принципе новая «Искра»?». Ленин придает этой стороне «ситуации» особенное значение, он особо подчеркивает и разъясняет в своем письме именно эту черту «эволюционирующей ситуации». «Именно недовольство принципиальной позицией новой «Искры»,—пишет он,—к-рое неизбежно будет расти и расти, вызывает все сильнее агитацию за съезд: этого обстоятельства не оценивает Борис. Завтрашняя ситуация еще дальше отодвинет дрязгу» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 342—343). Борьба за съезд, т. е. то, что меньшевики и их подголоски-примиренцы или изображали как «склоку» или принимали за «склоку», то для Ленина было важнейшим лозунгом момента, к-рый ломал «дрязгу», сплачивал партию на идейных большевистских позициях, поднимал ее, растил большевистские кадры, по-настоящему закаляя их и тем самым приближая партийный кризис к его окончательной ликвидации. И недаром Ленин в конце этого своего письма членам ЦК утверждал, что «агитации за съезд не остановить теперь ничем» (там же, стр. 343). Точнейший учет соотношения сил в данный момент и непоколебимая уверенность в правильном учете «ситуации» давали возможность Ленину в проведении его линии внутри ЦК быть терпеливым, мягким и даже «уступчивым» (до поры до времени и в точно ограниченных пределах). Ленин ясно видел, что борьба решительно и бесповоротно вступила в новую полосу, что «агитации за съезд» уже ничем и никому остановить не удастся, что это есть единственный путь собирания большевистских кадров и большевистской партии, что этот процесс уже не только идет, но уже делает все бóльшие и бóльшие успехи, и что поэтому «кто не хочет попасть в смешное (хорошо еще, если только смешное!) положение Плеханова (прочтите фельетон в № 65), тот должен открыто и прямо занять позицию в борьбе». Но примиренцы из ЦК не приняли всерьез ленинских предостережений и в силу этого покатились дальше, в объятия антипартийных заграничных меньшевистских склочников. Партия живо откликнулась на ленинский лозунг созыва нового съезда, кооптационные «успехи» меньшевиков вызвали решительный отпор с мест, и их разлагающая партию работа имела успех, гл. обр., лишь за границей, среди верхушек партии. Партия уже настолько выросла и окрепла, что решительно осудила (12 комитетов из высказавшихся 14) дезорганизаторскую работу меньшинства. Уже с начала 1904 в «Искру» поступают с мест многочисленные заявления протеста против травли Ленина, против неслыханно клеветнической полемики, ведущейся меньшинством, и требования коренного изменения позиции, занятой руководящими органами партии. Начиная с 68 № «Искры», раздаются отчетливые требования созыва съезда. Съезда требуют крупнейшие организации партии (Кавказский союзный комитет, Сибирский союзный комитет, Тульский, Петербургский, Екатеринославский, Одесский, Тверской и др.). Приведенный выше список комитетов не является полным списком организаций, боровшихся за съезд, так как меньшевистский ЦО и примиренческий ЦК использовывали для прекращения агитации за съезд все средства, вплоть до раскассирования агитирующих за съезд организаций (Южное бюро), неопубликования редакцией резолюций за съезд, и т. д.

В июне 1904 Совет партии собрался в составе Плеханова, Мартова, Аксельрода, Глебова (Носкова) и Ленина. Т. н. «июльской декларацией» ЦК (вернее — три его члена) делает новый шаг по тому, якобы примиренческому пути, который вел и в конце-концов и привел их к полному подчинению планам заграничных меньшевистских центров, направленным против «рождающейся» пролетарской партии.—К этому времени в составе ЦК произошли значительные изменения: Ленгник и М. Эссен были арестованы, Землячку тройка примиренцев (Носков, Красин, Гальперин) объявила выбывшей из ЦК, так же «беззаконно» (как квалифицировал это Ленин в своем письме Глебову от 11/IX 1904, Соч., т. VI, стр. 363) провела отставку Травинского (Кржижановского); кроме того, ушел в отставку Ф. В. Гусаров.

«Июльская декларация», выпущенная примиренческой тройкой цекистов, была верхом лицемерия и издевательства в отношении традиций старой «Искры», большевизма и Ленина. Она брала под свою защиту ЦО меньшевистского оппортунизма — новую «Искру», выдавая ей аттестат на «неоспоримую высоту во всем, что касается защиты и выяснения основных принципов международной с.-д. программы и тактики». Она «решительно» высказывалась против созыва съезда, издевательски заявляя, что он «при данных обстоятельствах явился бы серьезной угрозой единству нашей партии». Она объявляла майский договор между Лениным и Глебовым «утерявшим силу» и с бесцеремонной развязностью напоминала Ленину «об исполнении его прямых обязанностей перед ЦК как литератора». А наряду и одновременно с этим тройка примиренцев, уже совершенно открыто перебегавших к меньшевикам и изменявших партии, лицемерно выражала «убеждение в необходимости и возможности полного примирения враждующих сторон», а в отношении лично к Ленину выражала «пожелание», чтобы он вошел в редакцию ЦО (Ленин, Соч., т. VI, стр. 408—09).—В «иезуитском дополнении» к этому издевательско-лицемерному и ренегатскому документу—в своем письме к Ленину—Глебов от имени ЦК повторил «пожелание» о вступлении Ленина в редакцию ЦО. Ленин ответил письмом Глебову от 11/IX 1904, в котором он изобличил все лицемерие и беспринципность поведения зарвавшейся тройки «примиренцев», заявив в конце письма, что «никаких сношений с Вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 367).—В этом же письме он говорил об обязанности

для себя «вместе с принципиальными сторонниками большинства, число к-рых возрастает в России», вести борьбу «за выдержанное направление», против кружковщины.

«Июльская декларация» тройки заявила о кооптации в состав ЦК трех примиренцев— Л. Карпова, А. Любимова и И. Дубровинского, а несколько времени спустя, в ноябре 1904, после закулисных переговоров, они же кооптировали в ЦК трех меньшевиков— В. Розанова, Р. Гальберштадт и В. Крохмаля. Впоследствии Гальберштадт была «заменена» Е. М. Александровой (Штейн по II съезду).—В июле 1904 тройка цекистов-примиренцев перебежала на сторону меньшевиков. Это был тяжелый удар для Ленина, т. к. с этого момента все партийные центры оказывались в меньшевистских руках. Казалось, Ленин был разбит в борьбе с меньшевиками окончательно. Но это только «казалось», на самом же деле этот момент «торжества» меньшевизма был началом их поражения, т. к. именно отсюда, несмотря на все тяжелые удары, линия большевизма идет вверх, что было отражением укрепления позиций «большинства» в России, число «принципиальных сторонников» к-рого возрастало непрерывно.

В ноябре 1903 Ленин писал Кржижановскому: «борьба за редакцию ЦО проиграна безвозвратно» (Ленинский сб., VII, стр. 218). И она была проиграна «в силу измены Плеханова». В этом же письме Ленин писал: «я борюсь за ЦК». Атаки на ЦК в течение всего следующего года велись меньшевиками непрерывно. Примиренческих колебаний и зигзагов в ЦК за этот же год было более чем достаточно. В июле 1904 борьба за ЦК, говоря словами Ленина, была проиграна тоже безвозвратно. И она была проиграна в силу дрянненькой измены примиренцев из ЦК во главе с Глебовым. В сентябре Глебов в Совете партии участвует в подтасовке голосов местных комитетов за съезд и постановляет, что «Совет не имеет основания к его созыву». В ноябре ЦК кооптирует в свой состав меньшевиков. ЦК, говоря словами Ленина, находится в это время уж «всецело в руках кооптированных претендентов». «Торжество» меньшевистского оппортунизма как будто было полное. Так казалось, но не так было. Через тяжкие испытания и поражения, через меньшевистск. интриги и примиренческие измены, нанося смертельные удары первым и отбрасывая с дороги вторых, вел Ленин в этот период «рождающуюся» большевистскую партию к блестящим победам. В этом положении ЦК, ставший вполне орудием меньшевиков, не имел мужества признать факты перед партией и, после разоблачения этого шага (кооптирование меньшевиков) в брошюре Орловского (В. В. Воровского) «Совет против партии», в специальном письме к местным организациям прямо обманывал партию, когда писал, что «ЦК никакого меньшинства в свой состав не кооптировал (на этот счет ходит кем-то пущенная сплетня)», на самом же деле как-раз в это время ЦК и вел переговоры относительно кооптации трех представителей меньшинства, закончившиеся уже известными положительными результатами.

Бюро комитетов большинства и последняя стадия борьбы за съезд. В цитированной уже статье «Пора кончать» («Вперед», № 1, от 4 января 1905) Ленин так характеризует эту стадию борьбы между «меньшевиками» и «большевиками» в период от II съезда к III: «Три члена ЦК переходят на сторону заговорщиков против партии, кооптируют трех претендентов из меньшинства (уверяя комитеты письменно в противном) и при помощи Совета окончательно срывают третий съезд, за который высказалось подавляющее большинство высказавшихся о кризисе комитетов» (Ленин, Соч., том VII, стр. 42). И дальше, в той же статье, характеризуя «четвертую стадию» кризиса, Ленин снова отмечает, что «новый ЦК, находясь всецело в руках кооптированных претендентов, ставит своей задачей дезорганизовать и расколоть все местные комитеты большинства» (там же, стр. 43). И делая из этого основной вывод, Ленин пишет: «мы сделали все возможные уступки и ряд невозможных уступок, чтобы продолжать работать в одной партии с „меньшинством". Теперь, когда сорван третий съезд и дезорганизация направлена на местные комитеты, всякая надежда на это потеряна. Мы должны, в отличие от „меньшевиков", которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения» (там же, стр. 43). И после года ожесточеннейшей борьбы, после дезорганизаторской работы меньшевиков, измены Плеханова, ренегатства примиренцев-цекистов, перехода всех центральных учреждений партии в «тайную организацию» меньшевиков для борьбы с партией, после напряженной большевистской агитации за созыв партийного съезда и громадной разъяснительной работы, проделанной ленинской брошюрой «Шаг вперед, два шага назад», громадное большинство партии и ее кадры на местах непосредственно подошли к образованию самостоятельной большевистской партии. И если старая «Искра» по своему направлению была уже «вполне большевистской»— так, что в смысле «направления» большевизм между II и III съездами лишь продолжал развивать основные организационные и тактические позиции старой «Искры»,—то громадное значение этого периода между двумя съездами в первую очередь заключается именно в том, что в течение его выросли местные большевистские организации и образовались в ожесточенной борьбе доподлинные руководящие большевистские кадры, около которых в годы революции наращивались и крепли новые элементы того, что ныне именуется старой большевистской гвардией. Но одновременно необходимо отметить, что и идейное наследство старой «Искры» в период между II и III съездами получило свое дальнейшее развитие как в области организационных принципов, так и в особенности в постановке и обосновании идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Это оформление большевистской идеологии про-

исходило уже в теснейшей связи с развитием массового революционного движения. Этому идейному оформлению предшествовало накопление организационных ресурсов большевизма, для которого важнейшее значение имело совещание 22 большевиков в Швейцарии в авг. 1904 и три конференции комитетов «большинства» в октябре—декабре того же года, на которых и было избрано «Бюро комитетов большинства», взявшее на себя подготовку партийного съезда. На швейцарском собрании 22-х в числе присутствующих находились: Н. Ленин, Н. Крупская, Воинов (Луначарский), Ольминский (Александров-Галерка), Шварц-Орловский (В. В. Воровский), В. Величкина (Бонч-Бруевич), Б. Бонч-Бруевич, Олин (Лепешинский), О. Лепешинская, М. Лядов (Мандельштам), Хлебников (В. Ногин), Гусев (Драбкин), Землячка (Залкинд), Павлович (Красиков), И. Теодорович, А. А. Богданов, Десницкий (Строев). Конференция приняла обращение к партии, давая оценку создавшемуся положению и призывая к борьбе за III съезд. Это обращение стало платформой подавляющего большинства партии, которая начала готовиться к съезду. На трех конференциях (Северной, куда входили Петербургский, Московский, Нижегородский, Северный, Тверской и Рижский комитеты; Южной, куда входили Одесский, Николаевский, Екатеринославский; и Кавказской, куда входили Бакинский, Тифлисский, Батумский и Имеретинско-Мингрельский комитеты) было избрано «Бюро комитетов большинства», предъявившее ЦК ультиматум в двухнедельный срок ответить, берется ли ЦК за подготовку и созыв съезда. В состав этого Бюро входили: Землячка, Богданов, Лядов, Гусев, Литвинов, Рыков, Румянцев, Эссен, Владимиров. ЦК, как и остальные центральные учреждения партии, всячески пытался сорвать работу по созыву съезда. Но объезд представителями Бюро комитетов большинства местных комитетов показал, что партия в подавляющем большинстве против дезорганизаторов: из числа 28 комитетов, имевших право решающего голоса на съезде, 21 высказался за созыв съезда. Одновременно с организацией практического центра большевикам удалось, наконец, поставить издание своего органа, названного по предложению В. И. Ленина «Вперед», под редакцией В. И. Ленина, А. А. Богданова, М. С. Ольминского, В. В. Воровского, А. В. Луначарского. Первый номер вышел 4 янв. 1905 (22 дек. 1904).

В своем обращении «К партии» совещание 22 большевиков указывает, что «исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше». Новую «Искру» обращение характеризует как «руководителя кружковой оппозиции в борьбе с партийностью». Практический выход из партийного кризиса совещание видит «в немедленном созыве третьего партийного съезда». «Рост политического сознания передовых рабочих», активность «выступающих в общепартийной жизни комитетов», растущие «молодые силы» — все это приводит совещание 22-х к выводу, что «у нас рождается партия». Это обращение сыграло роль платформы для организации большевистских сил в России, боровшихся за созыв III съезда (Ленин, Соч., т. VI, стр. 354—59).—В «Письме к товарищам» (к выходу органа партийного большинства) Ленин указывает, что «Вперед» должен быть «действительным органом рабочего движения в России» и что он имеет целью «помочь комитетам решить встающий перед ними новый вопрос о съезде помимо Совета и ЦК—против воли Совета и ЦК,—вопрос, требующий всестороннего серьезного обсуждения». «Мы боремся,—говорит Ленин,—за выдержанное революционное направление против смуты и шатаний в вопросах и организационных и тактических» (там же, стр. 376, 373 и 374). К 1 янв. 1905, как сообщал Ленин, «из 28 русских полноправных организаций 15 высказалось за съезд вопреки воле бонапартистских центров» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 157). С начала 1905 число сторонников большинства и немедленного созыва III съезда начинает увеличиваться еще более значительно.

После ареста Центрального комитета в февр. 1905 оставшиеся члены ЦК (Л. Красин и А. Любимов) под давлением партии переходят на точку зрения признания необходимости немедленного созыва съезда. 17(4) марта они выпускают обращение «К партии» за подготовку немедленного съезда, 25(12) марта заключается договор Бюро комитетов большинства и ЦК об образовании Организационного комитета для немедленного созыва III съезда «независимо от той или иной резолюции по созыву съезда со стороны Совета», а по приезде за границу бывшие примиренцы Л. Красин и А. Любимов ведут борьбу против срыва съезда, к к-рому продолжал стремиться Совет. 23(10) апр. 1905 Центральный комитет обращается с «Открытым письмом председателю Совета РС-ДРП т. Плеханову», в к-ром он пишет, что «отдает весь этот конфликт на суд партии».

25(12) апреля в Лондоне открылся III съезд партии, на к-ром были представлены 21 организация с 42 голосами, а всего на съезде было 46 голосов из 71 «полноправных голосов нашей партии». Так кончилась блестящей победой над меньшевиками и примиренцами борьба Ленина за партийный съезд, к-рую он начал в янв. 1904. Эта блестящая победа свидетельствовала о громадном росте пролетарской партии в России, что было отмечено Лениным в его статье «Третий съезд» в связи с вопросом «об одном центре». «Ко времени II съезда,—писал Ленин,—опорой устойчивости была и считалась редакция «Искры»,—ей дан был перевес. Преобладание российских товарищей над заграничными казалось еще проблематичным при том уровне развития партии». Но за время между II и III съездами революция сделала гигантские шаги вперед в нашей стране, выросли новые кадры передовых рабочих, в горниле ожесточенной внутрипартийной борьбы, длившейся один и три четверти года, выросла большевистская партия и ее кадры. «После второго съезда,—писал Ленин,—неустойчивой оказалась именно заграничная редакция, партия же выросла, несомненно и значительно

выросла, именно в России» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 303). Это и было закреплено III съездом пролетарской партии.

Позиция новой «Искры». Партийный кризис 1903—1904 привел «к полному разрыву центральных учреждений с партией». Знаменем их была новая «Искра», а платформой новой «Искры» являлся меньшевистский оппортунизм, продолжавший в новой обстановке линию рабочедельческого экономизма. В «Кратком очерке раскола в РС-ДРП», напечатанном в V Ленинском сборнике [(стр. 177—184), письмо Грейлиху], Ленин указывает, что новая «Искра» повернула «к старому, отвергнутому II съездом рабочедельству» и что «принципиальные разногласия между «Вперед» и новой «Искрой» те же в сущности, какие были между старой «Искрой» и «Рабочим делом» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 93—95).—Организационная борьба между «большинством» и «меньшинством» в период между двумя съездами была отражением столкновения этих «принципиальных разногласий». Тактическая линия меньшевиков выявляется вполне определенно на страницах новой (меньшевистской) «Искры» и в ряде брошюр лидеров меньшевизма. Уже задолго до так назыв. «Плана земской кампании» выяснились разногласия по вопросу о роли партии и о взаимоотношениях партии и класса, по вопросу о роли пролетариата в предстоящей революции и о его союзниках. Но, говоря о тактической линии новой «Искры», мы должны сразу же подчеркнуть одну особенность оппортунизма, ловко подмеченную в свое время Парвусом, к-рый писал, что «умственная бесформенность оппортунизма обусловливает многообразие форм его проявления». Рус. меньшевизм не представлял в этом отношении какого-либо исключения. Как и на Западе, в его рядах уживались многочисленные и разнообразные «оттенки и оттеночки мнений», к-рые не раз вводили в заблуждение примиренческие элементы в большевизме, не умевшие отличать «левых» фраз от правого оппортунистического дела. Наиболее типичными фигурами в рус. меньшевизме являются в этот период Аксельрод, Плеханов и Троцкий. Аксельрод был несомненно идейным вождем меньшевизма уже в этот период, дав основные установки, послужившие прообразом меньшевистской тактики на протяжении всей его последующей истории. Троцкий, выступавший неоднократно в основных вопросах вместе с Парвусом, давал подчас наиболее откровенные формулировки в полемике с большевизмом и одновременно уже начинал разрабатывать ту специфическую разновидность меньшевизма, которая называется «троцкизмом». Наконец, Плеханов, кооптировавший меньшевиков в «Искру», положивший тем самым начало превращения ее в новую «Искру» и вышедший из редакции новой «Искры» после Женевской конференции меньшевиков, интересен как своеобразная фигура, несомненно принадлежавшая к меньшевистскому направлению, но не укладывавшаяся полностью в его рамки. Именно под знаком основных идей этих меньшевистских лидеров (Аксельрода и Плеханова в особенности) складывался официальный орган меньшевиков, новая «Искра». Поэтому, прежде чем переходить к позиции новой «Искры» в целом, остановимся на характеристике каждой из этих фигур.

Материалом для уяснения взглядов П. Б. Аксельрода в этот период служат статьи его в №№ 55 и 57 «Искры»—«Объединение российской с.-д-тии и ее задачи» и в № 68—«К вопросу об источниках и значении наших организационных разногласий». Эти статьи дают обоснование общих принципов меньшевизма. Это их имел в виду Ленин, когда писал, что «за основу разбора принципиальной позиции новой «Искры» следует взять несомненно два фельетона т. Аксельрода» (Ленин, «Шаг вперед, два назад»). Основные мысли этих статей сводятся к критике большевистских организационных принципов, которые Аксельрод считает непролетарскими. Идею крепкой централизованной организации Аксельрод считает признаком отсталости движения и приравнивает ее в этом смысле к кустарничеству. По его мнению, российская с.-д-тия является пока еще только «преимущественно организацией... принципиальных сторонников пролетариата среди революционной интеллигенции». Вскрывая причины таких особенностей классового характера российской с.-д-тии, Аксельрод объясняет их в конце-концов тем, что на долю РС-ДРП выпала «чуждая» пролетариату задача «делать» буржуазную революцию, вместо того, чтобы заниматься своими «чисто классовыми» задачами, готовиться, как рабочий класс Запада, к борьбе со всем буржуазным обществом. Отсюда Аксельрод критикует всю тактическую линию старой «Искры», якобы слишком увлекавшейся задачами вовлечения в революционную борьбу рабочих масс. Аксельрод явно предпочитает линию экономистов, которая, де, хотя и узко экономически, но все же правильно понимала «классовые» задачи пролетариата, в то время как ленинцы не дают развиваться самодеятельности масс и отрываются от них, практикуя заместительство пролетариата интеллигентской организацией профессионалов-революционеров. Здесь Аксельрод целиком порывал с идеями старой «Искры». Отсюда у Аксельрода—требование перехода к новым формам работы, к-рая должна максимально уподобить РС-ДРП западно-европейской партии. При этом Аксельрод имеет в виду легальную парламентскую борьбу с.-д. Аксельрод фактически изложил целую систему «принципиальных взглядов», противопоставлявшуюся большевизму и обосновывавшую под видом «классовой чистоты» экономизм на новый лад. Отрицая по сути дела задачу наложения пролетарского отпечатка на весь характер борьбы с царизмом, толкая пролетариат в сторону особых методов «классового» воспитания, связанных с урезыванием размаха его самостоятельной политической активности, Аксельрод становился на почву отказа от гегемонии пролетариата в буржуазной революции, что являлось, как известно, одной из основ экономизма. Другой важнейшей чертой экономизма было превознесение стихийности рабочего движения

и противопоставление ее «сознательности», т. е. партийному авангарду. И в этом пункте Аксельрод точно так же целиком становился на почву экономизма. Эпоха настоящей политической жизни рабочей партии, по Аксельроду, начинается только тогда, когда у власти будет уже буржуазия и когда перед пролетариатом будут стоять «чисто» пролетарские задачи. При этом, вместо анализа реальных классовых отношений дореволюционной России и определения политических задач тех или иных классов в связи с их действительными и конкретными интересами, Аксельрод подсовывал свою «схему», к-рая под прикрытием требования пролетарской классовой «чистоты» прямым путем вела к подчинению пролетариата буржуазному влиянию. Аксельрод не понимал, что переход к буржуазному общественному строю может совершиться в различных формах, различными путями и что, в отличие от буржуазии, пролетариат кровно, «классово» заинтересован в том, чтобы этот переход был возможно более революционным. Непонимание того, что буржуазную революцию можно «произвести» так, что она будет прежде всего в интересах рабочего класса, и является лейт-мотивом всего меньшевизма. Это был разрыв с идеей гегемонии пролетариата. Это был разрыв с «искризмом» и переход на позиции рабочедельства. И не даром Ленин писал, что «старая «Искра» учила истинам революционной борьбы», «заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов», а «новая «Искра» „поумнела" и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами» (Ленин, «Шаг вперед, два шага назад», Сочинения, том VI, стр. 327).

Основными документами, по к-рым можно судить о позиции Троцкого в этот период, являются его речи на II съезде партии, отчет сибирской делегации, статьи в новой «Искре», а, гл. обр.,—брошюра «Наши политические задачи». Последняя брошюра вышла в Женеве в 1904 как ответ на брошюру Ленина «Шаг вперед, два шага назад». На брошюре Троцкого лежала печать идейного влияния Аксельрода. Не даром она и была посвящена «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Брошюра Троцкого представляет собой не что иное, как разъяснение и развитие мыслей, изложенных в фельетонах Аксельрода. Однако, различие между выступлениями Троцкого и Аксельрода заключалось в том, что первый договорил до конца и разболтал то, что второй счел нужным оставить в скрытом, недоговоренном виде. Поэтому Аксельрод и был недоволен тем, что Троцкий посвятил ему свою брошюру. Ленин, поскольку книжка вышла под редакцией «Искры» (как это было специально жирным шрифтом подчеркнуто), назвал Троцкого «редакционным Балалайкиным», пользуясь бессмертным образом щедринского адвоката. Аксельрод, по сути дела, разрывал со старой «Искрой», а Троцкий, соглашаясь с экономистом Акимовым, прямо выбалтывает, что «между старой и новой «Искрой» *лежит пропасть*». *Троцкий с полубрезгливой презрительностью говорит* о «кампании в организационных мелочах», мимоходом «разделываясь» с идеей централизма. Он прямо указывает, что организационные вопросы никакого самостоятельного значения иметь не могут и не имеют. В своей критике организационных взглядов большевизма Троцкий с особой отчетливостью обнаружил, что в организационной платформе меньшевизма проявляется его отход от учения о диктатуре пролетариата, как самого революционного класса нашего времени. Троцкий, т. о., довел до крайности организационный оппортунизм меньшевиков, открыто бравируя этим. Необходимым условием, делающим диктатуру пролетариата возможной, Троцкий считал охват партией всего пролетариата, почти отожествление партии и класса. В стремлении большевизма подчеркнуть организационное значение партии в деле борьбы за диктатуру пролетариата Троцкий был склонен видеть противопоставление партии классу, линию на осуществление «диктатуры над пролетариатом». Большевистскую непримиримость, стремившуюся к созданию единой цельной партии, он приравнивал к сектантской нетерпимости, противопоставляя ей герм. партию, которая вмещает в себе разнообразные течения, в т. ч. и явно оппортунистические. Т. о., тот тип «единства партии», к-рый выдвигал Л. Д. Троцкий, эта пресловутая «законность оттенков мнений», была по существу не чем иным, как повторением «задов» экономизма, повторением знаменитого требования «свободы критики». Новая тактическая линия, которую развивал Троцкий, в основных чертах была повторением взглядов Аксельрода. Как и Аксельрод, Троцкий не понимал того, что он сам называл «загадкой», «принципиального примирения революционно-демократической и социалистической задач» пролетариата. Троцкий не мог понять и не понимал роли пролетариата в буржуазно-демократическ. революции, т. к. он имел превратное представление о ее движущих силах. В № 93 новой «Искры» от 17/III 1905 он спрашивал: «где же вне пролетариата стоящие сознательные революционные элементы, к-рые могли бы оказаться на гребне революции?». И отвечал: «Их нет, и не будем себя обманывать—их не будет». Отсюда брала свое начало полуменьшевистская теория перманентной революции.

Особое место занимал в меньшевизме Г. В. Плеханов. Это уже со всей отчетливостью обнаружилось в рассматриваемый период. Большинство политических работ этого периода посвящено Плехановым оправданию своего политического поворота, доказательству, что он и меньшинство стоят на старых идейных позициях, в то время как Ленин занимается склоками. «Пусть плодит их Ленин,—писал Плеханов,—это в его интересах; а в интересах нашего дела следует поступать как раз наоборот» (Собр. соч. Плеханова, т. XIII, стр. 110). Но под шум подобных замечаний Плеханов занимается в первую очередь именно ревизией ортодоксального искровства. Как Аксельрод, как и Троцкий, Плеханов высмеивает увлечение *организационными вопросами*. *Забыв о том, что он сам еще недавно писал против эко-*

номистов и против Бернштейна, Плеханов проповедует единство во что бы то ни стало. Как и Аксельрод, он переходит в наступление против ленинского «Что делать?». Политика большевиков и Ленина, это политика «бонапартизма». Критика деятельности и взглядов Ленина занимает виднейшее место в произведениях Плеханова в этот период. Именно в такой форме прежде всего выразился у Плеханова отход от идейных позиций старой «Искры». Оторванность от движения не давала Плеханову возможности понять глубину разногласий между большевиками и меньшевиками. Плеханов упорно подчеркивал интеллигентский характер разногласий между большевиками и меньшевиками, межевался от тех и от других, призывал их к единству во что бы то ни стало. Статьи Плеханова этого периода показывают со всей очевидностью, что он не отделался еще от своих впечатлений ранней поры развития рус. с.-д-тии. Плеханову продолжало казаться, что он имеет дело с политически незрелым движением, споры внутри к-рого не могут иметь серьезного значения. И тем не менее, поворот после второго съезда был у Плеханова поворотом всерьез, надолго, навсегда. Плеханов был по существу настоящим меньшевиком. Недаром Ленин утверждал, что с осени 1903 Плеханов «перешел от большевиков к меньшевикам». Отвечая «Освобождению», отметившему «знаменательный поворот» Плеханова, последний назвал свою статью «забавным недоразумением». Но никакого недоразумения, тем более «забавного», здесь не было. Линия новоискровцев была действительно близка Плеханову. И хотя Плеханов в это время мало высказывался по собственно тактическим вопросам, у него встречаются те же мысли, что и у Аксельрода, что и у Троцкого. Не случайно также заявление Плеханова о том, что говорить об оппортунизме Аксельрода, Мартова и Потресова значит не понимать значения этого слова.

Новая «Искра» в лице своих наиболее авторитетных сотрудников в этот период ставит важнейшие вопросы тактики и стратегии партии в предстоящей революции и разрешает их целиком и полностью в меньшевистском духе. В единственной статье Игрека (П. Маслова) в № 77 от 6/II 1904 по аграрному вопросу обосновывается будущая меньшевистская аграрная программа. Особенно много внимания уделяла новая «Искра» либеральной буржуазии. Наиболее характерным в отношении новой «Искры» к либеральной буржуазии является переоценка удельного веса буржуазии в общественном движении, выраженная чуть ли не в каждой статье новой «Искры». Конечно, «Искра» критиковала либералов, порой даже довольно остро. Но, подвергая критике действия либералов, меньшевики в то же время не уставали выражать надежду на то, что «общество» (т. е. либеральная буржуазия) «полевеет», поймет, наконец, свои настоящие задачи и примется за их выполнение, при чем уверенность в этом все более растет в рядах меньшевиков и все более обнаруживается по мере приближения так называемой «весны» и начала «земской кампании».

В новой «Искре» вполне отчетливо выяснилось критическое отношение ко всему, что относится к восстанию, вооружению, активной боевой подготовке пролетариата, организации революции, словом принципиальным моментам революционной тактики пролетариата. Так, в ряде статей, связанных с грандиозными стачками лета 1903 (В. Засулич, Троцкого, Аксельрода, Дана и др.), дано чисто меньшевистское противопоставление политической работы техническо-организационной с явным умалением значения последней. Явные колебания были обнаружены новой «Искрой» и в отношении к Русско-японской войне. Прежде всего нужно констатировать, что полного единства по поводу этого вопроса среди меньшевиков не было. Плеханов занимал чисто пораженческую позицию (хотя в 1916 Троцкий подверг весьма большому сомнению тогдашнюю искренность пораженческой позиции Плеханова). Но большинством новоискровцев эта позиция явно не разделялась. Сначала их позиция сводилась к лозунгу «мир во что бы то ни стало», но, не удержавшись долго на этой позиции, они перешли к условному пораженчеству, соединяя его с предостережением большевикам о недопустимости «спекуляции» на победе японского оружия. В этой неустойчивости и противоречивости обнаружилось только то, что меньшевики не понимали всей глубины и значения этого вопроса, сбиваясь и не понимая, как это отмечал Ленин, что «классовая точка зрения на войну и мир не похожа на буржуазно-демократическое осуждение войны вообще». Эта путаница меньшевиков проистекала из непонимания как характера Русско-японской войны, так и значения поражения самодержавия не только для русской, но и международной революции. Так, Троцкий в статье «Наша военная кампания» всячески подчеркивал только авантюристский и вовсе не соответствующий интересам экономического развития характер данной войны, к-рая приведет к еще большему противоречию и разладу между самодержавием и буржуазией. О новоискровской «путанице» Ленин писал в статье «Падение Порт-Артура» следующим образом: «Не могла не проявить путаницы и новая «Искра». Она наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало. Она метнулась затем „поправляться", когда Жорес наглядно показал, чьим интересам, прогрессивной или реакционной буржуазии, должна послужить квази-социалистическая кампания в пользу мира вообще (речь идет о ст. Жореса «Против войны» в № 182 «L'Humanité». *А. Б.*). Она кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно „спекулировать" (!!?) на победу японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие „независимо от того", кончится ли она победой или поражением самодержавия» [Владимир Ильич имеет в виду листовку за подписью «Редакция Искры»—«Кто должен победить» и 87 стр. брошюры Л. Д. Троцкого «Наши политические задачи» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 48—49)]. Т. о., в этом вопросе опять-таки сказался специфический меньшевистский шаблонный метод, привыкший оперировать с общими категориями, но совер-

шенно беспомощный в вопросах конкретно-исторического анализа, учета обстановки и классовых сил. Крупное значение для разоблачения явного оппортунизма новой «Искры» имел «план» редакции «Искры» в связи с «земской кампанией». Суть плана сводилась к знакомой уже идее Аксельрода о противопоставлении «на деле» пролетариата буржуазии. Согласно этой идее задача рабочего класса в борьбе с абсолютизмом состоит в том, чтобы «придать побольше храбрости буржуазии и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с к-рыми выступит руководимый с.-д-тией пролетариат» (Ленин, Соч., том VII, стр. 6). Критикуя это явно оппортунистическое положение меньшевиков, призывавшее в сущности пролетариат к умеренности, чтобы не «испугать» буржуазию, Ленин указывает, что у меньшевиков выражена «странная» мысль о том, что либералы имеют право выступать от имени рабочей демократии, предъявляя «наши требования». Критикуя эту мысль меньшевиков, Ленин указывает, во-первых, что «странна» сама мысль, что либералы предъявляют правительству требования пролетариата, во-вторых, что либеральная буржуазия «никогда» не способна «последовательно» отстаивать требования пролетариата, она обязательно «обманула бы» его и, в-третьих, что уж если пролетариат настолько «силен», чтобы влиять на либералов, то почему он сам не может «предъявлять требования» правительству. Во всем «плане» ясно сказалась основная идея меньшевизма—отказ от идеи гегемонии пролетариата в буржуазной революции. Не иначе, как с насмешкой, относился Ленин и к практическому проведению меньшевистского «плана». Ленина возмущает то, что «мирные» шествия рабочих к месту банкетов, где заседают господа либералы, меньшевики называли демонстрациями «высшего типа», в то время как боевые выступления рабочих на улицах меньшевики квалифицировали как демонстрации «низшего типа». Резкая критика, направленная Лениным против меньшевистского тактического плана, вызвала ряд ответов со стороны меньшевиков. Редакция «Искры» написала также еще одно «письмо к партийным организациям». Начавшаяся революция, выдвинув на первый план тактические вопросы движения, еще более углубила расхождение между либерально-меньшевистской тактикой новой «Искры» и последовательно революционной тактикой большевизма. С этой точки зрения меньшевистский тактический план конца 1904 явился исходной точкой всей тактической линии меньшевизма в годы первой революции. А поэтому критика этого плана Лениным имеет крупнейшее значение и для оценки вообще всей меньшевистской тактики. Тактическая линия большевизма вырабатывалась в ходе нарастающей революции и в борьбе с оппортунистической тактикой меньшевизма, являвшейся отражением буржуазного влияния в рабочем движении.

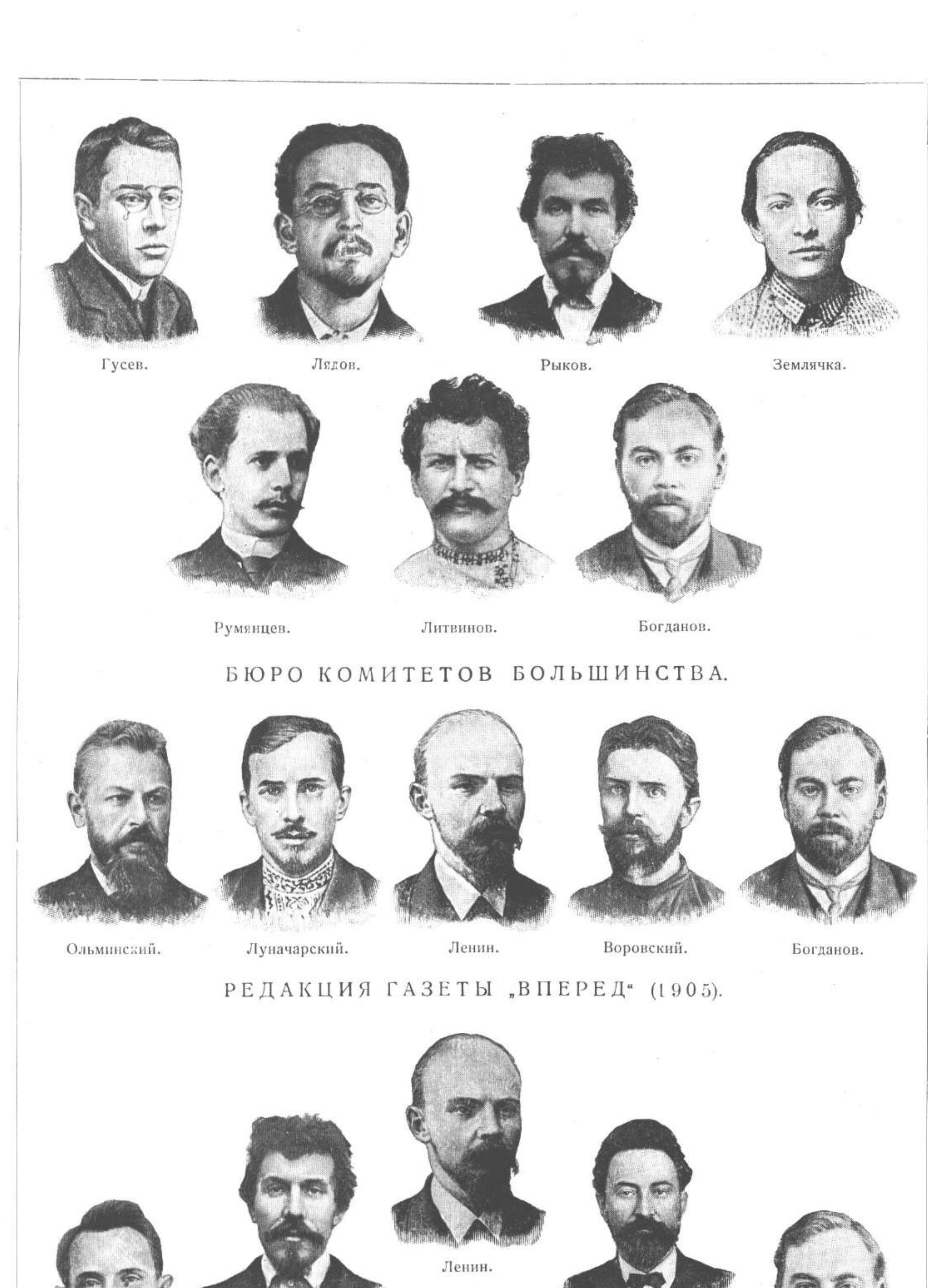
2 Интернационал и его отношение к расколу в РС-ДРП. 2 Интернационал неоднократно делал попытки вмешательства в дела РС-ДРП в целях «содействовать» разрешению партийного кризиса. Эти попытки предпринимались даже тогда, когда раскол был уже окончательно оформленным фактом. И уже перед самой войной 1914—18 при содействии Международного социалистического бюро было собрано совещание представителей всех отдельных фракций и групп в Брюсселе, на котором Инессой Арманд по поручению ЦК нашей партии было зачитано заявление, после чего она покинула совещание. Известно, что на совещании в Брюсселе был создан т. н. «Брюссельский блок», направленный против большевиков. И надо сказать, что, как общее правило, все «объединительные» попытки 2 Интернационала носили именно такой характер. В этом не было ничего удивительного. Известно отношение 2 Интернационала к бернштейниаде в герм. с.-д-тии и вообще к оппортунизму. Организационным принципам 2 Интернационала была абсолютно чужда идея боевой централизованной партии—авангарда с единой программой, тактикой и организацией. Освещение вопроса об отношении 2 Интернационала к партийному кризису 1903—04 представляет тот несомненный интерес, что уже здесь в полной мере обнаружились все характерные черты отношения 2 Интернационала к большевизму. Рассматривая позицию 2 Интернационала, мы остановимся на отношении к расколу Каутского, Бебеля и Р. Люксембург, как наиболее крупных вождей Интернационала.

Каутский, в то время вождь «ортодоксальной» с.-д-тии, уже тогда проявлял колебания в сторону реформизма. Эти колебания в свое время дали повод Плеханову резко выступить против мягкотелости Каутского в его борьбе с Бернштейном, «ревизовавшим» Маркса. Эти же колебания проявились в его отношении к разногласиям внутри нашей партии после II съезда. Впрочем, в отношении рус. меньшевизма и раскола эти колебания длились у Каутского недолго. Каутский не только целиком стал на точку зрения меньшевиков, но принял все меры к тому, чтобы на страницах герм. с.-д. печати, тогда самой авторитетной для всего 2 Интернационала, дать меньшевистское освещение сущности разногласий. Не выступая сначала открыто, Каутский все время тщательно информировался меньшевиками (гл. обр. Аксельродом) о ходе раскола. Поводом к выступлению Каутского послужило письмо-статья М. Н. Лядова к нему с просьбой поместить ее в «Neue Zeit». Каутский ответил отказом, при чем в ответном письме пространно изложил свои взгляды, встав на сторону меньшевиков. Письмо, разумеется, предназначалось для печати, но Каутский, желая, как он выразился, остаться нейтральным, не заявил, что хотел бы его печатать, согласившись на это только тогда, когда узнал, что его взгляды без опубликования письма могут быть превратно истолкованы. Т. о., письмом Лядова Каутский воспользовался, чтобы выступить открыто в защиту меньшевиков. Письмо Каутского было опубликовано в № 66 «Искры» под заголовком «Каутский о наших партийных разногласиях». Статья эта ясно показывала, что Каутский совершенно не понял принципиальной сущности борьбы, не понял, что организационные разногласия—

лишь начало размежевания двух противоположных мировоззрений, размежеваний между революционной и оппортунистической фракциями формально единой партии. Занимаясь чисто поверхностными аналогиями между задачами организации партии и условиями ее работы в России и уже существовавшей герм. с.-д-тии в эпоху исключительного закона против социалистов, Каутский неожиданно приходит к выводу, что ленинская формулировка пункта первого устава осуществима только в странах свободных, в то время как в рус. условиях наиболее охватывает партию формулировка Мартова. Как и меньшевики, Каутский старается просто умалить значение организацион. вопросов, низведя их до чисто технических. Отвечая на указание Лядова, что спор между меньшевиками и большевиками является по сути дела столкновением между интеллигентским индивидуализмом и пролетарской дисциплинированностью, Каутский пишет: «В основе того рус. спора, о котором идет речь, лежит противоположность между условиями существования открытой организации с одной стороны, и тайной—с другой. И только случайно этот спор имеет внешнее сходство с столкновением между пролетарской дисциплинированностью и интеллигентским индивидуализмом». Наряду с этим Каутский выступает в защиту меньшевистских вождей и против Ленина.

Совсем в духе меньшевиков, он и мысли не допускает, что Аксельрод или Мартов могут стать оппортунистами: «Вы утверждаете далее, что Аксельрод и его друзья склоняются к экономизму и оппортунизму. Я не могу проверить этих обвинений, т. к. я не в состоянии следить за вашей литературой. Но я не могу им поверить: для этого я слишком давно знаю Аксельрода, Плеханова, Засулич как ясные и последоват. мыслящие умы».

Став на такой путь «марксистской» (с позволения сказать) критики большевизма, Каутский в неуживчивости Ленина усматривает чуть ли не причину раскола. «Если Ленин не хотел раскола, если он хотел сохранить единство партии, он должен был стараться ужиться с прежними редакторами, к-рые вырастили «Искру». Но мало того, что Каутский защищал меньшевиков, скрывая при этом, что пользуется их лживой и тенденциозной информацией,—он говорил заведомую неправду, когда писал, что «не хотел бы, чтобы нем. товарищи узнали об этих разногласиях». На самом деле Каутский не хотел только, чтобы «нем. товарищи» узнали об истинном смысле разногласий в оценке большевиков, но сам добивался освещения перед герм. с.-д-тией меньшевистских взглядов на раскол. Именно благодаря этому и появилась в «Neue Zeit» статья Розы Люксембург. Вот что мы читаем по этому поводу в письме Мартова к Аксельроду: «Роза Люксембург написала большую статью против Ленина, которую Каутский выпросил для «Neue Zeit» (написана по-немецки), где она появится одновременно с «Искрой» с указанием, что написана по нашему заказу» («Письма Аксельрода и Мартова», Берлин, 1924, стр. 106). Каутский оставался верен самому себе до конца, когда отказался поместить ответ Ленина на статью Розы Люксембург. Это вызвало протест со стороны Ленина, к-рый писал в Международное социалистическое бюро: «Т. к. Международное бюро считает возможным черпать сведения в „некоторых нем. газетах", я вынужден заявить, что почти все нем. социалистические газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung» стоят целиком на стороне „меньшинства" и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, напр., тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказался поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в к-рой она защищала дезорганизацию в партии. В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять нем. перевода резолюции III съезда!! После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать нем. с.-д-тию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах российской с.-д-тии» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 11—12). Такова позиция «нейтрального» Каутского. Что касается Бебеля, то он, как известно, явился инициатором (тоже по настоянию меньшевиков!) предложения большинству третейского суда, за к-рое меньшинство с удовлетворением ухватилось, выдвинув своими представителями Каутского и Клару Цеткин. Бебелю ответили как меньшевики (Совет партии), принимавшие предложение, так и Бюро комитетов большинства и редакция «Вперед». Бюро комитетов большинства благодарило нем. с.-д., «давших новое, яркое и живое проявление международной солидарности борющегося за социализм пролетариата», но заявило в то же время, что «там, где идет вопрос о принципах, неуместен суд, что только партия в лице своего съезда в силах и в праве решить вопрос» («Вперед», 1905, № 11, переизд. 1924, вып. 2, стр. 37). Особый интерес представляет ответ В. И. Ленина, вернее—проект этого ответа, еще верней—зачеркнутый и не посланный абзац ответа, восстановленный Ленинским ин-том во 2-м изд. Собр. соч. В. И. Ленина. Вот что писал Ленин: «В заключение позволю себе также выразить глубокое сожаление по поводу того, что попытка вмешательства герм. с.-д-тии теперь возможно уже запоздала. Я говорю здесь о вмешательстве вообще, не об особых и особенно трудно осуществимых формах вмешательства, как, напр., обязательный третейский суд. Несколько месяцев тому назад, когда м. б. это было еще не слишком поздно, когда еще существовал след надежды, что III партийный съезд может соединить обе фракции и восстановить е д и н у ю партию,—тогда нем. с.-д-тия сделала все для нее возможное, чтобы закрыть этот путь. Каутский пытался ослабить в «Искре» (в № 66) ценность ф о р м а л ь н о й организации. Еженедельник герм. с.-д-тии превозносил дезорганизацию и вероломство (Роза Люксембург в «Neue Zeit») под тем остроумным и „диалектическим" предлогом, что организация—это лишь процесс, только тенденция. Раздражение в наших рядах по поводу этого было велико. Товарищ Рядовой, очень влиятельный член большинства, стоял на том, что Каутский поместит мой ответ. Я

Гусев. Лядов. Рыков. Землячка.

Румянцев. Литвинов. Богданов.

БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА.

Ольминский. Луначарский. Ленин. Воровский. Богданов.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ „ВПЕРЕД“ (1905).

Ленин. Рыков. Пестовский. Красин. Богданов.

ЦК, ИЗБРАННЫЙ НА III СЪЕЗДЕ РС-ДРП (25 апр.—10 мая 1905).

держал с ним пари, что будет противоположное этому. Моя „защита“ была написана коротко и ограничилась по существу тем, что исправляла существенные неверности и противопоставляла насмешкам над нашей партией фактическое изложение. Каутский отверг мою статью с замечательной мотивировкой, будто нападки на нас «Neue Zeit» напечатало не потому, что они направлены против нас, но несмотря на это! Это была просто насмешка! Итак «Neue Zeit» (и не оно одно) желало познакомить германскую с.-д-тию только со взглядами меньшинства. Раздражение по поводу этого в наших рядах было безмерно велико. На мой взгляд было естественно, что германские с.-д. последовали человечески вполне понятному желанию видеть заграничных представителей рус. с.-д-тии в давно известных личностях, что они насмехались над рус. партийным съездом и его решениями, над рус. комитетами и их работой. Но после этого меня не удивит, если попытки вмешательства со стороны представителей нем. с.-д-тии натолкнутся на затруднения в наших рядах» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 451).

Таково было отношение двух крупнейших фигур герм. с.-д-тии и влиятельнейших вождей 2 Интернационала. Но Каутский и Бебель были только правым и левым «центром» 2 Интернационала. Каково же было отношение к «расколу» «левых»? В своем фельетоне, помещенном в № 69 «Искры», «Организационные вопросы русской социал-демократии», появившемся как ответ на книгу Ленина «Шаг вперед, два шага назад», Роза Люксембург в связи с организационным вопросом поднимает все вопросы с.-д. политики в условиях господства самодержавно-крепостнического режима. Мы остановимся лишь на ее оценке организацион. принципов большевизма, в связи с к-рыми меньшевики и обвиняли большевиков в бланкизме, заговорщичестве и т. д. «С.-д. движение,—пишет она,—есть первое в истории классовых обществ, рассчитанное всеми своими сторонами и общим своим ходом на организацию и непосредственную самодеятельность масс. В этом отношении с.-д-тия создает совсем другой тип организации, чем прежние социалистические движения, напр., якобинско-бланкистского типа. Ленин, кажется, недооценивает этого, когда в своей книге (стр. 140) думает, что революционный с.-д. есть не что иное, как „якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы“. Отличие с.-д-тии от бланкизма исчерпывается для Ленина организованностью и классовым сознанием пролетариата в противоположность заговору небольшого меньшинства. Он забывает, что отсюда вытекает полная переоценка организационных понятий, совершенно новое содержание, вкладываемое в понятие централизма, совершенно новое понимание взаимоотношения между организацией и борьбой». Исходя из этого, она приходит к таким окончательным выводам: «Построение централизации в с.-д-тии на этих двух основаниях—на слепом подчинении в самых мелочах всех партийных организаций и их деятельности центральной власти, к-рая одна думает, творит и решает за всех, а также на строгом отграничении организованного ядра партии от окружающей его революционной среды, как на этом настаивает Ленин,—кажется нам поэтому механическим перенесением организованных принципов бланкистского движения заговорщических кружков на с.-д. движение рабочих масс» (разрядка наша. *А. Б.*). Таким образом, в этом важнейшем для того времени пункте разногласий Роза Люксембург свой голос присоединила к голосу меньшевиков, которые без конца изощрялись в обвинении Ленина в «бланкизме», «сектантстве», «бюрократическом централизме» и т. п. Настаивая на своем положении, Р. Люксембург приходит к выводу, как и Аксельрод, что вообще наша партия еще далеко не пролетарская, что с.-д. принципы организации ей пока не только чужды, но и не могут быть таковыми до свержения самодержавия. «Поразительным кажется» ей «обратное убеждение Ленина, будто все предварительные условия для создания большой и крайне централизованной рабочей партии имеются в России уже на-лицо». «И если,—продолжает она далее,—он оптимистически восклицает, что теперь уже „не пролетариату, а нек-рым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины“ (стр. 145) и прославляет воспитательное значение фабрики для пролетариата, к-рая уже сама по себе подготовляет его к „дисциплине и организации“ (стр. 147), то это лишний раз свидетельствует о его слишком механическом представлении о с.-д. организации». Роза Люксембург, как и Каутский, категорически не желает принять ленинского объяснения разногласия, выражающегося в интеллигентском индивидуализме меньшевизма, чурающегося пролетарской дисциплинированности. Но она не считает, что это чисто «внешняя случайность», а пускается в рассуждения о том, что в России интеллигенция играет пока совершенно другую роль, т. к. отсутствие буржуазного режима не делает ее, подобно Западу, оппортунистической. Меньшевики особо подчеркивали значение выступления Розы. Специальное замечание от редакции новой «Искры» к ее статье гласило, что «тов. Ленин, возражая на обвинения в бланкистском извращении марксизма, упомянул в своей последней книге, что в Германии такие „ортодоксы“, как Парвус и Люксембург, подвергались со стороны местных оппортунистов тому же обвинению, из чего-де вытекает тождество критики, направленной против Ленина, с критикой бернштейнианцев. В виду этого, представлялось особенно интересным узнать мнение названных товарищей о наших нынешних разногласиях. Свое мнение о „ленинизме“ Парвус выразил еще прежде, чем в «Искре» началась какая бы то ни было полемика с „твердым“ направлением (в «Weltpolitik»; см. об этом в письме Ленина: «Почему я вышел из редакции»). После появления «Шаг вперед» мы обратились к т. Р. Люксембург с предложением высказаться об этой книге». И далее: «Ответом на на-

ше предложение явилась печатаемая здесь статья, к-рая, надо надеяться, выяснит т. Ленину полную непричастность революционного марксизма к его организационной точке зрения». И, наконец, в этом же редакционном примечании новая «Искра» не отказала себе в удовольствии сослаться еще раз на К. Каутского. — «Статья т. Люксембург,— указывается в примечании, — написанная первоначально по-немецки, появляется одновременно и в «Neue Zeit». Небольшое примечание к ней К. Каутского будет особенно поучительно для тех, кто после помещенного у нас его „письма" все еще не верил, что редактор «N. Z.» не принадлежит к „твердому" направлению». Т. о., не только правые и центр, но и левые сыграли на-руку меньшевикам в эпоху раскола, и левым были чужды организационные принципы большевизма, и левые в этом отношении находились в плену у с.-д. традиций 2 Интернационала, больше того,—можно сказать, что левые самым фактом выступления против большевиков оказывали меньшевикам еще бо́льшую услугу, чем правые и центр. И не будет преувеличением сказать, что уже с самого начала большевизм зародился не только вопреки, но и против оппортунистических традиций 2 Интернационала, к-рый в рус. меньшевизме нашел свой «авангард» в борьбе с революционной партийностью, революционной программой и революционной тактикой большевизма.

VI. Большевизм в годы первой революции (1905—07).

Начало революции. Либеральная «весна», которая должна была закончиться полюбовным соглашением двух сил—самодержавия и либералов, завершилась для очень и очень многих «неожиданным апофеозом»—9-м января, выступлением «третьей», настоящей силы—революционного народа в лице многочисленного питерского пролетариата. «Революционного народа в России нет»,—так писал Струве еще 8 января. В большой статье, подводящей итоги 9 января, «Искра» писала: «Революции у нас не было, был один высоко-психологический момент—вера в царя, под влиянием к-рой толпа пошла в город» [«Искра», № 86; «События в Петербурге» (от члена местной группы при ЦК)]. Но «кровавое воскресенье», конечно, нельзя считать неожиданным. Назревание революционной ситуации видно было уже задолго до январских дней 1905. Массовые демонстрации протеста против войны, экономические стачки, политические забастовки-протесты не прекращаются почти по всей России. Особенно характерна в этом отношении декабрьская стачка в Баку, быстро ставшая всеобщей, получившая ярко выраженную политическую окраску и закончившаяся настоящей боевой схваткой рабочих с войсками. 3 янв. 1905 началось забастовочное движение на Путиловском заводе. «Стачка, начавшаяся на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения», — пишет Ленин в статье «Петербургская стачка» (Соч., т. VII, стр. 76).

Рабочая масса группировалась вокруг единственных тогда легальных рабочих организаций *Гапона* (см.). Слабые попытки принять участие в движении были со стороны местных с.-д. Но с.-д. организации были настолько слабы, что им не удалось в то время войти в пролетарскую гущу и овладеть движением. В таких условиях «Гапоновские собрания» широко развернули свою деятельность, имея уже в декабре 1904 отделы во всех рабочих районах Петербурга.

Под влиянием рабочих Гапон вынужден был играть двойную игру, все более и более подчиняясь стихийному недовольству масс. Это же недовольство вылилось в требование итти к царю с просьбой о защите, с изложением своих наболевших нужд. Расстреливая народ, самодержавие расстреляло само себя. «Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока»,—писал В. И. Ленин (Соч., том VII, стр. 79). От «просьб» народ начал переходить к баррикадам. Если накануне январского расстрела и слушать не хотели советов с.-д. ораторов, то теперь картина резко меняется. Сами рабочие, захватив типографию, выпускают листовку, ставят вопрос об организации вооруженного восстания для свержения самодержавия и подписывают ее именем РС-ДРП. Корни гапоновщины находились не только в слабости пролетарской партии, но и в тех особенностях, которые характерны для рус. рабочего класса, теснейшим образом связанного с деревней, с ее полуазиатским гнетом, безграмотностью и политической отсталостью. Эти обстоятельства не могли не отразиться на ходе развития рабочего движения в России.

Подробный разбор этих особенностей был дан Лениным в его работе «О революции 1905 года» (речь, произнесенная в 1917 в годовщину 9-го января перед швейцарской молодежью), а в особенности в работе «О статистике стачек в России», где «языком сухих статистических цифр» Ленин показал и доказал особенности процесса вовлечения широких масс пролетариата различных отраслей и районов в революционную борьбу, постепенное изживание ими полукрестьянской, отсталой идеологии, на которой отразился многовековый гнет самодержавия и помещиков. Гапоновщина не была исключительно питерской особенностью. В целом ряде других мест мы встречаем сходные с гапоновщиной явления, как, например, Баку, Москва, Екатеринослав. И, конечно, смешно было бы думать, что все дело в этих организациях проходило в борьбе за «пятачок». Это доказала бакинская всеобщая стачка, где рабочие в конце-концов дрались с полицией, как львы; это доказал также и день 9 января.

Вот этих-то особенностей событий 9 января совершенно не поняли как меньшевики из новой «Искры», так и Троцкий. Они совершенно не учли значения 9 января как первого революционного пробуждения многомиллионной массы от вековой спячки. Для «Искры» это, как мы видели, был «психологический момент», за которым вскоре наступила реакция. Отмечая ошибку Троцкого в оценке 9 января, В. И. Ленин в статье

«С.-д-тия и временное революционное правительство» писал: «Если пустозвон Троцкий пишет теперь..., что „священник Гапон мог появиться однажды", что „второму Гапону нет места", то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно „великой", до конца доходящей демократической революции. Чтобы стать великой..., она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к „основательному историческому творчеству" гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их—это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о с.-д. сознании этих масс и их многочисленных „самобытных" народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать с.-д-тами не только в силу темноты (революция просвещает... со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому, что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота. И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отметая от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других...» (Ленин, Соч., т. VII, стр. 194).

События 9 января нашли живейший отклик во всей стране; после январского расстрела по всей стране прокатывается массовая стачечная волна, захватывая самые отдаленные углы, за исключением пока Урала и Сибири. В отдельных районах, в Польше в особенности, движение сразу же принимает высоко организованный характер. Организованный характер принимает движение также на Кавказе и в Донбассе. Переломное значение 9 января ярко видно из приводимых Лениным цифр: «За последнее десятилетие перед 1905 годом в России,— писал он,— насчитывалось по правительственной статистике 430 тыс. стачечников, а за один лишь январь 1905 года — 440 тыс.; за один лишь первый месяц революционного года больше, чем за десять предыдущих лет, включая предреволюционный период».—Правительство немедленно приступает к организации контр-революцион. сил, сразу учтя грозное значение движения и понимая его отличие от крикливой болтовни либералов. На место кн. Святополк-Мирского 21 января назначается министром внутренних дел Булыгин, будущий автор проекта о Гос. думе, но самое главное — это учреждение 24 января должности петербургского ген.-губернатора и назначение на эту должность Трепова, фактически диктатором. «Эпохе доверия» положен конец. Вместе с тем правительство продолжает демагогическую политику «единения с народом» и учреждает 29 января «комиссию для выяснения причин недовольства рабочих и изыскания мер к устранению таковых» под председательством члена Госуд. совета сенатора Шидловского, которая, как последующая за ней комиссия Коковцева, так и не собралась, оказавшись под бойкотом широких рабочих масс. Начинается волна аграрного движения: в феврале—в Орловской, Курской губерниях и на Кавказе в особенности в Гурии, в марте—в Воронежской губ., Саратовской, Западном крае и Польше и Прибалтийском крае

Под влиянием рабочего и крестьянского движений правительство издает на имя министра внутренних дел Булыгина рескрипт о разработке мер к созыву законосовещательной Думы; на имя Сената—о предоставлении частным лицам и учреждениям права подавать на имя государя проекты по вопросам государственного благоустройства. В тот же день правительство издает манифест с призывом к борьбе с крамолой. Между тем правительство продолжает терпеть поражение за поражением на фронте, закончившееся в конце февр. 1905 разгромом рус. войск под Мукденом, заставившее отступить рус. части почти к самому Харбину. Это вызвало еще большее озлобление в самых широких слоях населения. Решительнее в своих выступлениях становятся под влиянием происходящих событий даже либералы. Не верившая, что в России есть революционный народ, либеральная пресса во главе со Струве теперь, после 9-го января, начинает курить фимиам этому народу. Появляются резкие конституционные платформы. «Общество» левеет буквально не по дням, а по часам. Истинные причины этой эволюции были, конечно, более чем ясны. Как и самодержавию, либералам важно было использовать «народ» в своих интересах, не давая возможности революционной с.-д-тии руководить движением. Весь последующий период подтвердил эту беспрерывную торговлю за счет народа между самодержавием и буржуазией; тайные и явные переговоры велись почти беспрерывно, при чем не сходились иногда буквально «в мелочах». Значительно оживляется террористическая деятельность эсеров. Ряд успешных террористических актов способствовал укреплению террористической организации и вызывал симпатии к ней в демократических и либеральных кругах. Это было вполне понятно. Либерализм хотел использовать в своих целях террористов, чтобы вынудить царизм к политическим уступкам.

Сложность обстановки, растущая революционная волна, открытое движение всех классов требовали действительного руководства движением пролетариата, стоявшего во главе революции, а для этого нужна была сплоченная пролетарская партия с ясной и твердой программой действий в новой обстановке непрерывно нарастающего массового революционного движения.

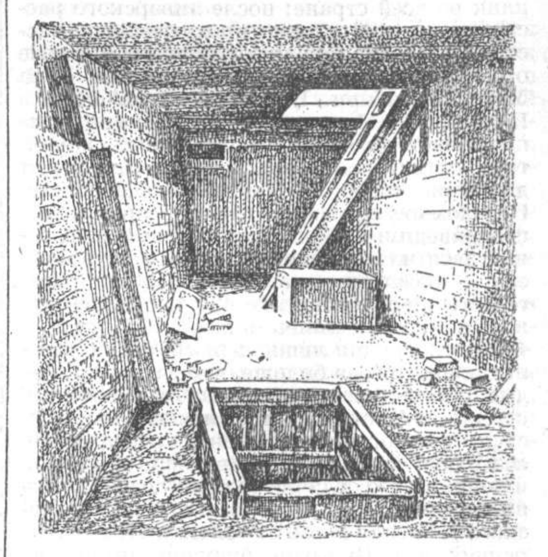
Состояние партийных организаций. Выше (см. предыдущую главу) мы охарактеризовали состояние партии между II и III съездами. Дезорганизаторская работа меньшевиков за границей не могла не сказаться на положении партии и в России. В течение полутора лет меньшевики ведут бешеную раскольническую работу в

партии. При поддержке аппарата и средств центральных учреждений меньшевики делают все возможное для закрепления своего влияния и в России. Большевистские организации на местах вовсе не получали от центральных партийных учреждений средств, литературы, работников—снабжались лишь параллельные меньшевистские группы.

Внимание всей партийной организации было сосредоточено, главн. обр., на внутрипартийной борьбе и на постоянно происходящих дискуссиях. Подобное положение не могло не отвлечь партийные организации от серьезной повседневной революционной работы среди пролетарских масс, оно дезорганизовало партию и не давало ей возможности овладеть быстро развивавшимся рабочим движением. Партия переживала тяжелый кризис. Меньшевики, находясь в материальном отношении в более выгодном положении, сосредоточивали все свои силы на борьбе с большевистской частью партии. В письме к А. А. Богданову и С. И. Гусеву Ленин писал: «Теперь же, когда раскол стал фактом, стало видно, что мы материально слабее во много раз. Нам нужно еще превратить нашу моральную силу в материальную. У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше „имен", больше сотрудников». Большевики были бедны интеллигенцией. Нужно помнить, что более года большевики не имели своего печатного органа (первый номер большевистского «Вперед» вышел только 4 января н. ст. 1905); очень плохо обстояло дело и с транспортом. Уже выходил 16 номер «Вперед», когда до крупнейших организаций доходил только 2—3-й. Нужны были деньги для посылки работников в Россию, а их не было. В уже цитированном письме к Гусеву и Богданову Ленин, м. пр., пишет: «Нужны деньги. Архинелеп план съезда в Лондоне, ибо это будет стоить вдвое больше. Мы не можем остановить Вперeда...». Конечно, при такой «бедности» трудно было бы говорить о сколько-нибудь прочной и регулярной связи с местами, о сколько-нибудь постоянном и непрерывном руководстве. Причем, говоря о «местах», следует иметь в виду, что речь идет о крупнейших центрах,

Рис. 4. Здание, где помещалась подпольная типография б-ов. 1905 г., Москва, Лесная ул., д. 55.

в том числе о Питере и Москве. И все же, несмотря на исключительные трудности, именно большевикам удается развернуть агитацию за созыв III съезда, преодолеть дезорганизаторскую работу меньшевиков и организовать съезд партии. Меньшевики же, несмотря на все свои преимущества в людях и средствах, имея в своих руках ЦК и ЦО, не только не смогли подойти к массе, но по мере развития революции все больше и больше теряли влияние на местах, и притом даже в тех районах, где они имели, казалось бы, прочное преобладание. Мы не нашли лучшей характеристики состояния меньшевистской организации на местах, чем та, к-рую давали сами меньшевики. Вот что писал виднейший в то время меньшевик, выбранный на Женевской конференции меньшевиков в ОК, Гринцер, о состоянии питерской группы меньшевиков: «Петербургская группа? — говорит он,—более мелкого создания я еще в жизни не видел. Прилива сил нет. Нет центра. Нет периферии. Нет активных работников. Нет смысла действия. Нет денег, нет техники, нет литературы, нет квартир, нет документов... приют нашел у большевиков» [архив Института Ленина, письмо Я. М. Гринцера (Александр) от 28 (15) июля в редакцию «Искра»; см. примеч. к VIII тому Соч. Ленина, стр. 500]. Длительная болезнь партии привела к тому, что начало революции застало партию врасплох. 9 января сигнализировало грозную опасность, свидетельствовавшую о неподготовленности партии к руководству революцией. Питерская организация проглядела гапоновщину. Правда, кое-какие сведения говорят, что в отдельных районах существовали директивы о необходимости вести работу в гапоновских отделениях, но все же остается фактом, что как меньшевики, так и большевики игнорировали гапоновщину. Лишь 8 января большевистский комитет выбрасывает лозунг «не петиция, а вос-

Рис. 5. Вид подпольной типографии на Лесной улице. Москва, 1905 г.

стание», меньшевики же в своих листовках просто третируют «собрание».

Картина резко меняется после 9 января, когда влияние с.-д. начинает расти с возрастающей быстротой. Правда, материальные возможности организации были недостаточны—плохо было с листовками, мало было агитационных и организаторских сил, плохо было с постановкой массовой работы, но все это в конце-концов можно было бы преодолеть, если бы существовала единая организация, объединяющая и связывающая все революционные пролетарские элементы, и не было бы дезорганизаторской работы меньшевиков внутри рабочего движения.

Немедленно после 9 января «Искра» в №№ 84, 85 начинает открытый поход против организации партии. «Почему,—пишет передовая «Искры» в № 84,—не „узкая" организация „профессиональных революционеров" дала толчок движению этой лавины (9 января), а „собрание рабочих"? Потому, что „собрание" это было действительно широкой организацией, основанной на самодеятельности рабочих масс». «Какой урок,—продолжала далее «Искра»,—тем утопистам „конспиративной" организации, к-рые считали возможным во имя привычки к повиновению, во имя формально-организационной „дисциплины", механическим рычагом „агентуры" двигать по своему усмотрению миллионную армию рабочего класса». Статьи новой «Искры», открывавшие настоящий поход против партии во имя якобы самодеятельности пролетариата, были, разумеется, только продолжением старых идей «экономизма».

Совершенно не понимая сильных и слабых сторон гапоновского движения, меньшевики по сути дела принижали с.-д. самодеятельность пролетариата до самодеятельности гапоновской. В статье «Две тактики», помещенной в 6 № «Вперед», Ленин писал: «Есть самодеятельность и самодеятельность. Есть самодеятельность пролетариата революционно-инициативного, и есть самодеятельность пролетариата неразвитого и ведомого на помочах, есть самодеятельность сознательно-социал-демократическая и самодеятельность зубатовская. И есть с.-д., к-рые даже в настоящий момент с благоговением созерцают именно этот второй вид самодеятельности, которые думают, что от прямого ответа на злободневные вопросы можно отделаться, повторяя бесчисленное количество раз слово „классовый"... Если бы новоискровцы или новорабодельцы не были хвостистами, то они увидели бы, что именно 9 января оправдало предсказание тех, кто говорил: „в конце-концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не Зубатовым" («Что делать?»). Именно 9 января еще и еще раз показало всю важность там же формулированной задачи: „готовить жнецов, которые бы умели и косить сегодняшние плевелы" (т. е. парализовать сегодняшний разврат зубатовщины) „и ж а т ь з а в т р а ш н ю ю п ш е н и ц у" (т. е. революционно руководить движением, сделавшим шаг вперед при помощи легализации). А Иванушки новой «Искры» ссылаются на пышный урожай пшеницы, чтобы принизить значение крепкой организации революционных косцов!» (Л е н и н, Собр. соч., т. VII, стр. 113—114).

Между тем под влиянием массового движения партийная работа оживляется все более и более во всей стране. Дело шло о борьбе за гегемонию. Либералы стараются использовать движение в своих целях. «Они пытаются... взять в свои руки руководство рабочим движением. Воспользовавшись для этого Красным Крестом, в руках к-рого было ок. 60.000 р. на стачечников и 25.000 р., пожертвованных петербургской думой, они завели сношения с бывшими гапоновскими рабочими» (из доклада Румянцева на III съезде. П р о т о к о л ы с ъ е з д а, стр. 190).

Вообще либералы всячески старались заводить непосредствен. связи в рабочей среде. Имелась самостоятельная «рабочая группа «Освобождения», которая развила довольно энергичную деятельность. Либералы пытаются кое-где руководить стачками наиболее отсталых профессий. Были случаи, когда либералы пытались от имени рабочих даже вести переговоры с правительством. Были у либералов связи среди типографских рабочих (в Москве в крупной типографии Кушнерева). Наконец, были попытки открыто создать либеральную рабочую партию. Еще более активны были эсеры. Достаточно, например, отметить, что в Москве на крупнейшей Прохоровской мануфактуре эсеры пользовались преобладающим влиянием до самого Декабрьского восстания. Сильны были они и в Харькове на таком, например, предприятии, как Паровозостроительный завод. Сильны были эсеры среди железнодорожников, имелись эсеровские рабочие группы в Донбассе и т. д. Все эти обстоятельства заставляли с.-д. быть на чеку. Революция выдвигала перед партией «новые задачи». Изменилась коренным образом обстановка, коренным образом нужно было реорганизовать всю работу, а это мог сделать только партийный съезд. Для меньшевиков реорганизация партии состояла в ликвидации принципа централизма и в растворении партийной организации в массовых беспартийных рабочих организациях, а для наиболее последовательных меньшевиков — и начало ликвидации подполья, как несоответствующего, якобы, духу с.-д. партии. Так, теория Аксельрода о том, что вообще у нас нет еще с.-д. партии и что вся предыдущая работа партии в этом отношении была лишь подготовительным этапом, поскольку партии пришлось в силу особенностей развития России заниматься, по мнению Аксельрода, «не своим делом». Подобные теории в обстановке открытой борьбы пытались претворить в действие, означавшее полную ликвидацию партии авангарда и гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

«Я вообще в нуль ставлю и их (ЦК) пункты и наши (ОК) пункты,—писал в уже цитированном письме Гринцер,—т. к. знаю, что не эти пункты излечат нас от болезни. И «Искра» и «Пролетарий» существуют на Марсе.... перед ежедневной печатью бледнеет смертной бледностью и заграничный орган, и даже листки, издаваемые в подпольных типографиях... Скажу, что неми-

нуемо все подполье идет на смарку, и это естественно и не может быть иначе. Плакать над этим не приходится... но новое из элементов старого не родится» (см. примеч. к VIII т. Соч. Ленина, стр. 500). В дальнейшем подъем революции не только не рассеял среди меньшевиков подобных настроений, как это мы увидим ниже, но они стали платформой всего меньшевизма от Дана до Троцкого и Парвуса. В момент подъема революции передовая первого номера меньшевистско-троцкистского «Начала» писала: «Организация пролетариата—база всей нашей деятельности... Весь рабочий класс фабрик и заводов должен войти в с.-д. партию... Это вопрос образования с.-д. рабочей партии. В связи с этим надо старую конспиративную организацию слить с новой—массовой. Пропаганду этой идеи, агитацию за нее на фактах политической борьбы мы ставим ближайшей целью нашей газеты». Необходимо при этом отметить, что автором этой передовой программной статьи был «левый» Парвус. В № 6 того же «Начала» тот же «левый» Парвус уже прямо писал: «Не нужно собирать партийный съезд—нужен широкий учредительский рабочий съезд».

Иначе подходили к вопросу о реорганизации партии большевики и Ленин. Необходимость III съезда, долженствовавшего положить конец раскольнической работе меньшинства, перед Лениным встала, как известно, уже очень скоро после II съезда партии. Но теперь, в обстановке открытой революционной борьбы, необходимость более гибкой массовой организации Лениным, конечно, учитывалась еще более определенно. Наиболее полно план реорганизации партии дан Лениным в статье, помещенной в 7-м № «Вперед», от 8 марта н. ст. 1905, «Новые задачи и новые силы», и в уже цитированном выше письме к Богданову и Гусеву. Подчеркивая необходимость раздвигать, расширять рамки подполья, Ленин вместе с тем констатирует необходимость обязательно укреплять и сохранять подполье, в то же время использовывая всякие и всяческие легальные организации и формы, привлекая все новые и новые кадры. «Организуйтесь»—вот основное требование, выдвигаемое в это время Лениным, но помните всегда и везде, что организация эта должна итти только под знаком принципов революционной с.-д-тии. «Не об ослаблении нашей социал-демократической требовательности, нашей ортодоксальной непримиримости идет речь, а об укреплении той и другой новыми путями, новыми методами обучения. В военное время рекрутов надо учить непосредственно на военных действиях. Смелее же беритесь за новые приемы обучения, товарищи! Смелее составляйте новые и новые дружины, посылайте их в бой, вербуйте больше рабочей молодежи, расширяйте обычные рамки всех партийных организаций, начиная от комитетов и кончая фабричными группами, цеховыми союзами, студенческими кружками!... Не принижайте только нашей революционной науки до одной книжной догмы, не опошляйте ее презренными фразами..., к-рые оправдывают разброд, нерешительность, неинициативность» (Ленин, Сочинения, том VII, стр. 149).

Но, подчеркивая необходимость выдвижения новых сил, новых кадров, Ленин больше всего опасается беспринципных блоков, беспринципных или «примиренческих» объединений внутри партий. С большим опасением следит Ленин за возможностью проявления примиренческих колебаний в подготовке III съезда, могущих дискредитировать всю его работу, его основную идею, как съезда, борющегося за партию и партийность. Так, уже в дек. 1904 Ленин пишет М. М. Литвинову (члену Бюро комитетов большинства) по поводу готовности «примиренчески» настроенных центральных учреждений партий взяться за подготовку съезда, что «мы, конечно, стоим и будем стоять за съезд, но надо трубить повсюду, что они уже подделывают съезд и что мы разоблачим подделку... О нелойяльности смешно говорить, когда нас прямо толкнули на это, войдя в сделку с меньшинством. Это ложь, что тайная организация меньшинства распущена; нет, в эту тайную организацию вошли три члена ЦК—вот и все. Все три центра (ЦК, ЦО и Совет) составляют теперь тайную организацию против партии. Этого только дурачки не видят. Мы должны ответить открытой организацией и разоблачить их заговор» (Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 25). Вот почему с особенной тревогой следит Ленин за деятельностью большевиков в России в обстановке начавшейся революции. В цитированном выше письме к Богданову и Гусеву Ленин писал: «О каком-то союзе С.-Петербургского комитета большинства с группой меньшевиков мы „слышали" от чужих людей—и ни слова не имеем от своих. Отказываемся верить, чтобы такой самоубийственный и глупенький шаг могли сделать большевики... Очевидно, еще раз захотелось большевикам, чтобы их провели. Единственная наша сила—открытая прямота и сплоченность, энергия натиска. А люди кажется размякли по случаю „революции!!". Когда организованность во сто крат более нужна, они продаются дезорганизаторам...» (там же, стр. 100—101).

III съезд партии. После того, как положение внутри РС-ДРП окончательно выяснилось, когда, говоря словами Ленина, «центры (ЦО, ЦК и Совет) порвали с партией, сорвали и II и III съезд, надули партию самым площадным образом, узурпировали свои местечки по-бонапартистски» (см. письмо «Цюрихской группе большевиков» от 18/I 1905), тогда вопрос о созыве партийного съезда встал как единственный выход из того тяжелого кризиса, в к-ром находилась партия. «Остается,—пишет Ленин в письме к Цюрихской группе,—одно: порвать с меньшевиками как можно полнее, скорее, определеннее (открыто, публично), созвать свой партийный III съезд помимо согласия центров и без них...» (Ленинский сб., V, стр. 147—48). В письме к «секретарю ЦК», того же времени (от 29/I 1905), Ленин предупреждает: «...не доверяйте меньшевикам и ЦК и проводите безусловно, повсюду и самым решительным образом раскол, раскол и раскол» (там же, стр. 149).

В этот период Ленин ведет в своей большевистской среде беспощадную борьбу с примиренчеством (с теми, кто «носятся с „лойяльностью“») и борется за созыв «нашего съезда». «Мы провозгласили раскол, пишет он в письме А. А. Богданову и С. И. Гусеву (от 11/II 1905), мы зовем на съезд впередовцев, мы хотим организовать впередовскую партию и рвем, немедленно рвем все и всякие отношения с дезорганизаторами, а нам толкуют о лойяльности, прикидываются, будто возможен общий съезд «Искры» и «Вперёда». Комедия какая-то!» (Ленин, Соч., том VII, стр. 101). Этот съезд представлялся Ленину, как наш съезд, съезд впередовской партии, съезд для беспощадной войны против оппортунизма и примиренчества.

Он ставил перед большевизмом того времени задачу сплотить «...действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов...» (см. там же, стр. 101). А для этого нужно было добиться быстрейшего включения всех революционных пролетарских элементов в единую крепкую всероссийскую партийную большевистскую организацию, и единственным путем, ведшим к этому, был партийный съезд. Третий съезд был первым съездом организующейся большевистской, «впередовской» партии.

Круг вопросов, стоявших перед III съездом партии, определялся обстановкой, в которой он происходил. «Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе. Во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще. В-третьих, главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент» (Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 301). Изучение этой борьбы имеет огромнейшее значение для установления процесса выработки идейных и организационных взглядов большевизма. Совершенно исключительной была на съезде роль Ленина. Он делал на съезде два доклада—по вопросу о временном правительстве и по вопросу об отношении к крестьянскому движению. Но, как показано в материалах «V Ленинского сборника», все главнейшие доклады, резолюции, как и важнейшие принципиальные статьи в газете «Вперед»,—все они или написаны Лениным или им дана в той или иной форме их основная идея.

Съезд происходил в Лондоне с 25 апреля н. ст. по 10 мая и имел всего 26 заседаний. Окончательное конструирование произошло лишь на пятом заседании, т. к. съезд проявлял большую осторожность в деле проверки мандатов. Такая тщательность вполне понятна, если ясно представить себе, в какой обстановке собирался съезд. Было совершенно очевидно, что малейший промах, допущенный съездом в отношении конструирования, вызвал бы еще большую демагогическую травлю со стороны меньшинства, поддерживаемого крупнейшими представителями 2 Интернационала. Съезд имел следующую повестку дня:

1. Вопросы тактические: а) вооруженное восстание (докладчики Луначарский и Богданов); б) отношение к политике правительства накануне переворота (Румянцев); в) отношение к политике правительства в момент переворота (о временном революционном правительстве; докладчик Ленин); г) отношение к крестьянскому движению (Ленин, Цхакая). 2. Вопросы организационные: д) отношения рабочих и интеллигентов в партийных организациях (Богданов); е) устав партии (Богданов). 3. Отношение к другим партиям и течениям: ж) отношение к отколовшейся части РС-ДРП; з) отношение к национальным социал-демократ. организациям; и) отношение к либералам; к) практические соглашения с эсерами (Ленин). 4. Внутренние вопросы партийной жизни (пропаганда и агитация). 5. Отчеты ЦК и делегатов. 6. Выборы.

Состав съезда был следующий: делегатов с решающим голосом—24, с совещательным—14, всего—38 чел.

На третьем съезде присутствовали—а) с решающим голосом: Барсов-Цхакая Миха (Леонов) от Кавказского союза; Валерианов-Лосев В. Н. (Семен) от Уральского комитета; Голубин-Джапаридзе А.; Градов, Каменев Л. Б. (Юрий) — оба от Кавказского комитета; Зимин-Красин Л. Б. (Винтер, Никитич, Тидевейн, Явейн) от Совета партии и ЦК; Камский-Обухов В. М. (Волгин, Саратовец) от Саратовского комитета; Константинов-Владимиров М. К. от Полесского комитета; Кузнецов-Литвинов М. М. (Латышев, Папаша, Феликс) от Рижского комитета; Ленин В. И. (Фрей, Ульянов) от Одесского комитета; Лесков-Романов Н. В. (Бергер) от Северного комитета; Летнев-Любимов А. И. (Зоммер, Карп) от Совета партии; Максимов-Богданов А. А. (Вернер, Рахметов, Рейнерт, Рядовой, Сысойка) от Тульского комитета; Манин (Юлин) — не установлен, от Тверского комитета; Михайлов-Постоловский Д. С. (Александров, Вадим, Деруа, Дюбуа, Михайлов, Примиренец) от Северо-Западного комитета; Масальский-Крамольников Г. И. (Самарец) от Самарского комитета; Невский-Горин от Кавказского союза; Орловский-Воровский В. В. (Жозефина, Шварц, Феликс Александрович) от Николаевского комитета; Осетров-Аристархов (Багров) от Курского комитета; Осипов-Землячка Р. С. от Петербургского комитета; Петров-Квиткин О. А. (Панов) от Орловского комитета; Рыбкин-Анашкин (Летучий) от Кавказского союза; Сергеев-Рыков А. И. (Алексей, Власов) от Московского комитета; Сосновский-Десницкий В. А. (Строев) от Нижегородского комитета; Филиппов-Румянцев П. П. (Воронежец, Шмидт) от Воронежского комитета. б) С совещательным голосом: Андреев-Алексеев Н. А.—организация не указана; Бельский-Красиков П. А. (Август Бельский, Павлович) от Комитета заграничных организаций; Воинов-Луначарский А. В. от редакции «Вперeда»; Дашин-Фридолин В. Ю. (Варенька) от Уральского союза;

Диогенов-Шевелкин от Архангельского комитета; Дедушкин-Шкловский Г. Л. от Минской группы; Жарков-Лещинский М. С. (Морозов) от Екатеринославского комитета; Китаев-Эссен А. М. (Бур) — организация не указана, Лядов М. Н. (Русалка) — организация не указана; Савич-Саммер И. А. (Любич, Измаил) от Казанского союза; Саблина-Крупская Н. К. — организация не указана; Тигров-Авилов Б. В. (Волков) от Харьковской группы; Щенский-Скрыпник Н. А. (Щур) от Одесского комитета; Яблочкин—не установлен, организация не указана.

III партийный съезд должен был «точно определить политическое поведение партии, как целого» в условиях того нового политическ. положения, к-рое «создала начавшаяся в России революция, т. е. полное, решительное и открытое расхождение гигантского большинства народа с царским правительством» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 36). Оценивая складывающуюся обстановку с точки зрения международной, Ленин писал в брошюре «Две тактики с.-д-тии в демократической революции» (написана в первой половине июня 1905, т. е. через 4—5 недель после съезда), что «мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций» (там же, стр. 42).—Порядок дня съезда, как мы видели выше, был довольно обширный и охватывал ряд важнейших вопросов, выдвигавшихся перед партией рабочего класса всей обстановкой начавшейся буржуазно-демократической революции, вплотную подошедшей к вооруженному восстанию.

«Вопрос о временном революционном правительстве,—писал Ленин в то время,—является центральным пунктом тактических вопросов с.-д-тии в настоящий момент». На III съезде этот вопрос занимал важнейшее место. В своих комментариях к резолюции о временном революцион. правительстве Ленин отмечает, что «речь идет только о временном революционном правительстве, ни о чем другом; следовательно, сюда не входит совершенно вопрос хотя бы о „завоевании власти“ вообще и т. п.» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 38). Резолюция подчеркивает, что «осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом к-рого явится временное революционное правительство...». В соответствии с содержанием резолюции Ленин в своих комментариях разъясняет, что «по своему происхождению и основному характеру, это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению, оно должно быть орудием созыва всенародного Учредительного собрания. По содержанию его деятельности, оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии...» (там же, стр. 40, разрядка моя. *А. Б.*).

Учитывая «нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум», Ленин в своих «Двух тактиках» писал, что «в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики» (там же, стр. 41). Понимание Лениным лозунга о временном правительстве чрезвычайно ярко характеризуется, м. пр., в одном из набросков, помещенных в V Ленинском сборнике. В тезисах «Еще о временном правительстве» имеется специальный абзац (в пункте 5-м) о «созидаемом «Искрой» различии между временным революционным правительством и революционной диктатурой. Ленин пишет: «Различие между (α) временным правительством и (β) революционной диктатурой (созидаемое «Искрой») = схоластика α = юридическая форма, β = классовая сущность. С одной стороны, α невозможно без β. С другой стороны β неизбежно временно (либо переход к буржуазной диктатуре, к поражению пролетариата, либо к социалистической диктатуре)» (Ленинский сборник, V, стр. 123).

В резолюции о вооруженном восстании III съезд отметил, что «движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания», что «одной из самых главных и неотложных задач партии» является «задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания» и что в интересах этого необходимо принять целый ряд мер и в т. ч. «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из парт. работников». В своих комментариях (см. «Две тактики») Ленин разобрал три постановки вопроса о вооруженном восстании (большевистскую, «освобожденскую» и новоискровскую) и указал, что новоискровцы, повернув к «мартыновщине», оказались «в хвосте монархической буржуазии» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 76).

В своем цюрихском докладе о революции 1905 Ленин писал: «уже весной этого года мы наблюдаем пробуждение первого крупного, не только экономического, но и политического крестьянского движения в России» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 348). На III съезде был поставлен вопрос «об отношении к крестьянскому движению». Резолюция съезда давала исчерпывающие директивы о политике партии в отношении к «разрастающемуся теперь крестьянскому движению». Съезд провозгласил поддержку «всех революционных мероприятий крестьянства... вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель». Практическим лозунгом агитации «среди крестьянства» выдвигался лозунг «немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований...». В своих комментариях Ленин указывал, что вместо этого революционного лозунга меньшевики ограничились директивой, что... «„требование образования комитетов“ должно быть предъявлено Учре-

дительному собранию». Это то же самое означало не что иное, как оказаться «в хвосте монархической буржуазии». В полном соответствии с требованиями революционного момента съезд в особой резолюции «об отношении к тактике правительства накануне переворота» предлагал партийным организациям разоблачать «реакционные цели правительственных уступок», «организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем» требований рабочего класса и «организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен».

В резолюции «об открытом политическом выступлении РС-ДРП» указывалось на необходимость «использовать» все легальные *и полулегальные возможности, и одновре*менно подчеркивалась необходимость сохранения и развития «своего конспиративного аппарата». Резолюция об отношении к «либералам» рекомендовала «разъяснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках». Одновременно с этим III съезд отменил резолюцию Старовера об отношении к либералам, принятую на II съезде.—Съезд поручил ЦК «в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров». Таким образ., съезд организующейся «впередовской партии» дал партийным организациям директивы, стоявшие на уровне тех величайших задач, к-рые предъявляла эпоха начавшейся буржуазно-демократической революции и к-рые должны были обеспечить рабочему классу роль вождя массового революционного движения против царизма.

Помимо основных вопросов, выдвинутых революцией, III партсъезд обсуждал ряд вопросов организационного порядка и, м. пр., вопрос о взаимоотношении рабочих и интеллигентов и устав партии. По первому из этих вопросов суть съездовских прений сводилась к следующему: продолжая традиции «экономизма», меньшевики демагогически сеяли рознь между интеллигентами и с.-д. рабочими, выставляя партийные организации, большевистские в особенности, как сплошь интеллигентские. Меньшевики выдвигали принцип широкой демократии, выборности местных партийных органов во что бы то ни стало, зная трудность, почти невозможность осуществления этого лозунга в полицейских условиях. Съезду предстояло дать решительный отпор таким меньшевистским выходкам. Но вопрос имел и другую сторону. Дело в том, что рабочие насчитывались в комитетах единицами и вообще на руководящую работу выдвигались слабо. Создавался нек-рый консерватизм, к-рый нужно было преодолеть во что бы то ни стало. Сплошь и рядом для «выдвижения» рабочим предъявлялись требования заведомо невыполнимые. Крайне характерно, что даже на съезде был всего один рабочий-делегат. А между тем обстановка требовала все более и более живых и тесных связей с массами, выдвижения рабочих партийцев-вожаков. В этом духе и была В. И. Лениным внесена резолюция об отношении рабочих и интеллигентов в партии, осуждавшая демагогию новоискровцев. Резолюция подчеркивала необходимость всячески подготовлять условия для действительного проведения выборного начала в партии и подчеркивала необходимость как можно более широкого доступа рабочих в партию и выдвижения их на руководящую работу. Однако, резолюция была встречена целым рядом комитетчиков - практиков неодобрительно. Отдельные товарищи прямо заявляли, что вопроса об отношении рабочих к интеллигентам в партии вовсе не существует, что все это сплошная меньшевистская демагогия, и т. д. В результате прений резолюция Ленина большинства не получила, хотя частичное отражение вопросы, поставленные *в этой резолюции, нашли себе в принятой* съездом резолюции об агитации и пропаганде.—Вопрос об уставе сводился к уточнению его в духе демократического централизма: «максимум централистической стройности... при максимуме возможного в данных условиях демократизма»,—так формулировал докладчик тип устава. 1-й параграф о членстве партии был изменен в духе ленинской формулировки. Громоздкая, «триединая» система руководства, выдвинутая вторым съездом, себя не оправдала. После прений III съезд принял решение о создании одного руководящего центра. Таким был ЦК партии, состоящий из русской и заграничной части, он же назначал редакцию ЦО. Не реже одного раза в четыре месяца должны были собираться пленумы ЦК в составе рус. и заграничной части. Кооптация допускалась только единогласно.

Особый интерес представляют прения на съезде по вопросу «об отколовшейся части партии». На съезде имели место примиренческие настроения, к-рые связывались с неправильными взглядами на построение пролетарской партии. Съезд отклонил поправку Михайлова (Постоловского), к-рая рекомендовала большевистским организациям «взять на себя инициативу в деле объединения с отколовшейся частью партии», и специальную резолюцию Филиппова (П. П. Румянцева), не подлежащую опубликованию, в к-рой указывалось, что в отношении к меньшевистским организациям, отказывающимся подчиниться решениям съезда, «не должна практиковаться политика агитации в периферии и рабочих массах, как против целых меньшевистских организаций, так и против отдельных лиц». Съездом была принята по этому вопросу резолюция, предложенная Лениным и Максимовым (Богдановым). В этой резолюции против меньшевизма предлагалось «вести повсюду энергичную идейную борьбу», а участие в партийных организациях «лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам», признавалось допустимым «при том необходимом условии, что они, признавая партсъезды и партустав, всецело подчинялись партдисциплине». Кроме этого, была принята не подлежащая опубликованию резолюция, в которой съезд предлагал ЦК «распускать» меньшевистские организации, отказывающиеся «признать решения III съезда». Этими решениями «об отколовшейся части партии» давалась такая общая линия в отношении

к меньшевизму, к-рая обеспечивала организующейся большевистской партии ее принципиальную выдержанность и непримиримость в условиях развертывающейся революции и значительной тяги к «объединению» в рабочих массах. В «Извещении о III съезде РС-ДРП» было указано, что он «должен открыть собою новую полосу в истории нашего с.-д. рабочего движения».—В состав ЦК были выбраны: А. А. Богданов, Л. Б. Красин, Постоловский (Вадим), В. И. Ленин, А. И. Рыков и пополнен—уже самим ЦК — П. П. Румянцевым. Редактором ЦО на первом пленуме ЦК был избран В. И. Ленин. ЦО после III съезда был «Пролетарий». Съезд подчеркнул ту роль, к-рую сыграл «Вперед» в деле борьбы с меньшевиками и по подготовке III съезда партии.

Одновременно с III съездом заседала меньшевистская конференция в Женеве, известная под именем «Первой общерусской конференции партийных работников». Протоколов этой конференции нет. Нет также и состава ее участников; по крайней мере, полного списка делегатов до сих пор установить не удалось. Имеются только резолюции, вышедшие в виде приложений к № 4 «Искры». Мартов дает такую оценку работ конференции. «Конференция высказалась против заговорщических представлений об организации восстаний и „захвате власти" социалистами, подчеркнув, что, если бы внешние обстоятельства навязали пролетариату обладание властью, он вынужден был бы пытаться ее использовать не для демократического лишь, но и социалистического преобразования; установила прогрессивный характер крестьянского движения и обязанность с.-д. поддерживать его захватные тенденции, отметила важное значение создающихся в процессе ломки старого режима „временных неоформленных организаций рабочих" полулегального характера, как ячеек будущей более широкой классовой организации и подчеркнула необходимость развивать такие ячейки, призвала к строительству профессиональных союзов и определила условия политических соглашений с буржуазно-демократическими партиями в духе резолюции Старовера 1903, но с повышенными требованиями в смысле более значительного минимума демократических гарантий. В области организационной конференция рекомендовала постепенную демократизацию подпольной организации. Однако, принятые ею в этой области постановления не удовлетворили широкие круги партийных рабочих своей нерешительностью и незаконченностью, поскольку не доводили реформы до логического конца—выборности всех местных партийных центров совокупностью членов партийных организаций» (Мартов Л., История РС-ДРП, М., 1918, стр. 125).—Эти итоги любопытны как характеристика самими меньшевиками своих хвостистских позиций во всех вопросах не только стратегии и тактики, но также и организации борьбы. Конференция выбрала Организационный комитет в составе А. А. Тарасевича (Рыбак), Я. М. Гринцера (Александр), В. Н. Гутовского (Е. Маевский), Н. С. Макадзюба (Панин) и Л. М. Хинчука (Миронов).

В статье «Третий шаг назад» Ленин дал уничтожающую характеристику работе и решениям Женевской меньшевистской конференции (Ленин, Соч., т. VII, стр. 367). Разобрав «Организационный устав», принятый конференцией, Ленин называет его «шестиэтажной колымагой» и дает ему такую общую характеристику: «Это великолепная, бесподобная иллюстрация знаменитой теории „организации-процесса". Отныне даже слепому должно быть видно, что организация - процесс это есть дезорганизация. До сих пор меньшевики выступали как дезорганизаторы по отношению к своим оппонентам, по отношению ко II съезду и созданным им органам. Теперь меньшевики выступают как дезорганизаторы по отношению к своим единомышленникам. Это уже настоящее возведение дезорганизации в принцип» (там же, стр. 369). «Что касается до тактических резолюций конференции,—говорит Ленин,—то они замечательно подтверждают заявление III съезда об оттенках с.-д., родственных экономизму», о «суживании размаха партийной работы» (там же, стр. 370). Касаясь вопроса о временном революционном правительстве и решения, принятого по нему меньшевистской конференцией, Ленин указывает, что «вся резолюция новоискровцев о временном революционном правительстве грешит тем же грехом, что и их резолюция о восстании: неумение определить новые тактические задачи момента, повторение задов вместо призыва итти вперед, отсутствие руководящего лозунга для передового класса в демократической революции, принижение задач и размаха деятельности этого класса, его революционного энтузиазма и революционной энергии. Политическая тенденция этой ошибочной тактической линии — приближение новоискровства к освобожденству, уступка руководящей роли в демократическом перевороте либеральной буржуазии, превращение пролетариата в простой придаток ее» (там же, стр. 374).

Летние события 1905. В 1905, от января к октябрю, массовое революционное движение непрерывно нарастает, подходя к своей кульминационной точке — к Декабрьскому вооруженному восстанию. Летние месяцы 1905 характеризуются массовым размахом стачечного движения и его перерастанием в вооруженное восстание. Особенно большое значение имела грандиозная 72-дневная стачка в Иваново-Вознесенске. От экономических требований первых дней она выросла до мощного политического движения под лозунгами «долой самодержавие» и сопровождалась организацией Совета рабочих депутатов. Такого же типа массовое движение началось в таких крупных центрах, как Сормово, Екатеринослав, Казань и т. д. В ответ на дикие полицейские репрессии в Лодзи начинается вооруженное восстание, подавляемое с неслыханной жестокостью. Начинается также движение в армии и флоте. «Соединения пролетарской массовой стачки в городах с крестьянским движением в деревне,—указывал Ленин в своем цюрихском докладе,—было достаточно, чтобы поколебать самую „прочную" и послед-

нюю опору царизма. Я имею в виду армию. Начинается полоса военных восстаний во флоте и армии» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 349).

В июне революция захватила Черноморский флот. В 1905 партийные с.-д. ячейки работали на броненосцах «Екатерина II», «Синоп», «Чесма», «Ростислав», «Георгий Победоносец» и «Потемкин»; существовал матросский «руководящий центр», связанный с Крымским с.-д. союзом. В конце 1904 и в 1905, еще до Потемкинского восстания, несколько раз вспыхивали матросские волнения на «Екатерине II», «Очакове» и во флотских казармах. Поводами служило недовольство пищей, отмена отпусков и т. п. В ноябре 1904 недовольство матросов проявилось в виде стихийного бунта во флотских казармах, подавленного, однако, в самом начале. Матросский руководящий центр имел разработанный план восстания черноморской эскадры и вел деятельную подготовку к нему.—Однако, Потемкинское восстание началось совершенно стихийно, как непосредственный ответ на провокацию начальства, пустившего в ход оружие против матросов, отказавшихся есть гнилую пищу. Руководство вспыхнувшим восстанием взяли в свои руки матросы соц.-дем., а потом также представители Одесской с.-д. организации. Восставший «Потемкин» продержался 11 дней. На короткое время к нему присоединился также «Георгий Победоносец»; вместе с миноносцем «267» и судном «Веха» налицо была целая небольшая революционная эскадра. «Потемкин» пришел в момент начинавшегося в Одессе восстания, когда на улицах строились баррикады. Его приход еще более накалил атмосферу. Если бы броненосец начал активные действия по вооружению рабочих, бомбардировке города и т. д., то этим создался бы решительный перелом в пользу восставших. Но власти проявили определенную энергию и находчивость. А броненосец вел себя нерешительно и, после прихода севастопольской эскадры и измены присоединившегося было к восстанию «Георгия Победоносца», ушел в Румынию. Восстание на «Потемкине» не исчерпало и сотой доли заложенных в нем возможностей для развития революции. И все же значение Потемкинского восстания огромно. Это значение состояло в переходе на сторону народа части вооруженной силы самодержавия. Этим развитие революции было поднято на новую, высшую ступень.

В летние месяцы в разных пунктах страны все время вспыхивают отдельные, оторванные друг от друга экономические и политические стачки и демонстрации. В Варшаве в июне, в знак солидарности с Лодзинским восстанием, всеобщая стачка была объявлена в четвертый раз в течение 1905. Почти во всех без исключения случаях стачки и демонстрации сопровождались столкновениями с войсками и полицией, расстрелами демонстрантов и стачечников, убийствами революционеров и убийствами военных начальников.—Движение в целом еще не доросло до восстания. Революция пока лишь мобилизовывала все новые и новые кадры бойцов для восстания, накапливала опыт, массы нащупывали и творили все новые и новые, более высокие формы борьбы. Ленин в статье «Борьба пролетариата и холопство буржуазии» (Соч., т. VII, стр. 362—63), отмечая события в Лодзи, Иваново-Вознесенске, Варшаве и Одессе, а также и крестьянские восстания в Харьковской губ., пишет, что «вооруженное восстание растет и вглубь и вширь», что «вооруженные битвы показывают все нагляднее и нагляднее неизбежность решительной вооруженной борьбы народа с вооруженными силами царизма» и что к вооруженному восстанию «все ближе и ближе подводят сами события, сам стихийный процесс расширяющегося и обостряющегося революционного движения». Еще до III съезда партии, после январских дней, Ленин выдвигает вопрос о необходимости концентрации внимания партии на подготовке вооруженного восстания. III съезд партии в своей резолюции конкретно и точно ставит задачу «организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания». Наконец, летние события 1905 вплотную ставят перед партией военно-боевую работу в обстановке начинающейся гражданской войны.

В статье «Революционная армия и революционное правительство» по поводу восстания на «Потемкине» Ленин тщательно анализирует этапы подготовки восстания, отмечает, что «теперь мы дошли, наконец, и до последнего этапа», и подчеркивает, что «это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в одесских событиях есть еще явные черты старого бунта» (Ленин, Соч., том VII, стр. 380). В этой же статье Ленин подчеркивает связь между организацией восстания и организацией временного революционного правительства. С нескрываемым презрением относится Ленин к меньшевистскому зубоскальству по поводу «большевистского прожектерства» в организации военной и боевой работы. Ленин показывает, что таким отношением меньшевики издеваются не над большевиками, а над самими собою, и в особенности над своими практиками-партийцами, к-рые под влиянием развивающихся событий, под влиянием организации черной сотни, должны были целиком принимать это «большевистское прожектерство». Вместе с тем, Ленин не забывает подчеркнуть необходимость, наряду с подготовкой, организацией и руководством восстанием, ни на минуту не оставлять, не покидать «будничную» работу во всяких и всяческих организациях пролетариата. Ленин только еще и еще раз отмечает особенности этой «будничной» работы в революционной обстановке. Летний период либеральная буржуазия также пыталась использовать для организации собственных сил и руководства движением. Военный разгром и поражение самодержавия (Мукден, Цусима), рост массового движения заставляют буржуазию учесть изменение обстановки и делают ее более оппозиционной. «Либеральная буржуазия,—пишет Ленин,—„порозовела“ после 9 января; она начинает „краснеть“ теперь после одесских событий...» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 128).

Либералы в этот период различными способами пытаются взять в свои руки движение. Главная цель либералов сводилась к тому, чтобы под покровом якобы беспартийности подчинить своему руководству не только движение интеллигенции, но и рабочих и крестьян. Один из таких путей лежал через «Союз союзов». В статье «Либеральные союзы и с.-д.» Ленин писал: «„Профессиональные" союзы интеллигенции и „Союз союзов" суть политические организации. Фактически это либеральные союзы. В общем и целом это—союзы, составляющие ядро т. н. конституционно-демократической, т. е. буржуазно-либеральной партии. На нас ложится теперь серьезнейшая обязанность — всеми силами содействовать партийному воспитанию пролетариата, сплочению передового отряда его в настоящую политическую партию, безусловно независимую от всех других партий, безусловно самостоятельную партию. Мы обязаны поэтому крайне осторожно относиться ко всем шагам, способным внести путаницу в ясные и определенные партийные отношения. Вся либеральная буржуазия из кожи лезет теперь, чтобы помешать образованию вполне самостоятельной классовой партии пролетариата, чтобы „объединить" и „слить" все „освободительное" движение в один поток демократизма ради прикрытия буржуазного характера этого демократизма» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 230—31).

Булыгинская дума. 6 августа правительство объявило, наконец, о созыве законосовещательной Булыгинской думы. По этому закону, кроме, разумеется, буржуазии и помещиков, кое-какие крохи перепали лишь горсточке богатеев-крестьян. Народ не получал буквально ничего. Ход правительства был совершенно ясен: сторговавшись с буржуазией, бросив ей подачку, заручиться союзником и прямо и открыто задушить революцию. Буржуазия обеими руками ухватилась за эту подачку, высказавшись за участие в выборах в Думу. «Союз союзов» не без колебаний, правда, высказался за бойкот. Вокруг думской кампании разгорелись новые разногласия с меньшевиками. «План» меньшевиков сводился к следующему: во-первых, образование «народных агитационных комитетов», для давления на «избирателей», т. е. на помещиков и капиталистов, чтобы те из своей среды избирали «сторонников демократического представительства», во-вторых, параллельно официальным выборам должны были проводиться всеобщим голосованием самочинные выборы представителей, к-рые должны были явочным порядком создать «революционное самоуправление», а потом в известный момент съехаться в один город и провозгласить себя Учредительным собранием. Ленин охарактеризовал этот план как «идеальную цель монархической (освобожденской) буржуазии, как идеальную цель ликвидации русской пролетарско-крестьянской революции либеральными помещиками» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 177).

В целом ряде статей того времени Ленин подробно остановился на всех шатаниях меньшевиков, сторонников «перманентной» революции и примыкавших к меньшевикам бундовцев. Особенно интересен в этом отношении по силе и яркости документ против Бунда, где Ленин дал характеристику бундовского «лозунга»: «Мы не в силах вызвать восстание... поэтому не для чего его связывать с Думой... лозунг агитации Учредительное собрание». Это был в сущности открытый отказ от борьбы за восстание и надежда на то, что Учредительное собрание придет как-то само собой. Ленин писал: «Это — величайшая фальшь, разоблачение которой имеет важнейшее значение для русской революции и для сознательного пролетариата, как единственно возможного автора победоносной революции. Мы не в силах вызвать восстание, поэтому не надо связываться, поэтому лозунг не вооруженное восстание, а Учредительное собрание» и далее: «„слабость всегда спасалась верой в чудеса",—говорил Маркс. Слабость ли пролетариата или слабость голов Бунда и новой «Искры» спасается теперь верой в чудеса?—верой в то, чтобы без лестницы попасть на гору?—верой в Учредительное собрание без восстания? Эта вера—вера сумасшедших. Без вооруженного восстания Учредительное собрание—фантом, фраза, ложь, франкфуртская говорильня» (Ленин, Соч., том VIII, стр. 241—42). Официально свое политическое credo по поводу Думы меньшевики изложили на т. н. «южно-русской учредительной конференции меньшинства», к-рая происходила с 3-го по 6-е сентября (21—24 августа) в г. Киеве. По вопросу об отношении к Думе конференция высказалась за меньшевистский «план». Оценку работам этой конференции Ленин дал в статье «Последнее слово „искровской" тактики или потешные выборы как новые побудительные мотивы для восстания». В сентябре состоялась конференция представителей всех с.-д. организаций по вопросу о бойкоте. Конференция происходила в Риге с 20 (7) по 22 (9) сентября 1905 в составе Постоловского (Вадим) от ЦК РС-ДРП (большевиков), Гутовского (Симонов) от ОК РС-ДРП (меньшевиков), И. Айзенштадта (Юдина) и еще одного представителя, нами не установленного,—от Бунда, П. Стучки и Озола от Латышской с.-д-тии, Тышко (Л. Иогихес) от Польской с.-д-тии и одного представителя от Революционной украинской партии (РУП). Решение организовать конференцию было вынесено на заседании ЦК в составе Красина, Богданова, Румянцева и Постоловского. Извещение о конференции и резолюции были напечатаны в № 22 «Пролетария» от 24 (11) октября 1905. Конференция приняла решение—«призывать все истинно-демократические элементы общества к активному бойкоту Думы, клеймя позором участвующих в избрании как изменников делу народной свободы».—Т. о., под влиянием настроений на местах даже Бунд вынужден был отойти от меньшевиков. Но уже очень скоро сама жизнь оправдала большевистскую тактику активного бойкота Думы, сведя на-нет меньшевистский «план» кампании. Это были грандиознейшие события октябрьской всероссийской политической забастовки.

Октябрь—декабрь 1905. Всероссийская стачка в окт. 1905 носила ярко выраженный политический характер. Требование Учредительного собрания на основе всеобщего прямого тайного и равного голосования было преобладающим. Именно выступление пролетариата, вопреки мнению меньшевиков, увлекло за собою и полупролетарские элементы. Стачка таила в себе огромные возможности, к-рые, однако, в силу целого ряда причин не смогли быть реализованы. В начале октябрьской стачки Ленин указывал, что «силы царизма и революции уравновесились», а после царского манифеста, этой «уступки» наступающей революции, в статье «Первая победа революции», Ленин писал: «Неприятель не принял серьезного сражения. Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, к-рая кажется ему лучше укрепленной и на к-рой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрав лучший момент для нападения» (Ленин, Соч., том VIII, стр. 354). Сущность вопроса заключалась именно в том, чтобы эту первую победу революции закрепить для второй, для окончательной победы революционного народа. Ленин писал в той же статье, что «революционный пролетариат привел к первой великой победе революцию городскую» и что теперь необходимо «подготовить деревенское движение, к-рое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу...» (там же, стр. 356). Ходом и исходом октябрьской стачки вопрос о вооруженном восстании был поставлен на очередь дня, как никогда до этого момента.

Ноябрьская стачка, к-рая проходила под руководством Совета, явно страдала из-за меньшевистского руководства. Лозунги восстания принимались только под нажимом большевиков, в рабочие массы эти лозунги преподносились не как немедленное «руководство к действию», а как какая-то отдаленная перспектива. Между тем настроение масс по всей стране продолжало итти вверх. Обстановка накалялась все более и более. Движение в городах и деревне достигало наивысшей точки и вылилось в декабре в ряд грозных восстаний. Особенное значение имело декабрьское вооруженное восстание в Москве. Именно после него начинается открытый переход в лагерь контр-революции буржуазии, начинается резкое поправение верхов мелкой буржуазии и в т. ч. меньшевиков. Известна меньшевистская оценка декабрьского восстания устами Плеханова: «не надо было браться за оружие». Иначе отнеслись к восстанию и урокам восстания большевики. В статье, посвященной урокам восстания, Ленин писал, что «организации отстали от роста и размаха движения». Он давал такую «сводку» декабрьских событий: «От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию». Тут же он так оценивал руководство восстанием: «Мы, руководители с.-д. пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, к-рый так нелепо расположил свои полки, что большая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий...». Оценивая «борьбу реакции и революции за войско», Ленин пишет: «И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, к-рую повело и провело правительство. Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную „обработку“ войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско...» (Ленин, Соч., том X, стр. 49, 51). В конце статьи Ленин напоминает положение Энгельса (ранее приписывавшееся Марксу), «писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства—отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление», и кратко останавливается на тактике и организации сил для восстания (там же, стр. 51). Вместе с тем, Ленин с нескрываемым презрением относился к меньшевикам, наговорившим о восстании кучу оппортунистических, мещанских пошлостей и глупостей. В отношении к восстанию недалеко ушел от меньшевиков и

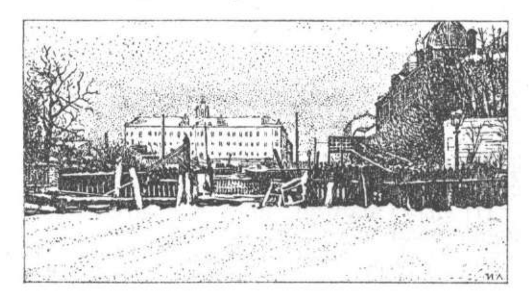

Рис. 6. Баррикады у сада «Аквариум». 1905 г. Москва, Садовая.

Троцкий, к-рый теперь, спустя четверть века, пытается изобразить дело так, что он в годы первой революции шел чуть ли не рядом с большевиками. На деле же он, под прикрытием словесной, якобы «революционной» трескотни, выдвинув полуменьшевистскую теорию «перманентной» революции, плелся в хвосте меньшевистской практики. В своем цюрихском докладе (в янв. 1917) Ленин давал совершенно исчерпывающую характеристику октябрьско - декабрьского периода в развитии революции 1905. «Октябрь и декабрь 1905,—говорил он,—знаменуют высшую точку восходящей линии Российской революции». И тут же Ленин указывает на такие потоки, составляющие это движение: громадной высоты стачечная волна; «образовалась своеобразная массовая организация, знаменитые Советы рабочих депутатов»; «крестьянское движение осенью 1905 достигло еще бóльших размеров»; «среди угнетенных народов России

вспыхнуло освободительное национальное движение». «Своей вершины,—дополняет Ленин,—революция 1905 достигла в декабрьском восстании в Москве» (Соч., т. XIX, стр. 352—55). Громадное значение этого революционного периода было отмечено Лениным в 1920 (см. «К истории вопроса о диктатуре»), когда он указал, что «основные вопросы (Советская власть и диктатура пролетариата)...оказались поставленными практически в конце 1905». И, конечно, этот период, являвшийся «высшей точкой восходящей линии Российской революции», вызвал «коренные изменения общих условий деятельности пролетарской партии. Обстановка гигантского революционного подъема выдвинула вопрос о партийном объединении».

Положение в партии и вопрос о партийном объединении. Октябрьская победа и явочным порядком захваченные «свободы» поставили партию перед проблемой реорганизации. Выйдя из полицейского подполья на полулегальную арену, партия столкнулась с необходимостью несравненно более широкого охвата масс, чем это имело место в условиях сугубой конспирации. С другой стороны, тысячи рабочих, идейно давно ставших социал-демократами, но организационно не связанных с подпольной партией, потянулись к организации. Наконец, та роль, которую сыграл в революции рабочий класс, вызвала попытки буржуазных партий овладеть новой силой. Буржуазно-радикальная молодежь повалила в рабочие кварталы, неся с собой тучи газет, брошюр, листовок. Перед практическими работниками стал вопрос о борьбе с эсерами, гапоновцами и т. п. либеральными и мелкобуржуазными течениями, пытавшимися совлечь рабочих с пути классовой борьбы. Все это вынудило обе фракции социал-демократии заняться вопросом об объединении.

III съезд партии, предвидя возможность постановки вопроса об объединении партии, наметил принципы этого объединения. В особой резолюции, не подлежащей опубликованию («тайная резолюция» III съезда), съезд поручал ЦК «принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РС-ДРП, при чем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду». Члены ЦК А. А. Богданов и Л. Б. Красин в развитие решений съезда, приступили к переговорам с меньшевистским центром — Организационной комиссией, при чем заняли примиренческую позицию, став на путь объединения во что бы то ни стало и игнорирования «тайной резолюции» съезда. В «Открытом письме ЦК к ОК» [«Пролетарий», № 11, 9 августа (27 июля) 1905] Богданов, например, писал о ничтожности организационных и тактических разногласий между обеими фракциями в то самое время, когда В. И. Ленин кончал свою брошюру «Две тактики». Под влиянием резкой критики Ленина «примиренцы» выправили линию и на следующих совещаниях с ОК заняли большевистскую позицию. Для Ленина вопрос объединения партии отнюдь не представлял собой «дипломатического маневра» или уступки «объединительным иллюзиям». Вопрос шел о борьбе за массы, о практическом проведении в жизнь идеи гегемонии пролетариата путем перестройки рядов подпольной партийной организации в партию, руководящую массами в условиях громадного революционного движения, создающего ряд «легальных возможностей». Но объективное положение в меньшевистской фракции требовало чрезвычайной осторожности. У меньшевиков, по существу, не было центров. Директивы ОК не были обязательны для всех меньшевистских организаций; «Искра» не подчинялась ОК и носила имя центрального органа самозванно. Сверх того, при том понимании § 1 устава, какой был у меньшевиков, они допускали в партию зачастую совершенно чуждый элемент. Напр., в 1906 меньшевики в ж.-д. районе в Петрограде приняли в партию г. Прокоповича, участника и активного деятеля левокадетской печати. При таких условиях объединение разбавляло партию, превращало ее в неоформленную организацию. «Мы не должны смешивать политику объединения двух частей со спутыванием обеих частей,—писал Ленин ЦК. Объединить две части—согласны. Спутать две части—никогда... Мы же должны все усилия и все помыслы направить к сплочению, к лучшей организации нашей части партии... Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованы, если мы от себя удалим всяких кисляев и перебежчиков, тогда наше твердое ядро, хотя бы не очень большое, поведет за собой всю ораву „организационной туманности“» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 247). Именно поэтому Ленин и настаивал на следующем плане объединения: либо меньшевики подчиняются условиям III съезда либо, в случае отказа, обе фракции одновременно собирают свои съезды, точно выяснив, какие организации куда входят, при чем решения съездов обязательны для всех организаций каждой фракции, а затем оба съезда намечают уже план слияния партии. На двух совещаниях [второе — 25 (12) июля 1905] ОК отказался войти в партию на основе требований III съезда и предложил объединить обе фракции без созыва нового съезда и притом по выполнении следующих условий: 1) предоставления решающего голоса районным комитетам по вопросам общей политики местной организации, 2) предоставления решающего голоса всем организованным рабочим, 3) организации «центральных конференций» из представителей областных или важнейших комитетов, 4) составления ЦК из представителей обеих частей партии, 5) сохранения в качестве центральных органов и меньшевистской «Искры» и большевистского «Пролетария». ЦК соглашался в общем и целом с четырьмя пунктами, хотя и подчеркивал, что выполнение первых трех не может быть повсеместным, а будет зависеть от конкретных условий, но категорически высказался против двух центральных органов, так как это означало сохранение раскола. Поскольку, вместе с тем, все 5 пунктов со стороны ОК носили ультимативный характер, т. е. коренным образом отрицали объединение на основе ра-

бот III съезда, ЦК на третьем совещании перешел к выполнению второй части резолюции III съезда: провести объединение путем созыва нового, IV съезда большевиков и съезда меньшевиков. На последнем совещании меньшевики в ответ на это выдвинули новые условия: 1) создание объединительной комиссии из равного числа представителей, 2) как предварительное условие полное слияние параллельных организаций на основе пунктов первого совещания и 3) созыв съезда только в случае выполнения второго пункта. Меньшевики, таким образом, явно старались затормазить объединение, сохраняя фракционную нетерпимость и обособленность, что повело к разрыву переговоров.

Октябрьская волна революционного подъема вновь подняла вопросы объединения, но уже на новой основе: в борьбу за единую партию втянулись низовые организации. До сих пор партийные организации имели дело с отдельными с.-д., выделившимися из пролетарской массы, сейчас партия столкнулась с массовыми представителями рабочего класса, что потребовало изменения методов агитации и пропаганды и изменения самой организации. От кружковой агитации партия стала отходить к митинговой, к большим собраниям, массовым кампаниям. В пропагандистской области стали пересматриваться программы и методы их выполнения в смысле большей популярности, большей близости и соответствия массовым запросам и т. п. В области организации партия перешла к применению выборного начала и, сохраняя весь конспиративный аппарат, приступила к использованию легальных возможностей и созданию ряда различных рабочих организаций. Самая партийная организация стала перестраиваться на новый лад. Так, большевистский районный комитет Петербургской стороны принял следующие нормы организации: 1) основу партийной организации образуют заводские и фабричные с.-д. группы, в члены которых принимаются все, удовлетворяющие § 1 устава и представившие рекомендации двух членов группы; 2) заводские группы избирают из своего состава заводской или фабричный комитет и представителей в районный комитет; 3) районный комитет, ведущий и руководящий всей работой, образуется из представителей групп по 1 на 10 человек и представителя коллегии пропагандистов и агитаторов. — Большевистский ПК решил перестроить всю партийную организацию «по принципу выборности всех учреждений снизу доверху». В особом обращении к партии ПК предложил «приступить немедленно и самым энергичным образом к созданию более широких, новых низших учреждений партии, не стесняясь формой (с.-д. клубов, с.-д. заводских собраний, с.-д. групп и т. п.)». Новым организациям предлагалось приступить к выбору своих комитетов. «Петербургский комитет распустится,—добавляла резолюция,— и сдаст полномочия новому центру, когда указанная организационная работа приведет к его созданию» [«Новая Жизнь», № 17, 2 дек. (19 нояб.) 1905].

Одновременно низовые организации приступили, под давлением объективной необходимости единства действия, к объединению фракций. Формы этого объединения носили различный характер. 19 (6) ноября в Одессе все организации слились сверху донизу, образовав единый комитет. Такое же полное объединение произошло в Перми и Екатеринбурге. В Киеве 15 (2) ноября было решено всю подготовительную, чисто организационную работу вести каждой фракции отдельно, все же открытые выступления вести совместно. В Петербурге для объединения действия был создан «федеративный совет» из равного числа представителей от большевистского ПК и меньшевистской Петербургской группы РС-ДРП. В Харькове и в Баку были созданы такие же «федеративные советы» большевистских и меньшевистских комитетов. В Саратове была создана внефракционная организация, решившая послать своих представителей с совещательным голосом как на большевистский съезд, так и на меньшевистскую конференцию. Такая же объединенная организация была создана и в Тамбове, при чем Тамбовская группа РС-ДРП обратилась со специальным заявлением в большевистский орган «Новая Жизнь», спрашивая, будет ли она допущена на съезд. В Николаеве еще в июле обе фракции выделили по 2 представителя в особую комиссию — «Объединенную организацию с.-д. г. Николаева», в задачу к-рой входила выработка плана совместного выступления. Как ни разнообразны были формы объединения, основная масса большевистских организаций осталась верна директиве Ленина—объединение двух частей не является спутыванием двух частей. Опираясь на идущий снизу процесс, ЦК снова начал переговоры с ОК, при чем ряд большевистских организаций прежде всего нанес удар примиренческим настроениям в ЦК, полностью присоединившись к позиции Ленина. Так, Иваново-Вознесенский комитет в начале ноября принял резолюцию, в которой, признавая необходимость объединения, подчеркнул, «что объединение возможно лишь на основе постановлений III съезда или же осуществимо путем созыва внеочередного объединительного съезда». Курский комитет 30 (17) ноября занял ту же позицию. Конференция северных комитетов, состоявшаяся в Москве 4—6 декабря (21—23 ноября) из представителей Нижегородского, Тульского, Тверского, Иваново-Вознесенского, Ярославского, Костромского, Владимирского, Московского комитетов, заняла ту же позицию.

ОК, явно спекулируя на объединительных иллюзиях, снова отказался слить оба центральных органа, что сводило на-нет всякое объединение, и поспешил, во избежание дальнейшего давления со стороны низов, назначить на 3 декабря (20 ноября) свою отдельную меньшевистскую конференцию. Нежелание слить органы меньшевики объясняли, во-первых, тем, что объединение может состояться и без немедленного слияния, во-вторых, речь, по их мнению, идет о создании ЦО, а это может сделать лишь

съезд; в-третьих, «наличная редакция «Новой Жизни» включает элементы, непригодные для редакции руководящего органа партии» [«Начало», № 16, 15 (2) декабря 1905]. Большевистскому ЦК оставалось объявить созыв IV очередного партийного съезда, куда пригласить наряду с организациями, имевшими право решающего голоса по уставу, также и вновь созданные организации с тем, чтобы их совещательные голоса на самом съезде были превращены в решающие. Комментируя воззвание ЦК, Ленин в статье «О реорганизации партии» (Соч., т. VIII, стр. 379—80) писал: «На то, что „верхи“ партии объединятся сами, рабочие почти потеряли надежду. Необходимость объединения была признана официально и III съездом РС-ДРП и конференцией меньшевиков в мае текущего года. С тех пор прошло полгода, а объединение почти не двинулось вперед. Неудивительно, что рабочие стали проявлять нетерпение. Неудивительно, что „Рабочий, один из многих“, писавший об объединении в «Искре», погрозил, наконец, с.-д. интеллигенции „кулаком снизу“... Мне сдается, что теперь настала пора, когда сознательные рабочие с.-д. могут и должны осуществить свое намерение...». А как практический лозунг Ленин выдвинул следующее положение: «теперь есть уже налицо возможность не только убеждать объединиться, не только добиваться обещаний объединиться, а объединить на деле простым решением большинства организованных рабочих и в той и в другой фракции». В целях давления на меньшевистских вождей, увиливавших от слияния фракций из боязни потерять влияние и раствориться среди новых организованных с.-д., настроенных революционно, партийные организации подхватили лозунг и перешли к непосредственному объединению. ПК, еще 28 (15) ноября в «федеративном совете» стоявший за сохранение отдельных организаций вплоть до полного объединения на съезде, 5 декабря (22 ноября) принял решение о полном слиянии своей организации и организации меньшевиков и создании Организационного комитета из равного числа членов от ПК и Петербургской группы «для выработки согласованного устава, основанного на проведении выборного начала снизу доверху». 6 декабря (23 ноября) состоялось первое заседание Организационного комитета, а 10 декабря (27 ноября) был опубликован и новый проект устава Петербургской организации РС-ДРП.

Меньшевистская конференция, состоявшаяся в начале декабря н. ст., под влиянием периферийных работников отказалась от своей непримиримой позиции и всех ультиматумов, особенно в вопросе сохранения двух центральных органов. Конференция признала необходимым созыв объединительного съезда на началах пропорционального представительства от каждой организации, слияния ЦК и ОК, образования единого центрального органа, при чем конференция специально оговорила, что меньшинство не должно стремиться к численному преобладанию своих сторонников в редакции, чем с головой выдала фракционность меньшевистских вождей в вопросе о ЦО. Кроме того, в целях облегчения объединения, конференция изменила § 1 устава партии — о членстве—в духе большевистской формулировки.—После большевистской конференции в Таммерфорсе были созданы редакция Объединенного ЦО и Объединенный Центральный Комитет.

Таммерфорсская партийная конференция. В декабре 1905 года произошла большевистская конференция, которая заменила собой намеченный Центральным Комитетом IV съезд партии. «Эта конференция, — говорит В. И. Ленин в своей статье «Государственная дума и социал-демократическая тактика»,—в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4.000 организованных членов партии, заменила собой намеченный и объявленный Центральным Комитетом IV съезд партии. Съезд не мог состояться вследствие железно-дорожной забастовки, московского восстания и различных событий в самых различных концах России. Но съехавшиеся делегаты организовали конференцию „большинства“...» (Ленин, Соч., том IX, стр. 13). Конференция происходила в промышленном финляндском городе Таммерфорсе, откуда она и получила свое название. Президиум конференции состоял из трех лиц: председателя— В. И. Ленина и двух тов. председ.—Горева и Бородина. Протоколов этой конференции не сохранилось. Неизвестен и полный состав ее участников. Из числа 41 участника, упоминаемого В. И. Лениным, в настоящее время установлено лишь 35 делегатов: от Петербургской организации—Б. И. Горев и В. С. Цицарин; от Николаевской — Радус Зенькович и Павел Сафронов; от Таганрогской — К. Н. Старцев; от Тифлисской — И. В. Сталин и Георгий Телия; от Тверской—А. И. Буланов и П. Н. Мостовенко; от Уфимской—А. В. Кибардин; от Саратовской—П. М. Мельситов и В. К. Сережников; от Рижской—Бородин; от Тамбовской— Н. С. Васильев; от Казанской—А. С. Лозовский и Алуф; от Нарвской—М. А. Рейснер, М. Муггу и Сибуль; от Ярославской— Е. Ярославский; от Вятской—В. А. Горбачев; от Воронежской — В. И. Невский и Д. Г. Большаков; от Сибирского союза— Н. Н. Баранский; от Самарской — Павел Агарев и Мастаев; от ЦК и ЦО—В. И. Ленин, Л. Б. Красин и П. П. Румянцев. Кроме того, на конференции присутствовали Н. К. Крупская, Л. М. Книпович и Фридолин. Костромской и два самарских делегата на конференцию опоздали. Официальным представителем от меньшевиков на конференцию являлся Э. Л. Гуревич-Смирнов (Даневич).

Неизвестен точно также и порядок дня конференции. Сохранились лишь принятые ею резолюции. Конференция продолжалась с 25 (12) до 30 (17) декабря. Ее работа началась с отчетов делегатов о работе на местах. С докладом по текущему моменту выступил Ленин. Резолюции по его докладу принято не было. С небольшим организацион. докладом от ЦК выступил Румянцев.

Следующим вопросом, разбиравшимся на конференции, был вопрос об объединении обеих частей РС-ДРП, по которому было принято три резолюции «О слиянии центров»; в первой конференция предлагала «в виде временной меры до объединительного съезда немедленное и единовременное слияние практических центров и литературных центральных органов на началах равенства, при чем члены редакции могут быть членами практического центра»; в дополнение была принята вторая резолюция о «немедленном слиянии на местах параллельных организаций» и, кроме того, была принята резолюция «о созыве объединительного съезда», к-рый поручалось немедленно созвать «слившимся ЦК и ОК или объединенным советом ЦК и ОК, если слияние не произойдет». В резолюции «О реорганизации партии» конференция признала необходимость проведения «широкого выборного начала» и осуществления принципа демократического централизма. Затем конференция заслушала доклад В. И. Ленина по аграрному вопросу, по которому принятая резолюция по существу подтверждала решения, принятые III съездом партии по вопросу о крестьянском движении. Последним вопросом, стоявшим на конференции, был вопрос о Государственной думе (докладчик Горев). В резолюции, принятой по этому вопросу, указывалось, что правительство законом 11-го декабря вновь делает попытку обмануть пролетариат и крестьянство для того, чтобы отсрочить свою окончательную гибель, и что этот закон, фактически исключая из участия в Государ. думе пролетариат и массу крестьянства, всеми мерами стремится обеспечить преобладание в Думе черносотенных элементов и эксплоататорских классов. Поэтому «социал-демократия,— указывалось в резолюции,—должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая участие в ней. Конференция советует всем партийным организациям широко использовать избирательное собрание не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы в Государственную думу, а для того, чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание». Такова картина работ конференции. Вести о разгоревшемся Моск. вооруж. восстании заставили спешить с окончанием конференции, и 31-го (18) дек. делегаты ее вернулись в Петербург.

Роль и значение Таммерфорсской конференции в истории нашей партии безусловно значительны. В сущности именно эта конференция и выработала «платформу объединения» партии, от которой так далеки были меньшевики. К сожалению, лишь в самое последнее время историки партии занялись изучением этой конференции и ее история пока остается еще плохо разработанной.

Раскол в РС-ДРП и 2 Интернационал (в 1905). Мы уже видели выше, что в спорах между меньшевиками и большевиками 2 Интернационал целиком стал на защиту первых. Эта картина в общем не изменяется и в 1905. Так, по вопросам партийного объединения все лидеры 2 Интернационала (исключая Розу Люксембург) и в 1905—07 продолжали поддерживать меньшевиков. Все попытки 2 Интернационала объединить обе части партии в сущности сводились к попыткам подчинения «большинства» «меньшинству». И если Ленин не посылает Бебелю цитированного выше абзаца письма об отношении герм. с.-д-тии к расколу, то в письме «в секретариат Международного социалистического бюро в Брюсселе» Ленин уже прямо отмечает, что 2 Интернационал открыто берет под защиту меньшевиков.

«Т. к. Международное бюро,—пишет В. И. Ленин,—считает возможным черпать сведения в „некоторых нем. газетах“, я вынужден заявить, что почти все нем. социалистические газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung», стоят целиком на стороне „меньшинства“ и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, наприм., тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в к-рой она защищала дезорганизацию в партии (речь идет о статье Розы Люксембург, помещенной в № 69 «Искры», «Организационные вопросы в рус. с.-д-тии», в которых Р. Люксембург решительно выступала в защиту меньшевиков. *А. Б.*). В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять нем. перевода резолюций III съезда!! После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецк. с.-д-тию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах российской с.-д-тии» (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 11—12). Даже революционные события в этом отношении ничему не научили лидеров 2 Интернационала. Бебель продолжал считать разногласия настолько несерьезными, что в письме к Международному социалистическому бюро от 25 (12) июня 1905 считает возможным ликвидировать их в несколько дней. «Гораздо более важными,—пишет он,—являются разногласия между нашими рус. товарищами, разногласия, дальнейшее развитие которых не должно быть допущено. Мы считаем, что все это дело может быть ликвидировано небольшой группой лиц легче, чем пленумом Бюро. Справки, которые мы навели по поводу этих разногласий, заставляют нас думать, что улаживание этого конфликта займет несколько дней. Общее собрание Бюро не может посвятить столько времени этому вопросу. Поэтому мы Вам предлагаем, чтобы Исполнительный комитет взял это дело в свои руки и ликвидировал конфликт. В случае надобности пленум Бюро может быть привлечен к делу в качестве последней инстанции» (Ленин, Сочинения, т. VIII, прим., стр. 472—473).

Такое отношение 2 Интернационала к положению в РС-ДРП в обстановке революции вытекало из общей позиции 2 Интернационала, которому позиция меньшевиков была близка, в то время как позиция большевиков была абсолютно чужда. «Форвертс»—руководящий орган герм с.-д-тии—сразу же открыто стал на сторону меньшевиков в вопросах стратегии и тактики рево-

люции 1905. Даже Каутский, тогда считавшийся крупнейшим революционным теоретиком 2 Интернационала, касаясь общих разногласий большевиков с меньшевиками, преуменьшал их и изображал как надуманные и несерьезные. Так, в статье «Раскол в русской с.-д-тии» Каутский писал: «... наблюдателю-иностранцу приходится потратить немало труда, чтобы открыть хоть какое-нибудь различие между двумя фракциями. Главный вопрос, разделяющий их в настоящий момент, заключается в том, должны или не должны члены партии принимать участие в будущем революционном правительстве. Но обсуждать дележ этой шкуры еще не убитого медведя можно бы, конечно, самым спокойным образом также и внутри единой партии, при чем самый спор остается совершенно беспредметным, пока ровно ничего неизвестно о том, как будет выглядеть то революционное правительство, в котором мы должны принять участие» («Искра», № 102, от 28/15 июня 1905). Ленин назвал эту статью Каутского «преподлой» (Ленин, Соч., том VIII, стр. 7). — Т. о., изо всего 2 Интернационала, кроме Розы Люксембург, Ленин и большевики имели на своей стороне лишь частично К. Каутского. Важно также подчеркнуть, что уже тогда Ленин видел тенденцию развития 2 Интернационала и занимал в отношении него соответствующую этой тенденции позицию.

1906 в революционном движении. В начале января 1906 Ленин писал, что «самодержавие восстановлено вполне» (Ленин, Сочинения, том IX, стр. 5), а после роспуска 1 Гос. думы, в июле, подчеркивал, что «роспуск Думы есть полный поворот к самодержавию» (там же, т. X, стр. 19). Но одновременно с этим, Ленин на протяжении всего 1906 не переставал указывать, что революция продолжается, что на первом плане стоит «завершение ее» и что надо беспощадно клеймить и разоблачать «конституционные иллюзии». В статье «Перед бурей», в конце августа 1906, Ленин давал такую характеристику «трех главных этапов нашей революции»: «Этап первый—эпоха доверия, эпоха массовых просьб, ходатайств и заявлений о необходимости конституции. Этап второй — эпоха конституционных манифестов, актов и законов. Этап третий—начало осуществления конституционализма, эпоха Гос. думы» (Ленин, Соч., том X, стр. 23). Говоря об «эпохе Гос. думы», Ленин неустанно разъяснял, что борьба в Думе «не может быть *главной* формой борьбы», что главной формой является борьба вне Думы, «непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих старые законы, уничтожающих органы угнетения народа, завоевывающих власть, творящих новое право». Весь 1906 был наполнен этой массовой революционной борьбой — стачками, военными и крестьянскими разрозненными восстаниями. Но, несмотря на всю высоту своего революционного напряжения, движение в основном, в сравнении с концом 1905, шло по нисходящей линии. На этом «основном фоне картины» проходила деятельность Гос. думы, избирательная полемика, думская борьба партий.

Ленин и партия учитывали «конкретные особенности данного исторического момента» и выдвигали такие задачи, к-рые соответствовали этим особенностям переживаемого периода. «Каждая политическая эпоха,—писал Ленин в брошюре «Победы кадетов и задачи рабочей партии»,—выдвигает перед соц.-демократией, как представительницей единственного до конца революционного класса, особую специфическую задачу, к-рая становится на очередь дня... в настоящее время такой задачей является борьба с конституционными иллюзиями». При этом Ленин особо указывал, что «конституционные иллюзии—это целый период русской революции» (Ленин, Сочинения, том IX, стр. 139—140).

Виттевская дума и разногласия в связи с ней. 24 (11) декабря 1905 года, в самый разгар Московского восстания, с целью разбить единый фронт революции, а также отвлечь внимание определенных кругов населения от восстания, самодержавное правительство опубликовало новый избирательный закон. Уже самый состав вновь допущенных к выборам (квартиронаниматели, рабочие) проливает свет на социальный смысл этого избирательного маневра, а анализ ограничений и изъятий, сопровождавших новый закон, окончательно вскрывает характер закона. Допустив к выборам мелкую городскую буржуазию («нанимающие не менее года в пределах города на свое имя отдельные квартиры»), правительство постаралось нейтрализовать ее революционное настроение вовлечением в избирательную борьбу всего реакционного, забитого и темного чиновничества как состоящего на службе, так и вышедшего в отставку: «лица, получающие содержание или пенсию по службе государственной, земской, городской или железнодорожной (кроме рабочих и низших служащих)», определил закон эту категорию, не требуя от нее даже квартирного ценза и тщательно исключив из нее наиболее политически передовые элементы—рабочих и низших служащих.

Промышленный пролетариат выделялся законом в особую курию, при чем избирательное право получали лишь мужчины-рабочие, занятые в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности и ж.-д. мастерских с числом рабочих не менее 50. В среде «избранных» групп пролетариата допускалось новое неравенство, поскольку в предприятиях с общим числом рабочих от 50 до 1 тыс. избирается один уполномоченный, а в предприятиях свыше 1 тыс. рабочих — по одному уполномоченному на каждую полную тысячу, при чем рабочие имели право избирать уполномоченных лишь из числа работающих на данном предприятии и только в помещениях, предоставляемых администрацией. Помимо этого, правительство стремилось изолировать рабочих от «постороннего» политического влияния, запретив доступ «посторонним лицам» в помещение, где происходят выборы. К крестьянской зубатовщине Булыгинской думы новый закон добавил, т. о., рабочую зубатовщину, расчленив пролетариат и противопоставив одну

группу другой и всячески помогая выпятить наиболее отсталые в нем элементы. Создатель закона—председатель совета министров Витте—и не скрывал зубатовского характера этой меры. «Наиболее... правильной политикой правительства, — аргументировал допущение рабочих к выборам Витте,— было бы взять рабочие движения в свои руки и не упускать инициативы по назревшим вопросам. Вследствие задержек в развитии нашего фабрично-заводского законодательства уже неоднократно бывали весьма неудобные примеры проявления этой инициативы не сверху, как бы то следовало, а снизу» («Материалы по учреждению Гос. думы», вып. 1, стр. 42).

Все остальное население по закону разбивалось на следующие 3 курии: а) землевладельческая, куда входили все владеющие землей в количестве от 100 до 600 десятин (в зависимости от района), избиравшие выборщиков на съездах уездных землевладельцев, куда посылали своих представителей и мелкие помещики, избиравшие их на особых подготовительных съездах; б) городская курия, куда входили лица, владевшие недвижимым имуществом, обложенным определенным налогом, торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства, и, наконец, упомянутые уже категории мелкой городской буржуазии; в) крестьянская курия, куда входили все крестьяне, владевшие или пользовавшиеся землей, избиравшие по одному на каждые 10 дворов для участия в волостном сходе, который выбирал уполномоченных по 2 на сход, а последние—выборщиков. Т. о., городские избиратели и уездные землевладельцы избирали по двухстепенной системе, рабочие—по трехстепенной, крестьяне же—по четырехстепенной. Из 6.067 выборщиков по 51 губернии Европейской России на долю крестьян приходилось 2.421, землевладельцев—1.958, горожан—1.341, казаков—111, а рабочих—236, короче: на долю помещиков и буржуазии приходилось не менее 50% всех выборщиков.

Крепостники - помещики и крупная буржуазия, политически представляемая партией октябристов, безоговорочно признавшие Булыгинскую думу, так же безоговорочно решили поддержать самодержавие участием в Виттевской думе. Капиталистические помещики, средняя буржуазия и буржуазная интеллигенция, в лице партии к.-д., высказавшиеся за участие в Булыгинской думе после долгих колебаний и при наличии большой оппозиции, сейчас, напуганные крестьянскими волнениями, а особенно Декабрьским восстанием пролетариата, переметнулись на сторону самодержавия. «Не надо нам больше никаких забастовок и никаких забастовочных комитетов»,—выразил общее мнение этих кругов идейный их вождь П. Струве («Полярная Звезда», № 3, 1905, Два забастовочных комитета).

Левое крыло либеральной буржуазии в лице «Союза союзов», на своем четвертом делегатском съезде в янв. 1906, и радикальная мелкая буржуазия (эсеры и т. п.) под давлением общего революционного подъема высказались за бойкот Виттевской думы, продолжая, однако, колебаться между кадетами и с.-д. Среди последних, как и перед Булыгинской думой, наметилось два течения.—Большевики, оценивая общую обстановку как непосредственно революционную, считали наступивший период лишь небольшим антрактом перед новым неизбежным подъемом революционной волны. Самодержавие использует эту временную передышку для новой перегруппировки сил, для расчленения единого революционного фронта. Выступить в роли явно антипарламентарной оно не в состоянии—так далеко зашло политическое разоблачение самодержавия, оно должно маскироваться. Гос. дума и была средством такой маскировки. Наряду с этим на сцену выступал кадетский обман, пытавшийся представить Гос. думу как власть, что Ленин клеймил как «мелкобуржуазную филистерскую утопию». При этом Ленин подчеркивал: «чем вероятнее и ближе кадетская Дума, тем опаснее становятся конституционные иллюзии» (Ленин, Сочинения, том IX, стр. 140). Вот почему на данном периоде основной опасностью являются конституционные иллюзии. «Конституционные иллюзии, — объяснял Ленин позицию большевиков, — это обманчивая вера в конституцию. Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет, другими словами: когда дела вершатся в государстве не так, как они решаются в парламентах. Когда действительная политическая жизнь расходится с ее отражением в парламентской борьбе, тогда и только тогда борьба с конституционными иллюзиями становится очередным делом передового революционного класса, пролетариата» (Ленин, Сочинения, том IX, стр. 204).

В качестве основной формы борьбы с конституционными иллюзиями и перевода революции в новый, высший период большевики выдвигали а к т и в н ы й бойкот Думы. Основной задачей ставилось использовать все избирательные собрания, проникая в них легально и нелегально, для разоблачения избирательных маневров самодержавия, для разоблачения самого самодержавия, а главное — для с.-д. агитации и организации новых сил для вооруженного восстания. «Бойкот,—писал Ленин,—есть объявление войны старой власти, прямая атака на нее» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 23). Большевист. Таммерфорсская конференция (дек. 1905) в след. словах резюмировала большевистскую тактику бойкота: «Конференция полагает, что с.-д-тия должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая всякое участие в ней. Конференция советует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы в Гос. думу, а для того, чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание. Восстание должно быть немедленно подготовлено, организовано повсюду, ибо только его победа даст возможность созвать действитель-

но народное представительство» (Ленин, Сочинения, том VIII, стр. 465).

Среди меньшевиков наметилось несколько течений. Г. В. Плеханов, стоявший в это время на крайне правом фланге меньшевизма, выступил с резкой критикой большевистской тактики. «Несвоевременно начатая политическая забастовка,—писал Плеханов в известном 4 номере «Дневника социал-демократа»,—привела к вооруженному восстанию в Москве, Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А поэтому не нужно было и браться за оружие» (Плеханов, Соч., том XV, стр. 12). — Признав несостоятельной всю октябрьско-декабрьскую тактику, Плеханов выступил с требованием новой тактики, противопоставляя тактике активного бойкота участие в выборах и участие в Думе. Остальные меньшевики заняли иную позицию. Хотя в их оценке Декабрьского восстания сквозили плехановские ноты, но они не рискнули так открыто занять явно либеральную позицию. Тем не менее, меньшевики уже без различия оттенков резко выступили против бойкота, за участие в выборах. При этом меньшевики сбивались на известную «теорию стадий»: сейчас пролетариат не готов к восприятию идеи негодности Думы, надо, по пословице: «русский человек не поверит, пока не пощупает», переводить его из одного класса—избирательные собрания—в другой—собрания выборщиков—и только после этого сделать вывод, что в Думу итти нечего, т. е. провести решение о бойкоте Думы. Второй довод против бойкота, выдвинутый меньшевиками,—«самоустранение» пролетариата. «Нужно ли говорить, — писал Ф. Дан, — что такое самоустранение толкает рядовые массы к сплочению под знаменем либеральных, а то даже и реакционных партий... В какое невыгодное положение поставим мы себя, когда дадим формальное право говорить от имени большинства рабочих выбранным ими не социал-демократам» (Ф. Дан, «Госуд. дума и пролетариат», ст. в сб. «Гос. дума и с.-д-тия», 1906, стр. 12). Меньшевики не хотели считаться с тем, что активный бойкот ни в малейшей степени не означал ухода с поля битвы, а наоборот означал усиленную мобилизацию масс под лозунгом вооруженного восстания. Наконец, решающее соображение, вскрывающее притом весь политический смысл меньшевистской тактики, сводилось к тому, что участие в выборах для меньшевиков являлось лишь лазейкой для осуществления старой идеи революционного самоуправления. «Всероссийское объединение собраний уполномоченных от рабочих,—разъяснял меньшевистскую тактику Дан,—и затем всероссийское объединение рабочих уполномоченных с уполномоченными других революционных слоев может создать революционный парламент, способный, в противовес проектируемой правительством Думе, взять на себя самые широкие политические задачи» (там же, страница 22).—24 (11) февраля 1906 Петербургский объединенный комитет созвал общегородск. конференцию, на которой обсуждался вопрос о бойкоте и составилось большинство 36 голосов против 29 за бойкот Гос. думы. По подсчету Объединенного комитета за бойкот высказались 1.168 с.-д. против—926. В Польше рабочий класс почти полностью бойкотировал Думу, при этом польские с.-д., как подчеркнул на IV съезде А. С. Варский, «посредством бойкота так сорганизовали массы, что на заявлениях против участия в Думе собрали гораздо больше протестующих подписей, чем депутаты Польши имеют избирательных голосов» (Протоколы Объединит. съезда, Москва, 1926, стр. 160). Полностью бойкотировала выборы латышская с.-д-тия. За бойкот высказался также и Бунд. В Екатеринославе комитет высказался за меньшевистскую тактику участия в выборах, но рабочие порвали листовки и отказались выбирать. В Кинешме комитет призвал рабочие массы к бойкоту. В Одессе, несмотря на нажим хозяев и полиции, рабочие б. ч. бойкотировали выборы. В Ярославле под влиянием большевиков за бойкот высказалось более 80% рабочих. В Баку на межрайонном собрании с.-д. 19 высказалось за бойкот, 12—против, а 6—за участие в Думе, после чего бакинский пролетариат был призван к бойкоту. В Кутаисе комитет решил бойкотировать выборы, но из Тифлиса приехали меньшевистские лидеры и предложили перерешить вопрос. К марту 1906 выяснилось, что в большинстве районов комитеты приняли большевистскую тактику.

IV партийный съезд. IV Объединительный съезд собрался 23(10) апреля 1906 года в гор. Стокгольме в составе 111 делегатов с решающим голосом, по одному на каждые 300 членов партии, 22—с совещательными и 12 представителей национальных с.-д. организаций (Бунда, польской, латышской и украинской с.-д-тии), которым съезд предоставил совещательные голоса. Среди решающих голосов на долю меньшевиков приходилось около 60 голосов (максимальное число голосов, собранных меньшевиками,—62), на долю большевиков—46, а остальные, в общем 6—9 голосов, принадлежали внефракционным с.-д., пытавшимся занять примиренческую позицию. Примиренцы, среди которых имелось несколько троцкистов, полностью поддерживали меньшевиков. «Съезд был меньшевистский»,—писал Ленин в своем докладе об Объединительном съезде (письмо к петербургским рабочим). Готовясь к съезду, меньшевики в своих проектах резолюций первым вопросом поставили «о современном моменте революции и задачах пролетариата», но на самом съезде выступили против включения текущего момента в порядок дня съезда. «Для партии прежде всего важно то, как члены ее действуют, а не то, что они думают», так аргументировал Дан против предложения большевиков включить в программу съезда текущий момент. Съезд, однако, громадным большинством потребовал включения вопроса, докладчиками по к-рому от меньшевиков выступил Мартынов, от большевиков—Ленин. Декабрьское восстание, по мнению меньшевистского докладчика, потерпело пора-

жение, гл. обр., из-за отсутствия таких «политических центров, которые способны были бы стать во главе поколебавшихся элементов армии и возбужденных элементов мелкой и средней буржуазии». Сейчас, когда мы стоим накануне нового подъема, таким «общенациональным политическим центром, в котором организованный пролетариат и организованная буржуазная демократия могли бы объединить, координировать свою борьбу со старым режимом», может стать Дума. «В настоящей стадии революции, — говорил Мартынов,—значительная масса крестьянства проникнута наивной верой в царя, а значительная масса либеральной буржуазии, напротив того, решительно сочувствует конституционному режиму. То же можно сказать о классификации партий... Кадеты субъективно враждебны революции, тем не менее они объективно, помимо своей воли и даже против своей воли, содействуют теперь развитию революции... Эсеры же... несмотря на свои демократические революционные лозунги, имеют очень ничтожное и эфемерное значение и, вероятнее всего, скоро сойдут с политической сцены, сыгравши благодаря своим утопиям и благодаря своему эклектизму вредную роль для социалистического движения» (Протоколы Объединит. съезда, М., 1926, стр. 136—138).

Основное противоречие, в к-ром запутались меньшевики, заключалось, т. о., в непонимании главной формы борьбы для данного периода. Это было особенно ярко выражено на съезде меньшевиком Птицыным, который заявил, что массовое революционное движение, как главная форма движения для данного момента, — это выдумка большевиков, ибо такого движения нет, а Гос. дума налицо, поэтому она и является «главной формой движения». Хотя меньшевики и не решались отрицать, что вся совокупность социально-политической обстановки говорит о новом подъеме революции, однако же форму борьбы для данного этапа они выбирали не революционную, а соответствующую периоду упадка. Такой постановкой вопроса меньшевики играли на руку кадетам, которые основной своей задачей считали необходимость совлечь пролетариат с революционного пути. Что это именно так, свидетельствовала и их вторая ошибка,—на этот раз высказанная совершенно открыто,—что кадеты, партия либеральной буржуазии, революционнее крестьянства. Наконец, последняя крупная ошибка меньшевиков—отрицание важности борьбы с конституционными иллюзиями. Дан на съезде говорил, что социал-д-тия всегда обязана бороться с конституционными иллюзиями, а Плеханов заявил, что такая борьба есть анархизм. «Мы не отказались бы принимать участие в парламенте,—говорил Мартынов,—и тогда, когда у нас установился бы прочный правовой порядок... Тем более мы имеем все основания принимать участие в парламенте, когда прочный правовой порядок еще не установился, когда господство буржуазии еще не утвердилось» (Протоколы Объединительного съезда, М., 1926, стр. 165). Несмотря на количественное преобладание на съезде и полную уверенность в утверждении меньшевистской резолюции, сами авторы сняли свою резолюцию, предложив съезду совсем не принимать резолюции. Принятие резолюции, в которой признавался новый революционный подъем и необходимость готовиться к нему, связало бы руки меньшевикам в их кадетской практической политике—таков основной мотив меньшевистского маневра. Вопрос об отношении к Думе был по сути дела продолжением вопроса о текущем моменте. В своей критике меньшевистской резолюции и аксельродовского доклада Ленин указывал, что в резолюции «сквозит всюду неосторожное, если выражаться мягко, оптимистическое отношение к Гос. думе» и что «коренной ошибкой» резолюции является «отсутствие ясной характеристики кадетов, отказ от разоблачения всей их тактики, невыделение кадетов от крестьянской и революционной демократии» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 161 и 163). Вопрос о Думе на съезде предрешался уже дискуссией о текущем моменте. Вопрос, по существу, шел уже не о бойкоте выборов в Думу—в большей части России выборы закончились, притом меньшевистское большинство высказалось уже по текущему моменту за участие в Думе,—а о максимальном обеспечении с.-д. выдержанности там, где еще предстояли выборы—в Сибири и на Кавказе. Поэтому, когда Струмилин и Костров внесли поправку к резолюции о Думе: «... всюду, где еще предстоят выборы и где РС-ДРП сможет выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу», большевики голосовали за поправку, при чем внесли следующее фактическое заявление: «мы голосовали за поправку Струмилина и Кострова исключительно потому, что считали полезным и важным осудить от лица партии блоки с другими партиями, вопросу же о выборах в Думу, не состоявшихся до сих пор, не придали практического значения, отнюдь не сочувствуя таковым выборам» (Протоколы..., стр. 246—247). С той же целью—обеспечения с.-д. выдержанности—большевики выступали против последнего пункта меньшевистской резолюции, предлагавшей в Думе создать с.-д. фракцию. Раз пролетариат не выбирал в Думу, то с.-д. могли пройти лишь от мелкобуржуазных избирателей или, в лучшем случае, от крестьян, что отнюдь не гарантировало создание фракции из действительных с.-д., а не околопартийных людей. Меньшевики 60 голосами против 47 оставили этот параграф резолюции и провалили поправку, чтобы с.-д. кандидаты в Думу выставлялись местными рабочими организациями. Единственная уступка со стороны меньшевиков состояла в том, что они согласились составить инструкцию Центральному комитету, поручающую сообщить всем партийным организациям: 1) кого именно, 2) когда и 3) на каких условиях он назначил представителем партии в парламентской фракции, а также сообщить отчеты о деятельности этих представителей партии. Последней резолюцией, в к-рой меньшевики еще коснулись оценки текущего момента, была резолюция о во-

оруженном восстании. В резолюции, которая на съезде была названа резолюцией о «невооруженном восстании», меньшевики уклонились от прямой оценки Декабрьского восстания, его уроков, его связи с грядущим восстанием, недвусмысленно, однако, нападая на большевиков с обвинениями в бланкизме. Меньшевистский докладчик Череванин почти скатился к поддержке точки зрения Плеханова, но открыто признать ее правоту побоялся. В силу этого резолюция получила чрезвычайно двойственный характер. Признавая «непосредственной задачей пролетариата вырвать государственную власть из рук самодержавно-крепостнического правительства», меньшевики основной задачей партии считали «расширение агитационной деятельности в широких слоях пролетариата, крестьянства, мелкой городской буржуазии и среди войск и вовлечение их в активную борьбу с правительством постоянным вмешательством с.-д-тии и руководимого ею пролетариата во все проявления политической жизни страны» (Протоколы..., стр. 336). Вместе с тем резолюция подчеркивала, что партия не берет на себя обязательства вооружать народ, что партия будет бороться с вовлечением пролетариата в вооруженное столкновение при неблагоприятных условиях, что «несвоевременные военные вспышки ведут лишь к бесполезной растрате революционной энергии» и т. п. При обсуждении резолюции о вооружен. восстании произошел характерный для меньшевиков инцидент. Плеханов предложил поправку, в к-рой «вырвать власть» было заменено кадетским выражением «вырвать права». Поправка вызвала резкую критику со стороны большевиков и была снята самим автором. Но весь инцидент с этой плехановской поправкой ясно показал, куда сползает меньшевизм. В дополнение к резолюции о вооруженном восстании съезд принял резолюцию о партизанских выступлениях.

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос об аграрной программе партии. До съезда и на самом съезде фигурировало несколько проектов, вплоть до того, что находились сторонники «старой отрезной программы». Основными проектами были три следующих: 1) национализация, выдвигаемая и защищавшаяся на съезде Лениным, 2) муниципализация, которую отстаивали на съезде Маслов и Плеханов, и 3) раздел—докладчиком являлся Борисов (Н. Суворов). Ленин дал резкую критику меньшевистского проекта муниципализации земли. Он выставлял два основных тезиса: «1) муниципализации никогда не захотят крестьяне; 2) муниципализация без демократическ. республики, без обеспеченного полностью самодержавия народа, без выборности чиновников вредна» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 149). В своем докладе об Объединительном съезде Ленин подчеркнул также, что муниципализация «может выродиться в кадетскую аграрную реформу». Необходимо также отметить, что в меньшевистском проекте аграрной программы вместо революционного термина «конфискация земель» был употреблен кадетский термин «отчуждение». И только уже на самом съезде была принята поправка о замене термина «отчуждение» термином «конфискация». О «программе Маслова — Плеханова — Кострова» Лениным было также отмечено, что, ежели большевики советовали крестьянским комитетам «захватывать земли и распоряжаться ими впредь до Учредительного собрания», то в «программе Маслова (Джона)—Плеханова—Кострова не только не сказано этого, а напротив — излагается несомненно план постоянного устройства землепользования» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 191). Ленин возражал и против проекта «разделистов», указывая в то же время: «муниципализация ошибочна и вредна—раздел ошибочен, но не вреден» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 155).

Выдвигая и отстаивая национализацию земли, Ленин связывал это требование с доведением буржуазно-демократической революции до конца, т. е. с полной победой революции, которая есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. На «обвинение» Плеханова, что в ленинском проекте имеется «захват власти», Ленин отвечал, что «идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 152). При этом он повторял и разъяснял на съезде, что «аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы» (там же).—В масловский проект аграрной программы съездом был внесен ряд поправок. «Вместо первоначальной масловской программы, — указывал Ленин в своем докладе о съезде,—получилась, как острили на съезде, „кастрированная" программа» (там же, стр. 200). А большевистское «обращение к партии» квалифицировало аграрную программу Стокгольмского съезда как «нечто среднее между настоящей аграрной революцией и кадетской аграрной реформой» (там же, стр. 172).

В связи с этими основными вопросами, стоявшими в порядке дня съезда, представляется необходимым хотя бы кратко рассмотреть и постановку вопроса о Советах, данную в предсъездовских проектах. В меньшевистском проекте совершенно отсутствовало понимание Советов как органов власти, их связи с вооруженным восстанием; в нем говорилось, что «партия обязана не только поддерживать стихийно возникающие беспартийные пролетарские организации такого рода, как Советы рабочих депутатов, но и содействовать созданию их в моменты революционного подъема» (Протоколы..., стр. 363). В большевистском проекте прямо указывалось, что «Советы являются зачатками революционной власти», что «их сила и значение зависят всецело от силы и успеха восстания» и что «такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т. е. не превращаясь во временные революционные правительства), неизбежно осуждены на падение» (Протоколы..., стр. 356), а поэтому перед ними выдвигалась практическ. за-

дача—«вооружение народа» и «укрепление военной организации». Эта точка зрения большевиков на Советы в годы первой революции нашла свое выражение в лозунге «Республика Советов» в обстановке перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую в 1917.

Из других резолюций, принятых съездом почти без обсуждения, следует отметить резолюцию о профессиональных союзах и об отношении к крестьянскому движению. В первой съезд признал необходимым самым широким образом приступить к организации союзов, предложив всем членам партии вступать в союзы, «чтобы органически, в борьбе и агитации, связать союзы с партией» (Протоколы..., стр. 337). При этом съезд решительно высказался против принципа организации профессиональных союзов по национальностям. Во второй резолюции съезд признал, что «крестьянство в своей борьбе за землю и против полицейско-бюрократического строя является в наст. время революционным сословием» (Протоколы..., стр. 335), и призвал партию к поддержке всех революционных выступлений крестьянства. Съезд разрешил также и вопрос о слиянии с национальными с.-д. партиями. При этом слияние с с.-д-тией Польши и Литвы, начатое и почти доведенное до конца еще Объединенным ЦК, и слияние с социал-д-тией Латышского края прошло без всяких затруднений, проект же договора с Бундом вызвал большую дискуссию. Отказавшись от принципа организации пролетариата по национальностям, Бунд все же настаивал на вхождении в РС-ДРП, как организации еврейского пролетариата, неограниченной в своей деятельности районными рамками, и сохранении своей программы по национальному вопросу. Меньшевики, из боязни усилить позицию большевиков, которых Бунд поддерживал в ряде вопросов—оценка текущего момента, бойкот выборов Думы и т. п., выступили против этих условий, настаивая на сохранении позиций II съезда. Большевики, примиренческий центр и часть меньшевиков голосовали за уступки, считая политическое значение объединения с несколькими тысячами хорошо организованных еврейских пролетариев выше небольших уступок в организационном вопросе, тем более, что Бунд отказался от принципа федерации. Съезд успел принять устав партии, параграф первый к-рого был принят в ленинской формулировке. В основу организации партии съезд положил принципы демократического централизма, но сохранил, вопреки настоянию большевиков, два центра, поскольку и ЦК и редакция Центрального органа избирались съездом. Съезд избрал ЦК в составе 7 меньшевиков (В. Н. Розанов, Л. И. Гольдман, Л. М. Хинчук, В. Н. Крохмаль, Н. Бахметьев, Л. Н. Радченко, П. Н. Колокольников) и 3 большевиков [В. Десницкий (Строев), Л. Б. Красин (Зимин) и А. И. Рыков, замененный позже А. Богдановым] и принял название «Объединительный».

В «Обращении» к партии от имени делегатов Объединительного съезда, принадлежащих к бывшей фракции «большевиков», была дана общая оценка работ съезда и критика его ошибочных решений. «Против тех решений съезда,—указывалось в «Обращении»,—которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы—против всякого рода раскола. Мы стоим за подчинение решениям съезда». И далее: «к такому подчинению и к такой идейной борьбе мы зовем всех наших единомышленников» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 173).

Фракционная борьба в период 1 Гос. думы. «Мы переживаем, — писал В. И. Ленин в начале мая 1906 года, — начало нового общественного подъема. И движение безработных, и первое мая, и усиление брожения в крестьянстве, в войсках, и митинги, и печать, и союзы—все свидетельствует о новом подъеме самым недвусмысленным образом» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 232). В такой обстановке работала 1 Госуд. дума. В такой обстановке развернулась фракционная борьба между меньшевиками и большевиками после Стокгольмского съезда. Еще до окончания работ съезда было получено известие, что в Думу оказались избранными несколько рабочих. В Думе они частью вошли в состав фракции трудовиков, но под влиянием политической борьбы шаг за шагом стали оформляться в особую рабочую группу. Когда прибыли депутаты с.-д. с Кавказа и из Сибири, в Думе организовалась с.-д. фракция в составе 17 депутатов. Право-оппортунистическая линия меньшевистского ЦК и меньшевистский состав с.-д. думской фракции наложил резкую печать оппортунизма на всю деятельность фракции.

В ответ на тронную речь кадетское большинство Думы приняло ответный адрес, основная мысль которого состояла в том, «что только единение царя с народом является источником законодательной власти». «Общая идея автора адреса,—говорил в Думе один из трудовиков, оценивая кадетский проект,—идея смирения». Вместо резкой отповеди и политической демонстрации члены рабочей группы лишь воздержались от голосования.—31 (18) мая, после правительственного ответа Госуд. думе, рабочая группа обратилась с воззванием к рабочим, в котором подчеркивала, что нужно «стремиться к тому, чтобы Дума подготовила созыв Учредительного собрания» (Ленин, Соч., том XI, стр. 473, приложения). Во время обсуждения вопроса о помощи голодающим крестьянам рабочие депутаты, на сей раз уже члены с.-д. фракции, снова допустили ошибку. При голосовании объединенной резолюции кадетов и трудовиков соц.-дем. не выступили с критикой и не предложили своей особой резолюции. 29 (16) июня с.-д. думская фракция обратилась с декларацией к рабочим, в которой изложила задачи с.-д. партии. В центре декларации лежала меньшевистская мысль, что «Госуд. дума может явиться центром общенародного движения против полицейского самодержавия...» (Стенографич. отчет, т. II, стр. 1405). Как раз в противовес этой идее Ленин писал в своем контрпроекте: «В союзе пролетариата с широкими массами городской и сельской бедноты видим мы залог новой победы ре-

волюции. Гос. дума есть непригодное учреждение для осуществления и закрепления этой победы. Только созванное революционным путем... Учредительное собрание в состоянии будет провести в жизнь полную свободу... Гос. дума должна разъяснить народу все бессилие и всю жалкую роль „народного представительства", как новой ширмы старого самодержавия...» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 57—58).

Следующей ошибкой была позиция фракции в вопросе о думском министерстве, о котором за спиной у народа изменнически шушукались кадеты с ген. Треповым и Столыпиным. Центральный Комитет принял резолюцию, с которой и обратился к партии, предлагая принять ее в основу думской тактики. «Будем поддерживать Думу,—гласил основной пункт резолюции,—во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой, видя в такой замене условие, способствующее созыву Учредительного собрания» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 474, приложения). Петербургский комитет принял резолюцию против думского министерства, с разоблачением сделок кадетов, с призывом к рабочим массам организовать революционное давление на Думу. Резолюция была принята 12 гол. против 9, подавших мотивированное заявление с протестом против резолюции, с отказом от участия в голосовании и предложением созвать межрайонную конференцию для решения вопроса. По обсуждении конфликта Петербургский комитет принял 13 гол. против 8 вторую резолюцию, с предложением: 1) не приостанавливать проведения в жизнь своей тактической резолюции, 2) созвать конференцию, для чего создать комиссию по выборам. 19 (6) июля Петербургский комитет опубликовал план созыва конференции: вопрос о тактике обсуждается на всех низовых собраниях, выборы происходят по платформам по 1 делегату на каждые 50 участников дискуссии, в целях правильного подсчета голосов и т. п., создаются на паритетных началах районные контрольные комиссии и одна центральная контрольная комиссия. Вопрос о думской тактике перешел на решение с.-д. рабочих.

В дискуссию было втянуто до 4 т. членов партии, при чем 1.760 гол. высказалось за Петербургский комитет, а 950 гол. за резолюцию ЦК. Остальные товарищи послали своих представителей на конференцию в качестве «бесплатформенных». Конференция Петербургской организации, заседавшая в Финляндии с 24 (11) по 26 (13) июня 1906, заслушала доклад Ленина и приняла 37 голосами при 10 воздержавшихся резолюцию, одобрявшую деятельность и политическую линию Петербургского комитета. Несколько позже в Москве состоялась Московская окружная конференция, а затем и областная конференция, представлявшая до 14 т. членов партии. Конференция высказалась против резолюции меньшевистского ЦК, поддержав политическую линию Петербургского комитета. Наконец, в конце июня (18—25) состоялся в австрийской Польше V съезд с.-д-тии Польши и Литвы, представлявший 26 тыс. членов партии, также высказавшийся против оппортунистической линии ЦК. По существу около половины организованных рабочих, если исходить из цифр IV Объединительного съезда, затем самая крупная национальная соц.-дем. организация высказались против линии ЦК, тем самым отметив, что ЦК не отражает мнения партии. На очередь стал вопрос о новом съезде. «Наше внутрипартийное министерство, т. е. ЦК нашей партии,—писал Ленин,—перестало выражать волю партии; его элементарной политической обязанностью является ускорить созыв немедленного экстренного съезда» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 379). Требование созвать новый съезд приняла Петербургская конференция, за созыв нового съезда высказался также V съезд с.-д-тии Польши и Литвы.—Меньшевистский оппортунизм тактики с.-д. фракции 1-й Гос. думы обнаружился и в связи с прениями по аграрному вопросу в Думе. Соц.-дем. думская фракция решила присоединиться к кадетскому обращению по вопросу о земле (в ответ на правительственное сообщение), если там будет выставлен принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель даже в случае отсутствия в обращении указания — с выкупом или без выкупа. Пока выяснялся провал меньшевистской тактики по отношению к Госуд. думе, развитие революции поставило партию перед новым политическим событием — разгоном Думы.

Фракционная борьба в связи с роспуском Гос. думы. В ночь с 21 (8) на 22 (9) июля правительство распустило Думу. В то же время оно не рискнуло отменить самый закон о Думе и обещало созвать новую Думу на 5 марта (20 февраля) 1907. В ответ на роспуск Государственной думы на думском совещании в Выборге депутатам от имени кадетов был предложен проект воззвания к народу, т. н. Выборгское воззвание, в котором депутаты предлагали народу не платить податей и не давать рекрутов правительству. Мера эта, однако, носила условный характер, так как ее предлагалось применять до тех пор, пока правительство не назначит новых выборов в Думу, при чем среди 120 кадетов выделилась большая группа, высказавшаяся против этой меры «пассивного сопротивления», а через три месяца и вся кадетская партия на своем IV съезде отказалась от воззвания.

Соц.-дем. фракция перед роспуском снова допустила политическую ошибку: голосовав против кадетского «обращения» к народу, фракция не обратилась к рабоче-крестьянским массам со своим собственным революционным обращением. Это было сделано уже позже и под давлением революционных событий («Манифест к армии и флоту», «Манифест ко всему крестьянству» и «Ко всему народу», за разными подписями). Колебания, обнаруженные с.-д. думской фракцией после роспуска Думы, явились прямым отражением оппортунистической тактики меньшевистского ЦК. По получении первых известий о роспуске Думы большевистские члены ЦК предложили обратиться с воззванием к рабочим и крестьянам с призывом готовиться к всенародному восстанию за

Учредительное собрание. Лозунг, предложенный большевиками, сводился к следующему: «предвидя в самом близком будущем выступление крестьянства, готовиться и ожидать прямо призыва». ЦК отверг предложение большевиков и принял участие в Выборгском совещании.

После совещания большевистские члены ЦК снова выдвинули идею воззвания, предложив привлечь к его составлению трудовиков и другие революционные организации. ЦК, находившийся целиком под впечатлением «общенационального» фронта, созданного участием кадетов в Выборгском совещании, отверг лозунги большевиков и принял предложение призвать к организации и подготовке всеобщей всероссийской забастовки под лозунгом «возобновление сессии Думы для созыва Учредительного собрания». Ярко выраженный оппортунистический характер лозунга бросался в глаза. Большевики, опираясь на Петербургский комитет, снова опротестовали решение ЦК. Под двойным давлением: изнутри — со стороны большевистских членов, извне—со стороны Петербургской организации, ЦК принимает новое решение: призвать массы не к организации забастовки, а прямо к забастовке, поставив окончательное решение этого вопроса в зависимость от соглашения с другими партиями. Лозунг же старый заменить следующим: «борьба с правительством в защиту Думы в целях созыва Учредительного собрания». На новом заседании ЦК принял резолюцию: «рекомендовать теперь же частичные массовые проявления протеста во всех слоях населения против разгона Гос. думы», тактическим же лозунгом выдвинуть: «за Думу, как за орган власти, к-рый созовет Учредительное собрание». На основе этого решения 27 (14) июля ЦК обратился с письмом к партийным организациям (№ 4). Характеризуя разногласия этого периода, Ленин пишет: «Меньшевики мечутся, высказываясь за немедленную стачку-демонстрацию и за частичные выступления», а «большевики указывают на нелепость демонстрации, стоят за б о л е е п о з д н е е восстание» (Л е н и н, Соч., том X, стр. 195, разрядка автора). Письмо ЦК вызвало резкий отпор со стороны ряда партийных организаций. Петербургский, Курский, Московский окружной, Калужский комитеты, Областное бюро Центрального района, Костромская конференция РС-ДРП и др. приняли резолюции, в которых подчеркивали, что тактика поддержки требования созыва новой или восстановления старой Думы не может быть поддержана революционной с.-д-тией, что задачей ближайшего будущего является вооруженное восстание, а ближайшей целью—образование временного революционного правительства, обязанного созвать Учредительное собрание. В это же время собралась конференция ж. д., созванная для решения вопроса о всеобщей забастовке после роспуска Госуд. думы. Кроме 23 представителей ж. д., на конференции присутствовали представители трудовой группы, ЦК партии с.-р., ЦК РС-ДРП, Бунда, ППС, Крестсоюза и друг. Конференция высказалась против частичных забастовок, но за всеобщую забастовку с целью вырвать власть из рук самодержавия. Проведение этой забастовки, однако, конференция ставила в зависимость от выступления широких народных масс. 30 (17) июля 1906 вспыхнуло восстание в Свеаборге, а в ночь с 1 августа (19 июля) на 2 августа (20 июля)—и в Кронштадте. ЦК решил, что имеет дело с одним из частичных массовых проявлений протеста против разгона Думы, к к-рым он призывал в своем 4-м письме. В тот же день ЦК обратился к пролетариату с призывом к забастовке. В воззвании ЦК не подчеркнул, что забастовка должна перерасти в восстание, напротив: он тщательно избегал этой связи, всячески подчеркивая демонстративный характер забастовки. Петербургский же комитет решил объявить забастовку для расширения и углубления восстания и 3 августа (21 июля), обратившись непосредственно к районным советам, в тот же день начал забастовку. Одновременно в ночь с 2 на 3 августа (20—21 июля) собралось межпартийное совещание из представителей ЦК, Бунда, ППС, эсеров и Исполнительного комитета трудовой группы и соц.-дем. фракции. Совещание отвергло точку зрения ЦК и обратилось с воззванием «Ко всему народу» с призывом к забастовке и к низвержению царского правительства. Собрание категорически отвергло также лозунг ЦК «за Думу»: «Не безвластная Дума, а полновластное Учредительное собрание»...—определил лозунг восстания манифест—«вот цель, которую должен себе поставить народ, и не царские министры, а власть, опирающаяся на революционный народ, должна созвать это Собрание». Среди других подписей на воззвании красовалась и подпись ЦК. Ленин в специальной статье («Политический кризис и провал оппортунистической тактики»), подводя итоги «меньшевистской тактике в критические дни после роспуска Думы», писал, что «трудно себе представить более полный провал оппортунистической тактики, чем пережитый нашим ЦК после роспуска Думы» (Л е н и н, Соч., т. X, стр. 44).

Массовое выступление после роспуска Госуд. думы потерпело неудачу. В Петербурге на второй день бастовало до 80 тыс. рабочих, но крупные заводы не примкнули к стачке. Свеаборгское и Кронштадтское восстания были раздавлены самодержавием. «Свеаборг и Кронштадт,—писал Ленин через месяц после роспуска Гос. думы,—показали настроение войска. Восстания подавлены, но восстание живет, ширится и растет. К забастовке для поддержки восставших примкнули многие черносотенные элементы. Эту забастовку прекратили передовые рабочие, и они были правы, ибо из забастовки выходила демонстрация, а на деле стояла задача великой и решительной борьбы» (Л е н и н, Соч., том X, стр. 25). После роспуска Госуд. думы правительство еще круче завинтило режим массовых репрессий, карательных экспедиций и расстрелов, установив в стране настоящую военно-полицейскую диктатуру. Наряду с этим, оно пускало в ход и «политику пряника», издавая указы о продаже части удельных и казенных земель через посредство Крестьян-

ского банка. Продолжением этой столыпинской политики был указ 9 ноября 1906 о выходе из общины. Характеризуя политику правительства в сентябре, Ленин писал: «С одной стороны — военно-полевые суды. С другой стороны—широко задуманная попытка сделки с деревенской буржуазией» (там же, стр. 60).

Конец 1906, избирательная кампания и фракционная борьба. «1906 г., конец. Большевики признают, что измены буржуазии заставляют пойти в обходный путь, пойти в Думу»,—так писал Ленин в декабре 1906 года (Ленин, Сочинения, том X, стр. 195). Эту позицию Ленин и большевики должны были отстоять против меньшевиков, для которых «пойти в Думу» означало совсем иное, чем для большевиков. Еще в августе, в статье «О бойкоте», Ленин указывал, что «... безусловно отвергая малодушные и близорукие покаянные речи, отвергая глупенькое объяснение бойкота „молодым задором", мы далеки от мысли отрицать новые уроки кадетской Думы» (Ленин, Сочинения, том X, стр. 29). В этой статье он уже ставит прямо и резко вопрос: «с.-д. левого крыла должны подвергнуть пересмотру вопрос о бойкоте Гос. думы» (там же, стр. 26). Меньшевики рассуждали так: «Мы должны использовать представительные учреждения. Дума есть представительное учреждение,—следовательно, бойкот есть анархизм, и надо итти в Думу» (там же, стр. 26). Для большевиков же вопрос о бойкоте есть вопрос конкретный, зависящий от данной политической ситуации. Бойкот Булыгинской думы был предпринят в определенных условиях, точно так же, как и Виттевской думы. В особых конкретных условиях ставится этот же вопрос и в наст. время, во второй половине 1906. «Совсем не в том,—писал Ленин,—теперь суть вопроса, участвовать ли вообще в выборах. Сказать тут: „да" или „нет" значит еще ровно ничего не сказать о коренной задаче момента» (там же, стр. 30), и, дав анализ момента, Ленин приходил к выводу: «Смешно было бы закрывать глаза на действительность. Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во 2-ую Думу, когда (или „если") она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения» (там же, стр. 29). Однако, подчеркивал Ленин, думская кампания попрежнему должна быть подчинена внедумской борьбе. «Думская кампания,—писал он,—есть подчиненная, второстепенная форма борьбы, главной же формой, в силу объективных условий момента, остаются непосредственно революционные движения широких народных масс» (там же, стр. 31). Итак, Ленин уже через месяц—полтора после роспуска кадетской Думы и после неудачи массового выступления признал нужным изменить тактику бойкота.

Через 14 лет, когда весь опыт предыдущей борьбы был подытожен и проверен всем последующим ходом исторического развития, Ленин, возвращаясь к урокам бойкота, писал: «Русский опыт дал нам одно удачное и правильное (1905), другое ошибочное (1906) применение бойкота большевиками» (Ленин, Сочинения, том XXV, стр. 205). В первом случае Ленин имеет в виду Булыгинскую думу, во втором—Виттевскую. В другом месте Ленин снова повторил: «Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот Думы в 1906 г.» (Ленин, Сочинения, том XXV, стр. 183). В эпоху Булыгинской думы, «с исключительной быстротой», как подчеркивал Ленин, нарастало революционное действие масс; либерально-монархическая буржуазия в значительной мере была парализована—именно поэтому бойкот был правильной тактикой и несомненно удался, не допустив созыва реакционной Думы. Иначе сложилась обстановка в эпоху Виттевской думы. Бойкот сыграл большую роль в развитии классов. самосознания пролетариата; бойкот явно помог свалить на кадетов политическую ответственность за неспособность Думы; бойкот, наконец, нанес удар по конституционным иллюзиям. Но основная задача бойкота—сорвать созыв Думы—не удалась.

Означает ли, тем не менее, ошибочность бойкота правоту меньшевиков? Отнюдь нет. Меньшевики звали в Думу для «органической» работы, для блоков с кадетами, «беспримерно» преувеличивали значение Думы, перенося центр тяжести на борьбу парламентскую, «беспримерно» преуменьшая, смазывая и игнорируя значение «главных форм борьбы»—массовую, непосредственно революционную борьбу вне Думы. Для большевиков же действие масс попрежнему оставалось важнее парламентской деятельности, было «главной формой борьбы». Дума же давала возможность соединить «непосредственно революционные движения широких масс с деятельностью революционных представителей в Думе». Ошибка меньшевиков означала сдачу позиций классовому врагу, отказ от гегемонии пролетариата в пользу руководства буржуазии. Это вновь сказалось и в последующей избирательной кампании во 2 Думу. Забегая несколько вперед, мы должны здесь хотя бы чрезвычайно кратко остановиться на ноябрьской большевистской конференции военных и боевых организаций РС-ДРП, к-рая, как правильно указывается в коллективной работе «1905 год» (под редакцией М. Н. Покровского), «свидетельствовала о том, что большевики и после Объединительного съезда стояли на твердой почве необходимости систематической и организованной подготовки всех боевых сил для грядущих выступлений» (см. «Боевая группа при ЦК РС-ДРП», стр. 10). На этой военно-боевой конференции [29 (16) ноября—5 декабря (22 ноября 1906)], созванной по инициативе Петербургской военной организации, присутствовало 19 делегатов с решающим голосом (представлявших 11 военных и 8 боев. организаций) и 9 с совещательным. Конференция заслушала доклады «о бывших попытках вооруженного восстания» и приняла решения по следующим важнейшим вопросам: о текущем моменте, о роли партии в вооруженном восстании (принята на частном совещании), о задачах военных организаций, о задачах боев. организаций и пр. Меньшевистский ЦК весьма сердито «окрик-

нул» эту конференцию, заявив в своем письме к парторганизациям, что конференция была созвана «не только без согласия, но даже вопреки решительному протесту ЦК, находившему какие бы то ни было формы объединения боевых организаций недопустимыми». По этому поводу Ленин в специальной заметке, между пр., подчеркнул: «не хотят ли этим окриком помешать постановке вопроса по существу?» (Ленин, Соч., том XI, стр. 208). И совершенно несомненно, что меньшевистский ЦК, прикрываясь формальными соображениями, по сути дел обнаруживал здесь свое ликвидаторское отношение к вооруженному восстанию — недаром меньшевистскую резолюцию о вооруженном восстании на Объединительном съезде большевики называли «резолюцией против вооруженного восстания». Меньшевистский ЦК вообще явно не справлялся с руководством ни в думской кампании, ни в момент революционных выступлений, что вынудило ряд организаций поставить вопрос о новом экстренном партийном съезде. К этому толкало и изменение в самом составе партии. Вместо 30—31 тысяч, представленных на Объединительном съезде, к октябрю 1906, партия имела в общем ок. 76 тыс., из коих меньшевистский ЦК считал 33 тыс. большевиков и 43 тысячи меньшевиков.

В партию, кроме того, вступили: Бунд—33 тыс., Польская с.-д-тия—28 тыс. и Латышская с.-д-тия—13—14 тысяч; всего, следовательно, ок. 150 тыс. Отнеся поляков и латышей к большевикам, а бундовцев к меньшевикам, ЦК сам дважды заявил, что «обе фракции, вероятно, одинаково сильны по численности» [«Социал-демократ», № 1, 30 (17) сент. 1906], а между тем подавляющее большинство в ЦК принадлежало меньшевикам (7 плюс 2 бундовца против 3 большевиков, 1 латыша и 1 поляка), явно неправильно представляющим всю партию. Мы уже видели, что ряд крупнейших организаций высказался против ЦК, подчеркивая, что политика ЦК по отношению к Гос. думе разошлась с волей большинства партии. Исходя из всех этих мотивов, Петербургский комитет после решения губернской конференции снова поднял вопрос о новом съезде. 15 голосами против 7 при 1 воздержавшемся комитет высказался за немедленный созыв съезда, предложив местным организациям высказать свое мнение о необходимости съезда. К этому требованию присоединились: Главное правление с.-д-тии Польши и Литвы—во исполнение решения V съезда своей партии, и Областное бюро с.-д. организаций Центральной России, выполнявшее решение незадолго перед тем состоявшейся областной конференции. ЦК попытался с самого начала положить конец кампании. 1 сент. (19 августа) 1906 он опубликовал письмо к партийным организациям, написанное Аксельродом, в котором выступил с протестом против созыва съезда. На помощь ЦК выступил также Плеханов. В № 8 своего «Дневника социал-демократа» Плеханов опубликовал статью, в к-рой присоединился к основным доводам Аксельрода (Плеханов, Соч., том XV, стр. 323). Увиливание ЦК от постановки вопроса о съезде, притом выраженное в таком открытом виде, усилило агитацию за созыв съезда. К окт. 1906 к прежде высказавшимся присоединились: ЦК соц.-д-тии Латышского края, Уральский, Нижегородский, Брянский, Минский комитеты, ряд комитетов Сибири—Омский и т. д.

Вопрос о рабочем съезде. Однако, в дискуссии о съезде появился новый элемент—вопрос о «рабочем съезде». Идея «рабочего съезда» была выдвинута Аксельродом в июле 1905 г. («Народная дума и Рабочий съезд», Женева, 1905, 2 изд., СПБ, 1907) как-раз накануне Булыгинской думы. Аксельрод предложил меньшевистск. центру (ОК) созвать небольшую конференцию и от ее имени обратиться к рабочим с планом созыва общероссийского конгресса. «Нам нужно стараться, — писал Аксельрод, — вызвать к жизни широкую рабочую организацию, с центральным клубом во главе..., задачей к-рого явилось бы сплотить местный пролетариат и образовать плотную революционную атмосферу, контролирующую и диктаторствующую над Гос. думой» («Народная дума...», стр. 23).

«Рабочий съезд», так. образ., должен был стать тем политическим центром, с помощью которого меньшевики выполняли бы свою тактику подталкивания буржуазии к власти. Но в этом предложении была еще одна мысль, к-рую в тот период Аксельрод еще не выдвигал на первый план: рядом с «общим рабочим съездом» должен был заседать и с.-д. съезд «из членов общего съезда, разделяющих нашу программу, плюс представители наших партийных организаций, для реформирования всей партии». «Рабочий съезд», по мнению Аксельрода, должен был послужить базой для реорганизации всей партии. Подъем революции смел Булыгинскую думу, а вместе с ней и все аксельродовско-меньшевистские хитросплетения. Осенью 1906 вновь всплыла идея «рабочего съезда», при чем на этот раз в дискуссии стали выпячивать «рабочий съезд» именно как средство разрешения «партийного кризиса». Среди меньшевиков в общем наметилось 2 группы: «питерцы» и «москвичи». Первые, ближайшие сторонники Аксельрода, ухватились за идею как спасение от фракционной борьбы (нужна не «партия-аппарат», а «партия-авангард», «партия европейского типа»). «Москвичи» отличались от «питерцов» тем, что шли дальше по пути ликвидации партии: в то время как «питерцы» признавали все же необходимым оставление инициативы «рабочего съезда» в руках партии, «москвичи» настаивали на создании «внепартийного всероссийского съезда». Но оба «проекта» означали одно и то же — ликвидацию революционной пролетарской партии (см. «Всероссийский рабочий съезд». Сборник статей, издательство «Организация», М., 1907).

Меньшевистский ЦК отнесся сначала отрицательно к этой идее, но, когда большевики выступили с требованием созыва экстренного партийного съезда, а Плеханов посоветовал выдвинуть в противовес съезду партии «рабочий съезд», ЦК пошел на этот план. Ликвидаторская идея Аксельрода встретила дружную поддержку среди либеральной буржуазии, среди синдикалистских элементов, выпустивших ряд сборников, и даже среди

черносотенных рабочих организаций, руководимых агентом Зубатова М. А. Ушаковым. Именно эти элементы подхватили идею «рабочего съезда». — Естественно это вызвало дружный отпор партии. Петербургский комитет уже в самом начале дискуссии принял резолюцию против «рабочего съезда». «При данном политическом положении,—говорил один из пунктов резолюции, — при широко распространенном стремлении связывать воедино разнородные классовые элементы, эта агитация практически всего более служит на пользу как мелкобуржуазным направлениям, стирающим различие между пролетариатом и мелкими производителями («Трудовая группа», «трудовая народно-социалистическая партия», с.-р. и т. д.), так и настоящим врагам пролетариата («ушаковцы» и им подобные)» [«Пролетарий», № 3, 21 (8) сентября 1906].

2-я конференция организаций Центрального района, происходившая в сент. 1906, также признала «агитацию за беспартийный съезд вредной демагогией, отвлекающей сознательных рабочих от задач сплочения и укрепления с.-д. партии и сбивающей с толку несознательную массу посредством неисполнимых и невозможных обещаний» [«Пролетарий», № 4, 2 окт. (19 сент.) 1906]. Ряд рабочих собраний подавляющим большинством высказался против идеи «рабочего съезда», требуя запрещения агитации в его пользу. Попытка ЦК уйти от вопроса о партийном съезде при помощи антипартийной идеи ликвидации партии явно провалилась. Под усиливающимся давлением низовых организаций ЦК решил созвать всероссийскую партийную конференцию.

Первая всероссийская конференция (ноябрь 1906). Конференция собралась в гор. Таммерфорсе и заседала с 16(3) по 20(7) ноября 1906 года. На конференции присутствовали 32 делегата с решающими голосами (в том числе Бунд—7, поляки—5, латыши—3, Петербург—1, Центральный район с Москвой — 4, Поволжье—1, Донбасс—2, Северо-Западный союз—1, украинская с.-д. организация Спилка—1, Киев—1, Одесса—1, Сев. Кавказ—1, Юж. Кавказ—3, Средняя Азия—1; кроме того, не явились 2 делегата от Урала и Сибири) и с совещательными— члены ЦК и редакции ЦО «Социал-демократ». В порядок дня конференции были включены следующие вопросы: 1) избирательная кампания, 2) партийный съезд, 3) рабочий съезд, 4) борьба с черной сотней и погромами и 5) партизанские выступления. До конференции по первому вопросу сложились две точки зрения. В брошюре «С.-д-тия и избирательные соглашения» Ленин писал, что «исходным пунктом общей избирательной тактики с.-д-тии должна быть полная самостоятельность классовой партии революционного пролетариата», и далее: «общее положение о необходимости союза пролетариата и революционного крестьянства ведет, т. о., к признанию необходимости лишь частных соглашений (по типу: с трудовиками против кадетов) на высших стадиях избирательной системы»... (Л е н и н, Соч., том X, стр. 145). То же самое положение было сформулировано Лениным в виде такого конкретного указания: «никаких безусловно соглашений на низшей стадии, в агитации перед массами; на высших стадиях все усилия направить к тому, чтобы при распределении мест разбить кадетов посредством частного соглашения с.-д. и трудовиков, разбить энесов посредством частного соглашения с.-д. и эсеров» (Л е н и н, Соч., т. X, стр. 135—136). Среди меньшевиков оказалось несколько течений по вопросу об избирательных соглашениях. Н. Череванин, стоявший на крайнем фланге меньшевизма, выступил со статьей [«Наше Дело», № 1, 7 окт. (24 сент.) 1906], в к-рой назвал «безумием» попытку пролетариата выступить совместно с крестьянством в борьбу с правительством за Учредительное собрание. Пролетариат может остаться в одиночестве, если не поймет, что он «должен бороться за Думу, должен был поддержать кадетов в их борьбе с правительством». Отсюда Череванин сделал вывод о необходимости блока с кадетами на выборах, даже не различая стадий. Против Череванина выступил Ю. Мартов [«Товарищ», № 81, 20(7) октября 1906], ссылаясь на полный запрет IV съездом каких бы то ни было блоков. Череванина поддержал Плеханов [«Товарищ», № 101, 13 ноября (31 октября); П л е х а н о в, Соч., т. XV, стр. 331]. Он выступил с «Открытым письмом к сознательным рабочим». Выступление Плеханова положило конец колебаниям среди меньшевиков. ЦК выступил в своем органе с передовой статьей, в к-рой признал допустимым блоки на низшей стадии [«Социал-демократ», № 5, 9 ноября (27 окт.) 1906]. Затем Мартов прислал письмо в цекистский орган [«Социал-демократ», № 7, 1 дек. (18 ноября) 1906] с заявлением о своем согласии с Плехановым и Череваниным. В начале этих оппортунистических зигзагов меньшевистского ЦК Ленин писал, что «теперь оказалось, что наш ЦК повернул к Череванину, или, по крайней мере, поколебался», и призывал: «пусть же сплотятся все революционные с.-д. и объявят беспощадную борьбу оппортунистической смуте и шатаниям» (Л е н и н, Сочинения, том X, стр. 146). А в отношении плехановской позиции Ленин заявил, что в своем «Открытом письме» Плеханов «окончательно порывает и с принципами международной революционной соц.-д-тии и с решениями Объединительного съезда партии» (т а м ж е, стр. 147). К конференции меньшевики пришли единой сплоченной группой с предложением блоков с кадетами. На конференции меньшевики 18 голосами против 14 приняли резолюцию, § 4 к-рой допустил блок с кадетами: «во всех остальных куриях (кроме рабочей. *А. Б.*), если в ходе избирательной кампании выясняется опасность прохождения списков правых партий, допустимы местные соглашения с революционными и оппозиционно-демократическими партиями, соответственно местным условиям, под общим контролем центральных учреждений».

14 делегатов (7 большевиков, 4 поляка, 3 латыша) внесли на конференцию особое мнение, в к-ром развили план Ленина: запрещение соглашений на низшей стадии, разрешение частных соглашений на высшей. «При этом,—подчеркивалось в особ. мнении,—

с.-д-тия различает в отношении демократической последовательности и решительности следующие основные типы буржуазных партий: а) эсеры, ППС и подобные им республиканские партии; б) энесы и трудовики подобного типа; в) кадеты» (Ленин, Соч., т. X, стр. 151). К резолюции конференции по предложению Ленина был принят особый пункт «по вопросу о единстве избирательной кампании на местах». «Конференция,—гласил этот пункт,—выражает свое убеждение, что в пределах одной и той же организации для всех ее членов обязательно проводить все касающиеся избирательной кампании решения, принятые компетентным органом местных организаций в пределах общих директив, при чем ЦК может запрещать местным организациям выставлять не чисто с.-д. списки, но не должен обязывать их выставлять не чисто с.-д. списки» (Ленин, Соч., т. X, стр. 439). По второму пункту дня конференция приняла резолюцию о созыве съезда не позже марта 1907 года. Наконец, по вопросам о «рабочем съезде» конференция без обсуждения приняла резолюцию, в которой категорически запретила какие бы то ни было активные шаги по организации съезда, но допустила дискуссию в партийной прессе, только в чисто принципиальных границах. Буквально через две недели после конференции Плеханов выступил в печати с предложением, далеко оставляющим оппортунистические решения конференции. 7 декабря (24 ноября) 1906 Плеханов выступил, сделав в печати предложение единой платформы с кадетами под лозунгом «полновластная Дума». Меньшевистский ЦК увильнул от того, чтобы призвать Плеханова к порядку. Поведение ЦК в деле Плеханова, явно приближавшегося к кадетам, развязало руки всем оппортунистическим элементам в партии.

Раскол в Петербургской организации. Еще резче сказался оппортунизм меньшевистского Центрального Комитета в предвыборной кампании в Петербурге, имевшей колоссальное значение для всей России. Началась массовая кампания, в которой меньшевики вслед за кадетами выступили с лозунгом против черносотенной опасности. Первые же дни кампании показали, что черносотенная опасность—кадетская выдумка, пущенная в ход для уловления левых голосов. Петербургский комитет в целях выработки единой линии для всей организации назначает конференцию на 19(6) января 1907, требуя выбора делегатов по платформам, т. е. после обязательной дискуссии вопроса о выборной тактике. Как только выяснилось настроение низовых членов партии, ЦК поспешил выработать меры, мешающие победе большевистской точки зрения, предложив конференции разделиться на две части (городскую и губернскую). Как только собралась конференция в составе 71 делегата (40 большевиков и 31 меньшевик) и приступила к работе, представитель ЦК предложил ей разделиться на 2 части—одну по городу Петербургу, вторую по губернии. Конференция отвергла это предложение. Тогда представитель меньшевистского ЦК заявил, что решения конференции не носят обязательного характера для Петербургской организации. Это послужило поводом для заявления меньшевистских делегатов об отказе принимать участие в работах конференции и уходе их с конференции. Оставшиеся большевики приступили к обсуждению избирательной тактики. Среди большевиков наметилось два течения, оба высказавшиеся против блоков с кадетами: одни, стоявшие за полный отказ от всяких блоков, и другие, во главе с Лениным, выступавшие за временный «левый блок» с трудовиками. Конференция приняла ленинское предложение. Было принято постановление: 1) сообщить немедленно Петербургскому комитету партии соц.-рев. и Комитету трудовой группы, что Петербургский комитет РС-ДРП готов войти в соглашение с ними под условием незаключения ими никаких соглашений с кадетами; 2) условия соглашения: полная самостоятельность соглашающихся партий в отношении лозунгов, программ и тактики вообще. Распределение 6 мест в Думе след. обр.: два места—рабочей курии; два—с.-д., одно—с.-р. и одно—трудовикам. К резолюции конференция приняла примечание относительно партии энесов: «исходя из того факта, что позиция этой партии является уклончивой в отношении к основным вопросам внедумской борьбы, конференция считает допустимым соглашение с с.-р. и трудовиками при отсутствии соглашения между ними и партией энесов».—Ушедшие с разрешения и по прямому подстрекательству ЦК меньшевики (31 ч.) вернули Петербургск. организацию к тому исходному положению, какое существовало до Объединительного съезда—к расколу. Ушедшие меньшевики избрали постоян. исполнительный орган, а оставшуюся часть конференции объявили частным фракц. совещанием, решения к-рого не обязательны для Петербургской организации. Исполнительный орган меньшевиков вступил немедленно в переговоры с объединенными народниками и кадетами, чем вскрыл основную причину раскола: дело не в формальностях, в нежелании Петербургской организации разделиться по требованию ЦК на две части — дело в стремлении меньшевиков к блоку с кадетами. Большевикам необходимо было показать всю гнилость всех этих переговоров, скрывавшихся от широких масс, сорвать с них тайну и разоблачить перед рабочими и трудящимися. С этой целью Ленин написал брошюру: «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика». В брошюре Ленин решительно заклеймил торгашескую политику меньшевиков. «Меньшевики,—писал он,—торговались с кадетами,—чтобы протащить своего человека в Думу, вопреки рабочим, при помощи кадетов,—вот в чем состоит простая разгадка всех этих странствований от с.-д. к мелкобуржуазному блоку, от мелкобуржуазного блока к кадетам» (Ленин, Соч., т. X, стр. 307).

На резкое выступление Ленина, нашедшее отклик в рядах организации, ЦК реагировал совсем по-иному, чем по отношению к Плеханову: найдя, что брошюра Ленина вносит «смуту в ряды пролетариата, подвергая заподозреванию политическую честность членов партии», ЦК предал Ленина партийному

суду. Такое поведение ЦК вызвало резкий отпор в Петербургской организации. Суд имел два заседания. На первом Ленин подал заявление со встречным обвинением Дану и 31 меньшевику, которое суд переслал в ЦК. На втором заседании Ленин произнес «защитительную», вернее—обвинительную против меньшевистской части ЦК речь, в к-рой, рассказав подробно все предательские шатания меньшевиков в избирательной кампании и раскол, фактически примененный ими на конференции, изложил свое понимание методов и предела внутрипартийной борьбы, сохранивших всю свою руководящую силу и поныне. «Раскол,—писал Ленин,—есть разрыв всякой организационной связи, переводящий борьбу взглядов с почвы воздействия изнутри организации на почву воздействия извне организации, с почвы исправления и убеждения товарищей на почву истребления их организаций, на почву возбуждения рабочей (и вообще народной) массы против отколовшейся организации. То, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии». И далее: «Мне говорят: вы вносили смуту в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, к-рая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, и я всегда буду поступать таким образом при расколе». (Ленин, Соч., т. XI, стр. 220—21). Пока, однако, продолжался суд, так и не кончившийся, избирательная кампания проходила при продолжающихся обострениях, открывая все новые последствия меньшевист. тактики. По рабочей курии с.-д-тия выступала без всяких блоков, полагая, что в пролетарской среде вряд ли какая иная партия рассчитывает на какой-либо эффект. Но действительный ход событий не оправдал расчетов: по рабочей курии много голосов получили с.-р., сумевшие по губернской рабочей курии провести 4 из 10 выборщиков. Оппортунистическая политика меньшевиков отталкивала рабочих к с.-р. «Революционная буржуазная демократия пасовала перед революционной с.-д-тией, побеждая на деле только тех, кто плетется в хвосте нереволюционных буржуа, кто стоит за блоки с кадетами» (Ленин, Соч., т. X, стр. 334), так писал Ленин о победе с.-р., призывая революционной работой исправить урон, понесенный с.-д-тией по губернской рабочей курии. По городу большевикам удалось преодолеть колебания меньшевиков и получить всех 14 выборщиков с.-д., т. е. всего по рабочей курии получить 20 мест из 24. По городской курии Петербурга большевикам удалось заключить «левый блок» 7 февраля (25 января). Выборы состоялись 20 (7) февраля, при чем кадеты получили 28.798 голосов, «левый блок» — 16.703, октябристы — 16.613 и монархисты—5.270. «Левый блок» победил только в одном районе, в других районах ему нехватило от 99 голосов до 368. Всего для победы над кадетами «левому блоку» по пяти районам нехватило 1.573 голосов. Победа «левого блока» была сорвана меньшевиками, сначала ведшими переговоры с кадетами, а затем призвавшими из-за черносотенной опасности к воздержанию от голосования. Во 2-ю Думу с.-д-тия провела 65 депутатов. Подводя общие итоги, «по каким практическим вопросам политики раздробились между собой большевики и меньшевики за эти два года революции», Ленин писал: «Булыгинская дума осенью 1905 г.: большевики за бойкот, меньшевики за участие. Виттевская дума—то же. Политика в 1-й Думе (лето 1906 г.): меньшевики за лозунг: ответственное министерство, большевики против: они за Исполнительный комитет левых, т. е. с.-д. и трудовиков. Разгон Думы (июль 1906 г.): меньшевики выдвинули лозунг «за Думу, как орган власти, созывающий Учредительное собрание», большевики отвергают это либеральное искажение революционного лозунга. Выборы во 2 Думу (конец 1906 г. и начало 1907 г.): меньшевики за „технические блоки“ с к.-д. (а Плеханов за политический блок с платформой „полновластная Дума“), большевики против блоков с к.-д. и за самостоятельную кампанию с допущением левого блока». Ленин при этом подчеркивает, что «общий теоретический анализ большевиков подтвержден двумя годами революции», т. к. «с.-д-тии пришлось итти против предательского либерализма, пришлось „бить вместе“ с трудовиками и народниками» (Ленин, Сочинения, том VIII, стр. 412—13).

1907 в революционном движении. В замечательной статье «Против бойкота» (июнь 1907) Ленин писал, что «теперь перед нами две полосы в развитии русской революции выступают с полнейшей ясностью. Полоса подъема (1905 г.) и полоса упадка (1906—1907)» (Ленин, Соч., том XII, стр. 26). При этом Ленин отмечал, что сначала мы имели «линию короткого, но необыкновенного широкого и головокружительного подъема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с Декабрьского восстания 1905 г.» (там же, стр. 30). Этот упадок со всей резкостью обозначился в 1907, особенно во второй половине этого года. Рабочее движение, несмотря на ряд выступлений, все еще чрезвычайно высоких по своему напряжению, резко шло вниз. Среди металлистов в 1905 бастовало 811 тыс., а в 1907—193 тыс., а среди текстилей—1.296 тыс. и 302 тыс. В 1907 число стачек, кончавшихся в пользу рабочих, равнялось 16,2%, взаимной уступкой—26,1% и в пользу хозяев (против рабочих) целых 57,6%. В своей статье Ленин останавливался на подготовлявшейся в то время всеобщей стачке текстилей Центрально-промышленного района, на к-рую возлагались большие надежды с точки зрения развития нового подъема движения. Ленин весьма внимательно относился к этим соображениям, подчеркивая «начало нек-рого частного подъема» и обязанность большевиков «приложить все усилия» к тому, чтобы превратить его «в общий революционный подъем». Но, как известно, эта стачка не оправдала возлагавшихся на нее надежд и кончилась неудачей. «Частный подъем» пошел не вверх, а наоборот, сделал скачок вниз, сошел на-нет. Крестьянское движение в 1907 резко падает. Осенью 1906 число уездов, охваченных дви-

жением, опускается до 14%. «С осени 1906,—читаем мы в одном исследовании,—движение быстро идет на убыль и к концу 1907 г. совсем сходит на-нет» (см. Мороховец Е., «Крестьянское движение и с.-д-тия в эпоху первой русской революции», стр. 9). Военно-полицейский аппарат беспощадно подавляет вспыхивающие частичные военные восстания, к-рые не встречают уже широкого отклика и поддержки со стороны рабочего движения. Ленин в своей статье указывает на военные восстания в Киеве и в Черноморском флоте (*июнь 1907*), *к-рые не встретили* «никакого массового отклика». Но, давая оценку политического положения к осени 1907, Ленин рассматривает его и с точки зрения соотношения между прямым революционным путем и конституционно-монархическим «зигзагом»... В 1905 «монархически-конституционный поворот истории,—пишет он,—был не более, как полицейским посулом. Теперь же этот поворот—факт» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 30). Ленин предупреждает: «было бы смешной боязнью правды нежелание прямо признать этот факт», и одновременно он особо подчеркивает: «и было бы ошибкой выводить из признания этого факта признание того, что русская революция закончена». Он беспощадно клеймит «безнадежных филистеров» и «тупых педантов», к-рые могут «хихикать над тем, кто до конца боролся за прямой путь». Ленинская оценка политического положения в каждый данный момент и учет общей перспективы всего движения в целом в течение третьего года первой русской революции нашли свое отражение и в отношении большевиков ко 2 Гос. думе, к-рая работала в первой половине 1907, и в отношении к 3 Гос. думе, к-рая возникала и работала уже в обстановке вполне определившегося «зигзагообразного поворота» истории.

2 Гос. дума и с.-д. думская фракция. 2 Дума собралась, как и было намечено манифестом, 5 марта (20 февраля) 1907 года и работала по 15 (2) июня 1907 года. Участие в выборах соц.-д-тии и эсеров, отказавшихся от бойкота, более глубокое классовое расслоение среди населения, вовлечение в политику новых слоев рабочих и крестьян, разгул военно-полицейских репрессий, толкавший в революцию все новые группы населения,—все это определило более резкую дифференциацию политических партий в Думе. Из 478 делегатов оказалось: монархистов, октябристов и т. п. во 2 Думе—54, в 1-й—26; центр (кадеты и примыкающие к ним)—99 и 197, трудовиков—104 и 94, энесов—16 и 0, эсеров—37 и 0, с.-д.—65 и 17, беспартийных—50 и 100, и т. п. Крайние фланги в Думе выросли, гл. о., за счет кадетов. В Думе кадеты стали на путь сговора с самодержавием, отказавшись от требования думского министерства, сделав своей тактикой «бережение» Думы во что бы то ни стало. Кадеты с такой тщательностью избегали обострения конфликтов с самодержавием, что даже добились похвалы Столыпина за поддержку его против революционных партий при обсуждении продовольственного вопроса. Ход революции сказался и на народнических партиях. Известный поворот вправо верхушки крестьянства под влиянием уступки части казенных, удельных и т. д. земель, с другой стороны — под влиянием классовой борьбы в деревне, вызвал и соответствующий процесс среди народников: энесы фактически превратились в полукадетов, среди эсеров выросло правое крыло, заставившее всю партию на II съезде эсеров стать на путь соглашения с кадетами и отказа от террористической деятельности. Народники в Думе, особенно трудовики, колебались между кадетами и с.-д., то и дело сползая на кадетские рельсы. С.-д. депутаты *образовали немедленно после открытия* Думы свою фракцию, при чем депутаты, кандидатуры к-рых были выставлены партийными комитетами, получили решающие голоса,—54 товарища, остальные—11—совещательные голоса. Из 54 депутатов оказалось меньшевиков 33, большевиков—15, и по 3 примыкающих к большевикам и меньшевикам. $^3/_5$ большевистских депутатов прошли по рабочей курии, а $^2/_5$—по городской; от крестьян и землевладельцев прошли только меньшевики. К этому следует прибавить, что большевистские депутаты прошли, гл. образ., от крупных промышленных центров, как Петербург, Урал и т. п. Фракция разбилась на целый ряд комиссий—аграрная, бюджетная, хозяйственная и т. п., куда, наряду с депутатами, были допущены в качестве сведущих лиц в помощь депутатам специальные эксперты. Обычно в состав последних приглашались партийные литераторы и теоретики. Любопытно при этом отметить, что меньшевики не допустили Ленина как эксперта ни в одну комиссию. Во главе фракции стоял комитет из 7 лиц, руководивший всей работой фракции вместе с 5 представителями Центрального Комитета.

Преобладание меньшевиков во фракции сказалось на всей политике фракции, тем более, что большевистские депутаты в силу партийной дисциплины вынуждены были проводить ту линию, какую намечало меньшевистское руководство. Оппортунизм меньшевиков проявился при первых же шагах думской деятельности. В целях координации деятельности думской оппозиции было решено организовать информационное бюро из представителей отдельных фракций. Вопреки предложению большевиков—создать бюро только совместно с трудовическими группами—меньшевики настояли на включении в бюро представителей всех оппозиционных групп, т. е. и кадетов. Вторую ошибку фракция допустила по вопросу о совещании оппозиционных фракций. 3 марта (18 февраля) фракция 23 голосами против 13 большевиков постановила принять участие в совещании депутатов, созываемых кадетами. На совещании, кроме кадетов, присутствовали также представители явно контрреволюционной польской партии народовцев, применявшей террор по отношению к рабочему движению в Польше. Меньшевики, однако, пошли дальше: они приняли участие на этом совещании в переговорах о выборе думского президиума, высказавшись за кандидатуру кадета Ф. А. Головина в председатели Думы. Фракция повела за собой и трудовиков, мотивируя свои голосования опасением победы правых. Сле-

дующий шаг меньшевиков особенно резко вскрыл оппортунистический характер фракции. В ожидании тронной речи фракция занялась подготовкой ответа, в к-ром предполагалось развернуть программные требования партии. В числе ряда ультимативных требований—8-часовой рабочий день, свобода слова, печати и т. п.—фигурировало и требование конфискации всей земли без выкупа. Этому последнему требованию при этом не только не был придан ультимативный характер, а, напротив, по предложению меньшевиков в целях сохранения единства в рядах оппозиции, т.е. с кадетами, в случае протестов среди кадетов и трудовиков, предполагалось дать ей явно кадетскую формулировку: «принудительное отчуждение всей земли в пользу крестьян». Намерение это оказалось невыполненным, так как Николай II отказался от тронной речи, поручив прочесть правительственную декларацию Столыпину. Но в ответ на декларацию меньшевистское большинство все же успело проявить свою оппортунистическую сущность: ответ был составлен в духе, приемлемом для всей оппозиции, для чего меньшевики ни звука не сказали о социализме, позабыли упомянуть о значении Учредительного собрания, но зато выставили кадетский лозунг о «подчинении исполнительной власти Думе», а по аграрному вопросу выдвинули расплывчатый лозунг «разрешения земельного вопроса», под к-рым подписались бы партии и правее кадетов.

Из др. ошибок фракции следует назвать поведение фракции во время дебатов по аграрному вопросу, когда комитет фракции решил ограничиться критикой только правительственного проекта и только поведение кадетов, начавших дебаты с критики с.-д-тии вынудило и фракцию принять предложение большевиков о необходимости разоблачения помещичьего характера кадетской аграрной программы. Оппортунистическая политика и сползание фракции на кадетские позиции встретили резкий отпор пролетариата, гл. обр. петербургского, руководимого Петербургским большевистским комитетом. Петербургский комитет в начале марта 1907 принял резолюцию, выражавшую сожаление по поводу посещения фракцией кадетского собрания и голосования за кадетского кандидата в председатели. Вместе с тем «Петербургский комитет настойчиво предлагает как представителю петербургских рабочих, так и всем революционным с.-д. думской фракции сделать все зависящее от них для прекращения политики поддержки гегемонии кадетов».

7 апреля (25 марта) началась конференция Петербургской организации РС-ДРП, которая заслушала доклады депутатов Алексинского и Петрова и приняла резолюцию, одобряющую деятельность большевиков во фракции в Думе и призывающую последнюю занять правильную позицию. Против резолюции голосовало 20 меньшевиков, вынесших протест и особое мнение по поводу резолюции. Кроме доклада о фракции, конференция рассмотрела еще ряд вопросов. В выборах приняло участие 7.332 члена организации, из коих 5.166 высказалось за большевиков и 2.156—за меньшевиков, т. е. конференция, выборы на к-рую происходили под наблюдением особой комиссии ЦК, подтвердила подавляющее преобладание большевиков в организации. Конференция перестроила всю организацию на принципах, предложенных большевиками. Конференция произвела также выборы делегатов на V партсъезд. Ни решение ПК, ни постановление Петербургской конференции не выправили линии фракции: она продолжала свою политику шатания, скатываясь на позицию участия в думской органической работе. Выправить ее линию мог только новый съезд путем изменения всей политики руководящего штаба партии, Центрального Комитета.

V партийный съезд. Лондонский съезд РС-ДРП заседал с 13 мая (30 апреля) по 1 июня (19 мая) 1907 года. В силу чрезвычайно обостренной фракционной борьбы мандатная комиссия продолжала работать почти до самого конца съезда, чем и объясняется непостоянное число голосов: начав с 279, съезд закончил заседания с 302 [по данным Лядова, «Лондонский съезд РС-ДРП в цифрах», в сб. «V съезд партии (Лондонский)», изд. «Моск. Рабочий», М., 1923] решающими голосами и 37 совещательными, в т. ч. 10 депутатов Думы. Всего на съезде было представлено ок. 150 тыс. членов партии, из коих на долю большевиков пришлось 46 т., меньшевиков — 38 тыс., бундовцев—26 тыс., поляков — 25 тыс., латышей—ок. 14 т., сообразно чему разбились и голоса делегатов: большевиков — 81 — 90 (минимальное и максимальное число голосов), меньшевиков — 80 — 85, бундовцев—54—56, поляков—39—45, латышей—25—26. На съезде национальные организации пытались играть роль «центра». Роль «центра» проявилась особенно при обсуждении всякого рода организационных вопросов, например, при отчете ЦК. По мере перехода к принципиальным вопросам и все большего выявления на самом съезде оппортунистической сущности меньшевиков, среди «центра» началось в свою очередь расслоение: поляки образовали левый «центр», все чаще примыкавший к большевикам, бундовцы—правый «центр», поддерживавший меньшевиков, и латыши, большинство к-рых также шло с большевиками.

Рис. 7. Церковь, в помещении к-рой происходил V (Лондонск.) съезд РС-ДРП с 30 апреля по 19 мая (с 13 мая по 1 июня) 1907 года.

На съезде присутствовала также группа троцкистов, или, как их называл Троцкий, присутствовавший с совещательным голосом, «внефракционных» с.-д. В большинстве вопросов эта группа поддерживала по существу меньшевиков: Троцкий выступал за меньшевиков против предложения больше-

виков включить в порядок дня съезда текущий момент, Троцкий, несмотря на критику деятельности думской фракции, фактически поддержал меньшевиков. Единственный вопрос, в к-ром Троцкий поддержал большевиков, что и отметил Ленин, был вопрос об отношении к непролетарским партиям, когда Троцкий высказался против блоков с кадетами. Но, высказавшись против кадетской политики меньшевиков, Троцкий при обсуждении резолюции, закреплявшей это отрицание кадетской политики, тормазил ее принятие, пытаясь смягчить ряд формулировок. Короче, Троцкий занял на съезде ту позицию, которая так ярко вскрылась в период «августовского блока»: прикрываясь разговорами об единстве, о борьбе с фракционной нетерпимостью, он на деле скатывался к меньшевикам. Первый фракционный бой разыгрался по вопросу о порядке дня съезда. На съезд было представлено три проекта: ЦК, большевиков и поляков, при чем в каждом из них под тем или иным наименованием фигурировал текущий момент. Но на самом съезде меньшевики, как и на Стокгольмском съезде, предложили снять этот вопрос; поляки предлагали включить его в другой пункт порядка дня, но объективно сыграли на руку меньшевикам. При поддержке примиренцев вопрос о современном моменте революции был снят с повестки дня. Следующий крупный вопрос, вызвавший фракционную борьбу, был отчет ЦК, сделанный Мартовым, к-рый занялся прямым оправданием поведения ЦК и взял под защиту даже самый неудачный шаг ЦК—его призыв к «частичным выступлениям». Мартынов, по существу делавший политический отчет ЦК, в своем выступлении объяснил, почему во всех лозунгах меньшевики держались за Думу. «Мы во всех этих лозунгах,—говорил Мартынов,—исходили из одного политического соображения: народ возлагал большие надежды на Думу, и потому рассчитывать на большое движение народных масс можно в ближайшем будущем только в связи с разгоном Думы» (Протоколы V съезда, стр. 111, Париж, 1909).

В основе всего поведения меньшевиков лежала старая идея о буржуазии, как движущей силе революции. Все тот же Мартынов на съезде защищал оппортунистическую ошибку ЦК, предлагавшего выбросить из обращения к народу от имени Гос. думы слова о конфискации земли, следующ. обр.: «настаивая на вставлении этого слова, мы тем самым сделали бы формулу обращения неприемлемой для кадетов и части трудовиков» (там же, 100). Сохранить во что бы то ни стало фронт с кадетами—таков основной мотив их тактики. В этом свете понятна и та оценка, которую дал Мартынов Выборгскому воззванию: «как бы мы ни относились к Выборгскому воззванию, невозможно отрицать, что оно привлекло к себе внимание всей страны и даже Зап. Европы. Упомянутая же прокламация (т. е. воззвание к армии и крестьянству с призывом к восстанию) прошла совершенно бесследно, и никто о ней не вспомнит, покуда историк не извлечет ее из архива». После продолжительных дебатов, в к-рых оппортунистическая деятельность ЦК подверглась резкой критике также и со стороны поляков, было внесено три резолюции. Резолюция поляков поручала ЦК не позже чем за шесть недель до очередного съезда издавать и рассылать печатный отчет, т. е. поляки явно уклонились от политической оценки ЦК. Вторая резолюция, внесенная большевиками, перечисляя все ошибки ЦК, приходила к выводу, что «деятельность ЦК во многом не соответствовала классовым интересам пролетариата», что «ЦК не был высшим практическим центром партии, а лишь представителем одной ее части..., что ни в один момент своей годичной деятельности нынешний ЦК не выражал воли большинства партии». Третья резолюция была внесена Бундом: «Съезд, выслушав отчет ЦК, переходит через все резолюции к очередным делам». Резолюция эта, к которой присоединились латыши, была принята 143 против 91 большевистского голоса при 48 воздержавшихся поляках. Последние внесли заявление, в котором подчеркнули, что с тактической линией ЦК они не согласны, но от голосования воздерживаются, чтобы принятием резолюции не создать лишний источник трений. Следующий вопрос, к-рый обсуждался съездом,—отчет фракции Гос. думы, сделанный депутатом Церетели. Оппортунистическая деятельность фракции, работавшей под непосредственным руководством ЦК, явилась лишь дополнительным доказательством кадетской политики ЦК. «Польская делегация,—говорил ее представитель,—согласна в общем с критикой большевиков, но она не согласна с их фракционным задором». Поляки поэтому наряду с меньшевиками и большевиками внесли свою особую резолюцию. Съезд решил все резолюции сдать в особую комиссию из 10 товарищей, по 2 от каждой фракции.

При голосовании резолюции комиссии в целом, поляки и латыши (4) высказались за резолюцию, меньшевики и бундовцы (4)—против, большевики (2) воздержались. Съезду пришлось переголосовывать резолюцию по отдельным вопросам, при чем 154 делегата высказались против включения директив, 145 — за и 1 воздержался. Большевики потерпели поражение, как выяснилось позже, голосами части латышей. На заседании большевистской фракции Ленин, оценивая создавшееся положение, говорил: «либо это последние остатки примиренчества, т. е. отсрочка главного боя до того момента, когда будут разбираться принципиальные вопросы, либо же это—начало принципиальности, т. е. окончательный переход голосовавших против включения директив латышей к меньшевикам». Верным оказалось первое предположение: для латышей это было последним проявлением их колебания. На следующем заседании представитель латышей внес следующее предложение: «предлагаю все резолюции о думской фракции отложить до обсуждения вопросов о буржуазных партиях и Гос. думе». Мотивируя это предложение, представитель латышей заявил, что часть делегации голосовала против включения директив, т. к. до обсуждения принципиальных вопросов эти директивы для них казались неясны. Создался чрезвычайно кри-

тический момент. Меньшевики и бундовцы, понимая, что пересмотр вопроса может дать победу большевикам, выступили с резкими протестами против постановки вопроса на голосование. При поименном голосовании 149 делегатов высказались за допустимость постановки вопроса, 148—против, 1 воздержался. Повторное голосование дало 150 за, 147—против, воздержавшихся—2. При голосовании на следующем заседании самого предложения латышей—отсрочить резолюцию—149 высказалось за, 144—против, воздержалось 5, а при вторичном голосовании—149 за, против—144, воздержалось 3. Это голосование создало перелом в работе съезда, после которого преобладание на съезде получили уже большевики, резолюции которых стали с этого момента получать большинство.

Чтобы подчеркнуть недостаточную выдержанность думской фракции, съезд принял еще две дополнительных резолюции. Одну, по предложению бундовцев, «о национальном вопросе в Гос. думе», в к-рой подчеркнул недостаточно внимательное отношение фракции к национальному вопросу и предложил ей впредь «стать на должную высоту». Вторую, по предложению поляков, о польской партии «народовой демократии», той самой, с которой совещалась думская фракция о выборе президиума. Указав на контр-революционную суть этой партии, съезд предложил фракции «неутомимо и беспощадно разоблачать контр-революционную, черносотенную физиономию и деятельность национал-демократов», чем по существу осудил поведение фракции.—Основным вопросом съезда был несомненно вопрос об отношении к непролетарским партиям. Во-первых, это был единственный принципиальный, теоретический вопрос, к-рый удалось большевикам включить в порядок дня съезда и единственный, при обсуждении к-рого можно было дать общие директивы партии. Во-вторых, дискуссия по этому вопросу подводила итог двухлетней борьбе двух тактик, по существу двух партий — мелкобуржуазной меньшевистской и пролетарской большевистской. По этому вопросу было 4 докладчика. На съезде, однако, были вынесены три резолюции, а не две, как предполагалось по ходу прений: большевистская, меньшевистская и польская. Поляки и большевики в резолюции сошлись по всем основным вопросам. Обе резолюции резко подчеркнули два основных момента: 1) классовое обособление пролетариата во имя его социалистич. задач от всех остальных партий, как бы ни были они революционны и даже республикански решительны; 2) соединение с трудовыми партиями против самодержавия и против предательского либерализма. Расходились резолюции только в вопросе о том, давать ли подробную социальную характеристику отдельным группам непролетарских партий, как это предлагали большевики. В комиссии съезда большевистская резолюция собрала 7 голосов за, 7 против, меньшевистская—4 за, 10 против, польская—3 за, 2 против, 9 воздержалось. При переголосовании большевистской и польской резолюций первая собрала 7 за, 7 против, а вторая—7 за, 6 против, 1 воздержался, и была принята за основу. При обсуждении поправок к резолюции, внесенных как большевиками, так и меньшевиками, бундовец внес поправку: «в случае крайней необходимости для борьбы с черносотенной опасностью, допускаются технические соглашения с кадетами». Поправка была принята 8 голосами против 7. Эта уступка, позволявшая меньшевикам под видом технических соглашений протаскивать блоки с кадетами, заставила Ленина отказаться от принятия всей резолюции в комиссии и вынести вопрос на съезд.

На съезде Тышко от имени поляков заявил, что польская делегация снимает свою резолюцию и «поможет теперь провести большевистскую резолюцию, несмотря на крупные ее недостатки, т. к. с основными ее положениями поляки согласны». При голосовании за принятие в основу большевистской резолюции высказалось 163, против—122, воздержалось 8. Меньшевики вместе с бундовцами в дальнейшей дискуссии пытались поправками, всего около 70, протащить каким-либо способом идею допустимости блоков с кадетами, но встречали дружное сопротивление большевиков и поляков. По основному вопросу съезда, определяющему всю дальнейшую тактику партии, была, т. о., принята большевистская резолюция. Это собственно предопределило и всю дальнейшую работу съезда. — По вопросу об аксельродовской идее «рабочего съезда» съездом была принята 165-ю против 94 при 21 воздержавшемся большевистская резолюция, последним пунктом к-рой фактически прекращалась агитация за «рабочий съезд». Съезд признал, что «агитация за беспартийный рабочий съезд, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с с.-д. влиянием на рабочие массы, вредна для классового развития пролетариата».

Дальше съезд 157-ю против 110 при 11 воздержавшихся принял большевистскую резолюцию о Гос. думе. Резолюция состояла из 4 пунктов. В первом подчеркивалась непригодность Думы как средства осуществления интересов широких масс рабочих и крестьян и невозможность осуществления политических свобод парламентским путем, пока реальная власть находится в руках царского правительства; во втором — необходимость критической, пропагандистской, агитационной и т. п. деятельности думской фракции, а не служение непосредственно законодательным целям при помощи внесения законопроектов; особо в этом пункте подчеркивалось подчинение думской борьбы внедумской борьбе пролетариата; в третьем—борьба не только с самодержавием, но и с предательской политикой буржуазного либерализма; в четвертом съезд отвергнул идею «подчинения» исполнительной власти данной Думе (в форме так наз. ответственного министерства), имевшуюся в декларации фракции.—Как видим, резолюция о Госуд. думе давала оценку не только Думе, но и наметила целый ряд директив для думской фракции, что делало излишним особую резолюцию о думской фракции. Именно поэтому, несмотря на всю предыдущую борьбу вокруг отчета думской фракции, съезд теперь

ограничился краткой резолюцией, в к-рой отметил, что фракция «в общем и целом стояла на страже интересов пролетариата и революции», и выразил уверенность, что фракция и впредь «будет служить делу российского пролетариата в согласии с директивами съезда и под руководством ЦК». Съезд принял также резолюцию о партизанских выступлениях.

Особо съезд остановился на профсоюзах. Несмотря на полицейские преследования, к апр. 1907 насчитывалось около 350 союзов, включавших до 250 т. организованных, т. е. платящих членские взносы и т. п., рабочих. Стокгольмский съезд принял резолюцию о профсоюзах, но целый ряд организаций и членов партии истолковывали ее как признание «нейтральности» профсоюзов. Съезд поэтому, подтвердив резолюцию Стокгольмского съезда, подчеркнул особо необходимость «содействия признанию профсоюзами идейного руководства социал-дем. партии, а также установлению организационной связи с ней, и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь». Эта резолюция положила окончательный предел всяким колебаниям в вопросе о «нейтральности» профсоюзов. Из др. резолюций съезда следует отметить принятие устава, к-рый полностью ликвидировал двоецентрие—редакция ЦО назначалась ЦК, и объединение с армянской с.-д-тией.

Последний вопрос, по к-рому на съезде снова вспыхнула фракцион. борьба, при чем национальные организации опять заняли примиренческую позицию, был вопрос о выборах. Съезд наметил в состав ЦК 15 товарищей, из коих 12 выбирались на самом съезде, а 3 делегировались национальными организациями после съезда. Благодаря поведению центра, большевики в ЦК получили 5 голосов, а меньшевики 4, т. е. большевики имели преобладание только в один голос. Однако, упорная борьба меньшевиков и бундовцев, примиренческие настроения среди части поляков и латышей, недостаточное преобладание большевиков в ЦК ставили их перед возможностями новых колебаний, а открытая защита оппортунистических взглядов и прямое противопоставление их взглядам революционной с.-д-тии ставили большевиков перед угрозой раскола, неоднократно к тому же высказываемой меньшевиками на съезде. Все это заставило большевиков наряду с ЦК на одном из закрытых заседаний своей фракции избрать большевистский Центр из 15 товарищей.

Вскоре после Лондонского съезда пролетариат и его партия встали лицом к лицу с новым фактом — с разгоном 2 Госуд. думы и изменением избирательного закона, т. е. с третьеиюньским переворотом. 14 (1) июня Столыпин явился на закрытое заседание Гос. думы и потребовал исключения из Думы всей с.-д. фракции и немедленной выдачи 16 видных с.-д. для предания суду по обвинению в связи с военной организацией и в подготовке восстания. Дума не дала прямого ответа, решив по предложению кадетов сдать вопрос в особую комиссию для проверки обвинения. Формальный отказ выполнить ультиматум Столыпина самодержавие сочло поводом для разгона Думы. 16 (3) июня 1907 был опубликован указ о роспуске Думы и объявлен новый избирательный закон, коренным образом изменивший избирательную систему: представительство крестьян было сокращено наполовину, помещики и буржуазия получили полное преобладание, и без всяких сенатских разъяснений число рабочих депутатов было сведено до шести. Партия стала вплотную перед необходимостью новой оценки момента и новой тактики в условиях временной стабилизации царизма.—Избирательная кампания в 3 Госуд. думу проходила в обстановке неудержимо усиливавшейся реакции и начавшегося общественно-политического развала. Состав 3 Госуд. думы определился таким образом: на первом месте стояли октябристы, на втором — правые и националисты и на третьем кадеты и к ним примыкающие группы. Левое крыло в Думе (а также и соц.-дем. думская фракция) резко уменьшилось.

Вторая всероссийская партконференция (июль 1907). На протяжении 1907, в связи с социал-демократической работой в Государственной думе, собирались две всероссийские партийные конференции. Первая из них состоялась 3—5 августа (21—23 июля) в Гельсингфорсе по вопросу об участии в выборах в Государствен. думу. На ней присутствовало 26 делегатов с решающим голосом. Среди большевиков определились два течения: за бойкот (Каменев и Богданов) и против бойкота (Ленин). На конференции бойкотисты голосовали за резолюцию Ленина, которая и была принята. В резолюции была дана оценка общего политического положения и были определены задачи с.-д. в Гос. думе в соответствии со взглядами Ленина, развитыми им еще до конференции. На конференции были приняты основы избирательных соглашений.

Третья всероссийская партконференция (ноябрь 1907) была созвана в Финляндии 18(5)—25(12) ноября для разрешения вопроса о тактике социал-демократической думской фракции. В состав конференции входили 10 большевиков, 5 бундовцев, 5 поляков, 4 меньшевика и 3 латыша. Конференция приняла резолюцию, предложенную большевиками. В ней, между прочим, было указано на возможность образования в Думе большинства или октябристско-черносотенного или октябристско-кадетского, по своему основному характеру контр-революционных.

Большевики на Штуттгартском конгрессе. И одновременно с тем, как большевики внутри страны до конца боролись за «прямой революционный путь развития», в международном рабочем движении они выступали передовыми бойцами за революционный марксизм против оппортунизма 2 Интернационала. Необходимо отметить, что на Штуттгартском международном социалистическом конгрессе большевики выступили со своей поправкой к резолюции по вопросу об антимилитаризме, которая знаменует собой очень крупную веху выступления большевиков на международной арене. Поправка была внесена Лениным, Розой Люксембург и русскими социал-демократическими делегатами. Она была включена в резолюцию Бебе-

ля. В ней подчеркивалась задача «не только бороться против возникновения войн или за скорейшее прекращение начавшихся уже войн, но и за то, чтобы использовать создаваемый войною кризис для ускорения свержения буржуазии» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 82).—В своей статье «Международный социалистический конгресс в Штуттгарте» В. И. Ленин указывает, что борьба против войны должна состоять «не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 82). Из этого положения прямым путем и был выведен знаменитый ленинский лозунг—превращения войны империалистской в войну гражданскую. В статье 1907 Ленин, говоря о всей резолюции Штуттгартского конгресса об антимилитаризме, особо оговорил, что «по-Фольмаровски нельзя читать этой резолюции, как нельзя вместить ее в узенькие рамки наивного эрвэизма» (Ленин, Сочинения, том XII, стр. 83).

VII. Большевизм в годы реакции (1908—10).

Общая характеристика этого периода. В. И. Ленин неоднократно указывал, что важнейшим уроком революции 1905—1907 является то, что «мы видели, как действуют различные классы русского народа». Различные классы в открытой политической борьбе впервые размежевались и определились.—Рассматриваемый период был периодом, который в еще большей степени способствовал этому политическому размежеванию классов. Он характеризовался сильной экономической депрессией и решительным наступлением контр-революции. Этот период был также ознаменован отступлением и распадом сил демократии, разгулом ренегатских «веховских» идей в «прогрессивном лагере» и идейно-организационным разбродом в рядах партии и рабочего класса. Самодержавие, опираясь на крепостническо-помещичьи элементы и верхи крупной торгово-промышленной буржуазии, при содействии перешедшей на сторону контр-революции либерально-монархической буржуазии (к.-д.), стремилось всей силой своего полицейско-бюрократического аппарата раздавить всякую возможность организации рабочего класса.

Государственным переворотом 3 июня и учреждением 3-й Думы был закреплен союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Черносотенное дворянство и крупная буржуазия получили всероссийское представительство, где им было обеспечено полнейшее преобладание. Либеральная буржуазия все дальше и дальше идет по контр-революционному пути, стремясь лишь выторговать себе наибольшее количество уступок. Появление контр-революционного либерализма теснейшим образом связано с эволюцией самодержавия. «Старое крепостническое самодержавие,—говорит резолюция декабрьской конференции 1908,—разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Но «буржуазная монархия,—подчеркивает Ленин, — не может не только сложиться, но даже и начать складываться без контр-революционной (веховской) либеральной буржуазии» (Ленин, Соч., том X, стр. 340). Самодержавие вынуждено было стать на путь капиталистического развития России, но оно стремилось, лавируя между крепостниками-землевладельцами и представителями капитала, обеспечить такой путь развития, который «сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы». Буржуазным характером отличается аграрная политика царизма. Революция 1905 — 07 разрушила веру в преданность крестьянской массы монархии, царизм «ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление». Но эта политика «обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне и ускоряет разделение деревни на ничтожное меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу». Пролетариат же, перенося наибольшие удары со стороны самодержавия и со стороны быстро объединяющегося и наступающего капитала, «продолжает борьбу за свои классовые интересы» и углубляет свое социалистическое классовое сознание, оставаясь «единственным классом, способным последовательно руководить новой революционной борьбой». Новая революционная борьба неизбежна, т. к. «объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными» и «основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905, продолжают действовать» (все цитаты взяты из резолюций декабрьской конференции 1908, см. в прилож. к XIV т. Сочинений Ленина, стр. 444—445).

Что же явится центральной осью новой революции и какова будет в ней расстановка классовых сил? Большевизм определял, что основным содержанием предстоящей революции будет аграрный вопрос. «Вот этот аграрный вопрос и есть теперь в России национальный вопрос буржуазного развития» (Ленин, Соч., том XIV, стр. 214). Вопрос идет о ломке устаревшей надстройки—средневекового землевладения. Возможны два пути этой ломки. «Наша эпоха 1905—19?? гг.,—писал Ленин,—есть эпоха революционной и контр-революционной борьбы этих путей...» (там же, стр. 215).—Предстоящая «французская хорошенькая передряга»,—подчеркивал Ленин,—будет по своему содержанию буржуазной. Но значит ли это, что буржуазия выступает тоже движущей силой этой революции? Ни в какой мере. Особенностью русской буржуазной революции является то, что ее движущими силами являются пролетариат и крестьянство, осуществляющие задачи этой революции «вопреки неустойчивости буржуазии, посредством парализования неустойчивости буржуазии» (Ленин, Соч., том X, стр. 202). Именно исходя из такого анализа расстановки классовых сил в революции, большевики развивали и отстаивали идею лево-блокистской тактики, союза рабочего класса и крестьянства. Меньшевики, ориентируясь на превращение буржуазии из «оружия реакции в оружие революции» (Мартынов), на то, что «общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии

не сделает ее „движущей силой“» (Мартов), решительно выступали против идеи рабоче-крестьянского союза. Мартов писал, что «отвержение формулы» диктатура пролетариата и крестьянства «представляет важный шаг по пути освобождения русской с.-д-тии из народнического пленения». Маслов заявил, что «диктатура пролетариата и крестьянства противоречила бы всему ходу хозяйственного развития». Дан пророчествовал, что «русская революция в своем развитии не только не привела к „диктатуре пролетариата“ или „диктатуре пролетариата и крестьянства“, но и обнаружила с непререкаемой убедительностью утопичность этих перспектив».

Отрицая революционную роль крестьянства, меньшевики тем самым игнорировали «национальную задачу буржуазного развития России». Отказываясь от идеи рабоче-крестьянского союза, ратуя за коалицию с буржуазией, за поддержку ее в борьбе с реакцией, меньшевики снимали и вопрос о гегемонии пролетариата в революции. Разработка же этого вопроса В. И. Лениным и большевиками прежде всего теснейшим образом связывалась с руководящей ролью пролетариата в революции. Наша партия твердо стояла на той точке зрения, «что роль пролетариата есть роль вождя в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы совместные действия пролетариата и крестьянства, что без завоевания политической власти революционными классами не может быть победы» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 51).

Рабочее движение в годы реакции. На пути к своей победе российский пролетариат прошел через труднейшие годы пореволюционной реакции. Положение рабочего класса под влиянием экономической депрессии было чрезвычайно тяжелым. Резко возросла безработица. Предприниматели, пользуясь тяжелым положением в промышленности и учитывая большое количество безработных, повели решительное наступление против рабочего класса с целью восстановить дореволюционные порядки на фабриках и заводах и уничтожить революционные завоевания. В целом ряде предприятий был восстановлен 10-часовой рабочий день, вместо 9-часового (Невский судостроительный завод, Александровский механический, целый ряд типографий в Петербурге). Были восстановлены штрафы за опоздание. Проводилось снижение зарплаты (Путиловский завод, Александровский механический завод). В Лодзи союз текстильных фабрикантов объявил рабочим 47 союзных фабрик о снижении зарплаты на 25%. Предприниматели сплачивались в союзы с целью более согласованного, планомерного и систематического наступления на рабочих. Свирепствовавшая реакция всемерно стремилась уничтожить малейшую организованность рабочего класса.

За период с 1906 по 1910 было закрыто профсоюзов 497, отказано в регистрации—604-м, арестовано деятелей профдвижения—906, выслано—381, закрыто органов профессиональной печати—101 (в Петербурге—39, Москве—12 и т. д.). Количество союзов резко уменьшилось. Еще сильнее сократилось число организованных рабочих. В Петербурге в начале 1907 было 44 союза с 51.782 членами, а на 1 июля 1908 — только 28 союзов с 22.300 членов. В 8 крупных союзах число членов союзов было 17.200 чел., из них платящих членские взносы—7.468 чел., а на 1 июля 1909—только 5.418 чел. В Москве на 1 марта 1909 было 32 союза с 42 тысяч. членов, а летом 1909 — 20 союзов и только 7 тыс. членов. Точно такая же картина наблюдалась и в др. промышленных центрах страны. Рабочее движение в этот период под влиянием разгула реакции и сильнейшего нажима предпринимателей переживало период наибольшего упадка. Самый характер экономической борьбы был прямым следствием попытки фабрикантов

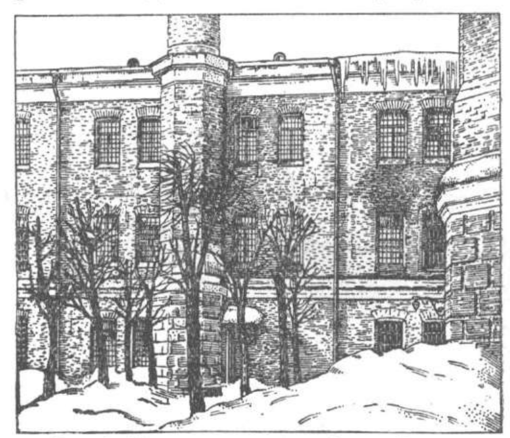

Рис. 8. Бутырская тюрьма. Верхний этаж— камеры вечников (Москва).

ухудшить условия труда.—По данным Департамента полиции, особое возбуждение среди рабочих вызывалось: 1) понижением заработной платы, 2) понижением расценок и одновременным увеличением рабочего дня, 3) временным прекращением работ с целью найма затем прежних рабочих по пониженным расценкам, 4) сокращением штата рабочих, 5) невыдачей в срок заработка, 6) выдачей рабочим взамен наличных денег товаров из фабричных лавок, 7) прекращением бесплатного отпуска рабочим отопления и освещения, 8) штрафами,—словом, всей системой эксплоатации, возвращавшей фабричные порядки к дореволюционным временам.

Состояние партийных организаций. Общественная реакция, ренегатство и веховство так называемого «прогрессивного лагеря», разлив мистики, декадентщины и порнографии, а наряду с этим режим жесточайших репрессий полицейщины и наступление капиталистов не могли не отразиться и на партии рабочего класса. Партия рабочего класса переживала в этот период состояние идейно-организационного разброда. Наблюдалось массовое бегство интеллигенции, отход попутчиков, примкнувших к партии в яркие дни революции, тяга от революционной работы к учебе, уход в личные дела, а наряду с этим уже начиналась проповедь уничтожения нелегальной организации.

В этот тяжелый период многие организации прямо распадались. В целом ряде мест вместо сильных организаций оказывались только одиночки с.-д., да и то между собой не связанные. Тов. Волосевич рассказывает, что в 1909 он, будучи случайно в Туле и в Полтаве, не нашел там следов организации. Из Саратова корреспондент писал в «Пролетарий» (№ 35, 11/IX 1908), что «частые провалы, отсутствие какой бы то ни было помощи со стороны интеллигенции сильно расшатали местную организацию».Районные комитеты давно прекратили правильное функционирование.—Реакция парализовала деятельность соц.-дем. неодновременно повсюду, и поэтому в 1908 и 1909 наблюдалась известная пестрота. Так, например, в 1908 в Петербургской организации дела шли хуже, чем в Московской области, где такие организации, как Сормовская, насчитывали несколько сот членов и где партийная работа была поставлена довольно хорошо. Правда, тогда это были уже отдельные «оазисы», которые к концу 1909 были разгромлены.

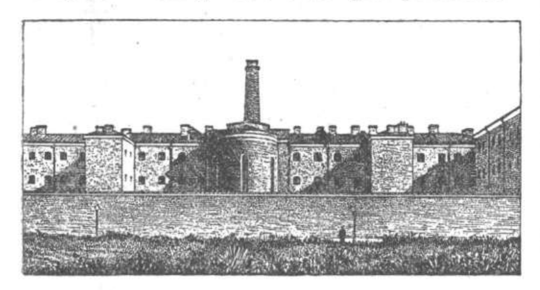

Рис. 9. Лукьяновка (Киев).

О состоянии Петербургской организации в конце 1908 имеются данные в материалах и донесениях Департамента полиции. Общая оценка такова: «После общего упадка работы с весны текущего года, когда были арестованы члены Центрального и Партийного комитетов и многие районные работники, работа в районах почти прекратилась, все лето прошло при крайне пониженном настроении». Далее идут такие конкретные указания: «Невский район. Существует районный комитет и исполнительная комиссия, к-рая собирается очень редко». «Нарвский район. Районный комитет крайне неаккуратен. Полная неосведомленность в работе ПК». «Петербургский район. С марта месяца, после провала, работы нет совершенно, необходимо полное содействие ПК». «2-й Городской район. Работы большевиков нет совершенно. Меньшевики, руководящие районом, ведут работу просветительную и занялись проповедью легальной рабочей партии, ведя открытую агитацию против партии и в частности против Центрального и Партийного комитетов». «Московский район. Работа с зимы прошлого года, после провала, не налаживается. Связи с ПК нет. Настроение угнетенное. Выборгский район. Существуют два кружка низшего типа. Есть гектограф. Работа очень плоха. Железнодорожный район. Работы нет совершенно. Окружной район. Работы нет. Василеостровский район. Партийной работы нет». «Общее заключение: работа местной соц.-дем. организации крайне ослаблена—нет профессионалов, равно средств, хотя немного приличной техники...» [Куделли П., Из истории петербургской организации РС-ДРП(б) в период реакции, «Красная Летопись», № 3 (14), 1925, стр. 221—222].—Так. обр., ясна картина общего и очень значительного упадка работы. Хотя в Москве в этот период работа шла несколько оживленнее, но и там были уже налицо провалы и упадочные настроения. Эти настроения организационного развала, упадка, а порой и настоящего ренегатства, нашли свое отражение внутри с.-д. партии в виде начала кристаллизации правых и «левых» ликвидаторских настроений.

Зарождение ликвидаторства и отзовизма. Организационный и идейный разброд после революции коснулся и меньшевиков и большевиков. Большевистский ЦК, учитывая радикальное изменение политической обстановки, стремился всеми мерами обеспечить укрепление нелегальной организации партии, а одновременно с этим использовать и легальные возможности. ЦК в первые месяцы 1908 издал письма к организациям о работе в профессиональных организациях, о кооперативном движении и о культурно - просветительной работе. Занимаясь также и вопросами думской работы, ЦК реагировал на все важнейшие выступления фракции. Но в то время, как большевики отступали в наибольшем порядке, с наибольшим сохранением своих кадров, меньшевики находились в состоянии полнейшей дезорганизованности. Мартов в конце октябре 1907 писал Аксельроду: «Дела наши в России из рук вон скверны, и деморализованные Лондоном меньшевики до сих пор остаются в положении аморфной массы». Аксельрод печалился о том, что у меньшевиков «и тени организованной коллективности нет». Плеханов писал, что среди меньшевиков «много негодных элементов, политических Гамлетов». Ликвидаторские настроения у меньшевиков определенно выявились уже во время работ Лондонского съезда партии (1907). Они же нашли свое отражение и на меньшевистской конференции в Женеве в конце января 1908. На конференции присутствовало 11 человек, в числе них: Аксельрод, Дан, Мартов, Мартынов. На конференции обсуждался вопрос о задачах меньшевиков. Мартов был одним из тех, кто выявил безусловно отрицательное отношение к попыткам воскресить нелегальные формы партийной деятельности. Он же высказался за издание журнала без сохранения партийного титула. На конференции было решено создать заграничный орган «Голос Социал-демократа», явившийся впоследствии организационным и идейным центром меньшевистской фракции. Ликвидаторские настроения имелись и в партийных организациях в России. Так, по словам Плеханова, «И. (Игорь Горев) в феврале или марте 1909 читал в Москве доклад в заседании меньшевистского коллектива о ликвидации старых партийных учреждений и организаций, считая их существо-

вание реакционным явлением, с к-рым прогрессивная часть партии должна бороться самым энергичным образом» («Дневник Социалдемократа», №12, стр. 31). В июле 1908 Игорь и Днепровский (Мартынов) выступили с письмом к меньшевистским организациям о ненужности ЦК и о необходимости заменить его организацией информационного бюро. Осенью в Москве на собрании меньшевиков выделилась группа в 11—14 чел., к-рая считала, что «все попытки восстановления старых форм организации являются утопически-реакционной затеей». На августовском пленуме ЦК 1908 меньшевики даже внесли предложение о ликвидации ЦК, к-рое было голосами большевиков и поляков провалено.

В этот же период времени в целом ряде организаций начали выявляться и отзовистские настроения, являвшиеся результатом непонимания характера и условий парламентской деятельности партии в условиях третьеиюньского столыпинского режима. Отзовистские настроения находили себе почву в организациях, настроенных бойкотистски к моменту выборов в 3-ю Гос. думу, и были одно время довольно распространены. На 3 общепартийной конференции в ноябре 1907 среди большевистских делегатов большинство было настроено бойкотистски. В Московской, Воронежской и Петербургской организациях эти настроения были весьма сильны. Областная конференция Центрально - промышленного района дала наказ об отзыве фракции своим делегатам на общепартийную конференцию. Иваново-Вознесенский комитет принял резолюцию об отзыве фракции, правда, отмененную конференцией парторганизаций. В Москве отзовисты выступили на майской конференции 1908, но оказались в меньшинстве (14 против 18).—К моменту декабрьской конференции 1908 отзовисты, хотя и выявили свои расхождения, все же на самой конференции выступали по всем вопросам дружно с большевистскими делегатами. Для характеристики состояния партии в этот период необходимо еще указать, что к моменту конференции оформилась и троцкистская группка, поставившая издание популярной газеты «Правда». В такой обстановке в конце 1908 была созвана ЦК партийная конференция, имевшая крупное значение в деле сплочения большевистских сил и преодоления идейно-организационного разброда.

Общерусская (декабрьская) конференция РС-ДРП происходила 3—9 января 1909 (21—27 декабря 1908) в Париже. Были представлены следующие организации: Петербургская (2 делегата), Московская и Центрально-промышленный район (Московский комитет, Московский окружной комитет, Иваново-Вознесенский союз, Владимирский окружной комитет, Костромской окружной комитет, Нижегородский комитет, Сормовский, Орловский, Брянский комитеты и др.), Уральская, Юг (1 делегат опоздал), Кавказ—3 [Аксельрод, Дан и Семенов (Ной Рамишвили)], Северо-западный край (Вильно, Двинск), Бунд, с.-д-тия Польши и Литвы. Из членов ЦК присутствовало больше половины. В порядке дня стояли следующие вопросы: а) отчеты ЦК РС-ДРП, ЦК национальных организаций и отчеты с мест; б) современное политическое положение и задачи партии; в) думская фракция; г) организационные вопросы в связи с изменившимися политическими условиями (партийный съезд); д) объединение на местах с национальными организациями и е) заграничные дела.

Решения конференции по вопросу о современном положении и задачах партии дали совершенно четкую и ясную характеристику третьеиюньского режима и легли в основу всех тактических действий большевиков. Отмечалась эволюция самодержавия в сторону буржуазной монархии. Этот шаг намечался союзом царизма и черносотенных помещиков с верхами торгово - промышленной буржуазии. Царизм делал шаг по пути капиталистического развития страны, но так, чтобы сохранить за крепостниками их власть и доходы. «Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905,—отмечала резолюция,—продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно», и далее говорилось, что целью борьбы «является попрежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного Учредительного собрания и создания демократической республики».

Основными задачами партии были намечены следующие: «1) всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы 1905—07; 2) укрепление РС-ДРП, как она сложилась в революционную эпоху; ведение попрежнему непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлением от революцион. марксизма и с укорачиванием лозунгов РС-ДРП, обнаруживающимися с особенной силой в настоящее время среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада; 3) использование Думы и думской трибуны для революционной с.-д. пропаганды и агитации; ... 5) длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата». Резолюция о думской фракции намечает, что «основной задачей фракции в контр-революционной Думе является—служить в качестве одного из органов партии делу с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь т. н. положительного законодательства и погони за мелкими мнимыми реформами, и, не ограничиваясь выступлениями только по вопросам, выдвигаемым думским большинством, всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и нашу партию». Намечен определенный план выступлений фракций. Кроме того, конференцией было принято решение о полном подчинении думской фракции ЦК партии, с правом последнего накладывать «вето» на решения фракции. Конференция категорически осудила ликвидаторство и признала необходимым проводить «самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвида-

торскими попытками» (Резолюции декабрьской конференции напечатаны в прилож. к XIV т. Соч. Ленина, стр. 445—449).

Комиссии по организационному вопросу была дана директива вести работу в духе того направления, «к-рое признает, что для работы среди масс, остающейся попрежнему основной задачей соц.-д-тии, центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации и что „только“ под неуклонным воздействием этой организации может быть правильно поставлена вся работа среди масс, все воздействие на думскую фракцию, вся деятельность партии вокруг думской фракции, все использование легальных и полулегальных организаций без всякого принижения классовых задач с.-д-тии». Основными задачами работы партии в области организационной была признана необходимость укрепления существующих и учреждение новых нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, создания на каждом промышленном предприятии хотя бы немногочисленных рабочих комитетов, связанных с массами, признание необходимости проводить работу в легальных организациях под руководством нелегальных организаций. Было признано невозможным применение методов широкой демократии при построении руководящих органов партии и в связи с этим допущен принцип кооптации.

На конференции по всем основным вопросам велась борьба между линией большевиков и меньшевиков. Меньшевики, возглавляемые кавказской делегацией (Аксельрод, Дан и Семенов), развернули совершенно оформленную ликвидаторскую теорию по всем основным вопросам. Меньшевики считали ненужным специальное обсуждение вопроса о современном положении и не представили никакого проекта резолюции, формулирующего их точку зрения. Под этим скрывалась ликвидаторская боязнь дать точные ответы на самые важные и злободневные вопросы современности. Правда, Дан при обсуждении большевистского проекта изложил всю свою философию в очень лапидарной форме, сказав, что «не надо переть туда, где раз были разбиты».—Особенно ярко проявилось ликвидаторство меньшевиков в их проекте резолюции по организационному вопросу. В ней они заявляют, что центром притяжения наиболее активных элементов рабочего класса являются открытые и полуоткрытые экономические и просветительные организации, что поэтому всякие попытки восстановить организацию дореволюционного типа «грозили бы и теперь и еще больше при будущем подъеме оторвать РС-ДРП от действительного движения рабочих масс». И когда их обвиняли в «культе легальности», то они отвечали, что их резолюция повинна только в том, что там нет «культа нелегальности». Формулируя суть разногласий с большевиками, кавказская делегация в своем отчете писала: «Большевики говорят: раз нужна партия, нужна нелегальная организация, затруднено легальное строительство, то необходим полный возврат к старому—к старым, дооктябрьским формам партийной организации, к старой системе отношений между этой организацией и вне ее стоящими массами. Мы говорим: такой возврат невозможен, он грозит гибелью партии. Внешние и внутренние условия развития рабочего движения в России изменились так, что очередной задачей этого движения и передовых элементов его в особенности стала борьба за открытое проявление и существование. РС-ДРП должна встать во главе этой борьбы и к ее потребностям прежде всего приспособлять свою нелегальную организацию».—После конференции, 9—11/I 1909, состоялся пленум ЦК, на к-ром было избрано Заграничное бюро Центрального Комитета, в составе Шанцера, Горева, Тышко, в случае отказа Мека, с заменой его Зиновьевым. Был определен состав редакции ЦО из 3 большевиков и 1 меньшевика.

Меньшевики-партийцы. Конференция дала прочную основу для собирания вокруг большевизма всех действительно партийных элементов, а одновременно она усилила процесс оформления меньшевистско-ликвидаторских и ультиматистско-отзовистских фракций. В декабре 1908 в № 7 «Рабочего Знамени», органе МК, появляется письмо Алексея Московского с протестом против ликвидаторов. В Москве на одном из собраний «группы меньшевиков, работающих в организации», делегаты от «московской группы меньшевиков» заявили протест против письма А. Московского. В результате дело кончилось разрывом. В Петербурге произошло расслоение в Выборгской организации. В Уфе изгнали ликвидаторов из комитета. Еще в конце 1908 у Плеханова начался конфликт с редакцией пятитомника «Общественное движение в России в начале 20 века». Причиной конфликта послужила статья Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху». Плеханов в своем письме Аксельроду от 21 января 1909 писал: «Я высказал то свое убеждение, что нельзя защищать Потресова, не покидая точки зрения революционного марксизма. „Если они, т. е. Вы, возьмут Потресова под свою защиту, то покажут себя оппортунистами в глазах всего мира“, сказал я.—Ведь я совершенно искренно считаю творение Потресова изменой марксизму».

Плеханов требовал от редакции «Голоса Социал-демократа» отмежевания от этой статьи и выхода Мартова из редакции пятитомника. Аксельрод от имени редакции «Голоса» написал ему отказ, за к-рым последовал разрыв Плеханова с редакцией «Голоса Социал-демократа». В мае 1909 Плеханов опубликовал письмо о своем выходе из редакции «Голоса Социал-демократа» и редакции пятитомника. Плеханов положил начало созданию, правда, очень незначительного, направления меньшевиков-партийцев, считавших необходимым сохранение и дальнейшее укрепление нелегальной партийной организации. Большевики тотчас же подняли вопрос о необходимости заключения блока с плехановцами, несмотря на наличие целого ряда принципиальных разногласий. Ленин, доказывая необходимость этого союза,

писал: «нас разделяли и разделяют вопросы о том, как следовало тогда-то и тогда-то действовать „гегемонам", но мы товарищи во время распада, в борьбе с людьми, для к-рых вопрос о гегемонии есть „пустяковейшее недоразумение"» (Ленин, Соч., том XV, стр. 92). «Мы считаем безусловно долгом всех большевиков в теперешние трудные времена, когда на очереди дня борьба за марксизм в теории и за партию—в практике рабочего движения, приложить все усилия для сближения с такими с.-д.» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 338).

Ликвидаторство «слева» и борьба с ним. В конце 1908 — начале 1909 все более и более оформлялось отзовистско - ультиматистское течение, во главе которого стояла группа видных большевиков. Это оформление было теснейшим образом связано с капитуляцией перед напором ренегатства и общественной реакции, что нашло себе выражение в выступлении некоторых большевиков с антимарксистскими философскими взглядами. Богданов, Луначарский, Базаров и другие в 1908 выступили с рядом статей в сборнике «Очерки по философии марксизма», в которых совершенно откровенно переходили на точку зрения махизма, т. е. философского идеализма. Луначарский же, кроме того, выступил с книгой «Социализм и религия», где проповедывал необходимость богостроительства, богоискательства и т. п. В условиях разлива веховщины и отступничества от марксизма это было не чем иным, как проявлением буржуазного влияния на пролетариат. Ленин писал: «Не случайно, но в силу необходимости вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности, „бросилась" на религию». Одной физической палки оказалось недостаточно, необходим был и духовный кнут. «Махизм, как разновидность идеализма, объективно является орудием реакции, проводником реакции» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 89). О богоискательстве же Ленин писал Горькому (14/XI 1913), что «с точки зрения не личной, а общественной, всякое богостроительство есть именно любовное самосозерцание тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного „самооплевания" филистеров и мелких буржуа, отчаявшихся и уставших» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 82). Поэтому, когда в эпоху реакции в рядах большевистской фракции начало проявляться отступничество от марксизма в области философии, Ленин счел необходимым самым резким образом выступить против этого, что он и сделал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки по поводу одной реакционной философии» (закончена осенью 1908, вышла в свет весною 1909). Это было уже разрывом между Лениным, с одной стороны, и Богдановым и отзовистами, с другой. В начале 1909 «Пролетарий» в статье Каменева самым резким образом выступил против богоискательства Луначарского, заявив, что с такими настроениями большевики должны всемерно бороться.

Наряду с философскими шатаниями, в это время обнаружилось чрезвычайно резко у отзовистов непонимание ими специфических особенностей тактики большевистской партии в эпоху реакции. Отзовизм к середине 1909 выступил уже как оформившееся антибольшевистское ликвидаторское течение. Отзовисты не понимали необходимости видоизменения форм и методов борьбы в связи с изменившейся обстановкой, не понимали конкретных условий, в которых применимы те или иные формы и методы борьбы, не понимали необходимости использования легальных возможностей. Отзовизм — «тактика хранения (в консервах) революционных слов 1905 — 06 гг. вместо применения революционного метода к новой, иной обстановке, к измененной эпохе, требующим иных приемов и иных форм организации, это— тактика мертвая» (Ленин, «Письмо Горькому», конец ноября—начало декабря 1909). Отзовисты—это «ликвидаторы слева», к-рые «выворачивают дело наизнанку: легальные возможности для них не существуют в партийной деятельности, нелегальность во что бы то ни стало—для них все» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 93).

Необходимость отмежевания от отзовизма вызывалась тем, что применение его тактических рецептов неизбежно привело бы партию к отрыву от масс, к превращению ее в секту, т. е. к ликвидации партии. Луначарский в своих воспоминаниях указывает, что соединение легальности и нелегальности казалось Богданову и др. «ультралевым» большевикам эклектизмом. Выступая против использования легальных возможностей, отзовисты выступали с категорическим требованием отзыва из Думы с.-д. фракции. Один из отзовистов так и формулировал сущность отзовизма: «отзовизм... это требование сохранения в 3-й Гос. думе в целости нашей программы и наших боевых лозунгов, иначе говоря—это требование смерти фракции» (приложение к № 44 «Пролетария»). В резолюции петербургских отзовистов выставляется требование: «отозвать из 3-й Госуд. думы с.-д. фракцию, что подчеркнет как истинный характер 3-й Гос. думы, так и революционную тактику социал-д-тии». Отзовисты не понимали специфических особенностей и задач момента; они не понимали, что всякое представительное собрание не только прикрывает господство настоящих хозяев положения, но и раскрывает природу, цель и средства всех общественных сил. Отзовисты не понимали, что «специфической особенностью момента является именно попытка (и неудачная попытка) старого самодержавия разрешить новые исторические задачи при помощи октябристско-черносотенной Думы. Поэтому и специфической задачей тактики для с.-д. является использование этой Думы в своих целях, в целях распространения идей революции и идей социализма» (Ленин, Соч., том XIV, стр. 146).

Беспомощность и логическая нелепость всех построений отзовистов вскрывались и их заявлениями о том, что они признавали, что в эпоху «острой и усиливающейся реакции» нельзя создать достойного представительства в Думе, и вместе с тем выдвигали задачи по созданию «инструкторских школ», «об усилении пропаганды в войсках», «про-

ведение военно-теоретической и военно-практической подготовки партии». Это было не чем иным, как проявлением авантюристской «левой» фразы при полнейшем бессилии построить деятельность партии на основе трезвого учета действительного положения и данного соотношения классовых сил в период злейшей реакции. Такой авантюризм, непонимание значения использования с.-д-тией парламентаризма, хотя бы и третьеиюньского, и бессилие учесть конкретные особенности текущего политического момента приближали отзовистов к анархизму.

Близким к отзовизму, неотделимым от него, было течение ультиматизма. Ультиматисты отвергали длительную работу партии и ее центров над исправлением думской фракции, они исключали длительную работу партии среди рабочих в смысле умелого использования богатого агитационного материала, даваемого 3-й Думой, они отвергали положительную, творческую работу партии над думской фракцией. В отношении ультиматистов, отрицающих необходимость длительной работы партии и ее центров над думской фракцией, Ленин писал, что «отмежевать такой ультиматизм от отзовизма невозможно. Общим „духом авантюризма“ связаны нераздельно». Отрицание думской с.-д. работы, использования легальных возможностей является как-раз таким уклонением, «при к-ром на деле ведение классовой с.-д. политики становится невозможным». Именно поэтому на совещании расширенной редакции «Пролетария» большевизм резко отмежевался от отзовизма и ультиматизма.

Совещание расширенной редакции «Пролетария». Совещание расширенной редакции «Пролетария» состоялось 4—13 июля (21—30 июня) 1909 в Париже. В нем приняли участие: 4 члена редакции «Пролетария»—Ленин, Зиновьев, Каменев, Богданов; 3 представителя большевиков, работающие в Петербургской (Томский), Московской (Шулятиков) и Уральской (Накоряков) областных организациях; 5 членов Центрального Комитета большевиков—Гольденберг-Мешковский, Шанцер-Марат, Дубровинский, Рыков, Таратута; кроме того, на Совещании присутствовали: Н. К. Крупская, Н. Скрыпник, Любимов, Н. Г. Полетаев (член 3 Госуд. думы) и Давыдов-Голубков. Совещанием были вынесены следующие решения: 1) об отзовизме и ультиматизме; 2) о богостроительских тенденциях в социал-демократической среде; 3) по поводу протеста т. Максимова (Богданова) в связи со статьей «Не по дороге» (№ 42 «Пролетария»); 4) об отношении к думской деятельности в ряду др. отраслей партийной работы; 5) задачи большевиков в партии; 6) о партийной школе, устраиваемой за границей на Капри; 7) о большевистских конференциях; 8) об агитации за отдельный от партии большевистский съезд или большевистскую конференцию и 9) об отколе т. Максимова.—Резолюция об отзовизме и ультиматизме дает исчерпывающую характеристику этих течений и причин их появления. В эпоху реакции «для с.-д. стало необходимым применить свою революционную тактику к этой новой политической обстановке». Между тем, в ходе буржуазно-демократической революции к партии примкнул ряд элементов, привлеченных преимущественно ее яркой энергичной борьбой за демократию и принявших революционно-демократические лозунги партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом. На почве безвременья эти элементы все больше стали проявлять свою с.-д. невыдержанность, стремясь оформить, в противовес основам революционной с.-д. тактики, течение отзовизма и ультиматизма. Эти попытки выражают идеологию политического индифферентизма, анархических блужданий и являются оборотной стороной конституционных иллюзий. Эти настроения отзовизма и ультиматизма могут найти известный отклик у нек-рой части рабочих, настроенных равнодушно к политической борьбе.

Совещание отметило, что «политический ультиматизм в наст. время ничем не отличается от отзовизма и лишь вносит еще бóльшую путаницу и разброд прикрытым характером своего отзовизма». Оба течения — и ультиматизм и отзовизм—«по существу являются оборотной стороной меньшевизма, проповедующего огульное участие во всех представительных учреждениях, независимо от данного этапа развития революции, независимо от отсутствия или наличности революционного подъема». Поэтому «большевизм как определенное течение в РС-ДРП ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом, и большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революцион. марксизма» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 98—99). Этому размежеванию Ленин придавал исключительное значение и впоследствии неоднократно указывал на то, что большевизм потому сохранил свои корни в массах, что сумел беспощадно расправиться с революционерами фразы, выгнать «лево-глупистов» из партии.—Точно так же совещание самым резким образом отмежевалось и от богостроительства.

Очень важное значение для дальнейшего развития большевизма имеет резолюция о задачах большевиков в партии. В ней намечается, что основной задачей всей партийной деятельности должно являться стремление «наперекор усилиям реакции и при глубоком упадке классовой пролетарской борьбы сохранить партийную организацию, созданную в годы высшего подъема пролетарской борьбы, т. е. как организацию, сознательно стоящую на почве ортодоксального марксизма и объединяющую все „национальные“ с.-д. организации в целях проведения единой революционной с.-д. тактики» (там же, стр. 99). Затем указывается на важность и необходимость соединения нелегальной и легальной партийной работы. Ленин придавал этому моменту совершенно исключительное значение. В «Детской болезни левизны» он в качестве главного урока из эпохи реакции указывал именно на это обстоятельство. «Большевики не могли бы удержать (не говоря уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908 — 14 гг., если бы они не отстояли (в самой суровой

борьбе) обязательности соединения с нелегальными формами борьбы легальных, с обязательным участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами учреждений (страховые кассы и проч.)» (Ленин, Соч., том XXV, стр. 183).

В связи с тенденцией у ряда товарищей к немедленному обособлению и дальнейшему оформлению большевистской фракции, совещание специально отметило, что проведение всех задач, стоящих перед фракцией большевиков, в данный момент возможно только при полнейшей поддержке ЦК и ЦО партии. Поэтому совещание высказалось против агитации за большевистский съезд «как агитации, объективно ведущей к расколу партии и могущей нанести решительный удар той позиции, к-рая уже завоевана в партии революционной с.-д-тией» (Ленин, Соч., том XIV, стр. 101). Совещание высказалось за блок с меньшевиками-партийцами, приняв решение, что «сближение с марксистскими и партийными элементами др. фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление РС-ДРП» (там же). Из других решений следует еще указать на решение «об отколе т. Максимова», явившемся логическим завершением принципиального межевания в начале совещания, и на решение о школе на острове Капри, в котором указывалось, что «под видом этой школы создается новый центр откалывающейся от большевиков фракции» (там же, стр. 102). — Ленин подводя итоги этому совещанию, писал: «Большевики очищали почву для партийности своей непримиримой борьбой против антипартийных элементов в 1903 — 05 и в 1906 — 1907 годах. Большевики должны теперь построить партию, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, к-рые завоеваны фракционной борьбой» (Ленин, Сочинения, том XIV, стр. 109—110).

Группа «Вперед». Вскоре после совещания отзовистами была создана партийная школа на острове Капри, к-рая и явилась той лабораторией, в к-рой родилась группа *«Вперед»* (см.), сделавшая смехотворную и заранее обреченную на неудачу попытку противопоставить себя большевизму как якобы единственная хранительница именно большевистских традиций. К моменту окончания работ в школе была выработана платформа группы «Вперед», и 28/XII 1909 группа обратилась в ЦК с просьбой зарегистрировать ее как литературную организацию. В состав группы входили следующие товарищи: Алексинский, Аркадий (Калинин Ф.), Арсений (Яковлев М.), Борис (Косарев В.), Вася (Устинов Н.), Ст. Вольский, Горький, Домов (Покровский М. Н.), Леопольд (Израилевич), Луначарский, Лядов М. Н., Максимов (Богданов А. А.), Марат (Шанцер В. Л.), Станислав (Лобанов М.), Юлий (Батышев И. Г.) и Яков (Алферов К. А.). Платформа этой группы содержала следующие основные моменты. В этой платформе выдвигается на одно из первых мест философия под псевдонимами «пролетарская культура» и «пролетарская философия». «Скрывается под этим псевдонимом махизм, т. е. защита философского идеализма под разными соусами (эмпириокритицизм, эмпириомонизм и т. д.)» (Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 347). Платформа объявляет отзовизм «законным оттенком». Но определение задач по отношению к Думе так неясно и запутано, что «иначе как подлаживанием к отзовистскому кругу мыслей охарактеризовать этого определения нельзя» (Ленин). И, наконец, платформа осуждала фракционность и требовала объединения фракций, слияния их в партию. Группа «представляла из себя смесь самых разнородных элементов» (Лядов). «Мы, — пишет Луначарский, — несомненно в некоторой степени были политическими импрессионистами и находились под чрезмерным влиянием революционного чувства, которое (чего мы не замечали) вело не столько к революционному делу (в открытых формах тогда невозможному), сколько к революционной фразе». «Мы были,—продолжает он же, — в конце-концов только группой партийных интеллигентов, нашедших сравнительно слабый отзвук среди нек-рой части рабочих с.-д., находившихся под властью революционной инерции». Авантюристская беспомощность и антиленинский характер этой группы отчетливо выявились в письме Богданова «Ко всем товарищам» (начало 1910). В этом письме он отмечал, что если «долгое „органическое развитие“ России есть только октябристская мечта, то встает вопрос о поддержании уцелевших боевистских элементов в партийности и дисциплине и о соответственном воспитании той рабочей молодежи, к-рая проявляет тяготение в эту сторону; об усилении пропаганды в войсках и, если возможно, о воссоздании распавшихся военных организаций».

Т. к. большевистский Центр отвергал возможность постановки в данный момент вопроса о вооруженном восстании, считая ее авантюризмом, то на этом основании Богданов сближал его с меньшевиками.

«Это сблизило их (руководителей большевистского Центра. *А. Б.*) с правым крылом нашей партии, товарищами-меньшевиками, которые всегда, независимо от оценки политического положения, тяготели к легальным и конституционным формам деятельности, к „органической работе“ и „органическому“ развитию. Но это же самое привело к разногласиям с теми товарищами, которые в наблюдаемой реакции не видели достаточных оснований для такой перемены фронта» [К. Остроухова, Группа «Вперед» (1909 — 17), «Пролетарская Революция», 1925, № 1 (36), стр. 200 — 201]. А в своем более позднем воззвании «К товарищам большевикам» (апрель—май 1910) группа писала, что большевистский Центр—это «группа лиц, ставших уже идейно меньшевиками» (там же, стр. 202).

Но безнадежность позиции группы «Вперед» не могла спасти революционная фраза, и группа, никогда не имея хоть сколько-нибудь серьезного значения, болталась между революционной с.-д-тией и оппортунистами, выступая на деле в ряде важнейших случаев фактическими пособниками ликвидаторов; наприм., в вопросе о созыве конференции в

январе 1912 в Праге. Проявилось это и в их отношении к ЗОК (Заграничной организационной комиссии), когда они отказались войти в состав ОК только на том основании, что «ОК не делает реальных уступок, вынуждающих у правого блока согласие на объединение всех сил вокруг ОК». И т. к. ОК не соглашается на введение в него по одному представителю от каждой входящей в него политической группы, то «вхождение наше в левую комбинацию ослабило бы ту позицию партийности, к-рую мы решились занимать до конца». Но это им не помешало войти в правую комбинацию, в ликвидаторский ОК, выступить с листком против Пражской конференции 1912 и участвовать в организации ликвидаторской конференции.

С началом подъема группа потеряла всякие связи и к 1914 фактически распалась. Еще в мае 1911 из редакции сб. «Вперед» вышел Покровский. В начале 1913 вышли из состава редакции Богданов, Степинский (Менжинский) и Аркадий. В июне 1913 вышел из редакции и Луначарский. И даже Алексинский начал сотрудничать в большевистской «Правде».—Судьба группы «Вперед» очень поучительна. Именно она показала силу и крепость большевизма, к-рый сумел в беспощадной борьбе с революционной фразой, ведущей на деле к ликвидаторству, отстоять свои партийные позиции, сохранить связи с рабочими массами и выковать большевистскую партию, вождя рабочего класса. Судьба этой интеллигентской группы поучительна также и тем, что она наглядно изобличает правую сущность «революционеров фразы» и их общность с явно оппортунистическими течениями.

Январский пленум ЦК (1910). 1909 г. в жизни партии был годом наибольшего упадка рабочего движения, организационного развала партийных организаций и нарушения связи между руководящими большевистскими центрами за границей и Россией; наряду с этим, усилился процесс фракционного дробления и обострилась фракционная борьба. Но затяжной характер и болезненность организационного разброда не помешали все большему и большему идейному оформлению позиций большевизма, что являлось главнейшим залогом преодоления и организационного разброда.

14 ноября 1909 члены ЦК—большевики: Ленин, Зиновьев, Дубровинский, Таратута подали в Заграничное бюро ЦК заявление о необходимости созыва пленума. К ним присоединились члены ЦК—поляки и часть меньшевиков. В янв. 1910 в Париже был созван пленум. Состав пленума был следующий: с решающим голосом — 14 товарищей, с совещательным—член редакции ЦО «Социал-демократ» Ленин, кандидат в ЦК Богданов, член редакции «Пролетария» Каменев, член редакции «Голоса Социал-демократа» Мартов и представитель газеты «Правда» Троцкий. Пленум работал три недели (с 15/I по 5/II). В повестке дня стояли важнейшие вопросы партийной жизни и были приняты следующие решения: 1) о положении дел в партии; 2) о созыве очередной общепартийной конференции; 3) устав ЦК; 4) о центральном органе; 5) о дискуссионном сборнике; 6) о партийной школе; 7) о Копенгагенском международном конгрессе; 8) о газете «Правда»; 9) о группе «Вперед»; 10) о фракционных центрах; 11) об устранении раскола за границей; 12) о членских взносах; 13) об отступлениях от партийной дисциплины. Кроме того, была избрана редакция ЦО в составе Ленина, Зиновьева, Мартова, Дана и Варского (позже замененного Ледером); было сформировано Русское бюро Центрального Комитета, куда вошли—2 большевика (Мешковский и Ногин), 2 меньшевика, 1 латыш, 1 бундовец, 1 поляк; был определен и состав Заграничного бюро ЦК в составе Семашко, Горева, Либера, Станиславы, замененной впоследствии Тышко, и латыша Берзина, замененного затем Шварцем.

Этот пленум входит в историю нашей партии как примиренческий, как последняя попытка создать единую партию. Тяга к единству ощущалась весьма значительно и определялась следующими обстоятельствами: 1) условиями работы на месте, 2) весьма трудным положением с.-д. организаций, 3) неотложными задачами экономической и политической борьбы пролетариата, 4) усилением реакции, 5) ренегатством и отречением от революции в либеральных и мелкобуржуазных слоях, 6) кустарничеством в работе, 7) необходимостью очистки с.-д-тии от ликвидаторства и отзовизма и 8) назреванием нового типа с.-д-та рабочего.—Примиренческие тенденции были очень сильны даже в среде большевиков, у которых выделилась очень влиятельная группа товарищей, стремившихся к объединению даже без ясного принципиального межевания. Примиренцами выступали: Ногин, Дубровинский (Иннокентий), Владимиров, Рыков, Сокольников, Лозовский, Любимов (Марк), Гольденберг-Мешковский и Каменев. Тов. Ленин считал необходимым объединение, но уступки, сделанные большевиками на пленуме, он считал чрезмерными. «Я, напр., находил уступки чрезмерными и боролся из-за меры уступок» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 325).

Пленум ЦК постановил объединить все существовавшие фракционные группировки в одной партии. Было признано необходимым уничтожить фракционные центры, закрыть фракционные газеты и превратить существующие фракции в «течения, не нарушающие единства партийного действия». Объединение было признано необходимым на почве отмежевания и от ликвидаторства и от отзовизма. Оба эти уклона были охарактеризованы «как проявление буржуазного влияния на пролетариат», в согласии с постановлением декабрьской конференции 1908.—Основным недостатком в решениях пленума было то, что пленум провел соглашение без разбора между людьми и группами, прямо исключающими друг друга. Поэтому и основная резолюция пленума явилась очень неясной, пухлой, раздутой, переполненной всевозможными труизмами и содержащей ряд лазеек для протаскивания ликвидаторства. Тов. Ленин, оценивая итоги пленума, писал: «Отсюда ясна и идейная заслуга пленума и его примиренческая ошибка: заслуга — отметение идей ликвидатор-

ства и отзовизма, ошибка — соглашение с людьми и группами без разбору, без соответствия их обещаний („резолюцию подписали") и их дел» (Ленин, Соч., том XV, стр. 235).

Плеханов точно так же оценивал итоги работы пленума: «...пухлая резолюция не упоминает о том, где обнаружилось буржуазное влияние, вследствие того, что она насквозь пропитана духом кружковой дипломатии». «Эти резолюции обнаруживают неопределенность и даже робость мысли там, где определенность и смелость нужнее всего» (Плеханов, Соч., т. XIX, стр. 110 и 106). Скептически к произведенному пленумом объединению относились и меньшевики. Аксельрод в февр. 1910 сообщил Потресову, что заключено объединение: «скажу только, что мои друзья не по своей инициативе и не с „горячей верой" пошли на братание, а „больше всего под давлением общественного мнения" обывательской массы хороших приятелей и знакомых, взбудораженных смутой, внесенной Плехановым в некоторые умы». И дальше: «Из этого Вы сами можете видеть, насколько сомнительна прочность формально как бы закрепленного мира и единения». Из всех этих показаний и оценок очевидно, что решения пленума не могли создать и не создали предпосылок для объединения. Фракции все больше и больше расходились в своей оценке задач партийной работы. Январский пленум обнаружил также весь вред примиренчества в большевистской среде, т. к. его решения тормазили практическое проведение идей большевизма и тем самым в значительной степени мешали ликвидации организационного разброда.

Роль троцкизма в этот период. На пленуме ЦК в роли беспринципных объединителей во что бы то ни стало выступили Троцкий и Ионов. Группка Троцкого, которая образовалась еще в конце 1908 вокруг газеты «Правда» (венской), была характерным образованием для этого периода упадка движения, ренегатства, организационного развала и фракционных дроблений. В основе всей троцкистской группки лежало примиренчество. Поэтому в период 1908—11 она могла иметь известные зацепки, эксплоатируя стремления к объединению. «Примиренчество,—пишет Ленин,—есть сумма настроений, стремлений, взглядов, связанных неразрывно с самой сутью исторической задачи, поставленной перед РС-ДРП в эпоху контр-революции 1908 — 11 гг.» (Ленин, Сочинения, том XV, стр. 228—229). Примиренческие настроения имели довольно значительное распространение. Однако, Троцкий попытался подвести под них теоретический фундамент. Основное в этом теоретическом построении было непонимание причин фракционности, сведение всего к соблюдению или несоблюдению соглашений тех или иных групп или лиц. Важно объединить «данные лица, группы и учреждения», вне зависимости от их политических позиций, а остальное приложится. А т. к. фракционность и фракция есть результат борьбы интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат», то, по мере роста зрелости пролетариата, уничтожается и фракционность. Поэтому Троцкий все время и выдвигал идею ассимиляции фракций, их перевоспитания. Поэтому Троцкий в момент, когда пути большевиков и меньшевиков разошлись окончательно, писал, что «теперь у „ликвидаторов" и у „антиликвидаторов" нет принципиального различия в области работы или в методах ее» («Наша Заря», № 11, 1911). Или значительно позднее: «весь ход классового движения пролетариата ведет к преодолению старых фракционных односторонностей». «Согласно этому взгляду раскол имеет свое историческое объяснение в тяжелом наследии фракционного прошлого, но не имеет никакого политического оправдания» («Борьба», № 1, 1914). Именно поэтому Троцкий считал, что он представлял марксистский центр, задачей которого и должно было являться преодоление центробежных тенденций правого и левого фланга. «Позиция, основанная на диалектическом сочетании реформистских и революционных задач движения, кажется им обоим „примиренчеством" или „золотой серединой". Разложив марксизм на части, они затем искренне не узнают его, когда он становится между ними в своем целостном виде» («Борьба», № 1).

Троцкий выступал примиренцем, но целиком на ликвидаторской основе. Борясь против фракций, он фактически направлял весь огонь против большевиков, считая, что ликвидаторы — «необходимая и ценная составная часть партии». Его хитроумные сплетения опрокидывались жизнью, и сам он превращался из примиренца в яростного противника большевиков. Мартов писал (май 1912), что «сила вещей заставляет Троцкого итти меньшевистским путем, вопреки его надуманным планам о каком-то „синтезе" между историческим меньшевизмом и историческим большевизмом. Благодаря этому противоречию его движения намеченной им схеме он не только попал в лагерь „ликвидаторского блока", но и вынужден занимать в нем самую „драчливую позицию по отношению к Ленину"». А Мартынов в письме к Троцкому в июне 1912 пишет, что он, Троцкий, уже давно утратил свою внефракционную невинность и выступает по всем важнейшим вопросам в блоке с ликвидаторами. Ленин отмечал «наиболее общую черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов о внутрипартийных принципиальных разногласиях Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы только с левым крылом партии» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 593). «Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра— другой и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций. Троцкий в теории ни в чем не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а на практике во всем согласен с голосовцами и впередовцами» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 23).—Отношение Троцкого к большевизму и Ленину в высшей степени отчетливо представлено в его письме к Чхеидзе (1/IV 1913): «И каким-то бессмысленным навождением кажется дрянная склока, которую систематически разжи-

гает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплоататор отсталости в русском рабочем движении». «...Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитые начала собственного разложения».

Совершенно не случайно, что Троцкий попал в объятия ликвидаторов и являлся позднее одним из организаторов августовского блока и что он, в отличие от Плеханова, все время был «ликвидаторским примиренцем». Вся принципиальная установка троцкизма была меньшевистской, ликвидаторской. Начать хотя бы с того, что он отрицал необходимость стратегического плана для пролетарской партии, скатывался к установке ревизионистов с их отрицанием какого-либо значения постановки вопроса о конечной цели. В статье, посвященной избирательной кампании в 4-ю Думу, Троцкий писал: «В платформе не может быть места гадательным предположениям ни относительно времени наступления революции, ни относительно ее возможного характера...». «Мы должны исходить всегда из данного политического положения, выдвигать те требования, которые ближе всего касаются пролетариата в данный период». Поэтому Троцкий считал совершенно неважным, какова будет оценка третьеиюньского режима. Он говорил, что «на эти вопросы можно отвечать различно. Но политика сознательного пролетариата, к счастью, не зависит от этих гадательных ответов».

Троцкистское примиренчество, обращенное острием против большевиков, потерпело крах. Крах примиренчества означал и крах троцкистской группки. Ленин следующим образом оценил крах примиренчества. «Это— результат краха политического направления, фальшивого в своих исходных пунктах. Фальшива в примиренчестве основа—стремление построить единство партии пролетариата на союзе всех, в т. ч. и антисоциал-демократических, непролетарских фракций, фальшива беспринципность его „объединительного" прожекторства, приводящего к пуфу, фальшивы фразы против „фракций" (при образовании на деле новой фракции) — фразы, бессильные распустить фракции антипартийные и ослабляющие фракцию большевиков, проведшую $^{9}/_{10}$ борьбы с ликвидаторством и отзовизмом» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 238).

Развитие фракционной борьбы после пленума. Пленум Центр. Комитета в январе 1910 имел совершенно обратные результаты по сравнению с тем, что ожидали от него примиренцы, в т. ч. и примиренцы-большевики. В то время как большевики, во исполнение решений пленума, закрыли свой фракционный орган и передали свое партийное имущество в общий фонд, меньшевики и не думали ликвидировать своего фракционного и притом безответственного центра — журнала «Голос Соц.-демократа». Наоборот, в феврале в Москве вышла первая книжечка журнала «Наша Заря», ставшего органом подлинного «воинствующего ликвидаторства». В первой же книжке Потресов объявил, что нет ликвидаторства на том основании, что нечего ликвидировать. Не может существовать, писал он, «течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет как организованного целого». Вскоре вышел листок четырех редакторов «Голоса Социал-демократа»—Аксельрода, Мартова, Дана и Мартынова, заявлявший, что они не считают возможным закрыть свой журнал. В апреле вышел № 19—20 «Голоса Социал-демократа», к-рый был весь проникнут идеями ликвидаторства и клеветой на нелегальную партийную организацию. В этом журнале было опубликовано письмо 16 практиков-меньшевиков, к-рые оправдывали бегство из низовых нелегальных партийных организаций и в то же время протестовали против обвинения их в ликвидаторстве. Они писали: «Партию ликвидируют те, кто, цепляясь за отжившие формы, мешают ее свободному развитию». Меньшевики, к-рых облыжно именуют «ликвидаторами», «уходя из партийных ячеек в широкие рабочие организации, не уходят от рабочего движения, а пытаются к нему приобщиться. Их уход констатирует только общественное явление омертвелости партийных ячеек, с к-рой они признают себя в данный момент бессильными бороться».

Выступив резко против решений пленума, сохраняя свой фракционный центр, меньшевики всемерно начали саботировать работу в ЦО и в ЦК. Три видных меньшевистских члена ЦК — Юрий (Гарви-Чацкий), Михаил (Исуф) и Роман (Еремеев)—отказались явиться на заседание русской коллегии ЦК, хотя бы только для кооптации. Свой отказ эта тройка мотивировала тем, что она считает и решения пленума и само существование ЦК вредными. Ленин в письме к Горькому (апрель 1910) так описывает процесс объединения: «У меньшевиков к серьезному объединению идут (не вполне сознательно, медленно, пошатываясь, но идут и, главное, не могут не итти) плехановцы, идут партийцы, идут рабочие. А голосовцы виляют, путают, гадят... Пленум Центрального Комитета желал объединить всех. Теперь голосовцы отпадают. Сей нарыв надо удалить. Без склоки, скандалов, маеты, грязи и „накипи" сего не сделаешь... С ликвидаторством не докончили тогда, меньшевикам удалось на время скрыть змею, а теперь ее вытащили на свет божий, теперь ее все видят, теперь ее будем уничтожать и уничтожим!» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 269—270).

В июне вышли из редакции «Дискуссионного Листка» представители группы «Вперед» и «Голос Социал-демократа». В августе произошел разрыв ЦК с Троцким, к-рый тоже упорно саботировал решения пленума и не обнаруживал ни малейшего желания вести борьбу с отзовизмом и ликвидаторством. Условия работы в руководящих органах создались совершенно невозможные. Большевики, видя, что никаких надежд на проведение в жизнь решений пленума нет, подали в декабре заявление о возврате им денег, переданных в кассу ЦК. Это означало решительный шаг к окончательному разрыву большевиков со всеми оппортунистическими группами в с.-д. партии.—Разрыв

этот совершенно назрел. Идейная эволюция ликвидаторства привела его на рельсы либеральной рабочей политики и к полному отказу от марксистских лозунгов.

Сущность ликвидаторства. Ленин писал: «Ликвидаторство меньшевиков состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и в частности в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции... Организационно ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной с.-д. партии и связанное с этим отречение от РС-ДРП, выход из нее, борьба против нее на страницах легальной печати, в легальных рабочих организациях, профессиональных союзах, кооперативах, на съездах, где участвуют рабочие депутаты, и т.д.» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 105—106). И далее: «Ликвидаторство есть *такой* оппортунизм, к-рый доходит до *отречения* от партии» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 421).

Ликвидаторство окончательно определилось и сформировалось как идейно-политическое течение в годы распада партийной организации. В «Голосе Социал-демократа», в «Нашей Заре», в «Возрождении» ликвидаторы на все лады поносили нелегальную партийную организацию и ратовали за открытую рабочую партию. Такие писатели, как Левицкий и Ежов, прямо говорили то, о чем писали между строк Мартов и др. Левицкий заявил, что «восстановление иерархии—мертвая затея». В № 9 — 10 (1910) «Возрождения» писалось, что ликвидаторами именуют тех, кто «решается сомневаться в целесообразности стремлений строить из сгнивших обломков новое здание». Ежов сожалел о том, что у нас все еще существует «гипноз подпольных традиций». А тот же Левицкий поучал, что итти в подполье значит итти по линии наименьшего сопротивления, «ибо при нашей „конституции" завоевание открытых политических организаций требует чрезвычайно много энергии и политической гибкости». Вера Засулич писала, что «подпольная организация всегда была самой слабой стороной русской с.-д-тии».

Что должно заменить подполье? Создание открытой рабочей партии. Но возможно ли это в эпоху свирепствующей реакции? Ликвидаторы отвечали на этот вопрос вполне положительно и заявляли, что «нет никаких оснований утверждать, что легальная почва в наши дни слишком узка для того, чтобы рабочий класс избрал ее базой для своего организационного строительства и движения» (Ежов). Дан писал, что борьба за легальность должна стать основной, регулирующей идеей. А тот же Ежов говорил, что т. к. партия формируется годами, даже десятилетиями, «то при такой обстановке „подполье" не может уже служить основой для партийного строительства». И для того, чтобы еще резче подчеркнуть возможность создания такой партии в обстановке «режима обновленной толмачевщины», Ежов говорил, что только для «подпольной психики» характерно то утверждение, что «с данным режимом можно бороться только „всемерно и всецело", отрицая его, только отказавшись стоять на почве этого режима». Отказ от подполья, агитация за открытую рабочую партию, убеждение, что вовсе не обязательно, борясь с существующим режимом, отрицать его «всемерно и всецело»,— все это увязывалось и с их представлением о характере грядущего кризиса, с их фактическим отказом от революции.

Ликвидаторы не понимали, что в России «нет налицо элементарной, основной, кардинальной, существенной, необходимой базы *для* „конституционализма *вообще*"» (Ленин, Соч., том XV, стр. 135). Они считали, что «кризис, к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет... кризисом конституционным» (Мартов). Причем основным и решающим в этом кризисе они считали столкновение между помещиками и буржуазией, которую ход капиталистического развития страны должен неизбежно превратить в движущую силу грядущего столкновения. А из этой установки вытекала и вся ликвидаторская тактика на поддержку буржуазии. «Стремлением рабочей партии,—писал Мартов,—должно быть, при возникновении каждого такого конфликта внутри третьеиюньской системы побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий и, что представляет для нас наибольшую самостоятельную ценность, расширения сферы нестесненной организации народных сил» («Наша Заря», № 7—8, 1912).

Считая, что буржуазия будет движущей силой предстоящего столкновения, «конституционного кризиса», ликвидаторы яростно боролись против идеи гегемонии пролетариата, объявляя самые разговоры о ней «несущественными пустяками» (Потресов). Герасимов в газете «Киевские Вести» (№ 307) писал, что «... в ближайшую эпоху развития рус. освободительного движения гегемония отнюдь не останется за пролетариатом». Левицкий же формулировал основную задачу с.-д-тии следующим образом: «Если прежняя с.-д-тия была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет классовой партией вступивших в свое историческое движение масс» («Наша Заря», № 7, 1910). — Ликвидаторство всей своей установкой, всей своей агитацией, всей своей тактикой вело к разрушению марксистской организации пролетариата в России, к разрушению классовой самостоятельности пролетариата. Дальнейшее пребывание ликвидаторов в рядах единой партии было невозможно; партия могла развиваться, только очистившись от их разлагающей и разрушительной деятельности.

Плеханов в борьбе с ликвидаторством. Ленин и большевики на своих плечах вынесли всю тяжесть борьбы против ликвидаторства и отзовизма. Но их задача в известной мере была облегчена тем, что Плеханов в этот период выступил против ликвидаторов, стал «певцом подполья». Плеханов блестяще сражался с ликвидаторством, но в своей борьбе он никогда не становился большевиком. Плеханов по сути дела был примиренцем, он не понимал всей глубины причин фракционных делений русской соц.-д-тии, но в наиболее решительные

моменты он склонялся на сторону большевиков. Плеханов, будучи примиренцем, не понимал путей партийного объединения, и поэтому к 1914 он фактически стал на позиции объединительства во что бы то ни стало, не учитывая новых сдвигов, к-рые произошли в рабочем движении, и всей громадной работы, проделанной большевиками по восстановлению большевистской партийной организации, острием своим направленной против ликвидаторства справа и ликвидаторства «слева». Плеханов бил ликвидаторов, отстаивал необходимость существования нелегальной, подпольной организации, но он никогда не отказывал себе в том, чтобы обвинить и большевиков во всех смертных грехах. Плеханов лелеял мечту создать меньшевизм без ликвидаторства, революционный меньшевизм, не понимая, что логика была на стороне ликвидаторов, что они просто последовательно развивали основы меньшевистской тактики. Плеханова объединяла с большевиками непримиримая борьба против всяких попыток ликвидировать нелегальную партию. Плеханов моментами, казалось, понимал всю глубину пропасти между легалистами и с.-д-тией. Он понимал, что «логика легализма ведет к отрицанию всех революционных идей», что «легалисту нечего делать с идеей гегемонии пролетариата: она только стесняла бы его во всех его практических выступлениях» (Плеханов, Соч., т. XIX, стр. 52). И по адресу Потресова он писал: «Несомненно, однако, то, что человек, для к-рого не существует наша партия, сам не существует для нашей партии» (Плеханов, Соч., т. XIX. стр. 153; подчеркнуто автором).

«Если Вы хотите жить, то Вам нельзя оставаться в мире с человеком, поставившим себе целью убить Вас. И точно так же, если Вы хотите, чтобы Ваша партия продолжала существование, Вы не можете мириться с людьми, желающими ее ликвидировать. Тут надо выбирать одно из двух: или приверженность к партии или мир с ликвидаторами. Третьего тут быть не может» (Плеханов, Соч., т. XIX, стр. 200). Но это не мешало ему делать и следующие признания по адресу ликвидаторов: «В противоположность сторонникам Ленина, нам чужда боязнь масс. Мы признаем громадную важность массового движения и открытых организаций рабочего класса. И в той степени, в какой ликвидаторы, подобно „экономистам", стоят на массовой почве, мы видим в их взглядах здоровое зерно» (там же, стр. 413). Точно такое же двойственное, противоречивое отношение было у Плеханова и к большевикам. К ним он относился даже с бо́льшим недоверием, хотя и вынужден был признавать их революционные качества. «У большевиков есть то несомненное преимущество, что они революционеры. Но тактические принципы, проводимые в жизнь этими несомненными революционерами, к сожалению слишком часто свидетельствуют о чрезвычайно узком, а иногда прямо ребяческом понимании революционного движения пролетариата» (там же, стр. 358). Большевики являются повинными в ликвидаторстве: «Наконец прав,—к величайшему сожалению, опять прав! т. Алексей и в том месте своего письма, где речь идет о „хищнической" эксплоатации сил природы „ленинцами". Эта эксплоатация, один из самых ярких признаков нашей политической незрелости, очень сильно способствовала возникновению „ликвидаторства"» (там же, стр. 36).

Занимая такую противоречивую позицию, Плеханов не понимал и путей возможного объединения партии. Он пытался не критически переносить европейский опыт на рус. почву. Он говорил: «Но решительно во всех с.-д. партиях Запада существуют реформисты (ревизионисты тоже); неужели же во всех этих партиях должен начаться раскол? Неужели же отвращение западных марксистов от „расколов есть признак их любви к мизерной дипломатии"». Таким образом, становится ясным, что Плеханов никак не может понять, что нельзя противопоставлять и отделять идейного и организационного межевания.—Плеханов не принимал и не мог принять той постановки, к-рую дал Ленин, что большевики из фракции должны построить партию: «Дело объединения представляется ему (Ленину. *А. Б.*) так: по его мнению оно будет закончено, когда его фракция поглотит, а стало быть и подчинит себе все остальные элементы российской с.-д-тии. Но представлять себе дело объединения так. образом значит стремиться не к объединению, а к увековечению раскола» (там же, стр. 534). Такая установка Плеханова и лишила его возможности принимать участие в деле воссоздания партии, не дала ему возможности понять, где создается действительное и подлинное единство партии.—В борьбе за восстановление партии, в борьбе за ее организационное оформление большевики были одни и проводили дело сплочения рабочего класса против и оппортунистических и примиренческих группок внутри с.-д-тии.

VIII. Большевизм в годы революционного подъема (1910—14).

Общая характеристика этого периода. Наиболее характерным для этого периода является то, что с чрезвычайной наглядностью вскрылся крах третьеиюньского режима. Процесс превращения царской власти в буржуазную монархию не поспевал за требованиями капиталистического развития страны. Гигантские противоречия, вызывавшие революционное движение масс, не только не ослаблялись, но нарастали и обострялись с невиданной силой. Государственная власть, «делая еще один шаг,—писал Ленин,—на этом новом пути, остается старой, и сумма политических противоречий от этого увеличивается» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 495). Теория наиболее последовательных ликвидаторов о якобы уже совершившемся превращении царизма в буржуазную монархию опрокидывалась неумолимым ходом событий. Со всей отчетливостью обнаруживалось и банкротство надежд, связанных с столыпинской аграрной «реформой», являвшейся частью третьеиюньской политики царизма.

Либеральная буржуазия все более и более связывала свою судьбу с судьбой старого режима и всем своим поведением с недопускающей сомнения ясностью вскрывала контр-революционный и великодержавно-империалистический характер своей политики. Т. о., ход событий целиком оправдывал прогноз большевиков. Россия шла к новой революции, при чем при такой расстановке классовых сил, к-рую предвидели и о к-рой неоднократно говорили большевики. Рабочий класс выступал как вождь движения. Переплетение экономической и политической стачек, перерастание первой во вторую, массовая революционная стачка, политические демонстрации, а в конце рассматриваемого периода и вооруженные уличные столкновения,—составляли основной фон этой революционной эпохи. Волнения во флоте и глухое брожение в войсках сигнализировали недовольство в широких массах крестьянства и городской мелкой буржуазии. Громадное ускорение революционного подъема начинается с ленских событий (апрель 1912).

Можно сказать, что искрой, воспламенившей рабочих на борьбу, явились Ленская стачка и Ленский расстрел в апреле 1912. В ответ на макаровское «так было, так будет» бастовали рабочие всех крупнейших центров. Одни исследователи этого движения считают, что в связи с Ленским расстрелом бастовало 260 т., а друг. определяют цифру забастовавших в 500 тысяч. Только улеглись забастовки в апреле, как поднялась опять волна забастовок в день 1 мая. В этот день бастовало 310 т. ч. Штрафы за майские забастовки вызвали новую серию забастовок, продолжавшихся до середины июля. На заводе Сименс и Гальске рабочие бастовали 91 день. Борьба отличалась необычайным упорством, организованностью и выдержкой. В октябре 1912 правительство отменило в Петербурге выборы в Думу по 22 крупным заводам. 5 октября начались забастовки, продолжавшиеся 10 дней и охватившие 50 тыс. чел. С 26 окт. по 2 ноября шли митинги и забастовки протеста по поводу приговора военно-морского суда в Севастополе над матросами, обвиняемыми в подготовке волнений. Участвовало в забастовках в Петербурге 60 тысяч рабочих (139 предприятий). Всего по России бастовало 250 т. 15 ноября были забастовки в связи с приведением приговора в исполнение и по случаю открытия 4-й Думы. В Петербурге бастовало до 30 т. В декабре развернулись стачки в связи с назначением представителей в страховые советы и протестом против преследования профсоюзов. Бастовало 55 тыс. рабочих.

Весь этот перечень стачечной борьбы показывает, во-первых, что борьба носила ярко наступательный характер; во-вторых, что она носила политический характер; в-третьих, что она была направлена своим острием против всего самодержавно-помещичьего строя, а не только на осуществление каких-либо частичных требований, и, в-четвертых, что экономические стачки быстро перерастали в политические, приобщая тем самым к политической борьбе все новые и новые слои рабочих. Совещание ЦК РС-ДРП с партийными работниками [в дек. 1912 так оценило развивающееся стачечное движение: «Самым крупным фактом в истории рабочего движения и русской революции за 1912 является замечательное развитие как экономической, так и политической стачечной борьбы пролетариата». Факты борьбы рабочих и волнения в войсках, отражающие недовольство крестьянства, показывают, что «Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеиюньской политики царизма».

1913 г. не принес «успокоения». Он был весь наполнен стачками и политическими выступлениями. 1914 г. дал новый размах движению рабочего класса, которое к июлю месяцу стало перерастать в свои высшие формы — в демонстрацию и баррикадную борьбу. 28 мая в Баку была объявлена всеобщая забастовка. Бастовало 30—35 т. чел.

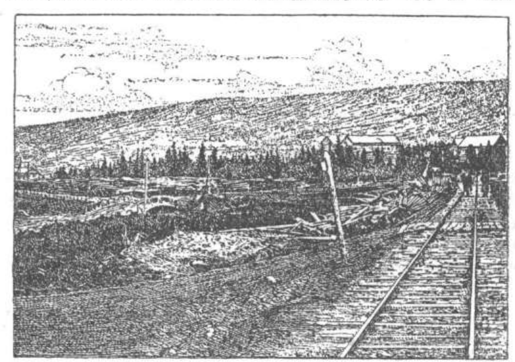

Рис. 10. Место Ленского расстрела. Апрель 1912.

Упорство стачечников было исключительное. Несмотря на все меры, репрессии и всякого вида расправу, забастовка прекратилась только с момента объявления войны. Эта забастовка послужила, в свою очередь, толчком к июльским забастовкам в Петербурге, переливавшимся в вооруженное восстание. Война прервала это нарастание революционной борьбы и на $2^1/_2$ года отсрочила падение самодержавия.

Во всей этой борьбе рабочий класс опять-таки выступал не за свои цеховые требования, не за «свободу коалиций», — он выступал «попрежнему как руководитель в революционной борьбе за общенациональное освобождение» [из резол. летнего (1913) совещ. ЦК с партийными работниками]. Промышленный подъем, совершенно отчетливо обозначавшийся уже в 1910, способствовал росту и консолидации рабочего класса. Все повышающаяся концентрация промышленности приводила к усилению мощных пролетарских отрядов в важнейших районах страны. Рост тяжелой индустрии еще более поднимал значение в массовом движении рабочих металлопромышленности и горнозаводского дела. Быстрый рост туземного накопления при значительном приливе в рус. промышленность иностранного капитала в обстановке развития форм монополистического капитализма толкал российскую

буржуазию на путь организации своих сил и применения «усовершенствованных» приемов борьбы с поднимающимся рабочим движением, что вносило в классовую борьбу между трудом и капиталом еще больше остроты и напряженности.

Оживление политической и экономической борьбы рабочего класса, чрезвычайное упорство и напряженность этой борьбы опять повысили в глазах рабочего класса значение профессиональных организаций, к-рые, несмотря на преследования, все же росли довольно быстро. Уже 1-е полугодие 1910 является переломным. Не только прекращается падение общего числа членов профсоюзов, но и наблюдается даже прирост платящих членов профсоюзов. По России, по далеко неполным данным, в начале 1912 насчитывалось 63 союза, с общим числом членов в 15 тысяч. В конце 1912 было уже 88 союзов, из них в 57 было 13.500 ч. В конце 1913 было 118 союзов, из них в 73 было 34.800 чел. Общее число учитывалось в 40—45 тысяч. Темп роста профдвижения хорошо иллюстрируется ростом Петербургского союза металлистов. Этот союз в июле 1913 имел 3.353 чел., в январе 1914 — уже 10.273, а к моменту закрытия в середине 1914—12 тысяч. Союз печатников в 1913 насчитывал 2.168 членов, а в 1914—уже 5 тыс. Все эти обстоятельства создавали прочные предпосылки для быстрейшей ликвидации идейно-организационного разброда в рабочем движении и партии рабочего класса и тем самым предопределяли те победы большевизма, к-рые стали характерны для периода революционного подъема 1911—14. С момента оживления рабочего движения и особенно с момента начала массового революционного подъема вопрос об укреплении большевистской партии, могущей руководить все более и более развертывавшимся движением, встал острее, чем когда-либо в другое время. Между тем, антипартийные, околопартийные и «примиренческие» группы и течения мешали этому окончательному организационному оформлению большевистской партии и созданию крепких работоспособных партийных центров. Это, в свою очередь, нередко способствовало тому, что процесс воссоздания партийных организаций на местах шел кустарно, без надлежащего руководства.

Организационное оформление большевизма и Пражская конференция 1912. Январский пленум Центрального Комитета не только задержал на некоторое время процесс окончательного организационного оформления пролетарской партии, но он также знаменовал собой полный крах примиренческих попыток. Кроме большевиков, никто не выполнил его решений. Когда это выяснилось, большевики подали в Заграничное бюро Центрального Комитета заявку о возврате им переданных в общую кассу денег. Заграничное бюро ЦК, на основании решения пленума ЦК, должно было для обсуждения этого вопроса созвать пленум ЦК не позднее, чем через три месяца после подачи заявки. Но Заграничное бюро ЦК попало в руки ликвидаторов благодаря тому, что вместо Берзина (представитель латышей) вошел в Заграничное бюро ЦК Шварц, склонявшийся к поддержке ликвидаторов. Горев, секретарь Заграничного бюро ЦК, решительно возражал против созыва пленума, считая, что заграничные пленумы слишком дорого стоят и безрезультатны. Наконец, почти через два месяца (27/I 1911) Заграничное бюро ЦК приняло решение передать вопрос о созыве пленума на имеющую собраться русскую коллегию ЦК. Большевики заявили, что они не могли предусмотреть два месяца назад возможность созыва русской коллегии ЦК, тем более, что ей в течение восьми месяцев не удалось ни разу собраться, вследствие провалов и саботажа меньшевистских членов ЦК, и что они согласны предоставить русской коллегии ЦК 3-месячный срок для решения вопроса о созыве пленума.

Созвать русскую коллегию ЦК не удалось. Тогда 26 мая Заграничное бюро ЦК принимает решение создать комиссию по рассмотрению вопроса о возврате большевикам денег. Еще перед этим заседанием Заграничного бюро ЦК состоялось совещание большевиков—членов ЦК, на котором было решено, в случае отказа Заграничного бюро ЦК созвать пленум, разорвать с Заграничным бюро ЦК и принять меры к созыву пленума ЦК помимо Заграничного бюро. В виду неудовлетворительности решения Заграничн. бюро ЦК 26 мая, Семашко 27 мая сообщил о выходе из Заграничного бюро и заявил, что «кассу и дела я сдам единственно правомочному в данный момент собранию, созываемому на понедельник (5 июня), совещанию цекистов».—Совещание членов ЦК состоялось в июне 1911 в Париже. Присутствовало на совещании 6 членов ЦК из 9 приглашенных [1 бундовец совсем не явился, бундовец Либер ушел с совещания на второй день, голосовец Игорь (Горев) немедленно покинул совещание]. Принимали участие в совещании: Ленин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Тышко, Шварц. Совещание приняло решение о принятии мер по созыву пленума ЦК, о предстоящих выборах в 4-ю Гос. думу, о созыве партийной конференции, о Заграничном бюро ЦК и о создании Технической комиссии. Совещанием была выделена комиссия по созыву пленума. Была создана Заграничная организационная комиссия по созыву конференции в составе Каменева, Семашко, Рыкова (замененного впоследствии Владимирским), Любимова (Марка) и Тышко и Техническая комиссия в составе Рыкова (замененного Владимирским), Зиновьева и Тышко. Конференция должна была быть созвана на основании решений пленума ЦК в январе 1912. Организационной комиссии поручалось обратиться ко всем заграничным партийным организациям с предложением делегировать по одному представителю в ОК для совместной работы по немедленному созыву конференции. Приглашения были посланы меньшевикам-партийцам, группе «Вперед», группе «Правда», «Бунду» и Латышской социал-демократии. Для приглашения других течений считалось достаточным предложения одного из представителей перечисленных групп. Вскоре после совещания из редакции ЦО вышли Мар-

тов и Дан, а следом за ними и Ледер. В августе выяснилась полнейшая невозможность созвать пленум ЦК, вследствие упорного саботажа со стороны большинства Заграничного бюро ЦК.

Предложение Заграничной организационной комиссии ко всем заграничным группам включить своих представителей в состав ОК было отклонено меньшевиками - партийцами и группой «Вперед». От остальных не было получено никакого ответа. Заграничная организационная комиссия решила создать Российскую организационную комиссию. Для объезда организаций и создания РОК были посланы в Россию тт. Семен Шварц, Бреслав и Орджоникидзе. Работа по созданию Российской организационной комиссии протекала весьма успешно. Местные организации горячо откликнулись на идею созыва общепартийной конференции. Кроме большевиков, разделяли необходимость созыва конференции и меньшевики-партийцы и впередовцы, работающие на местах.—В ноябре состоялось первое заседание РОК, на к-ром были представители Бакинской, Киевской, Екатеринославской, Тифлисской и Екатеринбургской организаций. По чисто случайным причинам не присутствовал представитель Петербурга. Несколько позже к РОК примкнула и Москва. Совещание постановило сконституироваться в Российскую организационную комиссию и заслушало доклады с мест о положении с.-д. организаций. На своем втором заседании РОК постановила настаивать на подчинении ей ЗОК и вынесла решение, по которому ЗОК не могла без ведома РОК предпринимать литературных или иных выступлений. Третье заседание РОК посвятила рассмотрению своего обращения к партии; по его принятии и установлении порядка выборов на конференцию, РОК считала свою работу по созыву конференции выполненной. В своем обращении о созыве конференции она писала, что к ней присоединились следующие организации: Уральская, Киевская, Петербургская (Василеостровский, Петербургский, Невский и Колпинский районы), Бакинская, Ростовская, Нижегородская, Сормовская и Тифлисская.

Успешная работа РОК была возможна потому, что к концу 1911 соц.-дем. работа на местах значительно оживилась и растущие местные партийные организации нуждались в объединении, в руководстве и в создании работоспособных центральных учреждений партии. Это и было сделано на конференции в янв. 1912 в Праге. Конференция работала с 19 (6) по 30 (17) января. На ней были представлены почти все действовавшие с.-д. большевистские организации. С решающими голосами присутствовали представители следующих орг-ций: Петербургской (Залуцкий, Ануфриев), Московской и Центрально-Промышленной области (Голощекин, Зиновьев, Малиновский и Романов; последние оба — провокаторы), Киевской (Ордынский), Екатеринославской, Николаевской (Серебряков), Бакинской (Спандарьян), Тифлисской (Орджоникидзе), Саратовской (Воронский), Казанской (Догадов), Виленской (Гуревич) и Двинской. С совещательными голосами присутствовали: 1 делегат ЦО «Социал-демократ» (Ленин), 1—«Рабочей Газеты» (Каменев), 1 — Комитета заграничных организаций (Семашко), 1 член транспортной группы (Пятницкий). Участвовали в конференции как представители указанных организаций и персонально приглашенные следующие товарищи: Ленин, Каменев, Зевин. С опозданием явились 2 члена 3-й Гос. думы—Полетаев и Покровский. Были приглашены представители групп: «Вперед», «Правда», «Дневник Социал-демократа», но они не явились. Национальные организации также отказались от участия в конференции. На конференции присутствовали большевики и меньшевики-партийцы. Последних было всего 2—3 человека.

В результате работ конференции были приняты следующ. решения: 1) о Российской организационной комиссии по созыву конференции; 2) о конституировании конференции; 3) об отсутствии делегатов от национальных центров на общепартийной конференции; 4) об отчетах с мест; 5) о современном моменте и задачах партии; 6) о выборах в 4-ю Государств. думу; 7) о думской с.-д. фракции; 8) о характере и организационных формах партийной работы; 9) о задачах соц.-дем. в борьбе с голодом; 10) об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих; 11) о «петиционной кампании»; 12) о ликвидаторстве и о группе ликвидаторов; 13) о Центральном органе; 14) о «Рабочей Газете»; 15) о газете «Правда»; 16) изменение Организационного устава партии; 17) об имуществе, находящемся в руках бывшего держателя, и о денежных отчетах; 18) о «Красном кресте»; 19) о партийной организации за границей; 20) о нападении русского правительства на Персию; 21) о китайской революции; 22) о политике царизма по отношению к Финляндии; 23) приветствие герман. с.-д-тии. В заключение работ конференции был избран ЦК партии в следующем составе: Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе, Спандарьян, Малиновский, Голощекин, Давид Шварцман. Кандидаты к ним: Бубнов, Стасова, М. Калинин, Смирнов. Позднее в члены ЦК были кооптированы Сталин и Белостоцкий, а также Я. М. Свердлов. Важнейшей резолюцией конференции является резолюция «О современном моменте и задачах партии». Ее суть сводится к следующему: 1) подтверждается резолюция общепартийн. конференции в декабре 1908 и констатируется, что оценка, данная третьеиюньскому режиму, является правильной и вполне подтвердившейся; 2) отмечается крах аграрной политики царизма, которая «не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазн. отношений в деревне» и не спасла многомиллион. крестьянство от голодовок; 3) указывается на рост грубо-националистическ. политики царского правительства против окраин (Финляндия, Польша, Северо-западн. край) и грабительские колониальные захваты (Персия, Китай), направленные против национально-освободительного движения в колониях и полуколониях; 4) отмечается, что экономический подъем парализуется полным расстройством экономич. положения крестьян. хозяйства,

и 5) указывается, что Россия переживает начало политического оживления и что налицо имеются «проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3-го июня». В качестве задачи перед революц. движением выдвигалось «завоевание власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство», при этом подчеркивалось, что эта задача «остается попрежнему задачей демократического переворота в России». Очередными задачами с.-д. работы были намечены: длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата; 2) усиление работы по восстановлению нелегальной организации РС-ДРП; 3) усиление систематической агитации.

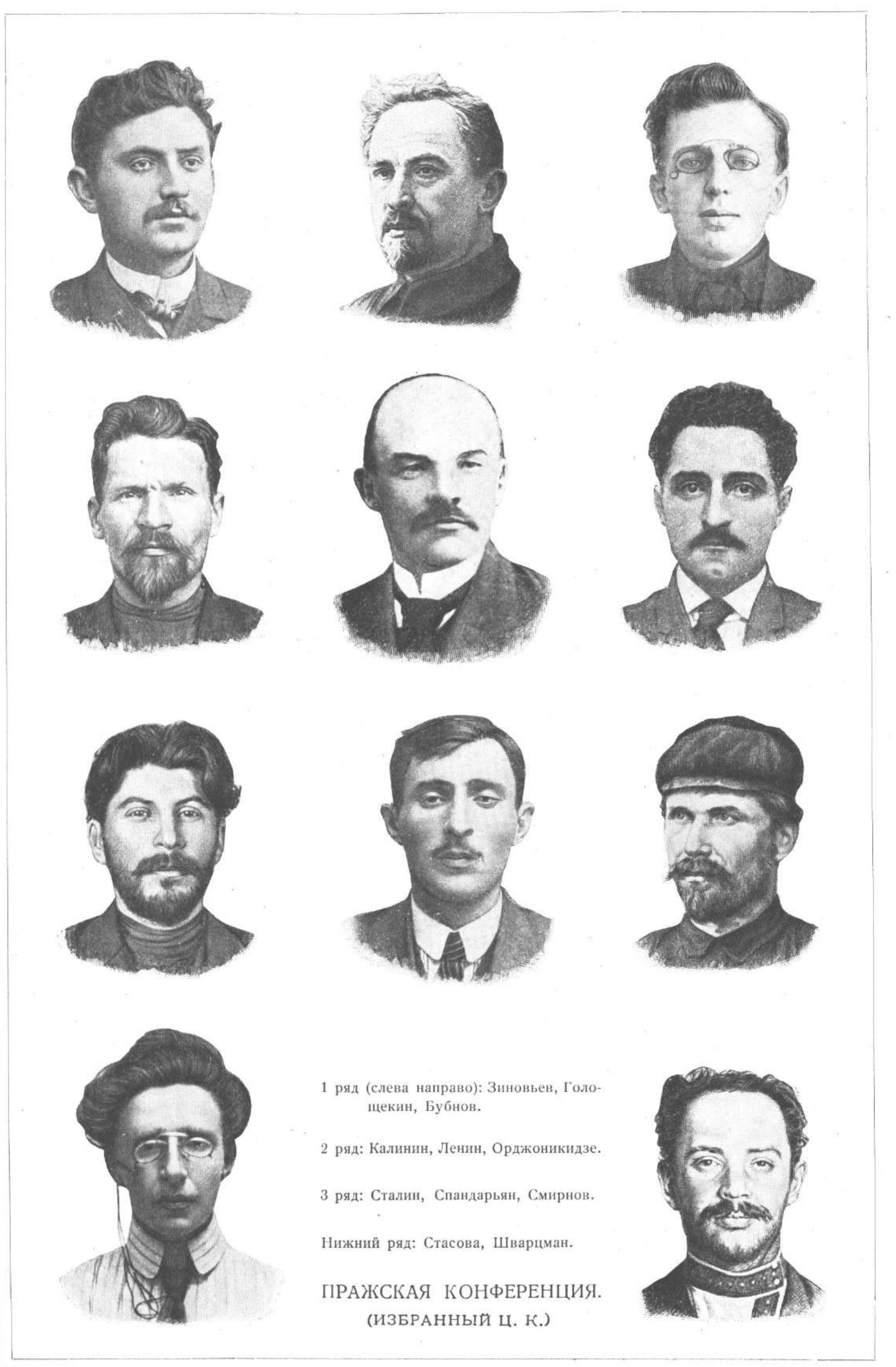
В резолюции о выборах в 4-ю Гос. думу выдвигалась в качестве главной задачи «социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса». Вся агитация должна была проходить под неурезанными лозунгами: 1) демократическая республика, 2) 8-часовой рабочий день, 3) конфискация всей помещичьей земли. И только «в неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны пропагандироваться все остальные требования соц.-дем. программы-минимум, как-то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа».

Конференция в резолюции о «петиционной кампании» резко высказалась против методов, к-рые применялись ликвидаторами для завоевания свобод. Конференция указала, что метод петиций вообще может быть использован в соответствующих условиях, но в «переживаемую эпоху петиция является одним из наименее пригодных средств с.-д. агитации».—Резолюция о характере и организационных формах партийной работы, отметив, что попрежнему нужно итти «по пути создания нелегальных соц.-дем. ячеек, окруженных возможно более разветвленной сетью всякого рода легальных рабочих обществ», выдвигала в качестве основных задач: а) самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве экономической борьбой; б) проявление возможно большей инициативы в деле постановки соц.-дем. работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма и т. д.; в) проявление энергичных усилий в деле укрепления и увеличения числа нелегальных партийных ячеек; г) упрочение руководящих нелегальных партийных организаций в каждом городе.

Громадное значение имеет резолюция конференции «о ликвидаторстве». В этой резолюции приводится перечень всех главнейших антипартийных выступлений ликвидаторов, к-рый завершается резюме, что «группа «Нашей Зари» и «Дела Жизни» своим поведением окончательно поставила себя вне партии». «Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной РС-ДРП». Т. обр., конференция решила, что восстановление партии должно итти в решительной борьбе против ликвидаторов. Этим решением была уничтожена фракционность в партии, являвшаяся «главной и отличительной чертой с.-д. партии одной определенной исторической эпохи» и именно эпохи «с 1903 по 1911 год» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 380).

Конференция сыграла громаднейшую роль в жизни партии. Она собрала воедино все действительно партийные, соц.-демократич. элементы. Ленин писал Горькому (в начале 1912): «Дорогой А. М. В скором времени пришлем Вам решения конференции. Наконец удалось—вопреки ликвидаторской сволочи—возродить партию и ее ЦК. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами» (Ленинский сборник, III, стр. 523).—Решения конференции вызвали самую горячую поддержку местных организаций и яростное сопротивление всевозможных заграничных группок. «...Перед таким набегом на партию,—писали „впередовцы",—решительно все партийные элементы должны сплотиться и спасать партию от разгрома ее раскольниками». В виду этого, группа «Вперед» «приветствует попытку «Бунда», с.-д-тии Латышского края и Областного кавказского комитета создать подлинную РОК для созыва подлинной общепартийной конференции». Троцкий был также против Пражской конференции: «В январе этого года,—писал он,—состоялось за границей совещание нескольких рус. практиков с ленинским литературным кружком. В извещении ленинцев это совещание названо „Всероссийской конференцией партии". В резолюции группы „Вперед" оно названо „набегом на партию". Все факты и обстоятельства этого совещания заставляют нас признать, что последнее название гораздо точнее выражает сущность дела». И далее подчеркивалось, что и никакой серьезный партийный работник не захочет отдавать свои силы на явно безнадежное «кружковое дело». Плеханов тоже не поддержал этой конференции, считая ее явно фракционным делом. В письме к Гюисмансу Плеханов писал: «Факт тот, что конференция... объединила делегатов лишь одного—довольно сильного—направления нашей партии», и, по его мнению, «раскол тем более вероятен, что все организации, не принявшие участия в названной конференции,—а они составляют значительное большинство,—приготовляют другую» (Плеханов, Соч., т. XIX, стр. 416).

Пражская конференция 1912 окончательно выводила партию из полосы идейно-организационного разброда и являлась последним звеном в процессе организационной кристаллизации большевизма как самостоятельной революционной последовательно-марксистской партии пролетариата. Дальнейшая история РС-ДРП есть не что иное, как рост, укрепление и усиление большевистск. партии и распад всяких мелких заграничн. группок, служивших основой заграничн. интриганства, авантюризма и мелкобурж. оппортунизма. После Пражской конферен-

1 ряд (слева направо): Зиновьев, Голощекин, Бубнов.

2 ряд: Калинин, Ленин, Орджоникидзе.

3 ряд: Сталин, Спандарьян, Смирнов.

Нижний ряд: Стасова, Шварцман.

ПРАЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.
(ИЗБРАННЫЙ Ц. К.)

ТРЕСТ „ГЕОКАРТПРОМ"

ции большевики имели непрерывные успехи не только в области восстановления нелегальной партии, но и в отношении использования легальных возможностей. Именно большевики первые поставили в России большую ежедневную марксистскую рабочую газету «Правду», выходившую с апреля 1912 по июль 1914. В конце 1911 был создан и марксистский журнал «Просвещение», существовавший до 1917. Газета «Правда», сменившая «Звезду» (выходила с декабря 1910 по сентябрь 1912), сыграла колоссальную роль в жизни партии и рабочего движения. Она выступала не только как коллективный агитатор, но и как коллективный организатор. Значение «Правды» в отношении руководства стачечной и политической борьбой рабочих было совершенно исключительное. «Правда» воспитала целое поколение ленинцев-рабочих, к-рое сейчас находится на важнейших постах во всех областях нашей работы. «Правда» пользовалась громадной и исключительной любовью рабочих и только благодаря их беззаветной поддержке смогла просуществовать до самого начала империалистской войны, несмотря на все преследования царской полицейщины и охранки.— Кроме постановки газеты, большевики сумели завоевать важнейшие позиции и в области др. легальных возможностей (в профсоюзах, клубах, просветительных обществах и т. д.). Так, напр., в 1912 под руководство большевиков переходит крупнейший профсоюз—союз металлистов.

Августовский блок. Между тем, меньшевики и всякие мелкие группки, объявив решения Пражской конференции раскольническими, «набегом на партию» и призвавшие всех бороться против большевиков, подняли кампанию по объединению всех антибольшевистских элементов. В январе 1912 в России, по инициативе Бунда, было созвано совещание с участием: Бунда, ЦК с.-д. латышей, Кавказского областного комитета. Представитель Главного правления с.-д-тии Польши и Литвы ушел с заседания. На совещании был создан ОК, задачей к-рого и должен был явиться созыв партийной конференции. В результате своей работы ОК объединил вокруг себя: 1) меньшевистские, по преимуществу ликвидаторские группки российских меньшевиков, 2) Кавказский областной комитет, 3) латышей, 4) Бунд, 5) группу «Вперед» и 6) группу Троцкого. В ОК был впоследствии включен представитель явно ликвидаторской петербургской центральной инициативной группы, внесшей предложение ограничить задачи конференции обсуждением вопросов о выборах в 4-ю Госуд. думу. Троцкий, выступавший главным «примирителем», кричавший на всех углах о победе партийности над кружковщиной, об объединении всех сил против большевиков, целиком и полностью попал в ликвидаторские объятия.

Конференция состоялась в августе 1912 в Вене. Она представляла конференцию оторванных от практики заграничных лидеров и представителей национальн. соц.-дем. организаций. И это настолько чувствовалось, что конференция не решилась назвать себя всероссийской, а сконституировалась, как конференция «некоторых российских организаций РС-ДРП».—Решения конференции вполне соответствовали ее составу. Их ликвидаторский смысл ясен из принятой избирательной платформы РС-ДРП к выборам в 4-ю Гос. думу. В этой платформе отодвигалось назад требование демократической республики и вместо требования «конфискации помещичьих земель» выставлялось требование «пересмотра аграрного законодательства 3-й Думы». Конференция отказалась дать цельную оценку современного момента. В области организационной она сделала реверанс в сторону нелегальной партии. Но цена этого реверанса будет ясна, когда мы узнаем, что резолюция по вопросу об организационном строительстве партии была составлена делегатом инициативной группы меньшевиков, отрицавших самую необходимость существования нелегальной партии. В области программной конференция, кроме отступлений в отношении требования республики и конфискации помещичьей земли, допустила также отступление и в области национального вопроса, скатившись к требованию «национально-культурной» автономии.

Плеханов писал об этой конференции, что «новая раскольничья конференция представляет нечто в полном смысле слова невероятное как по своему составу, так и по жалкому ничтожеству своих результатов» (Плеханов, Соч., том XIX, стр. 435).

Конференция создала «августовский блок». Основной чертой этого блока является его полнейшая беспринципность. Острие этого блока направлено против партийности. Объединились в этом блоке, с целью бороться против большевистской партии, и элементы, признающие необходимость нелегальной деятельности партии, и элементы, признающие только легальную работу и борющиеся против партии («Инициативные группы» и т. д.), объединились по сути дела на почве ликвидаторских решений. Ленин с самого начала вскрыл беспринципность и авантюризм этого блока. «И вот именно с точки зрения „принципиальных основ“,—писал он,—мы не можем не признать этот блок авантюризмом в самом точном значении слова» (Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 68).—История существования августовского блока есть история беспомощного метания его ОК, бессильных потуг организовать что-то в противовес большевикам и медленного постепенного распада на его составные части, на отдельные заграничные группки, без намека на связи и влияние в рабочем движении.

Февральское совещание ЦК РС-ДРП с партийными работниками. Развертывающееся массовое рабочее движение, укрепление нелегальной партийной организации, успешная работа по использованию легальных возможностей выдвинули перед партией ряд новых и сложных задач. Эти задачи и были подвергнуты всестороннему обсуждению на совещании ЦК РС-ДРП (большевиков) с партийными работниками, состоявшемся в декабре 1912 (названном по конспиративным соображениям февральским 1913) в Кракове, куда к тому времени перебрался

ЦК. Состав совещания был следующий: Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Сталин, Малиновский (провокатор), Бадаев, Петровский, местные работники—Лобова, Медведев, Розмирович, затем Трояновский и другие. Представлены были: Петербург. организация (пятеро), Московская областная (двое), Юг (двое), Урал и Кавказ. Все местные работники принимали выдающееся участие в различных рабочих обществах и так наз. «легальных возможностях». Совещанием были приняты следующие задачи: 1) революционный подъем, стачки и решения партии, 2) строительство нелегальной организации, 3) о думской с.-д. фракции, 4) о нелегальной литературе, 5) о страховой кампании, 6) об отношении к ликвидаторам и о единстве, 7) о «национальных» соц.-дем. организациях. Резолюция по первому пункту порядка дня отмечает, что Россия «снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс» и что «новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеиюньской политики царизма». В качестве очередной задачи выдвигается «устройство уличных революционных демонстраций, как в их сочетании с политическими стачками, так и в качестве самостоятельных выступлений». В резолюции о строительстве нелегальной организации отмечается на основе всего опыта борьбы, что «единственно правильным типом организационного строительства в переживаемую эпоху является нелегальная партия, как сумма партийных ячеек, окруженных сетью легальных и полулегальных обществ».

Очень большое значение имеет резолюция «об отношении к ликвидаторству и о единстве». Совещание указывает, что ликвидаторы, стремясь разрушить нелегальную партию, выделялись и создавали инициативные группы, тем самым совершая раскол, оформленный августовской ликвидаторской конференцией. Решение конференции, которое говорило о необходимости нелегальной партии, срывается журналом «Наша Заря» и газетой «Луч». Эти органы ведут агитацию: 1) за открытую партию, 2) против подполья, 3) против программы (защита культурно - национальной автономии, отодвигание лозунга республики, выдвижение лозунга пересмотра аграрного законодательства 3-й Госуд. думы), 4) против революционных массовых стачек и 5) за реформистскую, исключительно легалистскую тактику. Поэтому вся ликвидаторская проповедь об объединении есть пустое лицемерие, стремление запутать рабочих, внести разброд и колебание в их ряды. Совещание не высказывается против объединения с.-д. рабочих. Наоборот, оно его всемерно приветствует, но требует принципиальной ясности основ объединения. «Только в меру этого фактического создания единства снизу,—говорилось в резолюции,—будет завершаться окончательное сплочение партии и полное укрепление единства во всероссийском масштабе». Именно единство снизу, единство «рабочих - марксистов» выставлял т. Ленин в качестве основного требования. «Единство—великое дело и великий лозунг. Но рабочему делу нужно единство марксистов, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма». «Основа единства—в классовой дисциплине, в признании большинства, в дружной работе в рядах и в ногу с этим большинством» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 313—317).

Августовское совещание ЦК с партийными работниками состоялось с 5 по 14 октября (22 сентября — 1 октября) 1913 («летнее», или «августовское») в дер. Поронино (Галиция). На нем присутствовало 22 делегата — деятели нелегальной и легальной соц.-дем. работы в Петербурге, Москве, Центрально-Промышленном районе, на Юге, на Урале и в Польше. Персонально установлены следующие участники совещания: Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, члены Госуд. думы Бадаев, Петровский, Малиновский, Муранов и Шагов; участвовали также Трояновский, Шотман, Инесса Арманд, Е. Розмирович, Дерябина, Новожилов, Балашов, Лобов (провокатор); от польской соц.-д-тии «розламовцев»—Лещинский, Ганецкий и Каменский. Совещанием были приняты следующие решения: 1) о задачах агитации в настоящий момент, 2) по организационному вопросу и о партийном съезде, 3) о стачечном движении, 4) о партийной печати, 5) о думской работе соц.-дем., 6) о думской с.-д. фракции, 7) о работе в легальных обществах, 8) по национальному вопросу и 9) о народниках.

Резолюция о задачах агитации отмечает дальнейшее обострение положения в стране, недовольство, которое охватывает все более и более широкие слои народа. Рабочий класс выступает гегемоном в революционной борьбе. Массовая революционная стачка продолжает развиваться. «Действительная борьба передовых отрядов рабочего класса происходит под революционными лозунгами». «Задачей передовых рабочих является своей работой агитации и просвещения ускорить сплочение пролетариата под революционными лозунгами эпохи». В резолюции по организационному вопросу необходимо отметить решение о созыве партийного съезда. Резолюция о думской с.-д. фракции выдвигает основной вопрос о равноправии двух частей фракции—большевистской и меньшевистской. В резолюции отмечается, что 7 депутатов серьезно угрожают единству фракции, т. к. не дают шестерке выступать с трибуны, не предоставляют мест в комиссиях, лишают представительства в важные для рабочего движения учреждения и т. д. и т. п. На заседании ЦК совместно с Петровским и Малиновским, происходившем 17—18 октября, решено было в отношении думской семерки итти на раскол, если последняя не пойдет навстречу желаниям думской шестерки.

Чрезвычайно большое значение имеет резолюция совещания по национальному вопросу. Вопросы национальной политики ставились в связи с общими вопросами неоднократно и раньше. Но цельную и систематически развитую позицию впервые дало это совещание. Постановка на очередь дня национального вопроса вызвана была разгулом черносотенного национализма, ро-

стом великодержавно-националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усилением националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей и попытками Бунда и кавказских с.-д. изменить в этом пункте программу партии. Мы уже знаем, что ликвидаторская конференция § 9 программы, гласящий, что соц.-д-тия признает «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», истолковала как вполне совместимый с требованием «культурно-национальной» автономии. А «сущность плана или программы т. н. „культурно-национальной“ автономии (иначе „создание учреждений, гарантирующих свободу национального развития“) состоит в разделении школьного дела по национальностям» (Ленин, Соч., том XVII, стр. 92). Совещание самым резким образом высказывается против лозунга «культурно-национальной» автономии и считает, что «интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д.». По вопросу о § 9 программы совещание приняло следующее решение: «Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право». И, наконец, последний важный вопрос, на который дан ответ в резолюции совещания,—это вопрос о праве наций на самоопределение и вопрос о целесообразности отделения той или иной нации. Эти два вопроса непозволительно смешивать. «Этот последний вопрос (т. е. вопрос о целесообразности отделения) социал-дем. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата за социализм».

В этот период (1912—13) Ленин с особенной резкостью боролся против ошибок в национальном вопросе не только со стороны ликвидаторов, но и со стороны Розы Люксембург и друг. польских с.-д. И если с ликвидаторами он боролся против их увлечения мещанскими идейками «культурно-национальной» автономии, то с Розой Люксембург он боролся как-раз против ее нигилизма в национальном вопросе, непонимания всей важности для с.-д. лозунга самоопределения наций.

Состояние партийных организаций. Вскоре после август. совещания раскол думской фракции стал фактом. Депутаты-большевики (Бадаев, Муранов, Малиновский, Самойлов, Шагов, Петровский) 2 ноября (20 октября) 1913 опубликовали обращение к рабочим, где объявили, что они вынуждены создать особую социал-демократическую большевистскую фракцию, так как их неоднократные попытки урегулировать отношения внутри «общей» социал-демократической фракции ни к чему не приводили, что можно и необходимо говорить и о большинстве и о подчинении его решениям, но при условии связанности «общим пониманием дела, общим пониманием задач, стоящих перед современным рабочим движением, общим уставом и общими руководящими решениями, к-рые признаны всеми, к-рые ни в ком не возбуждают сомнений». Между тем «семерка» нарушила с.-д. программу, включив культурно-национальную автономию в думскую декларацию, приняла в среду фракции не с.-д. Ягелло и заявила, что ее боевой лозунг—свобода коалиций. Раскол оказался неизбежен. Вопрос этот волновал широкие массы рабочих в течение долгого времени, и результаты его обсуждения показали, что рабочие в подавляющем большинстве стоят за «шестерку» и резко осуждают поведение «семерки». Интересно, что Плеханов встал на сторону шестерки, резко осуждая ликвидаторов. Троцкий же мобилизовал все свои способности «примиренца», чтобы доказать, что раскол фракции есть результат «фракционного своеволия» ленинского кружка, так как «обе думские фракции стоят на одной и той же классовой основе и исходят из одной и той же программы: этот факт и имеет для нас решающее значение».

Развивающееся рабочее движение шло под большевистскими лозунгами. Нелегальная партия все более крепла. Корреспонденции с мест рисуют картину значительного подъема соц.-дем. движения. Вот нек-рые корреспонденции в ЦО «Социал-демократ», №№ 31 и 32, за окт.—ноябрь 1913: М о с к в а. В центре имеется руководящая группа. Организованы и функционируют 14 кружков по 7 человек в каждом. Состав организации преимущественно молодой, не бывший раньше в партии. Организация быстро растет. Нехватает опытных руководителей и нелегальной литературы. Ни малейшего влияния ликвидаторы здесь не имеют.—Ц е н т р а л ь н а я п р о м ы ш л е н н а я о б л а с т ь. В конце 1912 создалась центральная областная группа. Имеются прочные связи с местными организациями в более чем 12 крупных фабричных центрах. В одном городе, служащем центром обширного промышленного района, существует организация, насчитывающая ок. 100 чел.; во главе стоит комитет из 5 чел.—М о с к о в с к а я о к р у ж н а я о р г а н и з а ц и я. Имеются и стоят довольно прочно организации в Серпухове, Богородске, Подольске, Коломне, Егорьевске, Гривне, Раменском, Павловском посаде, Орехово-Зуеве, Иванове и др. Ликвидаторов в Московской губ. очень мало, и отношение к ним самое отрицательное, хотя часто и не совсем сознательное.—П е т е р б у р г (сент., ноябрь). В течение лета всеми делами в Питере руководил Петербургский комитет, работающий без перерыва с осени прошлого года. У ПК связи на всех заводах. Забастовки 9/I, 4/IV и 1/V объявлял ПК. «Можно сказать, что Питерская организация возродилась, окрепла и развивается благодаря политическому стачечному движению». «Я стоял в центре движения рабочих в Петербурге и на каждом шагу постоянно чувствовал, как растет сила рабочих, как со всех сторон прямо-таки прет, прет и прет». «„Прет“ невероятно сильно. Зараза, как в 1905, начинает проникать в самые далекие слои».—У р а л: Е к а т е р и н б у р г. Организации от 10 до 70 чел. имелись на заводах: Верх-Исетском, Валь-

цовой фабрике бр. Макаровых, мельнице бр. Макаровых, спичечной фабрике Логинова, механическом заводе Ятеса, железнодорожн. мастерских. Кроме того, работа велась среди типографов, на электрической станции, лесопильном заводе Кроля и в каретной Зайцева. Ликвидаторов почти нет.—Мотовилиха. Идет энергичная работа. Около 200 человек в организации. Состав чисто рабочий. Есть незначительная ликвидаторская группа, «не признающая никакой нелегальной работы».

О степени удельного веса большевиков и ликвидаторов можно судить хотя бы по распространению на Урале газет «Правда» и «Луч». Выписывалось газет в апреле—начале мая:

Заводы	«Правда»	«Луч»
Верх-Исетский	30 экз.	2 экз.
Механический Ятеса	27 »	3 »
Лысьвенский	150 »	10 »
Сысертский	70 »	30 »

И если большевики не имели оснований унывать и всемерно работали над созданием партии, то настроение ликвидаторов не менялось. Аксельрод писал Потресову в янв. 1914, повторяя жалобы на положение дел: «А на „наши дела“ я начинаю смотреть еще пессимистичнее, чем до сих пор. С одной стороны, окружающая общественная атмосфера еще слишком примитивна, мало сознательна; с другой — в среде сторонников „мира“ слишком много представителей „моральной и интеллектуальной слякоти“». «Августовский блок», провозглашенный с таким шумом Троцким, к началу 1914 благополучно рассыпался. Троцкий исчез из «Луча» и издает «нефракционный» журнал «Борьба». Ан, лидер кавказцев, сотрудничает в «Борьбе». Неизвестно, с «Лучем» ли кавказцы. Латыши вышли из блока, заявив, что «попытка со стороны примирителей объединиться во что бы то ни стало с ликвидаторами (Августовская конференция 1912) оказалась бесполезной, и объединители сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов» (Ленин, Сочинения, том XVII, стр. 289). Ленин имел все основания написать, что «августовский блок оказался,—как мы говорили тогда же,—в авг. 1912 пустым прикрытием ликвидаторов. Он разорван. Не удержались вместе даже русские его друзья» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 252). Всевозможные заграничные группы оказались отброшенными массовым рабочим движением. К началу 1914 были следующие заграничные группки, «желающие тоже быть течениями»: 1) впередовцы с Алексинским; 2) то же с Богдановым; 3) то же с Воиновым; 4) плехановцы; 5) «большевики-партийцы» (на деле примиренцы); 6) троцкисты; 7) «кавказцы» (т. е. Ан без Кавказа). «Все эти группки без единого исключения—один сплошной авантюризм... Деятели всех названных группок обнаружили за эти 10 лет самые беспомощные, самые жалкие, самые смехотворные колебания».

Борьба за влияние на рабочее движение велась только между двумя течениями—«правдистским» и ликвидаторским. При этом несомненный и подавляющий перевес был на стороне большевиков. Этот перевес сказывался и в сфере легальной и в сфере нелегальной деятельности. За два года (1912—1913) на марксистскую печать поступили сборы от 3.196 рабочих групп, на ликвидаторскую—от 750 рабочих групп. С 1/I по 1/IV 1914 в газеты «Путь Правды» и «Пролетарская Правда» поступило сборов еще от 1.127 рабочих групп. Всего, т. о., марксисты объединили 4.500 рабочих групп. Меньше 20% рабочих поддержало ликвидаторов, св. 80% рабочих поддержало большевиков.—Из всех депутатов, избранных в Гос. думу по рабочей курии, было большевиков: при выборах во 2-ю Государственную думу 47%, в 3-ю—50% и в 4-ю Гос. думу—67%. В начале января 1914 в Петербурге происходили выборы от рабочих больничных касс во Всероссийский страховой совет и Столичное страховое присутствие. В первое выбрали 5 чел. и 10 заместителей, во второе—2 чел. и 4 заместителей. Прошли целиком списки сторонников «Правды». На последнем собрании по выборам было сторонников «Правды» 37 чел., ликвидаторов—7 чел., народников — 4 чел. и неопределившихся—5 человек. В связи с расколом в думской фракции за шестерку высказались, дав свои подписи, 4.850 рабочих, а за семерку — 2.539 (включая сюда и всех союзников ликвидаторства—Бунд, кавказцев и т. д.). Перевес большевиков в отношении издания нелегальной литературы и в организации строго партийных конференций еще более велик. Т. обр., большевики за рассматриваемый период окончательно оформили большевистскую партию и объединили вокруг своих лозунгов подавляющее количество рабочих.

Рис. 11. Дом, где была типография «Правды» (1912—1914).

Ленин в своем письме Подвойскому в начале 1914 отмечает все больший и больший рост связей, создание местных комитетов низовыми ячейками и наличие обширной переписки ЦК с местами. В заключение он пишет, что, «несмотря на полицейские преследования, несмотря на деморализацию, вносимую ликвидаторской проповедью, дела партийного строительства идут неуклонно вперед. Над ними работают все рабочие партийцы, хранящие традиции РС-ДРП, понимающие и ценящие ее заслуги». Партия за этот период была укреплена не только внутренней идейной сплоченностью и организационным единством, но и теснейшей связью с рабочими массами. «Партия там,—писал т. Ленин, — где сплотилось большинство рабочих около партийных решений, дающих ценные, систематические, точные ответы на важнейшие вопросы. Партия там, где единством этих решений и единой волей проводит их добросовестно в жизнь объеди-

ненное большинство сознательных рабочих» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 26). И окончательно создавая партию из фракции, большевики предъявляли и к партии именно те требования, к-рые считались абсолютно необходимыми для существования фракции, а именно—наличие «действительного единомыслия».

В этот недолгий промежуток приближения к большевикам Плеханов тоже понимал, что не может быть единства с людьми, «волочившими в грязи партийное знамя». Но Плеханов стоял в этот момент на позициях гнилого примиренчества и не понимал, что действительные пути единства уже созданы большевиками и никакие другие пути не могут отвечать сложившейся обстановке. Плеханов не понимал, что можно бороться за единство, только перейдя на сторону большевиков. Он писал: «Перейти на одну сторону—значит работать против объединения с этой, а не с другой стороны. И только!» (Плеханов, Соч., том XIX, стр. 503). Или в другом месте: «Одичание фракций так велико, что теперь у нас с удивлением, а порой и с негодованием смотрят на лиц, не желающих пристать ни к той, ни к другой. Таких лиц называют дикими, примиренцами, всем, чем хотите, только не людьми, исполняющими свой партийный долг» (Плеханов, Соч., т. XIX, стр. 506).

Плеханов совершенно не понимал, что ликвидаторство перестало быть марксистским течением, а превратилось в либерально-буржуазное течение, что ликвидаторство означало разрушение марксистской организации, отказ от демократических задач рабочего класса и подмену их либеральной рабочей политикой. Плеханов не понимал, что вся борьба ликвидаторов против подполья, против революционных стачек, их урезывание лозунгов означают не что иное, как линию на разрушение классовой самостоятельности рабочего движения, на приспособление его к интересам либеральной буржуазии.

Троцкий, рядившийся в тогу примирителя, был вынужден в конце-концов признать объединение большинства рабочих вокруг «Правды», но он говорил, что это не решает вопроса, потому что по мере роста зрелости рабочего движения должны будут отмирать и разногласия. Поэтому Троцкий в своем № 1 «Борьбы» и заявил, что «крики о либеральной опасности в нашем рабочем движении являются просто грубой сектантской карикатурой на действительность. Раскол, этими криками оправдываемый, приносит русск. рабочему движению в тысячу раз больше вреда, чем те оппортунистические шатания, против которых он будто бы направлен». Троцкий верен себе. Главное острие удара он попрежнему направляет против большевиков. — Вся эта «объединительная» канитель, которую вновь пытались развести в начале 1914, закончилась тем, что втянули в нее Международное социалистическое бюро 2 Интернационала, которое 16—17 июля 1914 созвало совещание из представителей всех с.-д. течений и национальных с.-д. организаций. На этом совещании приняли участие представители «августовского» ОК (Аксельрод, Мартов, Троцкий, Чхенкели, Семковский, Ватурский-Цетлин, Романов, Зурабов и Триа—В. Мгеладзе), большевистского ЦК (Инесса Арманд—Петрова), впередовцев (Алексинский), Латышской соц.-д-тии (Берзин), Бунда (Ионов-Койген и Рафес), плехановцев (Плеханов), Главного правления с.-д. Польши и Литвы (Р. Люксембург), «розламовцев» (Ганецкий), ППС «левицы» (Лапинский-Левенсон). Ленин в своем докладе требовал, чтобы это совещание признало, что большинство организованных рабочих идут за большевиками и что их принцип построения партии является единственно правильным. Совещание, при воздержании большевиков и латышей, приняло каучуково-расплывчатую резолюцию с призывом к единству и, кроме того, постановило издать от имени совещания особый манифест о необходимости единства и против «раскольнической» политики большевиков. Т. о., создалось опять нечто подобное августовскому блоку. Примиренцы опять оказались в ликвидаторских объятиях.

А в России между тем дело шло к вооруженному восстанию, и возглавляли эту подымающуюся революционную волну большевики, являвшиеся подлинными и действительными вождями рабочего класса, в жестоких боях с ликвидаторами, впередовцами, троцкистами и примиренцами отстоявшими революционные принципы ленинизма и марксизма, показавшими на деле свою верность им и создавшими стальную большевистскую партию, поддержанную широчайшими рабочими массами.

Война прервала начавшуюся революцию и отсрочила гибель царизма еще на два с половиной года.

IX. Большевизм в годы империалистской войны (1914—17).

Большевизм на мировой арене. Империалистская война 1914—18 начинает новую всемирно-историческую эпоху — эпоху империалистских войн и пролетарских революций. Она вскрыла и до крайних пределов обострила все противоречия современного капитализма. Эпоха «мирного» развития капитализма отошла в прошлое, началась «эпоха конца капитализма». Выдвигая лозунг превращения войны империалистской в войну гражданскую, Ленин писал: «Гражданская война, к которой революционная с.-д-тия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию — в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.» (см. Ленин, «Конференция заграничных секций РС-ДРП», «Социал-демократ», № 40, 29 марта 1915. Соч., т. XVIII, стр. 126).

Для передовых капиталистических стран на очередь дня был поставлен лозунг социалистической революции, для России — попрежнему очередным явился лозунг буржуазно-демократической революции (в ленин-

ском понимании этого лозунга). Но, входя составной частью в эпоху буржуазно-демократической революции в России (1905—17), период 1914—17 в истории нашей партии представляет собой переходный этап к постановке и усвоению тех новых задач, которые встали перед большевизмом на другой день после свержения царизма, происшедшего в условиях первой империалистской войны. В обстановке этого исторического перелома и развернулась громадная теоретическая и практическая работа большевизма на мировой арене—работа, подготовленная всей предыдущей борьбой с оппортунизмом как в рамках российской с.-д-тии и российского рабочего движения, так и в рамках 2 Интернационала, где большевизм играл роль авангарда в борьбе с оппортунизмом и с колеблющимися центристскими элементами (Штуттгартский конгресс в 1907, Копенгагенский конгресс в 1910).—Жесточайшая международная реакция и крах «побежденного оппортунизмом» 2 Интернационала ставили партию большевиков и их революционную работу в безмерно тяжелые условия. Одновременно многолетняя последовательная борьба со всеми разновидностями оппортунизма в полной мере подготовила большевизм к выполнению той исторической задачи, к-рая легла на его плечи в годы империалистской войны. В годы войны большевизм окончательно вышел на международную арену. На него легла также и организационная задача по подготовке «международной марксистской организации». «Надо сделать... политический вывод против оппортунизма и всякой поблажки ему. Это—международная задача. Лежит она на нас, больше некому»,—писал Ленин Шляпникову в октябре 1914 (Ленин, Сочинения, том XVIII, стр. 55).

В первые же месяцы войны ЦК большевиков организовал обсуждение ленинских тезисов среди социалистических партий Зап. Европы. В конце сент. 1914 тезисы большевиков обсуждались на соединенной конференции итал. и швейцарских социалистов в Лугано, но, в виду преобладания на этой конференции центристов, никаких реальных результатов это обсуждение не дало. В ноябре 1914 взгляды рус. большевиков были изложены на съезде шведских с.-д. Шляпниковым, выступившим с приветствием от ЦК партии. От участия в социал-патриотической Лондонской конференции социалистов стран Согласия (февраль 1915) большевики отказались, тов. Максимович (Литвинов), огласив декларацию, ушел с конференции. Также отказались большевики и от участия в германофильской Копенгагенской конференции социалистов нейтральных стран (январь 1915). Особо следует отметить выступление большевиков на Бернской международной женской социалистической конференции 25—27 марта 1915. Большевистские делегатки использовали конференцию для оглашения декларации в духе ленинских тезисов, к-рая была занесена в протокол и опубликована как проект меньшинства.

Крупнейшим шагом вперед в деле подготовки к созданию Коминтерна было первое интернациональное выступление революционных марксистов на Циммервальдской конференции (сентябрь 1915) и образование левой Циммервальда. Инициаторы Циммервальдской конференции—швейцарская и итал. социалистические партии — хотели пригласить на нее «те партии или части партий, которые остались—по свидетельству одного видного в то время работника итал. рабочего движения—верны принципу классовой борьбы и международной солидарности, отвергают голосование за военные кредиты». При этом инициаторы конференции усиленно подчеркивали, что «созываемая конференция не должна была служить образованию 3 Интернационала». Задачей конференции было, главн. обр., «призвать пролетариат к общей борьбе за мир и создать революционный центр для этой борьбы». Наоборот, для большевиков конференция имела смысл лишь как подготовительный шаг к созданию «Интернационала революционных марксистов, освобожденного не только от социал-патриотизма, но и от центризма», ибо в обстановке шовинистического угара измены, предательства, растерянности и колебаний большевизм выдвинул лозунг борьбы и против социал-патриотизма и против каутскианства.

Предложения большевиков о приглашении на второе подготовительное совещание Хеглунда, лидера шведских левых, и о том, чтобы не приглашать на конференцию нем. центристов были отклонены на предварительных совещаниях с представителями итал. и швейцарской партий. Циммервальдская конференция стала, т. о., не конференцией левых, какой ее хотел сделать ЦК большевиков, а «конференцией центра с некоторой примесью левых» («Социал-демократ», № 45). Тем не менее, она сыграла большую роль в деле объединения левых. Вокруг большевиков во главе с Лениным объединились представители революционных марксистов семи стран, внесшие на конференцию свой проект манифеста к пролетариям Европы и свою резолюцию. Преобладавшие на конференции центристы отвергли проект манифеста левых и приняли центристский манифест. Тем не менее, большевики согласились подписать его, огласив специальное заявление, в котором писали: «Манифест нас не вполне удовлетворяет... Мы будем... отстаивать решительную марксистскую линию... Мы голосуем за манифест, потому что смотрим на него как на призыв к борьбе, а в этой борьбе мы хотим итти рука об руку с остальными частями Интернационала» («Социал-демократ», №47).

«Следовало ли нашему ЦК подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест?», — спрашивал Ленин в статье, посвященной итогам конференции, и отвечал:—«Мы думаем, что да. О нашем несогласии... сказано открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест. Мы не скрыли ни йоты из своих взглядов... Что этот манифест делает шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним—это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед...,

когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 300). Вторым вопросом, вызвавшим разногласия между левыми и большинством конференции, был организационный вопрос. Левые предлагали превратить созданную на конференции Интернациональную социалистическую комиссию — ИСК — в постоянно действующий орган, регулярно созывающий совещания с представителями отдельных партий и являющийся, т. о., как бы зачатком Исполнительного комитета нового Интернационала, заменяющим Международное социалистическое бюро 2 Интернационала. Большинство конференции было против такого расширения функций ИСК и противопоставления ее Международному социалистическому бюро 2 Интернационала. Циммервальдская конференция была крупным шагом большевиков на международной арене. «Единственным течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией... и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии и Швеции, Норвегии и Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией»,—писал Ленин (Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 302). Не случайно, что в состав Бюро Циммервальдской левой, избранного на совещании во время первой Циммервальдской конференции, из 3 человек было выбрано 2 русских: Ленин и Зиновьев.

Следующим шагом в работе большевиков на международной арене было их участие на совещании ИСК 5 — 9 февр. 1916, где, под давлением большевиков, был принят циркуляр-манифест о созыве 2-й Циммервальдской (Кинтальской) конференции, представлявший значительный шаг вперед по сравнению с манифестом первой конференции. В этом циркуляре-манифесте подчеркивалась полная бездеятельность Международного социалистического бюро, крах 2 Интернационала и объявлялась борьба «против всяких попыток воссоздать Интернационал путем взаимной амнистии скомпрометированных оппортунистических вождей, к-рые (попытки) являются сговором против социализма» («Социал-демократ», № 52). Однако, циммервальдское большинство и здесь подчеркнуло, что «мы не хотим строить 3 Интернационал»; представитель ИСК — Гримм—заявил на этом совещании, что «как только руководящий орган 2 Интернационала — Международное социалистическое бюро, распавшееся в начале войны, снова начнет работать,—мы распустим нашу циммервальдскую организацию».

По вопросу об отношении ко 2 Интернационалу и возглавлявшему его МСБ и разгорелись главные споры на Кинтальской конференции (24 — 30 апреля 1916). Это был «самый важный, самый боевой вопрос конференции». ЦК большевиков, поддержанный всеми остальными левыми участниками конференции, предложил принять резолюцию, в к-рой писал: «Восстанавливать обанкротившееся МСБ будут социал-шовинисты и каутскианцы всех стран. Задача социалистов—разъяснять массам неизбежность раскола с теми, кто ведет политику буржуазии под флагом социализма» («Социал-демократ», № 54 — 55; Ленин, Сочинения, том XIX, стр. 63). Предложение левых не встретило сочувствия большинства конференции. После долгих прений было принято компромиссное решение: «Если ИК МСБ решит созвать бюро, Бернская ИСК должна созвать, по возможности, расширенную комиссию (т. е. с представителями партий, входящих в Циммервальдское объединение) для обсуждения вопроса об общем выступлении представителей партий, стоящих на почве Циммервальдской конференции», при этом участие на такой конференции должно было «преследовать особую цель — разоблачать истинные намерения националистического социализма» (там же). Левым удалось зато одержать победу в другом вопросе. Конференция приняла резолюцию против социал-пацифизма. Несмотря на нерешительность некоторых формулировок, эту резолюцию следует считать победой левых над каутскианцами.

Ко времени конференции оформились уже левые, последовательно интернационалистские группы в ряде стран (Германия, Швеция, Италия). Период оформления Циммервальдской левой в основном завершился. Вставала во всей остроте задача решительного размежевания с участвующими в Циммервальде центристами, наступил период организационного оформления Циммервальдской левой, закончившийся созданием Коминтерна. — С возникновением Циммервальдской левой лозунг раскола Интернационала, выдвинутый В. И. Лениным еще в октябре 1914 (в манифесте ЦК), претворяется в жизнь. Конкретные пути к осуществлению лозунга раскола были найдены. Конденсация революционно-интернационалистских элементов получила организационное оформление, и этим самым снят был вопрос о возможности дальнейшего пребывания большевиков в виде крайней оппозиции в рядах 2 Интернационала. Линия партии, намеченная в сент. — октябре 1914, была к осени 1916, по выражению Ленина, «замечательно подтверждена событиями, расколом в Англии и т. д.» (Ленин, Соч., том XIX, стр. 273). В связи с этим в директивном письме русскому бюро ЦК (на имя А. Л. Шляпникова) Ленин пишет (сентябрь, 1916): «Раскол в международном масштабе... назрел. Я считаю вполне своевременным теперь, чтобы все сознательно руководящие рабочие России поняли это и принимали резолюцию в пользу организационного разрыва со 2 Интернационалом..., в пользу построения 3-го, только против каутскианцев всех стран..., только в сближении с людьми, стоящими на позиции Циммервальдской левой» (там же).

С другой стороны, правая Циммервальда, после принятого на Кинтальской конференции осуждения пацифизма, снова колебнулась в сторону социал-пацифизма. Почти одновременно франц., нем. и итал. центристы выступили с декларациями о мире, ни слова не говоря о том, что «на почве капиталистического общества невозможно установить прочного мира; условия, необходимые

для его осуществления, создает социализм... поэтому борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма» (из резолюции, принятой Кинтальской конференцией). «Циммервальдская правая идейно похоронила Циммервальд,— заявил Ленин,—... Циммервальд явно обанкротился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили» (Ленинский сборник, II, стр. 283—85).

Направляя свои главные удары против социал-патриотизма и центризма, большевики вели в то же время борьбу и против зарождавшихся «левых», представленных Пятаковым и Бухариным в России, Радеком, Р. Люксембург—в Польше и Германии, голландской левой и т. д. Основные разногласия с ультра-левыми сводились к различному пониманию империализма и социалистической революции и к различному отношению к лозунгу «права наций на самоопределение».—В годы войны большевизм, исходя из закона неравномерности капиталистического развития, окончательно сформулировал учение о социалистической революции как об «эпохе, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в т. ч. и национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 221). Поэтому большевики говорили об исторической прогрессивности национально-революционных войн, направленных против империализма, расшатывающих империализм, и подчеркивали актуальность лозунга самоопределения наций, имеющегося в партийной программе.

Ультралевые выступали против этих положений и отстаивали идеи возможности «чисто» социальной революции. Роза Люксембург в тезисах группы «Интернационал», напечатанных в ее известной брошюре «Крах 2 Интернационала», изданной под псевдонимом «Юниус», заявляла, что в эпоху империализма «не может быть более никаких национальных войн». Радек в статье, посвященной ирландскому восстанию 1916 против англ. империализма, писал, что это восстание является «путчем». Пятаков (Ю. Киевский) написал специальную статью против программного требования права наций на самоопределение, доказывая, что оно «прямым путем ведет к социал-патриотизму». На этой же точке зрения стоял и Бухарин. В своем письме Ленину из Стокгольма (ноябрь 1915) Бухарин критиковал ленинскую «концепцию», называя ее «дуалистической». «Поэтому,—писал он Ленину,—у Вас и получается дуалистическая концепция: по отношению к защите отечества Вы стоите на почве современности, по отношению к лозунгу самоопределения—на точке зрения „прошлого века“». Бухарин здесь обнаруживал основной пункт своего непонимания ленинской «концепции»—он не понимал того, что в действительности в империалистической «современности» в изрядном количестве имеются элементы «прошлого века» и даже прошлых веков. Бухарин не понимал того, что «чистого» империализма в действительности нет. Обнаруживая это непонимание, Бухарин тем самым отходил от установленного Лениным закона неравномерности развития капитализма. Бухарин, поддерживая К. Радека в вопросе о праве наций на самоопределение, сделал шаг от ленинизма к социалдемократизму, тогда как Радек, тогда «левый радикал», еще только шел от социал-демократизма к ленинизму. Бухарин и в своих выступлениях 1915—16 и в своих более поздних выступлениях на VII съезде и весной 1919 развивает свою антиленинскую концепцию чистой социальной революции, к-рая в основных вопросах (о необходимости переходного периода, о роли демократических резервов) скатывается к традиционной схеме реформистов 2 Интернационала—перехода от капитализма к социализму в результате «созревания», «мирного врастания» и т. п. Наряду с шатаниями в сторону социалдемократизма, у Бухарина обнаружились и шатания в сторону анархизма, которые проявились ярче всего в его статьях о теории «империалистического государства». Это расхождение с В. И. Лениным в коренных вопросах эпохи империализма и пролетарской революции привело к тому, что и в дальнейшем Бухарин расходился с Лениным на VII, VIII съездах по вопросам, дискутировавшимся в эпоху войны. Так, на VII и VIII партийных съездах, в период брестских и послебрестских разногласий в партии, он отстаивал против Ленина свою «лево-коммунистическую» концепцию империализма и пролетарской революции, исходя из неверного представления о существовании «цельного империализма», что было, конечно, связано и с вопросом о переходном периоде от капитализма к социализму. И здесь ошибки «левого» коммунизма Брестского периода берут свое исходное начало из ультралевого уклона Бухарина-Радека военного периода.

Ленин резко критиковал эти «теории» «цельного империализма» и «чистой» социалистической революции. «Кто ждет,—писал он,—„чистой“ социалистической революции, тот никогда ее не дождется, тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» (Ленин, Соч., том XIX, стр. 269).—Из лево-коммунистического взгляда на эпоху империализма и социалистической революции у ультралевых вытекал ряд производных ошибок: они отрицали право наций на самоопределение, рядом с лозунгом «гражданской войны», нек-рые «левые» считали возможным поставить лозунг «разоружения», т. к., по их мнению, в эпоху империализма всякая война неизбежно должна была принять империалистский характер; левые отрицали лозунг защиты отечества «вообще», а не только в условиях войны империалистов за передел мира, и т. д.— Эта «левая» критика большевизма сходилась с правой. Характерна в этом отношении солидаризация «левых» с центристскими взглядами Троцкого. Как и ультралевые, Троцкий отрицал возможность национально-революционного движения в эпоху империализма. «Голая национальная идея, противостоящая империализму, не только бессильна, но и реакционна»,—писал он. «Никакого самостоятельного значения „национальные“

войны отсталых народов больше иметь не могут». «Для национальной революции историческая почва исчезла даже в отсталой Ирландии». «Национальная революция не может быть историей даже поставлена» («Война и Революция», изд. 1922, том I, стр. 162, 191, 256 и 362). Отсюда Троцкий делал вывод о невозможности победы революции в одной стране, выступал против пораженчества, как«социал-патриотизма наизнанку», и выдвигал лозунг борьбы за мир, вместо ленинского лозунга гражданской войны.

Характерно, что т. н. Божийская группа рус. эмигрантов, в 1914—15 критиковавшая «слева» Ленина и выступавшая против самоопределения наций, явно сползала к троцкистским взглядам, защищая лозунг мира, отрицая пораженчество и настаивая на организационном блоке с троцкистской газетой «Наше Слово». Голландские левые (Роланд Гольст), критиковавшие ленинские тезисы, непосредственно участвовали в «Нашем Слове» и привлекали Троцкого к участию в журнале «Vorbote» — органе Циммервальдской левой. Ленин же, ведя теоретическую и организационную борьбу с социал-шовинизмом и центризмом, одновременно вел самую беспощадную идейную борьбу и с уклонами ультралевых. Тем самым он подготовлял предпосылки для «международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма».

Работа большевиков за границей и в России. Одновременно большевики во главе с Лениным вели работу и по сплочению большевистских организаций. В сентябре Центральный Комитет партии составил и в ноябре 1914 опубликовал свой манифест. Он содержал в себе программу деятельности партии в условиях империалистской войны. Находясь в Женеве, ЦК большевиков развертывает энергичную работу по сплочению всех большевистских групп за границей и в февр. 1915 собирает Бернскую конференцию заграничных групп содействия РС-ДРП. Наряду с этим, ЦК издает свой орган «Социал-демократ», выпускает журнал «Коммунист» и издает отдельные брошюры(напр., брошюру Ленина и Зиновьева «Социализм и война», выпущенную после Бернской конференции).

Условия работы в России в то время были до крайних пределов затруднены, а в начале войны связи с большевистскими организациями были совершенно прерваны. Объявление войны обрывает громадную волну массового рабочего движения, подошедшего в середине 1914 к прямому революционному взрыву... Движение резко идет на убыль и в первые месяцы войны сходит почти на-нет. Забастовочное движение почти совершенно прекратилось. За первые 5 месяцев войны (август—декабрь 1914) произошло всего 63 забастовки с 35 тысяч. участников, почти в 40 раз меньше, чем за предыдущие 7 месяцев. — На партию обрушился неслыханный террор. После первого ареста большевиков в Питере (5 августа) охранка, явно преувеличивая, писала в очередном отчете: «Деятельность Петербургского комитета местной большевистской группы совершенно прекратилась». Вслед за этим арестом последовали другие: 27 августа, 4 ноября (арест думской фракции) и т. д. Такие же аресты происходили и по другим городам. Связь между руководящими партийными центрами и местными организациями была совершенно разрушена в первые же недели войны.

Царизм тем более свирепо расправлялся с партией, что шовинистический угар охватил не только буржуазию, но и большинство мелкой буржуазии. Партия же в общем и целом сразу заняла правильную позицию в отношении войны, хотя до получения ленинских тезисов в большевистских рядах наблюдались колебания, что находило свое отражение в выступлениях и политических документах того времени. Необходимо отметить, что ряд большевистских прокламаций начала войны разоблачает ее империалистический характер и призывает рабочие массы выступать против войны. Первая же прокламация, выпущенная ЦК накануне объявления войны, содержит лозунг «Долой войну», «Война войне». В таком же духе были написаны и прокламации др. партийных организаций (Московской, Харьковской, Костромской, Тульской, Владимирской губ.), «призывающие к прекращению войны, к низвержению существующего правительства и устройству республики» (характеристика отчета Департамента полиции).

Окончательное оформление партийных лозунгов рус. большевиков было, конечно, связано с обсуждением и проработкой семи знаменитых тезисов об отношении к войне, выработанных Лениным и привезенных в Россию в середине сентября 1914. Содержание этих тезисов сводилось к следующему: первый тезис подчеркивал империалистический характер войны, второй, третий, четвертый и пятый говорили о крахе 2 Интернационала, измене большинства социалистических партий делу социализма и решениям Интернационала и необходимости борьбы с социал-шовинизмом и каутскианством, шестой был посвящен задачам рус. с.-д-тии и в частности выдвигал лозунг «поражения царской монархии», «наименьшего зла» с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России. Седьмой тезис содержал лозунги революционной соц.-д-тии—работа в армии, организация подпольных ячеек, пропаганда социалистической революции и необходимость «направить оружие не против своих братьев — наемных рабов друг. стран, а против... буржуазных правительств». Тезисы, кроме того, содержали лозунг «республиканских Соединенных Штатов Европы», вскоре после того снятый (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 46).

Думская фракция и ее процесс. Подробному разбору ленинских тезисов и оформлению взглядов рус. большевиков было посвящено специальное совещание большевистской фракции Государственной думы с представителями крупнейших партийных организаций—Иваново-Вознесенска, Риги, Харькова и Петербурга. Совещание происходило под руководством представителя ЦК партии Каменева на окраине Петербурга, в Озерках, 3—4 ноября 1914. Совещание не успело закончиться, т. к. было в полном составе арестовано. Но уже из предварительного обмена мнений выяснилось, что подавляющее большин-

ство совещания в основном согласно с ленинскими тезисами. Возражения они встретили только со стороны Л. Б. Каменева, считавшего неприемлемым лозунг пораженчества и утверждавшего, что «печальный для России исход войны был бы нежелателен с точки зрения интересов рабочего движения». Во время следствия над арестованными большевиками-депутатами он также отгородился от ленинской линии, заявив, что «его взгляд на текущей момент решительно противоречит документам, в к-рых изложено отношение партии к войне». Ту же позицию он занял и на суде, попытавшись свалить с себя ответственность за линию партии, что было оценено Лениным как поступок «неправильный, с точки зрения революционной социалдемократии—недопустимый» (Ленин, Соч., том XVIII, стр. 129).

Иначе вели себя большевики - депутаты. Тов. Петровский, хотя и вносил на совещание 4 ноября поправки к ленинским тезисам (заменить тезис о желательности поражения России нежелательностью ее победы и исключить пункт о пропаганде социалистической революции в войсках), на суде заявил о совпадении взглядов рус. рабочих со взглядами ЦК партии на войну. Депутат Муранов прямо заявил, что организовал рабочих вокруг партии под лозунгами ЦК партии.— Значение судебного процесса над фракцией депутатов-большевиков было громадно. «Суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма революционной с.-д-тией». Депутат Муранов объезжал Поволжье и Урал, Петровский работал на Украине, Бадаев воссоздал арестованный в первые дни войны ПК, Самойлов работал в Иваново-Вознесенском районе. Повсюду проводились партийные собрания с изложением взглядов партии на характер войны и способы борьбы с нею, организовывались рабочие массовки и т. д. Кроме этого, суд над большевистской фракцией «впервые дал открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, материал по важнейшему, основному, существеннейшему вопросу об отношении к войне разных классов российского общества» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 131—132).

Рабочая масса, задавленная жесточайшей реакцией, слабо реагировала на арест фракции. Даже в традиционную годовщину **9 янв.** 1915 в Питере бастовало только $2^1/_2$ тыс. человек, вместо 110,6 тысяч в 1914. Охранка в очередном отчете отмечала, что «петербургская большевистская группа не сумела организовать активного протеста по поводу ареста думской фракции».—В среде меньшевиков война вызвала полный развал, при чем среди них, как и в других странах, наблюдалось два течения: откровенных социал-патриотов и центристов. Социал - патриотизм был представлен в России (если не считать отдельных лиц, вроде Плеханова) в основном старым ликвидаторским ядром (группа «Нашей Зари», Потресов и т. п.). Литературное выражение социал - патриотизм получил в сборнике «Самозащита», статьях Плеханова, газетах «Наше Дело», «Рабочее Утро» и т. д., организационно-политическое — в рабочих группах при военно-промышленных комитетах во главе с Гвоздевым. Социал-патриотизм имел очень незначительную базу в пролетариате. Это были, в основном, интеллигентские группировки, разбитые «правдистами» в рабочем классе еще в эпоху 1910—14. Война, как писал Ленин, «превратила их тайный союз с буржуазией в открытый».

Рис. 12. Соц.-демократическая большевистская фракция 4-й Госуд. думы: Петровский, Муранов, Бадаев, Самойлов, Шагов. 1912—17.

Если большевики проповедывали такую же беспощадную идейную и организационную борьбу с социал-патриотами, как в свое время с ликвидаторами, то центристы (Мартов, Троцкий, газета «Наше Слово») отстаивали организационное единство с социал-патриотами, отрицали органическую связь социал-патриотизма и ликвидаторства и не отмежевывались от каутскианства. «Троцкий... , как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем практически согласен с ними», так определял его линию Ленин (Сочинения, т. XVIII, стр. 176). Борьбу с каутскианством Ленин считал обязательной для истинного интернационалиста. — Понятно, что большевики при этих условиях выступали за раскол не только с открытыми социал-патриотами, но и с центристами. «На мой взгляд,—писал Ленин Шляпникову в окт. 1914,—важнее всего теперь последовательная и организованная борьба с шовинизмом, который обуял большинство оппортунистов (и мирящихся с оппортунизмом — tel Mr. Kautsky!) социалистов» (Ленин, Соч., том XVIII, стр. 54).

Назревание революции и большевизм. Подъем рабочего движения в России начинается летом 1915. В конце 1915 руководящая роль в стачечной борьбе переходит к питерским металлистам и повышается удельный вес политической стачки. Рабочее движение 1915—16 проходило в Петербурге и некоторых других центрах под руководством большевиков, успевших уже в ряде мест оправиться от разгрома парторганизаций в первые месяцы войны. В Петербурге в июле 1915 состоялась общегородская партийная конференция (в Ораниенбауме), на к-рой было представлено более 500 членов партии. Эта конференция восстановила ПК, разрушенный арестами в авг.—ноябре 1914. Новому ПК удалось, несмотря на неоднократные аресты, просуществовать до самой Февральской революции. ПК не только имел постоянные связи с рабочими массами, но

ему удавалось также иметь связи и с воинскими частями как с сухопутными, так и с морскими. К осени 1916 ПК удалось наладить связь и руководство революционными матросскими организациями Балтфлота. Прочной связи ПК с частями гарнизона, в связи с текучестью их состава, не было. Рус. бюро большевист. ЦК уже в 1915 имело многочисленные связи с целым рядом местных большевистских организаций (в Москве, Твери, Шуе, Нижнем-Новгороде, Сормове, Казани, Харькове и т. д.).

Подъем стачечного движения совпал с оживлением оппозиционного движения в среде буржуазии. Положение на фронте показало буржуазии, что царское правительство неспособно довести войну до победы, что «реформы нужны не после войны, а во время войны для победы». В авг. 1915 создается прогрессивный блок из всех буржуазных партий. Основным требованием буржуазии становится «полновластная Дума» и ответственное перед ней «правительство доверия». Одновременно буржуазия, обманом и посулами, пытается получить поддержку в рабочих массах, говоря о восстановлении деятельности профессиональных союзов, прекращении преследования представителей рабочих в больничных кассах «по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии» и даже восстановлении рабочей печати. Практически эта тактика буржуазии—приручить рабочих и превратить их в орудие своей политики—выразилась в создании рабочих групп при военно-промышленных комитетах. Большевики самым решительным образом боролись против этих попыток буржуазии подчинить своему влиянию рабочее движение. «Мы против участия в военнопромышленных комитетах, помогающих вести империалистическую реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, напр., за участие в первой стадии выборов, т о л ь к о в агитационных и организационных целях», — писал Ленин (Соч., т. XVIII, стр. 311). Наоборот, меньшевики стояли за самое активное участие в работе военно-пром. комитетов. Мотивировалось это участие как «необходимостью принять самое активное участие в обороне страны, так и целесообразностью политического блока с буржуазной оппозицией против самодержавия». Одолеть самодержавие не может «ни буржуазия без пролетариата, ни пролетариат без буржуазии». А потому «пролетариат должен положить в основу своей работы принцип координации действий с буржуазией»,—писали меньшев. «Известия» (ОК РС-ДРП).

Выборная кампания в военно-промышленные комитеты осенью 1915 показала, что большинство рабочего класса идет за большевиками, что период депрессии в рабочем движении, связанный с разгромом парторганизаций в начале войны, кончился и начинается новый революционный подъем. Во главе этого стачечного подъема идут и на этот раз питерские металлисты. 9 янв. 1916 в Питере бастовало уже около 100 тыс. чел. (по сведениям охранки — только 66 т.). Особо следует отметить большую работу, проделанную ПК партии среди солдат и матросов питерского гарнизона. Перед 9 января было выпущено две специальных листовки: «К армии и флоту» и «К солдатам». Во время январской демонстрации кое-где происходило братание рабочих и солдат.
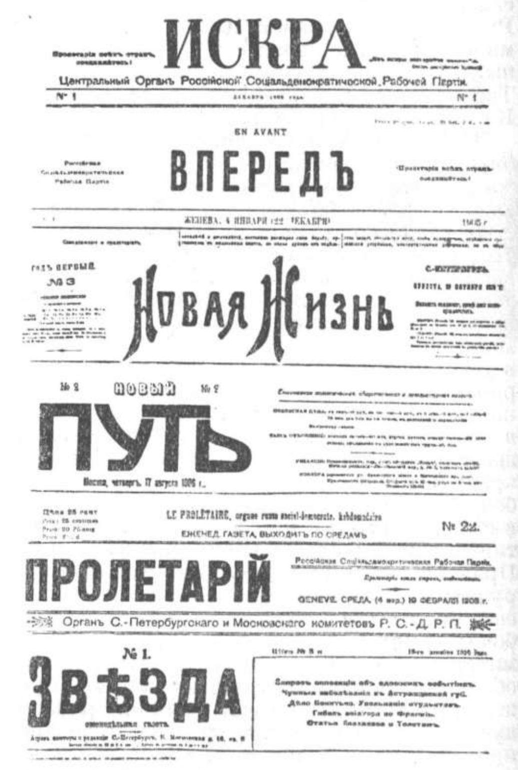
Подъем стачечного движения в России и оживление либерального движения сделали актуальным вопрос о характере и движущих силах предстоящей революции. В октябре—ноябре 1915 центральный орган партии, выходивший за границей, посвятил этому вопросу несколько статей, из к-рых особое значение имеют написанные Лениным «Несколько тезисов» (Соч., том XVIII, стр. 311) и «О двух линиях революции» (т а м ж е, стр. 314). Как и в 1905, большевизм в 1915 исходил из того, что предстоящая революция будет революцией буржуазно-демократическ. и ее социальным содержанием «может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Далее снова подчеркивалось, что задачей пролетариата России является «довести до конца буржуазно - демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе». А в статье «О двух линиях революции» Ленин, еще раз возвращаясь к тому же вопросу, писал: «И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется н е м е д л е н н о не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а д л я с о в е р ш е н и я с о ц и а л и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и в союзе с пролетариатом Европы (разрядка моя. *А. Б.*). Эти три цитаты полностью исчерпывают ленинское понимание особенностей характера революции в России. В этих цитатах 1915 повторена та постановка вопроса о характере русской революции, которая содержится в брошюре «Две тактики» (Л е н и н, Соч., т. VII) и в ст. «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» (том VIII), в которых была заложена ленинская идея о перерастании революции буржуазно-демократическ. в революцию социалистическую. Здесь же было предвидено то, что было реализовано на путях к Октябрю и в октябре 1917, что и является подтверждением внутреннего единства генеральной большевистской установки на протяжении всех трех революций.

В вопросе о характере грядущей революции большевизму противопоставлялась в 1915, как и в 1905, не только меньшевистско - ликвидаторская концепция, но и полуменьшевистская теория «перманентной революции» Троцкого. Основные положения Троцкого в 1915 сводились к следующему: в эпоху империализма «борьба с феодализмом перестает быть самостоятельной задачей, революционная роль крестьянства будет в предстоящей Русской революции еще меньшей, чем в революции 1905». «Единственной самостоятельной силой может быть только пролетариат». Отсюда следовал вывод—«...признание иллюзорными надежд на национальную революцию...» в союзе с крестьянством и курс «на интернациональную революцию пролетариата» («Война и Революция», том I, стр. 253, 258). Таким отрицанием революционных способностей крестьянства «Троцкий на деле помогал либераль-

ным рабочим политикам России, к-рые под „отрицанием" роли крестьянства понимают **н е ж е л а н и е** подымать крестьян на революцию» (Л е н и н, Соч., т. XVIII, стр. 318).

Нарастание революционного движения заставило и оборонцев выяснить свое отношение к приближавшейся революции. Считая, что во время войны тактика с.-д-тии должна быть подчинена одной цели—обороне страны от нем. империализма (или даже победе над немецким империализмом), они выдвигали лозунг: «революция для победы». «Вы хотите свергнуть царизмдля победы над Германией, мы—для интернациональной революции пролетариата»,—так определял Ленин разницу между большевиками и оборонцами (Ленинский сборник, II, стр. 248). Отсюда вытекал и практический лозунг меньшевиков, точнее—кадетский лозунг, поддерживаемый меньшевиками: «Долой правительство измены» и замена этого правительства правительством доверия. — Осенью 1916 в России развернулось громадное стачечное движение. В стране создалась непосредственно революционная ситуация, все более и более обостряющаяся благодаря продолжению империалистской войны. Царизм, видевший в прекращении войны единственное средство отсрочить революцию, усиленно ведет переговоры о сепаратном мире с Германией и в то же время разрабатывает проект установления военной диктатуры (проект генерала Алексеева в июне 1916); разрабатывается проект выборов в 5 Думу, в к-рой должен был преобладать союз правых с высшим духовенством. В ноябре — декабре 1916 министерство внутренних дел запрещает ряд буржуазных съездов—съезд военно-промышленных комитетов, Городского и Земского союзов и т. д. Это подталкивает и буржуазию к активным оппозиционным выступлениям против царизма. Среди определенных кругов ее зреет мысль о дворцовом перевороте.

Между тем стачечное движение непрерывно растет. 9 янв. 1917 в одном Питере число забастовщиков достигает 300 тыс. чел. Число забастовщиков по всей России за первые два месяца 1917 достигает 70% числа забастовщиков за весь 1916 и превышает на 25% число забастовщиков в 1915. Меньшевики, все время настаивавшие на координации действий пролетариата с буржуазией, пытаются использовать рост массового рабочего движения в интересах буржуазии. В янв. 1917 рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета развивает агитацию на питерских фабриках и заводах, призывает рабочих организовывать массовые демонстрации рабочих к зданию Думы и «заявить о готовности рабочих поддержать борьбу народных представителей с правительственной властью». В ответ на это 27 января правительство арестовывает рабочую группу. Однако, агитация на заводах под лозунгом организации демонстрации к зданию Госуд. думы в день ее открытия, 14 февраля, продолжалась. В среде буржуазии наблюдались два различных отношения к этой демонстрации. Большая часть либералов стояла на той точке зрения, что вовлекать рабочих в борьбу с царизмом нет смысла, и выступала против демонстрации (Милюков). Небольшая часть, во главе с Коноваловым, стояла за использование рабочего движения в борьбе с царизмом. — Меньшевистский лозунг: «Итти к Думе» по существу означал поддержку кадетского

ИСКРА
Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.
№ 1 № 1

EN AVANT
ВПЕРЕДЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ. № 3
НОВАЯ ЖИЗНЬ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

№ 2 НОВЫЙ № 2
ПУТЬ

LE PROLETAIRE
ЕЖЕНЕД. ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ
№ 22.
ПРОЛЕТАРІЙ
Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.
Органъ С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.

№ 1.
ЗВѢЗДА

Рис. 13. Газеты большевистского направления. 1900—1910.

требования «полновластной Думы». Наоборот, большевики выдвинули лозунг: «На улицы». Демонстрации и забастовки начала февраля, охватившие несколько десятков тысяч человек, проходили под лозунгами: «Долой самодержавие». Приближалась Февральская революция.

X. Февральская революция и большевизм.

Февральской революцией открывается новый период в истории большевистской партии, период непосредственной борьбы за власть, происходящей в условиях быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Восстание рабочих и солдат по времени почти совпало с попыткой дворцового переворота, намечавшегося буржуазией на март 1917. 27 февраля была даже сделана попытка выступления Преображенского гвардейского полка с программой дворцового переворота, но ее инициаторы опоздали — их опередила революция. Царизм, несмотря на тщательную подготовку к борьбе с революцией, не сумел оказать почти никакого сопротивления восстанию. Уже 28 февраля власть в Питере перешла в руки восставшего народа, создавшего орган своей диктатуры, зачаток революционного правительства — Советы. Бур-

жуазия, не желавшая революции («Лучше поражение, чем революция», заявил Милюков в Думе в ноябре 1916), до последней минуты пыталась спасти монархию и предотвратить революцию. Лишь после того как победа восстания в Питере стала очевидной, буржуазия решила «возглавить революцию, чтоб ее обезглавить». По соглашению Совета раб. и солд. деп. с Временным комитетом Гос. думы было создано Временное правительство, в к-ром преобладали помещики, было немного менее половины представителей буржуазии и один «социалист»—трудовик Керенский.

Так создалось двоевластие. Рядом с буржуазным Временным правительством, стоявшим во главе государственного аппарата, создались Советы, опиравшиеся на революционные массы и сосредоточивавшие в своих руках реальную власть. Приход буржуазии к власти был облегчен, кроме соглашательской политики мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, помощью англо-французского капитала и наличием готовых организаций, объединявших буржуазно-помещичьи элементы (Государственная дума, Земско-городской союз, военно-промышленные комитеты и пр.).

Партия до приезда Ленина. Февральская революция застала партийные организации, в т. ч. и Петроградскую организацию, сильно ослабленными. Рус. бюро ЦК (Молотов, Шляпников, Залуцкий) работало в обстановке постоянных провалов и было слабо связано с местными парторганизациями. Но восстановление парторганизаций после февраля шло довольно быстро, хотя очень сильно сказывался недостаток работников при громадности размаха работы в массах. С 18(5)III стал выходить ЦО партии «Правда», под редакцией В. Молотова, К. Еремеева и М. И. Калинина. После приезда из ссылки в редакцию ЦО вошли также Сталин, Каменев и Муранов, а позднее, в апреле,—Ленин и Зиновьев.—Февральская революция, как и всякий крутой перелом исторического развития, потребовала от партии изменения тактики и, поскольку старый стратегический план—свержение царизма—был выполнен, выработки нового стратегического плана. В течение этого времени в партии наблюдались шатания, связанные с выработкой общей линии партийной политики в новой, послефевральской обстановке. В первых же резолюциях партия заявляла, что «теперешнее Временное правительство по существу контр-революционно, т. к. состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)» [резолюция Бюро ЦК 17(4) марта, «Правда», № 4]. Исходя из этого, Бюро ЦК заявляло, что «ставит задачей борьбу за создание Временного революционного правительства, к-рое осуществит передачу помещичьих и др. земель народу, проведение программы-минимум и—через созыв Учредительного собрания—демократическую республику» [из резолюции, предложенной В. Молотовым от имени Бюро ЦК на заседании ПК большевиков 18(5) марта. «Первый легальный ЦК», стр. 41]. Но ПК не согласился с этой точкой зрения и принял резолюцию о «непротиводействии» Временному правительству, при чем на заседании ПК 26(13) марта было заявлено о согласии Бюро ЦК с этой резолюцией.

Пролетарiи всѣхъ странъ соединяйтесь!
ПРАВДА
Центральный Органъ Россiйской Соцiалъ-Демократической Рабочей Партiи.
№ 1 Воскресенье. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. 5-го марта 1917 г.

Россiйская Соцiалдемократическая Рабочая Партiя. Цѣна 5 коп.
Солдатская ПРАВДА
Пролетарiи всѣхъ странъ соединяйтесь!
Газета военной организацiи при Петербург. комитетѣ Р. С. Д. Р. П.
№ 1. Суббота 15-го апрѣля 1917 года. № 1

Вторникъ, 7 марта 1917 г. Цѣна 5 коп.
СОЦIАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ
Пролетарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
№ 1.
Органъ Московскаго Бюро Центр. Ком. и Московск. Ком. Россiйской Соц.-Дем. Рабочей Партiи.
Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней.
Къ товарищамъ-читателямъ.
Отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.
Временный адресъ

Рис. 14. Газеты партии большевиков в 1917.

Московский Комитет в наказе депутатам, избираемым в Совет раб. и солд. деп., писал: «Московский совет раб. и солд. деп., в союзе с революционными организациями др. мест, должен возможно быстрее создать Временное революционное правительство» («Правда», № 1), но в этой постановке не было ясности, т. к. выставленный в наказе лозунг понимался как революционно-демократическая диктатура, т. е. в духе «старо-большевистской» точки зрения 1905. И, надо сказать, что ни в одном партийном документе этого периода не было ясности и четкости в понимании основного вопроса момента, вопроса о власти.—По вопросу о войне Бюро ЦК приняло резолюцию о том, что, несмотря на революцию, война продолжает носить империалистический характер и что задачей революционной с.-д-тии попрежнему является «борьба за превращение настоящей антинародной империалистической войны в гражданскую войну народов против своих угнетателей—господствующих классов». В числе практических мер для достижения этой цели Бюро ЦК намечало «широкое и систематическое братание солдат воюющих народов в траншеях» и «поддержку и усиление революционного движения народов против господствующих классов и их правительств во всех странах» («Правда», № 5).

Ход событий вскоре показал, что большинство трудящихся не идет за этими большевистск. лозунгами. При выборах в Советы рабочих и солдатских депутатов в то время повсюду побеждали меньшевики и эсеры, считавшие необходимой поддержку «демократией» буржуазного Временного правительства и стоявшие на платформе «революционной обороны Русской революции от немецкого империализма». Предложения большевиков в Петроградском совете тогда получали ничтожное количество голосов [так, например, на заседании 15(2) марта большевики получили 19 голосов из 400]. Дальше лозунга о «непротиводействии» пошел приехавший в середине марта из сибирской ссылки Л. Б. Каменев. Он выдвинул лозунг «содействия», т. е. поддержки Временного правительства. Исходя из положения о незаконченности буржуазно-демократической революции в России и считая недопустимым раскол пролетариата с мелкобуржуазными элементами на данном этапе развития революции, Каменев с первого же дня своего приезда выступил со статьями в «Правде», в которых оформлял «новую» тактику. «Столь же решительно,—писал он,—как мы поддержим его в окончательной ликвидации старого режима, ... будем мы критиковать и разоблачать каждую непоследовательность Временного правительства» («Правда», № 8). По вопросу о войне Каменев высказывался в духе оборончества против организации братания и т. д. «Наш лозунг,—писал он,—давление на Временное правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор пусть каждый остается на своем боевом посту». В той же статье («Без тайной дипломатии», «Правда», № 9), говорилось, что «свободный народ» «будет крепко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд снарядом».

Эти статьи Каменева вызвали протест со стороны ряда членов партии, в частности со стороны Исполнительной комиссии ПК. ПК обсуждал доклад Каменева по текущему моменту 31(18) марта, но не принял по нему никакой резолюции. 8 апр. (26 марта) в «Правде» были напечатаны резолюции Бюро ЦК об отношении к Временному правительству и о войне, значительно отличавшиеся по своему содержанию от каменевских статей. Хотя в них и оставался лозунг «решительного контроля над всеми действиями Временного правительства», но наряду с этим Советы объявлялись «зачатками революционной власти, готовыми в определенный момент развития революции осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией» («Правда», № 18).

Самое яркое проявление линия Каменева получила на первом Всероссийском совещании Советов 11—16 апреля н. ст. (29 марта—3 апреля) и предшествовавшем ему совещании большевиков (т. н. Мартовском совещании). На Всероссийск. совещании Советов Каменев, хотя и огласил большевистскую резолюцию об отношении к Временному правительству, но,«чтоб не рвать единого фронта с буржуазной демократией», голосовал за меньшевистскую резолюцию о его поддержке «постольку, поскольку». Внесенная Каменевым и отвергнутая Совещанием резолюция по вопросу о войне также носила все же определенно центристский характер. «Отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи», она выдвигала задачу «давления» на Временное правительство, чтоб заставить его «не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно открыто формулировать волю народа России, т. е. предложить всем воюющим народам мир без аннексий, контрибуций с правом наций на самоопределение». Необходимо отметить, что в это время еще не произошла организационная размежевка с меньшевистскими организациями на местах. В целом ряде районов существуют в это время объединенные организации, к-рые включали в себя большевиков и меньшевиков-интернационалистов, а иногда даже и явных оборонцев. Влияние мелкобуржуазной идеологии сказалось в том, что даже в такой старой большевистской области, как Центрально-Промышленная, еще в конце мая 1917 существовали объединенные организации.

Апрельские тезисы Ленина и Апрельская конференция. Центристские шатания в партии были сравнительно быстро ликвидированы по приезде в Россию В. И. Ленина 16(3) апреля 1917. Взгляды Ленина на характер Февральской революции были изложены им еще до его приезда в Россию, в ряде писем и статей (Ленин, Сочинения, том XX, стр. 5—70), в которых четко формулировался новый стратегический план большевизма. Оценивая Февральскую революцию как революцию буржуазно-демократическую, Ленин выдвигал перспективу быстрейшего перехода, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Что между демократической и социалистической революцией нет никакой «китайской стены» и что партия должна переходить «в меру сил и возможностей» от первой ко второй, большевизм учил еще в 1905. Война лишь ускорила, облегчила это перерастание, сделала его вопросом нескольких месяцев. Однако, Ленин решительно предостерегал партию от попыток взять курс на «немедленное введение социализма». В своих тезисах он подчеркивал тот факт, что «в большинстве Советов раб. деп. наша партия еще в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 88), и отсюда выводил своеобразие большевистской тактики: главная задача партии заключалась, по Ленину, в борьбе за массы, за завоевание Советов, ибо социалистическую революцию можно осуществить лишь тогда, когда за нее будет большинство народа.—Констатируя, что в результате Февральской революции пролетариат оказался захлестнутым мелкобуржуазной волной патриотизма и доверчивого отношения к буржуазному правительству, Ленин считал задачей партии беспощадную борьбу с мелкобуржуазным влиянием на пролетариат, за чистоту пролетар-

ской классовой линии. Отсюда вытекали тактические лозунги Ленина: агитация за переход всей власти к Советам и организация Республики Советов; превращение империалистской войны в гражданскую и организация братания. В тезисах был также выдвинут пункт о перемене названия партии.

Оглашенные Лениным тезисы не сразу были усвоены партией. Ей потребовалось некоторое время для уяснения нового стратегического плана Ленина и новой тактики, но против тезисов выступила резко только небольшая группа во главе с Каменевым. Основным в позиции Каменева было непонимание взаимоотношения демократической и социалистической революции, их противопоставление друг другу. «Схема Ленина представляется нам неприемлемой,— писал он,—поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую» («Наши разногласия»,«Правда», № 27). Отсюда вытекало у Каменева разногласие с Лениным по вопросу о движущих силах революции. Ленин считал, что для того, чтобы довести до конца демократическую революцию (ликвидировать помещичье землевладение, установить демократическую республику без постоянной армии, чиновничества и т. д.) и обеспечить ее перерастание в социалистическую, необходим разрыв пролетарской партии с мелкобуржуазными элементами и решительное проведение классовой линии. Каменев настаивал на том, чтобы «работать с мелкобуржуазным блоком, поддерживать его, строить нашу тактику в расчете на то, что мы не разорвем этого блока» [речь на Апрельской конференции. См. «Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РС-ДРП(б) в апреле 1917», М.—Л., 1925, стр. 54]. Необходимость этого блока Каменев и мотивировал незаконченностью буржуазно-демократической революции. «Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелкобуржуазного блока...» (там же, стр. 53).

Спор о необходимости сохранять или рвать блок с мелкой буржуазией проявился ярко в вопросе об отношении к Временному правительству. В тезисах Ленина по этому поводу имелся такой пункт: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, „требования“, чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 88). Наоборот, Каменев считал, что партия должна выдвинуть лозунг контроля над политикой Временного правительства и давления на него.— Спор между Лениным и преобладавшими в рабочей части партии его сторонниками, с одной стороны, и Каменевым и его группой—с другой, завершился на *Апрельской конференции* (см.) 7—12 (24—29) апр. 1917. Подавляющее большинство делегатов отвергло тактическую линию Каменева и целиком приняло тезисы Ленина.

На Апрельской партийной конференции присутствовало 133 делегата с решающим голосом и 18 с совещательным, представлявших 79.174 члена партии. Порядок дня конференции состоял из следующих вопросов: 1) текущий момент (война и Временное правительство), 2) мирная конференция, 3) отношения к Советам рабочих и солдатских депутатов, 4) пересмотр партийной программы, 5) положение Интернационала и наши задачи, 6) объединение соц.-дем. интернационалистских организаций, 7) аграрный вопрос, 8) национальный вопрос, 9) Учредительное собрание, 10) организационный вопрос, 11) доклады с мест и 12) выборы ЦК. Апрельская конференция наметила то направление, в к-ром должен быть произведен пересмотр партийной программы. Конференция указала главнейшие из этих исправлений, в т. ч. «исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно - парламентарной республики, а демократической пролетарско-крестьянской республики» («Петроградск. конфер. в апр. 1917», стр. 168). До VIII партийного съезда партия не имела писаной программы, но в то же время в самые острые моменты борьбы и строительства мы имели точную, ясную, определенную программу, к-рая дала возможность партии сорганизовать массы и повести их к октябрьской победе. Эта программа и дана в постановлениях Апрельской партийной конференции.

В области политической выставлялось требование перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, т. е. в руки Советов. В области аграрной партия высказывалась за немедленную и полную конфискацию «всех земель», предлагая «крестьянам брать землю организованно» и требуя«национализации всех земель в государстве». При этом партия советовала добиваться «образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, к-рое велось бы на общественный счет Советами депутатов от с.-х. рабочих». В области экономической, в виду «неотложности ряда практически назревших шагов к социализму», партия выставляла следующие требования: 1) национализация земли, 2) установление государственного контроля за всеми банками и крупнейшими синдикатами и 3) переход «к осуществлению всеобщей трудовой повинности». При этом отмечалось, что все эти мероприятия в общегосударственном масштабе могут быть проведены лишь «при условии перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям». В резолюции о войне конференция выставила лозунг «демократического мира» без аннексий и контрибуций, подчеркнув, что войну можно кончить таким миром лишь при условии победы международной революции. В резолюции по национальному вопросу выставлялось требование признания за всеми нациями «права на свободное отделение и образование самостоятельного государства». По вопросу о меньшевиках и эсерах (мелкобуржуазном оборонческом блоке) конференция постановила: признать объединение с партиями и группа-

ми, проводящими политику мелкобуржуазной измены социализму, «безусловно невозможным» [«Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РС-ДРП (б) в апреле 1917», резолюции, стр. 156—160].

Беспощадно критикуя меньшевистскую тактику поддержки Временного правительства и участия в коалиционном министерстве, конференция указывала, что «необходима длительная работа по проявлению классового пролетарского сознания к сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии». При этом подчеркивалось, что «только такая работа» обеспечит переход государственной власти в руки рабочих и беднейших крестьян. Но Апрельская конференция не только дала партии основную линию поведения и боевые лозунги—она обнаружила в партии известные колебания. Они были одним из проявлений мелкобуржуазной стихии в партии революционного пролетариата. Если на конференции т. Ленин в намечаемой им линии исходил из положения, что «социалистическая революция, нарастающая на Западе, в России непосредственно не стоит в порядке дня, но мы уже вступили в переходное к ней состояние», то другая точка зрения основывалась на убеждении, что «наша революция не принадлежит к числу классически-буржуазных революций; тем не менее, по существу своему она не может быть иной, как буржуазной».

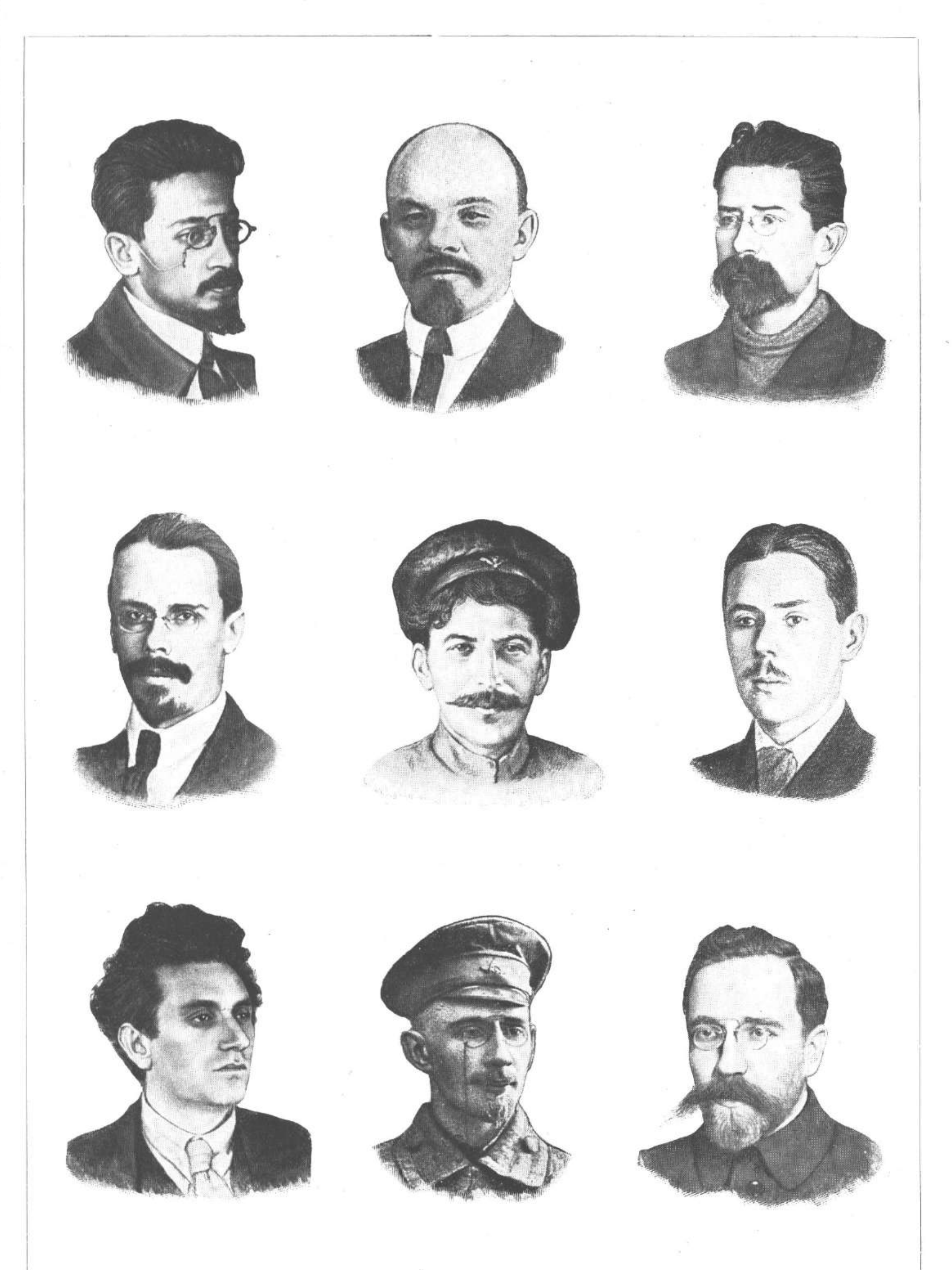
Несомненно, что из этой последней точки зрения и исходила та группа делегатов конференции, к-рая не голосовала за предлагаемые резолюции. Просматривая все голосования на конференции, видим такую картину: резолюция о войне была принята при 7 воздержавшихся; резолюция о Временном правительстве—при 8 воздержавшихся и 3 против; резолюция по земельному вопросу—при 11 воздержавшихся; резолюция о текущем моменте—при 8 воздержавшихся; резолюция о коалиционном министерстве—при 2 воздержавшихся и, наконец, резолюция об Интернационале была принята всеми при 6 воздержавшихся. Вот эта группа, численность которой колеблется между двумя и тринадцатью делегатами, и отражала те колебания, о к-рых было сказано выше. Основное ядро этой группы состояло из Каменева, Рыкова и Ногина.— На конференции был выбран ЦК партии в составе Ленина, Свердлова, Сталина, Зиновьева, Каменева, Ногина, Смилги, Федорова и Милютина. Апрельская конференция направила всю работу партии по пути, намеченному в основном Лениным еще в Апрельских тезисах.

Ленину и большинству партии приходилось бороться не только с правыми, выступавшими против лозунга: «Вся власть Советам», но и с «левыми», требовавшими немедленного свержения Временного правительства и перехода власти к Советам. Когда в апр. 1917 Милюков разослал ноту о верности Временного правительства империалистским договорам с союзниками, а питерские рабочие и солдаты вышли на улицы с оружием в руках и потребовали отставки Милюкова, то нек-рые работники ПК партии выдвинули лозунг: «Долой Временное правительство». ЦК партии, по предложению Ленина, подчеркнул в своей резолюции ошибочность этого лозунга.—Следует отметить, что Троцкий, не вернувшийся еще тогда из эмиграции в Россию, по существу считал позицию ЦК неверной. Он утверждал, что в Февральской революции боролись только две силы: пролетариат и царские войска, и что немедленно вслед за свержением царизма встает вопрос о создании «революционного рабочего правительства», и пролетариат «должен ставить своей прямой целью завоевание власти». Отсюда Троцкий позднее делал заключение, что «Апрельская манифестация, взявшая „левее", чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством» и что Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства, но снял его на недели или на месяцы в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей («Уроки Октября», цит. по сборнику «За ленинизм», М., 1925, стр. 448—49).

Нечего и говорить, что Ленину незачем было «снимать» лозунг немедленного низвержения Временного правительства и образования рабочего правительства потому, что он такого лозунга не выдвигал. Наоборот, он категорически возражал против него. «Не грозит ли нам опасность,—писал он в «Письмах о тактике»,—впасть в субъективизм в желании „перепрыгнуть" через незавершенную,—не изжившую еще крестьянского движения,—революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал: „без царя, а правительство рабочее", эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это... Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякой игры в „захват власти" рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 104).

Массовое движение, июльские события и VI партийный съезд. Тактика партии после апрельских событий может быть формулирована как борьба за завоевание и революционную мобилизацию масс. Одним из крупных этапов в этой борьбе был 1 Всероссийский Съезд Советов 16 (3) июня—6 июля (23 июня) 1917. Большевистская фракция съезда в самом начале его огласила декларацию протеста против империалистской политики Временного правительства и подготовляемого им наступления. В то время как меньшевики и эсеры защищали коалицию с буржуазией и доказывали недопустимость перехода власти в руки пролетариата, большевистская фракция на вопрос Церетели: есть ли такая партия, к-рая осмелится в современной сложной обстановке взять власть в свои руки?—устами Ленина ответила: есть.

23 (10) июня большевиками была назначена демонстрация протеста против действий Временного правительства. Съезд Советов, состоящий в большинстве из меньшевиков и эсеров, запретил демонстрацию, мотивировав запрещение так: «нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться при-

1 ряд (слева направо): Свердлов, Ленин, Ногин. 2 ряд: Милютин, Сталин, Федоров. 3 ряд: Зиновьев, Смилга, Каменев.

АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

(ИЗБРАННЫЙ Ц. К.)

ТРЕСТ „ГЕОКАРТПРОМ"

таившиеся силы контр-революции». Хотя рабочая масса рвалась в бой и даже Петербургский комитет партии был за выступление, ЦК, во главе с Лениным, настоял на

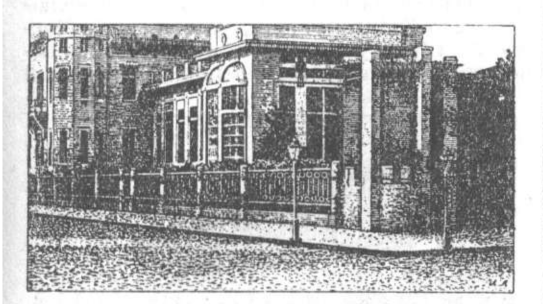

Рис. 15. Особняк Кшесинской в Петрограде, где помещался центр большевиков в 1917.

отмене демонстрации. Демонстрация, состоявшаяся на неделю позднее, 18 июня ст.ст., прошла почти целиком под большевистским знаменем.

Не считаясь с мнением питерского пролетариата и гарнизона, 18 июня ст. ст. Керенский объявляет под давлением союзников наступление на фронте, кончающееся разгромом рус. армии. Недовольство рабочих и солдатских масс политикой правительства приводит к стихийному вооруженному выступлению рабочих и солдатских масс в Питере 16 (3) июля. Партия считала взятие власти преждевременным. 2 Петербургская конференция партии, происходившая в это время, призывала рабочих не выступать. Однако, когда стало ясно, что рабочие и солдаты все равно выступят, партия встала во главе этого движения, чтобы внести в него необходимую организованность и по возможности придать ему мирный характер. 3 июля Питер оказался в руках восставших рабочих и солдат. Но прибывшие в столицу «верные» Временному правительству войска быстро «восстановили порядок». Контр-революционные банды разгромили «Правду», помещение ЦК партии и т. д.

После июльских дней контр-революция переходит в открытое наступление против рабочего класса. Ряд большевиков арестовывается, другие (Ленин, Зиновьев) переходят на нелегальное положение. «Двоевластие кончилось... Власть перешла в решающем месте в руки контр-революции»,—так оценивал Ленин положение после июльских дней.—В связи с изменившейся ситуацией изменялась и тактика партии. До июля большевики, исходя из наличия двоевластия, считали возможным относительно мирное развитие революции, наиболее безболезненный путь перехода власти к Советам, в результате чего мелкобуржуазный блок меньшевиков и эсеров потерпел бы банкротство и открыл переход к власти пролетариату и его партии; теперь этот мирный путь, в силу создавшихся условий, стал невозможен.

Переход власти к Советам и к установлению диктатуры пролетариата после июльских событий мог быть решен только вооруженным восстанием. Это изменение партийной тактики было зафиксировано в резолюциях VI съезда партии (8—16 августа, 26 июля—3 августа). За время между Апрельской конференцией и VI съездом партия развернула громадную работу по сплочению широких масс и по окончательному оформлению большевистских организаций. В силу этого к VI съезду партия подошла более монолитной, чем к Апрельской конференции, когда не было еще достаточно четкого организационного и идейного оформления партийных организаций в целом ряде районов. К VI съезду партия численно выросла, насчитывая до 170 организаций с 240 тыс. членов партии. На съезде было представлено ок. 177 тыс. членов, делегатов было 157 с решающим голосом и 110 с совещательным. Съезд принял следующий порядок дня: 1) доклад Организационного бюро, 2) доклад ЦК РС-ДРП, 3) отчеты с мест; 4) текущий момент: а) война и международное положение, б) политическое и экономическое положение, 5) выборы в Учредительное собрание, 6) Интернационал, 7) пересмотр программы, 8) объединение партии, 9) выборы, 10) разное. VI съезд заседал полулегально. Свою работу он начал на Выборгской стороне, а кончил за Нарвской заставой.

В своих резолюциях съезд подчеркнул, что «мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам в настоящее время невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революции» (*Протоколы VI съезда*, стр. 255). Предупреждая пролетариат не поддаваться на провокацию буржуазии и не принимать боя в невыгодных для себя условиях, VI съезд подчеркнул, что главная задача партии—организация масс и подготовка сил для восстания. Следует отметить, что при обсуждении резолюции Сталина по текущему моменту Преображенский внес поправку, смысл к-рой сводился к утверждению, что победа социалистической революции в России невозможна без мировой революции. Сталин в защиту своей резолюции заявил: «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь» (*там же*, стр. 249). По-

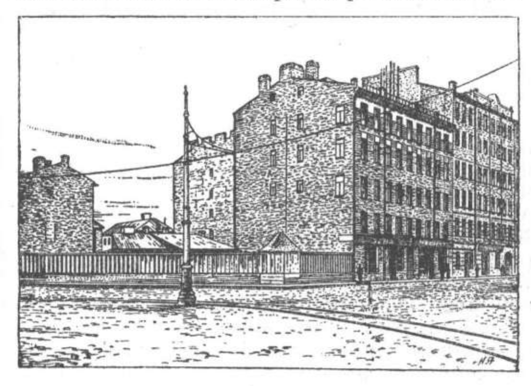

Рис. 16. Дом Сампсониевского братства, где происходил VI съезд партии. 1917. Петроград.

правка Преображенского была съездом отвергнута. Из др. решений VI съезда надо отметить резолюцию о профсоюзах, заостренную против меньшевистского учения об их нейтральности, и о молодежи. По докладу Сталина о политическом положении развернулись прения, которые обнаружили разногласия по вопросу о лозунге Советов. Первое течение выдвигало лозунг свержения диктатуры буржуазной контр-революции и считало необходимым снять на данном этапе революции лозунг: «Вся власть Советам». Эта точка зрения была выдвинута Лениным в брошюре «К лозунгам» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 33), к-рая сыграла громадную роль в деле определения линии партии после июльских дней. Вторая точка зрения отстаивала старый лозунг перехода власти к Советам. И третья выдвигала лозунг организации революционных Советов.— Было совершенно ясно, что за этими разногласиями скрывались различные оценки движущих сил революции, что и обнаружилось в прениях на съезде. Первая позиция целиком и полностью исходила из ленинской оценки политического положения и соотношения классовых сил в стране; вторая—сползала к апрельской позиции Каменева, а третья—занимала промежуточную, путаную точку зрения.

На VI съезде партии в партию вступили т. наз. «межрайонцы» во главе с Троцким. Тактическая линия «межрайонной организации» уже в начале июня мало чем отличалась от тактики большевистской партии. Но межрайонцы долгое время настаивали на необходимости объединения с меньшевиками. Это мешало их слиянию с большевиками. Еще в мае 1917, на конференции межрайонцев, Троцкий, заявлявший, что он—не большевик, настаивал на объединении с меньшевиками-интернационалистами и заявлял, что с большевиками он «согласен» лишь «постольку, поскольку русский большевизм интернационализировался» (Ленинский сборник, IV, стр. 301—303). Июльские события сблизили большевиков и «межрайонцев». VI съезду оставалось только оформить вхождение межрайонцев в партию большевиков.

VI съезд избрал Центральный Комитет партии в составе Ленина, Каменева, Троцкого, Сталина, Зиновьева, Свердлова, Ногина, Рыкова, Бухарина, Бубнова, Урицкого, Милютина, Коллонтай, Артема (Сергеева), Крестинского, Дзержинского, Иоффе, Муранова, Сокольникова, Смилги, Шаумяна, Берзина, Стасовой и Ломова. VI съезд имел огромное значение, так как он определил линию партии в предоктябрьский период. Он принял линию Апрельской конференции, применив ее уже к условиям контр-революционной бонапартистской диктатуры и быстро нарастающего массового революционного движения, направленного против этой диктатуры. В этом смысле съезд окончательно подводил итоги доиюльского этапа перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и открывал новый, предоктябрьский этап, характеризовавшийся громадной перегруппировкой классовых сил в стране и протекавший под знаком непосредственной подготовки вооруженного восстания против господства буржуазии.

Август 1917 прошел в непрерывной организации и сплочении контр-революционных сил. Одним из центров этой контр-революции было Государственное совещание в Москве 25 (12) августа, на к-ром открыто произносились речи об установлении вооруженной

Рис. 17. Дом, где происходили заседания VI съезда РС-ДРП. Петроград.

диктатуры и разгоне Советов. Нек-рые организации высказывались за бойкот Совещания. ЦК постановил: пойти на Совещание, организовать там фракцию, огласить свою декларацию и уйти до начала работ Совещания [Протокол ЦК от 17 (5) августа]. Но постановлением президиума Совещания большевики в составе советской делегации на совещание допущены не были и ограничились напечатанием своей резолюции в газетах.

Давно подготовляемое выступление контрреволюции произошло в конце августа 1917. Ген. Корнилов сделал попытку захватить власть, чтоб разогнать Советы и установить военную диктатуру. Меньшевики и эсеры, с начала революции проводившие тактику соглашения с буржуазией, не могли организовать отпора корниловщине. Вся борьба с нею легла на плечи большевиков. Но, направляя свой удар против Корнилова, большевики не прекращали ни на минуту разоблачения правительства Керенского и борьбы с ним.—Получив отпор от революционных масс, Корнилов принужден был сложить оружие, корниловщина показала трудящимся массам, к чему приводит коалиция с буржуазией. Именно в корниловские дни — 31 августа ст. ст.—Петербургский совет раб. и солд. деп. принял первую большевистскую резолюцию по вопросу о власти.

XI. Октябрьская Революция и большевизм.

Партия перед Октябрем. После корниловщины в стране быстро нарастали условия для успешного восстания. За большевиками шло уже подавляющее большинство рабочих и солдатских масс, что нашло выражение в большевизировании Советов. Разрозненные крестьянские волнения превращаются в грандиозную крестьянскую революцию против помещиков. Армия требует мира и поддерживает большевиков, выдвигающих лозунг немедленного окончания войны. Национальная политика правительства Керенского по отношению к Финлян-

дии, Украине и т. д. увеличивает развал в буржуазном лагере и усиливает ряды сторонников свержения Временного правительства.—Условия для возможности успешного восстания назрели. Ленин ставит вопрос о его технической подготовке. В начале сентября он пишет письмо в ЦК, в к-ром сравнивает сентябрьскую конъюнктуру с июльской и доказывает, что «тогда в Питере задача была — придать (движению) мирный и организованный характер. Теперь... задача стоит совсем иная, старый лозунг был бы архиневерен. Теперь задача была бы взять власть самим и объявить себя правительством во имя мира, земли крестьянам, созыва Учр. собрания... и т. д.» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 91). «Политически дело совершенно созрело, дело перехода власти... Надо говорить о технической стороне»,—говорил он несколько позднее на заседании ЦК партии.

Курс на восстание, взятый Лениным, встретил, однако, сопротивление со стороны некоторых членов ЦК—в первую очередь со стороны Каменева и Зиновьева. Основные аргументы их против восстания были повторением и развитием позиции Каменева, отвергнутой партией еще на Апрельской конференции. Каменев и Зиновьев считали восстание обреченным на неудачу. Во-первых, говорили они, «только рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным без всяких колебаний взять власть в свои руки», а пока этого нет, «мы обязаны перед международным пролетариатом величайшей осторожностью» (письмо «К текущему моменту»). Во-вторых, они отрицали возможность крестьянской поддержки и утверждали, что «подавляющее большинство городской и сельской мелкой буржуазии стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам» (там же; см. также Зиновьев, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 367—68). Исходя из этих соображений, Каменев и Зиновьев предлагали сосредоточить все внимание партии на подготовке выборов в Учредительное собрание. Но эти предоктябрьские разногласия были лишь последним звеном ряда разногласий, которые обнаруживаются и в вопросе об отношении к Демократическому совещанию и в вопросе о Предпарламенте. Демократическое совещание было созвано ВЦИК для того, чтобы «разрешить вопрос о власти», а по существу, чтобы создать видимость демократического одобрения бонапартистскому коалиционному правительству. Ленин с самого начала настаивал на том, что на Демократическом совещании большевикам нечего делать. «Величайшей ошибкой... было бы... отнестись к Демократическому совещанию как к парламенту..., ибо оно ничего не решает; решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы... Мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы; там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции» (Ленин, Соч., том XXI, стр. 197—198).

Ленин стоял и за бойкот выделенного Демократическим совещанием Предпарламента. ЦК партии, в виду того, что голоса по вопросу о Предпарламенте разбились почти пополам, перенес решение вопроса на фракцию Демократического совещания. Фракция же 77 голосами против 50 отвергла бойкот Предпарламента. Следует отметить, что на предыдущем заседании фракция обсуждала доклад т. Бухарина о текущем моменте и приняла по нему резолюцию, к-рая гласила: «Пролетарская партия должна приложить все усилия для мобилизации широких народных масс, организованных Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющимися теперь боевыми классовыми организациями, переход власти к к-рым становится лозунгом дня. По этой линии должна быть направлена работа партии, при чем деятельность в Предпарламенте должна носить лишь вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам массовой борьбы».

Как видим, отказа от внепарламентской борьбы фракция не предлагала, но в то же время в вопросе о Предпарламенте она была против бойкота и расходилась с Лениным. Но ЦК уже в заседании 18 (5) октября принял решение о выходе из Предпарламента. Против этого решения голосовал только Каменев, подавший тотчас же заявление об уходе со всех ответственных постов. По вопросу о восстании и подготовке к нему большинство партийных организаций высказалось за ленинскую точку зрения. Соответствующую резолюцию Московск. и областное бюро приняло 10 окт. (27 сент.), Московская общегородск. конференция—23 (10) окт., и т. д.

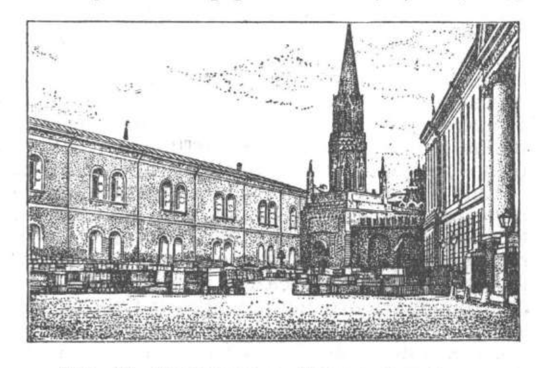

Рис. 18. Баррикады в Кремле. Октябрь 1917. Москва.

Октябрьский переворот и ЦК партии. Решающее заседание ЦК по вопросу о восстании состоялось 23 (10) октября. На нем присутствовали (из членов ЦК) Ленин, Сталин, Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бубнов, Ломов, Сокольников, Дзержинский, Урицкий и Коллонтай. Решение о подготовке восстания было принято на нем всеми против Каменева и Зиновьева. Их попытка перенести дискуссию в низовые организации была отвергнута крупнейшими партийными организациями. Расширенное заседание ЦК, с участием представителей Военной организации и др. партийных организаций, 29 (16) октября подтвердило резолюцию 23 (10) октября. Попытка Каменева и Зиновьева апеллировать против решения ЦК к мелкобуржуазным массам (письмо в «Новую Жизнь») вызвала протест Ленина. Ленин предложил исключить их из партии

за нарушение партийной дисциплины; ЦК ограничился исключением их из ЦК [см. протокол ЦК от 2 ноября (20 окт.) 1917].— Партия развернула громадную работу по подготовке восстания. На заседании 23 (10) окт. ЦК для политического руководства вос-

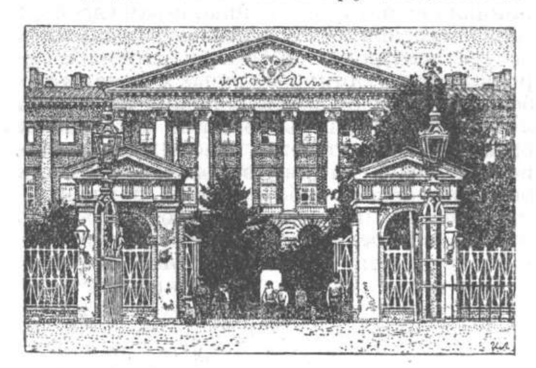

Рис. 19. Смольный институт. Октябрь 1917. Петроград.

станием выделил Политическое бюро в составе Ленина, Сталина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Бубнова и Сокольникова, а для организационного руководства восстанием на заседании 29 (16) октября избрал военно-революционный центр в составе Сталина, Свердлова, Бубнова, Дзержинского и Урицкого. Кроме этого, было послано несколько представителей в Ревком при Питерском совете. В Москве восстанием руководил партийный центр в составе представителей Московского областного бюро, МК, Московского окружного комитета и т. д. Практическое проведение восстания, вооружение рабочих, распределение солдат и т. д. было делом военной организации партии.

Еще в своих сентябрьских статьях Ленин подчеркивал, что «восстание есть искусство». Особенно часто останавливался он на том положении, что нельзя вопрос о восстании подчинять др. вопросам, в частности нельзя приурочивать его непременно к Съезду Советов. «Большевики не в праве ждать Съезда Советов, они должны взять власть тотчас,— писал он,—медлить—преступление, ждать Съезда Советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции» (Ленин, Соч., том XXI, стр. 194). Надо «выбрать правильный момент для свержения правительства Керенского. Связывать эту задачу непременно со Съездом Советов, подчинять ее этому Съезду—значит играть в восстание, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая с толку массы иллюзией, будто „резолюцией“ Съезда Советов можно решить вопрос, к-рый способен решить только восставший пролетариат своей силой. Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на Съезд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно „дождаться“ его, сосредоточить все силы на разъяснении массам неизбежности восстания и на подготовку его» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 288).

В «Уроках Октября» Троцкий утверждал, что Октябрьская Революция произошла уже тогда, когда Питерский Военно-революционный комитет постановил не выводить войск из Питера на фронт, а самое восстание «имело лишь дополнительный характер». Действительный ход Октября опровергает такое заключение. Восстание было подготовлено военной организацией партии под руководством ЦК и ПК. Оно произошло до Съезда Советов и было решающим моментом в ходе и исходе Октябрьской Революции. «21 октября ночью,—пишет т. Подвойский,—комиссары Военно-революционного комитета были направлены в полки петроградского гарнизона». Далее: «22 и 23-го октября,—пишет он,—началась подготовка. Каждый атом революционной силы был приведен в сильнейшее движение и поставлен на определенное ответственное место. Вызваны были из Кронштадта и Гельсингфорса балтийские моряки; из Кронштадта вызваны боевые суда. Стоявшие около Петрограда суда: крейсер «Аврора», «Заря Свободы» включены в цепь операции. Срепетированы моряки «Авроры», к-рые охраняли Зимний дворец». И, наконец, он особо отмечает, что «руководители решили, что войска будут наступать на Зимний дворец в ночь на 25 октября» (см. «Красная Летопись», 1923, № 8). Готовилось к восстанию, т. е. принимало меры к его подавлению и правительство «хвастунишки» Керенского. Но не этим жалким паяцам истории было удержать могучий вал массового движения миллионов. Октябрьская победа была прочно обеспечена тем, что массы были уже за большевиков, доведенное до восстания крестьянство и измученная войной армия шли уже за городским пролетариатом, к-рый твердо вел их к полной победе над бонапартистской контр-революцией.

Рис. 20. Красногвардейцы на посту у кабинета председателя СНК Ленина в Смольном. 1917.

«Смольнинский» период Октябрьской Революции. «По всей России,—говорил Владимир Ильич на VII съезде РКП (б) 6 марта 1918,—вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы проделали

1 ряд (слева направо): Рыков, Ленин, Дзержинский. 2 ряд: Милютин, Сталин, Ногин.
3 ряд: Артем, Берзин, Бубнов. 4 ряд: Шаумян, Крестинский, Каменев.

1 ряд (слева направо): Урицкий, Сокольников, Бухарин. 2 ряд: Свердлов, Коллонтай, Муранов.
3 ряд: Ломов, Иоффе, Стасова. 4 ряд: Зиновьев, Смилга, Троцкий.

ЦК.

ТРЕСТ „ГЕОКАРТПРОМ"

весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги „вся власть Советам“, практически проверенные массами долгим историческим опытом, стали их плотью и кровью. Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 7 ноября (25 октября 1917 года)» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 314—315). Пролетарская революция почти бескровно победила в Петрограде, с большими жертвами и после нек-рой затяжки (в значительной степени из-за недостаточно решительных действий ВРК) в Москве. В ряде пролетарских районов Центральной России и Урала власть перешла в руки Советов фактически еще до Октябрьского переворота, в др. городах—сейчас же или спустя недолгий срок после победы в Питере. Характерным в этом процессе «становления» пролетарской диктатуры на местах была именно та относительная легкость, с какой Советы брали в свои руки государственную власть. Это свидетельствовало о том, что Октябрьская Революция была действительно народной революцией, что переход власти к Советам рисовался громадному большинству народных масс как единственный выход из военной и экономической катастрофы, к к-рой неудержимо катилась страна. Это наилучшим образом свидетельствовало о том, что Россия объективно созрела для пролетарской революции и что курс партии на форсирование вооруженного восстания после корниловских дней, вопреки утверждениям и «предсказаниям» колебавшихся одиночек в партии, был единственно возможным и правильным в сложившейся обстановке.

Но закрепить завоеванные позиции и расширить плацдарм пролетарской диктатуры можно было только немедленным разрешением основных задач революции. Исторический декрет о земле, принятый в заседании 2 Съезда Советов 8 ноября (26 октября) 1917, сыграл роль важнейшего орудия привлечения на сторону победившего пролетариата самых широких масс крестьянства, а не только бедноты, в союзе с к-рой пролетариат уже шел к Октябрю. Положив в основу декрета 242 крестьянских наказа о земле, составленных под влиянием программы «социализации земли», партия наглядно показала основным массам крестьянства — его средним слоям, что ставший у власти пролетариат не собирается навязывать ему своей линии в земельном вопросе, а намерен путем завоевания доверия широких масс крестьянства подвести их к правильному пониманию своих интересов. Вместе с тем крестьянство, изверившееся в способности буржуазного Временного правительства разрешить земельн. вопрос, убеждалось на деле, что только пролетарская диктатура в состоянии бесповоротно и решительно удовлетворить его земельные требования. Этим шагом, наконец, разоблачалась до конца предательская роль «монопольной защитницы» крестьянства—эсеровской партии, катастрофически быстро утратившей свое влияние на крестьянские массы. Правда, в части районов это влияние стало переходить к левому флангу народников—левых с.-р., но опять-таки постольку, поскольку эта партия непоследовательно, путаясь и колеблясь, но все же пошла на политический блок с большевиками. А тем самым, в силу всех отмеченных обстоятельств, пролетарской диктатуре была обеспечена поддержка всех слоев крестьянства в борьбе за искоренение помещичье-буржуазного господства.

Разумеется, декрет о земле не означал прекращения классовой борьбы в деревне—сплотив все крестьянство и рабочий класс в революционной борьбе против помещиков, он в то же время был предпосылкой обострения классовой борьбы между пролетарской и полупролетарской частью крестьянства и его кулацкой частью на следующем этапе революционной борьбы, к-рая означала проникновение социалистической революции в деревню, борьбы, в к-рой политически умерла и распалась левоэсеровская партия как партия «единого» крестьянства. Но это уже следующая страница Октябрьской Революции. Радикально разрешая главную задачу буржуазно-демократической революции—ликвидацию помещичьего землевладения, декрет о земле олицетворял собой ту работу по доведению до конца задач буржуазно-демократической революции, которую пришлось «походя» (по слову Владимира Ильича) доканчивать Октябрьской пролетарской, социалистической революции.

В цепи шагов этого же порядка стоит ряд декретов первого периода Советской власти, направленных к беспощадному искоренению пережитков феодализма и крепостничества [«Декларация прав народов России» от 16(3) ноября; декрет об отмене сословий и национальных и вероисповедных ограничений от 25(12) ноября; декреты о свободе разводов, гражданском браке и уравнении брачных и внебрачных детей от 1 и 2 января (19 и 20 декабря); декрет о свободе совести и отделении церкви от государства от 3 февраля (21 января); декреты о суде, школе и пр.]. «За какие-нибудь 10 недель, начиная от 7 ноября (25 окт.) 1917 до разгона учредилки [18(5) янв. 1918], мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за 8 месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелкобуржуазные демократы (меньшевики и с.-р.). Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда... Наиболее глубокие следы сословности, именно: остатки феодализма и крепостничества в землевладении, вырваны нами до конца»,—писал Ленин об этой стороне деятельности пролетарской революции в своей статье «К четырехлетию Октябрьской Революции» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 325).

Особое значение имели мероприятия Советского правительства в области национального вопроса. Декларация прав народов России, признание независимости Финляндии 1 января 1918 (18 дек. 1917) и Украины 11 января (29 декабря) и «обращение к трудовым мусульманам России и Востока» в конце января, аннулировавшее договоры о разделе Персии и Турции, провозглашали полный разрыв с империалистической политикой царизма и Временного правительства и со старой практикой угнетения народов. Все это открывало новые

пути для сближения передового промышленного великорусского пролетариата с крестьянством национальных окраин, в то же время способствуя развитию антиимпериалистического революционного движения на Востоке и установлению смычки между пролетарской революцией и этим движением. Как показал опыт гражданской войны 1918—20, правильная национальная политика партии явилась одной из важнейших предпосылок победы пролетарского государства в этой войне.

Такое последовательное, как ни в одной стране, разрешение этих буржуазно-демократических задач оказалось по плечу только пролетарской революции, только пролетариату,«организовавшемуся в государство». Именно потому, что «мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей пролетарско-революционной, социалистической работы» (Ленин), для нас само доведение до конца буржуазно-демократической революции явилось зозможным. И именно потому, что разрешение буржуазно-демократических задач не было главным содержанием Октябрьской Революции, сами методы разрешения буржуазно-демократических задач не только расчищали почву для преобразующей социалистической работы, но и перерастали в методы прямого вторжения в основы капиталистического правопорядка, в прямой прорыв системы мирового империализма.— Уже декрет о земле провозглашал принцип уничтожения всей частновладельческой (а не только помещичьей) собственности и наемного труда в деревне и тем самым возвещал начало классовой борьбы в самой деревне между беднотой и кулацкими слоями. По этой же линии шли и «Положение о волостных земельных комитетах» [от 13 ноября (31 октября) 1917], возлагавшее на них окончательную ликвидацию пережитков крепостничества и ближайшим образом задевавшее интересы кулаков, и постановление о монопольном распоряжении государства с.-х. орудиями и машинами [от 30(17) ноября 1917] и, наконец, декрет о социализации земли [от 19(6) февр. 1918], делавший уже ряд шагов вперед по сравнению с октябрьским декретом. Непосредственно социалистический характер носил и целый ряд первых экономических мероприятий Советской власти, отразившихся в декретах о рабочем контроле [27(14) ноября], о национализации банков [27(14) декабря] и транспорта, о создании ВСНХ, о государственной монополии на объявления и пр.—Отмеченные раньше мероприятия пролетарской диктатуры в области национального вопроса не только ликвидировали наследие феодализма в этой области, но и били по самым глубоким основам мировой империалистической системы, подрывая устойчивость ее колониальной базы. — Революционная борьба за мир и выход из империалистской войны, поставленные на практические основы декретом о мире от 26 октября, полный разрыв с традициями тайной дипломатии (опубликование тайных договоров) и аннулирование долгов [декретом от 3 февраля (21 янв.) 1918]—все эти шаги непосредственно переносили борьбу рус. рабочего класса и его союзника—крестьянства—на интернациональную арену, способствуя развязыванию пролетарской революции на Западе и нанося сильнейший удар господству мирового империализма. Борьба за мир, открытая Октябрьской Революцией, была борьбой социалистической.

Так, в поступательном движении Октябрьской Революции переплеталось разрешение буржуазно-демократических и социалистических задач. Это переплетение и перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, в условиях установления пролетарской диктатуры, обеспечивало совместные действия рабочего класса и крестьянства, поднимало на борьбу самые глубинные пласты народных масс, развязывало в небывалой степени их инициативу и самодеятельность. Эта пробужденная Октябрем сила масс и определила ту молниеносную быстроту, с к-рой Октябрьская Революция распространилась от центра на периферию, из города—в деревню, неудержимо сметая на своем пути все и всяческие препятствия.

Но эта сила масс не была слепой стихией. В этом как нельзя ярче сказалась организующая и руководящая роль партии как авангарда масс. Тактика партии в первый послеоктябрьский период (смольнинский, как называл его Владимир Ильич по местопребыванию Советского правительства) исходила из той же стратегической установки, какая намечалась партией в период октябрьского штурма, а именно установление и упрочение пролетарской диктатуры на территории России для постепенного развертывания социалистического строительства и тем самым развязывания дальнейшего процесса мировой пролетарской революции, началом и составной частью к-рой явилась Октябрьская Революция.

Отсюда вытекала необходимость решительной и крупной ломки всего политического строя страны, беспощадного разгрома помещичье-буржуазных государственных установлений руками двинутых партией на штурм масс и создания на развалинах «российской державы» государства нового типа—государства Советов. В то же время в области создания экономического фундамента социалистического строительства партия, учитывая пестроту и разнообразие экономических укладов страны, наряду с преобладанием мелкого товарного (крестьянского) хозяйства, ставила своей непосредственной задачей овладение пролетариатом командными экономическими высотами для постепенной социалистической переделки мелко-собственнического крестьянского хозяйства и предотвращения хозяйственной катастрофы, результата войны и хозяйничания буржуазии. Эта линия экономической политики партии была намечена Лениным еще в предоктябрьский период в брошюре «Грозящая катастрофа и как с нею бороться». Она состояла из следующих пунктов: «1) Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков. 2) Национализация синдикатов, т. е. крупнейших моно-

полистических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.). 3) Отмена коммерческой тайны. 4) Принудительное синдицирование (т. е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще. 5) Принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ними» (Ленин, Соч., том XXI, стр. 163—164). Намечая в упомянутой брошюре программу экономической политики революционной власти, Ленин одновременно указывал, что эти меры, не будучи сами по себе социалистическими, являются неизбежно шагом к социализму, ибо «вперед итти нельзя, не идя к социализму» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 187).

По существу именно эту экономическую программу и начала проводить партия, став у власти. Первые экономические декреты Советской власти отражают попытки постепенного подхода к экономическим проблемам. Так, первым шагом на пути к осуществлению национализации банков было установление контроля над банками. Введение рабоч. контроля над производством предшествовало процессу национализации, т. е. решительной экспроприации эксплоататоров. Стремление организовать промышленность на основе известного компромисса с частным капиталом в системе государства пролетарской диктатуры (то, что Ленин обозначал термином «государственный капитализм»), в целях использования его организационно-хозяйственного опыта, составляет отличительную черту этого этапа экономической политики партии.

Но пролетарский натиск на основы капиталистич. общества вызвал и не мог не вызвать бешеного сопротивления буржуазии, к-рое и поставило пролетарскую власть перед задачей ускорить ликвидацию экономических основ буржуазно-капиталистич. господства путем прямой непосредственной ломки. Надо было сломить гражданскую войну капиталистов против установления рабочего контроля над производством и для этого надо было от контроля над предприятиями перейти к их национализации. Недостаточность установленного 13 ноября (31 октября) контроля за банками выявилась очень скоро. Как в Петрограде, так и в Москве «контроль» не мешал буржуазии использовать банки для финансирования чиновничье-интеллигентского саботажа, выкачивать из банков денежные средства, сжимать финансирование ряда предприятий. Национализация банков в связи с этим явилась насущно необходимой. Мало того, ударив по заинтересованному в русских банках иностранному капиталу, национализация банков так же, как и аннулирование иностранных долгов, была составной частью пролетарской борьбы за мир, поскольку она разрушила связи России с мировым империализмом.

Не меньшее сопротивление со стороны буржуазии вызвало установление рабочего контроля над производством. В различных формах (прямой отказ подчиняться контролю, закрытие предприятий или оставление их на произвол судьбы и проч.) промышленная буржуазия открыла против рабочего контроля ожесточенную борьбу. Национализация предприятий в этих условиях являлась мерой карательного характера. В значительной же степени национализация предприятий проводилась без плана, стихийно. Отрицательные черты «красногвардейской атаки на капитал» покрываются тем, что она сломила первые попытки сопротивления эксплоататоров Октябрьскому перевороту и обеспечила сосредоточение в руках пролетариата командных экономических высот (банков, транспорта и крупной промышленности).—Подход рабочего класса к овладению государственным аппаратом, так же, как и борьба за овладение командными экономическими высотами, встретил сразу же бешеный отпор со стороны верхних и средних слоев чиновничества, служащих и интеллигенции. Орудием этого отпора явился саботаж, организованный и финансировавшийся бывшими господствующими классами. Та обстановка, к-рая сложилась в результате саботажа, как нельзя ярче иллюстрировала самым широким рабочим массам справедливость положений Маркса и Ленина о том, что пролетариат, захватив в свои руки государственную власть, не сможет просто пустить в ход старую государственную машину, а должен будет разбить ее вдребезги и создать совершенно новый, свой, пролетарский государственный аппарат. Саботаж был в состоянии внести расстройство в ряд жизненных функций страны, но он оказался бессильным помешать продвижению вперед пролетарской революции. Созданная пролетариатом в период борьбы за власть советская система наглядно обнаружила свои гигантские преимущества в области связи с массами, в области их организации, воспитания и обучения, и поэтому позволила победившему рабочему классу сравнительно в недолгий срок на месте разрушенного буржуазного государственного аппарата построить в основных чертах свое рабочее государство.

Эти же преимущества советской системы оказались и в области той вооруженной борьбы, которую пролетарской революции пришлось вести в первые месяцы своего существования. Первые попытки вооруженного сопротивления буржуазии Октябрьскому перевороту (поход Керенского — Краснова на Петроград, юнкерское восстание, организованное правым с.-р. Гоцом) кончились для нее неудачей. Двинутое на борьбу казачество, самая контр-революционная часть старой армии, в конечном счете отказалось воевать с пролетариатом за чуждые для него интересы. А сил Красной гвардии рабочих в соединении с отдельными революционными частями старой армии оказалось вполне достаточно для расправы с активно действовавшими вооруженными отрядами контрреволюции.—Более серьезный характер имели военные действия буржуазно-помещичьей клики на Дону и на Кубани и Украинской центральной рады, лицемерно заявившей нейтралитет в период Октябрьского переворота, но скоро же повернувшей штыки против пролетарской власти. Дон и Кубань

еще до Октября стали превращаться в опорные пункты самой черной реакции. Но первое же соприкосновение казачества и крестьянства южной «Вандеи» с отрядами рабочей Красной гвардии, олицетворявшими пролетарскую революцию, обусловило начало распада контр-революционных рядов. В этом же направлении начала действовать все более и более разгоравшаяся классовая борьба внутри самого казачества и юж. крестьянства, особенно в связи с возвращением из армии более передовых и сознательных солдатских кадров. Вооруженная борьба советских пролетарских отрядов на юге была борьбой за завоевание на сторону пролетарской революции казачества и южного крестьянства. Немудрено, что исход этой борьбы был положительным. А в этих условиях военное подавление «белой» офицерско-юнкерской гвардии было уже сравнительно легким делом.—«Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 258)—это ленинское положение подтвердилось целиком и полностью уже на опыте первой, «предварительной» стадии вооруженных боев пролетарской революции.

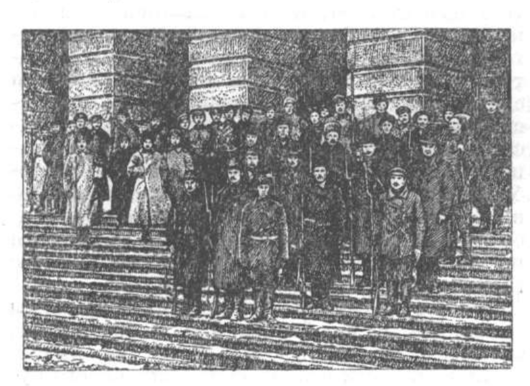

Рис. 21. Красная гвардия у Смольного. 1917. Петроград.

Тактика партии в области политической и экономической борьбы в первые месяцы Октябрьской Революции разрешала одновременно две, тесно связанные одна с другой задачи — задачу военного подавления эксплоататоров и задачу убеждения масс в правильности избранного партией пути как основного условия закрепления диктатуры пролетариата. Под лозунгами: хлеб, мир, земля, свобода—партия мобилизовала вокруг своего знамени громадное большинство народных масс для октябрьских боев за власть. Действительное претворение в жизнь этих лозунгов после захвата власти и при этом руками самих масс обеспечило быстрое и радикальное разрешение поставленных задач—уничтожения сопротивления бывших господствующих классов и ускорения процесса изживания мелкобуржуазных демократических иллюзий широкими народными массами.—Политич. блок партии с левыми с.-р., заключенный после Октября, т. е. тогда, когда власть уже перешла в руки пролетариата, объяснялся именно тем, что партия учитывала это еще неизжитое влияние мелкобуржуазн. предрассудков не только на массы крестьянства, но и на нек-рые отсталые слои рабочего класса. Но поскольку гегемония в этом блоке на платформе признания левыми с.-р. (несмотря на всю их непоследовательность) пролетарской диктатуры принадлежала большевикам, весь опыт блока ежечасно убеждал массы в ведущей роли пролетариата и его партии. Поэтому «разделение» власти между партией большевиков и левыми с.-р. было таким компромиссом, к-рый не ослаблял, а, наоборот, укреплял позиции пролетарской диктатуры, создавая переходную ступень для завоевания партией безраздельного влияния на массы. В этом отношении показательна тактика партии в вопросе о созыве Учредительного собрания.

Вера в «магическую» силу Учредительного собрания как единственного пути разрешения социальных вопросов была поколеблена уже перед Октябрем. Переход власти в руки пролетариата, революционное разрешение победившим пролетариатом вопросов о мире, земле и пр. еще более поколебали эту веру. Но убеждение в том, что созыв Учредительного собрания необходим, что единственно Учредительное собрание может придать «законность» совершившемуся перевороту, продолжало еще жить в значительных массах трудящихся. Такого рода «конституционные иллюзии» были присущи не только левым с.-р.—они не были изжиты даже в нек-рой части партии. Характерно, напр., что часть членов фракции большевиков в Учредительном собрании поддалась этим иллюзиям (см. Воспоминания П. Мостовенко в «Правде» от 5 янв. 1925). Разоблачение этих «демократических» иллюзий путем подведения масс на опыте к распознанию не только никчемности, но и прямой контр-революционности Учредительного собрания—основная черта тактики большевиков в вопросе о созыве Учредительного собрания. «Даже за несколько недель до победы Советской республики, даже после такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчают успех их разгона, облегчают „политическое изживание“ буржуазного парламентаризма»,—писал об этом Ленин (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 203). Вот почему большевистская партия уже после Октябрьской Революции не только участвовала в выборах в Учредительное собрание, но и способствовала ускорению его созыва.

Самые результаты выборов в Учредительное собрание (несмотря на всю их относительность, массовые нарушения закона о выборах в деревне, общие списки партии с.-р., т. е. правых и левых) показали громадное

влияние большевистской партии в стране. По 54 избирательным округам (из общего числа 79) большевики получили 25% голосов, при этом в Северной области—40%, в Центрально-Промышленном районе—44%, в Западном—44%, а в армии и флоте—38% [данные по пролетарским центрам, разумеется, еще выше: так по Петрограду большевики получили 45% голосов, по Москве—50% (Ленин, «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», Соч., 1 изд., т. XVI, стр. 438—459)]. Эти данные свидетельствуют, что даже значительная часть крестьянства в центральной России, куда уж дошел декрет о земле, отдала свои голоса большевистской партии. Между тем, выборы в Учредительное собрание происходили тогда, когда большинство народных масс еще не могло воочию убедиться в практических результатах политики пролетарской власти. К моменту же созыва Учредилки (18/5 янв. 1918) революционный кругозор и опыт масс несомненно расширился в значительной степени. Роспуск Учредительного собрания был, так. обр., подготовлен всем предшествующим опытом масс. Он прошел для масс совершенно бесследно—бесплодная авантюристическая попытка правых с.-р. устроить государственный переворот в день открытия Учредительного собрания подчеркнула это лишний раз.

Диктатура пролетариата перешагнула через «мертвый труп» Учредительного собрания. Своей гибкой и маневренной тактикой партия обеспечила уяснение народными массами смысла этого шага. Принцип буржуазной демократии в сознании масс уступил место принципу демократии пролетарской, демократии массовой, доподлинно народной.

Таковы в основном завоевания «смольнинского» периода Октябрьск. Революции. Пролетариат закрепил за собой государственную власть. Первый натиск буржуазно-помещичьей контр-революции был отбит. Задача убеждения масс в необходимости пролетарской диктатуры была в основном разрешена. Но главные трудности, связанные с переходом революции в новую фазу своего развития, были еще впереди. Решающие столкновения с мировым империализмом (сначала—германским, потом—Антантой), придавшим новые силы буржуазно-помещичьей контр-революции, и перенесение пролетарской революции в деревню—таковы основные социально-классовые предпосылки, из которых родились эти трудности.

Партия в Октябрьский период. Победа Октябрьского восстания не ликвидировала разногласий внутри партии. Основной задачей партии в конце 1917 было закрепление результатов Октябрьской победы, организация и укрепление Советской власти. Но среди части членов партии снова выявились в это время соглашательские настроения. Ряд товарищей, во главе с Каменевым и Зиновьевым, исходя из тех же положений, что и накануне Октября, когда они утверждали, что восстание обречено на поражение, соответственно этому выступали против создания большевистского правительства, настаивая на разделе власти с меньшевиками и эсерами.

Единственным выходом из положения они считали принятие требований Викжеля об образовании «однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов», предлагая итти на всякие уступки им в этом вопросе. Еще резче формулировал мысль о необходимости блока с меньшевиками т. Ногин, один из руководителей Московской партийной организации. «Я был уверен,—заявил он на заседании Исполкома Московского совета 8 ноября,—что во время Октябрьской Революции, как это было и в феврале, все социалисты будут в одном лагере, что другие партии не изменят нам, не продадут нас, оставив итти нас одинокими под расстрел. Я был убежден, что на съезде Советов все партии постараются объединиться и найти общий язык». Здесь проявились те уклоны от партийной линии, которые наметились еще на Апрельской конференции и накануне Октября.

Ленин и партия вели решительную борьбу с этими полуменьшевистскими колебаниями. «Большевикам, — писал Ленин, — обеспечено сочувствие крестьян... Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство»,—писал он еще за месяц до победы Октябрьского восстания (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 193). «Коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплоатируемых крестьян нет»,—писал он позднее. «Социализм может вполне удовлетворить интересы тех и других. Только социализм может удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость „честной коалиции" между пролетариями и трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами» (Ленин, Соч., т. XXII, стр.89).

В то время как ЦК партии, во главе с Лениным, проводил твердую политику пролетарской диктатуры, оппозиция настаивала на сохранении свободы печати и протестовала против арестов кадетов. Когда же ЦК партии категорически потребовал от всех товарищей подчинения партийной дисциплине, а ВЦИК 17 (4) ноября одобрил политику Совнаркома, Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин вышли из состава ЦК, ряд товарищей покинули свои посты в Совнаркоме и др. учреждениях. В известном письме ЦК партии «Ко всем членам партии, ко всем трудящимся классам России», написанном Лениным (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 58—60), этот поступок был заклеймен как дезертирство. Работа партии в ноябре сводилась к борьбе за укрепление пролетар. диктатуры и ликвидации контр-революционных очагов буржуазии: ставки верховного главнокомандующего, Каледина, украинской мелкобуржуазной Рады и т. п. Партия руководила «триумфальным шествием» Советов по всей России.

Разбитая в октябре—ноябре оппозиция сделала, однако, еще одну попытку отстоять свою линию, противопоставить свою тактику тактике большинства партии. Последней ставкой мелкобуржуазной контр-революции было Учредительное собрание. Опираясь на его авторитет, меньшевики и эсеры хотели организовать выступление против Советов. Ленин и весь ЦК партии считали необходимым использовать все возможности для мир-

ного разрешения конфликта с Учредительным собранием. От него требовали признания Советской власти, т. е. диктатуры пролетариата и основных декретов Октября. Когда же оно отказалось от сотрудничества с Советами, декретом ВЦИК 19 (6) января оно было распущено.—Против всей линии ЦК в этом вопросе категорически возражали «правые». Их основной аргумент заключался в том, что «мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться Учредительным собранием» («Первый легальный ЦК», стр. 374). Эта позиция была отвергнута ЦК и всей партией. Роспуском Учредительного собрания и последовавшим за ним 3 Съездом Советов закончился октябрьский период в истории большевистской партии. Начинался новый период—Брестский.

Характеризуя этот исторический период, Ленин писал: «Этап 1-й, чисто политический, так сказать, от 25 октября до 5 января, до разгона учредилки. За какие-нибудь 10 недель мы сделали во 100 раз больше для действительного и полного уничтожения остатков феодализма в России, чем меньшевики и эсеры за восемь месяцев (февраль—октябрь 1917 их власти)» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 325).

Октябрьская Революция и организация Коминтерна. Борьба за социалистическую революцию в России сопровождалась борьбой за Третий Интернационал и организационной его подготовкой. В программной брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» (апрель 1917) Ленин писал об «идейно-политическом крахе циммервальдского Интернационала», ибо «вся циммервальдская правая, все циммервальдское большинство скатилось к социал-пацифизму» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 129). На Апрельской конференции по вопросу об отношении к Циммервальду обнаружились две точки зрения—Ленина и Зиновьева. Соглашаясь с тем, что наша партия должна приступить немедленно к практическим шагам по организации 3 Интернационала, Зиновьев считал, однако, необходимым оставаться в циммервальдском блоке. Наоборот, Ленин предлагал формально объявить, что мы остаемся в Циммервальде «только с информационной целью». Конференция приняла предложение Зиновьева. Наряду с этим, она приняла решение об отказе от участия во всяких конференциях с участием социал-патриотов. Это решение было вызвано целым рядом попыток созвать такую конференцию социалистов всех стран, из к-рых наиболее крупной была попытка специально созданного для этой цели Голландско-скандинавского комитета, созывавшего конференцию на 15 мая. Одновременно Международная социалистическая комиссия (ИСК) назначила на 31 мая конференцию циммервальдистов.

В середине мая 1917 инициатива созыва обеих международных социалистическ. конференций: и социал-соглашательской и циммервальдистской, перешла к России. Исполком Петроградского совета раб. и солд. деп. взял на себя инициативу созыва Международной социалистической конференции (т.н. Стокгольмской), ЦК большевиков категорически заявил, что ни в комиссии Исполнительного комитета Совета рабочих деп. по созыву международной конференции, ни в конференции вместе с шовинистами партия участия не примет. В связи с приездом в Россию секретаря Международной социалистической комиссии Гримма, поставившего вопрос о созыве Циммервальдской конференции, состоялось совещание с представителями всех русских социалистических партий (28—29 мая). Основным вопросом этого совещания было отношение к Стокгольмской конференции социал-соглашателей. Представители большевиков высказались за бойкот Стокгольмской конференции, меньшевики—за участие в ней.

Большевики использовали совещание для того, чтобы заставить европейских товарищей высказаться по вопросу о задачах пролетариата в русской революции и тем помочь отмежеванию международных пролетарских революционеров от социал-шовинистов. Они внесли предложение осудить вступление меньшевиков Скобелева и др. в коалицион. министерство Керенского. Но циммервальдское большинство отказалось вынести такую политическую резолюцию. Вопрос был отложен — «до опроса заинтересованных партий». Каменев пытался сорвать линию партии в вопросе об отношении к Стокгольмской конференции и на заседании ЦИК 6 августа выступил с заявлением, что нужно защищать Стокгольмскую конференцию, ибо «Стокгольм... перестает быть орудием в руках империалистических государств». Каменев был обвинен в нарушении партийной дисциплины и получил отпор со стороны большевиков и со стороны Ленина.

Вопрос об участии в Стокгольмской конференции и о блоке с социал-патриотами был одним из главных вопросов, расколовших Циммервальд. Этот вопрос усиленно обсуждался на всех совещаниях циммервальдистов летом 1917. Большевики настаивали на том, что Циммервальд должен категорически отмежеваться от собирающихся в Стокгольм социал-соглашателей. Наоборот, многие делегаты центристских социалистических партий не только высказывались за участие в общей с ними конференции, но прямо приезжали на конференцию, имея одновременно два мандата—на Стокгольмскую конференцию соглашателей и на 3-ю Циммервальдскую конференцию, состоявшуюся в авг. 1917. — Основным вопросом Циммервальдской конференции был вопрос об участии на общей конференции с социал-соглашателями. Присутствовавшие меньшевики категорически заявили, что если Циммервальд не даст своей подписи под приглашением на Стокгольмскую конференцию, то они покинут конференцию циммервальдистов. Конференция, отвергнув требование меньшевиков, все же не приняла решение о разрыве с социал-патриотами. Из др. ее решений надо отметить воззвание о всеобщей стачке в знак солидарности с русской революцией и борьбы за мир. Предложение большевиков заклеймить тактику русских соглашателей, поддерживающих бонапартистское правительство Керенского, было встречено несочувственно со стороны большинства и отвергнуто конференцией.

После 3-й Циммервальдской конференции большевики все еще оставались формально в рядах Циммервальда. Ленин считал это ошибкой и настаивал на немедленном уходе: «Надо уйти из Циммервальда тотчас,—писал он.—Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же: созываем конференцию левых, поручаем это стокгольмским представителям» ЦК партии Воровскому и Семашко, присутствовавшим на 3-й Циммервальдской конференции (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 130).

Хотя большевики формально не вышли из Циммервальда и осенью 1917, но фактически они уже порвали всякую связь с ним. Представительство русского ЦК за границей по существу было уже в это время организационным центром по созыву конференции революционных марксистов—сторонников 3 Интернационала.

Октябрьская Революция сильно облегчила организационную работу большевиков по созданию 3 Интернационала. 22 дек. 1917 было принято постановление о посылке делегации с целью «принять подготовительные шаги к созыву международной конференции представителей левого крыла Интернационала, стоящих на точке зрения Советской власти и необходимости борьбы против империалистических правительств внутри каждой из воюющих стран».— В январе 1918 года в Петербурге состоялось совещание представителей шведской, норвежской, британской, польской, румынской, югославской, американской и др. партий, стоявших на платформе 3 Интернационала. Это совещание условия вступления в 3 Интернационал сформулировало след.обр.: «международная социалистическая конференция... должна быть созвана при следующих двух условиях: 1) согласие партии и организации стать на путь революционной борьбы против своих правительств за немедленный мир; 2) поддержка Октябрьской российской революции и Советской власти».

Таковы были организационные мероприятия по подготовке Коммунистического Интернационала. Через год на первом конгрессе Коминтерна Циммервальдское объединение было формально объявлено ликвидированным. Работа большевиков на международной арене увенчалась созданием Коммунистического Интернационала.

XII. Наступление германского империализма и большевизм.

Борьба в партии по вопросу о мире. Вопрос о выходе из империалистской войны был важнейшим вопросом, вставшим перед партией после Октября и вызвавшим внутри ее острые разногласия. Наметилось три течения: а) за заключение мира с Германией на предлагавшихся ею грабительских условиях, б) за отказ от принятия этих условий и ведение революционной войны и в) за то, чтобы мира не подписывать, но и войны не вести. Первое течение возглавлялось Лениным, исчерпывающе формулировавшим свою точку зрения в «Тезисах о мире» [20 (7) января 1918]. В своей тактической линии Ленин исходил из следующих предпосылок: а) необходимости передышки от войны для укрепления диктатуры пролетариата, для упрочения союза пролетариата с крестьянством и для строительства социализма; б) невозможности ведения революционной войны в виду несравненного перевеса сил на стороне герм. империализма и против желания широких крестьянских и рабочих масс; в) необходимости выхода Советской страны из круга империалистской войны, т. к. объективно, при данной международной ситуации, война Советской России с Германией была бы фактическим пособничеством антантовскому империализму (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 193—199).

Сторонники второго течения—левые коммунисты (Бухарин, Бубнов, Ломов, Урицкий, Осинский, Радек, Преображенский, Пятаков, Сапронов, Сафаров, В. Смирнов, А. Коллонтай, В. Яковлева, Максимовский, Куйбышев, С. Косиор, Покровский, Бокий, Ярославский, И. Стуков, Г. Мясников и друг.) — имели за собой вначале большинство партийных организаций — Ленинград, Москву и Центральный промышленный район, Урал, Украину, Самару и т. д. Вместе со сторонниками третьей линии, отстаивавшейся Троцким, они имели большинство в ЦК. На совещании ЦК с активными работниками 21 января, где впервые обсуждались ленинские тезисы, левым удалось собрать абсолютное большинство (32 голоса против 15-ти за точку зрения Ленина и 16-ти—за линию Троцкого). На заседании же ЦК, состоявшемся на другой день, прошла промежуточная троцкистская резолюция. 10 февраля переговоры с немцами были прерваны, и советская делегация во главе с Троцким заявила, что, отказываясь подписать насильнический мир, Советская республика в то же время войны вести не будет и продолжает начатую демобилизацию армии.

Несмотря на обнаружившиеся признаки подготовки нем. наступления, колебания в ЦК продолжались, и предложение Ленина на заседании ЦК 17/II о возобновлении переговоров собрало в ЦК 5 голосов против 6. И только в вечернем заседании ЦК 18 февраля, когда немцы уже начали наступать, предложение Ленина было принято. 24 февраля ЦК обсуждает полученный накануне ответ Германии с согласием на мир на еще более тяжелых, чем раньше, условиях. За принятие нем. условий голосуют 7 членов ЦК (Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Стасова, Зиновьев, Смилга), против—4 (Бубнов, Бухарин, Урицкий, Ломов), и воздерживаются 4 (Троцкий, Крестинский, Иоффе, Дзержинский). После 24 февраля борьба в партии обостряется еще более. Тотчас после заседания ЦК группа его левых членов подала заявление об уходе со всех ответственных партийных и советских постов, в к-ром писала, что оставляет «за собой полную свободу агитации как внутри партии, так и вне ее». В поданном в тот же день втором заявлении левые, однако, не говорили уже об агитации вне партии, а только внутри ее. 24 февраля Московское областное бюро—цитадель левого коммунизма—вынесло резолюцию недоверия ЦК, заявив,

что оно считает «едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время». ЦК проводит принятое решение, и 2 марта подписывается Брестский мир. Вопрос о мире окончательно разрешается на VII съезде партии. VII съезд (6 — 8 марта) открылся в чрезвычайно напряженной обстановке. На съезде присутствовало 29 делегатов с решающим голосом, 8 с совещательным и 32 с неустановленным представительством или правом пользования голосом, представлявшие 135 тыс. членов партии, т. к. не все организации были представлены. Численный состав партии, по приблизительным подсчетам, приведенным Свердловым в организационном отчете ЦК, к моменту съезда достиг 300 тыс. чел.

Основным вопросом съезда был вопрос о войне и мире. Докладчиком по этому вопросу выступил Ленин, содокладчиком от левых коммунистов—Бухарин. Съезд 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся принял резолюцию Ленина о необходимости «утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унизительный мирный договор с Германией». Помимо докладов Свердлова (организационный отчет ЦК) и Ленина (политический отчет), съезд обсудил вопрос о пересмотре программы и названия партии (докладчики Ленин и Бухарин). Было постановлено переименовать партию из РС-ДРП (большевиков) в РКП (большевиков), и принята резолюция об основном направлении изменения программы (исходя из чернового наброска проекта Ленина), для составления к-рой избрана комиссия в составе: Ленина, Сталина, Бухарина, Зиновьева, Троцкого, Сокольникова и В. Смирнова. В состав нового ЦК вошли Ленин, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Бухарин, Сталин, Сокольников, Крестинский, Смилга, Стасова, Лашевич, В. Шмидт, Дзержинский, Владимирский и Артем (Сергеев); кандидатами—Иоффе, Киселев, Винтер, Урицкий, Стучка, Петровский, Ломов и Шляпников.

Ленинская линия в вопросе о мире побеждает и в громадном большинстве партийных организаций, шедших до того за левыми коммунистами (4 марта—на Московской партконференции, 21 марта—в Ленинграде и т. д.).

Партия и «левый» коммунизм в вопросах внутренней политики. Разногласия в партии, однако, не изчезают. Из области вопросов внешней политики эти разногласия переносятся в область внутренних вопросов. Причины этого заключались в том, что вся теоретическая и тактическая установка «левого» коммунизма коренным образом расходилась с большевизмом. В своих возражениях против Брестского мира «левые» коммунисты исходили из троцкистской в своей основе концепции Октябрьской Революции и ее движущих сил. Рассматривая Октябрь только как пролог и «толчок» к мировой пролетарской революции, «левые» коммунисты считали заведомо безнадежным делом строительство социализма в союзе с мельчайшим и мелким крестьянством в одной стране без победы пролетариата в передовых капиталистических странах. Отсюда—ставка исключительно на развязывание революции на Западе, расчет только на силы международного пролетариата, пренебрежение союзником пролетариата внутри страны—крестьянством и фактическое игнорирование значения для мирового революционного движения сохранения диктатуры пролетариата в России.

Абстрактность и схематичность составляли основной методологический порок тактической линии «левых». Они абсолютно не желали считаться с фактами—считали возможным устанавливать «сроки» наступления революции на Западе, механически перенося на нее темп и условия Октябрьской Революции в России; игнорировали конкретное соотношение сил герм. империализма и Советской республики, полную небоеспособность остатков старой армии и усталость от войны широких народных масс; отрицали самую возможность передышки даже тогда, когда она наступила, и т. д. Критикуя «похабный» мир как «измену» партии принципам интернационализма, «левые» коммунисты в действительности сами находились целиком во власти мелкобуржуазного «патриотизма». Неслучайно, что на этой же позиции «революционной» войны стояли мелкобуржуазные попутчики пролетарской партии—левые эсеры, как не случайно и то, что рус. и антантовская буржуазия всеми силами стремилась втравить Советскую республику в войну с Германией.

Левый коммунизм был отражением в рядах партии настроений буржуазно - патриотических, деклассированно - интеллигентских слоев, взбесившихся мелких буржуа. Политический блок партии с левыми с.-р., значительное расширение рядов партии за счет относительно отсталых элементов рабочего класса, не изживших мелкобуржуазных предрассудков, и крестьянства (солдатская масса)—такова та почва, на к-рой расцвела левокоммунистическая идеология. Крутой исторический перелом—вынужденный переход от периода «триумфального шествия революции» к отступлению перед герм. империализмом, в обстановке экономической разрухи и дезорганизации в тылу и на фронте, создавал ту объективную историческую обстановку, к-рая способствовала возникновению шатаний в партии. Троцкизм—эта замаскированная и потому особенно опасная разновидность меньшевизма—явился тем арсеналом, откуда фактически взял свое идейное оружие левый коммунизм.

Левые коммунисты выступили и против той программы социалистического строительства, к-рую партия начала проводить после заключения Брестского мира. Сущность этой программы заключалась в максимальном использовании передышки (при продолжении в целях ее сохранения тактики лавирования и отступления в области международной политики) для создания экономической базы социалистического строительства на основе пролетарской диктатуры и национализации командных экономических высот (земля, банки, крупная промышленность, транспорт), путем опоры на беднейшее крестьянство и нейтрализации среднего крестьянства, использования буржуазных «организаторов трестов». Последнее

предполагало известный компромисс с побежденными в политической борьбе капиталистами, политику частных экономических уступок тем из них («культурные капиталисты»), к-рые согласятся вести производство под контролем пролетарского государства (то, что Ленин обозначал термином «госкапитализм»), в целях совместной борьбы социалистического пролетариата и передового крупного капитализма за преодоление мелкособственнической стихии и подчинение ее государственному регулированию и воздействию. «От теперешнего экономического положения России нельзя итти вперед, не проходя через то, что общее и государственному капитализму и социализму (всенародный учет и контроль)»,—писал Ленин (Ленин, Соч., том XXII, стр. 518). В области организации национализированной социалистической промышленности (эта национализация проводилась медленно: до 1 июня 1918 было национализировано всего 487 предприятий, при чем 70% из них были экспроприированы вследствие отказа владельцев подчиняться рабочему контролю) Ленин выдвигал необходимость всемерного использования буржуазных специалистов, борьбы за трудовую дисциплину и повышение производительности труда, введения единоличного управления.

И, наконец, в области политической перед партией стояли задачи укрепления всех рычагов системы пролетарской диктатуры («наша власть—непомерно мягкая»,—писал Ленин), централизации советского государств. аппарата, привлечения к его работе трудящихся масс, борьбы с распущенностью, расхлябанностью и «местничеством», упрочения революционного суда и создания боеспособной Красной армии на основах вооружения и обучения военному делу рабочих и крестьян. Все эти мероприятия в своей совокупности знаменовали переход «от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплоататоров к главной задаче управления» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 442). А «для успешного управления необходимо... уменье практически организовать. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по новому самых глубоких экономических основ жизни десятков миллионов людей. И это—самая благородная задача, ибо лишь после ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой» (там же).

Левые коммунисты в этом плане усматривали полную сдачу октябрьских завоеваний и доказательство перерождения партии и Советской власти. Основной посылкой этих обвинений был прежний тезис левых о невозможности социалистического строительства в одной стране. А раз Советская власть удержалась ценой «похабного» мира—значит она должна неминуемо переродиться, стать «ширмой, орудием, под прикрытием к-рых начнется полное экономическое подчинение России герм. банкирам», как писал один из крайних левых (Осинский, в № 4 «Коммуниста», от 8 марта 1918). Отсюда—борьба левых коммунистов против попыток соглашения с частным капиталом и привлечения буржуазных специалистов, которое они расценивали как «восстановление руководительства капиталистов в производстве»; против введения трудовой дисциплины, грозившей «закрепощением рабочего класса»; против «бюрократической централизации Советск. республики и кабинетных сделок с буржуазными и мелкобуржуазными дельцами», способствовавших, по их мнению, «упадку классовой активности и сознательности пролетариата»; против привлечения военных специалистов в Красную армию и т. д. и т. п. «Российская рабочая революция не может „сберечь себя", сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая в период натиска международного капитала, делая уступку отечественному капиталу», заявляли левые коммунисты, ибо такой путь «закрепит начатое Брестским миром отделение „Великорусской" Советской республики от революционного движения, общероссийского и международного, замыкая ее в рамки национального государства с переходным мелкохозяйственным и буржуазным порядком» (см. левокоммунистические «тезисы» о текущем моменте). Тезисы левых т. о. целиком предвосхитили теорию «термидорианского» перерождения пролетарского государства, выдвигавшуюся в последующих внутрипартийных дискуссиях.

Несмотря на всю глубину разногласий с «левыми» коммунистами, партии все же удалось избежать раскола. Это произошло благодаря тому, что «вместо старого способа решения фракционных разногласий... события принесли людям новый способ учиться» (Ленин, Соч., том XXII, стр. 319 и 320). Разоблачение левых в печати и на собраниях, борьба с их разлагающей деятельностью, приводившая к завоеванию одной партийной организации за другой, дополняемая жестокими уроками, которые историческая действительность, быстрый ход событий преподносили левым эсерам, — все это помогло в кратчайший срок обнаружить банкротство левого коммунизма. Последующие события доказали «левым» ошибочность их позиции. Начало интервенции Антанты, окончательный отход от пролетарской диктатуры левых с.-р., наконец, ноябрьская революция в Германии, опрокинувшая Брестский договор и наглядно демонстрировавшая революционизирующее влияние «похабного» мира — все это нанесло окончательный удар мелкобуржуазным иллюзиям «левого» коммунизма. Уже ко времени 5 Съезда Советов (начало июля) разногласия с левыми коммунистами на практике почти сошли на-нет, а в период революции в Германии бывшие лидеры левых (Бухарин и Радек) открыто признали ошибочность своей прежней тактики.

XIII. Партия в период гражданской войны 1918—21.

Ход и исход гражданской войны. Гражданская война 1918 — 1920 годов в своем развитии прошла через ряд этапов в зависимости от изменения на каждом из них международной и внутренней обстановки. В самом начале гражданская война шла под флагом

мелкобуржуазной демократической контрреволюции. В основном этот этап закончился с революцией в Германии в ноябре 1918. Поражение германск. империализма и ликвидация Брестского мира, поворот среднего крестьянства в сторону пролетарской диктатуры, обусловленные этими двумя факторами колебания и распад в стане мелкобуржуазной демократии, укрепление социальной базы пролетарской диктатуры в деревне, советского государственного аппарата и Красной армии—все эти обстоятельства создают несравненный перевес сил на стороне пролетарской революции.

Основные черты этого этапа (период зимы 1918—19 и начало весны 1919)—расширение социальной и территориальной базы пролетарской революции (установление Советской власти на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, очищение от белых войск Урала и Поволжья), перспективы победоносного развития революции на Западе (классовые бои в Германии, советская власть в Венгрии, революционное движение во Франции и Англии, разложение антантовских интервенционистских войск, основание в марте 1919 Коммунистического Интернационала и т. д.), колебания в лагере держав-победительниц по «русскому вопросу» (проект созыва на Принцевых островах конференции Советской России и белых «правительств» российской территории). Победа крайнего крыла международного империализма (Черчил-Клемансо) прекращает, однако, эти колебания и ориентирует империализм на прежний путь интервенции.

Гражданская война входит в свой третий наиболее острый этап (1919). Пролетарская революция вынуждается к новому отступлению перед соединенным натиском консолидировавшей свои силы контр-революции. Контр-революция выступает под знаменем открытой буржуазно-помещичьей реакции, связанной с именами Колчака, Деникина, Юденича. Но именно этот фактор становится решающей причиной ее гибели. Поставленное перед необходимостью выбора между диктатурой помещиков и диктатурой рабочего класса, среднее крестьянство, поддавшееся весной 1919 новым колебаниям, делает окончательный выбор в пользу пролетарской диктатуры. Мелкобуржуазные государственные национальные образования в Прибалтике, Польша и Финляндия, несмотря на давление антантовского империализма, в конечном итоге отказываются поддерживать буржуазно-помещичью контр-революцию с ее лозунгом: «Единой, неделимой России». Силы международного революционного рабочего движения недостаточны для того, чтобы предотвратить помощь Антанты контр-революции, но они в состоянии удержать ее от широкой активной интервенции при помощи своих войск. Наконец, политика партии создает такую организацию сил революции, которая, при данных объективных политических факторах, обеспечивает решающий военный разгром контр-революции.

Четвертый этап гражданской войны—период передышки весной 1920. Смена интервенционистской тактики Антанты «торговой» ориентацией (снятие экономической блокады с Советской России, завязка торговых переговоров с Англией), позволяющая партии начать перестройку рядов для борьбы на «бескровном фронте» (Ленин),—возрождение, главн. обр., со стороны Франции, курса на интервенцию. Новая — третья по счету — крупная попытка военного разгрома пролетарской диктатуры при посредстве Польши и Врангеля, охарактеризованная Лениным как «обломки старого плана империалистов», открывает собой пятый и последний этап гражданской войны 1918—20.

Война с Польшей, как война двух антагонистических государственных систем, переносит гражданскую войну на международную арену в широком смысле этого слова, превращая ее в войну революционно-классовую и ставя под угрозу самое существование капитализма на Западе. В этом состояло ее особое значение для мировой пролетарской революции, темп которой ускорился бы в огромной степени в случае победы пролетариата в Польше. Несмотря на небывалый подъем революционной волны на Западе (вспышки пролетарской революции в Италии, советы действия в Англии, отказ рабочих доставлять оружие в Польшу и пр.), решающая победа над буржуазной Польшей достигнута не была. Основную роль здесь сыграло начало новых колебаний крестьянства в отношении пролетарской диктатуры, вследствие экономических противоречий, создавшихся в военный период, тем более, что непосредственная опасность помещичьей реставрации, сплачивавшая крестьянство вокруг пролетарского государства, уже отпала.—Гражданская война поставила в центре внимания партии одну основную задачу — задачу военной обороны пролетарской диктатуры. Эта коренная задача подчинила себе все остальные задачи социалистического строительства. Только на этой основе—сосредоточения безраздельного руководства ведением гражданской войны в руках рабочего класса и его партии—была и могла быть достигнута победа в гражданской войне.

Военный коммунизм. Экономический план весны 1918 года, рассчитанный на постепенный переход к новому хозяйственному строю, должен был уступить место экономической политике, целиком приспособленной к потребностям обороны пролетарской революции. Эта политика т. наз. военного коммунизма обеспечила, во-первых, полное разрушение старого капиталистического уклада, разгром экономической мощи буржуазии города и деревни как предпосылку военного подавления эксплоататоров. Во-вторых, она обеспечила превращение хозяйства страны в хозяйство «осажденного лагеря», сосредоточив в руках пролетарского государства распоряжение всеми экономическими ресурсами страны. По этим двум линиям развернулись все основные экономические мероприятия эпохи военного коммунизма—продразверстка, национализация всей без изъятия промышленности и торговли, фактическое упразднение денежной системы, милитаризация труда, централизм в управлении хозяйством (система «главков») и распределение экономических ресурсов.

Политической базой системы военного коммунизма явился военно-политический союз рабочего класса и крестьянской бедноты со средним крестьянством на основе совместной борьбы против помещиков и буржуазии и на основе признания крестьянством руководящей роли рабочего класса в этом союзе. Угроза восстановления помещичьего землевладения побудила среднее крестьянство итти на сдачу излишков хлеба пролетарскому государству и стать на сторону организатора обороны крестьянства от помещиков—рабочего класса. «Но если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился—и не мог не явиться—первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных классов. Крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика и кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие и ссуду до восстановления крупной промышленности» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 314).

Крестьянская политика партии и VIII съезд. К Октябрьской Революции партия подошла с лозунгом союза рабочего класса с крестьянской беднотой при нейтрализации среднего крестьянства (поскольку в ходе пролетарской революции в октябре 1917 года доводились до конца задачи буржуазной революции, постольку в Октябре рабочий класс объективно получил поддержку всего крестьянства, что, однако, не означает, что все крестьянство в целом поддерживало социалистическую его диктатуру). В борьбе за пролетарскую диктатуру и за расширение ее базы с рабочим классом до конца шла и могла итти только деревенская беднота. Кулачество с перенесением пролетарской революции в деревню стало ожесточенным врагом пролетарской диктатуры, увлекая за собой значительные слои среднего крестьянства. Дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры было бы невозможно, если бы партия не отвоевала середняка из-под кулацкого влияния, не привлекла бы его прочно на сторону рабочего класса. Старый лозунг, рассчитанный на период борьбы пролетариата за власть, стал недостаточным на новом стратегическом этапе — этапе пролетарской диктатуры. От лозунга союза с деревенской беднотой при нейтрализации середняка партия переходит к новому лозунгу—опора на бедноту, борьба против кулака, прочный союз с середняком. Начатый еще в ноябре 1918 (упразднение комбедов), этот поворот находит окончательное оформление в решениях VIII съезда партии (18/23 марта 1919). Вопрос об отношении к среднему крестьянству явился по существу важнейшим политическим вопросом порядка дня съезда. «Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне, основные правила и указания, какими мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину стать на почву прочного союза», говорил на съезде Ленин (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVI, стр. 94), указывая в то же время на конкретные пути осуществления этого союза в условиях гражданской войны. «У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянину, а он материалист, практик, и требует конкретных материальных благ... Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем и должны выравнять и выправить линию нашей партии, которая недостаточно шла на союз, на соглашение со средним крестьянством» (там же, стр. 108). Решения VIII партсъезда закрепили эти указания, особенно подчеркнув недопустимость командования по отношению к среднему крестьянству и принуждения его к насильственному переходу к коллективным формам хозяйства (такие тенденции, питавшиеся иллюзиями военного коммунизма, имели место в части партии).

Проведение этих решений сыграло исключительно большую роль в укреплении рабоче-крестьянского союза в гражданской войне. Большое значение в деле укрепления рабоче-крестьянского союза сыграла и линия партии в национальном вопросе (провозглашение права наций на самоопределение вплоть до отделения). Проведение этой линии национальной политики на деле потребовало от партии решительной борьбы с уклонами в своей собственной среде. Недооценка значения национального вопроса, имевшая место в части партии еще до Октября (Апрельская конференция 1917 года), обнаружилась в период гражданской войны как в теоретических спорах, так и в практике партийных организаций (Украина, Восток). При обсуждении партийной программы на VIII партийном съезде пункт о «признании за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение» встретил возражения со стороны части бывших «левых» коммунистов. К обсуждению национального вопроса партии пришлось вернуться на декабрьской конференции 1919 года в связи с обсуждением задач Советской власти на Украине. Партконференция в своей резолюции одобрила постановление ЦК по этому вопросу, подтверждавшее самостоятельность УССР и ее федеративную связь с РСФСР и наметившее тактическую линию КП(б)У в проведении национальной политики (осторожное отношение к национальным предрассудкам масс, курс на украинизацию, привлечение бедного и среднего украинского крестьянства на деле к управлению страной, учет особенностей Украины в земельной и продовольственной политике, и т. д.). Но в то же время партия решительно проводила курс на «существование единой централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии», решения к-рого были бы «безусловно обязательны для всех частей партии» (из резолюции VIII партсъезда по организационному вопросу).

Главной базой укрепления рабоче-крестьянского блока в гражданской войне была защита завоеваний Октябрьской Революции от помещичье-капиталистической контр-революции. Крестьянство понимало, что эта задача может быть разрешена только в союзе с рабочим классом и под его гегемонией. Отсюда усиление влияния и роли рабочего

класса на крестьянство, отсюда же и рост влияния и связей партии в самом рабочем классе и ее удельного веса во всем механизме пролетарской диктатуры. Если еще в 1918 и начале 1919 мелкобуржуазные партии имели нек-рые зацепки в известных прослойках рабочего класса, то в последующие годы партия большевиков становится монопольной партией рабочего класса. Это находит свое выражение в значительном численном росте партии, гл. обр., за счет рабочих масс (по данным мандатной комиссии, на IX партсъезде, весной 1920, было представлено почти 612 тыс. членов партии), в непрерывном расширении ее влияния в профессиональных союзах (напр., на 1 Всероссийском съезде профсоюзов в янв. 1918 было 66% коммунистов, а в начале января 1919— уже 80%) и Советах (характерно полное вытеснение мелкобуржуазных партий из Советов — процент их представительства на уездных и губернских съездах Советов РСФСР с 19,5 и 24,5 соответственно в 1-й половине 1918 упал до 0,7 и 0,2 в 1-й половине 1920), в активной массовой борьбе рабочего класса под руководством своего авангарда (мобилизация в Красную армию, восстания в белом тылу, участие в продотрядах, в субботниках, успех различных политических кампаний и «недель» и т. д.).

Опираясь на беззаветную поддержку широчайших слоев рабочего класса, партия добилась решающих успехов в деле укрепления советской государственной системы и создания боеспособной Красной армии. Революционное творчество и самодеятельность в создании нового государственного аппарата сотен и тысяч Советов [уже к первой годовщине Октября в 30 губ. Сов. России существовало 2 областных и 30 губернских Советов, 121 городской, 314 уездных и районных и 6.033 волостных (см. статью С. Духовского в «Правде», № 245 от 13/XI 1918)] партия сковала единой классовой волей и направила в русло пролетарского централизма и строительства обороны страны. Организацией централизованного партийно-политического аппарата, сети комиссаров и низовых партийных организаций (к осени 1920 свыше половины всей партии стояло под ружьем), привлечением старых специалистов партия обеспечила боеспособность Красной армии как орудия пролетарской диктатуры.

Роль партии как руководящей силы во всей системе пролетарской диктатуры, как партии, руководящей государством, обусловила коренные изменения в самом направлении партийной работы, в ее формах и методах. Это изменение в задачах партии в период пролетарской диктатуры проходит красной нитью через всю внутреннюю жизнь партии и содержание работ ее съездов и конференций в эпоху гражданской войны. 18 — 23 марта 1919 состоялся VIII партсъезд. На съезде присутствовало 287 делегатов с решающим голосом и до 100 с совещательным, представлявших около 314 тыс. членов партии по данным мандатной комиссии [по исчислениям Статотдела ЦК, в этот период в рядах партии насчитывалось меньше —всего 281 тыс.чел., см. брошюру Е. Смиттен, «Состав ВКП(б)», М.—Л., 1927, стр. 6], в т. ч. делегаты от Латвии, Литвы и Белоруссии. Съезд заслушал отчет ЦК, сделанный тов. Лениным; обсудил и принял новую партийную программу (по докладу Ленина и Бухарина), «программу боевого революционного и организационного строительства коммунистического общества», и резолюции по докладам о создании Коммунистического Интернационала (Зиновьев), по военному вопросу (Г. Сокольников), о работе в деревне (Ленин) и организационным вопросам (Зиновьев). В ЦК, избранный съездом, вошли: Бухарин, Евдокимов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Калинин, Крестинский, Ленин, Белобородов, Муранов, Радек, Раковский, Смилга, Серебряков, Сталин, Стасова, Стучка, Томский, Троцкий; кандидатами—Артем (Сергеев), Бубнов, Владимирский, Данишевский, Мицкевич, И. Н. Смирнов, В. Шмидт и Ярославский.—VIII партсъезд положил начало усиленной работе по улучшению организационного аппарата партии и общего организационного руководства, особо подчеркнув необходимость «строжайшего централизма» и «прямо военной дисциплины» в партии в обстановке гражданской войны. Съезд специально остановился на взаимоотношениях между партией и Советами, указав на недопустимость смешения функций партийных и советских организаций. «Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их», гласит соответствующий пункт резолюции по орг. вопросу.— В конце 1919 (2—4 декабря) состоялась Всероссийская партконференция, на к-рой присутствовало 45 делегатов с решающим голосом и 73 — с совещательным. Конференция заслушала политический и организационный отчет ЦК (Ленин и Крестинский) и доклады о международном положении (Чичерин), советском строительстве (Владимирский), по организационному вопросу — об уставе (Зиновьев), об организации Советской власти на Украине (Ленин), о работе среди новых членов партии (Бухарин) и утвердила партийный устав, разработанный во исполнение постановления VIII партсъезда (материалы конференции опубликованы в «Известиях ЦК», №№ 9—11 от 1919).

Состоявшийся в период новой передышки IX партсъезд (29 марта — 4 апреля 1920) сосредоточил свое внимание на вопросах хозяйственного строительства. Решения съезда по этим вопросам представляют наиболее яркое воплощение хозяйственного курса эпохи военного коммунизма. Съезд в области партийного строительства продолжил прежнюю линию на установление в рядах партии военного режима, провозгласив главной организационной задачей партии правильное распределение партийных сил на хозяйственную работу. На съезде присутствовало 554 делегата с решающим голосом и 162 с совещательным от 612 (без малого) тысяч членов партии. Порядок дня съезда состоял из политического и организационного отчета ЦК (Ленин и Крестинский) и вопросов: об очередных задачах хозяйственного строительства (Троцкий), о профессиональном движении (Бухарин), о кооперации (Крестинский), о задачах Коминтерна (Радек), организационного вопроса (Каменев)

и вопроса о переходе к милиционной системе (Троцкий). Съезд избрал ЦК в составе: Андреева, Артема (Сергеева), Бухарина, Дзержинского, Зиновьева, Калинина, Каменева, Крестинского, Ленина, Преображенского, Радека, Раковского, Рудзутака, Рыкова, Серебрякова, И. Н. Смирнова, Сталина, Томского и Троцкого и кандидатов: Петровского, Ярославского, Муранова, Милютина, Стучки, Ногина, Гусева, Пятницкого, Белобородова, Залуцкого, Молотова и Смилги.

Созванная во второй половине сентября 1920 Всероссийская партконференция обсудила два главных вопроса: а) о линии нашей дальнейшей международной политики (конференция приняла решение о заключении мира с Польшей) и б) о состоянии партии (резолюция по организационному отчету ЦК и об очередных задачах партстроительства). Конференция происходила в обстановке надвигавшегося политического и экономического кризиса Советской власти, когда уже начали сказываться объективные внутренние противоречия эпохи военного коммунизма. Эти противоречия прежде всего дали знать о себе в форме зачатков партийного кризиса.

Бурный численный рост партии в годы гражданской войны имел и свою оборотную сторону. Наряду с приливом в партию передовых элементов рабочего класса, особенно во время партнедели осенью 1919, партийные ряды непрерывно пополнялись и за счет значительной прослойки крестьянства (гл. обр., через Красную армию) и за счет выходцев из мелкобуржуазных социалистических партий, переживавших процесс разложения. Достаточно указать,что в течение 1919—1920 прекратили свое существование и влились в состав партии большевиков следующие партийные группировки, возникшие в результате отпочкования революционных элементов от меньшевистско-эсеровских организаций: с.-д.-интернационалисты, партия революционных коммунистов, союз максималистов, группа Бердникова - Светлова, украинские коммунисты-боротьбисты, украинские левые с.-р. - боротьбисты и коммунистические крылья Бунда и Поалей-Цион.—Общие данные о социальном составе партии в период гражданской войны отсутствуют, но вот, напр., данные о социальном составе 30 тыс. членов партии в конце 1919 (в «Известиях ЦК» № 15 от 24/III 1920): рабочих—52%, крестьян—15%, интеллигентов, служащих и прочих—33%. На социальном составе партии не только сказывалось наличие элементов, не свободных от мелкобуржуазных предрассудков, но положение партии как партии господствующей привлекало в ее ряды и открыто карьеристские и чуждые пролетарской диктатуре элементы. Уже VIII партсъезд вынужден был поставить вопрос о чистке партии от чуждых элементов (во исполнение этого решения летом—осенью 1919 была проведена партийная перерегистрация) и об ограничении приема в партию для нерабочих.

Второй причиной кризисных явлений в партии явились специфическ. противоречия военного периода. В резолюции X съезда «По вопросам партийного строительства» эти противоречия были изложены так.

Основным противоречием этого периода было то обстоятельство, что при быстром количественном росте партии, характер работы мешал коммунистическому воспитанию массы партийных членов, в особенности же вновь поступивших. В то же время втягивание путем мобилизации в активную работу почти всех членов партии быстро создало даже среди самых отсталых слоев их потребность в самодеятельности и активном решении вопросов партийной жизни, что встало в противоречие с крайним централизмом и системой боевых приказов, вошедших в практику партийных организаций.

Неизбежным следствием (обеднения страны) был рост материального неравенства членов партии при росте общей нищеты. Разложение старых классовых группировок (в особенности разложение интеллигенции), а также разложение оппозиционных социалистических партий (меньшевики, эсеры) дало приток этих элементов в ряды нашей партии, при чем они... могли быстро подвигаться по иерархической советской, военной, профессиональной и партийной лестнице.

При той же нищете, потребности крайне централизованного аппарата, формировавшегося на базисе очень отсталого культурного уровня масс, привели к разбуханию бюрократического аппарата и создали тенденцию к его обособлению.

Так. обр. военный период создал, с одной стороны, целесообразную в общем и целом организацию,с другой—сам породил ряд противоречий. А так как все эти противоречия выросли на основе разрухи и недостатка организационных сил, то централизация развивала тенденцию к превращению ее в бюрократизацию и к отрыву от масс; система боевых приказов принимала часто извращенные формы ненужного нажима, необходимые привилегии становились почвой для злоупотреблений разного рода; необходимое свертывание партийных органов — к ослаблению духовной жизни партии и т. д., что в целом привело к внутреннему партийному кризису.

Левый коммунизм, распавшись как фракция, сохранился как остаток антиленинской идеологии в известной части партии. VIII партийному съезду пришлось продолжать борьбу с этими уклонами при обсуждении программы крестьянского, национального, военного и организационного вопросов. На IX съезде партийную оппозицию представляла фракция демократического централизма. Лидерами «демократических централистов» на IX партсъезде выступали Сапронов, Максимовский, Юренев, Осинский, В. Смирнов и др. На съезде фракция выставила своих содокладчиков по ряду вопросов (хозяйственный вопрос—Осинский, организационный вопрос — Максимовский). Эта фракция образовалась на платформе борьбы против внутрипартийного режима, сложившегося в партии в период гражданской войны. Эту борьбу она вела в основном по трем линиям: а) по линии борьбы за «внутрипартийную демократию», б) по линии борьбы с

централизмом советского аппарата и в) по линии борьбы против методов военного коммунизма, единоличия, ударности, милитаризации труда и т. д. Лидер этой группы, Сапронов в своих выступлениях на IX партсъезде обвинял Ленина и ЦК в «невежестве», «диктатуре партийного чиновничества» и т.п. грехах.

Извращения в практике советского и партийного аппарата и перегибы в области хозяйственных военно-коммунистических методов (носителем этих тенденций являлся, прежде всего, Троцкий) не могли, разумеется, никоим образом оправдывать фракционную позицию группы демократического централизма. Во-первых, потому, что, прикрываясь флагом борьбы против бюрократических извращений в партийном аппарате, эта группа стремилась подорвать самые основы системы пролетарской диктатуры и, прежде всего, руководящую роль партии в этой системе. Во-вторых, потому, что всякая фракционная борьба, тем более в условиях гражданской войны, вносила совершенно недопустимый разлад в ряды партии, подрывая ее единство и сплоченность. И, в-третьих, наконец, потому, что на самом деле, вопреки их субъективным побуждениям, сторонники демократического централизма сами были носителями бюрократических тенденций, отражая давление спецовских кругов советского аппарата. Их практические предложения были проникнуты «парламентским кретинизмом», формальным пониманием демократизма (например, еще на VIII партсъезде Осинский предлагал создать из ВЦИК постоянно работающую палату), что привело бы, в случае осуществления этих предложений, к дальнейшему расцвету бюрократических черт в советском и партийном аппаратах. Отнюдь не случайно то обстоятельство, что персонально группа демократического централизма состояла в большинстве из работников советского аппарата центральных и местных московских учреждений, т. е. того слоя партийных верхов, который наиболее был оторван от рабочих масс. Недаром эту фракцию называли фракцией «либеральных губернаторов». На IX же съезде обнаружилось наличие синдикалистских настроений среди отдельных групп профессиональных работников (Лутовинов, Шляпников, который на съезде, правда, не присутствовал). В этих настроениях уже был зародыш будущей «рабочей оппозиции», выразившей эти настроения уже в их развернутой форме.

Борьба, проведенная IX партийным съездом и сентябрьской партийной конференцией против оппозиционных течений, не могла быть, однако, полной. Объективная обстановка не способствовала созданию такого положения в партии, при котором из рук оппозиции были бы выбиты все козыри. Резолюция сентябрьской партконференции о внутрипартийной демократии оказалась на долгое время мало осуществимой. Усилившийся хозяйственный кризис в стране привел к концу 1920 к оживлению всех внутрипартийных оппозиционных группировок и к их обостренной борьбе против ленинского партийного руководства.

XIV. Партия при переходе от военного коммунизма к нэпу.

Хозяйственное и политическое положение к концу гражданской войны. Хозяйственное положение к концу 1920 характеризуется резким падением производительных сил при значительном повышении удельного веса мелкобуржуазной экономики в народном хозяйстве страны. Это повело к чрезвычайному ослаблению экономических связей и изменению отношений города и деревни. Продукция цензовой промышленности снизилась до 18% уровня 1913 года (21,28% к уровню 1917 года). Особенно низка была продукция металлической промышленности, фундамента крупной индустрии. Продукция сельского хозяйства сократилась больше чем в полтора раза. Продукция с. х-ва в целом снизилась до потребительской нормы, при чем сама эта норма подходила к голодному минимуму. При сокращении крупной промышленности более чем в 5 раз, а с. х-ва только в $1^1/_2$ раза, соотношение продукции промышленности и с. х-ва меняется в пользу сел. хозяйства, т. е. произошло значительное дальнейшее перемещение экономической базы страны из крупного промышленного производства в мелкое, т. е. в подавляющей части мелкобуржуазное по типу, крестьянское хозяйство. Город экономически теряет свою ведущую роль по отношению к деревне, чрезвычайно умаляется его роль как носителя более высокой ступени производительных сил. Усиление мелкобуржуазного типа крестьянского хозяйства происходило в результате экспроприации и уменьшения удельного веса капиталистических (кулацких) хозяйств и наделения землей значительных слоев пролетарских и полупролетарских элементов деревни. В годы гражданской войны почти совершенно исчез сельско-хозяйственный пролетариат, составлявший в 1917 (по Европейской России) свыше 2 млн. человек. Центральной фигурой земледелия становится середняк.

Система военного коммунизма, сыгравшая крупнейшую роль в обеспечении победоносного исхода гражданской войны 1918—1920, вступила в резкое противоречие с экономикой мелкотоварного крестьянского хозяйства. «Мы должны,—писал Ленин,—понять те экономические формы возмущения мелкой с.-х. стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 110). Такими «экономическими формами возмущения» явились сокращение посевов, резкое снижение с.-х. культуры, пассивное, а порой и активное сопротивление государственным мероприятиям планового воздействия на сел. х-во. Осенью и зимой 1920—21 учащаются крестьянские восстания. — Скрепа рабоче-крестьянского союза периода гражданской войны—военная борьба с контр-революцией—в значительной степени перестала действовать. Сохранение гегемонии пролетариата требовало подведения под рабоче-крестьянский союз прочного экономического фундамента. «Каждый своеобразный поворот истории вызывает нек-рые изменения в форме

мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 325). Назревающий поворот в развитии революции вызывает в рабочих массах мелкобуржуазные колебания. Надо при этом учесть, что наиболее активная часть пролетариата, большая часть рабочих-коммунистов была в армии, отчасти работала в советском аппарате. «Создание военного и государственного аппарата, который способен был победоносно выдержать испытания 1917—21 гг.,—дело великое, занявшее, захватившее, исчерпавшее реальные (не в декламации крикунов существующие) силы рабочего класса» (там же, стр. 329).

Так. обр., хозяйственная и политическая обстановка этого «переходного периода в переходном периоде» характеризуется обнаружившейся брешью между рабочим классом и крестьянством и наметившейся трещиной в отношениях рабочего класса и его авангарда. Повышение удельного веса мелкобуржуазной экономики при соответственном ослаблении хозяйственных позиций крупного производства создает экономические пружины громадного усиления анархической мелкобуржуазной стихии, вырастающей как «главный враг».

Экономический кризис и профсоюзная дискуссия. Основой партийного кризиса, нашедшего свое выражение в профсоюзной дискуссии, был общий кризис революции. В то же время налицо был и ряд внутрипартийных явлений, углублявших этот кризис: а) большой приток в партию за 1919—1920 года непролетарских элементов; к моменту профсоюзной дискуссии почти 60 процентов партии составляла непролетарская ее часть; б) известная бюрократизация отдельных звеньев партии как следствие, главным образом, жесткого, совершенно необходимого в той обстановке, централизма периода гражданской войны.

В дискуссии трактовались основные проблемы революции. Эти проблемы получили своеобразное «профсоюзное преломление»—преломление, за к-рым участники дискуссии иногда не разглядывали подлинной сущности разногласий. Последние можно свести к следующим четырем группам вопросов.

В профсоюзной дискуссии спор шел прежде всего о генеральной перспективе дальнейшего развития революции, о методах и формах обеспечения и укрепления гегемонии пролетариата в стране с громадным преобладанием крестьянства в новых условиях перехода от войны к миру. Основная дилемма: развертывание и углубление системы военного коммунизма или переход к новым формам отношений с массой крестьянства. В зависимости от той или другой перспективы решался центральный вопрос дискуссии о месте, роли и задачах профсоюзов в системе диктатуры. Вторая проблема—взаимоотношения партии — авангарда — и класса, почти поголовно объединенного в профсоюзах. Эта проблема тесно связана с первой, в известной мере является производной от нее, но имеет большое самостоятельное значение. Третья проблема — взаимоотношения класса-гегемона и Советского государства. И эта проблема, как в этом не трудно убедиться, тесно связана с первой. Наконец, дискуссия поставила вопрос о принципах строительства партии. Этот вопрос являлся как бы ответвлением от непосредственно-профсоюзных вопросов, затронутых в дискуссии, и был поставлен в процессе дальнейшего развития дискуссии.—По всему комплексу вопросов ленинской линии противостояли платформы троцкистов (с которыми после короткого отдельного существования слилась «буферная» группа т. Бухарина), «рабочей оппозиции» и «демократического централизма». Троцкизм был фракционным инициатором дискуссии. Его линия становится наиболее ясной при противопоставлении ее непосредственно взглядам Ленина.

Троцкизм и ленинизм в вопросах профсоюзной дискуссии. В полной противоположности революционно-диалектической ленинской линии в профсоюзном вопросе для позиции Троцкого, как оппортунистической системы взглядов, характерна неспособность к диалектической постановке вопроса о «кризисе в профсоюзах». «Ленинская платформа» рассматривает профсоюзный вопрос как звено в общей цепи проблем всего переходного периода и данного «переходного периода в переходном периоде». В противовес этому, платформа Троцкого устанавливает особый «кризис профсоюзов», который и анализирует без связи с классовыми соотношениями и политической обстановкой в стране. Главную причину кризиса Троцкий видит в том, что «профсоюзы попали в положение межеумочное, задачи их стираются и почвы у них под ногами нет» (из речи на пленуме Московского Комитета 17 января, Истпарт МК). Подчеркивание Лениным связи профсоюзного вопроса с общей политической обстановкой Троцкий объясняет желанием Ленина «отвести наше внимание» от вопроса о производственной роли профсоюзов. Троцкий обвиняет Ленина в злоупотреблении политикой в ущерб экономике, эклектически противопоставляя экономику политике, «концентрированной экономике».—Везде, где Троцкий пытается дать анализ своеобразия данного переломного момента, у него нет одного — нет классов, нет крестьянства, с которым пролетариат сотрудничает, руководя им. Нет у него и рабочего класса—миллионов пролетариев, тысячами нитей связанных с крестьянством. Троцкий видит методы, навыки, организационные формы, разные болезни и недостатки аппарата, «руководящего персонала», но он не видит, не умеет прощупать классовые сдвиги—то, что является главной обязанностью марксиста. Уже на X съезде партии, после Кронштадта, Троцкий продолжает настаивать на особом профсоюзном кризисе, возражает против связывания профсоюзного вопроса с проблемой отношений пролетариата и крестьянства.

Исходным положением в решении профсоюзного вопроса у Ленина являлась назревающая необходимость пересмотра отношений рабочего класса и крестьянства. «Отношение пролетариата к крестьянству изме-

няется,—говорил Ленин 30 декабря 1920 на фракции 8-го Съезда Советов. — Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться, а из ваших тезисов,—обращается он к Троцкому,—этого не выходит». Исходя из перспективы неизбежного перехода к новым формам отношений с крестьянством, из диалектического понимания роли и места профсоюзов в системе диктатуры, платформа «десяти» решительно отвергает выдвигаемый Троцким курс на форсированное огосударствление профсоюзов, огосударствление их «в б. или м. близком будущем» (первоначальный набросок тезисов Троцкого), что означало бы дальнейшее углубление системы военного коммунизма. Здесь, в измененном соответственно новым условиям виде, находит свое выражение непонимание троцкизмом места и роли крестьянства в системе движущих сил пролетарской революции. При этом, позиция Троцкого была неверной не только с точки зрения непосредственного перехода от военного коммунизма к нэпу; она принципиально неправильна с точки зрения ленинского понимания всей эпохи перехода от капитализма к социализму. «Троцкий, — говорит Ленин, — впал в ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 10).

Программа партии говорит, что профессиональные союзы «должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством как единым хозяйственным целым», как результат весьма длительной эпохи развития, когда в процессе движения общества от капитализма к социализму в основном отпадут специфические функции профсоюзов как школы коммунизма (см. там же, стр. 66—67, а также резолюцию X съезда партии «о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии»).—Период военного коммунизма партией всегда рассматривался как звено эпохи перехода от капитализма к социализму. Формулировку «профсоюзы—школа коммунизма» мы впервые встречаем в резолюции IX съезда партии, на решениях которого особенно сильна печать военного коммунизма. — Партия на IX съезде в вопросе об огосударствлении на первый план выдвигает осторожность, ибо партия никогда не собиралась «перескочить» через эпоху перехода к социализму. Но именно такое перескакивание характерно для Троцкого, обнаруживающего непонимание сущности переходного периода. Основной тезис троцкистской платформы о форсированном огосударствлении давал неверную установку в вопросе о роли и месте профсоюзов в системе диктатуры. Здесь мы подходим ко второму коренному расхождению между ленинизмом и троцкизмом — к проблеме взаимоотношений партии — авангарда и рабочего класса.

Ленин место профсоюзов в системе диктатуры определяет «между партией и государством». «Профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, к-рый осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма» (Ленин, Соч., том XVIII, ч. 1, стр. 8). Отсюда значение профсоюзов как важнейшего привода от партии к рабочей массе, как важнейшего рычага в системе диктатуры, во весь период перехода от капитализма к коммунизму. «Профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, к-рый один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму» (там же).

В платформе Троцкого роль профсоюзов как «школы коммунизма» выпадает, его платформа в корне извращает большевистское понимание взаимоотношений рабочего класса и его авангарда. Это извращение заложено в самом лозунге форсированного огосударствления, так как огосударствление означало бы лишение профсоюзов их специфических черт как привода к массам, слияние их с Советами. В «первоначальном наброске» Троцкий проводит аналогию между перестройкой советского аппарата и профсоюзов. Троцкий одобрительно цитирует следующее место одной из статей сборника Южбюро ЦК горнорабочих: «Существовавшая до сих пор грань между профессиональными и государственными органами должна быть в корне уничтожена как не имеющая никаких основательных предпосылок... Сейчас профсоюзы должны войти в общую систему советских организаций» (брошюра «О проекте десяти», материалы к дискуссии о профсоюзах, стр. 18). Особенно ярко непонимание троцкизмом большевистских основ взаимоотношений партии и класса сказалось в лозунге «перетряхивания профсоюзов сверху», данном Троцким на ноябрьской конференции профсоюзов. К поголовной организации рабочего класса Троцкий подходит, как к советскому аппарату, видит всю задачу момента в «подборе соответствующего персонала профсоюзов, под хозяйственным критерием». Троцкий видит не рабочий класс, а только профсоюзный аппарат, который, подобно государственному, можно по желанию перетряхивать и перестраивать.

Третья группа разногласий между ленинизмом и троцкизмом касается взаимоотношений рабочего класса и Советского государства. Ленин говорил о стоящей перед профсоюзами задаче защиты интересов рабочих от бюрократических извращений государственного аппарата. Ибо «рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (Ленин, Соч., 1 изд., том XVIII, часть 1, стр. 31). Поэтому «наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» (там же, стр. 12). Троцкий совершенно не понимает диалектики отношений рабо-

чего класса и его государства. «То, что составляло существо профессионального союза в буржуазном обществе,—говорит брошюра Троцкого, — отпало». «Не отпало» — делает примечание т. Ленин (VI Ленинский сборник).—По вопросам парт. строительства формально не было расхождений между ленинизмом и троцкизмом. На X съезде партии ленинцы и троцкисты выступили с едиными тезисами по этому вопросу, и докладчиком был тогдашний сторонник Троцкого Бухарин. Но расхождений не было только формально. Дискуссия показала: а) фракционность Троцкого (о чем речь будет ниже в связи с изложением хода дискуссии), б) особый взгляд Троцкого на партию—взгляд, ничего общего с ленинизмом не имеющий.—Поддержку линии Ленина громадным большинством партии Троцкий объясняет так: «в Петрограде и Москве большинство присоединилось... не к позиции т. Зиновьева, а к подписи т. Ленина»... «Голосования шли и идут преимущественно по вопросу о необходимости более демократического режима, а вовсе не по вопросу о „роли и задачах профсоюзов“. Этот второй вопрос смывает сейчас волной нашедших выход настроений» («Усталый путник на молочной диете», «Правда» от 2 февр. 1921). Партия, как «голосующее стадо», несознательно присоединяющаяся к авторитетам, захлестываемая «нашедшими выход настроениями»,—это обычная троцкистско-меньшевистская клевета на партию.

«Буферная» платформа группы Бухарина. Основой ошибок Бухарина в профсоюзной дискуссии, как и других его ошибок в разные периоды истории партии, является его немарксистская методология, подмена революционной диалектики механистической эклектикой. В профсоюзной дискуссии Бухарин дает «непревзойденные» образцы такой подмены. Эклектизм Бухарина нашел свое выражение прежде всего в его попытках создать буферную платформу путем «склеивания кусочков» из разных других платформ. Как указывает Ленин, у Бухарина «нет и тени попытки самостоятельно, с своей точки зрения, проанализировать» поставленные дискуссией проблемы. «Он подходит без малейшего конкретного изучения, с голыми абстракциями, и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это и есть эклектизм» (Сочинения, 1 издание, том XVIII, часть 1, стр. 56). В тезисах группы Бухарина «о задачах и структуре профсоюзов» нет ни одной мало-мальски значимой идеи, к-рая не содержалась бы в той или иной форме в др. платформах. Определяющим моментом буферной платформы являлась ее троцкистская установка; к последней Бухарин пытался присоединить кой-какие «заимствования» из платформы «десяти» и «рабочей оппозиции». Бухарин считал, что производимое им «нек-рое объединение» разных «кусочков» диктуется «всем ходом исторического развития революции» («О роли профсоюзов в производстве», стеногр. дискуссии на фракции 8-го Съезда Советов, стр. 47). «Когда поезд имеет нек-рый уклон к тому, чтобы потерпеть крушение, то буфера являются уже не такой плохой вещью» (там же, стр 45).

Как и Троцкий, Бухарин в самом подходе к разрешению профсоюзного вопроса отступает от элементарнейших требований диалектики: как и Троцкий, он профсоюзный вопрос отрывает от всей экономической и политической обстановки в стране. С одной стороны, Бухарин (на фракции 8-го съезда) заявляет, что «самое важное—это взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством», с другой стороны—он в определении задач профсоюзов совершенно по-троцкистски «игнорирует» вопрос о крестьянстве (см. ниже). — Бухарин эклектически разрывал экономику и политику. Проблему взаимоотношений между рабочим классом он отрывает от задачи подъема производительных сил страны, «политический момент»—от «хозяйственного момента», задачу осуществления рабочей демократии—от задачи вовлечения широких пролетарских масс в дело управления хозяйством («О роли профсоюзов в производстве», стр. 46, 47). В речи на пленуме МК 17 янв. 1921 Бухарин говорит: «У нас в партии две основные группировки, из к-рых одна говорит: производство, производство, а другая: демократия, демократия и демократия, а мы говорим и производство и демократия» (материалы Истпарта МК). Ленин по этому вопросу говорит: «Они оба (Троцкий и Бухарин. *А. Б.*) упрекают меня в том, что я „подменяю“ вопрос или что я „политически“, а они подходят „хозяйственно“. Бухарин даже вставил это в свои тезисы и пытался „подняться выше“ обоих спорящих; я-де соединяю и то и другое. Теоретическая неверность вопиющая. Политика есть концентрированное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма... Бухарин скатился к эклектике, проповедуя соединение политического и хозяйственного подхода» (Соч., 1 изд., том XVIII, ч. 1, стр. 46—47).

Бухарин совершенно не понял диалектической постановки Лениным вопроса о профсоюзах как школе коммунизма. Этот термин у Ленина характеризует специфическое место профсоюзов в системе диктатуры между партией и государством, специфический характер их многогранной работы, Бухарин же эклектически разрывал отдельные стороны работы профсоюзов. «С одной стороны,—говорит он на фракции 8-го съезда,—они являются школой коммунизма, а с другой стороны, это—в возрастающей степени административно-технический аппарат по управлению производством». Эту точку зрения Ленин характеризует как «мертвый, бессодержательный эклектизм». «Тезисы бухаринской группы — сплошь эклектическая пустышка. Бухарин в корне неверно, эклектически, ставит весь вопрос о соотношении „школы“ и „аппарата“... Не „с одной стороны—школа, с другой нечто иное“, а со всех сторон, при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, „профсоюзы суть школа“, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления» (Соч., 1 изд., том XVIII, ч. 1, стр. 57, см. также Ленин, «О профессиональном движении»).

Все специфически буферные ошибки Бухарина не должны ни в какой мере затушевывать тот факт, что по решающим проблемам профсоюзной дискуссии Бухарин разделял троцкистские взгляды. Это с несомненностью вытекает из его точки зрения на огосударствление профсоюзов и проблему взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. — На фракции 8-го Съезда Советов Бухарин говорит: «Почему, тем не менее, мы не говорим, что мы стоим за формальное огосударствление профсоюзов? Тут я должен отметить, что у т. Троцкого в тезисах сказано, что он также против формального огосударствления профсоюзов. Почему мы это делаем? По очень простой причине. По той простой причине, что несознательная часть рабочего класса питает больше доверия к профсоюзам, чем к государственной власти рабочего класса. Это плохо? — Да, очень плохо. Но для того, чтобы приучить широкие массы к сознательному отношению к государственной власти, мы пока не наклеиваем ярлычка огосударствления на профсоюзы, потому что таким образом лучше, удобнее, тактичнее, правильнее, с подходцем, перевести их на правильное понимание функций Советской власти».

Ленин и программа партии, как мы уже указывали выше, приход профсоюзов «к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством» рассматривают как результат весьма длительной эпохи развития. Это — эпоха труднейшей социалистической перестройки народного хозяйства, преодоления глубоких противоречий переходного периода. У Бухарина же все трудности и противоречия переходного периода «снимаются»; единственным препятствием к завершению одновременного процесса огосударствления профсоюзов у Бухарина выступает наличие несознательной части рабочих. Бухарин, как и Троцкий, считал необходимым немедленно приступить к огосударствлению профсоюзов по частям (см. п. 17 тезисов буфера и п. 39 объединенной платформы Троцкого-Бухарина). Как и Троцкий, Бухарин «перескакивал» через переходный период.—При этом Бухарин проявляет полное непонимание классовых соотношений переходного периода и вопрос об огосударствлении профсоюзов решает вне проблемы пролетариат — крестьянство. Положение программы об управлении профсоюзов народным хозяйством Бухарин-Троцкий сводят к управлению промышленностью (см. п. 11 платформы Троцкого-Бухарина, где тезис программы партии толкуется, как превращение профсоюзов «в производственные организации, охватывающие каждую отрасль промышленности»). Проблему социалистической переделки экономики Бухарин и Троцкий пытались решить..., оставляя в стороне десятки миллионов крестьянских хозяйств.

То же непонимание классовых отношений в переходный период Бухарин (как и Троцкий) проявляет в вопросе о взаимоотношениях профсоюзов и Советского государства. На X съезде, когда уже был решен вопрос о переходе к нэпу, Бухарин—в речи по вопросу о профсоюзах—принципиально отрицает необходимость защиты профсоюзами интересов рабочих в Советском государстве. Ставить вопрос иначе по Бухарину означает переход на позиции борьбы с Советской властью (см. Стеногр. отчет X съезда РКП, стр. 204).—В вопросе о рабочей демократии Бухарин, с одной стороны, в духе рабочей оппозиции, превозносит ее как «священный лозунг», с другой стороны, под флагом «производственной демократии», ограничивает ее, по-троцкистски сводя ее к отбору людей в аппарат (см. п. 16 тезисов буфера). «Мы желаем,—если употребить это слово „перетряхивание", то перетряхивание не сверху, а снизу, путем самых нормальных выборов,—переделать эти профсоюзы, подобрав соответствующую группу работников, которые были бы приспособлены к хозяйственным задачам профсоюзов» (материалы Истпарта МК, Речь Бухарина на V московской губерн. партконференции). Оппортунистическая трактовка Бухариным вопроса об огосударствлении профсоюзов, непонимание места профсоюзов в системе диктатуры предрешило политическую ошибочность его (как и Троцкого) взглядов на рабочую демократию.—О термине «производственная демократия», автором которого был Бухарин, Ленин говорит: «Чем больше вдумываюсь я в эту „производственную демократию", тем яснее я вижу теоретическую фальшь, вижу непродуманность... Производство нужно всегда. Демократия есть одна из категорий области только политической... Производственная демократия порождает ряд мыслей в корне фальшивых... Нельзя вносить кашу, создавая опасность, что люди запутаются, когда демократия, когда единоличие, когда диктатура» (Сочинения, 1 изд., том XVIII, ч. 1, стр. 13—14).

Платформа Бухарина содержала синдикалистский тезис об обязательности кандидатур, выдвигаемых профсоюзами в «главки и центры». «Если профсоюзы, — говорит по этому поводу Ленин,—т. е. на 9/10 беспартийные рабочие, назначают („обязательные кандидатуры") управление промышленностью, тогда к чему партия? И логически, теоретически и практически—то, до чего договорился Бухарин, означа т раскол партии, вернее разрыв синдикалистов с партией» (Ленин, Сочинения, 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 33). Надо отметить, что т. Бухарин как в течение дискуссии, так и на X съезде партии этой своей синдикалистской ошибки не признал.

В следующих словах Ленин дает общую характеристику позиции Бухарина в профсоюзной дискуссии: «У Троцкого и Бухарина вышла мешанина из политических ошибок в подходе, разрыва в передаточной связи, приводных ремней в середине, подлета или налета на „администрирование" впустую, на холостом ходе. „Теоретический" источник ошибки—раз Бухарин поставил своим „стаканом" вопрос о теоретическом источнике—ясен. Теоретическая—в данном случае гносеологическая—ошибка Бухарина состоит в подмене диалектики эклектикой. Эклектически ставя вопрос, Бухарин запутался совершенно и договорился до синдикализма» (Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 60).

Платформа рабочей оппозиции. Красной нитью через все высказывания рабочей оппозиции проходит сомнение в пролетарском характере партии, сомнение, а то и прямое отрицание пролетарского характера советского государства. В тезисах рабочей оппозиции по вопросам партийного строительства говорится: «Пестрота социального состава населения, количественное преобладание крестьянства и мелкой буржуазии над рабочим классом и проистекающая отсюда необходимость для партии примирить три разнородных политических тенденции: коммунистическую политику рабочих, мелкобуржуазные запросы крестьян и крупно-капиталистические стремления буржуазно-чиновничьей касты. Приспособление партии к противоречивым социальным интересам, влекущее за собой неустойчивость и уступки то одной, то другой социальной группе населения, усиливается по мере отожествления партии с исполнительными советскими аппаратами». Центр тяжести приведенного тезиса в том, что партия объективными условиями вынуждена «приспособляться к противоречивым интересам», что мелкобуржуазная политика партии с объективной неизбежностью проистекает из факта «количественного преобладания крестьянства и мелкой буржуазии над рабочим классом».

Очень отчетливо взгляд рабочей оппозиции на роль крестьянства в революции выражен в тезисах т. Шляпникова к IX съезду партии — «Взаимоотношения РКП с Советами и производственными союзами»: «Мелкий деревенский товаропроизводитель, т. е. бедняк и середняк, а также и городской ремесленник поддерживали пролетариат в его борьбе против помещика и крупного капиталиста. Поддержка их находилась, находится и теперь в состоянии постоянных колебаний. Только непосредственная угроза возврата к прошлому удерживала и удерживает эти массы от прямой измены делу пролетарской революции» (Архив фракции президиума ВЦСПС, папка № 5 за 1920). Согласно концепции рабочей оппозиции пролетариату невозможно без существенного ущерба для его классовых интересов выступать представителем и защитником массы трудящихся в виду несовпадения, а порой и противоположности интересов рабочего класса и крестьянства. Говоря другими словами, невозможна гегемония пролетариата в нашей революции. Партия пролетариата, ставши правящей, государственной, неизбежно вынуждена отступать от классовой линии, ибо, в ущерб интересам пролетариата, она должна лавировать и приспособляться к разнородным слоям населения, прежде всего к крестьянству. Этот тезис, впоследствии подробно развитый Оссовским (к-рый из него сделал вывод о двух партиях) и воспринятый по существу всей троцкистской оппозицией, имеет своей основой отрицание социалистического характера революции, т. е. основу меньшевистскую.

Из разобранной нами общей установки с необходимостью вытекало противопоставление рабочего класса партии, к-рая как правящая, «лавирующая между разнородными слоями населения», не может оставаться на строго-классовой линии; неизбежным было противопоставление рабочего класса советскому государству, которое, опираясь и на крестьянство, неизбежно должно терять — полностью или частично — свой пролетарский характер.—Взгляды рабочей оппозиции отрицают характер партии как передового авангарда рабочего класса и устанавливают приоритет профсоюзов как массовой, чисто-пролетарской организации над партией, не ведущей чисто-классовой линии и к тому же разнородной по своему социальному составу. Производственные союзы — «наиболее четкое и рельефное выражение» рабочего класса (К о л л о н т а й, «Рабочая оппозиция», стр. 35). Рабочая оппозиция отвергает по существу руководящую роль партии в системе диктатуры. Под флагом устранения опеки ЦК над профсоюзами, рабочая оппозиция по существу домогалась независимости профсоюзов от партии. Тов. Шляпников (сборник «Партия и союзы», ст. «О задачах рабочих союзов») доказывал, что ЦК партии должен быть лишен права влиять на состав руководящих органов профсоюзов. Но это означало лишить ЦК возможности руководить профсоюзами.

Рабочая оппозиция не понимает и отрицает значение советского государства как главного аппарата диктатуры. Она видит только бюрократизм этого аппарата, изображает пленение его классово-чуждыми пролетариату элементами. Бюрократизм рабочая оппозиция рассматривает не как болезнь советского аппарата, а как неизбежное свойство «системы бюрократически-государственных органов» (Коллонтай), которые должно заменить выборными органами производителей. Рабочая оппозиция профсоюзами хотела заменить и партию и Советы. Она выдвигает лозунг «осоюзить государство». «Организованные производители заинтересованы не в том, чтобы подчинить себя бюрократии, а как-раз обратно—в использовании хозяйственного и всякого иного государственного аппарата в интересах всех трудящихся. В этом отношении правильнее не только сказать, но и сделать, что нужно не огосударствить союзы, а „осоюзить“ государство, т. е. пропитать, хоть в малой степени и по существу пролетарским духом наши государственные органы» (Ш л я п н и к о в, Речь на собрании 30 дек. 1920).

Ленинизм говорит, что советское государство—это организованный в государство рабочий класс. А «рабочая оппозиция» противопоставляет рабочий класс советскому государству, отрицая значение органов пролетарской государственности как орудия диктатуры пролетариата, сбиваясь на анархо-синдикалистское отрицание государства.—Центральный пункт платформы «рабочей оппозиции» по вопросу о профсоюзах гласит: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные и производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики [X съезд РКП (б), стен. отчет, прилож., стр. 362]. Этот тезис, вытекающий из всей концепции взглядов «рабочей оппози-

ции», представляет синдикалистское отрицание советского государства и руководящей роли партии, поскольку она отстранялась от руководства хозяйством. Резолюция X партсъезда «о синдикалистском и анархистском уклоне» говорит по поводу этого тезиса: «Во-первых, понятие „производитель“ объединяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая, т. о., в корне от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы. Во-вторых, неправильная постановка вопроса об отношениях между партией и широкими беспартийными массами, приводящая к подчинению партии беспартийной стихии, данная в приведенном тезисе, является не менее коренным отступлением от марксизма» (там же, стр. 310).

Тезисы предоставляют отдельным предприятиям такие большие права, к-рые в тенденции означают распыление дела управления народным хозяйством не только по отдельным отраслям производства, но и по отдельным хозяйственным единицам. В области партстроительства «рабочая оппозиция» «на все времена» требовала развернутой рабочей демократии в партии и свободы группировок («признать за внутрипартийными течениями право устраивать дискуссии и дать материальную возможность представителям течений защищать свои взгляды»). По вопросу о социальном составе партии «рабочая оппозиция» ударяется в «махаевщину», предлагая исключить из партии «все нерабоче-крестьянские элементы», вступившие в партию до середины 1918, и вовсе прекратить прием их в партию в дальнейшем.

Платформа группы демократического централизма. По профсоюзному вопросу группа демократического централизма по существу не имела собственной точки зрения. Тезисы этой группы представляли смесь предложений платформы Троцкого и буфера. В профсоюзной дискуссии весьма яркое выражение получает оппортунизм группы демократического централизма в организационных принципах строительства партии и советского государства. Высказывания сторонников группы демократического централизма о централизме в управлении и руководстве не носят характера бичевания отдельных извращений, а по существу направлены против самой централистской системы в партии и государственном аппарате.

Протест группы демократического централизма против системы централизма отражал недовольство мелкобуржуазных масс этой системой. Протест против существующей системы руководства неизбежно должен был привести к требованию ослабления партийного руководства—основы всей системы. В тезисах демократического централизма это выражено так: «В целях усиления руководящих советских и профессиональных центров, устранения ведомственной политики, а также в целях большего сосредоточения внимания ЦК на работе по партийному руководству, съезд постановляет: в целях руководства деятельностью высших советских и профессиональных центров ЦК преподает их фракциям директивы по важнейшим вопросам, ЦК не рассматривает предварительно проектов в деталях и не принимает к рассмотрению текущих дел». Тенденцию, заложенную в этих словах, очень хорошо понял «Социалистический Вестник», который в одном из февральских номеров 1921 г. пишет: «Они требуют всего-на-всего лишь, чтобы ЦК РКП или его „Политбюро“ не вмешивались хоть в детали работы Совнаркома или ВЦИК, но они уже посягнули на чистоту диктатуры. И логика борьбы и жизни и их убедит со временем, что без свободы даже (!) для меньшевиков и с.-р. не может быть и свободы для массы коммунистов, что конституция должна соблюдаться не только внутри коммунистической партии, но и для всей демократии страны».—В области партийного строительства у демократического централизма общая с «рабочей оппозицией» недиалектическая постановка вопроса о рабочей демократии в партии, непонимание зависимости рамок рабочей демократии от общей обстановки и условий борьбы. «Даже на фронтах демократический централизм и рабочая демократия являются лучшим методом отражения врага» (из речи Рафаила на 5 Московской губерн. конференции, Архив Истпарта МК). Группа демократического централизма требовала легализации фракций и группировок. «Неизбежной и единственно обеспечивающей успех предпосылкой является узаконение в партии течений и группировок» (Осинский, ст. "Что нужно для осуществления пролетарской демократии», «Правда» от 26/XII 1920).

Как показал краткий разбор отдельных антиленинских течений, общей чертой их является: отрыв профсоюзного вопроса от общего вопроса о кризисе во взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством; непонимание путей обеспечения и укрепления гегемонии пролетариата в новых условиях; неправильный подход к вопросу о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, партии и рабочего класса, рабочего класса и советского государства.

Платформа Троцкого включала все основные элементы так называем. исторического троцкизма. Но платформа троцкизма периода профсоюзной дискуссии не представляла собой еще вполне законченной системы взглядов. Полное свое развертывание троцкизм, приспособленный к новым условиям социалистической революции, мог получить только с дальнейшим развитием нэпа, при определившейся затяжке мировой революции, когда вопрос о месте и роли крестьянства в социалистической революции, о возможностях его социалистической переделки в процессе индустриализации, а тем самым вопрос о внутренних силах и характере революции, стал решающим для ее дальнейших судеб. Гром пушек гражданской войны, иллюзии периода военного коммунизма, ожидание скорой победы революции в странах капитализма—все это отодвигало на известный срок полное развертывание всех коренных расхождений между ленинизмом и троцкизмом. Профсоюзная дискуссия происходила в «переходный период в переходном периоде», когда выяснилась железная необходимость поворота

от методов военного коммунизма к новым формам строительства социализма, но еще не определились достаточно ясно контуры нэпа. В платформе троцкизма, относящейся к профсоюзной дискуссии, имеются налицо все элементы троцкистской платформы последующих лет борьбы троцкизма с партией, — элементы, получившие в дальнейшем исчерпывающее оформление в виде троцкистского неоменьшевизма, скатившегося в конце-концов в лагерь буржуазной контрреволюции.

«Рабочая оппозиция» выступает как законченная в общем система взглядов; дальнейшее развитие этой системы в ходе последующей внутрипартийной борьбы в основном не прибавило что-либо существенное ко взглядам «рабочей оппозиции» периода профсоюзной дискуссии. Взгляды «рабочей оппозиции» имели исходной точкой отрицание социалистического характера нашей революции, приближаясь в этом решающем и определяющем вопросе к меньшевизму. Вот почему правильным является определение системы взглядов «рабочей оппозиции» как синдикализма на базе меньшевизма.—«Рабочая оппозиция», как и остальные антиленинские течения, не явилась порождением профсоюзной дискуссии—последняя послужила оформлению этого течения. Лидер «рабочей оппозиции» Шляпников еще весной 1919 на одном совещании при ВЦСПС в резолюции предлагал: «Все профессиональные объединения должны стать во главе растущего недовольства масс и вместе с организованными массами искать выхода из создавшегося положения, борясь всеми силами против дезорганизаторских забастовочных течений путем разъяснения массам всей пагубности этих путей» (из проекта резолюции, архив фракции ВЦСПС). Здесь в весьма острой форме дана вся сущность последующей развернутой программы «рабочей оппозиции».

Платформа группы демократического централизма в целом представляла собой законченную систему «организационного оппортунизма». Платформа этой группы—объективное выражение мелкобуржуазного протеста против централистской системы диктатуры. Но у группы демократического централизма при этом отсутствовала какая-либо достаточно четкая положительная программа действий, ради которой нужна предлагаемая оппортунистическая ревизия основ партийного строительства и системы руководства государством. Это делало группу демократического централизма наиболее беспочвенной антиленинской группировкой; это же обстоятельство делало невозможным длительное существование демократического централизма как самостоятельного течения. В последующем ходе внутрипартийной борьбы оппортунистическая форма демократического централизма наполняется полновесным оппортунистическим троцкистским содержанием, чтобы стать крайним флангом контр-революционного неоменьшевистского троцкистского фронта.

Ход дискуссии и ее этапы. В статье «Кризис партии» («Правда» от 21 января 1921) т. Ленин устанавливает семь этапов внутрипартийной борьбы вокруг вопроса о профсоюзах. «Первый этап: „5 Всероссийская конференция профсоюзов“ 2—6 ноября. Завязка борьбы... Второй этап: пленум ЦК 9 ноября... Третий этап: конфликт водников с Цектраном в декабре месяце. Пленум ЦК 7 декабря... Четвертый этап: 8 Съезд Советов. Выступление Троцкого 25 декабря с „брошюрой-платформой“: „Роль и задачи профсоюзов“...Пятый этап: „Дискуссия перед тысячами ответственных работников всей России на фракции РКП 8 Съезда Советов 30-го декабря. Споры развертываются во всю“. Шестой этап: „Выступление питерской организации и контр-выступление Московского комитета“ («Правда» от 13 января). Седьмой этап: „Профкомиссия кончает свою работу и выпускает платформу“» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, стр. 27—35). В промежуток между написанием Лениным этой статьи и окончанием партийного съезда можно наметить еще два этапа. Дискуссия в провинции, давшая, особенно в промышленных районах, подавляющее большинство за точку зрения Ленина,—восьмой этап. Решение Съезда, завершившее профсоюзную дискуссию,—девятый этап.

Мы остановимся ниже на отдельных этапах дискуссии, но предварительно отметим, что значительную роль в развязке профсоюзной дискуссии сыграл конфликт Цектрана с водниками.

На фракции 5-й конференции профсоюзов разногласия возникли вокруг речи Троцкого в прениях по докладу ВСНХ. Брошенный Троцким лозунг «перетряхивания профсоюзов» вызвал резкий отпор со стороны т. Томского. На пленуме ЦК 9 ноября вопрос о профсоюзах был поставлен в результате споров на фракции 5-й конференции профессиональных союзов. На пленуме были представлены два проекта тезисов: Ленина и Троцкого («первоначальный набросок»). Пленум постановил принять за основу тезисы т. Ленина, которые получили 8 голосов против 7; тезисы Троцкого были отклонены 8-ю голосами против 7.

Текст резолюции, выработанный избранной на пленуме комиссией, был утвержден всеми голосами против Крестинского, Рыкова, Андреева, Троцкого, при воздержавшемся Преображенском. Ленин был уполномочен докладчиком на профсоюзной конференции. В принятой резолюции отмечается, что «необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм, самодурство, казенщину и мелочную опеку над профессиональными союзами».

«В виду достигнутых производственных успехов, ЦК считает, что и для Цектрана время специфических методов управления (во имя к-рых был создан Главполитпуть), вызванных особыми условиями, начинает проходить, и потому рекомендует Цектрану усилить и развить нормальные методы пролетарской демократии внутри союза, что уже поставлено на очередь самим Цектраном. Вместе с тем, ЦК считает необходимым, чтобы Цектран принял более деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его

состав на одинаковых с другими союзными объединениями правах». Т. о., центр тяжести резолюции—в необходимости перехода от чрезвычайных, военных методов к нормальным методам рабочей демократии.

Обнаружившиеся разногласия вызывают попытку задержать их в пределах ЦК. Собирается «примиренческое» совещание 10 членов ЦК (без Ленина и без Троцкого). Но эта попытка никаких реальных результатов не имела. Троцкий на нее ответил отказом работать в профкомиссии ЦК.—Резолюция от 9 ноября ничего не изменила в методах работы Цектрана, это очень ярко выявилось на конфликте с водниками. Этот конфликт нашел свое острое выражение в том, что водники ушли с цектрановского совещания. «Получился первый в истории профдвижения прецедент, когда коммунисты ушли от коммунистов» (Томский, Доклад на фракции ВЦСПС 20 декабря 1920. Архив ВЦСПС. По этому докладу мы в основном приводим ход конфликта), нарушив партийную и профессиональную дисциплину. Несмотря на всякие внушения со стороны ВЦСПС и Цектрана, водники отказались вернуться на совещание.

Происшедший в крупнейшем профсоюзе раскол имел большое политическое значение, таил в себе политические опасности, и главной задачей было установить действительные причины раскола. Вопрос перешел в профкомиссию ЦК, к-рая после заслушания обеих сторон пришла к выводу о принципиальной правоте водников, т. к. причиной раскола являются бюрократические методы Цектрана, не желающего выполнять директиву ЦК о переходе к нормальным методам рабочей демократии в профсоюзной работе. О серьезности положения в Цектране говорил тот факт, что часть делегатов совещания от железнодорожников (сперва 10, потом 32 от 60 присутствующих выборных лиц) в основном присоединилась к платформе водников, требуя ликвидации политотделов и перехода к методам профсоюзной рабочей демократии.

Профкомиссия предложила пленуму ЦК: 1) распустить политводы и политотделы; 2) Цектран должен вступить в общую семью профсоюзов; 3) съезд работников ж.-д. и водного транспорта ускорить, назначив на февраль; 4) Цектран в настоящем его составе распустить и на данной конференции организовать новый состав Цектрана, соответствующий настроению большинства конференции. Пленум ЦК от 7 декабря принял, однако, не все предложения комиссии. На этом пленуме оформляется «буфер» из Бухарина, Преображенского и Серебрякова. 8-ю голосами против 7 проходит компромиссная резолюция Бухарина (за резолюцию голосовал Каменев, Рыков же голосовал за резолюцию профкомиссии). Резолюция постановляет: «1) создать в объединенном Цектране секцию водников; 2) созвать в феврале съезд железнодорожников и водников, на котором провести нормальные выборы в новый Цектран; 3) до этого оставить функционировать старый состав Цектрана; 4) немедленно упразднить Главполитвод и Главполитпуть с передачей всех их сил и средств профорганизации на началах нормального демократизма». Т. о., наряду с требованием перевода Цектрана на начала «нормального демократизма», отвергнуто было решение профкомиссии о немедленном роспуске старого состава Цектрана. Двойственный «буферный» характер резолюции проявляется также в пункте о том, что «методы рабочей демократии должны быть методами производственной рабочей демократии». Троцкий голосовал за эту резолюцию, хотя он был совершенно не согласен с роспуском Главполитпути и т. д., ибо в противном случае прошла бы резолюция с требованием роспуска старого состава Цектрана—главной твердыни Троцкого, его опоры в предстоящей дискуссии.

Благодаря своему половинчатому характеру резолюция 7 декабря не могла разрешить создавшегося кризиса. Взаимоотношения между водниками и Цектраном, в силу сохранения старого состава Цектрана, после пленума ЦК от 7 декабря не улучшились. 9/XII члены Цектрана от водников слагают с себя полномочия, т. к. «признают несостоятельность» Цектрана «для разрешения огромных задач, стоящих перед профессиональным движением транспортных рабочих». Президиум Цектрана в ответ считает отказ от работы «совершенно необоснованным и расходящимся с решением ЦК РКП и отставки не принимает».—Цектран под влиянием Троцкого фактически и на этот раз не выполнил постановления ЦК о решительном переходе к методам рабочей демократии.

Троцкий и поддерживающая его группа цектранистов нелойяльно отнеслись ко всем решениям пленумов ЦК о переходе Цектрана на методы рабочей демократии. В своей фракционной линии Троцкий и цектранисты получали косвенную поддержку со стороны части ЦК благодаря блоку «буфера» с троцкистами. Поддержка Цектрана одновременно была направлена против ВЦСПС.

Инициатором фракционной дискуссии был троцкизм, который добивался ее для пересмотра ленинской линии партии в важнейших проблемах революции.

Широкая дискуссия по вопросу о роли и задачах профсоюзов начинается с 24 декабря на «собрании активных работников профдвижения и делегатов 8 Съезда Советов». 30 декабря состоялось большое дискуссионное собрание фракции 8 Съезда Советов. 25 декабря Троцкий выпускает свою платформу - брошюру («Роль и задачи профсоюзов»). На собрании 30 декабря Шляпников зачитывает первоначальный набросок тезисов «рабочей оппозиции», к-рые в окончательном виде появляются в «Правде» 25 января. В «Правде» от 13 января появляются тезисы президиума ВСНХ, 16 января — тезисы группы демократического централизма и «буфера», 18 января—тезисы группы «10-ти», 19-го—группы Игнатова. Основным месяцем дискуссии был январь, в течение к-рого определилась ориентация всех важнейших партийных организаций. Дискуссия по вопросам партийн. строительства явилась как бы «вторым туром» дискуссии, но обсуждение этих вопросов,

происходившее, гл. обр., в феврале, далеко не имело того всероссийского размаха, какой имела дискуссия по профессиональным вопросам.

В ходе январской дискуссии происходит определенная консолидация отдельных группировок. Это выражается в том, что из всех народившихся платформ по профсоюзным вопросам «выживают» только три основные: платформа «10-ти», вокруг которой объединяется подавляющее большинство партии, особенно ее пролетарской части, тезисы Троцкого, объединившегося с «буфером», платформа «рабочей оппозиции». Быстро сходят с арены дискуссии тезисы президиума ВСНХ (т. Ногина), группа Игнатова скоро растворяется в «рабочей оппозиции», и на 5 Московской губконференции Игнатов выступает уже как официальный докладчик «рабочей оппозиции». В области профсоюзного вопроса быстро сходит с арены и группа демократического централизма, не имевшая положительной платформы по этому вопросу; при этом группа сохраняется как самостоятельное оппозиционное течение. — Троцкизм в профсоюзной дискуссии не получил никакой массовой поддержки в рабочей части партии. Он вербовал сторонников, гл. обр., в руководящих слоях партии: членов партийных комитетов, советского аппарата, хозяйственного. Еще в большей мере это относится к группе демократического централизма, к-рая была названа «исполкомской оппозицией» (выражение т. Калинина, приведенное на дискуссионном собрании от 21 янв. 1921). «Рабочая оппозиция», наоборот, находила известный отклик и в рабочих массах, где она базировалась на цеховых настроениях более отсталой части рабочих — настроениях, питавшихся тяжелейшим материальным положением.

Хотя «рабочая оппозиция» являлась наиболее ярким отражением давления мелкобуржуазной стихии, мы видим, что в ходе предсъездовской дискуссии т. Ленин свою полемику направляет, гл. обр., против Троцкого. Это следует объяснить такими причинами: а) платформа «рабочей оппозиции» содержала такой явный отход коммунизма к синдикализму, что члены партии легко могли усвоить ее оппортунистическую сущность; в платформе Троцкого оппортунизм выступал в несравненно более прикрытом и приглаженном виде; б) Ленин исходил из того, что ошибки Троцкого не случайны, и хотел предупредить партию об опасностях троцкизма; в) Троцкий был фракционным инициатором дискуссии.

Обострение хозяйственного кризиса и Кронштадт. Первые два месяца 1921 года показывают дальнейшее обострение хозяйственного кризиса. Крайне обостряются топливный и продовольственный кризисы; как результат — дальнейшее свертывание промышленности. Обострение хозяйственного положения находит свое политическое выражение в ухудшении настроений рабочих масс и крестьянства. Среди отдельных слоев рабочих начинает расти влияние меньшевиков и социалистов-революционеров. Своего кульминационного пункта политический кризис достигает в Кронштадтском восстании.— Матросская масса, в подавляющем большинстве состоящая из крестьян, не получивших боевого закала, сравнительно недавно пришедших из деревень (старых моряков было незначительное меньшинство), ходом событий была подготовлена к роли рупора мелкобуржуазной анархической контр-революции. На X съезде партии т. Ленин о Кронштадтском восстании говорит: «Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев и что вместе с тем движение это свелось к мелкобуржуазной контр-революции, к мелкобуржуазной анархической стихии. Это уже нечто новое... Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, демократическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата. Но беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по к-рому явились белогвардейцы. Это неизбежно политически» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 108).

В гражданской войне мелкобуржуазная контр-революция предшествовала и подготовляла развертывание буржуазно-помещичьей. В период Кронштадта мы наблюдаем рецидив вооруженного выступления мелкобуржуазной контр-революции, но обстановка и результат этого повторного выступления были совершенно иные. Тогда, в начальный период гражданской войны, происходил процесс накопления сил буржуазно-помещичьего блока, теперь же силы блока были безвозвратно разгромлены и «мелкобуржуазная подножка» уже не могла ему помочь подняться. В 1918 году аппарат диктатуры только начал создаваться, теперь он значительно окреп, диктатура доказала свою мощь победой над буржуазно-помещичьей контр-революцией, диктатура в огромной степени повысила свой политический авторитет в глазах мелкобуржуазных крестьянских масс. В начальный период гражданской войны эти массы еще не испытали результатов реставрации буржуазно-помещичьей контр-революции, теперь результаты непосредственно были испытаны огромной частью крестьянства.—Все эти обстоятельства создали условия для локализации и быстрой ликвидации кронштадтского мятежа.—Поворот от военного коммунизма к нэпу, о котором мы будем говорить ниже, означал переход к «единственно правильной экономической политике пролетариата» в переходный период. Но, помимо общих, перспективных, непосредственными причинами перехода явились обострение хозяйственного и политического кризиса в стране и выяснившаяся затяжка в развитии мировой революции. Об этой затяжке т. Ленин говорит на X партсъезде; ею косвенно обусловливалась намеченная еще в ноябре 1920 концессионная политика партии.

X съезд. Съезд состоялся 8—16 марта 1921 года. С решающим голосом присутствовало 690 делегатов, с совещательным—245, представлявших 730.051 члена партии. Социальный состав съезда (делегатов с решающим голосом): рабочих—37,6%, ремесленников—5,5%, крестьян—7%, служащих—16,5%, интеллигентов—33,4%. Порядок дня, принятый съездом: 1) отчет ЦК, 2) отчет ЦКК,

3) профсоюзы и их роль в хозяйственной жизни страны, 4) социалистическая республика в капиталистическом окружении, внешняя торговля, концессии и пр., 5) о продразверстке и продналоге, 6) доклад комиссии ЦК по топливному кризису, 7) вопросы партстроительства (рабочая демократия и пр.), 8) очередные задачи партии в национальном вопросе, 9) реорганизация армии и вопрос о милиции, 10) Главполитпросвет и агитпропработа партии, 11) доклад представителя РКП в Коминтерне и его очередные задачи, 12) доклад членов РКИ в Межсовпрофе, 13) выборы ЦК и ЦКК.

Съезд происходил в напряженной политической обстановке, созданной кронштадтским мятежом, и это наложило яркий отпечаток на «стиль» съезда. В середине съезда, после окончания отчета ЦК, часть делегатов была отправлена в Кронштадт для участия в ликвидации восстания. Делегаты Самарской и Саратовской организаций в середине съезда должны были вернуться на места в виду напряженного положения. Отвлечение событиями нек-рых докладчиков нарушило порядок обсуждения вопросов повестки дня. В виду напряженной обстановки и необходимости для делегатов возможно скорее выехать на места, обсуждение некоторых вопросов происходило ускоренным образом, подробной и обстоятельной дискуссии подверглись только два вопроса: отчет ЦК и вопросы партстроительства. Доклад по топливу вовсе был снят, пункты 11-й и 12-й повестки дня были слиты. Были приняты резолюции: по отчету ЦК; по вопросам партийного строительства; о единстве партии; о синдикалистском и анархистском уклоне в партии; о контрольных комиссиях; о роли и задачах профессиональных союзов; о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии; об организации курсов по изучению марксизма; об очередных задачах партии в национальном вопросе; о замене разверстки натуральным налогом; о кооперации; об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян; Советская республика в капиталистическом окружении; о Коммунистическом Интернационале; о грядущей империалистской войне.

Резолюция съезда по докладу ЦК «признает внутреннюю и внешнюю политику ЦК в общем и целом правильной» и «находит необходимым для намечаемого обеспечения полной устойчивости политики руководящего центра партии и усиления связи его с широкими пролетарскими массами введение в ЦК организаторов, выдвинувшихся в массовой партийной работе». Были внесены еще резолюции «рабочей оппозиции» и группы «демократического централизма». Голоса разделились: 514—за резолюцию одобрения линии ЦК, 47—за резолюцию демократического централизма, 45—за резолюцию «рабочей оппозиции». Окончательное голосование дало 59 против и 31 воздержавшихся.—По вопросам партийного строительства, кроме докладчика Бухарина, выступали содокладчики: от «рабочей оппозиции» — Игнатов, от группы демократического централизма — Максимовский и Смилга—«от группы товарищей, стоящих на точке необходимости анализа „рабочей оппозиции“ и демократического централизма». При голосовании резолюция ЦК получила 369, тезисы «рабочей оппозиции»—23, группа демократического централизма—9. После работы комиссии «рабочая оппозиция» при голосовании воздержалась, мотивируя это тем, что «резолюция, по сравнению с тем проектом, к-рый был раньше, улучшается» (Игнатов), однако, «это недостаточно хорошая резолюция, чтобы голосовать за»(Шляпников); резолюция была принята всеми голосами при 18 воздержавшихся.

Вопрос о профсоюзах не занял на съезде того места, которое он, казалось, займет после дискуссии. Это отчасти объясняется тем, что вынесенные на съезд три точки зрения («10-ти», троцкистов и «рабочей оппозиции») были делегатам хорошо известны по ходу дискуссии, и съездовские доклады не могли внести что-либо новое. Но главной причиной было то, что профсоюзный вопрос был отодвинут ходом событий в стране, поставивших во всей остроте проблему взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Докладчиком был Зиновьев, содокладчиками — Шляпников и Троцкий. Голосование дало: за резолюцию «10-ти»—336, за тезисы Троцкого—50, за «рабочую оппозицию»—18. После доклада комиссии при окончательном голосовании тезисы «10-ти» с нек-рыми внесенными комиссией поправками прошли всеми голосами против 16 голосов «рабочей оппозиции» и 4 воздержавшихся.

Резолюция по докладу Ленина о продналоге была принята без каких-либо принципиальных возражений, хотя концепция взглядов «рабочей оппозиции» предполагала принципиальную критику решенного партией поворота в экономической политике. Противопоставленная ленинской резолюция Фрумкина говорила, что излишки продовольствия, фуража и сырья, остающиеся у крестьянина после уплаты продналога, «могут быть уступлены государству в обмен на предметы личного потребления и хозяйственного обихода». Резолюция же съезда указывает, что излишки могут быть использованы «для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и с.-х. производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота». Вынесенной т. Лениным резолюции «о единстве партии» была противопоставлена резолюция «рабочей оппозиции», повторяющая обвинения ЦК в «недоверии к творческим силам рабочего класса».

После окончательного голосования резолюции о единстве и анархо-синдикалистском уклоне съездом, по предложению Владимира Ильича, была принята резолюция, в к-рой съезд призывает всех членов распущенной группы «рабочей оппозиции» подчиниться партийной дисциплине, обязывает их оставаться на порученных им местах.

XV. Партия в восстановительный период.

Перестройка рядов между X и XI съездами. Постановлением X партийного съезда о замене продразверстки продналогом партия возвращается к тем основам экономической

политики, которые были в общих контурах намечены еще в 1918 и к-рые были прерваны гражданской войной и военным коммунизмом. Весь период истории партии от X до XI съезда заполнен перестройкой всей экономической политики партии, практики ее работы в соответствии с новыми условиями революционной борьбы. Эта перестройка, невиданная по размаху в истории революционной партии, совершалась в тягчайших условиях катастрофического падения производительных сил, усугубленных неурожаем 1921, в условиях довольно значительного развития бандитизма, и при этом в кольце капиталистического окружения.

Первые декреты, переводящие экономическую политику партии на новые рельсы, касаются развития мелкого хозяйства—крестьянского и кустарно-промыслового — и развития местного товарооборота. Партия начинала с поднятия производительных сил крестьянского хозяйства. «Неотложнее всего,—писал Ленин,—теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 197). И далее: «всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить нек-рые крупные фабрики—настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, его невозможность противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое с. х-во» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 142). Другой специфической чертой этого периода является ставка на гос. капитализм, в форме прежде всего концессий, как на временное средство в борьбе с мелкобуржуазной стихией, пока не окрепнет крупное социалистическое производство. Ход событий, однако, скоро показал, что концессии не получают б. или м. широкого распространения.

Одновременно со стимулированием развития в известных, устанавливаемых пролетарским государством, пределах производительных сил мелкого хозяйства партия начинает напряженнейшую работу по приспособлению к новым условиям форм организации труда и производства в государственной промышленности. Здесь партии пришлось известный отрезок времени итти ощупью, экспериментировать. На практике перестройка форм управления и организации промышленности встречала противодействие и препятствия двоякого, противоположного порядка. С одной стороны, умами хозяйственников (да и не только хозяйственников) еще в значительной степени владели методы и традиции военно-коммунистического периода. Партийная печать того времени часто отмечает медленность в проведении новой экономической политики, косность и рутину аппарата, мешающего проведению нового курса экономической политики. С другой стороны, у ряда работников наблюдались противоположные тенденции — безудержного приспособленчества к рыночным условиям.

Партия должна была найти равнодействующую между принципами планового регулирования промышленности, что предполагало определенную степень централизации управления, и такими формами работы предприятий, к-рые давали бы им возможность проявления необходимых в рыночных условиях инициативы, самодеятельности, гибкости. Перед партией стояла задача концентрации производства. Основные твердые начала управления промышленностью в новых условиях были даны в августовском (1921) наказе СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики. Наказ устанавливает, какие предприятия остаются в ведении ВСНХ, устанавливает, что «эти предприятия ведутся на началах точного хозяйственного расчета»; наказ предоставляет предприятиям право реализовать часть продуктов собственного или подсобного производства для приобретения недостающих предметов снабжения. Наказ в то же время констатирует, что «осуществление намеченных директив в области непосредственной хозяйственной деятельности советских органов, проведение соответствующих директив и усвоение широкой массой партийных и советских работников новых начал экономической политики совершается слишком медленно и не идет тем темпом, которого требует тяжелое положение народного хозяйства».

Партийные конференции 1921. В период между X и XI съездами партии состоялись две всероссийские конференции РКП(б): в мае и декабре 1921. Майская конференция состоялась в гор. Москве 26 мая—1 июня 1921. В центре внимания майской конференции стоял вопрос об экономической политике, по которому доклады были сделаны Лениным (о продналоге), Милютиным, Хинчуком, Свидерским и Преображенским. Основная резолюция конференции «об экономической политике» признает новую экономическую политику «установленной на долгий, рядом лет измеряемый период времени и требует от всех проведения ее с безусловной тщательностью и добросовестностью». Резолюция делает главный упор на установление «систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием». В этом отношении решения майской конференции отражают определенный этап на пути развертывания товарооборота между городом и деревней: решения идут дальше местного товарооборота, предлагают «не стеснять правильной свободной торговли», но еще не дают формулы развертывания рыночных отношений. «Практической боевой задачей текущего года» резолюция определяет: «собрать путем продналога и товарообмена не меньше 400 млн. пудов хлебного фонда как

базу для восстановления крупной промышленности и осуществления плана электрификации» и сугубо подчеркивает важность «внимательного и всестороннего освещения и изучения... практического опыта мест и центра в деле хозяйственного строительства».

Декабрьская конференция состоялась в Москве 19—22 декабря 1921. Порядок дня: 1) очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства, 2) промышленность, 3) с. х-во, 4) кооперация, 5) предварительные итоги чистки партии, 6) вопросы Коминтерна. Резолюция об «очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства» содержит основные начала проведения в жизнь нового курса экономической политики во всех главнейших областях хозяйственной жизни. Она подводит итог завершенному в основном процессу перестройки экономической политики. Определяя «основную задачу РКП в данный момент в области хозяйства», резолюция указывает, что «теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевать свое решительное господство. Победа будет тем более решительной, чем более умело, систематично и планомерно будет пролетариат распоряжаться сосредоточенными в его руках—результат Октябрьской Революции—огромными средствами производства, чем крепче будет опирающийся на обмен между городом и деревней союз пролетариата и крестьянства, чем быстрее научатся передовые элементы рабочего класса вести борьбу на новой почве, новыми приемами, используя новую обстановку, становясь руководителями новых отраслей работы».

Перестройка в рядах партии шла по трем руслам: а) усвоение партией сущности нэпа, б) приспособление методов и практики работы к новым задачам, поставленным нэпом, в) чистка рядов партии. Переход к нэпу, поворот от военно-коммунистических методов хозяйствования к рыночным отношениям вызвал в партии ряд процессов. В начале поворота к нэпу новый курс экономической политики частью партии воспринимается как сплошное отступление, как поражение революции. На базе такого восприятия нэпа развиваются два, противоположных по своим внутренним тенденциям отклонения от правильного понимания политики партии. Отклонение первого типа в партийной печати получает определение «экономики обывательщины». В «Правде» отмечалось, что среди нек-рой прослойки крестьянской части партии замечается «стремление... бросить партийную и советскую работу и, уйдя на „свой“ клочок земли, поставить на нем образцовое хозяйство в интересах возрождения производительных сил Советской республики» («Правда» от 18/IX 1921).

Другое отклонение от правильного понимания партийной политики основывалось на традициях военного коммунизма и содержало в себе элементы революционной романтики. Переход от методов «раскулачивания» и экспроприации к методам преимущественно экономической борьбы с частно-капиталистическими элементами некоторыми группами партийцев воспринимался как отказ от ряда принципиальных положений коммунистической тактики и стратегии, как капитуляция перед мелкобуржуазной стихией. Пропитанная иллюзиями военного коммунизма, эта прослойка не могла правильно воспринимать характер и значение будней революции, не могла сразу приспособиться к замедлившемуся темпу развития революции. Правильная линия усваивалась партией в процессе преодоления упомянутых двух отклонений.

Необходимость приспособления методов и практики работы к новым задачам, поставленным нэпом, потребовала от партии уменья круто изменить установку всей своей работы. Партийная организация впервые должна была вплотную заняться вопросами практического хозяйственного строительства. В силу этого переход к новым формам работы на практике не мог, конечно, произойти быстро. В «Правде» от 22/VII 1921 т. Молотов пишет: «Партийная организация остается в роли партийного аппарата и пропагандиста, стоящего рядом, стоящего около, стоящего везде, иногда стоящего над работой соответствующих хозяйственных органов. Нет в этом вопросе сильного, ясного и постоянного практического влияния партии, к-рое в настоящий момент является крайней необходимостью, насущной потребностью, важнейшей задачей для пролетарской революции».

В связи с нэпом был поставлен и вопрос о чистке рядов партии. Условия гражданской войны, ее победоносный ход вовлек в партию громадное количество новых членов, при чем в период 1919—20 рост партии шел преимущественно за счет непролетарских элементов. Партия должна была почиститься от той ее части, к-рая в условиях противоречий нэпа легко могла поддаться разложению, к-рая неспособна была проводить твердую пролетарскую линию в новых сложнейших условиях борьбы партии. Чистка должна была оказать громадное действие в смысле укрепления связи партии с рабочими массами. Чистка являлась в этом смысле звеном в работе по осуществлению лозунга «к массам», данного в воззвании ЦК от 25 марта 1921.—Исключая Туркестан, общая цифра членов партии и кандидатов составляла 658.938. После чистки осталось 499.484 члена партии и 5.173 кандидата. Всего было исключено (без Туркестана) 136.386 — 20,7% всего количества членов партии; добровольно ушло 17.796 — 2,6%. Всего было исключено и ушло добровольно 154.182 — 23,3% всего количества членов партии (цифры по Туркестану: до чистки—49.206, исключено 10.036, переведено в кандидаты 3.229, ушло добровольно 1.758). Рабочих было исключено 27.807—20,7% общего числа исключенных, из них 12.955, или 10,4%, «б. или м. связанных с работой у станка»; крестьян 60.980 — 44,8% общего числа исключенных, из них 37.355 непосредственно занимающихся земледелием;

интеллигентов и служащих 42.559. В результате чистки процент рабочих в партии в промышленных губерниях увеличился с 47% до 53% с лишним, в земледельческих губерниях—с 31% до 38%.

XI съезд партии. Съезд состоялся 27 марта — 2 апреля 1922. Присутствовало с решающим голосом 522 делегата и с совещательным—165. Порядок дня: 1) политический отчет ЦК, 2) организационный отчет ЦК, 3) отчет Ревизионной комиссии, 4) отчет ЦКК, 5) отчет Коминтерна, 6) итоги чистки и укрепления партии, 7) профсоюзы, 8) финансовая политика, 9) выборы ЦК и ЦКК. Были приняты резолюции: 1) по докладу ЦК, 2) по отчету делегации РКП в Коминтерне, 3) о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики, 4) о финансовой политике, 5) о работе в деревне, 6) об укреплении и новых задачах партии, 7) по докладу о задачах и цели контрольных комиссий, 8) по вопросу о РКСМ, 9) о печати и пропаганде, 10) по вопросу о работе среди работниц и крестьянок, 11) постановления по вопросу об укреплении Красной армии, 12) о некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции». Кроме того, было принято «положение о контрольных комиссиях» и «положение о Центральной ревизионной комиссии»; была утверждена резолюция декабрьской конференции РКП(б) 1921 по вопросу об укреплении партии в связи с учетом опыта поверки личного состава ее, а также практические предложения по организационным вопросам партстроительства (резолюция совещания секретарей обкомов, облбюро и губкомов РКП) как дополнение к резолюции об укреплении партии в связи с ее чисткой.

Съезд показал большое укрепление единства партии, консолидацию ее сил на основе ленинского руководства. Принятая съездом резолюция всецело одобряет политическую и организационную линию ЦК, «обеспечившую партии максимальное единство и сплоченность в коренных вопросах, связанных с труднейшим поворотом в русской и мировой пролетарской революции (новая экономическая политика, новые задачи профсоюзов, борьба с мелкобуржуазным анархосиндикалистским уклоном, чистка партии и т. п.)». Эта резолюция была принята единогласно при 4 воздержавшихся. Резолюция дает основную директиву о «дальнейших перспективах экономической политики партии». Съезд констатировал, что «всей суммой проведенных и намеченных за последний год мер исчерпываются признанные партией необходимыми уступки частнохозяйственному капитализму, признает в этом смысле отступление законченным и считает очередной задачей перегруппировку партийных сил, с целью обеспечить полностью практическое проведение в жизнь принятой партией политики». Резолюция «рабочей оппозиции» по докладу ЦК не собрала ни одного голоса.

Резолюция съезда о финансовой политике по существу охватывает все основные проблемы экономической политики (развитие гос. промышленности, развитие товарооборота между городом и деревней и т. д.), поскольку в финансовом вопросе все эти проблемы концентрировались, как в фокусе. «Советское государство,—читаем мы в резолюции, — должно радикально и в кратчайший срок „разгрузиться“ и сохранить в руках пролетариата основные командующие отрасли народного хозяйства (транспорт, банк, уголь, нефть, металл, ткань), либо целиком удерживая за государством наиболее мощные предприятия в этих отраслях, либо обеспечивая свое фактическое неоспоримое господство соответственными методами в случае долевого участия частного капитала в государственных предприятиях и их объединениях».

Много внимания съезд уделил задачам партстроительства. «Работа партии в условиях новой экономической политики приводит к новым сложным явлениям. Часть „коммунистов“-крестьян с мелкобуржуазной психологией начинает отходить от партии, ибо партия только стесняет их как мелких хозяев. Мелкобуржуазная волна тянет за собой некоторые другие элементы и даже неустойчивых рабочих. Среди некоторых, преимущественно непролетарских элементов наблюдаются упадочные настроения, дезертирство из партии и т. п.; партия должна решительно и беспощадно бороться с такого рода явлениями. При правильной линии со стороны основного ядра партии состав партии в благоприятных условиях станет не менее, а более однородным и пролетарским». Решения съезда указывают, «что в ближайший год или в ближайшие годы РКП безусловно должна уделить свое внимание не столько увеличению количества своих членов, сколько улучшению качественного их состава». Съезд изменил условия приема в партию в сторону затруднения вступления в партию «не чистопролетарским элементам». «Главное внимание партработы должно быть перенесено на р а б о ч у ю среду». Решения съезда уделяют много внимания вопросам коммунистического воспитания массы членов партии, повышению теоретического уровня и т. д.

Резолюция съезда «о нек-рых членах бывшей „рабочей оппозиции“» завершила борьбу партии с «рабочей оппозицией» как с определенным внутрипартийным течением. Распыление и раздробление «рабочей оппозиции», ее изоляция в партии лучше всего показывали консолидацию партии к моменту XI съезда. Незначительная группа лиц, продолжавших, несмотря на предостерегающий голос всей партии, стоять на платформе «рабочей оппозиции», и после X съезда партии не прекратила свою фракционную работу. В докладе специально выделенной комиссии XI съезду РКП по вопросу о «рабочей оппозиции» говорится, что «налицо была организация группы „рабочей оппозиции“ внутри партии, она имела даже секретаря, рассылались циркулярные письма, на местах поддерживалась разлагающая организацию работа, отношение членов этой подпольной организации к ЦК партии было самое антипартийное, возмутительное, не товарищеское; подготовляли лишь наиболее удачный момент для раскола». До XI съезда, 26 февраля 1922 группа «рабочей оппозиции» подает в президиум расширенного заседания

ИККИ «заявление 22-х», в котором говорится, что руководящие центры РКП ведут непримиримую разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры, что «стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется „анархо-синдикализмом", а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию» и т. п. «Положение дела в нашей партии,—кончается заявление,—настолько тяжелое, что побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии». Заявление было подано без предварительного извещения ЦК и рус. делегации в Коминтерне. Пленумом ИККИ была выделена комиссия, к-рая заслушала представителей ЦК и группы «рабочей оппозиции». На комиссии ИККИ представители 22-х выдвинули пятнадцать пунктов обвинения против ЦК. Итог был сформулирован так: РКП идет навстречу полной изоляции от рабочих. Рабочие покидают партию. Партия становится мелкобуржуазной. На заседании комиссии Марсель Кашен записал, кроме того, следующее: «Шляпников заявил нам: вам, т. е. иностранцам, показывают казенные зрелища, но это только видимость. На самом деле происходит могучее стачечное движение. Рабочий класс рвет с нынешним правительством. Волна возмущения, как видите, очень серьезна». По докладу комиссии пленумом ИККИ единогласно (при 4 воздержавшихся) была принята специальная резолюция.

Давая исчерпывающую характеристику фракционной работы и антибольшевистской сущности взглядов «рабочей оппозиции», XI съезд постановил «присоединиться к постановлению ИККИ в отношении тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай и поручить ЦК в случае проявления со стороны этих товарищей в дальнейшем подобного антипартийного отношения исключить упомянутых товарищей из партии». Митина и Кузнецова съезд постановил исключить из партии.

Хозяйственная обстановка 1921—23. Неурожай наложил печать на итоги хозяйственного развития 1921. Вот почему народное хозяйство в важнейших своих отраслях за 1921 осталось почти на уровне 1920. Особенно тяжелым был 3-й квартал этого года, когда наиболее остро сказывались последствия неурожая. Некоторое улучшение начинается с 4-го квартала. Хотя это улучшение было еще в абсолютных числах невелико, но оно было значительно в сравнении с 3-м кварталом.—XI съезд происходил при наличности все еще тяжелых общих хозяйственных условий. На протяжении всего 1921/22 наблюдается низкий уровень цен на промышленные товары, которые оказываются ниже довоенных, а одновременно с этим наблюдается «острый недостаток зерновых хлебов». Весь 1921/22 прошел под знаком неурожая 1921, к-рый частично (на $1/6$ посевной площади) оказался к тому же повторным. Низкая урожайность (29 пуд. с десятины) действовала в том же направлении. Положение меняется с первой четверти 1922/23 хозяйственного года. Это был первый в условиях нэпа урожайный год, преимущественно в области зерновых хлебов. После падения промышленных цен начинается их повышение и одновременное стремительное падение цен на хлеб.

За эти два года беспрерывно шел процесс приспособления промышленности к новым условиям, к хозяйственному расчету. Это были, конечно, только первоначальные успехи. Промышленность продолжала страдать от чрезвычайно высоких накладных расходов, от разбухших штатов.

12 партийная конференция (август 1922). Конференция состоялась в Москве 4—7 августа 1922. Присутствовало 129 делегатов с решающим голосом и 28 делегатов—с совещательным. Порядок дня: 1) о международном положении, 2) о профсоюзах, 3) партработа в кооперации, 4) об антисоветских партиях и течениях, 5) принятие устава партии, 6) об улучшении материального положения членов и работников партии. Были вынесены резолюции и постановления по следующим вопросам: 1) принять новый устав партии, 2) о задачах партии в кооперации, 3) об антисоветских партиях и течениях, 4) об итогах работы профсоюзов, 5) о международной политике, 6) об улучшении материального положения членов РКП, 7) о материальном положении активн. партработников, 8) о IV конгрессе Коминтерна. Резолюция о задачах партии в кооперации отмечает, что потребительская кооперация «является наиболее широкой ареной для осуществления экономического союза рабочих и крестьян». Высказываясь против обособленной системы рабочей кооперации, резолюция ставит задачей «добиться решающего влияния своих классовых организаций на потребительскую кооперацию в целом, при одновременно максимальном внимании к делу улучшения снабжения рабочих и укрепления рабочих кооперативов». Большое внимание резолюция уделяет мероприятиям по согласованию работы различных видов кооперации. Резолюция об антисоветских партиях и течениях указывает, что последние «частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую деятельность в своих контр-революционных интересах и держат курс на „врастание" в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению». В резолюции о профсоюзах констатируется, «что, несмотря на ряд практических дефектов и нек-рых уклонений, вытекающих как из неправильного толкования резолюций съезда, так равно и из сложности обстановки, вся практика осуществления намеченных XI съездом задач профсоюзов целиком подтвердила правильность линии XI съезда РКП».

XII съезд (апрель 1923). Съезд состоялся в Москве 17—25 апреля 1923. Присутствовало с решающим голосом 408 делегатов и с совещательным — 417. Порядок дня: 1) отчет ЦК: а) политический, б) организационный, 2) отчет Ревизионной комиссии, 3) отчет ЦКК, 4) отчет российского представи-

теля в Исполкоме Коминтерна, 5) о промышленности, 6) национальные моменты в партийном и государственном строительстве, 7) налоговая политика в деревне, 8) о районировании, 9) выборы центральных учреждений. Помимо этих вопросов, резолюции приняты по следующим вопросам: 1) о задачах РКИ и ЦКК, 2) по организационному вопросу, 3) по вопросам пропаганды, печати и агитации, 4) о постановке антирелигиозной агитации и пропаганды, 5) о работе РКП в деревне, 6) о работе РКП среди работниц и крестьянок, 7) о работе РКСМ.

XII съезд работал без непосредственного участия В. И. Ленина. Но на его работах непосредственные указания Ленина сказались не в меньшей мере, чем на тех съездах, в которых Ленин участвовал лично. Громадную роль в работах съезда сыграли записки Ленина по национальному вопросу и статья «Как нам реорганизовать Рабкрин».— К XII партсъезду налицо было хотя еще медленное, но все более и более прочное улучшение хозяйственного положения. В виду этого XII партийный съезд мог уже констатировать «признаки начавшегося хозяйственного возрождения страны». Одновременно улучшалось и международное положение Советского Союза в упрочении хозяйственных связей с капиталистическими странами и в растущем количестве признаний Советского государства «де юре».

Резолюция по докладу ЦК констатирует, что «партия завоевала безраздельную поддержку со стороны всего пролетариата, внушив доверие к работе РКП даже тем более отсталым слоям рабочих, к-рые в течение пяти лет революции так или иначе чуждались работы коммунистов и с известным скептицизмом относились к Советской власти». Резолюция, отмечая улучшение экономического положения страны, указывала, что «начинается период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при нэпе, значение к-рого усвоено всей партией». Резолюция так формулирует «важнейшую политическую задачу, стоящую перед партией»: «с величайшим вниманием и тщательностью оберегать и развивать союз рабочего класса с крестьянством. Под этим углом зрения партия должна подходить к разрешению всех важнейших очередных проблем, не упуская из виду, что удельный вес гос. промышленности во всей экономике страны может увеличиваться лишь постепенно и лишь при неуклонной и систематической работе партии над улучшением организации промышленности, повышением ее прибыльности и т. д.».

Проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства затрагивается во всех основных резолюциях съезда. Резолюция «О работе РКП в деревне» останавливает внимание партии на процессе расслоения деревни: «созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения, затрудняя развитие значительной части маломощных крестьян и вызывая объединение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства. Начинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит с.-х. инвентаря, семян и скота на тяжелых, ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т. п. С развитием социально-экономических отношений, создаваемых новой экономической политикой, удельный вес кулачества все более и более растет». Резолюция намечает задачи укрепления и развития кооперации в деревне, особенно с.-х. кооперации, развития государственного и кооперативного кредита. По вопросу о коллективизации резолюция говорит: «с.-х. товарищества, артели и коммуны должны получить преимущественную поддержку государственных органов, в особенности поскольку они являются хозяйственными объединениями беднейших слоев крестьян».

Резолюция по докладу ЦК ставит перед партией задачу «радикальной переделки и систематического улучшения всего госуд. аппарата». Эта задача «впервые теперь, после полного окончания гражданской войны, может быть поставлена партией на очередь, как первостепенная задача, которая будет выполнена лишь в течение ряда лет и лишь при величайшей осторожности и продуманности предпринимаемых мер реорганизации». Эти меры реорганизации намечены в специальной резолюции съезда «О задачах РКИ и ЦКК»; задачи в отношении сов. аппарата в деревне изложены в резолюции «Задачи РКП в деревне».— Резолюция о промышленности особо подчеркивает задачу «достижения более отвечающей потребностям промышленного развития регулировки цен на основах рынка, установление более нормальных соотношений между отраслями легкой промышленности и теми отраслями промышленности и сельского х-ва, которые поставляют ей сырье, наконец, выравнивание фронта тяжелой промышленности и легкой... таковы, — говорится в резолюции,—коренные задачи государства в области промышленной деятельности в наступившем ныне втором периоде нэпа».—Резолюция съезда по национальному вопросу заострена против великодержавного шовинизма. Пережитки великодержавного шовинизма резолюция квалифицирует как «отражение былого привилегированного положения великороссов». «Эти пережитки живут еще в головах наших советских работников, центральных и местных, они гнездятся в наших государственных учреждениях, в центральных и местных, они получают подкрепление в виде „новых“ сменовеховских великорусско-шовинистических веяний, все более усиливающихся в связи с нэпом». Резолюция отмечает «фактическое, т. е. хозяйственное и культурное неравенство национальностей Союза Республик» и указывает, что «преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи рус. пролетариата отсталым народам Союза в деле хозяйственного и культурного преуспеяния». Одновременно с заострением внимания на борьбе с великодержавничеством, резолюция указывает на необходимость преодолеть «пережитки национализма в среде целого ряда народов, прошедших тяжкое

иго национального гнета и не успевших еще освободиться от чувства старых национальных обид».

Партийная дискуссия 1923 — 1924. Дискуссия развернулась в конце 1923 в условиях хозяйственного кризиса осени этого года — первого в условиях нэпа кризиса, серьезно затронувшего взаимоотношения рабочего класса и крестьянства. Кризис этот вызвал мелкобуржуазные колебания в отдельных слоях рабочего класса и части партии. Рупором мелкобуржуазного давления на партию выступает троцкизм. — Хозяйственный кризис осени 1923 поставил коренной вопрос о внутренних силах революции, тем более, что поражение германской революции и перспектива неизбежного временного укрепления мировой капиталистической системы с особой настойчивостью и во всей широте выдвигали вопрос о внутренних ресурсах революции. Троцкизм в этом вопросе занимает позицию, в основном совпадающую с меньшевистской. Троцкизм не только недооценивает революционной роли основных масс крестьянства в социалистической революции, он по существу отрицает возможность руководства пролетариата крестьянством в социалистической революции. В этом заключается подлинная ликвидаторская сущность теории «перманентной революции» Троцкого. Подобно меньшевизму, троцкизм находится в плену формулы, что мелкое крестьянское хозяйство в условиях капитализма неизбежно должно развиваться по капиталистическому пути, не будучи в состоянии понять, «как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса» (Ленин); он игнорирует факт, что в условиях диктатуры пролетариата взаимодействие крупного социалистического производства и мелкого крестьянского хозяйства, при условии правильной политики господствующего пролетариата, обеспечивает возможность социалистической переделки крестьянского хозяйства. Но непонимание и отрицание возможностей социалистического развития крестьянского хозяйства, утверждение о неизбежности его капиталистического развития равносильно признанию объективно неизбежного капиталистического перерождения революции, т. е. равносильно отрицанию ее социалистич. характера.

Обстановка гражданской войны, иллюзии периода военного коммунизма о форсированном переходе к социализму, ожидание скорой победы революции в странах капитализма — все это отодвигало на известный срок коренные расхождения между ленинизмом и троцкизмом в оценке судеб нашей революции. Но эти разногласия должны были развернуться с развитием нэпа, при определившейся затяжке мировой революции, когда вопрос о месте и роли крестьянства в социалистической революции, о возможностях социалистического развития деревни, а тем самым и вопрос о внутренних силах и характере революции встал как решающий для ее дальнейших судеб. Кризис осенью 1923, поставивший коренные вопросы отношений рабочего класса и крестьянства, должен был дать весьма сильный толчок к выявлению всей глубины расхождений между ленинизмом и троцкизмом. — Кроме указанной основной причины, определенное влияние на возникновение дискуссии имело поражение германской революции, вызвавшее известную депрессию в настроениях массы членов партии. — Другая причина — большой удельный вес в партии непролетарских элементов, более восприимчивых к мелкобуржуазным влияниям. Громадный рост доверия рабочего класса к партии к моменту дискуссии не нашел еще организационного закрепления в виде притока в партию новых рядов рабочих. Процент рабочих в партии оставался примерно стабильным. Партийные организации на предприятиях «обрастают» большими кадрами активистов, сочувствующими партии и численно сплошь и рядом превышающими сами партийн. организации, тогда как парт. организации остаются относительно весьма тонкой прослойкой среди массы рабочих. Напр., на фабрике Гужон в Москве на 2.500 рабочих приходилось 78 членов партии, на Путиловце соответственно — 5.200 и 198, на Обуховском — 3.600 и 129, на Балтийском судостроительном — 3.250 и 174, на Златоустинском заводе (Челябинск) — 4.250 и 66, на Луганском паровозостроительном — 3.300 и 148. К моменту дискуссии в рабочих ячейках состояло меньше $^1/_6$ части всего количества членов партии. Известное значение имели также пережитки военно-коммунистического периода в работе партийных организаций, известный отрыв последних от рабочих масс и недостаточное развитие внутрипартийной демократии в соответствии с возможностями ее развертывания по прошествии двух с половиной лет относительно мирного хозяйственного строительства и развития.

В дискуссии 1923 троцкизм выступает как «гегемон» антиленинских течений. «Рабочая оппозиция» как течение не выступала в дискуссии; после ударов, нанесенных ей X и XI съездом, «рабочая оппозиция» уже не могла оправиться, она сходит с партийной арены, вырождаясь в антипартийные группировки типа «рабоче-крестьянской социалистической партии» Панюшкина в 1921 и «рабочей группы» в 1923. Группа «демократического централизма» выступает вместе с Троцким, растворяясь в троцкистской группе. Эта «гегемония» троцкизма в антибольшевистском лагере внутри партии объясняется двумя причинами: с ходом развития революции совершенно неизбежным являлось сближение отдельных мелкобуржуазных течений на общей базе борьбы с большевистскими основами партии, а затем эта «гегемония» была куплена троцкизмом ценой его дальнейшей антипартийной эволюции — эволюции, к-рая должна была «удовлетворить» и осколки группы демократического централизма.

В дискуссии 1923 троцкизм выступает как представитель мелкобуржуазного течения в международном масштабе, закладываются основы международной троцкистской фракции, которая вполне оформляется в 1926, чтобы очень быстро потерпеть полный крах.

Основные проблемы дискуссии 1923 Основные проблемы дискуссии можно свести к трем группам: а) перспективы пролетарской революции в свете вопроса об отношениях рабочего класса и крестьянства, б) вопросы экономической политики и социалистического строительства и в) организационные принципы большевизма. Была и еще одна линия разногласий — вопросы Коминтерна, главным образом, вопросы германской революции, но эти вопросы в массовой дискуссии в партии нашли относительно меньшее отражение. — Надо оговориться, что формально вопрос о судьбах и перспективах революции в дискуссии по примеру дискуссии 1926—27 не ставился. Но в спорах того времени легко установить именно эту линию разногласия. В основном все важнейшие элементы последующей дискуссии с троцкистским оппозиционным блоком налицо были уже в 1923. Разница здесь та, что в 1923 разногласия развивались на базе противоречий восстановительного процесса. В 1926—1927 те же разногласия «воспроизводились» на базе реконструктивного периода, на этапе, когда и противоречия нэпа и трудности строительства воспроизводились на более высоком уровне развития.

Резолюция ЦК «об очередных задачах экономической политики», как этого требует ленинизм-марксизм, ищет объяснение кризиса 1923 прежде всего в экономических и классовых отношениях. ЦК возникшие затруднения рассматривает как «кризис отношений рабочего класса и крестьянства, отношений промышленности и города к сельскому хозяйству и деревне». Платформа оппозиции объяснение кризиса ищет не в экономике и не в классах, а в головах товарищей, руководящих хозяйством,— в недостатках планирования. «Главными причинами настоящего кризиса являются: а) хаотичность нашего промышленного строительства, б) случайная и неправильная кредитная политика» (из оппозиционной резолюции на моск. собрании 29 дек.). А указания на объективные условия возникновения кризиса представителями оппозиции отводятся как попытка «аппаратно-бюрократического» прикрытия ошибок планового руководства.

Выход из кризиса платформа ЦК ищет в определенных мероприятиях, долженствующих устранить недовольство крестьянства, выравнять экономическую политику пролетариата и укрепить отношения рабочего класса и крестьянства. — Троцкизм выход из кризиса видит только и исключительно в усилении плановости. «Партийная мысль,— говорит Троцкий в предисловии к «Новому курсу»,—еще не подошла вплотную к основным вопросам и трудностям централизованного планового руководства хозяйством... Между тем от успешности такого руководства зависит судьба революции—полностью и целиком». Троцкизм при этом проявляет полное непонимание того, как реально достигается усиление плановости, что усиление плановости в народном хозяйстве означает повышение удельного веса государственного сектора народного хозяйства, прежде всего, крупной государственной промышленности, что усиление этой последней, в свою очередь, зависит от соотношения промышленности и с. х-ва и т. д. Троцкизм не видит составных элементов, из к-рых составляется реальный план хозяйства, а оперирует с одним только логическим понятием «плана». Троцкизм, больше всех ратующий за план, проглядел такую важную составную часть борьбы за план, как денежную реформу, само проведение которой для троцкистов является примером «бесплановости в нашем хозяйстве» (из речи Преображенского на 13 партконференции).

Как в профсоюзной дискуссии троцкизм не видел классов, а видел только аппарат, методы и навыки и т. п., так и в дискуссии 1923 троцкизм видит только некий абстрагированный от соотношения классовых сил план, учреждения, проводящие планы, но не видит рабочего класса, не видит крестьянства. — «Социалистическое накопление, — говорит резолюция ЦК об экономической политике, — является основным и решающим фактором для судеб пролетарской диктатуры при нэпе». Одним из важнейших источников этого накопления является крестьянское хозяйство; определенная перекачка средств из с. х-ва в сферу промышленности является совершенно неизбежной. Но объем и размеры этой перекачки должны держаться на таком уровне, чтобы крестьянское хозяйство могло успешно развиваться, чтобы было возможно сотрудничество рабочего класса и крестьянства в деле социалистического строительства. Вовлечение крестьянства в это строительство, его социалистическая переделка возможны только при условии, что крестьянину будет действительно выгодно двигаться вместе с пролетариатом. «Ошибочно с точки зрения социалистического строительства, когда в цены продуктов, сверх себестоимости и необходимой минимальной прибыли, включаются расходы на такое быстрое восстановление и расширение основного капитала, которые явно не под силу в данный момент основной массе населения страны. Необходимо в дальнейшем в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком и темп развития промышленности согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка» (там же). Это был основной вывод, который сделал Центральный Комитет из создавшихся хозяйственных затруднений.

Оппозиция выступает против курса ЦК на снижение цен. Тов. Пятаков на 13 партконференции отстаивает правильность данного им в июле 1923 циркуляра ВСНХ, предлагающего «всем правлениям трестов и органов ВСНХ принять все необходимые меры к тому, чтобы наше государство получило от своих промышленных предприятий наибольшую прибыль». В этих спорах о политике цен нашли свое отражение две диаметрально-противоположные точки зрения—ленинизма и троцкизма—на соотношение крупного социалистического производства и мелкого крестьянского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата.

Теоретик троцкизма в области экономических вопросов, Преображенский считает нелепым, что «социалистическая система и система частнотоварного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе экономического равновесия между ними». «Такое равновесие,—говорит он, — длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую» («Основной закон соц. накопления», «Вестник Коммунистич. Академии», № 8, 1924, стр. 78). Т. о., согласно взглядам троцкизма, нет принципиальной разницы между частнокапиталистич. х.-вом и мелкотоварным крестьянским,— обе эти экономические категории троцкизм объединяет под понятием частного хозяйства, которое должно «пожираться» социалистическим сектором хозяйства. — Приравнение отношения социалистического крупного производства к мелкому, к отношениям крупного и мелкого хозяйства в капиталистическом обществе находит свое яркое выражение в обосновании Преображенским возможности и необходимости политики высоких цен. «Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же, в результате ликвидации свободной конкуренции, приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промышленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплоатации мелкого производства и тем подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления» (там же, стр. 79).

В этой постановке вопроса мы видим резкую противоположность ленинскому взгляду на такое строительство социализма, «чтобы каждый мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». Ибо исходная точка в «теории пожирания», это—отрицание возможности социалистической переделки крестьянского хозяйства. В основе этих взглядов лежит меньшевистское утверждение о неизбежности капиталистического развития деревни — с той только разницей, что из этой общей посылки меньшевики выводят непосредственно капитулянтский лозунг «шире дорогу капитализму», а троцкизм—авантюристический лозунг пожирания мелкого крестьянского хозяйства во славу социализма,—авантюризм, который в конечном итоге приводит к тому же меньшевистскому капитулянтству.

Несомненно, что именно разобранная нами система взглядов троцкизма на развитие крестьянского хозяйства лежала в основе того ликвидаторского пессимизма, который, несмотря на канонаду ультралевых фраз, проглядывает в оппозиционных документах. Этот пессимизм проявляется в оценке общего положения страны. Заявление 46-ти констатирует, что мы «не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым общим экономическим кризисом». Пессимизм проявляется в громадной переоценке удельного веса и сил частнокапиталистического хозяйства. «Истекшие $2^1/_2$ года проведения новой экономической политики,—читаем мы в поправках т. Пятакова к резолюции 13 партконференции об очередных задачах экономической политики,—на практике целиком подтвердили обоснованность опасений партии: оба начала развивались вместе с подъемом производительных сил страны, при чем зародыш товарно-капиталистической системы значительно вырос, окреп и грозит в дальнейшем в своем развитии неисчислимыми опасностями лишь только еще складывающимся зачаткам социалистической системы хозяйства».

Пессимистическая оценка перспектив социалистического развития, неверие в строительство социализма, лежит также в основе троцкистских рассуждений об опасностях перерождения старых кадров большевизма, о к-ром Троцкий говорит в письме «к партийным совещаниям», беря «наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии 2 Интернационала». Всякое мелкобуржуазное течение по самой сущности своей не в состоянии дать какую-либо цельную положительную программу революционного строительства. Б. или м. стройную систему оппортунистических взглядов оппозиция проявила в области ревизии организационных принципов большевизма, но она оказалась исключительно бесплодной, тонущей в противоречиях, когда она пыталась дать программу хозяйственного строительства в противовес экономич. платформе ЦК. С одной стороны, оппозиция, напр., выдвигает в корне неверный лозунг «диктатуры промышленности», к-рый в данной обстановке являлся синонимом теории пожирания крестьянского хозяйства. С другой стороны, оппозиция предлагает «широкую товарную интервенцию» из-за границы (резолюция 29 декабря), что неизбежно должно было вызвать свертывание промышленности. На 13 партконференции Пятаков отстаивает курс на наибольшую прибыль, а в резолюции оппозиции 29 декабря дается отрицательная оценка упомянутого приказа т. Пятакова.

Борьба с партаппаратом была самым боевым лозунгом оппозиции. Почти все статьи в «Новом курсе» Троцкого в том или ином виде трактуют вопрос о партаппарате. «В аппарате, каким он оказался на пороге нынешнего кризиса, черты бюрократизма достигли чрезвычайного, поистине опасного развития». «Партийный аппарат, несмотря на идейный рост партии, продолжал упорно думать и решать за нее» и т. д. В троцкистской атаке на партийный аппарат надо различать две стороны. С одной стороны, стратегическая цель дискредитирования партаппарата заключалась в дискредитации вообще старых кадров партии, составляющих костяк партийного руководства. Здесь мы имеем продолжение, вернее важнейшую составную часть стремления троцкизма развенчать большевизм, «пересмотреть» партийную историю. Эта тенденция нашла свое яркое выражение в приравнении «эпохи нового курса» в смысле своего значения к «четвертьвековой доктябрьской подготовке», а также в следующем

утверждении Троцкого: «Ни Октябрь, ни Брест-Литовск, ни создание регулярной рабоче-крестьянской армии, ни продразверстка, ни нэп, ни Госплан не были и не могли быть предопределены или предрешены марксизмом или дооктябрьским большевизмом». С др. стороны, борьба с партаппаратом выражала мелкобуржуазный протест против централизации партии, против самой основы большевистского построения партии. «Партия должна подчинить себе свой аппарат» («Новый курс»)—в этом центральн. тезисе оппозиции содержится принципиальное отрицание большевистского понимания партийного руководства, небольшевистское противопоставление партии партийному руководству.

С отношением оппозиции к партийному аппарату неразрывно связана ее позиция в вопросе о допустимости фракций и группировок в партии. Оппозиция не только теоретически декларировала допустимость группировок, но практически строила фракцию, к-рая себя противопоставляла партии и ее Центральному Комитету.

Платформа троцкизма подвергает ревизии также большевистское понимание роли пролетарской части партии как основного ее ядра, по к-рому партия должна равняться. В «Новом курсе» Троцкий говорит: «Фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии и что наиболее активные элементы партии изъемляются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, не позволяет партии пока еще к несчастию опираться только или даже преимущественно на производственные ячейки... вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время. Партии придется следовательно в ближайший период обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки р а з н о г о состава». В приведенном тезисе Троцкого чрезвычайно ярко выступает его глубокое неверие в силы партии и рабочего класса: об этом лучше всего говорит его утверждение, что в ближайшее время пролетарская часть партии не может значительно вырасти.—Наряду с понижением роли пролетарской части партии, с развенчиванием большевистских кадров, Троцкий превозносит роль партийной молодежи. «Молодежь — вернейший барометр партии», определяет Троцкий. Среди этой молодежи он особо выделяет роль учащейся молодежи, которая в большинстве своем к тому времени была из непролетарской среды. «Учащаяся молодежь,—пишет он,—вербуемая из всех слоев и прослоек советской общественности, отражает в своем пестром составе все плюсы и минусы наши, и мы были бы тупицами, если бы не прислушивались внимательнейшим образом к ее настроениям... И совершенно напрасно сейчас наиболее ретивые аппаратчики фыркают на молодежь. Она—наша проверка и наша смена, и завтрашний день за ней». Троцкий противопоставляет молодежь старой гвардии большевизма, пытаясь, так. обр., расшатать большевистские традиции партии.

В вопросах герм. компартии троцкизм поддерживает правое крыло герм. компартии, допустившее в развернувшихся событиях ряд тягчайших оппортунистических ошибок. Троцкизм блокируется с правыми и в польской компартии и во французской. Троцкизм к моменту дискуссии 1923 еще не имел какой-либо оформленной международной платформы, он только устанавливал организационные связи. Поддержка троцкизмом открыто правых группировок в секциях Коминтерна лучше всего иллюстрировала идейное родство «левых» и правых отклонений от большевизма.

Ход дискуссии. Весь ход дискуссии можно разбить на два периода: первый период—до опубликования резолюции Политбюро по вопросам партстроительства и письма Троцкого о «Новом курсе», и второй период — период развернутой дискуссии в партии. Правда, дискуссия в ячейках началась еще до опубликования резолюции Политбюро, но до этого времени она не носила столь массового характера. — Вопрос о внутрипартийной демократии возник еще на сентябрьском пленуме ЦК в сент. 1923. На этом пленуме была выделена комиссия т. Дзержинского, которой поручено было проработать этот вопрос. Т. о., сама постановка вопроса возникла по инициативе Центрального Комитета партии. В октябре одно за другим в ЦК поступают письмо Троцкого и заявление 46-ти, в которых Центральному Комитету предъявляется обвинение в доведении страны до общеэкономического кризиса, в полном отсутствии с его стороны руководства хозяйством, в групповой политике.

15 октября собирается пленум ЦК и ЦКК с представителями 10 парторганизаций пролетарских районов. На пленум вызываются представители 46-ти. Пленум ЦК и ЦКК по поводу заявления 46-ти и письма Троцкого принял особое постановление, в к-ром, между прочим, говорится: «Пленумы ЦК и ЦКК и представители 10 парторганизаций решительно осуждают заявление 46-ти как шаг ф р а к ц и о н н о - р а с к о л ь н и ч ь е й политики, принявшей такой характер хотя бы и помимо воли подписавших это заявление. Заявление это грозит поставить всю жизнь партии на ближайшие месяцы под знак внутрипартийной борьбы и тем ослабить партию в момент, наиболее ответственный для судеб международной революции». В то же время пленум принял следующее постановление: «Пленумы одобряют полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное Политбюро усиление борьбы с излишествами и разлагающим влиянием нэпа на отдельные элементы партии. Пленумы поручают Политбюро сделать все необходимое для ускорения работ комиссий, назначенных Политбюро и сентябрьским пленумом: 1) комиссии о „ножницах“, 2) о заработной плате и 3) о внутрипартийном положении. Политбюро должно по разработке необходимых мер по этим вопросам начать немедленно проводить их в жизнь и сделать об этом доклад на следующем пленуме ЦК».

Сталин на 13 партконференции так характеризует положение после октябрьского пленума ЦК: «Октябрьский пленум постановил предложить Политбюро принять все меры к тому, чтобы обеспечить дружную работу. Я должен заявить, товарищи, что за период после октября мы приняли все меры к тому, чтобы дружная работа с т. Троцким была налажена, хотя должен сказать, что дело это далеко не из легких. Мы имели два частных совещания с т. Троцким, перебрали все вопросы хозяйственного и партийного порядка, при чем пришли к известным мнениям, не вызвавшим никаких разногласий. Продолжением этих частных совещаний и этих попыток наладить дружную работу внутри Политбюро было, о чем я уже докладывал вчера, создание подкомиссии из трех. Подкомиссия эта и выработала проект резолюции, ставшей впоследствии резолюцией ЦК и ЦКК о демократии. Так было дело. Нам казалось, что после того, как резолюция принята единогласно, нет больше оснований для споров, нет оснований для внутрипартийной борьбы. Да так оно и было на деле до нового выступления т. Троцкого с его обращением к районам. Но выступление т. Троцкого на другой день после опубликования резолюции ЦК, проведенное независимо от ЦК и через голову ЦК, расстроило все дело, изменило положение радикальным образом...».

В течение декабря и первой половины января высказалось подавляющее большинство партии. Все пролетарские центры, как Петроград, Харьков, Урал, Донбасс, Тула, Баку, Иваново-Вознесенск, Екатеринослав, с большим единодушием встали на поддержку ЦК. Наоборот, оппозиция поддержку находила в партийных организациях преимущественно непролетарского состава. На кого опиралась оппозиция, ярко показывает пример Москвы. Из 413 рабочих ячеек Москвы за ЦК высказалось 346, за оппозицию—67. За ЦК в этих ячейках голосовало 9.843 чел., против—2.223; таким образом, за оппозицию высказалось менее $^1/_5$ части ячеек. Другую картину мы видим в вузовских ячейках. Из 72 вузовских ячеек за ЦК высказалось 32 (2.790 чел.), за оппозицию—40 ячеек (6.594).—Дискуссия была закончена на 13 партийной конференции. Конференция состоялась 16—18 янв. 1924. Присутствовало с решающим голосом 128 делегатов и с совещательным—222. Порядок дня: 1) очередные задачи экономического строительства, 2) вопросы партстроительства, 3) международное положение и политика Коминтерна. Приняты резолюции: 1) о партстроительстве, 2) об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии, 3) об очередных задачах экономической политики, 4) о международном положении и 5) приветствие ЦО «Правде». Конференция осудила оппозицию как «мелкобуржуазный уклон» в партии. Конференция постановила «увеличить во что бы то ни стало количественно пролетарское ядро партии и удельный вес его во всей политике партии. В течение ближайшего года необходима усиленная вербовка в члены партии рабочих от станка с тем, чтобы из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП не менее, чем 100 т. новых членов. Для этого необходимо всемерно облегчить рабочим вступление в партию. В то же время на этот же период должен быть окончательно закрыт прием в партию для всех непролетарских элементов. Внутри партии должна вестись систематическая пропаганда в том смысле, что вся партия должна равняться по своему основному рабочему ядру».

Смерть В. И. Ленина. Через три дня по окончании конференции умер В. И. Ленин. Обращение ЦК партии по поводу смерти величайшего вождя мирового пролетариата говорит: «Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками. Умер человек, под руководством которого несокрушимые ряды большевиков дрались в 1905 г., отступали во время реакции, снова наступали, были в первых рядах борцов против самодержавия, сумели разбить, разоблачить, свергнуть идейное господство меньшевиков и эсеров. Умер человек, под боевым водительством к-рого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране, смела сопротивление врагов, утвердила прочное господство трудящихся в бывшей царской России. Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость мирового пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России... Он ушел от нас навеки, наш несравненный боевой товарищ. А мы пойдем бесстрашно дальше. Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери. Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия. Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед. Потому, что она ленинская партия. Потому, что она воспитана, закалена в боях. Потому, что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей т. Ленин».

Рабочий класс на смерть Ленина ответил небывалым еще в истории партии массовым вступлением в ее ряды. Как отмечает резолюция XIII партсъезда, с ленинским призывом в партию пошли «те из рабочих, которые лучше знают работу партии последних лет, цели и задачи ее борьбы и к-рые за последний год уже близко стояли к самой партии». Смерть Ленина послужила могущественнейшим толчком к вступлению в ряды партии тех слоев рабочих, которые на опыте и итогах строительства убеждались в правильности политики партии: смерть Ленина вызвала стихийный порыв рабочих масс к партии, стремление активной работой заполнить громаднейшую брешь, образовавшуюся на фронте революции со смертью вождя.

XII съезд партии. Съезд состоялся в Москве 23—31 мая 1924. Присутствовало с решающим голосом 748 делегатов и с совещательным—416 делегатов, представляющих 735.881 члена партии; из них

241.591 ленинского призыва. Порядок дня: 1) о предоставлении кандидатам в члены РКП права решающего голоса при выборах на XIII съезд РКП, 2) политический отчет ЦК, 3) организационный отчет ЦК, 4) отчет Центральной ревизионной комиссии, 5) отчет ЦКК, 6) отчет представительства РКП в Исполкоме Коминтерна, 7) о внутренней торговле и кооперации, 8) о работе в деревне, 9) о работе среди молодежи, 10) о партийно-организационных вопросах, 11) сообщение т. Рязанова о рукописях К. Маркса, 12) сообщение т. Каменева об открытии Института Ленина, 13) выборы центральных учреждений партии. Приняты резолюции: 1) по отчету Центрального Комитета, 2) по отчету Центральной контрольной комиссии, 3) по докладу Центральной ревизионной комиссии, 4) по отчету представительства РКП(б) в Исполкоме Коминтерна, 5) об очередных задачах партийного строительства, 6) о работе контрольных комиссий, 7) о внутренней торговле, 8) о кооперации, 9) о работе в деревне, 10) о печати, 11) об агитпропработе, 12) о работе среди молодежи, 13) об издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, 14) о работе Института В. И. Ленина, 15) о работе среди работниц и крестьянок, 16) об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии, 17) о партстроительстве.

К моменту съезда хозяйственное положение страны значительно улучшилось. Острые хозяйственные затруднения осени 1923 были в основном изжиты. Цифры состояния народного хозяйства показывали ускоряющийся темп восстановительного процесса. Партия после дискуссионной борьбы сплотилась и консолидировалась. Месяцы, протекшие между 13 партийной конференцией и XIII партсъездом, ознаменовались отходом от троцкизма многих его сторонников. Резолюция по отчету ЦК отмечает: «На почве этой новой экономической политики явно наметился общий хозяйственный подъем: несомненно поднимается сел. х-во; растет государственная промышленность и увеличивается ее концентрация; постепенно поднимается заработная плата и достигаются известные успехи в поднятии производительности труда». Резолюция о внутренней торговле констатирует, что «только дальнейший рост товарооборота создает твердую базу для дальнейшего развития промышленности и успешного завершения денежной реформы; съезд признает, что основной задачей торговой политики в данный момент должна явиться организация правильного снабжения широких масс потребителей и в частности крестьянства путем развития и укрепления позиций государственной торговли и кооперации на рынке». Резолюция о кооперации отмечает, что задача развития кооперации есть прежде всего задача вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создание сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью. Резолюция дальше указывает, что «задача кооперации в деревне сводится отнюдь не только к тому, чтобы дать крестьянскому хозяйству дешевый товар, т. е. организовать крестьянина и как производителя». При этом подчеркивается, что «только кооперирование производителей может разрешить двухстороннюю задачу, стоящую перед партией и Советской властью в деревне: продолжать добиваться дальнейшего максимального возможного увеличения продукции с. х-ва и в то же время развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в целях поднятия их хозяйства и ограничения эксплоататорских тенденций кулака».

Решения съезда останавливаются также и на «неизбежном в настоящую эпоху нэпа росте новой буржуазии» (из резолюции по отчету ЦК). Резолюция о работе в деревне так определяет процесс расслоения в деревне: «Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до наст. времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средство эксплоатации маломощных элементов. Наряду с этим намечается рост артелей, коллективов, товариществ по совместной обработке, коллективной закупке инвентаря, начавшееся распространение применения общественного труда. Все это находит политическое выражение в усилении активности не только маломощных, но и крепких слоев деревни». Решения съезда содержат целый ряд мероприятий, вытекающих из факта роста новой буржуазии.—Громадное внимание решения съезда уделяют задачам партстроительства, особенно задачам, возникшим в связи со вступлением в партию ленинского призыва. При этом отмечалось, что «развертывание внутрипартийной демократии в настоящих условиях имеет тем большее значение, что новые многочисленные пролетарские кадры партии должны сделаться возможно скорее активными участниками партийной жизни и активными участниками в выработке коллективного партийного мнения».

XVI. Партия в период социалистической реконструкции.

Переход к реконструктивному периоду и 14 партконференция. 14 конференция ВКП(б) (27—29 апреля 1925) отмечает собой перелом во всей политике партии. Этот перелом происходит в результате всей сложившейся международной и внутренней обстановки СССР. 14 партконференция происходила после V конгресса Коминтерна (1924) и 5 расширенного пленума ИККИ (март 1925), констатировавших относительную стабилизацию капитализма как важнейшую особенность международного положения. Поэтому 14 партконференция констатировала, что «в 1925 в Германии нет непосредственно-революционной ситуации, но общая революционная ситуация остается» (резолюция 14 партконференции, *Стенографический* отчет, стр. 307).

Создалось, т. о., временное равновесие сил, определившее «целый период передышки» (Сталин). Вот почему именно на этом этапе в новой обстановке перед партией во весь рост встали крупнейшие принципиальные проблемы о темпе социалистиче-

ского строительства, о трудностях и противоречиях этого строительства, о методах преодоления этих трудностей и т. д. С другой стороны, постановка всех этих вопросов диктовалась также теми крупными изменениями, к-рые определялись внутри СССР. Сюда прежде всего нужно отнести завершение в основном восстановительного и переход к реконструктивному периоду народного хозяйства СССР.—Трудности этого перехода и вызвали среди некоторых элементов партии глубокие колебания. По коренному вопросу—о возможности построения социализма в нашей стране, окруженной капиталистическим миром при задержке мировой революции,—накануне 14 партконференции член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Каменев защищал ту точку зрения, будто бы «мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция». 14 партконференция дала исчерпывающий ответ на этот вопрос в своей резолюции по докладу «о задачах Коминтерна и ВКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ». Конференция формулировала свои решения по следующим трем вопросам: 1) возможна ли победа социализма в одной капиталистической стране; 2) возможна ли победа социализма в нашей стране; 3) возможна ли окончательная победа социализма в нашей стране. На первый вопрос конференция, исходя из основных положений ленинизма, дала положительный ответ. «Из „неравномерности экономического и политического развития", каковая неравномерность есть „безусловный закон капитализма", тов. Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность „победы социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране" и б) возможность, что эти немногие, или даже одна страна, не обязательно будут странами самого развитого капитализма» (пункт 6).

Конференция, дав положительное решение по вопросу об общих предпосылках для победоносной социалистической революции в одной стране, тем самым дала положительный ответ на вопрос о возможности победы социализма в такой стране, как наша. Исходным пунктом такого решения конференции было учение Ленина, на основании которого партия считала и считает доказанным, что в нашей стране, несмотря на ее технико-экономическую отсталость, имеются налицо основные социально-экономические предпосылки для победоносной социалистической революции. [Конечно, здесь учитывалась и международная обстановка (монополистический капитализм, мировой революционный кризис)]. Последнее означает объективную возможность при наличии диктатуры пролетариата некапиталистической эволюции земледелия или возможность преодоления противоречий между всей экономической системой диктатуры пролетариата и др. отсталыми хозяйственными укладами СССР или, наконец, с точки зрения социально-классовых отношений, возможность успешного преодоления противоречий между пролетариатом и крестьянством, т. е. установления прочного союза рабочего класса и основных масс крестьянства под руководством рабочего класса. Однако, признание этих общих объективных данных для победы социализма в нашей стране не только не исключало, но прямо предполагало ожесточенную борьбу этой одной победившей страны, как страны диктатуры пролетариата, со всем капиталистическим миром. Если гарантии победы на экономическом фронте борьбы СССР с капиталистическим миром заложены в самом наличии внутренних объективных предпосылок в нашей стране (обширный внутренний рынок, союз рабочего класса и крестьянства и т. д.), то гарантии от интервенции СССР может иметь лишь на арене победоносной социалистической революции по крайней мере в нескольких странах. Глубочайшая ошибка троцкизма в том и состояла, что он не понимал диалектической взаимозависимости страны диктатуры пролетариата и мировой революции.

14 партконференция, исходя из этих решений о судьбах социализма в СССР, констатировала, что «страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой международной революции, должна рассматривать себя как ее могущественный рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным; если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации» (резолюция 14 партконференции о задачах К. И.). Эти решения были приняты конференцией единогласно. Однако, как показал последующий опыт, тт. Зиновьев и Каменев защищали и голосовали за эти принципиальные положения лишь формально. Со стороны этой группы товарищей решение конференции было «компромиссом» (Каменев), как впрочем компромиссом были для них и все основные решения 14 партконференции, что в дальнейшем обнаружилось с недопускающей сомнения очевидностью.

Истекшие четыре года нэпа показали небывало быстрый темп роста всего народного хозяйства страны и приближение его к концу восстановительного процесса. Основной особенностью этого процесса является сохранение всех командных экономических высот в руках пролетарского государства и их прогрессирующее укрепление при общей тенденции относительного роста всего социалистического сектора народного хозяйства. Другая особенность этого периода заключается в том, что общий восстановительный процесс народного хозяйства происходил на основе все ускоряющегося внутреннего товарооборота в стране и максимального использования в промышленности (особенно легкой) почти всех ее производственных ресурсов, всего основного капитала. Весь путь восстановления промышленности лежал, главн. обр., через легкую промышленность. Восстановление тяжелой индустрии (металлопромышленности) в существенных размерах началось лишь с

1923/24 на основе общего восстановления сел. х-ва и легкой промышленности. При таком положении промышленность в своем дальнейшем развитии стала лицом к лицу с проблемой основного капитала. Острота проблемы основного капитала, однако, далеко выходила за пределы интересов только одной промышленности.

С. х-во тоже быстро восстанавливалось, при усилении интенсификации сел. х-ва, роста технических и рыночных культур, животноводства и значительного общего роста товарности с. х-ва. Рост товарности в с. х-ве, особенно в связи с ростом внешнего товарооборота, приближал сел. х-во вплотную к дифференциации и специализации с.-х. районов, соответственно этому—к необходимости промышлен. переработки с.-х. продуктов, улучшению качества продукции с. х-ва, рационализации с.-х. процессов и т. д. Однако, все эти несомненно положительные тенденции в с. х-ве на данной стадии развития народного хозяйства встречали огромные препятствия, во-первых, в крайне слабой, исторически унаследованной, технически маломощной базе основного капитала в сел. х-ве; во-вторых, в недостаточном развитии промышленности (особенно крупной), прямым следствием к-рого было обострение диспропорции между промышленностью и с. х-вом; в-третьих, в недостаточном темпе роста производительных сил сельского х-ва, сдерживаемом все еще имевшими место остатками военного коммунизма в экономике деревни.

Состояние всего народного хозяйства СССР, приближаясь к концу своего восстановительного процесса, поставило партию перед прямой задачей дальнейшего развития производительных сил в стране на базе расширенного воспроизводства основного капитала в промышленности и в сел. хоз-ве, мобилизации для этого всех источников социалистического накопления, использования всех наличных производственных ресурсов, и направления всех хозяйственных процессов в интересах строительства социализма в СССР. Вся особенность нового этапа хозяйственного строительства и заключалась в том, что экономические командные высоты пролетариата сделались решающим экономическим фактором в стране. При таких обстоятельствах партия, в интересах дальнейшего увеличения и ускорения социалистического накопления, на 14 партийной конференции провозгласила курс на еще большее развязывание товарооборота в деревне, между городом и деревней, в стране в целом. Задачи 14 партконференции состояли в том, чтобы на основе нэпа завершить подготовку к переходу в реконструктивный период нашего хозяйственного строительства, путем форсированного развития товарооборота в стране, расширения возможностей для еще большего развития индивидуального крестьянского хозяйства и накопления в деревне, т. е. создания таким путем предпосылок для максимального ускорения темпа социалистического накопления и индустриализации страны. Партия при этом совершенно отчетливо сознавала и формулировала опасность возрастающего развития частного капитала, особенно опасность усиления кулачества в деревне.

14 партконференция поставила вновь во всем объеме вопрос о кооперировании основной массы крестьянства, как основном методе продвижения деревни к социализму и вместе с тем как важнейшем на данном этапе средстве борьбы с кулачеством. Кооперирование процессов обращения (сбыт и снабжение), помощь маломощным хозяйствам за счет мобилизации средств от накопления деревни (кооперация и госорганы), постепенное кооперирование производственных процессов в с. х-ве—таков намеченный 14 партконференцией путь кооперации, осуществление к-рого имело задачей создать действительные предпосылки для перехода с. х-ва к крупному коллективному хозяйству и социалистической переделке деревни. — 14 партконференция разработала целую программу хозяйственных мероприятий, направленных: 1) к ликвидации остатков военного коммунизма в экономике деревни (облегчение налоговых тягот для мелкой кустарной промышленности, расширение прав на аренду земли, свободу выбора форм землепользования, облегчение условий найма рабочей силы, снятие ряда ограничений в мелкой крестьянской торговле, и т. д.); 2) к кооперированию основных масс крестьянства, главным образом, через с.-х. кредитную кооперацию; 3) к ограничению эксплоататорских тенденций кулачества; 4) к усилению помощи маломощным и бедняцким хозяйствам.

Новые трудности во взаимоотношениях между городом и деревней, возникшие на переломном этапе экономической жизни страны, нашли свое полное отражение и в политической обстановке деревни. Непосредственным результатом этих затруднений было «недовольство обоих полюсов деревни, т. е. зажиточной кулацкой верхушки и некоторых слоев деревенской бедноты» (резолюция 14 партконференции о партстроительстве). Это недовольство, однако, еще больше обострялось резким несоответствием между выросшей и все возрастающей политической активностью деревни, в результате общего хозяйственного роста деревни, и той системой политического руководства деревни, которое несло на себе все черты остатков военного коммунизма в деревне. И именно на почве создавшейся политической и экономической обстановки деревни в течение второй половины 1924 мы имели ряд событий, к-рые сигнализировали необходимость изменения методов политического руководства деревней (восстание в Грузии), пропаганда «Крестьянского союза», политические убийства кулаками советских работников и селькоров, осенние (1924) выборы и перевыборы советов, обнаружившие в целом ряде районов колебания части середняков в сторону кулака, и т. д. В такой обстановке резко выдвигается вопрос о рабоче-крестьянском союзе под руководством пролетариата.

14 партконференция определила тот путь, на основе которого должно быть достигнуто закрепление рабоче-крестьянского сою-

за. Характерные черты этого пути сводились к следующему: 1) развязывание товарооборота и производительных сил во всех отраслях народного хозяйства, особенно в деревне, преодоление и вытеснение капиталистических элементов хозяйства методами экономической борьбы и кооперирования основных масс крестьянства; 2) «оживление Советов» и улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти со смелым и решительным переходом на линию революционной законности и искоренение «остатков военного коммунизма в административно - политической практике» (резолюция 14 партконференции о партстроительстве). Этот новый курс партийной политики был одобрен XIV съездом ВКП(б), происходившим с 18 по 31 декабря 1925.

XIV партсъезд и «новая оппозиция». Крупнейший поворот от восстановительного к реконструктивному периоду хозяйственного строительства неизбежно был сопряжен с целым рядом новых трудностей. 14 партийная конференция и XIV съезд ВКП(б) констатировали, что для нового периода будут характерны: 1) наличие капиталистического окружения при относительной стабилизации капитализма; 2) абсолютный рост частного капитала как в городе (новая буржуазия), так и в деревне (кулаки) при относительном падении его роли; 3) условия развернутого товарооборота в стране и вырастающие на этой почве трудности преодоления колебаний во взаимоотношениях между пролетариатом и середняцкой массой крестьянства (как покупателем и продавцом хлеба); наконец, 4) расширение воспроизводства основного капитала и технического переоборудования промышленности (рационализация), сопряженные с трудностями, возникающими внутри самого рабочего класса. Перед лицом таких трудностей в партии обнаружились серьезные колебания и разногласия, особенно обострившиеся осенними 1925 хозяйственными затруднениями (просчет в хлебофуражном балансе, неудачи в хлебозаготовках, просчеты в экспортно - импортных операциях и т. д.) и быстро переросшие в длительную внутрипартийную борьбу между подавляющим большинством партии и «новой оппозицией».

Исходным пунктом ново - оппозиционной концепции было отрицание внутренних предпосылок для построения социализма в нашей стране. Несмотря на то, что эта точка зрения была отвергнута 14 партконференцией, оппозиция продолжала отстаивать и еще больше углублять свою ошибку, открыто ревизуя, во-первых, ленинский закон о неравномерности экономического и политического развития капитализма, рассматривая его не как предпосылку для победы социализма в одной стране, а лишь как предпосылку для возможного «прорыва капиталистического фронта» (Зиновьев) в одной стране; во-вторых, ленинское учение о возможности некапиталистическ. эволюции основной массы крестьянства (бедняцкого и середняцкого), в условиях диктатуры пролетариата, исходя при этом из простого механического перенесения законов капиталистического развития на СССР. Ревизуя таким образом эти два основные положения ленинизма, «новая оппозиция» совершила тем самым полный отход к троцкизму в самых кардинальных вопросах пролетарской революции. Опираясь на эти посылки, новая оппозиция подвергла ревизии взгляды Ленина на нэп.

1) Нэп оппозиция рассматривала как «тактику пролетарской партии в крестьянской стране в условиях затяжки мировой революции» (Зиновьев). Такое определение содержало в себе отрицание международного характера нэпа, равно как и политики, пригодной только для отсталой крестьянской страны, что противоречило определению нэпа как единственно правильной политики пролетариата в переходный период.

2) Нэп (в СССР) представлялся лишь как «широко задуманное отступательное движение ленинизма», как «стратегическое отступление» пролетариата в СССР от непосредственных форм социалистического строительства «к государственному капитализму в пролетарском государстве». Такая теоретическая трактовка нэпа вскрывала непонимание главного и существенного в нэпе как единственно правильной хозяйственной политики пролетарской диктатуры, действительно отвечающей задачам пролетариата и способной «укрепить основу социализма и привести его к полной победе» (Ленин, Соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 214). Оппозиция не понимала, что нэп содержал в себе отступление лишь в первый период своего введения, продолжавшийся до XI съезда партии, на к-ром партия, по предложению Ленина, признала отступление законченным. «В этом смысле нэп включал в себе элементы отступления — раз, переорганизацию рядов — два, наступление перестроенным фронтом — три» (Бухарин). Наряду с этим, было обнаружено глубокое непонимание двойственной природы нэпа и диалектики развития всего народного хозяйства на основе нэпа. Нэп создает условия: с одной стороны, для укрепления роста экономических командных высот пролетарской диктатуры и для нек-рого роста капиталистических элементов—с другой. Не понимая этой диалектической двойственности нэпа, оппозиция односторонне рассматривала нэп как основу для роста капитализма в стране, вне зависимости от данных конкретных условий, недооценивала рост социалистических элементов, их удельный вес в экономике страны. Именно исходя из такой оценки нэпа, оппозиция и приходила к прямому отрицанию социалистического характера экономических командных высот пролетарской диктатуры и признанию государственного капитализма как господствующего уклада экономики СССР.

3) Ревизуя ленинский кооперативный план социалистической переделки деревни и вовлечения основной массы крестьянства в социалистическое строительство, оппозиция обнаружила глубокое непонимание всего своеобразия развития деревни при диктатуре пролетариата, в условиях к-рого процессы дифференциации деревни происходят

по-иному, чем при капитализме, а именно: при капитализме происходит «размывание» середняцкого слоя, а при социализме середняцкое хозяйство остается на длительный период «центральной фигурой земледелия». Помимо этого, оппозиция обнаружила непонимание двойственной природы середняцкого хозяйства, выступающего, с одной стороны, как трудовое, не эксплоатирующее чужого труда хозяйство, а с другой — как частнособственническое и мелкотоварное. Оппозиция не понимала, что ленинский кооперативный план и признание кооперации столбовым путем для продвижения основных масс крестьянства к социализму исходит из признания возможности некапиталистической эволюции середняцкого хозяйства в условиях пролетарской диктатуры. Оппозиция считала кооперацию гос.-капиталистической и находила, что деревня должна предварительно пройти этап гос.-капитализма. Политику же прочного союза с середняком она фактически подменяла политикой нейтрализации середняка.

Вся эта система идей привела оппозицию к ревизии ленинского учения о диктатуре пролетариата и о характере государственной власти в СССР. Рассматривая элементы гос. капитализма в экономике СССР не как средство в руках диктатуры пролетариата, допускаемое последней в известных условиях и до известных пределов, а как господствующую экономическую систему СССР, как «фокус борьбы разных классов» (Зиновьев), оппозиция и пришла к своей теории «термидорианского перерождения» руководящих организаций партии и власти.—С такой системой идей оппозиция выступила против партии по всем важнейшим вопросам ее политики, демагогически противопоставляя генеральному курсу партии на союз с середняком при опоре на бедняка курс на борьбу с кулацкой опасностью, недвусмысленно напоминая при этом о методах борьбы с кулачеством в период военного коммунизма. Истолковывая решения 14 партийной конференции как уступку кулаку, оппозиция извратила принципиальную суть того поворота, к-рый предприняла партия на этой конференции, извратила всю классовую сущность этого поворота.

XIV съезд ВКП (б) отверг всю политическую платформу оппозиции, как выражающую «неверие в дело строительства социализма в нашей стране». Решительно осуждая наблюдавшиеся среди нек-рых членов партии уклоны в сторону недооценки роста кулацкой опасности, XIV съезд особенно подчеркнул необходимость борьбы с попытками и тенденциями «затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне—вопрос о борьбе за середняка как центральную фигуру земледелия и о кооперации как основной организационной форме движения деревни к социализму» (резолюция XIV съезда). Съезд констатировал, что второй уклон представляет наибольшую опасность для партии в данный период. Съезд целиком и полностью одобрил решения 14 партконференции и признал, что «только этот поворот партийной политики, вытекающий из изменившихся отношений между классами... создал прочную базу для широкой организаторской работы по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство».

Отход оппозиции от основной ленинской линии партии определил ревизию учения Ленина о партии. Это нашло свое выражение прежде всего во фракционных методах борьбы с партией. На XIV партсъезде ленинградская оппозиция выступила после длительной обработки, не брезговавшей ничем и совершенно дезориентировавшей массы в отношении действительной позиции ленинградского руководства, т. к. это руководство, борясь с ЦК, смогло пройти на съезд только при наличии формулы одобрения работы ЦК. В этом, кстати сказать, и лежат причины того, что ленинградское руководство было быстро разоблачено и потеряло доверие Ленинградской организации. Перед съездом и на съезде «новая оппозиция» действовала как организованная фракция. Далее это сказалось в недооценке роли партии как авангарда пролетариата. Оппозиция предполагала добиться в ближайший год или два того, чтобы 90% партии составляли рабочие от станка. Это—при миллионной партии с действительным наличием в ней 40% нерабочих элементов. Такое предложение вполне увязывалось с общей идеологией оппозиции, искавшей экстраординарных мер «спасения» революции и партии от якобы нарастающей опасности сплошного роста кулацко-капиталистической стихии в стране. Оппозиция не понимала того решающего, с точки зрения диктатуры пролетариата, что, «особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике» (Ленин, «Письмо к Молотову»—стен. отчет XIV съезда, стр. 286), необходима исключительная твердость и качественная высота пролетарского руководства со стороны партии. Именно в целях этого противодействия «напору в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому» (там же) Ленин и предлагал увеличить кандидатский стаж, в т. ч. для рабочих, «определить понятие „рабочий“ таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должны были усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике...» (там же). Вот почему XIV съезд партии отверг политику оппозиции, «ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению ее полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профессиональных и пролетарских организаций вообще». Съезд осудил «такие попытки, как попытки, ничего общего с ленинизмом не имеющие, отрицающие правильное соотношение между партией (авангардом класса) и классом и делающие невозможным коммунистическое руководство» (резолюция XIV съезда). Наконец, ревизионизм оппозиции проявился в требовании «свободы критики», отстаивания взглядов меньшинства и «привлечении всех сил, всех бывших групп в нашей партии», что фактически означало легализацию фракций и группировок в партии. Основной вывод, к-рый сделала партия в результате всей

внутрипартийной борьбы, заключался в следующем: а) оппозиция отражала новое давление мелкобуржуазных слоев страны (особенно деревни) на партию в обстановке роста активности всех слоев населения страны; б) оппозиция отражала колебания (на почве отсталости) известных слоев пролетариата, особенно его молодых слоев—слоев, связанных с деревней, к-рыми значительно пополнились ряды пролетариата за последние годы бурного хозяйственного роста. Колебания этих слоев пролетариата перед лицом громадных трудностей, вставших перед пролетарской диктатурой, и отражала именно оппозиция.

XIV съезд партии разрешил основные вопросы нашего социалистического строительства, дав линию на развитие темпа индустриализации страны (развитие производства орудий и средств производства), принял резолюции по вопросам работы профессиональных союзов и комсомола и постановил переименовать РКП(б) во Всесоюзную Коммунистическую Партию (большевиков). Съезд избрал новый ЦК в количестве 63 чел. и 43 кандидатов. В число членов ЦК вошли: Андреев, Антипов, Артюхина, Бадаев, Бауман, Бубнов, Бухарин, Ворошилов, Дзержинский, Догадов, Евдокимов, Жуков, Зеленский, Зиновьев, Кабаков, Каганович, Калинин, Каменев, Квиринг, Киркиж, Киров, Колотилов, Комаров, Косиор С., Котов, Красин, Кржижановский, Кубяк, Куликов, Лепсе, Лобов, Мануильский, Медведев, Микоян, Михайлов, Молотов, Орджоникидзе, Петровский, Пятаков, Радченко, Раковский, Рудзутак, Румянцев И. П., Рухимович, Рыков, Смилга, Смирнов А. П., Сокольников, Сталин, Степанов-Скворцов, Сулимов, Толоконцев, Томский, Троцкий, Угланов, Уханов, Цюрупа, Чичерин, Чубарь, Чудов, Шварц, Шверник и Шмидт. В кандидаты ЦК были избраны: Орахелашвили, Марков, Мусабеков, Киселев, Урываев, Эйхе, Рындин, Румянцев К., Икрамов, Уншлихт, Стриевский, Сырцов, Косиор И., Иванов, Гей, Любимов, Постышев, Голощекин, Носов, Угаров, Криницкий, Жданов, Матвеев, Ломинадзе, Калыгина, Клименко, Гамарник, Лукашин, Скрыпник, Кондратьев, Чаплин, Кадацкий, Москвин, Семенов, Авдеев, Варейкис, Мельничанский, Осинский, Каминский, Ломов, Николаева, Лашевич, Серебровский. Кроме того, была избрана ЦКК в составе 163 чел. и ревизионная комиссия в составе 7 чел. На съезде было представлено 643 тыс. членов партии и 445 тыс. кандидатов.

Партия и троцкистский оппозиционный блок. Процесс оформления оппозиционного блока начался на заседаниях пленума ЦК во время съезда, а тотчас же после него на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 он обнаружился в полной мере и затем окончательно завершился на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 выпуском объединенной декларации-платформы. Эта «объединительная» декларация содержала следующие основные моменты политической программы объединения троцкистов с «новой оппозицией»: 1) принятие «новой оппозицией» в основном всей троцкистской теории пролетарской революции; 2) принятие «новой оппозицией» сверхиндустриалистской программы троцкизма; 3) переход «новой оппозиции» к троцкизму в организационном вопросе (свобода фракций и группировок, противопоставление дисциплины внутрипартийной демократии, троцкистская оценка партаппарата, противопоставление его партмассам и т. д.), а также и последовавшее отсюда признание, что «основное ядро оппозиции 1923... правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима» (Зиновьев). В то время как оппозиция целиком капитулировала перед троцкизмом, последний не сдал ни одной принципиальной позиции и ограничился лицемерным и двусмысленным заявлением о верности ленинизму и признанием ошибочности характеристики Зиновьева и Каменева как носителей «оппортунистических сдвигов» в партии (Троцкий, «Уроки Октября»). Борьба троцкистского оппозиционного блока против партии и заполняла собой весь двухгодичный период от XIV по XV съезд ВКП(б). За этот период тактические разногласия оппозиционного блока переросли в программные. Программные расхождения между оппозицией и партией определились по целому ряду важнейших вопросов пролетарской революции и политики партии.

1) О возможности построения социализма в одной стране. Этот вопрос в основном разобран нами выше. Отметим лишь, что троцкистский оппозиционный блок, дав на него отрицательный ответ, вопреки всем решениям партии, выступил на 15 конференции ВКП(б) (26 октября — 3 ноября 1926) и 7 расширенном пленуме ИККИ (1 декабря 1926) против партии, против решений 14 конференции и XIV съезда ВКП(б) с обвинением в национальной ограниченности, в национал-реформизме и с защитой всей троцкистской системы взглядов. При этом он подверг открытой ревизии ленинское учение об империализме, в особенности закон о неравномерности экономического и политического развития капитализма и основную сущность Октябрьской Революции как социалистической революции и по своим внутренним объективным данным. В этом вопросе троцкистский оппозиционный блок противопоставил партии троцкистскую теорию, рассматривающую Октябрьскую Революцию лишь как сигнал, «толчок», исходный пункт социалистической революции на Западе, в случае задержки к-рой «пролетарская власть в России должна будет пасть или переродиться (что одно и то же) под напором неизбежных столкновений между пролетариатом и крестьянством» (резолюция 15 партконференции). Наиболее откровенно ревизионистским в этом отношении было выступление т. Каменева на 15 конференции.

2) О генеральном курсе экономической политики партии. Исходя из того, что мы имеем все необходимое и достаточное для построения социализма в нашей стране (Ленин), партия в своей экономической политике на протяжении всего периода до XV съезда партии целиком бази-

ровалась на провозглашенном XIV съездом генеральном курсе на индустриализацию страны («в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми возможностями государства») при непременном вовлечении широких масс трудящихся в дело социалистического строительства страны. Именно на этой принципиальной основе партия на апрельском пленуме ЦК ВКП (б) (1926) и на 15 партконференции формулировала практическую программу экономической политики. Основной принципиальный стержень всей этой политики партии составляла социалистическая индустриализация страны на основе теснейшей смычки города с деревней, при обеспечении ведущей роли социалистического сектора хозяйства и гегемонии пролетариата. Только такая политика могла действительно гарантировать постепенное, но основательное изживание той диспропорции между промышленностью и сел. х-вом, к-рая неизбежно тяжелым бременем ложится на все социалистическое строительство.

Вся практика двух лет социалистического строительства представляет собой самое яркое и наглядное доказательство правильности политики партии. Бурный рост промышленности, сельск. хозяйства, торгового оборота, транспорта, государственного бюджета и т. д. — такова общая картина хозяйственных успехов за эти два года. На протяжении всего этого двухлетнего периода троцкистская оппозиция боролась против всей экономической политики партии, противопоставив ей «сверх-индустриалистскую» программу троцкизма, отвергнутую партией еще в 1923. На апрельском пленуме ЦК (1926) оппозиция выдвинула платформу «спасения» революции, к-рая базировалась на плане «максимального» развития хозяйственных связей с капиталистическим миром, «максимальной» перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в индустрию при помощи усиления налогового обложения крестьянства, принудительных хлебных займов у верхних слоев крестьянства и т. д., «максимальной» промышленной прибыли, при посредстве политики повышения оптовых и розничных цен, и, наконец, изъятия средств из госторговли и кооперации, перебросив их в промышленность. Свои выступления оппозиция сопровождала бесчисленными неслыханно-клеветническими обвинениями партии и ЦК, предрекая еще и еще раз экономический кризис, катастрофу и гибель революции. В основе этих выступлений троцкистской оппозиции лежала троцкистская идеология. Троцкистская формула максимального развития хозяйственных связей с капиталистическим миром была направлена троцкистской оппозицией против решения XIV съезда партии—«обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства». При этом оппозиция аргументировала абстрактными предпосылками о том, что «все наше строительство международно обусловлено», что «необходимо считаться с мировым разделением труда», что, наконец, «стремление построить изолированное государство есть вредная утопия» (предложение оппозиции на фракции 4 Съезда Советов). На 7 расширенном пленуме Исполкома Коминтерна (декабрь 1926) Троцкий доказывал, что индустриализация в нашей стране означает возросшую на длительный период зависимость экономики СССР от мирового рынка, от капитализма. Последовательное проведение этой троцкистской теории неизбежно означало бы отмену монополии внешней торговли и капитуляцию перед мировой буржуазией. Вот почему XV съезд партии, отвергая этот троцкистский взгляд, вместе с тем постановил исходить из максимально широких связей с капиталистическим миром, поскольку эти связи расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития советской страны. Оппозиция видела решающий источник социалистического накопления в частнокапиталистическом секторе народного хозяйства, фактически включая сюда все крестьянство в целом, без учета особенностей его социально-экономической дифференциации и рассматривая его как «колонию». Оппозиция отрицала все более и более возрастающее значение накопления внутри социалистического сектора хозяйства, отрицала роль кооперации и всю политику социалистической индустриализации страны. Корни экономической политики оппозиции состояли в том, что, не видя никаких сколько-нибудь серьезных длительных перспектив на социалистическое строительство в нашей стране, отрицая вообще теорию построения социализма в одной стране, оппозиция в политических конвульсиях была вынуждена искать разрешения социалистического накопления хотя бы на несколько лет ближайшего будущего, пока радикально не изменится международная обстановка и не наступит государственная помощь пролетариату извне. Вот почему 15 конференция квалифицировала экономический курс оппозиции как «пораженческую идеологию».

Период между 15 конференцией и XV съездом партии знаменует собой полный переход оппозиции к контр-революционному меньшевизму. Троцкистская оппозиция отвергла партийную установку, данную в тезисах ЦК ВКП (б), принятых XV съездом. Эта установка сводилась к тому, что наличие диктатуры пролетариата, пролетарской национализации средств производства, транспорта, кредита, внешней торговли, национализации земли «обусловливает развитие экономики СССР на принципиально иных, социалистических началах», что «принципиально иным стало социально-классовое содержание командных экономических высот» (§ 1 директивы о составлении пятилетнего плана народного хозяйства), что «диктатура пролетариата в СССР меняет коренным образом условия, а следовательно и ход развития сельск. х-ва, создавая принципиально иной тип развития аграрных отношений, иной тип классовых перегруппировок в деревне и иное направление в развитии хозяйственных форм» (тезисы ЦК о работе в деревне), что «ведущим началом всего народнохозяйственного развития являются команд-

ные хозяйственные высоты, в первую очередь крупная промышленность», и что «национализированная промышленность, кредитные институты, транспорт, кооперация и госторговля пролетарского государства являются могущественнейшими рычагами социалистического преобразования деревни» (тезисы ЦК о работе в деревне). Троцкистские контртезисы о работе в деревне по этому поводу заявляют, что § 1 тезисов ЦК ВКП(б) (см. выше) неверен. Именно исходя из этого, оппозиция выступила против социалистической рационализации производства по тем соображениям, что она ничем не отличается от капиталистической рационализации и на практике «сводится к „выплевыванию" одних рабочих и к ухудшению материального положения других» (Троцкий). По тем же мотивам оппозиция выступила против декретированного ЦИК СССР манифеста о 7-часовом рабочем дне.

3) Об оценке соотношения классов в стране и о диктатуре пролетариата. Важнейшим социально-классовым итогом всей политики партии за истекшие два года было несомненно укрепление мощи диктатуры пролетариата в стране и завоевание прочных предпосылок для еще более успешного наступления на капиталистические элементы страны [XV съезд ВКП(б)]. Оппозиция же на июльском пленуме ЦК 1926 выступила с заявлениями о «затоплении верхних этажей системы государственной власти бюрократией, все больше расходящейся с интересами рабочего класса» (Каменев); о «затоплении» низовых органов пролетарской диктатуры крестьянством и мелкой буржуазией (он же) и, как вывод отсюда, о советском государстве как о «далеко не пролетарском государстве» (Троцкий).—Наиболее отчетливую характеристику социально-классовых итогов политики партии оппозиция дала на заседании президиума ЦКК от 24 июня 1927, на июльском пленуме ЦК и ЦКК (1927) и, наконец, в своей платформе. Оппозиция констатировала: а) изменение соотношения классовых сил в стране с общей тенденцией в сторону «свертывания» пролетариата и «развертывания остальных классов» (Троцкий, Речь на заседании президиума ЦКК от 24 июня 1927); б) изменение классового характера Советского государства с общей тенденцией на его буржуазное перерождение; в) изменение классовой сущности политики партии: «эта политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо, от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от рядового партийца к аппаратчику, от батрака и бедняка к кулаку» [Троцкий, Речь на октябрьском пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б)], и г) изменение классовой природы революции (троцкистско-меньшевистско-сменовеховская теория «второй главы» Французской революции—«термидор»). Эта термидорианская идея стала центральной идеологической осью троцкистско-меньшевистской платформы оппозиции 1926—27 и сделалась знаменем борьбы всей оппозиции против партии.

В теснейшей связи с этим троцкистская оппозиция восприняла целиком меньшевистскую оценку нашей партии. В качестве исходного пункта борьбы против партии троцкистская оппозиция выдвинула тезис о перерождении партии: отрыв партии от пролетарских масс с одновременным отрывом партийного аппарата от партийных масс, передвижка руководства в партии в сторону правых элементов, окруженных кулацко-капиталистической стихией и подпавших под ее влияние. Разрывая полностью с организационными принципами большевизма, оппозиция со всей силой троцкистско-меньшевистской клеветы обрушилась против партийного режима, установленного X и XI партийными съездами под руководством Ленина. «Партийный режим,—говорил Троцкий на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК 1927,—вытекает из всей политики руководства. За спиной аппаратчиков стоит оживающая внутренняя буржуазия». За ее спиной — мировая буржуазия. Все эти силы давят на пролетарский авангард, «не давая ему поднять голову или раскрыть рот».

4) В вопросах международной политики расхождения сводились также к ряду важнейших пунктов, из которых мы остановимся лишь на самых главных. Троцкистская оппозиция проявила крайнюю беспринципность и колебание в вопросе о стабилизации капитализма (от признания к отрицанию стабилизации и обратно), сползая то и дело к отрицанию частичной стабилизации. Оппозиция не понимала диалектичности процессов, к-рые происходили в условиях этой частичной стабилизации, и прежде всего произрастания кризиса капитализма из его стабилизации и обострение революционной ситуации именно на этой основе. Отсюда тактика оппозиции во время английской угольной стачки на разрыв Англо-Советского комитета и т. д. В отношении китайской революции мы имели две основные линии: линию Коминтерна, учитывающую наличие феодальных пережитков в Китае как преобладающей формы гнета, решающее значение мощного аграрного движения, связь феодальных пережитков с империализмом, буржуазно-демократический характер китайской революции с заострением борьбы против империализма, и линию Троцкого, отрицавшую преобладающее значение феодально-милитаристического гнета, не видящую решающего значения аграрно-революционного движения в Китае и объясняющую антиимпериалистический характер китайской революции лишь интересами китайского капитализма, требующего таможенной самостоятельности Китая. «Основная ошибка т. Троцкого (а значит—и оппозиции), — говорил тов. Сталин на пленуме ИККИ (май 1927), — состоит в недооценке аграрной революции в Китае, в непонимании буржуазно - демократического характера этой революции, в отрицании предпосылок многомиллионного аграрного движения в Китае, в недооценке роли крестьянства в китайской революции». Механически пользуясь методом аналогий, оппозиция отожествляла революцию 1905 в России с революцией в полуколониальном Китае. В этом

выражалось отрицание оппозицией необходимости при решении колониальных национальных вопросов строгого различия между угнетенными и угнетающими народами, между революциями в странах империалистических и революциями в странах полуколониальных и зависимых. Отсюда оппозиция пришла к отрицанию необходимости на известных этапах революции временных соглашений и даже союзов с буржуазной демократией колоний и отсталых стран при безусловном сохранении самостоятельности пролетарского движения. Отсюда также «перепрыгивание» через неизжившие себя этапы и формы революционного движения.

8 пленум ИККИ (май 1927) объявил центральным лозунгом Коминтерна в борьбе против войны лозунг безусловной защиты СССР и китайской революции. Именно на этом вопросе с исключительной яркостью обнаружилась вся меньшевистско-пораженческая сущность троцкистской оппозиции. Наиболее законченную формулировку точки зрения оппозиции мы имеем в письме Троцкого к председателю ЦКК Орджоникидзе от 11 июня 1927, где Троцкий противопоставлял лозунгу Коминтерна лозунг оппозиции: защита СССР лишь при условии радикальных предварительных изменений в руководстве ВКП (б) и Коминтерна. Троцкистский тезис «о Клемансо» на случай войны против СССР и выражал условное оборончество оппозиции. Этот тезис недвусмысленно вскрывал также «клемансистскую» тактику оппозиции—тактику свержения всего нынешнего «термидорианского» Центрального Комитета ВКП (б) и Советского правительства. Это была программа отказа от защиты СССР и полной капитуляции перед меньшевизмом в кардинальном вопросе мировой пролетарской революции—в вопросе об империалистской войне против СССР.

Тактика троцкистской оппозиции. Программный отход оппозиции от партии определял и тактику оппозиции в борьбе против партии. Весь путь борьбы троцкистской оппозиции с партией вплоть до XV съезда партии представлял собой превращение оппозиционной фракции в троцкистскую партию со своей программой («платформа»), организацией (Центральный Комитет, облкомы, укомы, райкомы, ячейки), уставом, особой дисциплиной и тактикой. С такой же последовательностью эволюционировала и тактика оппозиции за эти годы, претерпевшая все формы борьбы, присущие и характерные для классово-враждебной ВКП (б) и Коминтерну партии, как-то: подпольная борьба (нелегальные собрания), агитация, пропаганда, нелегальная печать, типография и т. д.; комбинация методов легальной и подпольной борьбы, тактика маневрирования (отступления 16 окт. 1926, 8 авг. 1927, мобилизация сил для нового наступления против партии и т. д.); демонстрации, скрытые или пытающиеся прикрыться (проводы Смилги, захват помещения Московского высшего технического училища и т. д.) и демонстрации, уже совершенно открытые (7 ноября 1927), и т. д.

Т. о., троцкистская оппозиция в борьбе против партии применила за эти годы все формы борьбы и выступила открыто на улице против государства пролетарской диктатуры. Необходимо отметить, что в сентябрьском (1927) заявлении лидеров оппозиции в ЦК ВКП (б) была пущена в ход аналогия с июльскими днями 1917 и сравнение руководящего большинства ЦК с правительством Керенского. Эта аналогия и это сравнение свидетельствовали о превращении создавшейся антиленинской троцкистской партии в контр-революционную организацию.

Совершенно аналогичный характер имела борьба троцкистской оппозиции на международной арене против Коминтерна и ВКП (б). Опираясь на различные ренегатские группы за границей (на группу Маслова—Фишер в Германии, на Суварина—Лорио во Франции и на др. исключенные из Коминтерна группы различных стран), троцкистская оппозиция стала на путь раскола Коминтерна и организации вторых партий во всех странах, сделав своим международным органом орган группы Маслова — Фишер в Германии, ведущий бешеную травлю против СССР и ВКП (б). — Оппозиция сделалась центром притяжения и знаменем третьей силы, основным рупором всех антисоветских элементов внутри и вне страны.

XV съезд партии. XV съезд ВКП (б) (2—19 декабря 1927) констатировал, что «в итоге оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу, стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась объективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры». Именно поэтому троцкистская оппозиция получила сокрушительный отпор со стороны всей массы членов партии и рабочего класса. Достаточно сказать, что к XV съезду в итоге дискуссии оппозиция собрала едва полпроцента голосов в партии.— Полное политическое банкротство оппозиции и переход ее в лагерь врагов коммунизма сделались решающим фактором ее внутреннего разложения. Этот процесс разложения, обозначившийся после 15 партконференции, в общем происходил в трех направлениях: а) постепенный отход к партии отдельных видных членов бывшей «новой оппозиции» (Крупская, Сокольников, Бадаев и др.); б) постепенное обособление от «оппозиции большевиков» после 15 партконференции контр-революционной («левейшей») группы Сапронова—Смирнова, считавшей, что процесс ликвидации пролетарской диктатуры в СССР и ее термидорианского перерождения—уже совершившийся факт; в) обострение борьбы внутри «оппозиции большевиков» между группой Зиновьева—Каменева и группой Троцкого. В состоянии такого разложения троцкистская оппозиция предстала перед XV съездом партии.

Несмотря на вопиющее нарушение со стороны оппозиции всех норм партдисциплины и партзаконности, партия в борьбе с троцкистской оппозицией проявила колоссальное терпение, направляя свои удары, гл. обр., по линии идейного разоблачения троцкистско - меньшевистской сущности оппозиции. На протяжении всего периода борьбы партия упорно держала курс на сохране-

ние оппозиционеров в партии, на их идейную ассимиляцию в своих рядах. Достаточно сказать, что, несмотря на неслыханную остроту борьбы оппозиции против партии, несмотря на грубейшие нарушения всех обязательств, данных оппозицией 16 окт. 1926 и 8 авг. 1927,—несмотря на все это, партия исключила лидеров «оппозиции большевиков», Зиновьева и Каменева, из ЦК ВКП (б) лишь 23 октября 1927, лишь после того, как оппозиция довела «фракционную борьбу против партии и ее единства до степени, граничащей с образованием новой, антиленинской партии совместно с буржуазными интеллигентами» [постановление ЦК и ЦКК ВКП (б) от 23 окт. 1927]. Однако, все предупреждения партии оказались тщетными. Оппозиция продолжала все дальше и дальше скатываться в пропасть контр-революционного меньшевизма. Контр-демонстрация в день 10-летия Октябрьской Революции, бешеная борьба оппозиции против партии, наполнившая весь последний период накануне XV съезда, завершили меньшевистский путь оппозиции.

XV съезд ВКП (б) констатировал, что «идеология оппозиции... оформилась как меньшевизм в его своеобразной троцкистской формулировке», что «оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу, стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась объективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры», что «XV съезд объявляет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии». Решение XV съезда ускорило внутри оппозиции процесс разложения. Два заявления от 18 дек. 1927 решили участь «оппозиции большевиков»: заявление всей группы бывшей «новой оппозиции» об отказе от своих оппозиционных взглядов, о полной капитуляции перед партией, и заявление основного ядра троцкистской оппозиции, провозглашавшее дальнейшую борьбу против ВКП (б) и Коминтерна и знаменовавшее окончательный переход троцкистов в лагерь контр-революции. Съезд признал оба заявления неудовлетворительными и исключил из партии всех оппозиционеров, апеллировавших к съезду партии. Т. о., XV партийный съезд ознаменовался разгромом троцкизма. Этим была подведена итоговая черта под десятилетним существованием Троцкого в партии большевиков.

Но XV съезд войдет в историю партии не только как съезд, ликвидировавший троцкистскую оппозицию внутри партии. Его значение, конечно, далеко не ограничивается этим проявлением единства, сплоченности и монолитности ленинской партии. XV партийный съезд, на основе практических результатов проведения генеральной линии XIV партсъезда, дал партии новые директивы, в главнейшем сводящиеся к продолжению «неослабным темпом» индустриализации страны, к коллективизации сел. хозяйства и к форсированному наступлению социализма на частнокапиталистические элементы в городе и в деревне. — Общая обстановка к XV съезду ВКП (б) характеризуется следующими основными особенностями: 1) относительная стабилизация капитализма с произрастающим из нее процессом обострения кризиса капитализма, классовой борьбы между рабочим классом и буржуазией, национально освободительной борьбой колониальных и зависимых стран против империализма; 2) резко обозначившийся за время от XIV до XV съезда партии поворот капиталистических государств от политики «сотрудничества» к подготовке вооруженной борьбы против СССР; 3) завершение ко времени XV съезда партии восстановительного процесса народного хозяйства СССР, сопровождаемое качественными изменениями, переходом к реконструкции народного хозяйства на новой технической базе (индустриализация страны); 4) общее укрепление всей системы диктатуры пролетариата СССР, повышение удельного веса всего социалистического сектора народного хозяйства (при нек-ром абсолютном росте частного капитала в городе и кулачества в деревне), консолидация рабочего класса, партии, рост доверия широких трудящихся масс к Советской власти и к партии, укрепление союза рабочего класса с основными массами крестьянства; 5) резкое обострение внутрипартийной борьбы наряду с общей консолидацией партии.

XV съезд констатировал, что «капиталистическое развитие в целом обнаруживало тенденцию сократить исторические сроки мирной „передышки", приблизить новую полосу больших империалистических войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов» [резолюция XV съезда по отчету ЦК ВКП (б)].

Наряду с нарастающей полосой революционного подъема на Западе и в колониях, XV съезд вместе с тем указал, что этому полевению рабочих масс противостоит резкое поправение верхушки 2 Интернационала и Амстердамского объединения профсоюзов [резолюция по отчету делегации ВКП (б) в ИККИ]. Именно на данном этапе характерной особенностью всего современного реформизма является открытый отказ от классовой борьбы и полный переход на сторону буржуазии (пропаганда «промышленного мира», мирного перехода к социализму через «хозяйственную демократию» и т. д.). С другой стороны, серьезным фактором, тормазящим процесс революционизирования широких рабочих масс, является международная троцкистская оппозиция. На этом основании XV съезд ВКП (б) в своей резолюции по отчету делегации ВКП (б) в ИККИ признал, что «важнейшей задачей Коммунистического Интернационала является заострение борьбы против международного реформизма, в том числе и против троцкистской оппозиции, срывающей политику единого фронта в международном рабочем движении и тормозящей дело завоевания рабочих масс на сторону коммунизма» [резолюция XV съезда по отчету делегации ВКП (б) в ИККИ].

XV съезд поставил со всей конкретностью вопрос о пятилетнем плане народного хозяйства СССР и дал основные директивы в

1 ряд : Бухарин, Ворошилов, Томский. 2 ряд: Рыков, Сталин, Калинин. 3 ряд: Рудзутак, Куйбышев, Молотов.

ПОЛИТБЮРО
избранное Ц.К. после XV съезда партии.

ТРЕСТ „ГЕОКАРТПРОМ"

работе по завершению пятилетки, неуклонно продолжая политику индустриализации страны и выдерживая ее высокие темпы, имея перед собой задачу экономически догнать и перегнать капиталистические страны. Решения съезда означали дальнейшее продвижение по пути социалистического строительства и усиление наступления на капиталистические элементы.

Такой же характер носят решения XV съезда партии по вопросам деревни. Вся особенность положения сел. х-ва на данном этапе состоит в том, что если восстановительные процессы в с. х-ве происходили в основном на базе развертывания индивидуальных крестьянских хозяйств, то теперь эти мелкие, раздробленные хозяйства сами являются препятствием к дальнейшему развитию с. х-ва. По данным т. Молотова (см. его доклад на XV съезде), из 24 млн. мелких крестьянских хозяйств в 8 млн. наиболее слабых крестьянских хозяйств сейчас нерентабельно даже применение лошади. Вот почему «в настоящий период,—говорится в резолюции XV съезда по работе в деревне,—задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне». В этом отношении XV съезд является прямым продолжением основных решений 14 партконференции и XIV партсъезда.—Важнейшее значение XV съезда партии состоит в том, что он зафиксировал этот пройденный со времени 14 партконференции этап как положительный итог для пролетарской диктатуры и своими решениями открыл новый период широкого наступательного движения социализма по всему фронту социально-экономических отношений как в городе, так и в деревне (политика «еще более решительного хозяйственного вытеснения» кулака в деревне и частного капитала в городе).—Огромные задачи, выдвинутые XV съездом партии перед партией, рабочим классом и всей страной, не могли бы быть осуществлены без создания предпосылок для подготовки квалифицированной рабочей силы, техников, инженеров, для прогрессирующего подъема культурного уровня трудящихся масс. Вот почему XV съезд провозгласил ленинский лозунг «культурной революции» как актуальный лозунг дня, как актуальную первоочередную задачу всей партии и Советской власти.

Съезд избрал новый состав ЦК в количестве 71 члена ЦК и 50 кандидатов. В члены ЦК вошли: Акулов, Андреев А. А., Антипов, Артюхина, Бадаев, Бауман, Бубнов, Бухарин, Ворошилов, Гамарник, Голощекин, Догадов, Жуков, Зеленский, Кабаков, Каганович, Калинин, Квиринг Э. И., Киркиж, Киров, Кнорин, Колотилов, Комаров, Косиор И. В., Косиор С. В., Котов, Кржижановский, Крупская Н. К., Кубяк, Куликов, Куйбышев, Лепсе, Лобов, Ломов, Любимов, Мануильский, Медведев, Менжинский, Микоян, Михайлов, Молотов, Москвин, Орахелашвили, Петровский, Постышев, Пятницкий, Рудзутак, Румянцев, Рухимович, Рыков, Скрыпник, Смирнов А. П., Сокольников, Сталин, Степанов-Скворцов, Стецкий, Стриевский, Сулимов, Сырцов, Толоконцев, Томский, Угаров, Угланов, Уханов, Цюрупа, Чичерин, Чубарь, Чудов, Шварц С., Шверник, Шмидт В.; кандидатами были избраны: Алексеев, Румянцев, Мусабеков, Уншлихт, Чуцкаев, Колгушкин, Урываев, Икрамов, Киселев, Мирзоян, Михайлов-Иванов, Цихон, Баранов, Грядинский, Эйхе, Иванов В. Л., Брюханов, Локацков, Кадацкий, Соболев, Чаплин, Кондратьев, Марков, Сухомлин, Жданов, Калыгина, Хатаевич, Строганов, Криницкий, Леонов, Семенов, Полонский, Анцелович, Чувырин, Гей, Носов, Элиава, Варейкис, Мельничанский, Межлаук, Ломнадзе, Ошвинцев, Рындин, Каминский, Клименко, Рютин, Осинский, Николаева, Лозовский, Серебровский. Кроме того, съезд избрал ЦКК в составе 195 человек и ЦРК в составе 9 человек. На съезде было представлено 887.233 члена партии и 348.957 кандидатов.—XV съезд партии представлял собой могущественную демонстрацию глубокого внутреннего единства партии. Достаточно сказать, что на XV съезде троцкистская оппозиция не имела ни одного своего делегата. Это свидетельствовало о полном разгроме троцкизма. Партия непоколебимо стояла на своих исторически проверенных революционных ленинских позициях. *А. Бубнов.*

*Лит.**: Ленин В. И., Сочинения, 27 тт., 2 и 3 изд., М.—Л., 1926—30; и в особенности работы: Задачи русских социал-демократов (1897), т. II, стр. 167; Протест российских социал-демократов (1899), т. II, стр. 473; Как чуть не потухла «Искра» (1900), т. IV, стр. 15; Что делать? (1902), т. IV, стр. 359; Материалы к выработке программы РС-ДРП (1902), т. V, стр. 1; Шаг вперед, два назад (1904), т. VI, стр. 155; О Временном революционном правительстве (1905), том VII, стр. 314; Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905), т. VIII, стр. 27; Отношение социал-демократии к крестьянскому движению (1905), т. VIII, стр. 181; Государственная дума и социал-демократическая тактика (1906), том IX, стр. 11; Победа кадетов и задачи рабочей партии (1906), т. IX, стр. 79; Доклад об Объединительном съезде РС-ДРП (1906), т. IX, стр. 175; Роспуск Думы и задачи пролетариата (1906), т. X, стр. 1; Социал-демократия и избирательные соглашения (1906), т. X, стр. 127; Кризис меньшевизма (1906), т. X, стр. 178; Социал-демократия и выборы в Думу (1907), т. X, стр. 249; «Услышишь суд глупца...» (1907), т. X, стр. 271; Сердитая растерянность. К вопросу о рабочем съезде (1907), т. XI, стр. 142; Против бойкота (1907), т. XII, стр. 13; К оценке русской революции (1908), т. XII, стр. 202; Карикатура на большевизм (1909), т. XIV, стр. 52; О фракции сторонников отзовизма и богостроительства (1909), т. XIV, стр. 137; Разногласия в европейском рабочем движении (1910), т. XV, стр. 1; Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России (1910), т. XV, стр. 10; О новой фракции примиренцев или добродетельных (1911), т. XV, стр. 228; Об избирательной кампании и избирательной платформе (1911), т. XV, стр. 244; Манифест либеральной рабочей партии (1911), т. XV, стр.272; Принципиальные вопросы избирательной кампании (1911), т. XV, стр. 331; Аноним из «Vorwärts'а» и положение дел в РС-ДРП (1912), т. XV, стр. 419; О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве (1914), т. XVII, стр. 377; Доклад ЦК РС-ДРП и инструктивные указания делегации ЦК на Брюссельском совещании (1914), т. XVII, стр. 541; Социализм и война (1915), т. XVIII, стр. 185; О лозунге Соединенных Штатов Европы (1915), т. XVIII, стр. 230; Крах 2 Интернационала (1915), т. XVIII, стр. 235; О лозунге «разоружения» (1916), т. XIX, стр. 314; Письма издалека (1917), т. XX, стр. 13; О задачах пролетариата в данной революции. Тезисы (1917), т. XX, стр. 87; Письма о тактике (1917), т. XX, стр. 97; Задачи пролетариата в нашей революции (1917), т. XX, стр. 109; К лозунгам (1917), т. XXI, стр. 33; Грозящая катастрофа и как с ней бороться (1917), т. XXI, стр. 155; Письмо И. Т. Смилге (1917), т. XXI, стр. 229; Кризис

* Относится к обеим частям статьи.

назрел (1917), т. XXI, стр. 235; Удержат ли большевики государственную власть? (1917), т. XXI, стр. 243; Письмо питерской городской конференции (1917), т. XXI, стр. 290; Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном Съезде Советов Северной области (1917), т. XXI, стр. 321; Письмо к членам партии большевиков (1917), т. XXI, стр. 350; Письмо в Центральный комитет РС-ДРП (1917), т. XXI, стр. 353; Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира (1918), т. XXII, стр. 193; О революционной фразе (1918), т. XXII, стр. 261; Странное и чудовищное (1918), т. XXII, стр. 297; Очередные задачи Советской власти (1918), т. XXII, стр. 435; О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности (1918), т. XXII, стр. 503; Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920), т. XXV, стр. 165; О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке т. Троцкого (1920), т. XXVI; Кризис партии (1921), т. XXVI; Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках товарищей Троцкого и Бухарина (1921), т. XXVI; Тактика РКП. Речь на III конгрессе Коминтерна (1921), т. XXVI; К четырехлетней годовщине Октябрьской Революции (1921), т. XXVII; Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции (1922), т. XXVII; О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) (1923), т. XXVII; Лучше меньше, да лучше (1923), т. XXVII; О кооперации (1923), т. XXVII.

О Ленине и ленинизме: Сталин И. В., Вопросы ленинизма, 6 изд., М.—Л., 1929; Керженцев П. М., Ленинизм, 5 изд., М.—Л., 1928; Ярославский Е., Пять лет по пути Ленина, [М.], 1929; Крупская Н. К., Воспоминания о Ленине, в. 1, М.—Л., 1930; Попов Н. Н. и Яковлев Я. А., Жизнь Ленина и ленинизм, 2 изд., М., 1924; Ярославский Е., Жизнь и работа В. И. Ленина, 5 изд., Л., 1926; Ульянова-Елизарова А., Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (биография), в кн. Энциклопедический словарь Гранат, т. XLI, ч. 1, М., [1927], приложение, стр. 304; Сорин В. Учение Ленина о партии, 3 изд., Москва—Ленинград, 1926.

Популярные очерки: История ВКП(б) в съездах, под ред. П. Лепешинского, Харьков, 1928—1929 (серия включает очерки о I—XIV съездах, составленные разными авторами); Керженцев П. М., Страницы истории ВКП(б) (съезды партии), 4 изд., Л., 1928; Лядов М. Н., 25 лет Российской коммунистической партии (большевиков), [Нижний-Новгород], 1923; Невский В. И., История РКП(б), Л., 1926; Попов Н. Н., Очерки истории Всесоюзной коммунистической партии (б), 11 изд., М.—Л., 1930; его же, Очерки истории коммунистической партии (б) Украины, 3 издание, [Харьков], 1929; Ярославский Е., Краткие очерки по истории ВКП(б), 2 ч., М.—Л., 1929; Шелавин К., Рабочий класс и его партия (история РКП), в. 1—3, 2 изд., Л., 1925.

Общие труды: Альбом по истории ВКП(б), 1874—1917, [2 изд.], М., 1928; Андерсон Р. и др., Наши противники. Сборник материалов и документов [легальный марксизм, экономизм, махаевщина, меньшевики, социалисты-революционеры и либералы (1894—1906 гг.)], тт. I—II, М., 1928—29; Баевский Д. А., История рабочей печати в России, вып. 1 (1873—1907), Москва, 1923; Батурин Н., Очерки истории социал-демократии в России, 11 изд., Л., 1926; его же, Сочинения, М.—Л., 1930; Бубнов А. С., Основные вопросы истории ВКП(б), 4 изд., М.—Л., 1926; Воровский В. В., К истории марксизма в России, М., 1923; В помощь партработнику. Систематический сборник резолюций съездов и конференций ВКП(б) (1898—1925), Л., 1926; Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях ее съездов и конференций (1898—1926 гг.), 3 изд., М.—Л. 1927; 25 лет РКП (большевиков). 1898—1923, М.—П., 1923 (Истпарт); История ВКП(б), под общей ред. Е. Ярославского, М.—Л., 1926—29, т. I. От народничества до III съезда партии, т. III. Эпоха империалистической войны, т. IV, 1917—1920 гг.; Левин Ш. М. и Татаров И. Л., История РКП(б) в документах, т. I, 1883—1916, Л., 1926; Кардашев Д. И., Основные исторические этапы в развитии ВКП, т. I, в. 1, Харьков, 1927; Лядов М. Н., Как начала складываться Российская коммунистическая партия (история Российской социал-демократической рабочей партии), 3 изд., М., 1926; Невский В., Очерки по истории Российской коммунистической партии, т. I, 2 изд., Л., 1925; Равич-Черкасский М. Г., История коммунистической партии (б) Украины, [Харьков], 1923; его же, Революция и КП(б)У в материалах и документах, хрестоматия, т. I, [Харьков], 1926; Революция и ВКП в материалах и документах. Хрестоматия, 7 тт., 2 изд., М.—Л., 1925—28; Страницы из истории ВКП(б) (в картограммах и монтажах), 2 изд., Москва, 1928; Спиридович А. И., Революционное движение в России, в. 1. Российская социал-демократическая рабочая партия, СПБ, 1914 (работа жандармского офицера).

Воспоминания: Антонов-Саратовский В. П., Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки и воспоминания о работе в Саратове за время с 1915 до 1918 г., М.—Л., 1925; Бабушкин И. В., Воспоминания (1893—1900), Л., 1925; Баранский Н. (Николай Большой), В рядах Сибирского социал-демократического союза (Воспоминания о подпольной работе 1897—1908 гг.), Новониколаевск, 1923; Горев Б. И., Из партийного прошлого. Воспоминания (1895—1905), Л., 1924; Залежский Вл., На партийном фронте между двумя революциями, I. В эпоху реакции 1906—12 гг., Л., 1925; Зеликсон-Бобровская Ц. С., Записки рядового подпольщика (1894—1914), М., 1924; Лепешинский П. Н., На повороте (От конца 80-х гг. к 1905 г.), 2 изд., Л., 1925; Луначарский А. В., Великий переворот, ч. 1, П., 1919; Лядов М., Из жизни партии накануне и в годы первой революции (Воспоминания), М., 1926; Пятницкий О., Записки большевика. Воспоминания (1896—1917 гг.), Л., 1925; Самойлов Ф. Н., Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении [1903—14], 4 ч., М.—Л., 1922—25; Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний, М.—Л., в. 1, 2 изд., 1925, в. 2, 1924; Шаповалов А., На пути к марксизму (По дороге к марксизму). Записки рабочего революционера в трех частях, Л., 1926; его же, В подполье, «На пути к марксизму», М., 1927; Шумяцкий Б., В сибирском подполье. Очерки 1903—08 гг., М.—Л., 1926.

В дальнейшем литература указывается в хронологическом порядке освещаемых тем.—I. Первые социал-демократические организации. Группа «Освобождение труда»: Ангарский Н., Легальный марксизм, вып. 1 (1876—1897 гг.), М., 1925; Батурин Н., Очерки из истории рабочего движения 70 и 80-х гг., М., 1925; Благоев Д., Мои воспоминания, М.—Л., 1928; Брейтфус Андрей, Точисский и его кружок, «Красная летопись», Петроград, 1923, № 7; Бруснев М. И., Возникновение первых социал-демократических организаций, «Пролетарская революция», М., 1923, № 2 (14); Быстрых Ф., Об аграрной программе группы «Освобождение труда», «Пролетарская революция», М., 1929, № 5 (88); Vademecum для редакции «Рабочего дела», Сборник материалов, изданный группой «Освобождение труда» с предисловием Г. Плеханова, Женева, 1900; Группа «Освобождение труда», под ред. Л. Г. Дейча, вышло 6 сборников, М.—Л., 1924—28; Доклад департамента полиции министру внутренних дел (о кружке Точисского с вводной заметкой Н. Сергиевского), «Красная летопись», П., 1923, № 7; Доклад, представленный делегацией русских социал-демократов международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г., Женева, 1896; Историко-революционный сборник, под ред. В. И. Невского, т. II — Группа «Освобождение труда», Л., 1924; На заре рабочего движения в Москве, под ред. Н. Овсянникова, М., 1919; Невский В. И., Предшественники нашей партии (Северный союз русских рабочих), М., 1930; его же, «Южно-русский рабочий союз» в г. Николаеве в 1897 г., М., 1922; [Кремер А.], Об агитации, изд. Союза русских социал-демократов, Женева, 1896; Об агитации (К массовой работе), с предисловием А. Тубова, [Смоленск], s. a., перепечатано с гектографированного издания 1895 г. От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894). Статьи и воспоминания, Ростов-на-Дону, 1921; Плеханов Г. В., Сочинения, тт II—III, М.—П., 1923; Рахметов В., К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда», «Пролетарская революция», М., 1928, № 9 (80); Сергиевский Н., Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов», «Пролетарская революция», М., 1928, № 1 (72); его же, «Рабочий», газета партии русских социал-демократов (благоевцев), 1885, Л., 1928; его же, Партия русских социал-демократов. Группа Благоева, М.—Л., 1929; его же, Федосеевский кружок 1888—89, «Красная летопись», П., 1923, №№ 7 и 9; Южно-русские рабочие союзы, под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского, М., 1924; Южно-российский союз рабочих. Сборник статей и материалов, [Харьков], 1924.—II. Первый съезд РС-ДРП: Аксельрод П., К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов, изд. Союза русских социал-демократов, Женева, 1898; Ангарский Н., К истории первого съезда РС-ДРП, «Пролетарская революция», М., 1928, № 3; его же, Ответ т. Эйдельману, «Пролетарская революция», М,, 1928.

№ 10 (81); Астров В., «Экономисты»—предтечи меньшевиков («Экономизм» и рабочее движение в России на пороге 20 в.), 2 изд., М., 1924; Варенцова О., Северный рабочий союз 1900—03, Иваново-Вознесенск, 1925; К 25-летию первого съезда партии (1898—1923), М.—П., 1923 (Истпарт); Материалы к истории первого съезда (предисловие И. Татарова), «Пролетарская революция», М., 1928, № 3 (74); Мошинский И. Н. (Юз. Конарский), На путях к I съезду РС-ДРП, М., 1928; Невский В., К вопросу о первом съезде РС-ДРП, «Пролетарская революция», М., 1921, № 1; Первый съезд партии, [М.], 1923; Струмилло Б., Старая гвардия. К 30-летию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сборник материалов и воспоминаний, М.—Л., 1926; Татаров И., О неудачных возражениях т. Эйдельмана, «Пролетарская революция», М., 1928, № 10 (81); его же, Первый съезд РС-ДРП и его место в истории нашей партии, «Пролетарская революция», М., 1928, № 3 (74); Николай Евграфович Федосеев, один из пионеров революционного марксизма в России, Сборник, М.—П., 1923; Харитонов В., Из воспоминаний участника группы Благоева, «Пролетарская революция», М., 1928, № 8 (79); Эйдельман Б., Об «экономистских» тенденциях I съезда РС-ДРП, «Пролетарская революция», М., 1928, № 10 (81); его же, Первый съезд РС-ДРП, М.—Л., 1925; Ярославский Е., Первый съезд нашей партии, М.—Л., 1928;—III. «Искра»: Варенцова О., Возникновение «Искры» и ее работа, «Пролетарская революция», М., 1926, № 1 (48); Волковичер И., В. И. Ленин и собирание партии вокруг старой «Искры», «Пролетарская революция», М., 1924, № 3 (26); его же, Старая «Искра» и подготовка II съезда партии, «Пролетарская революция», М., 1926, № 1 (48); Гайстер А., «Искра» и крестьянское движение 1902 г., «Пролетарская революция», М., 1926, № 1 (48); Гольдман Л. И., Организация и типография «Искры» в России, М., 1928; Документы «Объединительного» съезда, изд. Лиги Русской революционной социал-демократии, Женева, 1901; Из переписки «Искры» с местными организациями. I. Переписка «Искры» с представителями Организационного комитета. II. Переписка «Искры» с Самарской организацией, «Пролетарская революция», М., 1928, № 6—7 (77—78); Из переписки «Искры» с местными организациями. III. Переписка «Искры» с «Южным рабочим», «Пролетарская революция», М., 1928, № 8 (79); Ильин-Женевский А., Как «Искра» завоевала Петербург (1901—02 гг.), «Красная летопись», Л., 1924, № 4 (15); «Искра», №№ 1—52, Л., 1925—29 (Истпарт) (фактически перепечатано — №№ 1 — 51); Искровский период в Москве (материалы), М.—Л., [1928]; К истории Заграничной лиги русской революционной социал-демократии (с предисловием Ц. Бобровской), «Пролетарская революция», М., 1928, № 5 (76); Ленинский сборник, тт. I, II, III, IV, VIII, М.—Л., 1924—28; Майорский Н., К вопросу о расколе «искровцев», «Пролетарская революция», М., 1926, № 5 (52); Плеханов Г. В., Сочинения, т. XII [Вопросы программы и тактики (1900—03)], М., [1924]; Рубинштейн Н. И. и Стопалов Г., «Искра» 1900—03 гг., М.—Л., 1926.—IV. Второй съезд партии: Ангарский Н., Партийные организации накануне II съезда РС-ДРП (по делегатским отчетам), «Пролетарская революция», М., 1928, № 10 (81); Второй съезд партии, М., 1923; Доклад организации «Искры» II съезду РС-ДРП в 1903 г. (с предисловием Н. К. Крупской), «Пролетарская революция», М., 1928, № 1 (72); Ленинский сборник, тт. VI, VII, X, XI, М.—Л., 1927—29; Лепешинский П. Н., У истоков большевизма, К 25-летию II съезда партии, М.—Л., 1928; Новый документ о II съезде РС-ДРП, «Пролетарская революция», М., 1928, № 8 (79) (перепечатка текста редкой брошюры Одесского комитета РС-ДРП: «Доклад о втором очередном съезде и положении дел в партии», 1904 г.), М.—Л., 1926; Протоколы второго очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, Женева, 1904; Протоколы второго съезда РС-ДРП. Точная перепечатка с женевского изд. 1903 г., со вступительной статьей, с примечаниями и заключительной статьей П. Н. Лепешинского, Л., 1924; Розенблюм К., О втором съезде РС-ДРП 1903 г., Л., 1928; Савельев М., Второй съезд РС-ДРП и его место в нашей партии, «Пролетарская революция», М., 1928, № 6—7 (77—78); Шотман А., На втором съезде партии, «Пролетарская революция», М., 1927, № 1 (60), и 1928, № 6—7 (77—78).—V. Большевизм между II и III съездами: Волковичер И., Партия и Русско-японская война, «Пролетарская революция», М., 1924, № 12 (35); Как рождалась партия большевиков. Литературная полемика 1903—04 гг., Л., 1925; Кардашев Д., К истории зарождения Бюро комитетов большинства, «Пролетарская революция», М., 1929, № 10 (93); Комментарии к протоколам второго съезда Заграничной лиги Русской революционной социал-демократии, Женева, 1904; Ленинский сборник, тт. VI, VII, X, XI, М.—Л., 1927—29; Лядов М., Доклад большевиков Амстердамскому международному социалистическому конгрессу (в 1904 г.), М., 1924; Нелидов Н., О подготовке к III партийному съезду, «Пролетарская революция», М., 1925, № 1 (36); Орловский совет против партии, Женева, 1904 (автор—В. Воровский); Л. Д. Троцкий о партии в 1904 г., брошюра Н. Троцкого «Наши политические задачи», с комментариями Истпарта и вступительной статьей Ем. Ярославского, М.—Л., 1928; Шахов Н., Борьба за съезд, Женева, 1904 (автор—Н. И. Малинин); Хабас Р., Создание большевистского центра (БКБ) и газеты «Вперед», «Пролетарская революция», М., 1924, № 11 (34); Плеханов Г. В., Соч., т. XIII (Вопросы тактики накануне первой революции. 1903—1905), М.—Л., 1926.—VI. Большевики в годы первой революции (1905 — 1907): Ахун М. И. и Петров В. А., Большевики и армия в 1905—17 годах. Военная организация при Петербургском комитете РС-ДРП и революционное движение в войсках Петербурга, Ленинград, 1929; «Вперед», орган Московского комитета РС-ДРП большевиков, М.—Л., 1926 (Московский истпарт); «Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 г., М., 1924—25 (Истпарт); Зиновьев Г., Сочинения, тт. I—II. Из истории большевизма, М.—П., 1923; Каменев Л., Меньшевики в первой русской революции, М., 1923; Ленинский сборник, т. V, 2 изд., М.—Л., 1929; Лившиц С., Солдатская социал-демократическая пресса 1905—1908 гг., «Пролетарская революция», М., 1929, № 2—3 (85—86); Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (состоявшийся в 1907), Париж, 1909; Мороховец Е., Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции М.—Л., 1926; Моршанская М., Первая конференция военных и боевых организаций РС-ДРП в ноябре 1906, «Пролетарская революция», М., 1924, №№ 4 (27) и 5 (28); «Новая жизнь», первая легальная с.-д. большевистская газета, 1905, Л., 1925—26 (Истпарт); Первая общерусская конференция партийных работников (отдельное приложение к № 100 «Искры»), Женева, 1905; Плеханов Г. В., Сочинения, т. XV (Вопросы тактики в эпоху первой революции 1905—08), М.—Л., 1926; Познер С., Как готовилась партия к вооруженному восстанию, «Пролетарская революция», М., 1924, № 12 (35); Протоколы Объединительного съезда РС-ДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906, со вступительной статьей О. А. Варенцовой, М.—Л., 1926; Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии 1905. Полный текст протоколов, с предисловием и под ред. М. Н. Лядова, М., 1924; Пятый съезд партии (лондонский), М., 1923; Сверчков Д., На заре революции, Л., 1926; Троцкий Л., Сочинения, т. II, ч. 1—2 (Наша первая революция), М.—Л., 1926—27; Третий съезд партии, [М.], 1923; 1905, Материалы и документы, под общ. ред. М. Н. Покровского, тт. I—VIII, М.—Л., 1925—1928; Четвертый съезд партии (Объединительный), М., 1923; Чужак Н., Идея вооруженного восстания и большевистская работа в армии, М., 1929.—VII. Большевики в годы реакции и подъема (1908—1914): Адоратский В., Большевизм в годы реакции (В борьбе с ликвидаторством, отзовизмом и троцкизмом) (1908—14), М.—Л., 1927; Бадаев А. Е., Большевики в Государственной думе. Большевистская фракция IV Гос. думы и революционное движение в Петербурге. Воспоминания, [Л.], 1930; его же, «Правда» в годы царизма (Из воспоминаний), Л., 1927; Бош О., Пражская конференция (январь 1912), «Пролетарская революция», М., 1925, № 4 (39); Вейланд О., Августовский блок (1911—14), «Пролетарская революция», М., 1927, № 1 (60); Войтинский Н., Бойкотизм, отзовизм, ультиматизм, «Пролетарская революция», М., 1929, № 8 — 9 (91 — 92); его же, О группе «Вперед» (1909—17), «Пролетарская революция», М., 1927, № 12 (95); Годы реакции (1908—10), в. 1. Материалы по истории Московской окружной организации РС-ДРП, собрал и обработал В. И. Орлов, М., 1925; Гольденберг М., Социально-политическое содержание ликвидаторства, «Пролетарская революция», М., 1928, № 6—7 (67—68); Зиновьев Г., Сочинения, т. III. Борьба за большевизм. Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1910—12), Л., 1924; Из переписки местных организаций с заграничным большевистским центром в 1909, «Пролетарская революция», М., 1928, № 9 (80); Из эпохи «Звезды» и «Правды» 1911—14, в. 1—3, М.—Л., 1921—23; История «Правды» в датах и числах. 1912—27, Л., 1927; Каменев Ю., Две партии, с предисл. Н. Ленина, 2 изд., Л., 1924. Каменев Л. Б., Между двумя революциями.

сборник статей, 2 изд., [М.], 1923; Ленин В. И., Письма В. И. Ленина к Максиму Горькому. 1908—13, Л., 1924; Ленцнер Н., Троцкизм в эпоху реакции, «Пролетарская революция», М., 1927, № 7 (67); Меницкий И. А., Русское рабочее движение и РС-ДРП накануне войны (1912—14), М., 1923; Ольминский М. С., Из эпохи «Звезды» и «Правды», 1911—14, 2 изд., М.—Л., 1929; Остроухова К., Большевистская газета «Звезда», «Пролетарская революция», М., 1928, № 11—12 (82—83); ее же, Группа «Вперед» (1909—17), «Пролетарская революция», М., 1925, № 1 (36); ее же, Социал-демократия и выборы в 3 Государственную думу, «Пролетарская революция», М., 1924, № 2 (25); ее же, Отзовисты и ультиматисты, «Пролетарская революция», М., 1924, № 6 (29); Отчет Российской социал-демократической рабочей партии VIII Международному социалистическому конгрессу в Копенгагене (28 августа — 3 сентября 1910), М. — П., 1923; Плеханов Г. В., Сочинения, т. XIX (борьба против ликвидаторства 1909—14), М.—Л., 1927; Семашко Н., О двух заграничных партийных школах, «Пролетарская революция», М., 1928, № 3 (74); Степанов И., От революции к революции. Сборник статей 1905—15, М.—Л., 1925; 1912—1913 гг.: 1) Доклад о современном положении Российской с.-д. рабочей партии (составлено департаментом полиции), 2) письмо из Кракова к т. Подвойскому, «Пролетарская революция», М., 1923, № 2 (14); Шидловский Г., Петербургский комитет большевиков в конце 1913 и начале 1914 г. (по воспоминаниям и архивным данным), «Красная летопись», Л., 1926, № 2.—VIII. Большевизм в годы империалистской войны (1914 — 1917 гг.): Авдеев Н., Большевистская работа во флоте и в армии накануне Февральской революции, «Пролетарская революция», М., 1924, № 6 (29); Баевский Д., Партия в годы империалистической войны, статья в сборнике. Очерки по истории Октябрьской Революции, т. I, М.—Л., 1927; Бернская конференция 1915: 1) Шкловский Г. Л., Владимир Ильич накануне конференции, 2) Сыромятникова М., Бернская конференция заграничных организаций РС-ДРП(б) в 1915, 3) Воспоминания участников Бернской конференции, «Пролетарская революция», М., 1925, № 5 (40); Волосевич В., Большевизм в годы мировой войны, Л., [1929]; Зиновьев Г., Сочинения, т. VIII. Война и кризис социализма, Л., 1926; его же, Сочинения, т. V. Империалистическая война и банкротство социал-демократии, Л., 1924; Леонтьева Л., В рядах «межрайонки» (1914—17), в приложении—№ 1, от 27 янв. и 31 дек. 1915. «Вперед», «Красная летопись», П., 1924, № 2 (11); Ленин В. И., Письма В. И. Ленина и Н. К. Крупской В. А. Карпинскому, С. Н. Равич, М. М. Харитонову и Г. Л. Шкловскому, сентябрь 1914—март 1917, Ленинский сборник, т. XI, М.—Л., 1929; его же, Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. К. Коллонтай. 1914—17, Л., 1925; Меницкий И., Революционное движение военных годов (1914—17), т. I. Первый год войны (Москва), М., 1925, т. II. Конец 1915 года (Москва), М., 1924; Ольминский М. С., 1915—16 гг. (статьи до революции), М., 1926; Памятники агитационной литературы РС-ДРП, т. VI, 1914—17. Период войны, вып. 1. Прокламации, 1914, М.—П., 1923; Под старым знаменем (сборник статей), 2 изд., П., 1917; «Прилив», сборник статей, [2 изд.], «Коммунист», М.—П., 1919; Рабочее движение в Москве в 1914—1917 (Неизданные архивные материалы со вступительной статьей К. Воиновой), «Пролетарская революция», М., 1923, № 2 (14); Савельев М., «Просвещение» (Марксистский журнал), «Пролетарская революция», М., 1923, № 2 (14); Флеер М. Г., Петербургский комитет большевиков в годы империалистической войны, Л., 1927; Шкловский Г. Л., Циммервальд (5/IX 1915—5/IX 1925 г.), «Пролетарская революция», М., 1925, № 9 (44); Шляпников А., Канун семнадцатого года, Воспоминания и документы о рабочем движении в революционном подполье за 1914—16 гг., ч. 1—2, М., 1924; Юренев И., «Межрайонка» (1911—17), «Пролетарская революция», М., 1924, № 1 (24).—IX. Февральская и Октябрьская революции 1917 г.: Баевский Д., Ленинская и каменевская оценка революции 1917 года, «Пролетарская революция», Москва, 1927, № 12 (71); Бубнов А., Октябрьские бюллетени ЦК большевиков, №№ 1—7, «Пролетарская революция», Москва, 1921, № 1, Бюллетень № 8, «Пролетарская революция», М., 1922, № 4; Бухарин Н. И., На подступах к Октябрю, Статьи и речи. Май—декабрь 1917, М.—Л., 1926; Варѐнцова О., Военное бюро при Московском комитете большевиков (1917 г.), «Пролетарская революция», М., 1927, № 6 (65); Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года, М.—Л., 1927; Горин П., Пролетариат в 1917 г. в борьбе за власть, М.—Л., 1927; Драбкина Ф., Приезд т. Ленина и Мартовское совещание представителей большевистских организаций, «Пролетарская революция», М., 1927, № 4 (63); Зиновьев Г., Сочинения, т. VII, ч. 1—2. Год революции, Л., 1925; Елов Б., После июльских дней [экстренная июльская конференции РС-ДРП(б) Питерской организации], «Красная летопись», П., 1923, № 7; Женевский А., Военная организация РС-ДРП(б) и «Солдатская правда» (Петроград, 1917 г.), «Красная летопись», Л., 1926, № 1 (16); Игнатов Е., Тактика большевиков и Учредительное собрание, «Пролетарская революция», М., 1928, № 4 (75); Ильин-Женевский А. Ф., От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 г., Л., 1927; Кедров М., Всероссийская конференция военных организаций РС-ДРП(б) 17—23 июня (30 июня—6 июля) 1917 г., «Пролетарская революция», М., 1927, № 6 (65); Ленин В. И., Заметки и документы. Ноябрь 1917—май 1918, Ленинский сборник, т. XI, М.—Л., 1929; Материалы по пересмотру партийной программы, под ред. и с предисл. Н. Ленина, П., 1917; Материалы по пересмотру партийной программы, сборник статей В. Милютина, В. Сокольникова, Г. Ломова, В. Смирнова, М., 1917; Милютин В. П., VI съезд партии, «Пролетарская революция», М., 1926, № 11 (58); Ольминский М. С., 1917 год, полное собрание статей из «Правды» и «Социал-демократа», М., 1926; Пашуканис С., Шестой съезд РС ДРП(б), «Пролетарская революция», М., 1927, № 8—9 (67—68); Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Сборник материалов и протоколов, М.—Л., 1927; Петроградская общегородская и всероссийская конференция РС-ДРП(б) в апреле 1917 г., М.—Л., 1925; Подвойский Н., Военная организация ЦК РС-ДРП(б) и Военно-Революционный комитет 1917 г., «Красная летопись», П., 1923, №№ 6 и 8; «Правда», №№ 1—227, 1917, вышло 3 вып., №№ 1—69, Л., 1927—29 (Истпарт); Протоколы второй Московской областной конференции РС-ДРП(б) 1917 г., «Пролетарская революция», М., 1929, № 12 (95); Протоколы заседаний Московского областного бюро (РС ДРП) (май—июнь 1917 г.), «Пролетарская революция», М., 1927, № 4 (63); Протоколы первого легального Петербургского комитета большевиков и Исполнительной комиссии за период с 15 марта по 7 апреля (с 2 по 25 марта) 1917 г., «Пролетарская революция», М., 1927, № 2—3 (61—62); Протоколы первой Московской областной конференции РС-ДРП(б), 19—21 апреля 1917 г., «Пролетарская революция», М., 1929, № 10 (93); Протоколы ЦК РС-ДРП, август 1917 г.—февраль 1918 г., М.—Л., 1929; Рабинович С., Большевистские военные организации в 1917 г., «Пролетарская революция», М., 1928, № 6—7 (77—78); Революция 1917 года (хроника событий), тт. I—VI, М.—Л., 1923—30; 3-го и 5-го июля 1917 г. По неизданным материалам судебного следствия и архива Петербургского комитета РКП, П., 1922; Сталин И. В., На путях к Октябрю. Статьи и речи, март—октябрь 1917, 2 изд., Л., 1925; Станчинский А., Апрельская конференция, Харьков, 1928; Троцкий Л., Сочинения, т. III, ч. 1—2, [1917 г.], М., [1924]; Шестой съезд 8—16 августа (26 июля—3 августа) 1917 г., М.—Л., 1927; Шляпников А., Семнадцатый год, кн. 1—3, М.—Л., 1923—27; Яковлев Я., Вопросы 2 Всероссийского Съезда Советов, «Пролетарская революция», М., 1927, № 12 (71); Ярославский Е., Большевики в Октябре, «Пролетарская революция», М., 1927, № 10 (69); его же, Большевики в февральско-мартовские дни 1917 г., «Пролетарская революция», М., 1927, № 2—3 (61—62); его же, Военная работа РС-ДРП(большевиков), Л., 1927; его же, Партия большевиков в 1917 году, М.—Л., 1927. — X. Первый год диктатуры пролетариата (1918 г.): Ильин-Женевский А. Ф., Большевики у власти. Воспоминания о 1918 г., Л., 1929; Овсянников Н., ЦК РКП и Брестский мир, см. Собрание сочинений В. И. Ленина, 1 изд., т. XV, стр. 573—88; Рахметов В., К истории январских тезисов Ленина 1918 г., «Пролетарская революция», 1929, № 5 (88); Седьмой съезд. Март 1918 года, М.—Л., 1928; Сидоров А., Экономическая программа октября и дискуссия с «левыми коммунистами» о задачах социалистического строительства, «Пролетарская революция», М., 1929, №№ 6 (89) и 11 (94); Стенографические отчеты съездов и конференций. — XI. Оппозиционные течения в ВКП(б): Сталин И., Об оппозиции. Статьи и речи 1921—27 гг., М., 1928; Ярославский Е., Против оппозиции. Сборник статей, М.—Л., 1928; Зоркий М., «Рабочая оппозиция». Материалы и документы 1920—26 гг., М., 1926; Каменев и Зиновьев в 1917 г. Факты и документы, 3 изд., М.—Л. 1927; Сорин В. Л., Партия и оппозиция. Из истории оппозиционных течений, I. Фракция левых коммунистов, М., 1925; его же, Рабочая группа («мясни-

ковщина»), М., 1924; Ярославский Е., «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая правда», 2 издание, М.—Л., 1927; Ленин В. И., Замечания на брошюру Л. Троцкого «Роль и задачи профессиональных союзов», Ленинский сборник, VI, М., 1927; Партия и союзы (К дискуссии о роли и задачах профсоюзов), П., 1921; Дискуссия о профсоюзах. Материалы и документы 1920—21 гг., М.—Л., 1927. Дискуссия 1923 года. Материалы и документы, М.—Л., 1927; За ленинизм. Сборник статей, М—Л., 1925; Об «Уроках Октября». Г. Зиновьев, Л. Каменев, Н. Крупская [и другие], [3 издание], с *приложением* статьи Л. Троцкого «Уроки Октября», Ленинград, 1925; Ленинизм или троцкизм, с прилож. «Уроков Октября» Троцкого и его писем к Чхеидзе, Урицкому и Ольминскому, 2 издание, М., 1925; Скворцов-Степанов. Политический борец, Сборник статей И. И. Скворцова-Степанова за 1925 — 28 гг., М.—Л., 1930; Платформа Шляпникова и Медведева, М., 1927; За линию партии. Сборник статей из «Правды» к XIV партийному съезду, М., 1926; Ярославский Е., Мистер Троцкий на службе буржуазии или первые шаги Л. Троцкого за границей, М.—Л., 1929; Виноградова С., Логика фракционной борьбы. Зиновьев и Каменев против троцкистской оппозиции. Статьи и речи из недавнего прошлого (1923—25 гг.), [2 издание], М.—Л., [1928]; Дискуссия 1925 года. Материалы и документы, М.—Л., 1929; Ровинский Л. и Слепков А., Партия против оппозиции. Сборник статей и документов, М.—Л., 1927; Партия и оппозиция. Накануне XV съезда ВКП (б), Сборник дискуссионных материалов, в. 1—4, М.—Л., 1928; Новая оппозиция. Сборник материалов о дискуссии 1925 года, Л., 1926; Против правой опасности и примиренчества, Сборник, М.—Л., 1929; Ленин В. И., Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» (май 1920 г.), Ленинский сборник, т. XI, М.—Л., 1929; Сорин В. Л., О разногласиях Бухарина с Лениным. Краткий очерк для молодых членов партии, М., 1930.—Журналы и сборники: Группа «Освобождение труда», под ред. Л. Г. Дейча, вышло 6 сборников, М.—Л., 1924—28; «Записки Института Ленина», вышло 3 выпуска, М., 1928—29, издание прекратилось; Историко-революционные сборники, под ред., В. И. Невского, вышло 3 тт., М.—Л., 1924—26; «Красная летопись», Л., журн. Ленинградского Истпарта, издается с 1922; Ленинские сборники, М., Институт Ленина, вышло 13 тт., 1924—30. Указатель к Ленинским сборникам, томы I—VII, М., 1928; «Летопись революции», журн. Истпарта КП(б) Украины, с 1928., на укр. яз., Харьков; «Пролетарская революция», орган Ин-та Ленина, издается с 1921, до № 10 1928 орган Истпарта ЦК ВКП(б). — Указатели и биографические словари: Братская могила. Биографический словарь умерших и погибших членов Московской организации РКП, 2 в., Москва, 1923; Булгакова Л. В., Материалы для библиографии Ленина, 1917—23, Л., 1924; Горин П. И. и Тамаркин М., Таблицы по истории ВКП(б) и революционного движения в России; Синхронология событий с 1898 по 1917 гг., 3 издание, М.—Л., 1929; Деятели СССР и Октябрьской Революции (*автобиографии и биографии*), Энциклопедический словарь Гранат, том XLI, ч. 1—3; Каменев Л., Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке 1888—1905 гг., М., 1922; Ко дню 50-летия со дня рождения В. И. Ульянова-Ленина, М., 1920; Легальная социал-демократическая литература в России за 1906 — 14 годы (библиография), под ред. Г. Бешкина, М., 1924; Ленин и ленинизм. Алфавитно - предметный указатель литературы в библиотеке Коммунистической академии, М., 1928; Лениниана: Библиографические обзоры русской литературы за 1924—28 гг., тт. I—V, М.—Л., 1926—30 (Ин-т Ленина); Невский В., Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 гг., выпуск 1. А—Д, М.—П., 1923; Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1924 гг., сост. Л. Лежава и Г. Русаков, М.—Л., 1925; Предметный указатель к первому изданию Сочинений В. И. Ленина, М.—Л., 1930 (Ин-т Ленина).—Меньшевистская литература: Дан Ф., Из истории рабочего движения и социал-демократии в России 1900 — 04, [СПБ], s. a.; Ерманский О. А., Из пережитого (1887 — 1921), М.—Л., 1927; За два года. Сборник статей из «Искры», ч. 1—2, СПБ, 1906; Захарова-Цедербаум К. И. и Цедербаум С. И., Из эпохи «Искры» (1900—05), М.—Л., 1926; Левицкий В., За четверть века. Революционные воспоминания, том I, ч. 1, 1892—1901, ч. 2, 1901—03, М.—Л., 1926—27; Мартов Ю., Записки социал-демократа, М., 1924; Мартов Л., История российской социал-демократии, М.—Л., 1925; Общественное движение в России в начале 20 в., под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, тт. I—IV, СПБ, 1909—12; Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, 2 тт., М., 1925; Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, Берлин, s. a.; Социал-демократическое движение в России. Материалы под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского, т. I, М.—Л., 1928.

Статистические сведения о ВКП(б)

1. Динамика численного состава ВКП (б).

К началу 1905	8.400	По исчислениям Статотдела ЦК
» » 1917	23.600	То же
Апрель 1917	40.000	В отчетах Апрельской конференции указано 79.000
Август 1917	200.000	По материалам VI съезда
К началу 1918	115.000	По исчислениям Статотдела ЦК
» » 1919	251.000	То же
Март 1919	313.766	По материал. VIII съезда партии
К началу 1920	431.400	По исчислениям Статотдела ЦК
Март 1920	611.978	По материалам IX съезда партии
К началу 1921	585.000	По исчислениям Статотдела ЦК
Март 1921	730.000	По материалам X съезда партии
К началу 1922	514.800	По данным переписи 1922
» » 1923	485.600	По данным текущей статистики ЦК
» » 1924	472.000	То же
» » 1925	798.804	То же
» » 1926	1.078.185	То же
» » 1927	1.147.074	По данным партпереписи 1927
» » 1928	1.304.471	По данным текущей статистики ЦК
» » 1929	1.532.362	То же
» » 1930	1.674.910	То же

Примечание. С 1905 по 1921 включительно сведения учитывают только членов партии. С 1922 цифры показывают уже членов партии и кандидатов.

Понижение численности коммунистов после 1921 объясняется чисткой партии от чуждых ей элементов, проводившейся в 1921. Колоссальный рост ВКП(б) в 1924 и 1925—результат «Ленинских призывов» (I и II) рабочих в партию после смерти В. И. Ленина.

2. Соотношение членов партии и кандидатов в ВКП (б).

Время	Членов партии	Кандидатов	Членов партии	Кандидатов
	в абсол. числах		в %	
Янв. 1922 . .	410.400	117.900	77,7	22,3
» 1923 . .	381.400	117.700	76,4	23,7
» 1924 . .	350.000	122.000	74,2	25,8
» 1925 . .	420.670	351.370	54,5	45,5
» 1926 . .	638.355	439.830	59,2	40,8
» 1927 . .	774.798	372.276	67,7	32,3
» 1928 . .	913.221	391.250	70,0	30,0
» 1929 . .	1.089.661	442.686	71,1	28,9
» 1930 . .	1.182.320	492.590	70,6	29,4

Чистка партии в 1921 в большей мере коснулась кандидатского состава партии, поэтому % кандидатов партии снизился до 22,3. После Ленинских наборов (1924—25) число кандидатов значительно возросло, возрос и % их в общей массе коммунистов.

3. Наиболее крупные факторы изменения численности ВКП(б) после 1917:

1. Чистка 1921 уменьшила организацию на 175 т.
2. «Ленинский призыв» 1924 дал партии новых 203 т. коммунистов-пролетариев.
3. «Октябрьский набор» 1927 дал партии 108.070 кандидатов.
4. «Ленинский призыв» 1930 дал партии более 150 тыс. кандидатов.

4. Удельный вес ВКП(б) в населении страны.

Сравнительный рост населения СССР и ВКП(б) (1924 принят за 100)

Годы	Насел. СССР	Числ. ВКП(б)	Годы	Насел. СССР	Числ. ВКП(б)
1924 . . .	100,0	100,0	1927 . . .	107,1	243,0
1925 . . .	102,2	163,6	1928 . . .	109,5	276,4
1926 . . .	104,5	228,4	1929 . . .	112,0	324,6

Численность коммунистов на 10 тыс. взрослого населения СССР

Годы	Числен.	Годы	Числен.
1922	77 ком.	1927	146 ком.
1925	111 »	1928	168 »
1926	145 »	1929	192 »

Удельный вес коммунистической партии в населении страны за 6 лет увеличился в $2^1/_2$ раза.

5. Социальная характеристика состава ВКП (б)

[по данным Статотдела ЦК ВКП(б) на 1/I 1930].

Группы	Абс.	В %
Социальный состав коммунистов:		
Рабочих	1.094.506	65,3
Крестьян	338.809	20,2
Служащих	224.397	13,4
Прочих	17.198	1,1
Итого	1.674.910	100,0
Род занятий:		
Рабочие фаб.-зав.	437.929	26,1
Транспортные	160.308	9,6
С.-х. и батраки	49.878	3,0
Проч. наемные	61.356	3,6
Младший обслуж. персонал в производстве	17.893	1,1
Всего рабочих . .	727.364	43,4
Крестьяне, занятые в индивидуальном с.х.	96.661	5,8
Занятые в коллективном хоз. .	92.406	5,5
Всего крестьян .	189.067	11,3
В т. ч. совмещающих ведение с. х. с выборной платной работой	35.977	2,1
Служащих	472.090	28,2
Младший обслуж. персонал в учреждениях	17.523	1,1
Кустари и ремесленники	3.300	0,2
Учащиеся	93.800	5,6
Военные*	134.276	8,0
Безработные	20.363	1,2
Прочие	17.127	1,0
Итого	1.674.910	100,0

* Вместе с милицией, войсками ОГПУ.

6. Динамика социального состава ВКП (б).

Годы		Рабочих	Крестьян	Служащих и пр.
1905	в %	61,7	4,7	33,6
1917	» %	60,2	7,6	32,2
1918	» %	56,9	14,5	28,6
1919	» %	47,8	21,8	30,4
1920	» %	43,8	25,1	31,1
1921	» %	41,0	28,2	30,8
1922	абс.	171.625	102.997	111.691
	в %	44,4	26,7	28,9
1923	абс.	154.920	88.673	101.441
	в %	44,9	25,7	29,4
1924	абс.	196.339	128.358	121.392
	в %	44,0	28,8	27,2
1925	абс.	453.141	211.700	133.961
	в %	56,7	26,5	17,8
1926	абс.	612.202	278.706	185.906
	в %	56,8	25,9	17,3
1927*	абс.	637.768	217.411	288.874
	в %	55,7	19,0	25,3
1928	абс.	740.731	299.091	264.649
	в %	56,8	22,9	20,3
1929	абс.	940.136	333.287	258.924
	в %	61,4	21,7	16,9

* Данные партпереписи 1927.

За период 1905—21 абсолютных цифр не имеется. Приведенные сведения состава организации (в %) даны по исчислениям Статотдела ЦК. Кроме того, до 1924 (исключительно) сведения даются только о членах партии; с 1924—о членах партии и кандидатах. В данные о 1923 и 1924 не входят коммунисты Красной армии и советских учреждений за границей.

В результате чистки партии в 1921, «Ленинских призывов» в 1924 и 1925 и последующей линии партии в отношении приема в кандидаты, социальный состав организации значительно изменился в сторону увеличения числа рабочих.

7. Число принятых в кандидаты и их социальный состав.

Время	Число принятых	Их социальный состав (в %)			Примечание
		рабочие	крестьяне	служ. и пр.	
1924 I полугодие	212.330	92,4	5,8	1,8	1-й Ленинский призыв
1924 II »	103.878	64,5	22,2	13,3	
За весь год	316.208	83,3	11,1	5,6	
1925	321.862	54,8	29,5	15,7	2-й Ленинский призыв
1926	167.184	48,4	38,8	12,3	
1927	176.180	70,2	23,9	5,9	
1928	262.043	73,4	21,9	4,7	
1929	297.630	81,2	17,1	1,7	

«Ленинские призывы» 1924 и 1925 значительно увеличили ежегодное число принимаемых партией кандидатов. В дальнейшем (1926) сказалась частичная «исчерпанность» рабоч., готовых к вступлению в партию; отсюда и уменьшение числа принятых в 1926 и ухудшение их социальн. состава. Октябрьский призыв 1927 увеличил и число принятых и улучшил социальн. состав их.

8. Наиболее крупные пролетарские центры СССР и крупнейшие партийные организации.

Наименование городов	Численность населения*	Численность коммунистов**
Москва	2.025.947	91.647
Ленинград	1.614.008	82.245
Баку	452.789	18.976
Харьков	417.186	16.179
Киев	513.789	10.838
Ростов-на-Дону	308.284	10.183
Нижний-Новгород (с Канавиным и Сормовым)	230.428	9.796
Днепропетровск	233.001	9.735
Одесса	420.888	9.250
Артемовский округ	318.188 (городское население)	13.706 } окр. орг-ция
Сталинский округ	105.835 (г. Сталин)	12.853 } окр. орг-ция
Луганский округ	71.864 (г. Луганск)	12.097 } окр. орг-ция
Тифлис	292.973	9.098
Пермь	84.815	8.885 (с рабочими районами)
Ташкент	323.613	7.865
Саратов	215.369	7.173
Тула	152.677	7.011
Сталинград	148.370	5.648
Иваново-Вознесенск	111.443	5.669
Свердловск	136.404	5.319

* Данные переписи 1926.
** Данные партпереписи 1927.

9. Коммунистическая прослойка в промышленных предприятиях СССР по отраслям труда
(по данным партпереписи 1927).

Отрасли промышленности	Численность занятого в предприятиях персонала в % к числу занятых во всей промышленности	Ком. прослойка в % среди всех работающих в промышленности
Всего по СССР	100,0	11,6
Нефтяная пром-сть	2,0	18,0
Полиграфическое производство	2,6	17,9
Кожевенная и меховая пром-сть	1,5	16,9
Производство и передача физ. сил и водоснабжение	1,7	16,8
Художеств. и прикладная научная пром-сть	0,2	16,1
Одежда и туалет	3,1	15,2
Соляная пром-сть	0,2	15,1
Пищевкусовая пром-сть	9,4	14,6
Обработка твердых материалов животн. происхождения	0,2	14,5
Металлообрабатывающая пром-сть	26,5	13,8
Химическая пром-сть	3,8	13,6
Обработка бумаги	1,5	13,2
Обработка дерева	4,3	10,6
Рудная пром-сть	2,0	9,5
Каменноугольная промышленность	9,5	9,2
Добывание и обработка минералов	5,3	8,9
Текстильная пром-сть	25,8	7,3

10. Число промышленных рабочих и число коммунистов среди них по отраслям труда

(по данным партпереписи 1927).

Профессии	Абсол. цифры: коммунисты	Абсол. цифры: все рабочие	В % к итогу: коммунисты	В % к итогу: все рабочие
Металлисты	82.359	606.080	33,5	26,0
Текстильщики	39.731	642.315	16,2	27,6
Горняки	30.610	337.349	12,4	14,5
Пищевики	25.649	194.314	10,4	8,3
Химики	11.328	84.456	4,6	3,6
Швейники	10.596	72.872	4,3	3,1
Печатники	10.234	57.932	4,2	2,5
Минеральщики	9.293	127.372	3,8	5,5
Деревообделочники	8.841	97.081	3,6	4,2
Кожевники	5.550	33.683	2,3	1,4
Писчебумажники	4.283	35.547	1,7	1,5
Прочие	7.266	41.967	2,9	1,8
Всего	245.740	2.330.968	100,0	100,0

12. Среднее число коммунистов на одну ячейку.

Типы ячеек	1922	1929
Фабрично-заводские	18	67
Транспортные	21	69
Военные	21	16
Учрежденческие	20	35
Деревенские	10	14
Вузовские	34	62
В среднем по всем ячейкам	18	29

11. Связь с с. х-вом коммунистов-рабочих промышленности СССР

(по данным партпереписи 1927).

Отрасли труда	Имеют связь с землей: абсолют. число	Имеют связь с землей: в % к числу рабочих-коммун.	Из них участв. лич. трудом в с. х-ве: абсолют. число	Из них участв. лич. трудом в с. х-ве: %	Из них оказывают ден. помощь: абсолют. число	Из них оказывают ден. помощь: %
Строители	950	15,9	204	3,4	690	11,6
Пищевики	1.766	15,4	640	5,6	1.022	8,9
Местн. транспорт	952	14,8	384	6,0	493	7,7
Деревообделочники	1.217	13,7	317	3,6	815	9,2
Горнорабочие	1.544	13,4	413	3,6	1.002	8,7
Текстильщики	2.355	11,1	850	4,0	1.369	6,5
Рабочие силовых установок	1.613	10,0	594	3,7	900	5,6
Минеральщики	369	9,9	173	4,6	185	4,9
Кожевники	759	9,7	135	1,7	567	7,2
Химики	406	9,5	78	1,8	298	7,0
Металлисты	6.347	9,2	1.584	2,3	4.319	6,3
Писчебумажники	186	8,3	59	2,6	111	5,0
Печатники	637	6,6	77	0,8	526	5,5
Швейники	231	4,9	33	0,7	185	3,9
Табачники	47	2,7	8	0,5	38	2,2
Прочие	3.639	11,7	1.170	3,8	2.148	6,9
Все вместе	23.018	10,7	6.719	3,1	14.668	6,8

Из 100 рабочих-коммунистов поддерживают связь со своим сельским хозяйством лишь 10—11 человек. В тех областях труда, где требуется меньшая квалификация, связь с землей шире, так как свободные рабочие силы деревни в первую очередь наполняют эти отрасли промышленности.

12а. Численность ячеек по типам.

Годы		Всего ячеек	Кроме того, канд. групп	Фаб.-зав.	Транспорт	Воен.	Учрежден.	Деревен.	Вузов и пр.
1922 (партийная перепись)	абс.	32.281	—	3.053	1.732	6.013	4.989	14.983	1.511
	в %	100,0	—	9,4	5,4	18,6	15,5	46,4	4,7
1924	абс.	28.785	—	3.445	1.054	4.412	4.242	14.630	1.003
	в %	100,0	—	12,0	3,7	15,3	14,7	50,8	3,5
1925	абс.	30 834	—	4.788	1.933	5.282	4.043	13.879	969
	%	100,0	—	15,5	6,3	17,1	13,1	45,1	2,1
1926	абс.	34.978	1.502	5.455	1.860	5.830	5.167	15.819	747
	в %	100,0	—	15,6	5,3	16,7	14,8	45,2	2,4
1927 (партийная перепись)	абс.	38.783	3.427	6.110	2.252	6.102	6.204	17.456	659
	в %	100,0	—	15,7	5,8	15,7	16,0	45,0	1,8
1928	абс.	46.433	3.452	7.384	2.706	6.640	7.405	20.930	1.468
	в %	100,0	—	15,9	5,8	14,3	15,7	45,1	3,2
1929	абс.	51.885	3.897	8.881	2.915	6 876	8.148	23.458	1.607
	в %	100,0	—	17,1	5,6	13,3	15,7	45,2	3,1

Параллельно росту числа рабочих в организации, возрастает и число рабочих ячеек. Эти же ячейки имеют и самую большую среднюю численность одной ячейки. Деревенские ячейки хотя и составляют почти половину всех организаций, но в то же время они самые малочисленные. Вузовские ячейки—наикрупнейшие, но число их весьма незначительно. База партии—рабочие ячейки и по численности в них коммунистов и по размерам ячейки.

13. Партийный стаж членов партии
(по данным партпереписи 1927).

Годы	Абс.	В %
1904 и ранее	2.046	0,3
1905—09	3.219	0,4
1910—16	3.690	0,4
1917	30.219	3,9
1918	49.203	6,4
1919	82.308	10,7
1920	91.945	11,9
1921	32.413	4,2
1922	10.241	1,3
1923	11.642	1,5
1924	101.465	13,1
1925	218.706	28,3
1926	134.994	17,5
1927	423	0,1
Неуказавших	706	—
Итого	773.220	100,0

14. Возраст коммунистов
(по данным партпереписи 1927).

Возраст	Абс.	В %
19 л. и моложе	9.703	0,8
20	22.800	2,0
21—22	89.821	7,9
23—24	166.678	14,6
25—29	325.567	28,5
30—34	224.338	19,7
35—39	141.176	12,3
40—44	86.770	7,6
45—49	44.092	3,8
50—54	20.828	1,8
55—59	7.994	0,7
60 л. и старше	3.906	0,3

15. Национальный состав ВКП (б)
(по данным партпереписи 1927).

Национальности	Абс.	В %	Национальности	Абс.	В %	Примечание
Русских	743.167	65,00	Мордвы	3.892	0,34	Всего среди коммунистов ВКП(б) имеется 132 народности.
Украинцев	134.030	11,72	Чувашей	3.818	0,33	
Евреев	49.511	4,33	Туркмен	2.998	0,26	
Белоруссов	36.420	3,19	Киргиз	2.690	0,24	
Армян	19.019	1,66	Башкир	2.446	0,21	
Грузин	16.985	1,49	Финнов	2.007	0,18	
Татар	15.646	1,37	Зырян	1.711	0,15	
Узбеков	13.585	1,19	Таджиков	1.370	0,12	
Латышей	13.336	1,17	Бурят	1.161	0,10	
Поляков	12.181	1,07	Кабардинцев	1.154	0,10	
Казаков	12.041	1,05	Марийцев	1.123	0,10	
Тюрков	11.237	0,98	Вотяков	878	0,08	
Немцев	5.561	0,49	Калмыков	863	0,08	
Осетин	4.570	0,40	Карел	745	0,07	
Эстонцев	4.044	0,35	Якут	349	0,03	

16. Состав делегатов партийных съездов.

Съезды	Всего делегатов	Из них с решающ. гол.	Вошло в разработку*	Социальное положение				Партийный стаж										
				рабочих	крестьян	служащ. и прочих	без указания	до 1898	1898—1900	1901—03	1904—05	1906—07	1908—16	1917	1918—20	1921—23	1924 и позже	без указания
I	9	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
II	57	43	51	3	—	40	8	29	19	3	—	—	—	—	—	—	—	—
	100,0	75,4	100,0	5,9	—	78,4	15,7	56,9	37,2	5,9	—	—	—	—	—	—	—	—
III	38	24	30	1	—	28	1	12	11	7	—	—	—	—	—	—	—	—
	100,0	63,2	100,0	3,3	—	93,4	3,3	40,0	36,7	23,3	—	—	—	—	—	—	—	—
IV	159	111	145	36	1	108	—	41	34	51	19	—	—	—	—	—	—	—
	100,0	69,8	100,0	24,8	0,8	74,4	—	28,3	23,5	35,1	13,1	—	—	—	—	—	—	—
V	336	305	336	116	2	218	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	100,0	90,8	100,0	34,5	0,6	64,9	—	—	—	53,6	46,4	—	—	—	—	—	—	—
VI	264	157	171	70	—	101	—	11	5	26	40	18	68	3	—	—	—	—
	100,0	59,5	100,0	40,9	—	59,1	—	6,4	2,9	15,2	23,4	10,5	39,8	1,8	—	—	—	—
VII	69	29	30	4	—	26	—	4	3	12	2	6	3	—	—	—	—	—
	100,0	42,0	100,0	13,3	—	86,7	—	13,3	10,0	40,0	6,7	20,0	10,0	—	—	—	—	—
VIII	403	301	305	108	—	197	—	—	—	62	62	25	84	72	—	—	—	—
	100,0	74,7	100,0	35,4	—	64,6	—	—	—	20,3	20,3	8,2	27,6	23,6	—	—	—	—
IX	716	554	530	270	24	236	—	—	—	56	68	36	99	226	40	—	—	5
	100,0	77,4	100,0	51,0	4,5	44,5	—	—	—	10,6	12,8	6,8	18,7	42,6	7,6	—	—	0,9
X	938	690	690	257	21	396	16	—	—	—	60	64	120	175	262	—	—	9
	100,0	73,6	100,0	37,3	3,0	57,4	2,3	—	—	—	8,7	9,3	17,4	25,3	38,0	—	—	1,3
XI	687	522	522	250	37	235	—	—	—	—	68	68	116	136	132	2	—	—
	100,0	76,0	100,0	47,9	7,1	45,0	—	—	—	—	13,0	13,0	22,2	26,1	25,3	0,4	—	—
XII	827	410	408	216	8	184	—	—	—	—	66	77	99	89	76	—	—	1
	100,0	49,6	100,0	52,9	2,0	45,1	—	—	—	—	16,2	18,9	24,3	21,8	18,6	—	—	0,2
XIII	1.165	748	748	473	40	235	—	—	—	—	96	90	178	172	203	9	—	—
	100,0	64,2	100,0	63,2	5,4	31,4	—	—	—	—	12,9	12,0	23,8	23,0	27,1	1,2	—	—
XIV	1.307	665	665	413	39	213	—	—	—	—	75	88	133	156	193	13	7	—
	100,0	50,9	100,0	62,1	5,9	32,0	—	—	—	—	11,3	13,2	20,0	23,5	29,0	2,0	1,0	—
XV	1.654	896	896	637	51	208	—	21		26	67	43	182	196	302	19	40	—
	100,0	54,2	100,0	71,1	5,7	23,2	—	2,3		2,9	7,5	4,8	20,3	21,9	33,7	2,1	4,5	—

* До VIII съезда голоса решающие и совещательные; с IX—решающие.

17. Состав членов и кандидатов в члены ЦК РС-ДРП (б) и ВКП (б)
(по протоколам партсъездов и по «Ленинским сборникам»).

Съезды	Всего членов ЦК и кандидатов в члены ЦК			Из них																
	всего	в т. ч.		по соц. полож.			по партстажу							по возрасту						
		членов ЦК	кандидатов	рабочие	крестьяне	служ. и пр.	до 1898	1898—1900	1901—03	1904—05	1906—07	1908—16	1917 и позже	до 29 л.	30—34	35—39	40—44	45—49	50 л. и старше	без указания
I																				
II	5	5	—	—	—	5	5	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	1	1	—
	100,0	100,0	—	—	—	100,0	100,0	—	—	—	—	—	—	—	60,0	—	—	20,0	20,0	—
III	8	5	3	—	—	8	5	2	1	—	—	—	—	3	2	2	—	—	—	1
	100,0	62,5	37,5	—	—	100,0	62,5	25,0	12,5	—	—	—	—	37,5	25,0	25,0	—	—	—	12,5
IV	10	10	—	—	—	10	6	2	2	—	—	—	—	4	1	2	—	—	—	3
	100,0	100,0	—	—	—	100,0	60,0	20,0	20,0	—	—	—	—	40,0	10,0	20,0	—	—	—	30,0
V	16	16	—	1	—	14*	8	4	2	—	—	—	2**	4	1	2	2	7	—	—
						6,2													—	—
	100,0	100,0	—	6,3	—	87,5	50,0	25,0	12,5	—	—	—	12,5	25,0	6,2	12,5	12,5	43,8	—	—
VI	25	24	1	3	—	22	2	5	9	4	3	2	—	3	11	5	4	2	—	—
	100,0	96,0	4,0	12,0	—	88,0	8,0	20,0	36,0	16,0	12,0	8,0	—	12,0	44,0	20,0	16,0	8,0	—	—
VII	23	15	8	5	—	18	4	5	8	3	3	—	—	1	7	8	4	2	1	—
	100,0	65,2	34,8	21,7	—	78,3	17,4	21,7	34,8	13,1	13,0	—	—	4,4	30,4	34,8	17,4	8,7	4,3	—
VIII	27	19	8	8	—	19	4	6	6	5	5	1	—	2	4	10	5	5	1	—
	100,0	70,4	29,6	29,6	—	70,4	14,8	22,2	22,2	18,5	18,5	3,7	—	7,4	14,8	37,1	18,5	18,5	3,7	—
IX	31	19	12	12	—	19	4	7	6	5	7	2	—	3	6	10	8	3	1	—
	100,0	61,3	38,7	38,7	—	61,3	12,9	22,6	19,4	16,1	22,6	6,4	—	9,7	19,4	32,2	25,8	9,7	3,2	—
X	40	25	15	16	—	24	6	5	5	10	9	5	—	2	12	13	9	2	2	—
	100,0	62,5	37,5	40,0	—	60,0	15,0	12,5	12,5	25,0	22,5	12,5	—	5,0	30,0	32,5	22,5	5,0	5,0	—
XI	45	26	19	20	—	25	5	6	5	13	6	9	1	5	11	15	7	6	1	—
	100,0	57,8	42,2	44,4	—	55,6	11,1	13,3	11,1	28,9	13,4	20,0	2,2	11,1	24,5	33,3	15,6	13,3	2,2	—
XII	57	40	17	26	—	31	6	5	11	12	10	9	4	4	13	19	12	4	5	—
	100,0	70,2	29,8	45,6	—	54,4	10,5	8,8	19,3	21,1	17,5	15,8	7,0	7,0	22,8	33,3	21,1	7,0	8,8	—
XIII	87	53	34	46	—	41	6	7	15	15	12	25	7	6	21	30	13	11	6	—
	100,0	60,9	39,1	52,9	—	47,1	6,9	8,0	17,3	17,3	13,8	28,7	8,0	6,9	24,1	34,5	15,0	12,6	6,9	—
XIV	106	63	43	58	—	48	6	9	17	17	12	37	8	4	21	35	24	13	9	—
	100,0	59,4	40,6	54,7	—	45,3	5,7	8,5	16,0	16,0	11,3	34,9	7,5	3,8	19,8	33,0	22,6	12,3	8,5	—
XV	121	71	50	67	—	54	5	11	14	23	12	46	10	2	16	38	34	15	15	1
	100,0	58,7	41,3	55,4	—	44,6	4,1	9,1	11,6	19,0	9,9	38,0	8,3	1,7	13,2	31,4	28,1	12,4	12,4	0,8

* Кроме того, 1 без указания соц. положения.
** » » 2 » » партстажа.

18. Сведения о руководящем составе партийных комитетов ВКП(б)

(по перевыборам в конце 1927).

Социальный состав и партстаж	ЦК нацкомпартий	обласкомы	губкомы	окружкомы	секретари ячеек
Число парткомов	6	15	36	131	—
В них членов парткомов	407	876	1.840	5.957	31.347
Социальный состав (в %)					
Рабочих	47,7	44,7	61,1	61,5	40,8
Крестьян	9,9	20,3	14,8	17,8	39,7
Служащих	41,9	33,1	23,7	19,9	19,5 (служащих и прочих)
Прочих	0,5	1,9	0,4	0,8	
Партстаж (в %)					
До 1917	22,6	12,1	11,9	5,2	0,8
1917—18	34,3	30,6	30,5	24,4	38,5 (1917—20)
1919—20	23,9	33,3	24,6	35,0	
1921—23	9,5	5,9	5,6	8,2	9,8
1924 и позже	9,7	18,1	27,4	27,2	50,9

19. Парторганизация и комсостав Красной армии.

Партийность комсостава (без младшего).

Процент партнасыщенности			
1920	10,5	1925	40,8
1921	20,0	1926	42,9
1922	22,5	1927	48,1
1923	29,6	1928	49,7
1924	30,6	1929	51,1

Партнасыщенность комсостава по груп. в 1929 (в %)	
Высший	41,6
Старший	39,2
Средний	54,6

Социальный состав командиров РККА (без младших) в 1929 (в %)	
Рабочих	29,4
Крестьян	34,4
Служащих	25,2
Прочих	11,0
Всего	100,0

Должностной состав парторганизации Красной армии (данные на январь)

Группы	1925 абс.	1925 в %	1929 абс.	1929 в %
Комсостав	18.106	31,4	45.419	48,8
Политсостав	14.155	24,5	11.266	12,1
Курсанты и слушатели вузов	11.909	20,6	10.774	11,6
Красноармейцы	9.412	16,3	21.936	23,6
Остальные	4.105	7,2	3.578	3,9
Всего	57.687	100,0	92.973	100,0

20. Состав органов Советской власти по СССР

(по материалам Центральной избирательной комиссии ЦИК СССР после перевыборов 1929).

Органы Советской власти	Всего *	Из них женщин	Социальное положение: Рабочие	Социальное положение: Крестьяне	Социальное положение: Служащие и прочие	Партийность: Члены и кандидаты ВКП(б)	Партийность: Члены и кандидаты ВЛКСМ	Партийность: Беспартийные
Сельсоветы	1.447.928	272.735	126.376	1.220.716	99.401	144.348	92.744	1.204.007
%	100,0	18,8	8,7	84,4	6,9	10,0	6,4	83,6
Председатели сельских советов	68.580	4.951	5.662	60.255	2.347	22.064	5.027	41.299
%	100,0	7,2	8,3	88,3	3,4	32,3	7,3	60,4
Горсоветы	117.861	28.909	62.673	5.295	49.464	53.787	8.826	53.994
%	100,0	24,6	53,4	4,5	42,1	46,1	7,6	45,6
Районные и волостные исполкомы	66.232	12.815	14.292	36.295	15.373	35.179	4.347	26.403
%	100,0	19,4	21,7	39,7	38,6	53,4	6,6	40,0
Председатели РИК и ВИК	3.781	191	992	1.556	1.241	3.639	29	112
%	100,0	5,1	26,3	41,2	32,5	96,3	0,8	2,9
Окружные и уездные исполкомы	14.383	2.269	5.555	3.591	4.938	9.670	405	4.064
%	100,0	16,1	39,4	25,5	35,1	68,4	2,9	28,7
Председатели окрисполкомов и уиков	341	10	132	49	159	339	—	1
%	100,0	2,9	38,8	14,4	46,8	99,7	—	0,3
Областные и краев. исполкомы РСФСР	947	133	466	119	352	710	5	232
%	100,0	14,0	49,2	12,6	37,9	75,0	0,5	24,5
Губернские исполкомы РСФСР	1.076	222	600	143	333	743	11	320
%	100,0	20,6	55,8	13,2	31,0	69,2	1,0	20,8
Исполкомы автоном. областей РСФСР	680	99	148	226	306	481	13	186
%	100,0	14,5	21,8	33,2	45,0	70,8	1,9	27,3
Исполкомы автон. республик РСФСР	1.032	144	299	200	527	736	31	252
%	100.0	14,0	29,1	19,5	51,4	72,3	3,0	24,7
ВЦИК	550	89	286	118	146	398	—	152
%	100,0	16,2	52,0	21,5	26,5	72,4	—	27,6
ЦИК СССР	889	137	410	184	289	635	3	249
%	100,0	15,4	46,5	20,8	32,7	71,6	0,3	28,1

* Включая и нераспределенных по социальному положению и партийности.

21. Руководящий состав хозяйственных органов.

Партийность.

Среди председателей и членов правлений трестов ВСНХ СССР было:

Время	Коммунистов		Беспартийных		Всего	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
XIV съезда партии	207	73,7	74	26,3	281	100,0
XV съезда партии	199	75,1	66	24,9	265	100,0

В правлениях синдикатов

Время	Коммунистов		Беспартийных		Всего	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
XIV съезда партии	66	81,5	15	18,5	81	100,0
XV съезда партии	87	82,9	18	17,1	105	100,0

Среди директоров крупных предприятий ВСНХ

Время	Коммунистов		Беспартийных		Всего	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
XIV съезда партии	95	95,0	5	5,0	100	100,0
XV съезда партии	95	96,9	3	3,1	98	100,0

% рабочих среди директоров

Время	Союзные тресты		Республик. тресты	
	абс.	в %	абс.	в %
На 1/VII 1926	302	54,1	69	48,9
» 1/VII 1927	442	64,5	84	67,7

22. Численность и социальный состав комсомольцев-коммунистов

[по данным Статотдела ЦК ВКП(б) на 1/I 1930].

Всего коммунистов - комсомольцев—267.148, или 15,9% к численности ВКП(б)

Социальный состав коммунистов-комсомольцев (по данным партпереписи 1927)

Социальные группы	Абс.	В %
Рабочих	108.403	53,9
Крестьян	46.538	23,2
Служащих	40.732	20,3
Прочих	5.260	2,6

Род занятий коммунистов-комсомольцев

Соц. и проф. группы	Абс.	В %
Рабочих	51.794	25,8
Крестьян	15.282	7,6
Служащих	61.321	30,5
Учащихся	22.418	11,1
Военных	34.891	17,4
Прочих	15.227	7,6
Итого	200.933	100,0

23. Численность и социальный состав женщин в ВКП(б)

[по данным Статотдела ЦК ВКП(б) на 1/I 1930].

Всего женщин в ВКП(б)	В % к численности ВКП(б)
219.338	14,0

Социальный состав коммунисток

Соотношения	Работниц	Крестьянок	Служащ.	Проч.
Абс.	136.825	30.838	43.702	7.973
В %	62,4	14,1	19,9	3,6

Род занятий коммунисток

Соц. и проф. группы	Абсол.	В %
Фабрично-заводских, транспортных и прочих наемных работниц	90.240	41,1
Батрачек и сельхозработниц	7.682	3,5
Младш. обслуж. персонала в производстве	6.085	2,8
Крестьянок	19.906	9,1
Служащих	66.380	30,3
Прочих	29.045	13,2